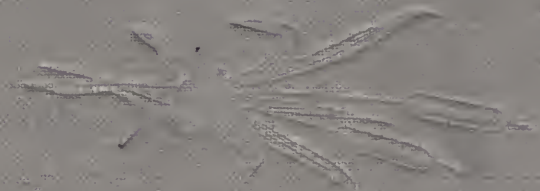
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324720 2



Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакціею и съ біографическимъ очеркомъ
П. В. Быкова и съ приложеніемъ портрета
К. М. Станюковича.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1907.

PG
3470
S75
1906
t. 11

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Измайл. пр., № 29.

LIBRARY
JAN 16 1969
UNIVERSITY OF TORONTO

РАВНОДУШНЫЕ.

Романъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ *).

I.

Василій Николаевичъ Ордынцевъ, худой, высокій брюнетъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ большой, сильно засѣдѣвшей черной бородой и длинными, зачесанными назадъ сѣдыми волосами, только-что собирался уйти изъ желѣзнодорожнаго правленія, въ которомъ занималъ мѣсто начальника одного изъ отдѣловъ, какъ одинъ ударъ электрическаго звонка раздался въ маленькомъ кабинетѣ Ордынцева.

«Что ему нужно? Долженъ, кажется, знать, что занятія кончаются въ четыре, и что люди ѣсть хотятъ!»—подумалъ, раздражаясь, Ордынцевъ.

И, захвативъ портфель, недовольный, пошелъ наверхъ въ кабинетъ предсѣдателя правленія, господина Гобзина.

— Мы, кажется, не видались сегодня, Василій Николаевичъ, — любезно проговорилъ мягкимъ теноркомъ и слегка растягивая слова очень полный молодой человѣкъ хлыщеватаго вида, протягивая черезъ столъ красную пухлую руку съ короткими пальцами. — Покорнѣйше прошу присѣсть на минутку, Василій Николаевичъ. Пожалуйста!—указалъ господинъ Гобзинъ на кресло у стола.

— Что прикажете?—нетерпѣливо спросилъ Ордынцевъ тѣмъ официально-служебнымъ тономъ, не допускающимъ никакой фамильярности въ отношеніяхъ, какимъ онъ всегда говорилъ съ Гобзинымъ, одинъ видъ котораго приводилъ въ раздраженіе Ордынцева.

И эта самодовольная до нахальства улыбка, сіявшая на

---

*) Двѣ первыя главы являются незначительной переработкой этюда давно задуманнаго романа «Равнодушные». Этотъ этюдъ, подъ названіемъ «У домашняго очага», былъ напечатанъ въ двухъ фельетонахъ «Русск.

жирномъ и румяномъ лицѣ съ модной клинообразной бородкой, и наглый взглядъ стеклянныхъ рачьихъ глазъ, и развязная самоувѣренность сужденій, тона и манеръ вмѣстѣ съ чуть не обритой круглой головой, до смѣшного кургузымъ вестономъ и крупнымъ брильянтомъ на красномъ толстомъ мизинцѣ съ огромнымъ ногтемъ, и пренебрежительная любезность обращенія съ подчиненными, апломбъ и стараніе быть вполнѣ свѣтскимъ джентльменомъ, нисколько не похожимъ на мужика-отца, который изъ мелкихъ рядчиковъ сдѣлался милліонеромъ и крупнымъ финансовымъ тузомъ,—все это до-нельзя было противно въ молодомъ, окончившемъ университетъ Гобзинѣ, и Ордынцевъ старался какъ можно рѣже видаться со своимъ принципаломъ, ограничивая служебныя свиданія самыми короткими разговорами.

И теперь онъ, несмотря на приглашеніе Гобзина, не присѣлъ, а стоялъ.

— Господинъ Андреевъ у васъ занимается? — спросилъ Гобзинъ.

— Да. Въ тарифномъ отдѣлѣ.

— Потрудитесь, Василій Николаевичъ, завтра объявить господину Андрееву, что онъ намъ болѣе не нуженъ. Ну, разумѣется, я велю выдать ему въ видѣ награды жалованье за два мѣсяца!—снисходительно прибавилъ Гобзинъ.

Изумленный такимъ распоряженіемъ относительно трудолюбиваго и дѣльнаго служащаго, Ордынцевъ взволнованно спросилъ:

— За что вамъ угодно уволить Андреева?

Гобзинъ на секунду смутился.

Дѣло въ томъ, что онъ обѣщалъ графинѣ Заруцкой непремѣнно устроить какого-то ея родственника, необыкновенно польщенный, что молодая и хорошенькая аристократка обратилась къ нему съ просьбой на одномъ благотворительномъ базарѣ, гдѣ Гобзинъ былъ ей представленъ.

Мѣстъ не было, и надо было кого-нибудь уволить, чтобы исполнить обѣщаніе, о которомъ графиня только-что напоминала письмомъ.

— У меня есть основанія! — значительно проговорилъ Гобзинъ.

И, принявъ видъ начальника, придвинулъ къ себѣ лежавшія на столѣ бумаги и опустилъ на нихъ глаза, какъ бы давая этимъ понять Ордынцеву, что разговоръ оконченъ.

Но Ордынцевъ не намѣренъ былъ кончать.

«Скотина!»—мысленно произнесъ онъ и бросилъ взглядъ, полный презрѣнія, на рыжеволосую голову своего патрона.

Взглядъ этотъ скользнулъ по письменному столу и замѣтилъ на немъ письмо и рядомъ взрѣзанный изящный конвертикъ съ короной.

«Такъ вотъ какія основанія!»—сообразилъ Ордынцевъ, еще болѣе возмущенный.

На такихъ же «основаніяхъ» уже были уволены двое служащихъ съ тѣхъ поръ, какъ Гобзинъ-отецъ посадилъ на свое мѣсто сынка.

И, видимо осиливая негодованіе и стараясь не волноваться, Ордынцевъ довольно сдержанно проговорилъ:

— Но вѣдь Андреевъ спроситъ меня: за что его лишаютъ куска хлѣба? Что прикажете ему отвѣтить? Онъ четыре года служитъ въ правленіи. У него мать и сестра на рукахъ!—прибавилъ Ордынцевъ, и мягкая, чуть не просительная нотка задрожала въ его голосѣ.

— У насъ не благотворительное учрежденіе, Василій Николаевичъ,—возразилъ, усмѣхнувшись, Гобзинъ.—У всѣхъ есть или матери, или сестры, или жены, или любовницы,—продолжалъ онъ съ веселой развязностью, оглядывая свои твердые, большіе ногти. — Это не наше дѣло. Намъ нужны хорошіе, исправные служащіе, а господинъ Андреевъ не изъ тѣхъ работниковъ, которыми слѣдуетъ дорожить... Онъ...

— Напротивъ, Андреевъ...

— Я прошу васъ, Василій Николаевичъ, позволить мнѣ докончить!—съ усиленно подчеркнутой любезностью остановилъ Ордынцева предсѣдатель правленія, недовольный, что его смѣютъ перебивать.

И его жирное круглое лицо залилось багровой краской, и большіе рачьи глаза, казалось, еще болѣе выкатились.

— Вашъ господинъ Андреевъ, — продолжалъ Гобзинъ, все болѣе и болѣе проникаясь ненавистью къ Андрееву именно оттого, что чувствовалъ свою несправедливость:—вашъ господинъ Андреевъ небрежно относится къ своимъ обязанностямъ. Такъ и потрудитесь ему передать отъ моего имени. Очень небрежно! Нѣсколько дней кряду я видѣлъ его приходящимъ на службу въ двѣнадцать вмѣсто десяти. Это терпимо быть не можетъ, и я удивляюсь, Василій Николаевичъ, какъ вы этого не замѣчали?

— Я это зналъ.

— Знали?

— Еще бы! Андреевъ являлся позже на службу съ моего разрѣшенія.

Молодой человѣкъ опѣшилъ.

— Съ вашего разрѣшенія?—протянулъ онъ безъ обычнаго

апломба и видимо недовольный, что попался впросакъ.—Я этого не зналъ.

— Съ моего. Я далъ ему большую работу на домъ и потому на это время позволилъ приходить позже на службу. И вообще я долженъ сказать, что Андреевъ отличный и добросовѣстный работникъ, и увольненіе его было бы не только вопіющей несправедливостью, но и большой потерей для дѣла.

Этотъ горячій тонъ раздражалъ Гобзина. Сбитый съ позиціи, онъ нѣсколько мгновеній молчалъ.

— Противъ господина Андреева есть еще обвиненіе!—живо проговорилъ онъ, точно обрадовавшись.

— Какое-съ?

— До меня дошли слухи, что онъ недавно былъ замѣшанъ въ какой-то исторіи, не рекомендующей его образъ мыслей.

— Сколько мнѣ извѣстно, хоть я, конечно, и не производилъ слѣдствія, — съ ядовитой усмѣшкой вставилъ Ордынцевъ:— было одно недоразумѣніе.

— Недоразумѣніе?

— Да-съ! И ни въ какой исторіи онъ не былъ замѣшанъ. Была бы охота у клеветниковъ! Васъ, очевидно, ввели въ заблужденіе. Вамъ пошло и глупо наврали на Андреева въ надеждѣ, что вы повѣрите...

И Ордынцевъ, взволнованный и взбѣшенный, не обращая вниманія на недовольную физіономію Гобзина, продолжалъ защищать сослуживца, не сдерживая своего негодующаго чувства.

Этотъ рѣзкій, горячій тонъ, совсѣмъ непривычный ушамъ Гобзина, избалованнымъ инымъ тономъ своихъ подчиненныхъ, злилъ и въ то же время невольно импонировалъ на трусливую натуру молодого человѣка. Онъ понялъ, что сглупилъ, выставивъ какъ обвиненіе слухи, которымъ и самъ не придавалъ значенія, а упомянулъ о нихъ единственно изъ желанія настоять на своемъ. И, очутившись въ глупомъ положеніи, припертымъ къ стѣнѣ, почувствовалъ еще бо́льшую ненависть къ Ордынцеву, позволившему себѣ читать нравоученія.

Съ какимъ наслажденіемъ выгналъ бы онъ немедленно со службы этого безпокойнаго человѣка, который относится къ нему, избалованному лестью и почетомъ, съ едва скрываемымъ неуваженіемъ. Но сдѣлать это не такъ-то легко. Ордынцевъ пользовался въ правленіи репутаціей знающаго и превосходнаго работника. Самъ старикъ Гобзинъ, умный и понимавшій людей, рекомендовалъ Ордынцева новому предсѣдателю правленія, какъ служащаго, которымъ надо особенно дорожить. Всѣ члены правленія его цѣнили, а, главное, старикъ Гобзинъ

не только не позволилъ бы уволить Ордынцева, но намылилъ бы еще голову сыну.

И онъ принужденъ былъ выслушать до конца своего безпокойнаго подчиненнаго и объявить, что беретъ назадъ свое распоряженіе относительно Андреева.

Но онъ не удержался отъ искушенія пустить шпильку и прибавилъ своимъ обычнымъ развязнымъ тономъ:

— Господинъ Андреевъ не родственникъ ли вамъ, что вы его такъ пылко защищаете?

— А вы, видно, думаете, что пылко можно защищать только родственниковъ? — переспросилъ съ презрительной усмѣшкой Ордынцевъ, взглядывая въ упоръ на предсѣдателя правленія. — Ошибаетесь. Онъ мнѣ не родственникъ и не знакомый.

И, еле кивнувъ головой, Ордынцевъ вышелъ изъ кабинета, оставивъ молодого человѣка въ безсильной ярости.

II.

Ордынцевъ торопливо шелъ домой, и невеселыя мысли лѣзли въ его голову.

Теперь это «животное» навѣрно будетъ ему пакостить. Положимъ, имъ дорожатъ въ правленіи, но Гобзинъ можетъ вызвать его на дерзость и сдѣлать службу невозможной. И безъ того она не сладка. Работы пропасть, и такой работы, которая не по душѣ, но, по крайней мѣрѣ, хоть заработокъ хорошій—пять тысячъ. Жить можно. Довольно ужъ на своемъ вѣку маялся и мѣнялъ мѣста послѣ того, какъ убѣдился, что изъ него литераторъ не вышелъ. Вездѣ одно и то же. Та же лямка. Та же скучная работа. Та же неувѣренность въ томъ, что долго просидишь на мѣстѣ. Здѣсь онъ однако ухитрился прослужить четыре года, хотя послѣдній годъ, когда выбрали предсѣдателемъ правленія молодого Гобзина, и были непріятности. Онъ ихъ терпѣлъ. Но не могъ же онъ въ самомъ дѣлѣ молчать при видѣ вопіющей несправедливости. Не могъ онъ не вступиться за Андреева. Еще настолько жизнь не пригнула его.

И хотя Ордынцевъ сознавалъ, что иначе поступить не могъ, и былъ увѣренъ, что и впредь поступитъ точно такъ же, тѣмъ не менѣе мысль о томъ домашнемъ адѣ, который усиливался во время безработицы и неминуемо ждалъ его въ случаѣ потери мѣста, приводила Ордынцева въ ужасъ и озлобленіе.

И чѣмъ ближе подходилъ онъ къ своему «очагу», тѣмъ угрюмѣе и злѣе дѣлалось его лицо, точно онъ шелъ на встрѣчу съ врагами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Вотъ и «домъ».

Ордынцевъ быстро поднялся на четвертый этажъ и, отдышавшись, надавилъ пуговку звонка.

— Обѣдаютъ?—спросилъ онъ горничную, снимая пальто.

— Недавно сѣли.

— Подождать не могли!—раздраженно шепнулъ Ордынцевъ.

Онъ прошелъ въ столовую и, нахмурившись, сѣлъ на свое мѣсто, на концѣ стола, противъ жены, между подросткомъ-гимназистомъ и смуглой дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати. По бокамъ жены сидѣли старшія дѣти Ордынцевыхъ: студентъ и молодая дѣвушка.

Горничная принесла тарелку щей и вышла.

— А что же папѣ водки?—заботливо проговорила смуглая дѣвочка, оглядывая большими темными глазами столъ.— Забыли поставить?

И, вставши, несмотря на строгій взглядъ матери, изъ-за стола, она достала изъ буфета графинчикъ и рюмку, поставила ихъ передъ отцомъ и спросила:

— Наливать, папочка?

— Наливай, Шурочка!—смягчаясь, проговорилъ Ордынцевъ и ласково потрепалъ щеку дѣвочки.

Онъ выпилъ рюмку водки и принялся за щи.

— Совсѣмъ холодныя!—проворчалъ Ордынцевъ.

Никто изъ членовъ семьи не обратилъ вниманія на эти слова. Одна лишь Шурочка заволновалась.

— Сію минуту разогрѣютъ. Хочешь, папочка? — спросила она, протягивая руку къ отцовской тарелкѣ.

— Спасибо, милая, не надо. Ѣсть хочется.

И Ордынцевъ продолжалъ сердито и жадно глотать щи.

Шурочка, видимо обиженная за отца, съ недоумѣніемъ взглянула на мать.

Это была высокая, довольно полная, сильно моложавая блондинка съ большими черными волоокими глазами, свѣжая и красивая несмотря на свои сорокъ лѣтъ. Отъ ея классически-правильнаго лица, съ прямымъ носомъ, сжатыми губами и нѣсколько выдавшимся подбородкомъ, вѣяло жесткостью и холодомъ, и въ то же время въ немъ было что-то чувственное. Вся она, точно сознавая свое великолѣпіе, сіяла холоднымъ блескомъ и, видно было, очень цѣнила и холила свою особу, напоминающую красивое, хорошо откормленное животное.

На ней былъ черный лифъ, обливавшій пышныя формы роскошнаго бюста. У шеи блестѣла красивая брошка; въ ушахъ горѣли маленькіе брильянты, а на холеныхъ бѣлыхъ крупноватыхъ рукахъ были кольца. Густые бѣлокурые волосы, собранные сзади, вились у лба колечками. Онъ нея пахло душистой пудрой и тонкимъ ароматомъ ириса.

— Я думала, что ты не придешь обѣдать!—проговорила наконецъ Ордынцева, взглядывая на мужа.

Въ тонѣ ея пѣвучаго контральто не звучало ласковой нотки. Взглядъ, брошенный на мужа, далеко не былъ взглядомъ любящей жены.

— Ты думала?—переспросилъ Ордынцевъ и, въ свою очередь, взглянулъ на жену.

Злое, ироническое выраженіе блеснуло въ его острыхъ и умныхъ, темныхъ, глубоко сидящихъ глазахъ и отразилось на блѣдномъ, худомъ, смугломъ и старообразномъ лицѣ съ тонкими изящными чертами.

Все въ этой красивой, выхоленной, когда-то безгранично любимой женщинѣ раздражало теперь Ордынцева: и ея самодовольное великолѣпіе, и обтянутый лифъ, и колечки на лбу, и голосъ, и кольца, и остатки пудры на щекѣ, и подведенные глаза, и запахъ духовъ.

«Ишь, рядится!»—со злостью подумалъ онъ, отводя глаза.

И Ордынцева не могла простить мужу ошибки своего замужества по страстной любви и прежняго увлеченія умомъ мужа.

«Не та жизнь предстояла бы ей, такой красавицѣ, если-бъ она не вышла замужъ за этого человѣка!»—не разъ думала она, считая себя страдалицей и жертвой.

Она чуть-чуть пожала плечами и, принимая еще болѣе равнодушно-презрительный видъ, тихо и медленно выговаривая слова, замѣтила:

— Не понимаю, съ чего ты злишься и дѣлаешь сцены. Кажется, и такъ довольно ихъ!

Ордынцевъ молчалъ, занятый, казалось, ѣдой, но каждое слово жены раздражало и злило его, натягивая и безъ того натянутые нервы.

А госпожа Ордынцева, хорошо зная, чѣмъ пробрать мужа, продолжала все тѣмъ же тихимъ, пѣвучимъ тономъ:

— Мы ждали тебя до половины шестого. Ты не приходилъ, и я предположила, что ты, желая избавиться отъ нашего общества, пошелъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ друзей-литераторовъ обѣдать въ ресторанъ. Вѣдь это не разъ случалось!—прибавила она съ особеннымъ подчеркиваніемъ, хорошо понятнымъ Ордынцеву.

«Шпильки подпускаетъ... дура!»—мысленно выругалъ Ордынцевъ жену и съ раздраженіемъ сказалъ:

— Вѣдь ты знаешь, что я всегда предупреждаю, когда не обѣдаю дома. Вѣдь ты знаешь?

И, не дождавшись отъ жены признанія, что она это знаетъ, продолжалъ:

— Слѣдовательно, вмѣсто нелѣпыхъ предположеній, было бы гораздо проще оставить мнѣ горячій обѣдъ.

— Прикажешь дрова жечь въ ожиданіи, когда ты придешь? И безъ того отъ тебя только и слышишь, что выходитъ много денегъ, хотя, кажется, мы и то живемъ...

— Какъ нищіе?—иронически подсказалъ Ордынцевъ.—Ты вѣчно поешь эту пѣсню.

— А по-твоему мы хорошо живемъ? — вызывающе кинула жена.—Едва хватаетъ на самое необходимое.

— Особенно ты похожа на нищую, несчастная страдалица!—ядовито замѣтилъ Ордынцевъ, оглядывая злыми глазами свою великолѣпную супругу.—Но ужъ извини... На твои изысканные вкусы у меня средствъ нѣтъ!

И, проговоривъ эти слова, Ордынцевъ принялся за жаркое.

— Экая мерзость! Даже и мяса порядочнаго купить не умѣютъ!

Жена молчала, придумывая, что̀ бы такое сказать мужу пообиднѣе за его издѣвательства.

— А подкинуть два полѣна,—снова заговорилъ Ордынцевъ:— не Богъ знаетъ какой расходъ. Кажется, сообразить не трудно... Или затруднительно, а?

Ордынцева полна была злобы. Лицо ея словно бы закаменѣло. Она вся какъ-то подобралась, словно кошка, готовая къ нападенію. Вмѣсто отвѣта она подарила мужа высокомѣрно-презрительнымъ взглядомъ.

— И часто ли я опаздываю?—продолжалъ Ордынцевъ, отодвигая тарелку.—Сегодня у меня была спѣшная работа, и кромѣ того меня задержалъ этотъ идіотъ.

— Какой именно идіотъ? Вѣдь у тебя всѣ подлецы и идіоты. Одинъ только ты необыкновенный умница... Оттого, вѣроятно, ты и не можешь устроиться такъ, чтобы семья твоя не страдала отъ твоего необыкновеннаго ума!—съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ протянула Ордынцева, видимо, очень довольная придуманной ею ядовитой фразой.

Но, къ удивленію ея, мужъ не вспылилъ, какъ она ждала. Онъ удержался отъ сильнаго желанія оборвать эту «злую дуру», взглянувъ на умоляющее лицо Шурочки, и заговорилъ съ ней.

Съ самаго начала пикировки дѣвочка, взволнованная, съ выраженіемъ тоски и испуга, переводила свои кроткіе большіе глаза то на отца, то на мать, видимо боясь, какъ бы эти обоюдные язвительные укоры не окончились взрывомъ гнѣва вызваннаго изъ терпѣнія отца, котораго дѣвочка очень любила и за котораго стояла горой, понимая чуткимъ, любящимъ сердцемъ, что мать къ отцу невнимательна и что она виновница всѣхъ этихъ сценъ, доводящихъ больного отца до бѣшенаго раздраженія.

Она видѣла, что всѣ какъ-то безмолвно вмѣстѣ съ матерью осуждали его, и тѣмъ сильнѣе любила, умѣя своей привѣтливостью и лаской разсѣять подчасъ постоянно угрюмое расположеніе духа отца.

Остальныя дѣти, повидимому, были совсѣмъ безучастны къ обмѣну колкостей, происходившему между родителями.

Алексѣй, удивительно похожій на мать, изящный блондинъ, съ красивыми, точно выточенными чертами лица, чистенькій и свѣженькій, какъ огурчикъ, выстриженный по-модному, подъ гребенку, въ опрятной тужуркѣ, необыкновенно солидный по виду, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и съ какою-то торжественной серьезностью, точно дѣлалъ необыкновенно-важное дѣло,—очищалъ костянымъ ножикомъ кожу съ сочной груши, стараясь не прихватить мясистой части плода. Окончивъ это, онъ разрѣзалъ грушу на куски и сталъ ихъ класть въ ротъ опрятными, съ большими ногтями, пальцами съ противной медлительностью гурмана, желающаго какъ можно болѣе продлить свое удовольствіе. На его лицѣ съ едва пробивающимися усиками и дѣвственной бородкой, на манерахъ, на всей его худощавой, небольшой, стройной фигуркѣ былъ отпечатокъ чего-то самоувѣреннаго, опредѣленнаго и законченнаго, точно передъ вами былъ не двадцатидвухлѣтній молодой человѣкъ, полный жажды жизни и мечтательныхъ плановъ, а трезвенный, умудренный опытомъ мужъ съ выработанными правилами, для котораго всѣ вопросы рѣшены и жизнь не представляется загадкой.

Сестра его Ольга, стройная, высокая, хорошо сложенная брюнетка лѣтъ двадцати, съ красивыми темными глазами, смугловатая въ отца, одѣтая, какъ и мать, съ претензіей на щегольство, отличалась, напротивъ, самымъ беззаботнымъ и легкомысленнымъ видомъ хорошенькой, сознающей свою обворожительность куколки, для которой жизнь представляется лишь однимъ веселымъ времяпрепровожденіемъ.

Взоръ ея разсѣянно перебѣгалъ съ предмета на предметъ, и мысль, очевидно, порхала, ни на чемъ долго не останавливаясь.

Она то равнодушно прислушивалась къ словамъ отца, то взглядывала на мать, завидуя ея брошкѣ и новому красивому кольцу съ рубиномъ, которое, по словамъ мамы, было передѣлано изъ стараго (чему однако дочь не вѣрила, а подозрѣвала иное происхожденіе кольца), то въ умѣ повторяла напѣвъ модной цыганской пѣсенки, то отъ скуки благовоспитанно зѣвала, прикрывая маленькій, съ крупными губами, ротъ красивымъ жестомъ руки съ бирюзой на мизинцѣ, который она какъ-то особенно выгибала, отдѣляя отъ другихъ пальцевъ. Давая ему разнообразные, болѣе или менѣе граціозные изгибы, она сама любовалась крошкой-мизинцемъ съ розовымъ ноготкомъ.

«Скорѣй бы конецъ этимъ сценамъ!»—говорило, казалось, это подвижное, хорошенькое и легкомысленное личико.

И молодая дѣвушка думала:

«Съ чего они вѣчно грызутся? Папа, въ самомъ дѣлѣ, странный. Могъ бы, кажется, зарабатывать больше, чтобъ не раздражать маму... Когда она выйдетъ замужъ, она не позволитъ мужу стѣснять себя въ расходахъ и говорить дерзости!»

Улыбка озарила лицо Ольги. Мысль остановилась на одномъ господинѣ, который съ недавняго времени ухаживалъ за ней основательнѣе другихъ. Она знала, что сильно ему нравилась и особенно, когда бывала въ бальныхъ платьяхъ. Недаромъ же онъ возитъ конфеты и фрукты, достаетъ ложи въ театръ, какъ-то особенно значительно жметъ руки и, когда остается съ ней наединѣ, глядитъ на нее глупыми глазами и все проситъ цѣловать руку. И мама говоритъ, что онъ подходящій женихъ, но совѣтовала не позволять ему ничего лишняго, а то мужчины нынѣшніе вообще подлецы. Она и безъ мамы это знаетъ, слава Богу! Еще когда кончала курсъ въ гимназіи, то одинъ студентъ на дачѣ цѣловалъ въ губы, обѣщалъ сдѣлать предложеніе и... исчезъ. Вчера вотъ Уздечкинъ непремѣнно хотѣлъ поцѣловать ладонь, такъ она отдернула руку и представилась, что очень разсердилась, и онъ просилъ прощенія.

Чего, глупый, не дѣлаетъ предложенія? Тогда цѣлуй, какъ угодно! Она пойдетъ замужъ, хотя и фамилія «мовежанрная», и вульгарное лицо, и лысина, и прыщи на щекахъ, и ростъ очень маленькій... Но зато онъ добрый, и у него домъ въ Петербургѣ... Неужели онъ будетъ только цѣловать руки и не сдѣлаетъ предложенія только потому, что она, благодаря отцу, не имѣетъ приданаго. Или онъ узналъ, что она занимается флиртомъ съ другимъ, который ей нравится?

Такъ что же онъ, дуракъ, медлитъ?

Недовольная гримаска смѣняетъ улыбку, и длинные тонкіе пальцы капризно мнутъ хлѣбный катышокъ. Она сердита на отца, который не заботится о дочери. Должно же быть у всякой порядочной дѣвушки приданое. Отецъ просто-таки не любитъ ее... Ничего для нея не дѣлаетъ!

Но черезъ секунду-другую беззаботно-веселое выраженіе снова озаряетъ ея личико. О, она знаетъ, что нужно сдѣлать— она поступитъ на сцену. Всѣ говорятъ, что у нея талантъ. Одинъ папа нарочно не признаётъ... Онъ увидитъ, какой будетъ успѣхъ... А со сцены можно сдѣлать хорошую партію...

Гимназистъ Сережа, съ неуклюже-вытянутой фигурой тринадцатилѣтняго подростка, съ испачканными чернилами пальцами и вихоркомъ, торчавшимъ на головѣ, съѣвши въ два глотка неочищенную грушу и пожалѣвши, что нельзя съѣсть еще, по меньшей мѣрѣ, десятка, тотчасъ же, съ разрѣшенія матери, сорвался съ мѣста и съ озабоченнымъ видомъ вышелъ изъ столовой. Ему было не до родительской перебранки, къ которой онъ относился съ презрительнымъ недоумѣніемъ, такъ какъ у него было дѣло несравненно важнѣй: надо было готовить уроки.

«Заставили бы ихъ зубрить, небось, бросили бы ругаться!»— высокомѣрно подумалъ гимназистъ и, собравши книги и тетрадки, засѣлъ за нихъ въ комнатѣ матери и, заткнувши уши пальцами, сталъ долбить, съ добросовѣстностью перваго ученика въ классѣ, урокъ изъ географіи.

II.

Ордынцевъ собирался-было встать изъ-за стола, какъ жена, съ едва слышной тревогой въ голосѣ, но, повидимому, довольно добродушно спросила:

— Вѣрно, у тебя опять вышла какая-нибудь исторія съ Гобзинымъ?

«Ужъ струсила!» — подумалъ Ордынцевъ, и самъ вдругъ, при видѣ семьи, струсилъ.

— Никакой особенной исторіи!—умышленно небрежнымъ тономъ отвѣтилъ Ордынцевъ. — Гобзинъ хотѣлъ-было безъ всякой причины уволить одного моего подчиненнаго... Андреева...

— И ты, разумѣется, счелъ долгомъ излить потоки своего благороднаго негодованія?—перебила жена, презрительно усмѣхнувшись.

Этотъ тонъ взорвалъ Ордынцева.

«Такъ на же!»

И онъ съ раздраженіемъ крикнулъ, вызывающе и злобно глядя на жену:

— А ты думала какъ? Конечно, заступился за человѣка, котораго эта скотина-Гобзинъ хотѣлъ вышвырнуть на улицу. Да, заступился и отстоялъ! Тебѣ это непонятно?

— Благородно, очень благородно, какъ не понять! Но подумалъ ли ты, благородный человѣкъ, о семьѣ? Что будетъ, если Гобзинъ выживетъ такого непрошеннаго заступника?— произнесла трагически-мрачнымъ тономъ Ордынцева, и тревога виднѣлась на ея лицѣ.

— Не выживетъ. Не посмѣетъ!

— Не посмѣетъ?—передразнила Ордынцева.—Мало ли тебя выживали? Видно, какой-нибудь посторонній человѣкъ тебѣ дороже семьи,—иначе ты не дѣлалъ бы подобныхъ глупостей... Всѣ у тебя идіоты... Одинъ ты — необыкновенный человѣкъ. Скажите, пожалуйста! Всѣ уживаются на мѣстахъ,—одинъ ты не умѣешь... Воображаешь себя геніемъ... Нечего сказать: геній! Опять хочешь сдѣлать насъ нищими!

— Не каркай! Еще Гобзинъ не думаетъ выживать. Слышишь?—гнѣвно воскликнулъ Ордынцевъ.

— Забылъ, что ли, каково быть безъ мѣста?—умышленно не слушая мужа, продолжала жена.—Забылъ, какъ все было заложено и у дѣтей не было башмаковъ? Тебѣ, видно, мало, что мы и такъ живемъ по-свински—не можемъ никакихъ удовольствій доставить дѣтямъ... Ты хочешь, чтобъ мы пересѣлились въ подвалъ и ѣли черный хлѣбъ!—прибавила Ордынцева, съ ненавистью взглядывая на мужа.

Ордынцевъ ужъ раскаивался, что его дернуло сказать объ этой исторіи.

Вѣдь зналъ онъ эту женщину, которая вмѣсто поддержки въ трудныя времена, напротивъ, старалась изводить его, издѣваясь надъ тѣмъ, что онъ считалъ обязательнымъ для порядочнаго человѣка. Зналъ онъ, что уже давно они говорятъ на разныхъ языкахъ, и что ея языкъ болѣе, чѣмъ его, понятенъ дѣтямъ. Видѣлъ, хорошо видѣлъ, что онъ чужой въ своей семьѣ, и что, кромѣ Шурочки, всѣ безмолвно осуждаютъ его и всегда на сторонѣ матери, и смотрятъ на него, какъ на дойную корову.

«Но, быть-можетъ, дѣти за него? Молодость чутка!» — подумалъ Ордынцевъ, не терявшій надежды встрѣтить хоть теперь сочувствіе дѣтей.

Онъ взглянулъ на нихъ и увидалъ испуганное, недовольное личико Ольги и невозмутимо-спокойное лицо первенца.

Эта невозмутимость ужалила Ордынцева, и злобное чувство къ этому «молодому старику», какъ звалъ онъ сына, охватило отца. Давно ужъ этотъ солидный молодой человѣкъ возбуждалъ въ Ордынцевѣ негодованіе. Они ни въ чемъ не сходились.

Старикъ-отецъ казался увлекающимся юношей передъ сыномъ. Отношенія ихъ были холодны и безмолвно-непріязненны, и они почти не разговаривали другъ съ другомъ.

Но слабая надежда, что сынъ если не почувствуетъ, то хотя поймётъ правоту отца, заставила Ордынцева обратиться къ Алексѣю съ вопросомъ:

— Ну, а по-твоему, Алексѣй, глупо,—или какъ тамъ у васъ по-нынѣшнему?—раціонально или не раціонально поступилъ я, вступаясь за обиженнаго человѣка?

Алексѣй пожалъ плечами.

Дескать, къ чему разговаривать!

— Мы вѣдь не сходимся съ тобой во взглядахъ! — уклончиво проговорилъ молодой человѣкъ.

— Какъ же, знаю! Очень даже не сходимся. Я—человѣкъ шестидесятыхъ годовъ; ты—представитель новѣйшей формаціи. Гдѣ же намъ сходиться? Но все-таки интересно знать твое мнѣніе по этическому вопросу. Соблаговоли высказать.

— Если ты такъ желаешь...

— Именно, желаю.

— Тогда изволь...

И, слегка приподнявъ свою красиво посаженную голову и не глядя на отца, а опустивши серьезные голубые глаза на скатерть, студентъ заговорилъ слегка докторальнымъ тономъ, тихо, спокойно, увѣренно и красиво:

— Я полагаю, что Гобзина со всѣми его взглядами и привычками, какъ унаслѣдованными, такъ и пріобрѣтенными, ты не передѣлаешь, что̀ бы и какъ бы ты ему ни говорилъ. Если онъ, съ твоей точки зрѣнія, скотина, то таковой и останется. Это его право. Да и вообще навязывать кому бы то ни было свои мнѣнія—донкихотство и непроизводительная трата времени. Темперамента и характера, зависящихъ отъ физіологическихъ и иныхъ причинъ, нельзя измѣнить словами... Человѣкъ поступаетъ, какъ ему выгодно, и для лишенія его этой выгоды нужны стимулы болѣе дѣйствительные. Это во-первыхъ...

«Какъ онъ хорошо говоритъ!»—думала мать, не спуская съ сына очарованнаго взора.

«Даръ слова есть, но какая самоувѣренность!»—мысленно рѣшилъ отецъ и иронически спросилъ:

— А во-вторыхъ?

— А во-вторыхъ, — такъ же спокойно и съ тою же самоувѣренной серьезностью продолжалъ молодой человѣкъ:—та маленькая доля удовольствія, происходящаго отъ удовлетворенія альтруистическаго чувства, какую ты получилъ, защищая обиженнаго, по твоему мнѣнію, человѣка, обращается въ нуль пе-

редъ тою суммой непріятностей и страданій, которыя ты можешь испытать впослѣдствіи, и слѣдовательно ты же останешься въ явномъ проигрышѣ...

— Въ явномъ проигрышѣ!?.. Такъ... такъ... Красиво ты говоришь. Ну, а въ-третьихъ?—съ нервнымъ нетерпѣніемъ, быстро перебирая тонкими пальцами засѣдѣвшую черную большую бороду, спрашивалъ Ордынцевъ.

— А въ-третьихъ, если Гобзинъ имѣетъ намѣреніе, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, удалить служащаго, то, разумѣется, удалитъ. Ты, пожалуй, отстоишь Андреева, но Гобзинъ уволитъ Петрова или Иванова. Такимъ образомъ явится перестановка именъ, а самый фактъ несправедливости останется. А между тѣмъ ты, защищая справедливость, не достигаешь цѣли и кромѣ того, ради ощущенія удовольствія, и притомъ кратковременнаго и въ сущности только тѣшащаго самолюбіе, рискуешь положеніемъ и этимъ самымъ невольно рискуешь не исполнить обязанностей относительно семьи. Кажется, очевидно?—заключилъ Алексѣй.

— Еще бы! Совсѣмъ очевидно... необыкновенно очевидно,—началъ-было Ордынцевъ саркастически-сдержаннымъ тономъ.

Но онъ его не выдержалъ...

Внезапно поблѣднѣвшій, онъ съ ненавистью взглянулъ на сына и, возмущенный, крикнулъ ему:

— Фу, мерзость! Основательная мерзость, достойная оскотинившагося эгоиста! И это въ двадцать два года? Какими же мерзавцами будете вы, молодые старики, въ тридцать!?

Онъ больше не могъ отъ волненія говорить—онъ задыхался.

Бросивъ на сына взглядъ, полный презрѣнія, Ордынцевъ шумно поднялся съ мѣста и ушелъ въ кабинетъ, хлопнувъ дверями.

Вслѣдъ за нимъ ушла и Шурочка. Глаза ея были полны слезъ.

— А ты, Лена, не обращай вниманія на отца! — промолвила нѣжно мать.

Но молодой человѣкъ и безъ совѣта матери не обратилъ вниманія на гнѣвныя слова отца. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ.

— Вотъ всегда такъ. Спроситъ мнѣнія и выругается, какъ сапожникъ!—невозмутимо-спокойно проговорилъ онъ какъ бы про себя, ни къ кому не обращаясь, и, пожимая, съ видомъ снисходительнаго сожалѣнія, плечами, ушелъ къ себѣ въ комнату заниматься.

Поднялась и Ольга. Но, прежде чѣмъ уйти, спросила мать:

— Мы поѣдемъ къ Козельскимъ? У нихъ сегодня фиксъ.

— А ты хочешь?

— А тебѣ развѣ не хочется?—въ свою очередь спросила Ольга, пристально взглядывая на мать съ самымъ наивнымъ видомъ.

— Мнѣ все равно!—отвѣтила Ордынцева, отводя взглядъ.

«Будто бы?»—подумала Ольга и сказала:

— Такъ, значитъ, не ѣдемъ?

— Отчего-жъ... Если ты хочешь...

— Я надѣну свое crème, мама...

— Какъ знаешь...

«И чего мама лукавитъ?—подумала Ольга, направляясь въ свою комнату.—Точно я ничего не понимаю!»

III.

Ордынцеву было не до работы, которую онъ принесъ съ собой изъ правленія, разсчитывая ее прикончить за вечеръ. Нервы его были возбуждены до послѣдней степени, и кромѣ того онъ ждалъ, что—того и гляди—явится жена.

Онъ зналъ ея манеру приходить съ такъ-называемыми «объясненіями» именно въ то время, когда онъ уже былъ достаточно раздраженъ, и въ эти минуты пилить и упрекать, ожидая взрыва дикаго гнѣва, чтобы потомъ имѣть право разыгрывать роль оскорбленной жертвы и страдалицы, обиженной мужемъ-тираномъ. Онъ зналъ свою несдержанность и мастерское умѣніе жены доводить его до бѣшенаго состоянія, и всегда со страхомъ ждалъ ея появленія на порогѣ кабинета послѣ одной изъ сценъ, бывавшихъ за обѣдомъ, когда супруги только и встрѣчались въ послѣдніе годы.

Сколько разъ Василій Николаевичъ давалъ себѣ слово молчать, упорно молчать, какія бы гадости, облеченныя въ приличную форму, жена ни говорила. Обыкновенно вначалѣ онъ крѣпился, но не выдерживалъ—отвѣчалъ, и нерѣдко отвратительныя сцены сопровождали обѣдъ. Супруги, не стѣсняясь, бранились при дѣтяхъ, при прислугѣ, а главное—при бѣдной Шурочкѣ, нервной, болѣзненной, на которую эти сцены дѣйствовали угнетающимъ образомъ.

Блѣдный, съ гнѣвно сверкающими глазами, ходилъ Ордынцевъ по своему небольшому кабинету. По временамъ онъ останавливался у дверей, прислушиваясь, не идетъ ли жена, и, облегченно вздохнувъ, снова нервно и порывисто ходилъ взадъ и впередъ, взволнованный и возмущенный, выкуривая папироску за папироской.

Горе, постоянно нывшее въ немъ, какъ ноетъ больной зубъ, казалось послѣ домашнихъ сценъ сильнѣй и ощущалось съ боль-

шей остротой. Дикая, чисто-животная злоба мгновенно охватывала Ордынцева, и онъ, весь вздрагивая, невольно сжималъ кулаки и съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ произносилъ по адресу жены площадныя ругательства и, случалось, ловилъ себя на желаніи ей смерти. То онъ испытывалъ тоску и отчаяніе человѣка, сознающаго свое безсиліе и непоправимость своего несчастія. И тогда болѣзненное, худое лицо Ордынцева принимало жалкій, страдальчески-изможденный видъ, косматая голова поникала, и вся его высокая, худощавая фигура производила впечатлѣніе угнетенности и безпомощности.

— Идіотъ, что я на ней женился!—прошепталъ онъ съ какимъ-то бѣсноватымъ озлобленіемъ.—Идіотъ!

И въ головѣ его, словно дразня, мелькалъ образъ какой-то другой, воображаемой женщины, съ которой онъ, навѣрное, былъ бы счастливъ и имѣлъ бы настоящую семью.

Послѣ каждой крупной ссоры Ордынцевъ проклиналъ свою женитьбу, чувствуя безплодность этихъ проклятій, и съ ужасомъ сознавалъ, что онъ и жена два каторжника, скованные одной цѣпью.

Обыкновенная исторія!

Увлекающійся и впечатлительный, вѣрующій въ жизнь и въ хорошія книжки, Ордынцевъ, тогда двадцатипятилѣтній молодой человѣкъ, не сомнѣвался, что эта красивая, ослѣпительная блондинка семнадцати лѣтъ, съ большими черными глазами, и есть именно то сокровище, которое, сдѣлавшись его женой, дастъ настоящее счастье и будетъ добрымъ товарищемъ и вѣрнымъ другомъ. По крайней мѣрѣ онъ не останется одинъ въ битвѣ жизни. Рядомъ съ нимъ пойдетъ любимая женщина и сочувствующая душа.

«Главное: душа!»—восторженно мечталъ Ордынцевъ и, нашептывая дѣвушкѣ нѣжныя рѣчи и любуясь ея красивымъ тѣломъ, душу-то Анны Павловны и проглядѣлъ! На самую обыкновенную барышню изъ петербургской чиновничьей среды, съ душой далеко не возвышенной, Ордынцевъ смотрѣлъ ослѣпленными глазами страстно влюбленнаго человѣка, приписывая своему «ангелу» то, что̀ тому и во снѣ не снилось. Она казалась ему непосредственной, нетронутой натурой съ богатыми задатками, «золотымъ сердцемъ», отзывчивымъ на все хорошее. Нужды нѣтъ, что она не всегда понимаетъ то, что̀ онъ ей проповѣдуетъ, и глядитъ на него не то удивленно, не то вопросительно своими большими глазами. Она еще такъ молода. Подъ его вліяніемъ разовьются всѣ ея богатые задатки. И Ордынцевъ мечталъ, какъ они по вечерамъ будутъ читать вмѣстѣ хорошія книжки и дѣлиться впечатлѣніями. Идиллія выходила трогательная и заманчивая.

Въ то время Ордынцева еще не укатали «крутыя горки». Онъ былъ пригожій, статный брюнетъ, съ черными кудрями и смѣлымъ взоромъ, жизнерадостный, мягкій и остроумный. Анна Павловна влюбилась и сама, позабывши для Ордынцева свое увлеченіе какимъ-то офицеромъ. Влюбившись, она съ обычнымъ женскимъ искусствомъ приспособлялась къ любимому человѣку, желая ему понравиться. Она какъ-то подтягивалась при немъ, сдѣлалась необыкновенно кротка, получила вдругъ охоту къ чтенію и къ умнымъ разговорамъ, сожалѣя, что она «такая глупенькая», и съ такимъ, повидимому, горячимъ сочувствіемъ слушала молодого человѣка, когда онъ говорилъ ей о задачахъ разумной жизни, объ идеалахъ, о возможности настоящаго счастья въ бракѣ только при общности взглядовъ, что Ордынцевъ приходилъ въ телячій восторгъ, подогрѣваемый чувственными вожделѣніями, писалъ своей «умницѣ» стихотворенія и довольно скоро предложилъ ей «раздѣлить съ нимъ и радости и невзгоды жизни». Она торжественно обѣщала (хотя про себя и думала объ однѣхъ только радостяхъ) и въ отвѣтъ на первый поцѣлуй Ордынцева отвѣтила такими жгучими поцѣлуями, что Василій Николаевичъ совсѣмъ ошалѣлъ отъ счастья и тутъ же поклялся отдать всю свою жизнь Нюточкѣ.

Родители Анны Павловны, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ожигинъ, добросовѣстно тянувшій лямку безъ надежды на видную карьеру, и супруга его, дама съ претензіями, сперва было-заупрямились. Нюточка такая красавица. Она можетъ сдѣлать блестящую партію. Время еще терпитъ. Хотя они не имѣли ничего противъ Ордынцева, считая его порядочнымъ человѣкомъ, но находили, что частныя мѣста не прочны. Положимъ, тысяча пятьсотъ рублей весьма приличный окладъ для молодого человѣка, но казенная служба вѣрнѣе. А Ордынцевъ ни за что не хотѣлъ быть чиновникомъ. Окончивъ университетъ и потерпѣвъ неудачу въ попыткахъ сдѣлаться литераторомъ, Ордынцевъ поступилъ въ желѣзнодорожное правленіе.

Нюточка объявила, что ни за кого другого не выйдетъ, и родители уступили, сдѣлали приданое и дали три тысячи на черный день.

Годъ-другой прошли въ той иллюзіи счастья, которое главнымъ образомъ заключается въ чувственной склонности другъ къ другу влюбленныхъ, полныхъ здоровья и жажды жизни молодыхъ существъ, съ обычными размолвками, оканчивающимися горячими поцѣлуями примиренія, со сценами ревности и слезами, послѣ которыхъ супруги, казалось, еще болѣе любили другъ друга.

Но чтенія вдвоемъ какъ-то не клеились. Нюточка ихъ не

особенно одобряла и, закрывая книгу, звала мужа въ театръ или покататься на тройкѣ. Идиллія была, но совсѣмъ не та, о которой мечталъ Ордынцевъ. Онъ все еще разсчитывалъ на «литературные вечера» вдвоемъ и на «сочувственную душу», а Нюточка все ждала, что мужъ устроитъ ей жизнь вполнѣ приличную. Она понимала любовь не иначе, какъ съ хорошей обстановкой, довольствомъ и баловствомъ любовника-мужа, готоваго для жены на всякія жертвы, а Василій Николаевичъ могъ ей дать лишь скромное существованіе съ довольно прозаическими заботами. Вдобавокъ, онъ подчасъ бывалъ раздражителенъ, и у него были правила въ жизни, которыя представлялись теперь молодой женщинѣ «упрямствомъ» и «эгоизмомъ», несовмѣстимыми съ истинной любовью.

Разница ихъ взглядовъ, вкусовъ, привычекъ, ихъ нравственныхъ понятій и требованій отъ жизни обнаружилась очень скоро. Ордынцевъ возмущался, убѣждалъ, говорилъ горячіе монологи, хотѣлъ перевоспитать жену, которая такъ нравилась ему, какъ женщина. Нюточка, въ свою очередь, старалась дѣйствовать на мужа обаяніемъ своей красоты, прибѣгая для этого ко всевозможнымъ уловкамъ, дѣйствующимъ на чувственность мужчины. И въ этомъ была ея сила, которой Ордынцевъ поддавался и понималъ это.

Изъ-за первой же потери мѣста между ними произошло объясненіе, поразившее Ордынцева неожиданнымъ открытіемъ. Вмѣсто «сочувствующей души» передъ нимъ обнажилась неделикатная душа практической женщины, не желавшей идти съ нимъ рядомъ въ битвѣ жизни. Напротивъ! Указывая на двухъ крошекъ-дѣтей, Анна Павловна совѣтовала мужу образумиться и жить, какъ всѣ порядочные люди.

Мало-по-малу между ними наступило охлажденіе. Подогрѣваемое страстностью супружескихъ ласкъ, оно вновь сказывалось въ сценахъ, упрекахъ, ссорахъ и въ концѣ концовъ обратилось въ полное отчужденіе и взаимную ненависть, обострявшуюся съ годами по мѣрѣ того, какъ мужъ терялъ въ глазахъ жены прелесть любовника, а жена являлась въ глазахъ мужа олицетвореніемъ непоправимой ошибки.

И оба были несчастливы, но не разводились. Ордынцевъ боялся дурного вліянія матери на дѣтей и считалъ, что приноситъ себя въ жертву.

Съ какою-то мучительной настойчивостью Ордынцевъ истязалъ себя воспоминаніями объ этой «ошибкѣ», подробности которой возставали передъ нимъ въ поразительной отчетливости. Мысли его отъ воспоминаній опять перешли къ на-

стоящему, и—Боже!—какимъ оно представилось ему отчаяннымъ!

Жена—ненавистна. Дѣти, изъ-за которыхъ онъ не развелся раньше, ему чужды, и онъ долженъ сознаться, что далеко не привязанъ къ нимъ теперь, когда они сдѣлались взрослыми и приняли опредѣленныя физіономіи. А вѣдь какъ онъ горячо любилъ ихъ прежде, когда они были маленькія, какъ страдалъ, когда они болѣли, страшась потерять ихъ! Одна только Шурочка привязываетъ его къ себѣ, а остальныя... Нечего сказать, хороши!

Особенно возмущалъ его Алексѣй, на котораго отецъ возлагалъ большія надежды, мечты имѣть друга въ сынѣ и гордиться имъ. Есть чѣмъ гордиться!

— Скотина!—произнесъ онъ вслухъ, вспоминая рѣчи сына за обѣдомъ.

Ордынцевъ чувствовалъ и обиду и злость.

«Доля удовольствія обращается въ нуль передъ суммой непріятностей».

И вѣдь съ какимъ апломбомъ говорилъ. А онъ еще надѣялся, что сынъ одобритъ его заступничество. Одобрилъ!! Весь въ мать—такая же холодная, себялюбивая натура. А Ольга? Женихи да цыганскія пѣсни на умѣ! А этотъ Сергѣй! Ужъ и теперь онъ сухъ и практиченъ... И всѣ они не любятъ отца... Онъ это видитъ.

— Семейка!—вырвалось скорбное восклицаніе у Ордынцева.

«Откуда пошли эти оскотинившіеся молодые люди?» — задалъ себѣ вопросъ Василій Николаевичъ.

Вліяніе матери, учебныя заведенія, духъ времени. А что же онъ дѣлалъ?

Но у него не было возможности изучить ихъ характеры, вліять на нихъ. Онъ цѣлые дни проводилъ внѣ дома, всегда въ работѣ, возвращался домой усталый... И безъ того было много ссоръ изъ-за дѣтей вначалѣ.

Такъ старался оправдать себя отецъ и чувствовалъ фальшь этихъ оправданій. Онъ не исполнилъ долга отца, какъ бы слѣдовало. Онъ все-таки долженъ былъ бороться и противъ вліянія матери и противъ духа времени. Онъ обязанъ былъ стать въ болѣе близкія отношенія съ дѣтьми. Ничего этого онъ не сдѣлалъ.

«Твоя вина, твоя!»—шепталъ внутренній голосъ.

И Ордынцевъ долженъ былъ согласиться, но снова подумалъ въ свое оправданіе, что всему виновата его женитьба на этой женщинѣ—будь она проклята! Не могъ же онъ одинъ

быть и работникомъ, и воспитателемъ, и вести вѣчную войну съ женой. Это свыше человѣческихъ силъ!

IV.

Раздался стукъ въ двери.

«Она!»—въ страхѣ подумалъ Ордынцевъ.

И онъ бросился къ столу, сѣлъ въ кресло и, разложивъ передъ собой бумаги, принялъ видъ занимающагося человѣка.

Онъ всегда встрѣчалъ нападеніе жены въ такой позиціи.

Ордынцевъ далъ себѣ слово сдерживаться во время предстоящаго объясненія, что̀ бы жена ни говорила. Только скорѣй кончилось бы оно и она бы ушла!

Стукъ въ двери повторился.

— Войдите!—произнесъ Ордынцевъ, склоняя голову надъ бумагами.

На порогѣ стояла Анна Павловна.

Ордынцевъ мгновенно ощутилъ присутствіе жены по особенному, свойственному ей душистому запаху, по шелесту юбки и по той злобѣ, которая охватила его.

Не глядя на жену, онъ тѣмъ не менѣе видѣлъ передъ собой эту высокую, крупную, полную фигуру, съ большой колыхавшейся грудью, выдавшейся впередъ изъ-подъ туго стянутаго корсета, видѣлъ строгую, презрительную мину, тупой взглядъ большихъ глазъ, нервное подергиваніе губъ и бѣлую, пухлую съ ямками руку въ кольцахъ, которая держала дверную ручку.

«Сейчасъ начнетъ!»—подумалъ Ордынцевъ.

И снова далъ себѣ слово сдерживаться.

«Пусть себѣ зудитъ».

— Я пришла объясниться...

О, какъ хорошо зналъ онъ эту, постоянно одну и ту же прелюдію въ длинной супружеской «симфоніи». О, какъ хорошо зналъ онъ ее!

— Что̀ такое?—спросилъ Ордынцевъ самымъ обыкновеннымъ тономъ, удерживаясь отъ раздраженія и словно бы не понимая, въ чемъ дѣло.

И, съ слабой надеждой избѣжать объясненія, прибавилъ, не поднимая головы:

— Нельзя ли въ другой разъ... Я занятъ... Спѣшная работа.

Онъ снова чувствуетъ, хотя не видитъ, усмѣшку жены и слышитъ, какъ она говоритъ пѣвучимъ, полнымъ злости голосомъ:

— Занятъ!? Ты дома вѣчно занятъ или ругаешься... И я пришла спросить: когда наконецъ кончатся оскорбленія, ко-

торыми вамъ угодно осыпать меня и дѣтей? Больше я терпѣть не намѣрена. Слышите ли? Вы сдѣлались грубы, какъ дворникъ. Благодаря вамъ у насъ въ домѣ адъ. Вы наводите страхъ на дѣтей. И безъ того, кажется, жизнь съ такимъ непризнаннымъ геніемъ, какъ вы, не сладка, а вамъ, какъ видно, хочется ее сдѣлать невыносимой. Вамъ этого хочется?— вызывающе прибавила Анна Павловна.

И она притворила двери и прислонилась для бо̀льшаго своего удобства къ косяку.

Въ эту минуту Ордынцеву больше всего хотѣлось вытолкнуть жену за̀ дверь. Вотъ что̀ ему хотѣлось.

И онъ пожалѣлъ, что онъ не дворникъ, а интеллигентный человѣкъ, и, въ виду неисполнимости своего желанія, лишь кусалъ губы и ни слова не отвѣчалъ.

«Выболтается и окончитъ!»—подумалъ Ордынцевъ.

Но молчаніе еще болѣе озлило Анну Павловну.

Онъ — виновникъ ея несчастья, онъ — тиранъ, и онъ же смѣетъ молчать?

Такъ погоди же, голубчикъ!

И Анна Павловна продолжала съ дрожью въ голосѣ:

— Вы не любите своихъ дѣтей. Какъ вы къ нимъ относитесь? Вы ихъ игнорируете! Нечего сказать, хорошъ отецъ. Отецъ!? Что̀ видятъ отъ васъ дѣти? Одни издѣвательства и брань... Ольгѣ даже не можете помочь... дать ей возможность учиться пѣнію. А у нея чудный голосъ... могла бы сдѣлать карьеру... Алексѣя вы просто-таки ненавидите... Вы не переносите, что дѣти не раздѣляютъ вашихъ дурацкихъ взглядовъ... Алеша вамъ, кажется, ясно доказалъ, кто вы... И слава Богу, что дѣти не такіе самолюбивые фразеры, какъ ихъ отецъ... Слава Богу. Воображаетъ себя какимъ-то умникомъ и всѣхъ оскорбляетъ... Непонятый человѣкъ! Семья его не понимаетъ! Ахъ, какъ трогательно... скажите, пожалуйста. Вамъ мало, что вы загубили мою жизнь... Именно: загубили... Не сдѣлай я глупости, не выйди за васъ замужъ, я знала бы счастье... А тоже стихи писали... Обѣщали жизнь на розахъ! — презрительно усмѣхнулась Анна Павловна.—Хороши розы! Припомните, какъ вы поступали со мной...

И такъ какъ Ордынцевъ опять-таки молчалъ, повидимому, не имѣя намѣренія вдаваться въ воспоминанія при женѣ, то Анна Павловна стала приноминать «все», съ начала того дня, когда она сдѣлалась жертвой.

Въ этомъ обзорѣ характера и поступковъ мужа были перечислены всѣ его вины и «подлости», какъ настоящія, такъ и

давно прошедшія, и язвительные слова и упреки сыпались съ расточительностью и злопамятствомъ женщины, знающей, какъ доконать врага и, главное, человѣка, который уже нѣсколько лѣтъ назадъ осмѣлился сдѣлать ее, такую красивую женщину, вдовой. Этого она не могла простить.

И съ видомъ гордой страдалицы, несущей тяжкій крестъ, чего только ни припоминала Анна Павловна!

Она вспомнила и бывшую двадцать лѣтъ назадъ ссору, въ которой онъ смертельно ее оскорбилъ, и кутежи съ пріятелями въ то время, когда они чуть не нищенствовали, и потери мѣстъ, по его милости, тогда какъ онъ давно могъ бы отлично устроиться, если-бъ любилъ жену и дѣтей, и дружбу его съ литераторами, этими «негодяями», которые женятся по десяти разъ, и истраченныя три тысячи приданаго, и долги, и особенно знакомства его съ разными умными дамами и дѣвицами, у ногъ которыхъ онъ будто бы изливалъ свое горе непонятаго въ семьѣ страдальца.

Увлекаясь собственной злобной фантазіей и путая правду съ ложью, Анна Павловна даже представляла, какъ мужъ изливалъ свои жалобы передъ умными дамами, и при этомъ презрительно усмѣхалась.

— И вѣдь эти умныя вѣрили и утѣшали васъ... Еще бы, страдалецъ!.. Возвышенныя идеи... Красивыя фразы... Потоки остроумія...

Еле удерживаясь отъ желанія схватить свою подругу жизни за горло, Ордынцевъ безпокойно ерзалъ на своемъ плетеномъ креслѣ, поблѣднѣвшій, стиснувъ зубы, съ глазами, горѣвшими недобрымъ огонькомъ.

— Не довольно ли?—глухо проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не довольно. Вы должны выслушать меня... Довольно я молчала.

«Ты—молчала!?»—подумалъ Ордынцевъ.

И, все еще сдерживая себя, произнесъ:

— Но только скорѣй, скорѣй оканчивайте...

— Я скоро окончу. Будьте покойны.

И, отлично видя, насколько покоенъ мужъ, Анна Павловна, съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ и какъ будто нарочно затягивая слова, сказала:

— А эту особу... вашу милую Леонтьеву помните?.. Сколько вы оскорбляли меня изъ-за нея и какъ подло обманывали! Разсказывали о какой-то дружбѣ, тогда какъ эта ваша «святая женщина» была вашей любовницей...Ménage en trois... Мужъ по любви, а любовникъ по сочувствію... И вы еще смѣете считать себя честнымъ человѣкомъ...

— Лжешь!—вдругъ крикнулъ Ордынцевъ и, какъ ужаленный, вскочилъ съ кресла.

— Я не привыкла лгать. Вы лжете!

— Лжешь, дура! Подло лжешь. Ничего того, что ты говоришь, не было!

— Оскорбляйте жену... кричите на нее — это благородно! Гуманный человѣкъ! Такъ я и повѣрила, что вы бѣгали каждый вечеръ къ своему другу для однѣхъ возвышенныхъ бесѣдъ... Очень правдоподобно!—съ циничной усмѣшкой прибавила Анна Павловна.—Не лгите хоть теперь. Вѣдь Леонтьева была вашей любовницей?

— Довольно. Уйди! Уйди, говорю!—задыхаясь отъ злобы, проговорилъ Ордынцевъ.

— Что, видно, правды не любите, правдивый человѣкъ?

— Не клевещи хоть на женщину, которой ты и мизинца не стоишь.

— Еще бы... «Святая»! Что-жъ?.. Идите къ ней... Припадите на грудь... Только едва ли она вамъ будетъ сочувствовать, какъ пять лѣтъ тому назадъ... Вѣдь вы и женились на мнѣ истрепанный, а теперь что вы такое?.. какой вы мужчина? Что даете вы мнѣ, кромѣ горя? Что вы мнѣ даете, неблагодарный и презрѣнный человѣкъ!—возвысила голосъ Анна Павловна и съ брезгливымъ презрѣніемъ сильной, свѣжей и здоровой женщины смѣрила худощавую, болѣзненную фигуру мужа.

Оба, полные ненависти, смотрѣли другъ на друга въ упоръ. Ордынцевъ, блѣдный, какъ полотно, вздрагивалъ точно въ судорогахъ.

— Ну что-жъ... теперь ударьте...—съ вызывающимъ злымъ смѣхомъ продолжала Анна Павловна.—Отъ васъ можно всего ожидать. Недаромъ отецъ вашъ былъ какой-то безродный несчастный чиновникъ... Приколотите свою жену и идите жаловаться бывшей своей любовницѣ на свое несчастіе... Быть-можетъ, она...

— Вонъ, подлая тварь!—вдругъ крикнулъ, не помня себя, Ордынцевъ и энергичнымъ движеніемъ распахнулъ двери кабинета.

Это былъ бѣшеный крикъ раненаго звѣря. Лицо Ордынцева исказилось гнѣвомъ и злобой. Анна Павловна такъ и не договорила рѣчи.

— Подлецъ!—кинула она мужу презрительнымъ шопотомъ. И, слегка поблѣднѣвшая, величественно вышла, нарочно замедляя шагъ, съ чувствомъ злобнаго торжества надъ униженнымъ врагомъ и съ непрощаемой тяжкой обидой невинно оскорбленной жертвы и поруганной женщины.

Она пришла въ спальню и разразилась истерическимъ рыданіемъ.

«Господи! Да что-жъ это за каторга!?»—въ скорбномъ отчаяніи прошепталъ Ордынцевъ нѣсколько минутъ спустя, когда нѣсколько «отошелъ».

И ему было безконечно стыдно, что онъ обошелся съ женой какъ пьяный мастеровой.

«До чего онъ дошелъ!»

Ордынцеву стало жаль себя и обидно за постыло прожитую жизнь.

«На что она ушла?»—спрашивалъ онъ.

Глаза его увлажились слезами. Онъ испытывалъ тоску и изнеможеніе разбитаго этой вѣчной борьбой человѣка. Ему хотѣлось забыться, не думать объ этомъ. Но *это* не оставляло его, и, несмотря на ненависть къ женѣ, чувство виновности передъ ней мучительно проникало въ его душу.

«Да, онъ виновенъ передъ ней. Онъ искалъ утѣшеній внѣ дома, а она была безупречна!»—думалъ Ордынцевъ. Но не могъ же онъ безъ любви любить женщину, которую не выносилъ. Не могъ же онъ лгать, расточая ей ласки! Она могла понять это. Могла. И онъ не стѣснялъ ее... Онъ даже хотѣлъ, чтобъ она полюбила кого-нибудь... Онъ предлагалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ разъѣхаться... Она не пожелала. Она не хотѣла скандала.

«Больше жить вмѣстѣ невозможно!»—пронеслось въ головѣ Ордынцева.

«Невозможно!»—прошепталъ онъ.

И эта мысль значительно успокоила Ордынцева. Ему казалось, что жена теперь обрадуется такому исходу... Черезъ нѣсколько дней онъ переговоритъ съ ней или напишетъ. Если она захочетъ, если ей нужно, онъ и на разводъ съ удовольствіемъ пойдетъ... Вину возьметъ на себя, конечно.

«О, если-бъ она только захотѣла!»

Ему не сидѣлось въ этомъ постыломъ кабинетѣ. Какая теперь работа? Его тянуло вонъ изъ дома. Хотѣлось отвлечься, поговорить съ кѣмъ-нибудь, отвести душу.

Въ эту минуту двери тихо отворились, и въ кабинетъ показалась Шурочка, грустная и испуганная, со стаканомъ чая въ рукахъ.

— Вотъ тебѣ, папочка, чай!—нѣжно проговорила дѣвочка.

Она поставила стаканъ на столъ и хотѣла-было уйти, но, увидавши слезы на глазахъ у отца, подошла къ нему и, прижавшись, безмолвно цѣловала его руку, обжигая ее слезами.

— Ахъ ты, моя бѣдная дѣвочка! — умиленно прошепталъ Ордынцевъ, тронутый лаской.

И съ порывистой страстностью прижалъ къ своей груди дѣвочку и осыпалъ ея лицо поцѣлуями, глотая слезы.

— Милая ты моя!—повторялъ Ордынцевъ, чувствуя какою крѣпкою цѣпью держитъ его это милое дорогое созданіе. — Спасибо за чай... Я не буду пить... Я ухожу.

Взволнованная, чутко понявшая эти ласки отца, Шурочка проводила его въ переднюю.

Пока Ордынцевъ въ передней одѣвалъ пальто, изъ ближайшихъ комнатъ доносились долбня гимназиста и звонкій голосокъ Ольги, напѣвавшей цыганскій романсъ.

Они слышали, конечно, бѣшеный крикъ отца, знали, что былъ «бенефисъ», какъ они называли крупныя ссоры между родителями, и не обратили на него особеннаго вниманія.

Только Алексѣй, штудировавшій для реферата, который собирался прочесть, Ницше, брезгливо пожалъ плечами и рѣшилъ, что если онъ женится, то жена не посмѣетъ мѣшать ему заниматься.

— Ну, прощай, Шурочка!

— Прощай, папочка! Развлекись, голубчикъ!—заботливо напутствовала отца дѣвочка и улыбалась заплаканными глазами, запирая за отцомъ двери.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

У Козельскихъ «вторники».

Къ чему у нихъ «вторники», и притомъ съ хорошими ужинами и дорогимъ виномъ, этого, пожалуй, не могли бы объяснить ни его превосходительство Николай Ивановичъ Козельскій, ни супруга его Антонина Сергѣевна.

Если для Тины, незамужней ихъ дочери, пикантной блондинки двадцати трехъ лѣтъ, то это было совершенно напрасно.

Тина не разъ говорила, что для нея вторники совершенно не нужны. Она и безъ вторниковъ найдетъ себѣ мужа, если захочетъ. Но она не такая дура, чтобы захотѣть и получить какое-нибудь сокровище въ родѣ Левы, отъ котораго сестра не знаетъ, какъ отдѣлаться.

Не доставляли особеннаго удовольствія эти вторники и родителямъ.

Николай Ивановичъ нерѣдко ворчалъ, что они дорого стоятъ, а постоянно жаловавшаяся на нервы Антонина Сергѣевна находила, что они утомительны и доставляютъ ей много хлопотъ.

И тѣмъ не менѣе вторники продолжались. И Козельскій лю-

безно напоминалъ «добрымъ знакомымъ» и особенно молодымъ женщинамъ не забывать вторниковъ и старался, чтобы «фиксы» были и многолюдны и оживленны, и чтобы на нихъ былъ «гвоздь» въ лицѣ какой-нибудь извѣстности или знаменитости.

Этотъ вторникъ обѣщалъ быть особенно интереснымъ. Дали слово пріѣхать: директоръ департамента Никодимцевъ, восходящая звѣзда на административномъ небосклонѣ, которой опытные астрономы предсказывали большое восхожденіе, модный баритонъ Нерпи, передѣлавшій на благозвучную фамилію свою ординарную: Нерпинъ, и молодая піанистка, уже получившая титулъ «извѣстной».

Въ девять часовъ большая квартира Козельскихъ на Сергіевской была освѣщена «a giorno».

«Чертогъ сіялъ», хотя былъ еще пустъ.

Недавно вставшій послѣ часового сна и только-что окончившій туалетъ, Козельскій сидѣлъ въ своемъ большомъ роскошномъ кабинетѣ у письменнаго стола и подпиливалъ ногти на холеныхъ, изящныхъ рукахъ съ длинными, породистыми пальцами. На мизинцѣ правой руки былъ большой изумрудъ. Обручальнаго кольца его превосходительство не носилъ.

Несмотря на свои пятьдесятъ два года, это былъ еще очень моложавый и красивый, крѣпкій и здоровый мужчина средняго роста, ширококостный и плечистый, но не полный, съ большой, хорошо посаженной головой, покрытой густыми, сильно вьющимися, темно-каштановыми волосами безъ намека на сѣдину. Небольшая, выхоленная, душистая бородка клинышкомъ скрадывала широковатость его умнаго и добродушнаго лица, свѣжаго, совсѣмъ почти безъ морщинъ, съ мягкими, нѣсколько расплывчатыми чертами. Добрые, бархатные, каріе глаза усиливали впечатлѣніе добродушія и съ перваго же раза располагали къ Николаю Ивановичу, не заставляя подозрѣвать въ немъ ни лукавства ни предательства. Очень ужъ мягко и ласково глядѣли эти глаза.

Онъ былъ очень элегантенъ въ своемъ рединготѣ изъ какой-то необыкновенно нѣжной, слегка пушистой ткани, сидѣвшемъ на немъ съ безукоризненностью, которая свидѣтельствовала и о заботливости Николая Ивановича о своемъ костюмѣ, и о мастерствѣ знаменитаго лондонскаго портного Пуля, у котораго Козельскій одѣвался.

Ослѣпительные стоячіе воротнички сорочки были повязаны чернымъ модньмъ галстукомъ. На рукавахъ блестѣли маленькіе брильянты. Тонкій ароматъ «дикой яблони», любимыхъ духовъ его превосходительства, исходилъ отъ его представительной, барской фигуры. Невольно думалось, что Николай Ива-

новичъ былъ баловнемъ дамъ, и что эти сочныя, чувственныя губы, надъ которыми были пушистые усы, съ поднятыми вверхъ концами, — на своемъ вѣку сорвали немало поцѣлуевъ и еще ими интересуются. Недаромъ же его превосходительство такъ заботится о своемъ здоровьѣ и боится сдѣлаться старикомъ слишкомъ рано.

Безхарактерный во многихъ отношеніяхъ, онъ обнаруживалъ необыкновенную силу воли въ тренированіи собственнаго тѣла и вотъ уже десять лѣтъ, что ежедневно дѣлаетъ массажъ и гимнастику, ходитъ пѣшкомъ, блюдетъ діэту, не позволяетъ себѣ никакихъ излишествъ и не знаетъ моднаго переутомленія, хотя и работаетъ порядочно, чтобы нахватывать въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ служитъ, тысячъ пятнадцать въ годъ, не считая нѣкоторыхъ экстраординарныхъ «supplements», которыя выдумываетъ изобрѣтательность Николая Ивановича, когда-то — давнымъ-давно — мечтавшаго о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи собственности.

Впрочемъ, его превосходительство и теперь «теоретически» признаётъ вообще несовершенство человѣческаго общежитія, надѣясь однако, что въ концѣ концовъ условія измѣнятся къ лучшему, и въ тѣсномъ кружкѣ пріятелей искренно возмущается подчасъ тѣми порядками, за поддержаніе которыхъ получаетъ изрядное жалованье, хотя по недоразумѣнію и по старой памяти и считается «краснымъ», такъ какъ въ ранней молодости былъ замѣшанъ въ какой-то «исторіи» и прожилъ годъ на родинѣ, въ Симбирской губерніи, въ имѣніи отца.

II.

Ступая легкой, граціозной, слегка плывущей походкой, въ настежъ раскрытыя двери кабинета вошла высокая, стройная и худая женщина съ большими задумчиво-грустными глазами, осѣненными длинными рѣсницами. Въ ея поблекшемъ, видимо прежде красивомъ лицѣ было то выраженіе сдержанной покорной печали, которое встрѣчается у любящихъ, но не любимыхъ женщинъ, съ достоинствомъ несущихъ крестъ свой.

Въ черномъ элегантномъ платьѣ, совсѣмъ сѣдая и казавшаяся старухой въ сорокъ четыре года, она походила своимъ видомъ на изящную монахиню-настоятельницу какого-нибудь аристократическаго французскаго монастыря.

Никакихъ украшеній на ней не было: ни брошки, ни серегъ въ ея маленькихъ блѣдныхъ ушахъ. Только обручальное кольцо одиноко и, казалось, сиротливо блестѣло на бѣлой, тонкой и длинной, красивой рукѣ.

Она взглянула на своего красиваго, моложаваго и здороваго

мужа съ чувствомъ любви, зависти и снисходительнаго презрѣнія къ человѣку, которому она давно перестала вѣрить, не переставая любить.

И ея глаза словно бы помолодѣли, останавливаясь на мужѣ и невольно любуясь имъ. Быть-можетъ, онъ и теперь ей казался такимъ же красавцемъ, какимъ былъ много лѣтъ тому назадъ, когда она была счастлива.

— Присаживайся, Тоня. Ну, что твои нервы? Какъ ты себя чувствуешь?

Въ его голосѣ, мягкомъ и вкрадчивомъ, звучала та нотка нѣжной чувствительности послѣднихъ десяти лѣтъ супружества, какою иногда мужья дарятъ женъ, которыхъ перестаютъ любить, какъ женъ, и обманываютъ.

И, вѣроятно, не столько изъ-за кроткаго и терпѣливаго характера жены, сколько изъ-за того, что Николай Ивановичъ обманывалъ ее, онъ иначе не говорилъ о ней, какъ называя «святой женщиной», особенно если «святая» не дѣлала сценъ ревности.

— Ничего... Немного лучше... Что это ты такой парядный сегодня, Коля?—спросила Антонина Сергѣевна.

И въ головѣ ея пронеслась мысль: «Для кого это онъ такъ нарядился?»

— Нарядный?.. Это оттого, что въ сюртукѣ, Тоня?

— Обыкновенно ты по вторникамъ не надѣваешь его.

— Сегодня обѣщалъ Никодимцевъ быть... Неловко какъ-то быть слишкомъ по-домашнему...

— И много народу у насъ сегодня будетъ?

— Я думаю... порядочно... Нерпи пріѣдетъ... Піанистка Корецкая.

— Надоѣли эти фиксы, Коля...

— А ты думаешь, мнѣ не надоѣли, Тоня?

— Такъ зачѣмъ же мы ихъ продолжаемъ и ты зовешь публику?..

— Я не зову... Привыкли къ нашимъ вторникамъ... И наконецъ для Тины...

— Тинѣ... ты знаешь... они не нужны... она говорила...

— Ну, мало ли что она говоритъ... Все же молодые люди бываютъ... Сегодня молодой Гобзинъ пріѣдетъ...

— Гобзинъ? Что это такое Гобзинъ?

— Единственный сынъ милліонера Гобзина... Приличный. Кончилъ университетъ... А за ужиномъ, Тоня, надо Никодимцева около Инны посадить... Инна умѣетъ занимать...

— Я скажу ей... Только захочетъ ли она?.. Никодимцевъ, быть-можетъ, неинтересный...

— Напротивъ... Умница... И наконецъ что это за разборчивость такая?.. Кажется, Инна... не особенно разборчива... Одинъ ея благовѣрный чего стоитъ... и вообще... этотъ хвостъ ея поклонниковъ, которые таскаются за ней всюду: и въ театры и въ концерты... Я, конечно, не придаю этому значенія, но все-таки, мой другъ, молодой женщинѣ надо быть осторожнѣе. Мало ли что скажутъ! — прибавилъ Козельскій, принимая серьезный и нѣсколько огорченный видъ.

«Ты-то хорошъ!»—не безъ горечи подумала Антонина Сергѣевна.

И, обожавшая своихъ дѣтей, видѣвшая въ нихъ идеи совершенства и сама слишкомъ правдивая и чистая, чтобы подозрѣвать ихъ въ чемъ-нибудь дурномъ, горячо проговорила:

— Что могутъ сказать объ Инночкѣ? О ней только клеветники могутъ говорить дурное!..

— Конечно, сказать нечего, собственно говоря... Я, Тоня, только говорю, что Инночка любитъ, чтобы за ней ухаживали...

Отецъ хорошо зналъ, что могли сказать и что не безъ основанія говорили про Инну.

Но онъ не хотѣлъ огорчать жену, да и не смѣлъ бы сказать, если-бъ и хотѣлъ, понимая, что не ему обвинять дочь за ту нѣсколько странную жизнь, которую она вела. Онъ не разъ встрѣчалъ у нея цѣлую стайку довольно пошлыхъ молодыхъ людей, которые слишкомъ безцеремонно цѣловали ея руки. Онъ видѣлъ ее катающеюся на рысакахъ съ однимъ изъ такихъ поклонниковъ. Онъ даже разъ занялъ деньги у господина, котораго заставалъ у Инны въ тѣ часы, когда для визитовъ еще рано, и въ которомъ опытный его глазъ сразу призналъ подозрительнаго друга дома.

И, не далѣе еще какъ третьяго-дня, онъ имѣлъ весьма щекотливую встрѣчу съ дочерью въ коридорѣ отдѣльныхъ кабинетовъ одного моднаго ресторана.

Въ четвертомъ часу утра онъ выходилъ изъ отдѣльнаго кабинета съ пикантной француженкой, бывшей однимъ изъ его мимолетныхъ увлеченій, которыми онъ изрѣдка разнообразилъ свои регулярныя свиданія съ предметомъ своей болѣе прочной связи. И въ ту же минуту изъ сосѣдняго кабинета выходила Инна, значительно возбужденная и веселая, подъ руку съ какимъ-то господиномъ, котораго Козельскій видѣлъ въ первый разъ.

Отецъ и дочь встрѣтились лицомъ къ лицу, и оба благоразумно не узнали другъ друга.

И встрѣча эта больно кольнула Николая Ивановича, за-

дѣвши его родительскія чувства и самолюбіе... «Его дочь таскается по кабинетамъ!»

И кромѣ того онъ былъ возмущенъ, какъ опытный въ любовныхъ дѣлахъ человѣкъ, неосторожностью дочери.

«Хоть бы вуаль густую надѣла!»—подумалъ отецъ.

Но едва ли еще не сильнѣе было оскорблено его эстетическое чувство джентльмена и умнаго человѣка невзрачнымъ видомъ, неважнымъ пальто и довольно-таки идіотскимъ, некрасивымъ лицомъ молодого спутника Инны.

«Точно лучше не могла найти!»—мысленно обвинилъ онъ дочь, глубоко оскорбленный, что такая красивая и неглупая женщина, какъ Инна, да еще похожая на него, ѣздитъ въ отдѣльные кабинеты съ такимъ плюгавымъ господиномъ.

— Инна, должно-быть, несчастлива съ мужемъ, Коля... Оттого она, быть-можетъ, и кокетничаетъ немножко!—сказала мать.

— Сама выбрала своего Левушку.

— Ошибиться такъ легко!..

— Она что же... жалуется?

— Инна никогда не станетъ жаловаться, Коля... Но, мнѣ кажется, она не любитъ Леву... А вѣдь жить съ нелюбимымъ мужемъ... Что можетъ быть ужаснѣе для порядочной женщины!

— Но развѣ онъ такая скотина, что самъ не понимаетъ этого?.. Тогда я съ нимъ поговорю.

— Надо прежде съ Инной поговорить... Дастъ Богъ, мои предположенія ошибочны... Чужое семейное счастье такая загадка!—раздумчиво прибавила Антонина Сергѣевна.

Его превосходительство не любилъ разговоровъ съ женой на такія темы и, благоразумно не подавая реплики, взглянулъ на часы и проговорилъ:

— Половина десятаго... Ты не позволишь ли подать самоваръ и не напоишь ли меня чаемъ, Тоня?

— Съ удовольствіемъ.

И Антонина Сергѣевна поднялась съ широкой оттоманки.

«Святая женщина!»—умиленно подумалъ Николай Ивановичъ и сказалъ:

— Ты мнѣ сюда пришли чай, Тоня!

— Хорошо!—отвѣтила жена.

И тихо вышла изъ кабинета, полная затаеннаго ревниваго чувства, которое всегда возбуждалось сильнѣе, когда мужъ бывалъ наряденъ и, какъ казалось Антонинѣ Сергѣевнѣ, неотразимъ. И къ тому же она не знала, какая женщина владѣетъ теперь имъ и для кого онъ такъ нарядился.

Разумѣется, она не повѣрила, что для Никодимцева.

«Для кого же, для кого?»

Съ тѣхъ поръ, какъ Николай Ивановичъ разошелся съ послѣдней своей дамой, хорошо извѣстной Антонинѣ Сергѣевнѣ, она въ неизвѣстности. А что новая дама есть, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Антонина Сергѣевна, слава Богу, хорошо изучила мужа! И непремѣнно изъ общества. Она тоже знала извѣстную щепетильность мужа.

Она испытывала мучительное любопытство непремѣнно знать тѣхъ женщинъ, изъ-за которыхъ она страдала и была отставленной женой, а между тѣмъ вотъ уже два года, какъ Антонину Сергѣевну безпокоитъ тайна новой связи, словно постоянная гнетущая зубная боль. Она подозрѣвала многихъ, но ни въ одной изъ подозрѣваемыхъ не могла признать ту «подлую женщину», которая увлекаетъ женатаго человѣка.

На этотъ разъ Николай Ивановичъ, вѣроятно, проученный прежнимъ опытомъ, ловко скрывалъ свои амурныя дѣла. Ни одной оброненной записки, ни одного компрометирующаго появленія съ кѣмъ-нибудь въ театрѣ...

«Но она узнаетъ! Быть-можетъ, сегодня же узнаетъ, кто эта женщина!»—подумала Антонина Сергѣевна, наливая мужу чай по его вкусу.

И—странное дѣло!—мысль о томъ, что она узнаетъ, кто любовница мужа, нѣсколько успокоила Антонину Сергѣевну.

Въ столовой появилась Тина, маленькая рыжеволосая блондинка ослѣпительной бѣлизны, съ бойкими глазами и вздернутымъ носомъ, что придавало ея хорошенькому лицу задорное, вызывающее и даже дерзкое выраженіе.

— Хорошо, мамочка?—бойко проговорила она увѣреннымъ тономъ, вполнѣ убѣжденная, что хорошо, и остановилась передъ матерью веселая, улыбающаяся и нарядная въ новомъ свѣтло-зеленомъ платьѣ.

— Отлично, Тиночка... Отнеси, голубка, папѣ стаканъ... Да смотри, не пролей на блюдечко. Папа это не любитъ...

Тиночка осторожно взяла блюдечко и, поставивъ стаканъ на столъ, поцѣловала отца и проговорила:

— Здравствуй, папа! Мы съ тобой не видались сегодня.

— Да, Тина, не видались. Ты вѣдь сегодня не обѣдала дома...

— Не обѣдала!—слегка вызывающимъ тономъ отвѣтила Тина.

— А мама безпокоилась... Ты бы предупредила...

— Я разъ навсегда просила маму не безпокоиться. Ты, надѣюсь, не безпокоился?—не безъ иронической нотки въ своемъ низкомъ, красивомъ голосѣ спросила Тина.

— Не безпокоился. Ты не маленькая. А позволительно отцу

спросить, гдѣ ты пропадала? — полушутя спросилъ Николай Ивановичъ.

Верхняя губа Тины капризно вытянулась и глаза сверкнули, когда она отвѣтила:

— Тебя это интересуетъ? У своихъ знакомыхъ была!

— Опредѣленно!—произнесъ отецъ и усмѣхнулся.

— Но развѣ будетъ опредѣленнѣе, если я скажу, что была у Ивановыхъ? Или ты всегда опредѣленно говоришь намъ, гдѣ бываешь?

Козельскій нѣсколько сконфуженно отвелъ глаза и отхлебнулъ чая.

Тина захотѣла-было идти, но отецъ раздраженно спросилъ:

— А твои декаденты сегодня придутъ?

— Придутъ. А развѣ они мѣшаютъ тебѣ?

— Не мѣшаютъ, если не декламируютъ глупостей.

— Ты ничего не понимаешь въ поэзіи и потому сердишься...

— Да... Всякой галиматьи я не понимаю.

— А я не считаю галиматьей то, что они пишутъ, и понимаю... Не безпокойся, они тебѣ не помѣшаютъ. Я уведу ихъ въ свою комнату... Мы тамъ будемъ читать...

— Но, Тина...

— И больше они не придутъ!—не слушая отца, взволнованно проговорила Тина и вышла изъ комнаты.

«Экая дерзкая дѣвчонка!»—подумалъ въ раздраженіи отецъ и понялъ, что онъ безсиленъ передъ ней.

Понялъ и, еще болѣе раздражаясь, мысленно произнесъ:

«Замужъ ей надо... А то дофлиртуется до скандала!»

III.

Въ двѣнадцатомъ часу гости были въ сборѣ.

Не было только Инны и баритона Нерпи.

Хозяинъ, игравшій въ кабинетѣ въ винтъ, въ числѣ партнеровъ котораго былъ и Никодимцевъ, очень скромный и даже застѣнчивый господинъ лѣтъ около сорока, съ некрасивымъ, умнымъ и энергичнымъ лицомъ,—уже нѣсколько разъ справлялся: не пріѣхала ли дочь. Онъ зналъ, что она обладаетъ способностью очаровывать мужчинъ, и почему-то хотѣлъ, чтобы Никодимцевъ съ ней познакомился.

Цвѣтникъ дамъ и дѣвицъ въ красивыхъ туалетахъ наполнялъ большую гостиную. Было жарко. Пахло духами. Юная піанистка только-что кончила играть, и несчастные молодые люди, занимавшіе дамъ, снова должны были придумывать болѣе или менѣе подходящія темы «журфиксныхъ» разговоровъ. Опера, пріѣзжій итальянскій трагикъ, недавнее самоубійство

изъ-за несчастной любви уже были исчерпаны, а до ужина еще далеко.

Хотя госпожа Ордынцева и увѣряла мужа, что они живутъ какъ нищіе, но здѣсь далеко не казалась нищей. Напротивъ! Она была очень красива и эффектна въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ брильянтами въ ушахъ и съ сверкающими кольцами на крупныхъ, бѣлыхъ рукахъ. Она глядѣла очень моложавой и чувствовала, что нравится мужчинамъ. Отъ нея почти не отходили два господина: старенькій адмиралъ и совсѣмъ юный инженеръ. И оба говорили ей любезности и оба таяли.

А Ольга въ платьѣ «crème» кокетничала съ г. Гобзинымъ, котораго ей представили. Молодая хорошенькая дѣвушка видимо понравилась сыну милліонера.

Тина въ своей хорошенькой комнатѣ слушала стихи, которые декламировалъ ей высокій худощавый господинъ развинченнаго вида съ рыженькой бородкой и маленькими кроличьими глазами. Читалъ онъ какъ-то таинственно-тихо и плавно, и стихъ былъ звучный и мѣстами красивый, но добраться до смысла въ этихъ стихахъ было невозможно. Однако два студента слушали поэта съ благоговѣніемъ. Зато молодой, прыгожій артиллеристъ саркастически улыбался, не спуская влюбленныхъ глазъ съ Тины.

И, когда поэтъ кончилъ и Тину позвали пѣть, артиллеристъ подошелъ къ ней и шепнулъ:

— Татьяна Николаевна! Неужели вамъ и стихи и онъ нравятся?

— А вамъ какое дѣло?

— Мнѣ? Татьяна Николаевна...

— Не приставайте... Надоѣли!.. Вотъ возьму да и выйду замужъ за этого боровка!..—указала она на Гобзина.

— Потому что милліонеръ?

— Именно...

Артиллеристъ отошелъ грустный. А онъ надѣялся и, казалось ему, имѣлъ право надѣяться на иное отношеніе.

И онъ хотѣлъ-было уйти и никогда больше не являться къ Тинѣ. Ужъ онъ былъ въ прихожей, но вдругъ вернулся въ гостиную, сѣлъ въ уголкѣ и притихъ, словно обиженный ребенокъ.

Исполняя обязанности хозяйки дома, Антонина Сергѣевна присаживалась то къ одной, то къ другой гостьѣ и, если она была недурна, въ ней шевелилось ревнивое чувство: «не она ли?»

Она также незамѣтно слѣдила, когда мужъ, оказываясь свободнымъ пятымъ партнеромъ, входилъ въ гостиную и подходилъ къ дамамъ, чтобъ сказать нѣсколько любезныхъ словъ.

Но рѣшительно никому онъ не выказывалъ особеннаго предпочтенія.

И это заставляло бѣдную женщину втайнѣ страдать.

Пока Тина собиралась пѣть цыганскія пѣсни и разбирала ноты, въ гостиную, вся въ бѣломъ, вошла Инна, улыбаясь милой дѣтской улыбкой и глазами, большими зелеными глазами, въ которыхъ, казалось, свѣтилась чистота самой мадонны.

И тотчасъ же разговоры смолкли, и всѣ взоры обратились на нее.

Дѣйствительно, въ этой женщинѣ было что-то необыкновенно красивое и обворожительное.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Эту стройную, изящную, молодую женщину лѣтъ двадцати пяти-шести на видъ, съ пепельными волосами, причесанными въ древне-греческомъ стилѣ, съ сверкающими глазами, слегка возбужденную и отъ сознанія своей привлекательности и отъ того, что на нее обращено общее вниманіе,—нельзя было назвать красавицей. Черты ея лица не отличались правильностью, но въ немъ было что-то чарующее, невольно притягивающее. И этимъ магнитомъ были, конечно, глаза, большіе, сѣрые, ласково улыбающіеся глаза, осѣненные длинными рѣсницами.

Инна Николаевна поздоровалась съ матерью съ нѣжностью ласковаго ребенка. Она цѣловала ея руку, потомъ лицо нѣсколько разъ.

— Что такъ поздно, Инночка?—спрашивала растроганная Антонина Сергѣевна, любуясь своей нарядной красивой дочерью.

— Изъ Александринскаго театра. Были съ Иртеньевыми. Но что за глупая пьеса, мама!

— А мужъ?

— Вѣрно, скоро пріѣдетъ. Онъ повезъ Иртеньеву домой.

— А какъ же ты?

— Меня сюда довезъ Иртеньевъ...

И, оставивъ мать, молодая женщина стала обходить гостей. Всѣ движенія ея хорошо сложенной фигуры были мягки и полны граціи. Здороваясь, она всѣхъ дарила ласковымъ, улыбающимся взглядомъ; точно всѣ были одинаково ей симпатичны, и она хотѣла всѣхъ очаровать.

Расцѣловавшись съ сестрой, она шепнула, указывая на Гобзина:

— Папинъ кандидатъ?

Татьяна Николаевна кивнула головой и, смѣясь, спросила:

— Хорошъ экземпляръ?

— Невозможный...

— Но не хуже твоего супруга.

— Ну нѣтъ. Мой хоть и глупъ, но все-таки не похожъ на поросенка...

Бросивши эти слова, Инна Николаевна прошла въ кабинетъ.

Когда она подошла къ отцу, партнеры встали и поклонились. Никодимцевъ чуть не замеръ отъ восхищенія при видѣ молодой женщины.

— Наконецъ-то! — воскликнулъ Козельскій, оглядывая довольнымъ взглядомъ элегантный костюмъ Инны.

Ни отецъ ни дочь, казалось, не были смущены, увидѣвшись послѣ недавней щекотливой встрѣчи.

Инна Николаевна поцѣловала отца въ щеку. Онъ прикоснулся пушистыми усами къ ея лбу и проговорилъ:

— Садись, пожалуйста, за меня, Инна... Вы позволите, господа?

Толстый полковникъ генеральнаго штаба и высокій худощавый инженеръ сказали, что будутъ очень рады. Никодимцевъ почтительно наклонилъ свою черную остриженную голову.

— Инна Николаевна отлично играетъ! — замѣтилъ инженеръ, цѣлуя протянутую ему руку.

Полковникъ подтвердилъ слова инженера.

Козельскій представилъ дочери Никодимцева и шутя примолвилъ:

— Смотри, играй внимательно... Григорій Александровичъ превосходный игрокъ. Тебѣ съ Григорьемъ Александровичемъ играть.

— А вы не будете бранить меня?—спросила Инна Николаевна, протягивая ему руку.

Никодимцевъ густо покраснѣлъ и застѣнчиво произнесъ:

— Я... помилуйте...

— Ну, тогда я сажусь за тебя, папа, но не надолго... На одинъ-два роббера.

— Только-то!—воскликнулъ инженеръ.

— Боюсь, что вамъ, господа, будетъ неинтересно играть съ такой неумѣлой партнершей! — сказала молодая женщина, опускаясь на стулъ.

Инженеръ и полковникъ горячо протестовали, взглядывая на Инну Николаевну загорѣвшимися глазами. Никодимцевъ строго взглянулъ на нихъ.

Молодая женщина замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею

на Никодимцева, перехватила недовольный взглядъ его темныхъ глазъ и не безъ пріятнаго удивленія посмотрѣла на этого серьезнаго, корректнаго господина съ умнымъ усталымъ лицомъ, который не разглядывалъ ее, какъ бо́льшая часть мужчинъ.

Она сняла перчатки, и всѣ партнеры невольно взглянули на ея красивыя холеныя руки съ длинными породистыми пальцами, на которыхъ сверкали кольца, и въ ту же минуту почувствовали тонкій ароматъ духовъ.

Никодимцевъ сдѣлался еще серьезнѣе. А между тѣмъ радостное чувство охватило его благодаря присутствію Инны Николаевны. И онъ украдкой взглядывалъ во время игры на красивую молодую женщину и вдругъ словно бы почувствовалъ прелесть жизни и понялъ, что эта жизнь не въ одномъ только департаментѣ, которому онъ отдавалъ все свое время. Понялъ и безъ обычной внимательности слушалъ переговоры.

— Я сказала четыре трефы, Григорій Александровичъ.

— Виноватъ... Простите... Я... Пять трефъ!..—вдругъ стремительно проговорилъ онъ.

— Пять безъ козырей! — вымолвила Инна Николаевна и словно бы приласкала партнера своими ласково улыбающимися глазами.

— Малый шлемъ въ трефахъ!—объявилъ Никодимцевъ.

И ему вдругъ стало весело, какъ школьнику.

Но онъ тщательно скрывалъ свое душевное настроеніе и, серьезный, казалось, весь отдавался игрѣ.

Шлемъ былъ выигранъ.

Инженеръ значительно проговорилъ:

— Вамъ во всемъ везетъ, Инна Николаевна!

— Вы думаете?

— Увѣренъ.

— И даже увѣрены?.. Впрочемъ, вы, кажется, вообще самоувѣренный человѣкъ!—не безъ иронической нотки сказала Инна Николаевна.

И затѣмъ, обратившись къ Никодимцеву, спросила:

— Я не очень скверно разыграла шлемъ?

— Напротивъ... Превосходно, Инна Николаевна.

— Это комплиментъ или правда, Григорій Александровичъ?

— Я комплиментовъ не умѣю говорить!—серьезно замѣтилъ Никодимцевъ.

— Въ такомъ случаѣ вы оригинальный человѣкъ...

— Ну, какой оригинальный... Самый обыкновенный!—краснѣя, промолвилъ Никодимцевъ.

И подумалъ:

«Вотъ ты необыкновенная красавица! И я буду ѣздить сюда на журфиксы!»

И опять почувствовалъ, что ему отчего-то необыкновенно пріятно. И эта пріятность какая-то особенная, совсѣмъ не похожая на ту, которую онъ испытываетъ отъ своихъ служебныхъ успѣховъ.

Онъ разсѣянно игралъ слѣдующую игру и сдѣлалъ крупную ошибку.

— Выпустили насъ, ваше превосходительство!—не безъ злорадства замѣтилъ инженеръ.

— Дѣйствительно... выпустилъ... Прошу извинить меня, Инна Николаевна!

— Не извиняйтесь, а то и мнѣ придется извиняться! Лучше не будемъ взыскательны другъ къ другу!

Козельскій вышелъ изъ кабинета довольный.

Онъ видѣлъ, что Никодимцевъ, этотъ холостякъ-схимникъ, недоступный никакимъ вліяніямъ, равнодушный къ женскимъ чарамъ и имѣвшій репутацію необыкновенно хорошаго работника и человѣка неподкупной честности, былъ очарованъ Инной.

— «Клюнулъ!»—мысленно проговорилъ его превосходительство и вошелъ въ гостиную.

Тина запѣла «Ночи безумныя».

Пѣла она этотъ затасканный романсъ съ цыганскимъ блескомъ, съ особеннымъ выраженіемъ затягивая ферматы и подчеркивая болѣе пикантныя слова. Ея свѣжій молодой голосъ звучалъ красиво и былъ полонъ нѣги и страсти этихъ безумныхъ ночей. Ея каріе глаза зажглись огонькомъ, и въ нихъ было что-то вакхическое.

Разговоры сразу оборвались. Всѣ съ восторгомъ слушали пѣніе. Мужчины такъ и впились глазами въ хорошенькую пѣвицу съ рыжими волосами и ослѣпительно-бѣлымъ лицомъ, подернутымъ румянцемъ, которая воспѣвала безумныя ночи и, казалось, призывала къ нимъ.

Молодой артиллеристъ закрылъ лицо руками, чтобы скрыть навертывавшіяся слезы. Ему было жутко отъ этого пѣнія и невыносимо грустно, что Тина, на которую онъ молился и которую любилъ, имѣя нѣкоторыя основанія надѣяться, что и его любятъ, поетъ такъ нехорошо и нисколько не стѣсняется пѣть такъ при публикѣ.

Онъ возмущался не разъ и пробовалъ говорить ей, но она приказывала ему молчать, и онъ молчалъ.

И, вспомнивъ объ этомъ, онъ слушалъ Тину, полный тоски, и думалъ, что она совсѣмъ его не любитъ... Эти поцѣлуи,

которыми она дарила его и послѣ которыхъ смѣялась надъ нимъ, когда онъ просилъ Тину быть его женой, казались ему теперь чѣмъ-то ужаснымъ, оскверняющимъ его любовь...

«Завтра же онъ категорически и въ послѣдній разъ объяснится съ ней!» — рѣшилъ двадцатипятилѣтній красивый поручикъ.

Гобзинъ просто-таки замеръ отъ восхищенія и не спускалъ своихъ маленькихъ, заплывшихъ глазъ съ Татьяны Николаевны, и только теперь, когда она пѣла, почувствовалъ, какъ хороша эта «рыжая». И въ эту минуту онъ совсѣмъ забылъ свою сосѣдку, Ольгу Ордынцеву, которая весь вечеръ кокетничала съ нимъ и уже легкомысленно мечтала о побѣдѣ надъ молодымъ милліонеромъ, женой котораго она сдѣлается съ большимъ удовольствіемъ. Гобзинъ уже просилъ позволенія пріѣхать къ Ордынцевымъ съ визитомъ, разсчитывая, конечно, быть у нихъ въ отсутствіе отца.

Теперь Ольга была полна злобнаго, завистливаго чувства къ Тинѣ. Всѣ ея старанія пропали, казалось, даромъ. Этотъ толстякъ даже невѣжливо повернулся къ ней спиной. И веселое настроеніе ея исчезло. Она думала, что она несчастная, и что въ этомъ виноватъ отецъ. Онъ скупой и не даетъ денегъ на уроки пѣнія. А учись она, конечно, она пѣла бы лучше Тины и съ бо́льшимъ выраженіемъ.

Его превосходительство стоялъ на порогѣ и съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ Гобзинъ пожираетъ глазами его дочь.

И въ головѣ его пробѣгали мысли о томъ, какъ хорошо было бы замужество Тины. Стоитъ только ей захотѣть, Гобзинъ женится, и тогда всѣ долги были бы уплачены. Не надо было бы служить въ разныхъ мѣстахъ. Можно устроиться иначе и устроиться отлично. Тина, конечно, не откажетъ отцу въ денежной помощи, имѣя мужа милліонера.

«Захочетъ ли только Тина выйти замужъ за Гобзина?..»

Сомнѣніе омрачило пріятное настроеніе его превосходительства, когда онъ подумалъ, что Тина вообще не хочетъ выходить замужъ и, пожалуй, упуститъ такой случай... Совсѣмъ странная эта Тина! Онъ рѣшительно отказывается ее понимать. Надо же выходить замужъ. Гобзинъ хоть далеко не Антиной, но не противенъ. Если послать его въ Карлсбадъ, похудѣетъ и выправится. А милліонера нескоро найдешь. И наконецъ у Тины такой характеръ, что мужъ у нея не пикнетъ, и слѣдовательно можетъ устроить потомъ свою жизнь, какъ хочетъ... И если-бъ она кого-нибудь любила, тогда еще понятно отказаться отъ милліонера, а то и этого нѣтъ. Бѣднаго артилле-

риста она только изводитъ и держитъ около себя для флирта... Чего она въ самомъ дѣлѣ хочетъ?

И его превосходительство въ эту минуту досадовалъ на «странную дѣвушку», бывшую его дочерью, которая, чего добраго, упуститъ случай и не поможетъ отцу поправить его разстроенныя дѣла. Съ добродушной невмѣняемостью эгоиста и циника онъ даже и не подумалъ о томъ, что желаетъ продать дочь милліонеру. Напротивъ, онъ полагалъ, что заботится объ ея счастьѣ. Для этого онъ и пригласилъ Гобзина.

Когда Тина кончила пѣть, раздался взрывъ рукоплесканій. Гости подходили къ ней, благодарили и просили спѣть еще. Особенно упрашивали мужчины.

— Осчастливьте, Татьяна Николаевна!—восторженно проговорилъ Гобзинъ.

«Эка какъ она сводитъ всѣхъ съ ума этой пошлой цыганщиной!»—не безъ презрѣнія подумалъ Козельскій, большой любитель музыки, посѣщавшій симфоническіе концерты.

Тина обѣщала спѣть еще романсъ. Многіе изъ мужчинъ остались стоять у фортепіано, чтобы ближе видѣть пѣвицу. Гобзинъ тоже остался, и Ольга готова была заплакать отъ зависти и досады.

Когда Тина запѣла «Полюблю, разлюблю», гости притихли, восхищенные.

Увидавши, что «святая женщина» вышла изъ гостиной, его превосходительство направился къ Ордынцевой, около которой было пустое мѣсто. Онъ присѣлъ около и, показывая глазами на дочь, будто говорилъ о ней, шепнулъ:

— Завтра придешь?

Анна Павловна утвердительно опустила рѣсницы.

— Въ три часа?

— Да. И мнѣ нужно съ вами поговорить.

Глаза Николая Ивановича слегка затуманились. Онъ не особенно любилъ, когда Анна Павловна обѣщала «поговорить». Это значило, что ей нужны были деньги сверхъ тѣхъ двухсотъ рублей въ мѣсяцъ, которые Козельскій дарилъ на булавки, не считая подарковъ. А денегъ у него не было. Придется занимать.

— Отлично. Поговоримъ!

И, взглядывая на нее, онъ чуть слышно прибавилъ:

— А ты сегодня особенно прелестна. Ты это знаешь?

— Я знаю, что одѣлась и пріѣхала для тебя, несмотря на то, что совсѣмъ разстроена.

— Опять твой благовѣрный?

— Да. Онъ ненавидитъ семью... Онъ... Однако уходите...

Завтра поговоримъ... Ольга все время на насъ смотритъ... И жена можетъ войти... А ты для кого такой нарядный?

— Точно не знаешь?..

Онъ поднялся съ мѣста и подсѣлъ къ Ольгѣ.

— О чемъ задумались, барышня? Вамъ скучно у насъ?

— Напротивъ... У васъ всегда весело...

— То-то... И вамъ еще рано скучать, такой молодой и хорошенькой...

— Какая я хорошенькая, Николай Ивановичъ... Вотъ мама такъ красавица. Не правда ли?—съ наивнымъ видомъ спросила Ольга, глядя прямо въ глаза Козельскому.

— И вы и ваша мама... Обѣ вы прелестны... А вы споете намъ?

— Что вы... Послѣ Татьяны Николаевны?

— У васъ чудный голосъ... Спойте... Только не цыганщину... Я ее терпѣть не могу... Споете?

— Ни за что. Вы знаете, я не училась... А мнѣ такъ хотѣлось бы учиться, Николай Ивановичъ... Скажите мамѣ, чтобы она позволила мнѣ учиться... Она васъ послушаетъ...

Его превосходительство обѣщалъ поговорить не только съ мамой, но и съ папой о томъ, что грѣшно зарывать такой талантъ, и не безъ досады подумалъ, что придется прибавить Аннѣ Павловнѣ еще двадцать пять рублей въ мѣсяцъ на развитіе таланта этой лукавой дѣвчонки, умѣвшей, несмотря на свои молодые годы, отлично пользоваться обстоятельствами. Для Козельскаго было ясно, что Ольга догадывается объ его отношеніяхъ къ матери, и надо было чѣмъ-нибудь закупить дочь.

И онъ проговорилъ:

— Вѣрьте, что буду горячимъ вашимъ адвокатомъ.

— Вотъ спасибо, Николай Ивановичъ.

И Ольга бросила на его превосходительство быстрый ласковый взглядъ, заставившій Николая Ивановича невольно взглянуть на Анну Павловну. Та смотрѣла на него.

Ольга это замѣтила и усмѣхнулась.

— Вы чему смѣетесь?

— Радуюсь, что, благодаря вамъ, не зарою своего таланта, какъ ваша дочь... Она прелестно поетъ...

— Не въ моемъ вкусѣ... Однако простите... И то я надоѣлъ вамъ...

— Нисколько... Впрочемъ, идите... идите... А то на васъ разсердятся...

— Кто и за что?..

— Другіе гости, къ которымъ вы еще не подходили... вотъ кто!

«Однако и шельма ты!»—мысленно проговорилъ Козельскій и сказалъ:

— Вы правы! Надо исполнять долгъ хозяина какъ слѣдуетъ...

И его превосходительство всталъ и направился въ другой конецъ большой гостиной сказать нѣсколько словъ старичку-адмиралу.

Тина между тѣмъ окончила романсъ и снова вызвала бурю восторговъ. Несмотря на усиленныя просьбы, она болѣе не хотѣла пѣть. Оживившаяся, съ загорѣвшимися глазами, она подошла къ артиллеристу, сидѣвшему въ уголкѣ, и сказала:

— Что вы, Борисъ Александровичъ, въ печальномъ уединеніи и въ образѣ рыцаря печальнаго образа? Пройдите въ мою комнату черезъ пять минутъ!—прибавила она чуть слышно и отошла.

Онъ сразу повеселѣлъ и слѣдилъ влюбленными счастливыми глазами за Тиной, которая болтала уже съ какой-то дамой. Черезъ двѣ-три минуты молодая дѣвушка скользнула въ прихожую.

Артиллеристъ прошелъ черезъ столовую въ открытую настежь комнату Тины, и какъ только очутился за портьерой, Тина обвила его шею и страстно прильнула къ его губамъ.

И, оттолкнувъ молодого человѣка, шепнула:

— Ну, что, меланхолія прошла? Не сердитесь? Уходите! Завтра утромъ буду у васъ!

И съ этими словами исчезла за драпировкой.

Офицеръ вернулся въ гостиную, ошалѣвшій отъ неожиданнаго счастья и не сомнѣвавшійся, что Тина его любитъ и будетъ его женой. Ея обѣщанный визитъ казался ему знакомъ высокаго довѣрія къ нему.

Безконечно счастливый, онъ не испытывалъ даже мукъ ревности, когда увидалъ, что Тина уже оживленно бесѣдуетъ съ Гобзинымъ.

Былъ первый часъ на исходѣ, а обѣщанный гостямъ баритонъ Нерпи не пріѣзжалъ, и хозяинъ мысленно выругалъ баритона скотиной.

Еще бы!

Николай Ивановичъ, старавшійся, чтобы его фиксы были оживленны, видѣлъ, что наступаетъ тотъ критическій періодъ, когда, въ ожиданіи ужина, гости приходятъ въ удрученное состояніе, томясь отъ скуки. Онъ зналъ, что именно въ это время пѣвцы и пѣвицы являются спасителями, избавляющими гостей отъ каторжной обязанности передавать другъ другу газетныя новости и поднимающими бодрость духа у тѣхъ добрыхъ знакомыхъ, которые пріѣзжаютъ на фиксы исключительно для того, чтобы вкусно поужинать и выпить хорошаго вина.

II.

Извѣстная піанистка уже уѣхала. Отрывать Тину отъ бесѣды съ молодымъ милліонеромъ заботливый отецъ не хотѣлъ, да и заставить ее пѣть, если она не хочетъ, не такъ-то легко.

Николай Ивановичъ поморщился, когда, вмѣсто жданнаго баритона, явился Лева, его зять, тщедушный маленькій молодой брюнетъ въ смокингѣ, развязный и самоувѣренный, съ нѣсколько выкаченными глазами, придававшими его безцвѣтному, пошловатому лицу съ модными узкими бачками и взъерошенными жидковатыми усами—глупый и нѣсколько растерянный видъ.

Онъ поцѣловалъ руки тещи и нѣсколькихъ знакомыхъ дамъ и налетѣлъ на Козельскаго. Крѣпко пожавъ ему руку, онъ сталъ подробно разсказывать, чуть взвизгивая, торопясь и захлебываясь, что опоздалъ потому, что его задержали Иртеньевы, у которыхъ онъ пилъ чай.

Словно не понимая, что Козельскій нисколько не былъ бы въ претензіи, если-бъ зять и совсѣмъ не пріѣхалъ, и что тестю не было ни малѣйшаго дѣла до незнакомыхъ ему Иртеньевыхъ, Лева Травинскій извинялся, что пріѣхалъ поздно, и затѣмъ сталъ объяснять, что Иртеньевы вполнѣ приличные люди и платятъ за квартиру тысячу восемьсотъ рублей.

— А самъ Иртеньевъ умный, очень умный... Куда умнѣй меня.

— Неужели?—спросилъ Козельскій, подумавшій въ то же время, что такіе идіоты, какъ зять, встрѣчаются не очень часто.

— Долженъ согласиться... И вообразите—зарабатываетъ до двадцати тысячъ. Онъ предлагаетъ быть его компаньономъ. Какъ вы думаете, дорогой Николай Ивановичъ, сдѣлаться его компаньономъ?—неожиданно спросилъ Лева.

— Мы объ этомъ въ другой разъ лучше поговоримъ.

— Такъ я завтра пріѣду посовѣтоваться, а? Вѣдь не вредно къ шести тысячамъ, которыя я получаю, имѣть еще четыре тысячи дополнительнаго заработка... Иртеньевъ говоритъ, что это не трудно... Я хочу съ васъ брать примѣръ и думаю, что умные люди всегда могутъ хорошо устроиться... Не правда ли?

Николай Ивановичъ не разъ удивлявшійся, что его зять отлично идетъ по службѣ и вообще преуспѣваетъ, все-таки удивился, что такого глупаго болтуна берутъ въ компаньоны, и снова повторилъ:

— Въ другой разъ поговоримъ... Въ другой разъ... А теперь...

Его превосходительство съ удовольствіемъ прибавилъ бы: «убирайся къ чорту!», если бы только это было возможно.

— А Инна развѣ не здѣсь? Она не была здѣсь?—вдругъ тревожно спросилъ Травинскій, оглядывая гостиную.

— Она играетъ въ карты.

— Въ карты? Удивительно!

И онъ пошелъ въ кабинетъ.

Легкая складочка на лбу обнаружила неудовольствіе Инны Николаевны, когда ея мужъ подошелъ къ ней и, цѣлуя ея руку, проговорилъ:

— Не думалъ, что ты въ карты... А я отъ Иртеньевыхъ... Не пускали...

— Мой мужъ!—проговорила она, обращаясь къ Никодимцеву.—Никодимцевъ... Григорій Александровичъ.

Травинскій поклонился особенно почтительно. Никодимцевъ привсталъ, подавая ему руку, и едва скрылъ изумленіе при видѣ этого молодого человѣка—до того ничтоженъ казался онъ передъ своей женой.

«Какъ могла она выйти за такого замужъ?»—невольно пронеслось у него въ головѣ.

— А ты давно здѣсь, Инна?..

— Изъ театра прямо!

— Я думалъ, ты каталась... Погода такая хорошая.

— Ты намъ мѣшаешь!—мягко проговорила Инна Николаевна.

— Мужья всегда мѣшаютъ женамъ!—смѣясь, проговорилъ мужъ.

Партнеры переглянулись. Никодимцевъ опустилъ глаза.

— Особенно, когда жены играютъ въ карты,—шутливо замѣтила Инна Николаевна.

— Виноватъ... Я не буду мѣшать.

Травинскій ушелъ.

Никодимцевъ взглянулъ на Инну Николаевну. Ни черточки неудовольствія въ ея лицѣ.

«Неужели она любитъ мужа?»—подумалъ Никодимцевъ.

Подобный вопросъ невольно задавали себѣ всѣ, видѣвшіе Инну Николаевну и ея мужа.

Во второмъ часу позвали ужинать. Передъ тѣмъ, что садиться, Козельскій сказалъ дочери:

— Я посажу около тебя Никодимцева.

Инна охотно согласилась и спросила:

— Кто онъ такой?

— Ты развѣ не знаешь? Директоръ департамента. Человѣкъ съ блестящей будущностью. Говорятъ, его скоро назначатъ товарищемъ министра... Не дай ему скучать... Онъ застѣнчивъ, особенно въ дамскомъ обществѣ, и, кажется, избѣгаетъ женщинъ...

— Будто?

— Говорятъ, живетъ схимникомъ...

— Это интересно!—усмѣхнулась Инна Николаевна.

Она дѣйствительно не дала скучать своему застѣнчивому сосѣду. Онъ оживился, слушая ея остроумный пересказъ новой пьесы, которую она видѣла въ этотъ вечеръ, и почти не дотрогивался до форели, лежавшей у него на тарелкѣ.

— А вы любите театръ?—спросила она.

— Люблю, но рѣдко бываю...

— Отчего?

— Во-первыхъ, нечего смотрѣть.

— А во-вторыхъ?

— Некогда. Я очень занятъ, Инна Николаевна.

— И вамъ не скучно все время проводить въ работѣ?

— Работа, я думаю, и спасаетъ отъ скуки... Чѣмъ наполнить иначе жизнь?

— А личное счастье?

— Оно трудно достижимо, Инна Николаевна, особенно теперь, въ мои годы.

— Да развѣ вы старикъ?

— Сорокъ два года... Настоящій старый холостякъ.

— Жениться еще не поздно...

— Поздно, Инна Николаевна... На такую глупость я не согласенъ.

— Отчего глупость?

— Я смотрю на бракъ очень серьезно... Потому-то и счелъ бы глупостью думать о немъ теперь... Жениться, конечно, не трудно, но каково жить потомъ...

— А какъ же вы смотрите на бракъ, Григорій Александровичъ?

— Я думаю, что жениться можно только тогда, когда дѣйствительно любишь и когда уважаешь того, кого любишь... Когда оба правдивы настолько, чтобы могли честно разстаться, если на несчастье перестанутъ любить и уважать другъ друга... Иначе это... это...

— Договаривайте...

— Безнравственный компромиссъ...

— Вы правы!—проговорила Инна Николаевна, и что-то скорбное мелькнуло въ ея глазахъ.

Никодимцевъ замѣтилъ эту внезапную перемѣну. И съ сердечною ноткой въ голосѣ прибавилъ:

— Разумѣется, во всѣхъ такихъ бракахъ виноваты почти всегда мужчины, а не женщины. Для нихъ часто нѣтъ выхода...

— И женщины виноваты!—сказала Инна Николаевна.

— Григорій Александровичъ! Шабли передъ вами!—обратился хозяинъ къ Никодимцеву.

— Благодарю васъ.

Но онъ не налилъ себѣ вина.

— Что-жъ вы? Налейте мнѣ и себѣ!—сказала Инна Николаевна.

— Я вообще не пью, но съ удовольствіемъ выпью за ваше здоровье и... счастье!—промолвилъ Никодимцевъ.

И, наполнивъ двѣ рюмки, чокнулся съ сосѣдкой.

— А я пью за то, чтобы вы нашли тотъ идеалъ, о которомъ говорили... Вѣдь и одиночество тоскливо... Или честолюбіе для васъ выше всего?..

Никодимцевъ покраснѣлъ.

— Да, я честолюбивъ. А объ идеалѣ можно только мечтать...

— И стараться осуществить мечты... Полюбить...

— Чтобъ нарушить тотъ покой, какимъ я теперь пользуюсь?.. Это не доброе пожеланіе, Инна Николаевна.

— Вы, вѣрно, никогда не любили, если такъ заботитесь о своемъ покоѣ... Вѣрно, некогда было?..

— Почти что такъ...

Къ концу ужина между Никодимцевымъ и Инной Николаевной какъ-то самъ собой установился задушевный тонъ. Никодимцевъ говорилъ съ ней о своихъ путешествіяхъ за границу, о своихъ литературныхъ вкусахъ и ни разу не обмолвился ни однимъ комплиментомъ, которые обыкновенно говорятъ красивымъ женщинамъ. И это очень понравилось Иннѣ Николаевнѣ, до сихъ поръ не встрѣчавшей ни одного мужчины, который говорилъ бы съ ней, какъ равный съ равнымъ, безъ тѣхъ игривыхъ, болѣе или менѣе остроумныхъ любезностей, за которыми скрывается легкое отношеніе къ женщинѣ. Это было въ диковинку молодой женщинѣ и льстило ея самолюбію. И когда въ три часа встали изъ-за стола, Никодимцевъ еще нѣсколько времени разговаривалъ съ Инной Николаевной.

Наконецъ онъ поднялся съ дивана и, низко кланяясь, проговорилъ:

— Позвольте сердечно поблагодарить васъ, Инна Николаевна. Я давно не проводилъ такъ пріятно вечера, какъ сегодня.

— Надѣюсь, мы видимся не послѣдній разъ?

— Я былъ бы несказанно радъ.

— Быть-можетъ, вы когда-нибудь загляпете ко мнѣ, если не боитесь разочароваться въ моей способности бесѣдовать съ такимъ умнымъ человѣкомъ. Отъ трехъ я почти всегда дома. Моховая, 10.

Никодимцевъ вспыхнулъ отъ радости. Онъ горячо благодарилъ за приглашеніе и сказалъ, что сочтетъ за счастіе воспользоваться имъ.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Не правда ли? — промолвила Инна Николаевна, протягивая свою красивую руку и ласково улыбаясь.

— Если позволите, я на-дняхъ буду у васъ...

И, почтительно пожавъ руку, онъ пошелъ прощаться съ хозяйкой и хозяиномъ.

Козельскій проводилъ гостя и въ передней, поблагодаривъ за посѣщеніе, сказалъ:

— Не забывайте нашихъ скромныхъ вторниковъ, Григорій Александровичъ, если сегодня не очень проскучали. Партія всегда будетъ.

Никодимцевъ обѣщалъ не забывать.

Когда всѣ гости разъѣхались и Инна Николаевна собиралась уѣзжать съ мужемъ, Козельскій позвалъ ее на два слова въ кабинетъ.

Инна Николаевна пошла за отцомъ, нѣсколько смущенная, думая, что отецъ будетъ говорить съ ней о недавней встрѣчѣ.

Но вмѣсто того отецъ съ заискивающей улыбкой сказалъ ей:

— Я къ тебѣ съ большой просьбой, Инна.

— Въ чемъ дѣло, папа?

— Затѣвается одно большое коммерческое предпріятіе, и я въ немъ негласнымъ участникомъ. Если это предпріятіе осуществится, я могу имѣть большія деньги... А онѣ мнѣ нужны, охъ, какъ нужны. Долговъ много, и вы не обезпечены... Такъ вотъ, видишь ли, голубушка, надо провести уставъ, а для этого нужно хлопотать... Мнѣ самому неудобно, а если-бъ ты поѣхала въ департаментъ къ Никодимцеву...

— Мнѣ не надо и ѣздить въ департаментъ... Никодимцевъ будетъ у меня на-дняхъ.

— Значитъ, еще лучше. Ты сдѣлаешь большое одолженіе, если попросишь объ уставѣ... Онъ будетъ польщенъ твоей просьбой и не откажетъ такой хорошенькой женщинѣ...

— Но, папа... Развѣ это возможно?.. Развѣ ты не понимаешь, о чемъ просишь?.. Нѣтъ, ты, вѣрно, хуже обо мнѣ думаешь, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ... Я не буду говорить съ Никодимцевымъ, папа... И мнѣ больно, что отецъ...

Слезы вдругъ брызнули изъ глазъ Инны. Николай Ивановичъ растерялся и, полный стыда, виновато проговорилъ, цѣлуя дочь:

— Инночка! Ты не такъ меня поняла... Я... я ничего дурного не имѣлъ въ виду... И наконецъ Никодимцевъ поря-

дочный человѣкъ... Онъ не обидѣлъ бы тебя оскорбительными подозрѣніями... Не надо... не надо... Не говори ничего... Я самъ съ нимъ поговорю... Не надо... Утри глаза, а то мама... увидитъ и будетъ тревожиться... Если спроситъ, то скажи, что я говорилъ съ тобой о... твоихъ семейныхъ дѣлахъ. Вѣдь я вижу, ты несчастлива съ твоимъ мужемъ.

Иннѣ Николаевнѣ стоило большого труда, чтобы не разрыдаться...

— Если хочешь, я переговорю съ твоимъ мужемъ.

— Не нужно... Къ чему?

— Инночка!.. Но если въ самомъ дѣлѣ тебѣ не въ моготу, то... можно наконецъ и развестись съ нимъ... Конечно, это крайняя мѣра... Но знай, что ты всегда желанная гостья у насъ въ домѣ... Знай это!—проговорилъ отецъ, вытирая слезу.

Инна вытерла слезы и холодно простилась съ отцомъ.

Антонина Сергѣевна, обнимая дочь, спросила:

— О чемъ отецъ говорилъ?

— О моихъ семейныхъ дѣлахъ, мама... Онъ съ чего-то взялъ, что я несчастлива...

— А развѣ нѣтъ?..

— Въ другой разъ поговоримъ... А теперь перекрести меня, дорогая...

Антонина Сергѣевна перекрестила дочь, и Инна Николаевна уѣхала.

III.

— Ну, что, подковали Никодимцева, а? — спрашивалъ на извозчикѣ мужъ.

— Что это значитъ?

— А значитъ, что твой фатеръ имѣетъ нужду въ Никодимцевѣ и хочетъ при твоей помощи околпачить его... Порадѣй и для меня, Инна...

— Молчи... Не смѣй такъ говорить.

— Чего ты сердишься... Это самое обыкновенное дѣло...

— Для тебя, можетъ-быть.

— А ты что-жъ? Недосягаемая добродѣтель, что ли?..

Инна Николаевна молчала.

Когда она пріѣхала домой и, быстро раздѣвшись, расчесывала волосы въ своемъ будуарѣ, у дверей раздался голосъ мужа:

— Инна! Позволь войти...

— Я раздѣта.

— Тѣмъ лучше. Пусти меня... Я, кажется, не чужой... Я твой мужъ и, смѣю думать, очень снисходительный мужъ...

— Уходи...

— Инна... Милая... Я больше не могу терпѣть этой муки... Я люблю тебя, и если ты не хочешь быть моей женой, а...

За дверьми слышны были всхлипыванья...

Инна Николаевна равнодушно стояла у туалета, машинально продолжая расчесывать свои длинные красивые волосы.

— Инна... Пусти же меня!..

Онъ сталъ ломиться въ дверь.

— Вонъ!—крикнула жена.

— Подлая!.. Развратная!.. Я заставлю быть женой!—крикнулъ мужъ и ушелъ.

Ее не оскорбляли эти выходки мужа. Она знала, что скажи она слово, и этотъ самый человѣкъ, поносившій ее, будетъ валяться въ ногахъ, вымаливая у нея прощеніе. И не о немъ задумалась она въ настоящую минуту.

Она думала о своей жизни. И она чувствовала презрѣніе не только къ мужу, но и къ себѣ, и сознавала, что, безвольная и безсильная, не можетъ измѣнить жизнь, и что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который вырвалъ бы ее изъ болота.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Когда Ордынцеву бывало особенно жутко послѣ семейныхъ сценъ, онъ обыкновенно отправлялся къ своей старой знакомой, Вѣрѣ Александровнѣ Леонтьевой, дружба съ которой вызывала въ его женѣ оскорбительныя предположенія и насмѣшки, или къ своему пріятелю Верховцеву, одному изъ тѣхъ немногихъ стойкихъ и убѣжденныхъ литераторовъ, которые остались разборчивы и брезгливы и не шли работать въ журналы мало-мальски нечистоплотные. Онъ былъ изъ «стариковъ», не умѣвшихъ утѣшать себя компромиссами. Хотя жизнь его шла далеко не на розахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ прекратилось изданіе журнала, въ которомъ Верховцевъ былъ постояннымъ сотрудникомъ, и ему нерѣдко приходилось бѣдовать съ женою и двумя дѣтьми, онъ не бросалъ любимаго дѣла. Всю жизнь проработавшій перомъ, онъ отказывался отъ предложеній поступить на службу въ одно изъ министерствъ, въ которое охотно брали смирившихся литераторовъ, и не соблазнялся утѣшительной мыслью проводить свои идеи въ запискахъ и изслѣдованіяхъ, одобренныхъ канцеляріей, предпочитая дѣлать это въ статьяхъ, печатаемыхъ въ журналахъ.

Все это хорошо зналъ Ордынцевъ и еще болѣе уважалъ

стараго пріятеля и вчужѣ завидовалъ ему. То ли дѣло его положеніе! Работа по душѣ. Свободенъ и независимъ. Не знаетъ никакихъ Гобзиныхъ!

Ордынцевъ любилъ отвести душу съ Верховцевымъ за бутылкой-другой дешеваго краснаго вина и хотѣлъ-было ѣхать съ Офицерской на Пески. Но, вспомнивъ, что у него въ карманѣ всего два рубля, и что у пріятеля до выхода книжки тоже едва ли есть капиталы, отложилъ посѣщеніе Верховцева до двадцатаго числа, когда можно будетъ распить вмѣстѣ нѣсколько бутылокъ, и поѣхалъ въ Ковенскій переулокъ, къ Вѣрѣ Александровнѣ Леонтьевой.

Его отвлекали отъ тяжелыхъ думъ эти визиты къ женщинѣ, къ которой онъ раньше питалъ не одни только дружескія чувства, а нѣчто гораздо большее, что онъ тщательно скрывалъ, хотя, разумѣется, не скрылъ. И тогда его частыя посѣщенія далеко не были такими спокойными для него. Но со временемъ это чувство улеглось, чему немало помогъ и отъѣздъ Ордынцева на югъ, гдѣ получилъ мѣсто, и когда онъ вернулся, отношенія ихъ приняли совершенно другой характеръ. Они искренно были привязаны другъ къ другу, полные взаимнаго уваженія. Въ ней онъ вспоминалъ свою безкорыстную любовь. Леонтьева видѣла въ немъ истиннаго друга и благодарно помнила о самоотверженномъ влюбленномъ поклонникѣ, сумѣвшемъ не испортить отношеній и не внести смуты въ дружную семью. Этого она никогда не забывала, сознаваясь себѣ самой, что была такая полоса, когда и она могла увлечься имъ—не держи онъ себя съ такою рыцарской сдержанностью.

Когда Ордынцевъ вошелъ въ небольшую квартиру на дворѣ, въ которой Леонтьевы жили лѣтъ десять, и очутился въ хорошо знакомой ему гостиной въ три окна, съ простенькой зеленой мебелью, съ большимъ шкапомъ съ книгами и множествомъ цвѣтовъ, освѣщенной мягкимъ свѣтомъ лампы подъ краснымъ абажуромъ, на него такъ и повѣяло уютомъ и тѣмъ впечатлѣніемъ порядочности и внутренняго тепла, которое чувствуется не только въ людяхъ, но и въ комнатахъ. И ему сдѣлалось легче на душѣ, когда онъ присѣлъ въ кресло и въ ожиданіи хозяевъ взялъ со стола послѣдній нумеръ одного изъ лучшихъ толстыхъ журналовъ.

Ему не удалось даже прочесть оглавленіе, какъ изъ сосѣдней комнаты вышла небольшого роста женщина въ черномъ шерстяномъ платьѣ, немолодая, худощавая, но крѣпкая и сильная, съ темными живыми глазами. Ея лицо съ крупными чертами, еще моложавое и пригожее, свѣтилось одухотворен-

ной красотой чистой натуры, умомъ и чѣмъ-то открытымъ, внушающимъ довѣріе.

— И какъ же не стыдно такъ пропадать!—ласково проговорила Вѣра Александровна.—Отчего не были долго? Что съ вами?—участливо спрашивала она, пожимая Ордынцеву руку и пытливо заглядывая ему въ глаза.—Садитесь и разсказывайте, и будемъ чай пить... Намъ Ариша сюда подастъ...

Ордынцевъ никогда никому не жаловался на свою семейную жизнь, и Вѣра Александровна никогда не спрашивала его объ этомъ. Она, разумѣется, понимала, что Ордынцевъ несчастливъ, но не представляла себѣ той каторги, которую онъ переносилъ. Она давно уже не бывала у Ордынцевой. Онѣ съ первой же встрѣчи не понравились другъ другу, и Вѣра Александровна удивлялась, какъ Ордынцевъ могъ жениться на такой женщинѣ. Удивлялась и жалѣла Ордынцева, считая виноватой въ его несчастіи не его, а жену.

— Занятъ, Вѣра Александровна, отъ этого и не былъ давно... Вотъ сегодня выпалъ свободный вечеръ, и собрался...

— А здоровье какъ? А живется какъ?

— Здоровье ничего... Скриплю... А живется...

Ордынцевъ попробовалъ-было улыбнуться, но, вмѣсто улыбки, на его худомъ, болѣзненномъ лицѣ появилась страдальческая гримаса.

— Не особенно хорошо живется, Вѣра Александровна!— уныло произнесъ онъ.

— Отчего нехорошо? — спросила Леонтьева, и въ голосѣ ея звучала тревога.

— Вообще... Да и рѣдко кому хорошо живется.

И, словно бы спохватившись, прибавилъ:

— На службѣ непріятности. Гобзинъ сегодня меня раздражилъ... Великолѣпный образчикъ самодовольнаго животнаго въ современномъ вкусѣ.

— Что такое? Разскажите.

— Обыкновенная исторія по нынѣшнимъ временамъ.

И Ордынцевъ сталъ разсказывать свою «исторію» съ Гобзинымъ. Разсказывая, онъ снова волновался.

Возмущенная слушала Вѣра Александровна и, когда Ордынцевъ окончилъ, воскликнула, вся раскраснѣвшаяся отъ негодованія:

— Какая гадость!

И, взглядывая съ уваженіемъ на Ордынцева, прибавила:

— И какъ хорошо вы его осадили, Василій Николаевичъ.

— Одобряете?—радостно промолвилъ Ордынцевъ, вспоминая,

какъ дома отнеслись къ его поступку и какую нотацію прочелъ ему сынъ.

— Что за вопросъ? Вы иначе не могли поступить!

— О, я знаю, для васъ непонятно, какъ иначе поступить, но для другихъ...

Леонтьева догадалась, кто «другіе», и ничего не сказала.

— И знаете ли что, Вѣра Александровна?

— Что?

— Вы не повѣрите, какъ мнѣ хотѣлось плюнуть въ эту самодовольную физіономію моего принципала... Но не посмѣлъ. Струсилъ. Пять тысячъ, жена и дѣти... Это, я вамъ скажу, большая гарантія для Гобзиныхъ... Ну, а вы какъ живете? Аркадій Николаевичъ гдѣ? Дѣти здоровы?—круто перемѣнилъ Ордынцевъ разговоръ.

— Аркадій только-что ушелъ. Сегодня интересный докладъ въ Вольно-Экономическомъ обществѣ. Дѣтвора учится. А я за переводомъ сидѣла.

— Значитъ, все благополучно?

— Благополучно.

— И вы, по обыкновенію, за кого-нибудь хлопочете, устраиваете безпризорныхъ дѣтей и даете уроки?

— Все, какъ было попрежнему... Помогаю немножко Аркадію.

— Да... вы не мѣняетесь!—горячо промолвилъ Ордынцевъ.

— Въ мои годы поздно мѣняться, Василій Николаевичъ.

Оба примолкли.

Пожилая горничная Ариша, давно жившая у Леонтьевыхъ, принесла чай и варенье.

И то и другое показалось Ордынцеву необыкновенно вкуснымъ.

«Вотъ это семья!»—думалъ Ордынцевъ не безъ завистливаго чувства... Жена любитъ и уважаетъ мужа. Онъ души не чаетъ въ женѣ и благодаря ей легче несетъ тяготу жизни. Она не упрекнетъ его за то, что онъ порядочный человѣкъ. И за прежнія его увлеченія, благодаря которымъ они прокатились въ Иркутскую губернію и бѣдовали три года, она еще болѣе цѣнитъ и бережетъ его. И дѣти у нихъ славныя.

— Коля, небось, хорошо учится?—спросилъ онъ.

— Ничего себѣ...

— И Варя попрежнему? Изъ первыхъ?

— Да...

— Это что... А главное... славные они оба у васъ... добрые... Изъ нихъ современные бездушные эгоисты не выйдутъ... Много теперь такихъ, Вѣра Александровна.

— Да... Жаловаться на дѣтей не смѣю... Добрыя они и

необыкновенно деликатныя... Надѣюсь, что будутъ вѣрными нашими друзьями и не заставятъ краснѣть за себя ни отца ни мать!—съ горделивымъ материнскимъ чувствомъ проговорила Вѣра Александровна.

Ей тотчасъ же стало совѣстно, что она такъ хвалила дѣтей Ордынцеву. Онъ говорилъ съ ней только объ одной Шурѣ; о другихъ молчалъ. И Леонтьева понимала почему. Она какъ-то встрѣтила у однихъ общихъ знакомыхъ Алексѣя и Ольгу и говорила съ ними.

И Вѣрѣ Александровнѣ стало безконечно жаль Ордынцева. Ей хотѣлось какъ-нибудь утѣшить его, выразить участіе, но она была не изъ тѣхъ друзей, которые, ради участія, безцеремонно бередятъ раны, и притихла.

Но ее безпокоила исторія съ Гобзинымъ, и черезъ нѣсколько минутъ она спросила:

— А Гобзинъ не захочетъ отомстить вамъ за свое униженіе?

— Вѣроятно, захочетъ.

— И вамъ придется тогда искать другого мѣста?

— Не въ первый разъ... Одна надежда на то, что мной дорожатъ въ правленіи, и что Гобзинъ побоится отца... Тотъ умный мужикъ...

— Ну, слава Богу! — вырвалось радостное восклицаніе у Вѣры Александровны.

Ордынцевъ благодарно взглянулъ на нее... Она встрѣтила его взглядъ взглядомъ участія.

«Вотъ съ такой женщиной можно быть счастливымъ»,—невольно пронеслось у него въ головѣ.

Вѣра Александровна заговорила о своихъ дѣлахъ. Она разсказала, что Аркадій утомляется отъ своей статистики, и знакомый докторъ совѣтуетъ ему отдохнуть. Лѣтомъ они думаютъ поѣхать куда-нибудь въ деревню, подальше отъ Петербурга, если мужъ получитъ отпускъ на два мѣсяца. Должны дать. Онъ три года не бралъ отпуска. И жалованье должны бы прибавить. Но Аркадій, конечно, не пойдетъ выпрашивать. Сами должны догадаться. Разсказывала Вѣра Александровна и о маленькомъ пріютѣ, который она устроила при помощи добрыхъ людей, о своихъ урокахъ, о переводѣ большого романа, который она получила благодаря Верховцеву, о томъ, какъ недѣлю тому назадъ напугалъ ее Коля своимъ горломъ.

Обо всемъ она разсказывала просто, скромно, стушевывая себя, точно все то, что она дѣлала, было самымъ легкимъ и обыкновеннымъ дѣломъ, а не большимъ и неустаннымъ трудомъ, отнимавшимъ все ея время.

— Вотъ такъ за своими маленькими дѣлами и не видать,

какъ бѣжитъ время!—заключила Вѣра Александровна, словно бы оправдываясь въ чемъ-то. — И не замѣчаешь, какъ старишься и какъ быстро растутъ дѣти. Иногда не вѣрится, что Коля на будущій годъ будетъ студентъ, а Варя окончитъ гимназію.

— А Варя куда потомъ?

— Собирается въ медицинскій институтъ... Иногда и читать какъ слѣдуетъ не успѣваешь, а хочется духовной пищи... Вотъ недавно вышла книжка журнала, а еще ничего не читала. А тамъ интересная, должно-быть, статья нашего общаго знакомаго Верховцева. Читали?

— Нѣтъ...

— И онъ пропалъ что-то... Вы давно его видали?

— Давно... Не соберешься... День въ правленіи, вечера дома работаешь... А въ праздники почитываю...

Ордынцевъ взялъ со стола книгу и сказалъ:

— Хотите, прочту статью Сергѣя Павловича?

— Очень буду рада...

И, помолчавъ, прибавила:

— Помните, вы, бывало, часто мнѣ читали?

— Еще бы не помнить!—задушевно промолвилъ Ордынцевъ.

— А теперь... никому не читаете?

— Некому!—грустно отвѣтилъ Ордынцевъ.

Вѣра Александровна вышла и черезъ минуту вернулась съ работой.

— Одѣяло вяжу Колѣ урывками. Вы читайте, а я буду слушать и вязать.

Ордынцевъ вздохнулъ и принялся читать статью Верховцева по поводу самоубійствъ молодыхъ людей отъ безнадежной любви и безнадежнаго пессимизма.

Эта живая, талантливая статья, объясняющая причины самоубійствъ отсутствіемъ серьезныхъ интересовъ, дряблостью характеровъ и печальными условіями жизни, произвела на Вѣру Александровну сильное впечатлѣніе.

— Верховцевъ правъ... Вотъ тоже мой братъ, влюбился и... сходитъ съ ума... Точно весь смыслъ жизни для него въ предметѣ его любви!—проговорила она.

— Несчастная любовь, что ли?—освѣдомился Ордынцевъ.

— Право, и не разберешь, какая это любовь, но во всякомъ случаѣ нехорошая. То онъ придетъ ко мнѣ возбужденный и восторженный, то угнетенный и какой-то потерянный и говоритъ, что не стоитъ жить... Это въ двадцать пять лѣтъ!.. Признавался, что до сихъ поръ не знаетъ: любитъ его или нѣтъ эта странная дѣвушка... А безъ нея онъ, видите ли, жить не можетъ...

— А она можетъ, конечно?

— Она не отпускаетъ его отъ себя, а выйти замужъ за него не хочетъ. И эти странныя отношенія продолжаются у нихъ полгода. Совсѣмъ извела бѣднаго... Играетъ чужой привязанностью и...

— И занимается со своимъ поклонникомъ флиртомъ?.. Это нынче, говорятъ, въ модѣ!—вставилъ Ордынцевъ съ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Богъ ихъ знаетъ, но только братъ тревожитъ меня. Онъ, какъ вы знаете, добрый, привязчивый человѣкъ, но неуравновѣшенный, слабовольный, не имѣетъ никакой цѣли въ жизни и ничѣмъ не интересуется, кромѣ своей мучительницы, и, конечно, считаетъ ее необыкновенной... И она дѣйствительно необыкновенная...

— Чѣмъ?

— Тѣмъ, что проповѣдуетъ смѣлую этику—этику пріятныхъ впечатлѣній. Что пріятно, то и пусть дѣлаетъ всякій... Свобода наслажденій и никакихъ обязательствъ... Что-то декадентское. Братъ приводилъ ее къ намъ, и она поучала насъ съ Аркадіемъ въ этомъ направленіи... Говоритъ бойко, самоувѣренно... И при этомъ умна и хороша собой... Признаюсь, я считала бы несчастіемъ для брата, если-бъ она вышла за него замужъ... Я первый разъ встрѣчаю такую дѣвушку... И это у ней не напускное... вотъ что ужасно!..

— Дѣйствительно ужасно!—проговорилъ Ордынцевъ и вспомнилъ дочь.

— Вы, вѣрно, видѣли эту барышню?.. Ваши знакомы съ ней... Это барышня Козельская...

— Какъ же, имѣлъ честь видѣть, — съ ироніей отвѣчалъ онъ.—Она бываетъ у насъ и вмѣстѣ съ дочерью распѣваетъ цыганскіе романсы... И отецъ ея бываетъ у жены... И наши посѣщаютъ ихъ вторники... Боже избави Бориса Александровича жениться на ней... Остановите его... Посовѣтуйте уѣхать... Что можетъ быть ужаснѣе несчастнаго супружества... А съ такой... Впрочемъ, она, къ счастью вашего брата, не пойдетъ за него замужъ... Для чего ей бѣдный артиллерійскій офицеръ?.. Ей нуженъ мужъ съ состояніемъ... А потомъ для пріятныхъ впечатлѣній любовники.

— Однако братъ говорилъ, что она отказывала богатымъ женихамъ...

— Вѣрно, недостаточно богаты...

— Нѣтъ, это не то, Василій Николаевичъ... Это что-то другое, нѣчто возмутительно-эгоистичное и распущенное, возведенное въ теорію...

— Да... теперь молодые люди имѣютъ теоріи... довольно пакостныя теоріи!—со злобой проговорилъ Ордынцевъ.—Нѣтъ, вы спасите брата... Спасите... Онъ васъ послушаетъ... Спасите, пока не поздно!—взволнованно прибавилъ Ордынцевъ и закашлялся.

Леонтьева съ участіемъ смотрѣла на него.

Въ эту минуту въ передней затрещалъ электрическій звонокъ.

— Вотъ и Аркадій!—промолвила она.

Въ гостиную вошелъ не одинъ Леонтьевъ, высокій, худощавый брюнетъ въ очкахъ, съ утомленнымъ лицомъ. За нимъ появилась и приземистая, крѣпкая фигура Верховцева, человѣка лѣтъ за сорокъ, съ большой засѣдѣвшей бородой и бѣлокурыми волнистыми волосами, зачесанными назадъ. Его лицо, съ большимъ облысѣвшимъ лбомъ, было довольно красиво. Прищуренные близорукіе глаза свѣтились умомъ. Одѣтъ онъ былъ въ поношенный черный сюртукъ.

Оба обрадовались Ордынцеву и расцѣловались съ нимъ.

— Вотъ, что̀ называется, не было ни гроша, и вдругъ алтынъ! Не правда ли, Вѣра? И Василій Николаевичъ пришелъ, и Сергѣя Павловича я затащилъ съ засѣданія!—весело говорилъ Леонтьевъ.

— А рефератъ интересный былъ?

— Ничего себѣ... А вѣдь мы, Вѣра, ѣсть хотимъ. Не найдется ли чего-нибудь?

— Найдется. Сейчасъ я васъ позову, господа!—проговорила, выходя изъ комнаты, Вѣра Александровна.

— А я красненькаго принесъ, Вѣра!—крикнулъ ей вдогонку Леонтьевъ.

II.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяйка позвала мужчинъ въ столовую.

На столѣ шумѣлъ самоваръ, и на тарелкахъ были разложены закуски, ветчина, колбаса и холодное мясо. Нѣсколько бутылокъ дешеваго краснаго вина и графинчикъ съ водкой пріятно ласкали взоры Ордынцева и Верховцева. И все глядѣло аппетитно на бѣлоснѣжной скатерти.

Ордынцевъ опять невольно подумалъ о «домѣ».

— А Коля и Варя?—спросилъ Леонтьевъ.

— Они не хотѣли ужинать и спать легли.

— Ну, господа, приступимъ!

Леонтьевъ налилъ водки въ три рюмки. Пріятели чокнулись и закусили селедкой.

— Отлично у васъ приготовляютъ селедку, Вѣра Александровна!—похвалилъ Ордынцевъ.

— И я присоединяюсь къ мнѣнію Василія Николаевича, хотя долженъ замѣтить, что въ чужомъ домѣ все всегда кажется вкуснѣе, чѣмъ въ своемъ,—пошутилъ Верховцевъ.

— Аркадію Дмитріевичу этого не кажется, я думаю!—замѣтилъ Ордынцевъ.

— Ты правъ... не кажется... Вѣра избаловала своими кулинарными талантами.

— И какое множество у васъ талантовъ, Вѣра Александровна!.. Аркадій! Налей еще—мы выпьемъ за таланты Вѣры Александровны!—сказалъ Верховцевъ.

Выпили еще. Потомъ Верховцевъ и Ордынцевъ выпили по третьей рюмкѣ—уже безъ Леонтьева.

Ордынцевъ незамѣтно выпилъ и четвертую.

Верховцевъ оживленно разсказывалъ о засѣданіи, высмѣялъ нѣсколькихъ ораторовъ и одного молодого профессора, изнемогающаго подъ бременемъ популярности («Такъ вѣдь и объявилъ мнѣ. И дѣйствительно имѣлъ изнемогающій видъ отъ жары!»—вставилъ Верховцевъ), и потягивалъ красное вино.

Не отставалъ отъ него и Ордынцевъ, и чѣмъ больше пилъ, тѣмъ становился мрачнѣе.

— Что ты это, Василій Николаевичъ, пріунылъ?.. Или твое правленіе доняло тебя... Заработался? — участливо спросилъ Верховцевъ.

— У Василія Николаевича сегодня была непріятная исторія съ Гобзинымъ!—вставила Леонтьева.

— Опять?... Разскажи, братъ, въ чемъ дѣло?

Ордынцевъ снова разсказалъ и прибавилъ:

— Вѣдь этакое животное!

— Ты не кипятись. Нынче спросъ на животныхъ не въ одной твоей лавочкѣ. Вотъ спроси Аркадія Дмитріевича. И у нихъ въ статистикѣ даже не безъ этого... Жаль, что они не ведутъ статистики всѣхъ животныхъ въ образѣ человѣческомъ, населяющихъ Россійскую имперію... Статистика вышла бы поучительная...

— Вѣдь университетскій и... молодой! Вотъ въ чемъ дѣло... Молодые-то люди... Понимаешь ли... молодость! О, если-бъ вы только знали, Вѣра Александровна, какіе есть молодые люди!—съ какимъ-то страстнымъ возбужденіемъ и со скорбью воскликнулъ Ордынцевъ и хлебнулъ изъ стакана.

Подъ вліяніемъ водки и вина, его такъ и подмывало обнажить свою душу и сказать, какая у него жена и что за сынокъ

и дочка, но стыдливое чувство остановило его. Но онъ все-таки не могъ молчать и продолжалъ:

— На-дняхъ еще я видѣлъ одного студента... племянника.

— Хорошъ?—проговорилъ, усмѣхнувшись, Верховцевъ, не догадываясь, о комъ идетъ дѣло.

Одна только Вѣра Александровна догадалась и съ тревогой ждала, что скажетъ про сына этотъ несчастный мужъ и отецъ.

— Великолѣпенъ! О, Боже, какая скотина! И съ какою основательностью говорилъ онъ, что главный принципъ—собственная его натура. И во-первыхъ, и во-вторыхъ, и въ-третьихъ... Все выходило такъ, что самоотверженіе, долгъ, любовь къ-ближнему—все это пустыя слова, а что есть только законы физіологіи и ничего болѣе... Этотъ экземпляръ получше той барышни будетъ, Вѣра Александровна!

Всѣ молчали.

А Ордынцевъ неожиданно спросилъ, обращаясь къ Верховцеву:

— Что если бы у тебя да такой сынокъ?

— Это несчастіе.

— То-то и есть... Именно несчастіе. И въ этомъ виноваты отцы... Да, отцы... А вѣдь такихъ молодыхъ стариковъ, какъ мой племянникъ, много.

— Всякіе есть!..

— Нѣтъ, ты возьми средній типъ.

— Положимъ, средній типъ не изъ блестящихъ. Но большинство всегда и вездѣ приспособляется къ даннымъ условіямъ... Есть и теперь, братъ Василій Николаевичъ, славная, честная, работящая молодежь, и напрасно мы, какъ старики, брюзжимъ на нее... Есть она и ищетъ правды... Жадно ищетъ...

— Не видалъ я что-то такихъ!—проговорилъ Ордынцевъ, вспоминая пріятелей сына.

— А я знаю. Да иначе и быть не можетъ... Иначе скотство давно бы заѣло насъ... Кто ѣздилъ на холеру? Кто ѣздилъ на голодъ? Кто сегодня вотъ толпился на засѣданіи? Кто посѣщаетъ литературные вечера, на которыхъ участвуютъ любимые писатели?.. Все молодежь... И если, быть-можетъ, она слишкомъ на вѣру принимаетъ всякія новыя слова только потому, что они кажутся ей новыми, то и въ этомъ развѣ не видно стремленіе найти правду... найти исходъ неразрѣшимымъ загадкамъ жизни, какъ-нибудь согласовать идеалы съ житейской этикой... Вотъ только правда-то эта самая кусается... Не всякую можно говорить... Ну, да не всегда же литература будетъ безшабашной... Очнется и она!..

Рѣчь Верховцева звучала бодростью и вѣрой.

— Твоими устами да медъ бы пить, Сергѣй Павловичъ... И счастливый ты, что вѣришь и что можешь перомъ бороться за правду и бодрить людей.

— Ну, голубчикъ, какіе мы борцы!—горько усмѣхнулся Верховцевъ.—Иной разъ пишешь, и стыдъ беретъ... Эзопствуй, изворачивайся для того лишь, чтобы сказать элементарныя истины... А ты думалъ: «куда влечетъ свободный геній»?

— Знаю... И вы подъ началомъ... Пиши да оглядывайся...

— То-то оглядывайся... Да еще бойся, какъ бы безъ работы не остаться.

— Но, по крайней мѣрѣ, ты отъ животныхъ, въ родѣ Гобзина, не зависишь. У тебя имя... Не смѣютъ.

— Да ты изъ Аркадіи, что ли, пріѣхалъ?.. Да нынче въ литературѣ похуже твоего Гобзина завелись антрепренеры. Теперь ихъ праздникъ. Откроетъ какой-нибудь непомнящій родства литературное заведеніе, пригласитъ повадливыхъ господъ да и начнетъ тебя же, стараго литератора, исправлять да сокращать. Онъ не понимаетъ, скотина, что въ душу твою такъ съ сапогами и лѣзетъ. А тебѣ каково? Ну, отплюйся и бѣги вонъ. А куда убѣжишь? Два-три журнала и шабашъ. А то не угодно ли въ какую-нибудь литературную помойную яму. Молодые литераторы не брезгливы. Куда угодно «поставятъ» и романъ, и повѣсть, и статью... Получилъ гонораръ и правъ. Ну, а мы, старики, еще конфузимся... А ты говоришь: «Имя... Не смѣютъ!..» Святилище въ конюшню обратили... Вотъ оно что! Выпьемъ-ка лучше, Василій Николаевичъ!

— Василію Николаевичу вредно пить! — замѣтила Вѣра Александровна.

— Я, Вѣра Александровна, рѣдко позволяю себѣ... И мало ли что вредно... Я еще послѣдній стаканъ, съ вашего позволенія.

И, чокаясь съ Верховцевымъ, Ордынцевъ воскликнулъ:

— И все-таки я завидую твоему положенію.

— Нашелъ чему завидовать!

— Завидую! — съ какимъ-то ожесточеніемъ воскликнулъ Ордынцевъ.—И ты не спорь. Какъ подчасъ ни тяжело, а не уйдешь ты изъ литературы... Я знаю, тебѣ предлагали обрабатывать матеріалы въ одномъ министерствѣ, но ты сказалъ: «Очень благодаренъ. Я обработаю ихъ, если захочу, и самъ...» Вѣдь вѣрно?

— Положимъ, не уйду, и обрабатывать матеріаловъ не стану...

— Вотъ видишь.

— Привыкъ... Давно бумагу извожу... Не уйду, хоть иногда и жутко... Охъ, какъ жутко россійскому писателю, если онъ

не переметная сума и уважаетъ свое дѣло. Вѣдь мы живемъ вѣчно въ воздушномъ пространствѣ. Несвоевременная статья, и... зубы на полку.

— Все это отлично...

— Ну, братъ, отличнаго мало!—засмѣялся Верховцевъ.

— Отлично... Понимаю. Превосходно... И времена, и вашихъ мерзавцевъ, и все такое... все понимаю... И все-таки ты счастливый человѣкъ... И Аркадій Дмитріевичъ счастливый человѣкъ... И оба вы превосходные люди... И Вѣра Александровна святая женщина... И вы умѣли выбрать себѣ женъ... А то другіе женятся... Подруга жизни... Благодарю! Очень благодаренъ! А тянутъ каторгу. Нынче семейная-то жизнь, а?.. Вы, Вѣра Александровна, брата-то вашего остановите!

— Д-да... Надо подумать съ семейной-то жизнью!—согласился и Верховцевъ.—Всяко бываетъ...

— Тутъ не «Крейцерова Соната»... Нѣтъ, не то... Понимаешь? Сошлись мужчина и женщина... видятъ, духовный разладъ. Расходись, пока молоды, а то другъ друга съѣшь. А то какъ люди женятся? Ты какъ женился, Сергѣй Павловичъ?

— Да какъ всѣ. Влюбился въ Вареньку, ну и «такъ и такъ» по формѣ.

— А вѣдь Варенька могла оказаться и не Варенькой.

— То-есть какъ?

— А, напримѣръ, съ позволенія сказать, Хавроньей.

— Случается.

— И надо бѣжать?

— Обязательно...

— А вы какъ думаете, Вѣра Александровна?..

— И я думаю, что бѣжать обязательно...

— То-то... обязательно? Но ты влюбленъ, то-есть, не любишь какъ слѣдуетъ, а только физически... Вотъ и не обязательно! А потомъ—поздно. И выходитъ: оба виноваты. Нѣтъ! Мужчина болѣе виноватъ. Онъ... онъ. Она барышня глупая, жизни не понимаетъ, убѣжденій не полагается... Но влюбилась и думаетъ, что ты за ея любовь долженъ сдѣлаться форменнымъ подлецомъ, то-есть, по ея мнѣнію, хорошимъ мужемъ. Ей-то простительно, а мужчина чего смотритъ? Чего онъ смотритъ, влюбленная каналья? Вѣдь жизнь не прогулка по апельсинной рощѣ... Нѣтъ, тутъ не «Соната». Вздоръ... Ты женщину поставь въ уровень съ мужчиной... Тогда...

Ордынцевъ смолкъ и увидѣлъ, что всѣ опустили глаза... Наступило неловкое молчаніе. Верховцевъ пробовалъ-было что-то разсказывать, но разсказъ не вышелъ. Скоро онъ поднялся и сталъ прощаться.

Всталъ и Ордынцевъ, и когда Леонтьевъ и Верховцевъ прошли въ переднюю, онъ подошелъ къ Вѣрѣ Александровнѣ и, крѣпко пожимая ей руку, проговорилъ:

— О, если-бъ вы знали, что у меня за жизнь... Если-бъ вы знали!..

— Я знаю теперь...

— Нѣтъ, вы не знаете... Но больше я не могу... Нѣтъ силъ. Я разведусь, а если бы она не захотѣла, я во всякомъ случаѣ не буду жить вмѣстѣ съ ними... Одной только Шуры жаль... Ну, прощайте... и простите, что я выпилъ лишнее...

— Бѣдный!—промолвила Вѣра Александровна.

Когда Ордынцевъ вернулся домой, онъ нѣсколько времени еще просидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ о чемъ-то шепталъ, о чемъ-то вспоминалъ, слышалъ, какъ жена и дочь вернулись, слышалъ, какъ Ольга говорила матери, что Козельскій далъ слово, что она будетъ учиться пѣнію, слышалъ, какъ мать назвала дочь наглой дѣвчонкой, и, заткнувъ уши, бросился на оттоманку и заснулъ тяжелымъ сномъ нѣсколько захмелѣвшаго человѣка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Послѣ «вторника» у Козельскихъ Никодимцевъ находился въ какомъ-то странномъ, непривычномъ для него и въ то же время пріятномъ настроеніи серьезнаго человѣка, неожиданно выбитаго изъ колеи, которая до сихъ поръ была для него единственнымъ и главнымъ смысломъ жизни и изъ которой, казалось ему, онъ никогда не выйдетъ.

Колея эта—служебная карьера способнаго, умнаго и даровитаго чиновника, знающаго себѣ цѣну, достигшаго сравнительно блестящаго положенія безъ связей, безъ протекціи, поскольку возможно, избѣгавшаго компромиссовъ и сумѣвшаго сохранить независимость въ средѣ, гдѣ она не только не цѣнится, а, напротивъ, считается недостаткомъ.

И въ департаментѣ, гдѣ Никодимцевъ проводилъ бо́льшую часть дня, и дома, въ своей маленькой холостой квартирѣ, гдѣ онъ просиживалъ долгіе вечера за работой или за чтеніемъ, онъ часто думалъ объ Иннѣ Николаевнѣ. Эти думы, тревожныя и мечтательныя, какъ-то незамѣтно подкрадывались въ его голову нераздѣльно съ лицомъ и стройной, красивой фигурой молодой женщины и мѣшали Никодимцеву заниматься съ усидчивостью и съ упорствомъ неутомимаго работника, на котораго наваливали, разумѣется, много работы, зная, что Никодимцевъ съ ней справится и сдѣлаетъ ее превосходно.

И, что было еще удивительнѣе, и самая работа теряла въ его глазахъ важность, которую онъ ей придавалъ, и все то, чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ, изъ-за чего волновался и мучился, казалось ему теперь такимъ сѣрымъ, блѣднымъ и незначительнымъ безъ личнаго счастья, жажду котораго въ немъ пробудила эта очаровательная женщина. Она ему казалась именно той, о которой онъ мечталъ въ молодости и вдругъ встрѣтилъ. И, мечтая объ Иннѣ Николаевнѣ, Никодимцевъ впервые почувствовалъ свою сиротливость и тоску одиночества.

Онъ не разъ отрывался отъ работы и думалъ о прошлой жизни. Теперь она ему казалась неполной и скучной. Въ постоянной работѣ онъ точно проглядѣлъ молодость, не зная жизни сердца, не испытавъ ни разу любви къ женщинѣ. Когда-то давно было что-то похожее на это, но онъ заглушилъ въ себѣ чувство практическими соображеніями о невозможности жениться и съ тѣхъ поръ довольствовался суррогатомъ любви, покупая ее.

«А теперь поздно... поздно!»—мысленно повторялъ Никодимцевъ, сознавая нелѣпость своихъ мечтаній о женщинѣ, которую онъ разъ видѣлъ, и все-таки мечталъ о ней, испытывая неодолимую потребность видѣть ее.

«Зачѣмъ?»—спрашивалъ онъ себя, не смѣя и думать, что Инна Николаевна можетъ обратить вниманіе на такого некрасиваго и немолодого человѣка, какъ онъ.

И Никодимцевъ рѣшилъ не ѣхать къ ней съ визитомъ—и въ первое же воскресенье, тщательно занявшись своимъ туалетомъ и побывавъ у парикмахера, поѣхалъ на Моховую.

Никодимцевъ еще изъ передней услышалъ шумные голоса и смѣхъ и въ гостиной увидалъ нѣсколько молодыхъ людей и какую-то молодую даму, крикливо одѣтую, довольно вульгарнаго вида.

Инна Николаевна весело смѣялась чему-то, красивая и очаровательная въ своемъ темно-зеленомъ, отлично сидѣвшемъ на ней платьѣ.

Никодимцевъ подошелъ къ ней, нѣсколько смущенный отъ сознанія, что появленіе его едва ли пріятно, и отъ неожиданности нѣсколько пестраго общества молодыхъ людей.

Чуть-чуть смутилась и Инна Николаевна при появленіи Никодимцева.

— Вотъ это мило, что не забыли обѣщанія, Григорій Александровичъ. Очень рада васъ видѣть!

И молодая женщина указала на кресло около себя, у котораго стоялъ одинъ изъ молодыхъ людей, и торопливо и нѣ-

сколько сконфуженно назвала фамиліи своихъ гостей и фамилію Никодимцева.

Тотчасъ же смолкли шумные разговоры и смѣхъ. Всѣ съ особенной почтительностью пожимали руку извѣстнаго въ Петербургѣ чиновника. Молодая дама вульгарнаго вида не безъ завистливаго чувства взглянула на хозяйку.

Никодимцевъ присѣлъ и, вообще застѣнчивый, въ первую минуту не находилъ словъ.

— Были на итальянской выставкѣ, Григорій Александровичъ?—спросила Инна Николаевна.

— Нѣтъ еще... Говорятъ, интересная...

— Собираетесь?

— Надо сходить. А вы были?

— Нѣтъ еще... Пойду завтра... Около часа, вѣрно, попаду...

— Позволю вамъ дать совѣтъ: идти пораньше, пока еще свѣтъ есть въ Петербургѣ.

— Вы что̀ называете пораньше?

— Часовъ въ одиннадцать, въ двѣнадцать!

— Увы!.. Я въ эти часы только-что встаю...

— Такъ поздно?..

— Жизнь такъ нелѣпо складывается.

— А развѣ она не зависитъ немножко отъ насъ самихъ, Инна Николаевна?

— Не всегда... Если бы все зависѣло отъ насъ, то...

Инна Николаевна остановилась.

— То что̀?

— То каждый устраивалъ бы себѣ жизнь по своему желанію. И всѣ были бы счастливы!

— Мнѣ кажется, есть люди, которые сами виноваты въ своемъ несчастіи...

— Вы не изъ такихъ, конечно? Вы, какъ я слышала, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые выше разныхъ слабостей человѣческихъ... Вы весь въ работѣ и живете одной работой. Это правда, Григорій Александровичъ?

Никодимцевъ покраснѣлъ.

— Я много работаю, это правда...

— И ничего другого вамъ не надо? Счастливецъ!

— Развѣ потому только, что о другомъ поздно думать...

— Не поздно, а просто часъ вашъ не пришелъ...

— А развѣ придетъ?—серьезно спросилъ Никодимцевъ.

— Придетъ!—смѣясь, проговорила молодая женщина.

«Пришелъ!»—подумалъ Никодимцевъ.

Въ эту минуту двое молодыхъ людей стали прощаться. Ни-

кодимцеву показалось, что Инна Николаевна была довольна, что они уходятъ.

Оба поцѣловали ея руку. Одинъ изъ нихъ, съ грубоватымъ, пошлымъ лицомъ, одѣтый съ крикливымъ щегольствомъ дурного тона, съ крупнымъ брильянтомъ на мизинцѣ, довольно фамильярно проговорилъ:

— Такъ, значитъ, ѣдемъ сегодня на тройкѣ, Инна Николаевна?

Этотъ тонъ рѣзанулъ Никодимцева. Покраснѣла внезапно и молодая женщина.

— Нѣтъ, не ѣдемъ!—отвѣтила она.

— Но вѣдь только-что было рѣшено. Вы хотѣли?

— А теперь не хочу!

— Инна Николаевна! Сжальтесь! Вы разстраиваете компанію.

— Не просите. Не поѣду!

— Инночка, поѣдемте! Безъ васъ и я не поѣду!—воскликнула молодая гостья.

— И никто не поѣдетъ!—сказалъ кто-то.

— Никто, никто!—повторили другіе.

— Мнѣ очень жаль, что я лишаю всѣхъ удовольствія покататься, но я все-таки не поѣду.

— Что это: капризъ?—насмѣшливо сказала молоденькая дама.

— Капризъ, если хотите!—отвѣтила Инна Николаевна.

Молодые люди ушли, видимо недовольные и изумленные.

Скоро поднялся и Никодимцевъ.

— Уже? Такъ скоро?—кинула любезно хозяйка.

— Пора... Мнѣ нужно еще сдѣлать одинъ визитъ!—солгалъ Никодимцевъ, краснѣя отъ этой лжи.

Никуда ему не нужно было. Ему просто тяжело было видѣть Инну Николаевну въ такой атмосферѣ и среди такихъ незначительныхъ и, казалось ему, пошлыхъ лицъ.

— И такой же короткій?

— Вѣроятно.

— И отложить его нельзя?

— Неудобно.

Инна Николаевна пытливо взглянула на Никодимцева и, протягивая ему руку, промолвила:

— И больше васъ уже не скоро дождешься. Не правда ли, Григорій Александровичъ?

Въ тонѣ ея шутливаго голоса Никодимцевъ уловилъ тоскливую нотку.

— Я очень занятъ, Инна Николаевна... Но...

— Безъ «но»,—перебила молодая женщина.—Если счастливый вѣтеръ занесетъ васъ ко мнѣ, я, право, буду рада.

И, поднявшись съ дивана, Инна Николаевна любезно проводила гостя до дверей гостиной.

— Мнѣ очень жаль, что сегодня не удалось поговорить съ вами, какъ во вторникъ... Вѣдь такая рѣдкость встрѣтить умныхъ людей... Я ими не избаловала. Такъ увидимся... не правда ли?.. И вамъ сегодня никакого визита не нужно дѣлать... Вы просто поторопились осудить меня!—неожиданно прибавила она.

Никодимцевъ смущенно глядѣлъ на молодую женщину.

— Развѣ не правда?—продолжала она.

— Я не осудилъ, а... .

— Что же...

— Удивился,—тихо сказалъ Никодимцевъ и вышелъ.

Онъ шелъ по улицѣ влюбленный въ Инну Николаевну и въ то же время полный недоумѣнія и жалости. И ему хотѣлось быть ея другомъ, безкорыстнымъ и вѣрнымъ, передъ которымъ она открыла бы свою душу. Для него не было сомнѣнія, что она несчастна. И этотъ ничтожный мужъ, и эти ничтожные молодые люди, которыхъ онъ только-что видѣлъ, и эта фамильярность, съ которою обращались съ ней, подтверждали его заключеніе. Онъ испытывалъ чувство ревниваго негодованія, и передъ нимъ, совсѣмъ не знавшимъ женщинъ, Инна Николаевна являлась въ образѣ какой-то богини, попавшей въ среду пошлости и не знающей, какъ изъ нея выбраться. О, съ какимъ восторгомъ сдѣлался бы онъ ея рыцаремъ!

Такъ мечталъ Никодимцевъ, и когда у Донона встрѣтился съ однимъ своимъ коллегой, который конфиденціально повелъ рѣчь о томъ, что Григорія Александровича на-дняхъ назначатъ товарищемъ министра, Никодимцевъ такъ равнодушно отнесся къ этому сообщенію, что коллега удивленно на него взглянулъ и рѣшилъ, что Никодимцевъ необыкновенно лукавый и скрытный человѣкъ.

А будущій товарищъ министра, вернувшись домой, вмѣсто того, чтобы приняться за дѣла, ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, думалъ объ Иннѣ Николаевнѣ и о завтрашней встрѣчѣ съ ней и припоминалъ ея слова, взгляды, лицо, голосъ и ни о чемъ другомъ не могъ и не хотѣлъ думать.

Только поздно вечеромъ онъ сѣлъ за свой большой письменный столъ, заваленный книгами, брошюрами и дѣлами въ папкахъ, досталъ изъ туго набитаго портфеля кипу бумагъ и принялся за работу, прихлебывая по временамъ чай.

Въ числѣ бумагъ, которыя разсматривалъ сегодня Никодимцевъ, была и объемистая объяснительная записка объ учрежденіи акціонернаго общества для эксплоатаціи на особыхъ

монопольныхъ условіяхъ казенныхъ лѣсовъ. Въ этомъ дѣлѣ негласное участіе принималъ Козельскій. Онъ написалъ записку и возлагалъ на это дѣло большія надежды, тѣмъ болѣе, что въ числѣ участниковъ были два лица, хотя и не денежныя, но очень вліятельныя, заручившіяся уже обѣщаніями и, казалось, весьма цѣнными, о томъ, что дѣло это пройдетъ.

Никодимцевъ прочелъ на запискѣ надпись, сдѣланную карандашомъ: «прошу скорѣе разсмотрѣть и дать заключеніе», и сталъ читать записку, дѣлая на поляхъ ея отмѣтки краснымъ карандашомъ; чѣмъ дальше онъ ее читалъ, тѣмъ красный карандашъ энергичнѣе и чаще гулялъ по полямъ; лицо Никодимцева дѣлалось серьезнѣе и строже, и въ темныхъ острыхъ глазахъ появлялось по временамъ негодующее выраженіе. И когда наконецъ онъ окончилъ чтеніе и увидѣлъ между подписями нѣсколькихъ извѣстныхъ коммерческихъ тузовъ двѣ титулованныя фамиліи, его губы сложились въ насмѣшливо-презрительную улыбку.

— Хороши эти Рюриковичи!—произнесъ онъ.

И вслѣдъ затѣмъ написалъ на запискѣ своимъ твердымъ и четкимъ почеркомъ длинное заключеніе, въ которомъ на основаніи данныхъ и цифръ вполнѣ доказывалъ, что устройство акціонернаго общества на особыхъ условіяхъ вредно для казны, грозитъ полнымъ истребленіемъ лѣсовъ и имѣетъ цѣлью не государственные интересы, «какъ часто упоминается въ запискѣ», а исключительно личные интересы господъ учредителей, «беззастѣнчивость которыхъ въ этомъ дѣлѣ воистину изумительна».

И съ удовлетвореннымъ чувствомъ порядочнаго человѣка, сознающаго, что помѣшалъ дурному дѣлу, Никодимцевъ подписалъ свою фамилію, положилъ записку въ портфель и принялся за другія бумаги.

Старый слуга Егоръ Ивановичъ, жившій со своей женой, кухаркой, у Никодимцева десять лѣтъ, поставилъ на столъ ужъ четвертый стаканъ чая и спросилъ:

— Будете еще пить, Григорій Александровичъ?

— Не буду, Егоръ Иванычъ.

— Такъ я снять пошелъ.

— Идите.

— А вы не очень-то занимайтесь. Нездорово!—по обыкновенію сказалъ Егоръ Ивановичъ.—Дѣлъ-то всѣхъ не передѣлаешь!—прибавилъ онъ и остановился у дверей.

— Я лягу сегодня пораньше.

— Вы только обѣщаете, а смотришь, до утра сидите, а вѣ

десять часовъ ужъ на службу. Такъ и не досыпаете. Это какая же жизнь?

— Жизнь не веселая, Егоръ Иванычъ.

— Сами такую себѣ устроили. И все одни да одни.

— Да... Одинъ!—уныло протянулъ Никодимцевъ, и передъ нимъ мелькнулъ образъ Инны Николаевны.

— А вы бы женились. Вотъ и не одни были бы.

Никодимцевъ усмѣхнулся.

— Поздно, Егоръ Иванычъ.

— И вовсе не поздно... Вы очень скромно о себѣ понимаете... Да за васъ лучшая невѣста пойдетъ. Слава Богу, мѣсто какое... и генералы.

— Такъ, значитъ, не за меня, а за генерала пойдетъ...

— Вотъ вы всегда что-нибудь такое скажете подозрительное... Покойной ночи, Григорій Александровичъ!

— Покойной ночи.

— Въ которомъ завтра будить?

— Въ девять.

— Слушаю-съ.

Слуга вышелъ, но тотчасъ вернулся.

— Виноватъ. Забылъ карточки подать, что̀ оставили сегодня гости!—сказалъ Егоръ Ивановичъ. И, положивъ на столъ нѣсколько карточекъ, прибавилъ:

— А графъ Изнарскій все дознавались, когда васъ можно застать дома по дѣлу.

Никодимцевъ не зналъ графа Изнарскаго и понялъ, что это былъ одинъ изъ учредителей, подписавшій только-что разсмотрѣнную записку.

— Что-жъ вы ему сказали?—спросилъ онъ.

— Обыкновенно, что̀. Генералъ, молъ, по дѣламъ дома у себя не принимаетъ. Пожалуйте въ департаментъ. Однако графъ настаивали и десять рублей предлагали. Ну, я вѣжливо отклонилъ и сказалъ, что мы этимъ не занимаемся.

— А онъ?

— Завтра хотѣли пріѣхать. Какъ прикажете?

— Конечно, не принимать!

Егоръ Иванычъ ушелъ.

Никодимцевъ просмотрѣлъ съ десятокъ карточекъ, въ числѣ которыхъ была и карточка Козельскаго, и погрузился въ бумаги.

II.

На другой день, въ часъ безъ четверти, Никодимцевъ обходилъ залы выставки, но на картины не смотрѣлъ, а искалъ

среди посѣтителей Инну Николаевну. Онъ поднялся наверхъ—нѣтъ ея и тамъ. Тогда Никодимцевъ спустился въ первую залу и присѣлъ на скамейкѣ около входныхъ дверей, взглядывая на приходящихъ посѣтителей.

Онъ взглянулъ на часы. Было четверть второго, а Инна Николаевна не появлялась.

«Вѣрно, не пріѣдетъ!»—подумалъ онъ.

И при этой мысли сердце его сжалось тоской, и его оживленное ожиданіемъ лицо омрачилось. И свѣтлая зала показалась ему вдругъ мрачною. И публика—тоскливою. И картины точно подернулись флеромъ.

А онъ-то, дуракъ, спѣшилъ! Даже изъ департамента уѣхалъ въ первомъ часу, не дослушавъ, къ изумленію вице-директора, его доклада и поручивъ ему предсѣдательствовать за себя въ одной изъ комиссій, засѣданіе которой назначено въ два часа. И, замѣтивъ почтительно-изумленный взглядъ вице-директора, не безъ досады подумалъ:

«Изумляется... Точно я не могу уѣхать... Точно у меня не можетъ быть своихъ дѣлъ! И какъ бы онъ ошалѣлъ, если-бъ узналъ, какія это дѣла».

И, принимая серьезный видъ, торопливо проговорилъ:

— Быть-можетъ, я попозже пріѣду... Тогда вы окончите докладъ. Надѣюсь, ничего экстреннаго?

— Ничего, ваше превосходительство.

— А если министръ потребуетъ меня—скажите, что въ пять часовъ буду. И если спроситъ о запискѣ, въ которой хотятъ истребить казенный лѣсъ,—подайте ее министру. Тамъ написано мое заключеніе... До свиданія.

И директоръ департаемнта, словно школьникъ, вырвавшійся на свободу, торопливо вышелъ изъ своего внушительнаго кабинета, почти бѣгомъ спустился съ лѣстницы, встрѣтилъ такой же изумленный взглядъ и въ глазахъ швейцара и, выйдя на подъѣздъ, кликнулъ извозчика и велѣлъ какъ можно скорѣе ѣхать домой. Тамъ онъ тоже поразилъ Егора Иваныча и своимъ появленіемъ, и приказомъ скорѣе подать черный сюртукъ, и торопливостью, съ которой онъ одѣвался, и заботливостью, съ которой онъ расчесывалъ свою черную бороду и приглаживалъ усы...

— Ужъ не предложенье ли дѣлать собрались, Григорій Александровичъ?—замѣтилъ, улыбаясь, Егоръ Ивановичъ.

Никодимцевъ весело разсмѣялся и, приказавъ подать шубу, почти бѣгомъ пустился съ лѣстницы и всю дорогу до выставки торопилъ извозчика, и по пріѣздѣ далъ ему цѣлый рубль

«Не пріѣдетъ, не пріѣдетъ!»—грустно повторилъ про себя Никодимцевъ и направился къ выходу на площадку, гдѣ разставлены были скульптурныя произведенія.

Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ на лѣстницу. Инны Николаевны не было.

Никодимцевъ потерялъ всякую надежду и, грустный, сталъ разсматривать скульптурныя произведенія. «Спящій ребенокъ» заинтересовалъ его, и онъ засмотрѣлся на изящную художественную работу.

И какъ разъ въ ту минуту, когда Никодимцевъ не думалъ объ Иннѣ Николаевнѣ, около него раздались тихіе шаги по мраморному полу и потянуло ароматомъ духовъ.

Никодимцевъ повернулъ голову и увидалъ ту, которую ждалъ.

Онъ вспыхнулъ отъ радостнаго волненія и низко поклонился. Она протянула ему руку, веселая, улыбающаяся и очаровательная въ своей изящной шляпкѣ.

— И вы соблазнились выставкой. Давно здѣсь?

— Около получаса.

— И все еще скульптуру смотрите? До картинъ еще не дошли?—съ едва уловимой насмѣшливой ноткой въ голосѣ спрашивала Инна Николаевна.

— Не дошелъ.

— Такъ, быть-можетъ, посмотримъ картины вмѣстѣ? Вы, конечно, знатокъ въ живописи, а я мало въ ней понимаю.

Никодимцевъ снова покраснѣлъ, когда выразилъ свое согласіе. Но онъ скромно прибавилъ, что далеко не знатокъ, хотя и любитъ живопись, и предложилъ Иннѣ Николаевнѣ начать осмотръ съ мрамора.

— А вамъ развѣ не надоѣстъ еще разъ смотрѣть?

— Нисколько!

Его просвѣтлѣвшее радостное лицо и безъ словъ говорило Иннѣ Николаевнѣ о томъ, какъ радъ онъ быть вмѣстѣ съ нею. И эта новая побѣда доставляла ей не одно только тщеславное удовольствіе женщины, избалованной поклонниками. Она чувствовала, что Никодимцевъ серьезно ею увлеченъ, и это сознаніе было ей пріятно.

И Инна Николаевна сказала ему:

— А вѣдь я очень рада, что встрѣтила васъ здѣсь... такъ неожиданно!—съ лукавымъ кокетствомъ прибавила она.

— А какъ я радъ, если-бъ вы знали!—горячо воскликнулъ Никодимцевъ.—Вѣдь я пришелъ на выставку, чтобъ васъ увидать!—неожиданно прибавилъ онъ и смутился, самъ удивленный тому, что сказалъ.

— И васъ не остановилъ вчерашній визитъ?..

— Напротивъ...

— Ну, вотъ мы и обмѣнялись признаніями въ симпатіи другъ къ другу... Теперь показывайте мнѣ выставку, Григорій Александровичъ!

Они начали осмотръ. Никодимцевъ, счастливый и радостный, забывшій про свой департаментъ, обращалъ вниманіе своей спутницы на то, что̀ казалось ему хорошимъ, и объяснялъ, почему это хорошо. У нѣкоторыхъ картинъ они стояли подолгу, и Никодимцевъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что у Инны Николаевны есть художественный вкусъ и пониманіе красоты.

Одна небольшая, хорошо написанная картина, представлявшая собой молодую, красивую женщину и молодого мужчину, сидящихъ на террасѣ, видимо чужихъ другъ другу и скучающихъ, обратила особенное вниманіе Инны Николаевны. Она спросила своего спутника, какъ называется эта картина.

— «Супруги»!—отвѣчалъ Никодимцевъ, заглянувъ въ каталогъ.

— Я такъ и думала!.. Взгляните, какъ обоимъ имъ скучно, а они все-таки сидятъ вдвоемъ... Зачѣмъ?

И Никодимцевъ замѣтилъ, какъ омрачилось лицо молодой женщины и какое грустное выраженіе было въ ея глазахъ.

— Зачѣмъ?—повторила она.—Какъ вы думаете, Григорій Александровичъ? А, впрочемъ, что-жъ я васъ спрашиваю? Вы, вѣроятно, не могли бы быть въ положеніи этого мужа... У васъ вѣдь взглядъ на бракъ другой... Я помню, что̀ вы говорили...

— Но одинаково можно спросить: зачѣмъ и она сидитъ?—взволнованно сказалъ Никодимцевъ.

— Уйти? Какъ это легко говорится и пишется въ романахъ. А можетъ-быть, ей нельзя уйти.

— Почему?

— А потому, что некуда уйти... Быть-можетъ, отецъ и мать этой итальянки обвинили бы дочь, что она ушла изъ такой виллы... И они правы, съ своей буржуазной точки зрѣнія.

— Но развѣ...

— Знаю, что̀ вы хотите сказать!—перебила Инна Николаевна.—Вы хотите сказать, что лучше идти въ продавщицы, чѣмъ жить съ нелюбимымъ человѣкомъ... Не правда ли?

— Правда.

— А, можетъ-быть, она ужъ такъ испорчена жизнью...

— Не можетъ этого быть!—въ свою очередь порывисто перебилъ Никодимцевъ.—Вы клевещете на эту женщину... Посмотрите: какіе у нея глаза...

Инна Николаевна горько усмѣхнулась. Между бровями появилась морщинка.

— А посмотрите, какой у ней безхарактерный ротъ... какая лѣнивая поза!.. Она, навѣрное, безвольная женщина, готовая отъ скуки не быть особенно разборчивой въ погонѣ за впечатлѣніями... А эта терраса съ вьющимся виноградомъ и моремъ подъ ногами такъ хороша! Быть-можетъ, эта женщина ни на что не способна, извѣрилась въ себя и такъ привыкла къ удобствамъ и блеску жизни, что никуда не уйдетъ и все болѣе и болѣе будетъ вязнуть въ болотѣ... И, пожалуй, уйти ей— значитъ совсѣмъ погибнуть... Кто знаетъ? А, можетъ-быть, у нея есть дѣти, которыя мѣшаютъ уйти, если мужъ не отдастъ дѣтей... И все это вмѣстѣ... И мало ли что можетъ быть! Это канва, по которой можно вышивать какіе угодно узоры...

Никодимцевъ слушалъ, затаивъ дыханіе.

— И знаете ли, какой я вопросъ себѣ задаю, глядя на эту картину?—продолжала она возбужденнымъ прерывистымъ шопотомъ.

— Какой?

— Зачѣмъ эта женщина вышла замужъ за человѣка, съ которымъ, вѣроятно, стала скучать тотчасъ же послѣ замужества... Да, вѣрно, и невѣстой скучала...

— Вы думаете?—почему-то радостно спросилъ Никодимцевъ.

— Увѣрена... По крайней мѣрѣ, такъ должно быть, судя по лицамъ этихъ супруговъ... У нея все-таки неглупое и не пошлое лицо... Есть что-то въ немъ такое, напоминающее объ образѣ Божіемъ... Она, быть-можетъ, и смутно, но задумывается иногда не объ однѣхъ только шляпкахъ... А онъ? Что за красивое и въ то же время пошло-самодовольное и грубое лицо... Я не выношу такихъ лицъ!

«И однако вчера только такія и были!»—невольно вспомнилось Никодимцеву.

— Такъ почему же, по вашему мнѣнію, она вышла за такого человѣка замужъ?

— А какъ выходятъ часто замужъ! Немножко иллюзіи, немножко жалости къ влюбленному человѣку, немножко желанія быть дамой и много... много легкомыслія. И вдобавокъ полное непониманіе изнанки брака... Однако... мы зафилософствовались... Если у каждой картины мы такъ долго будемъ болтать, то нескоро осмотримъ выставку...

Они пошли дальше...

— Вы не устали ли?—заботливо спросилъ Никодимцевъ послѣ того, какъ были осмотрѣны всѣ нижнія залы.

— Ужасно!

— Такъ что-жъ вы не сказали? Присядемте скорѣе...

— Но я боюсь васъ задержать... И то я васъ задержала, а вамъ, вѣрно, нужно на службу... Вы, говорятъ, образцовый служака...

— Да, говорятъ... Но... Вотъ диванъ свободный... Садитесь, Инна Николаевна.

Они сѣли.

— Такъ какое «но»?—спросила Инна Николаевна.

— Мнѣ хоть и надо на службу, а я сегодня не поѣду.

— И не будете раскаиваться потомъ?

— Я раскаивался бы, если-бъ не былъ сегодня на выставкѣ...

— И вы мастеръ говорить любезности, Григорій Александровичъ?.. Это нехорошо. Я въ самомъ дѣлѣ возгоржусь и подумаю, что вамъ со мною не скучно болтать.

— Я очень рѣдко лгу, Инна Николаевна!—серьезно промолвилъ Никодимцевъ.

Нѣсколько минутъ оба молчали. Инна Николаевна съ любопытствомъ взглядывала на Никодимцева и не разъ перехватывала его восторженные взгляды.

— Я отдохнула. Идемте!—наконецъ сказала она.

Они осматривали залы верхняго этажа и, останавливаясь у картинъ, обмѣнивались впечатлѣніями. Инна Николаевна не разъ удивляла Никодимцева своими тонкими замѣчаніями, и онъ снова подумалъ:—«Какъ такая умная женщина могла принимать такихъ молодыхъ людей, какихъ онъ видѣлъ у нея».

И онъ спросилъ:

— А вы вчера такъ и не поѣхали на тройкѣ?

— Нѣтъ!—слегка краснѣя, отвѣчала молодая женщина.—Надоѣли эти компаніи... И публика, которую вы вчера видѣли, не особенно интересна... Это все товарищи мужа. Но, знаете ли, нельзя быть очень разборчивой въ знакомствахъ... Иначе останешься совсѣмъ безъ людей!—словно бы оправдывалась молодая женщина.—А вы, говорятъ, совсѣмъ отшельникомъ живете?

— Почти.

— И не скучаете?

— Не скучалъ.

— А теперь?

— Иногда чувствую свое одиночество...

— Такъ, значитъ, я ошибаюсь, считая васъ счастливымъ человѣкомъ?

— Счастливыхъ людей вообще мало, Инна Николаевна!

— Быть-можетъ, вы очень требовательны... Все или ничего?

— Пожалуй, что такъ. А вѣрнѣе, что я проглядѣлъ жизнь...

— Лучше проглядѣть, чѣмъ испортить и себѣ и другимъ!— раздумчиво проговорила Инна Николаевна.

Было около пяти, когда они уходили съ выставки.

— Спасибо вамъ, Григорій Александровичъ!—горячо проговорила Инна Николаевна.

— За что?—смущенно спросилъ Никодимцевъ.

— А за то, что я видѣла выставку... Прежде я бывала на выставкахъ и не видала ихъ. Вы научили меня смотрѣть картины.

Сіяющій отъ радости, Никодимцевъ проговорилъ, подавая Иннѣ Николаевнѣ ротонду:

— Благодарить долженъ я, а не вы, Инна Николаевна... Я обрѣлъ понимающаго товарища.

Они вышли на подъѣздъ. Никодимцевъ кликнулъ извозчика.

— Надѣюсь, до свиданія и до скораго?—сказала молодая женщина, протягивая ему руку.

— Если позволите...

— Охотно позволю!—просто и безъ всякаго кокетства говорила Инна Николаевна.—И когда соскучитесь въ своемъ одиночествѣ и захотите поболтать—пріѣзжайте. Около восьми вечера вы застанете меня всегда дома... Быть-можетъ, и завтра увидимся... На «вторникѣ» у папы?

Никодимцевъ сказалъ, что непремѣнно будетъ. Онъ усадилъ Инну Николаевну въ сани и еще разъ низко поклонился.

Ѣхалъ онъ въ департаментъ, чувствуя себя счастливымъ при мысли, что Инна Николаевна отнеслась къ нему дружелюбно, и что онъ завтра ее увидитъ.

И солидный департаментскій курьеръ и солидный вице-директоръ были нѣсколько удивлены, когда увидали обыкновенно сдержаннаго и серьезнаго директора оживленнымъ, веселымъ и словно бы помолодѣвшимъ, и рѣшили, что его превосходительство получилъ новое блестящее назначеніе.

— А министръ требовалъ лѣсную записку, Григорій Александровичъ!—доложилъ вице-директоръ.

— Требовалъ? И что же? Согласился съ моимъ заключеніемъ?

— Просилъ васъ завтра быть у него и записку оставилъ у себя.

— Вѣрно, дополнительныя свѣдѣнія нужны,—съ едва замѣтной улыбкой замѣтилъ Никодимцевъ и сталъ слушать неоконченный докладъ вице-директора нѣсколько разсѣянно.

III.

На слѣдующій вечеръ Никодимцевъ былъ на «фиксѣ» у Козельскихъ, и снова Инна Николаевна играла въ винтъ и за ужиномъ Никодимцевъ сидѣлъ около нея и оживленно бесѣдовалъ. А черезъ нѣсколько дней поѣхалъ къ ней вечеромъ, просидѣлъ съ ней вдвоемъ до перваго часа и вернулся совсѣмъ очарованный ею и еще болѣе убѣжденный, что она глубоко несчастный человѣкъ. Хотя она ни единымъ словомъ не обмолвилась объ этомъ, но это чувствовалось, и аллегорическій разговоръ на выставкѣ многое уяснялъ.

Съ этого вечера Никодимцевъ влюблялся все больше и больше. Это была его первая любовь, и онъ отдался весь ея власти, хорошо сознавая, что любовь его безнадежна, и даже въ мечтахъ не осмѣливаясь надѣяться на взаимность. Онъ любилъ, любилъ со всей силой поздней страсти и, разумѣется, идеализировалъ любимое существо, представляя себѣ его далеко не тѣмъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности.

И Никодимцевъ, доселѣ жившій схимникомъ, сталъ выѣзжать, ища встрѣчи съ Инной Николаевной. Разъ въ недѣлю онъ бывалъ у нея и посѣщалъ театры и концерты, если только надѣялся ее встрѣтить.

Онъ держалъ себя съ рыцарскою корректностью, тщательно скрывая подъ видомъ исключительно дружескаго расположенія свою любовь, но для Инны Николаевны она, разумѣется, не была секретомъ. Она чувствовала эту любовь, почтительно-сдержанную, благоговѣйную, и ее грѣло это чувство, грѣло и словно бы возвышало ее въ собственныхъ глазахъ, которые привыкли видѣть раньше совсѣмъ иную любовь. Въ то же время молодая женщина сознавала себя словно бы виноватой, понимая, что онъ любитъ ее не такую, какая она есть и которую онъ не знаетъ, а другую, выдуманную и возлелѣянную его чувствомъ. Она перехватывала порой жгучіе взгляды Никодимцева, видѣла, какъ онъ блѣднѣлъ отъ ревности, и удивлялась упорству его молчаливой, застѣнчивой привязанности.

Мужа Никодимцевъ почти никогда не видалъ. Тотъ обыкновенно исчезалъ куда-то при появленіи Никодимцева, ревнуя его и въ то же время имѣя разсчеты воспользоваться имъ при случаѣ. «А жена все-таки будетъ имѣть друзей, — такъ ужъ лучше Никодимцевъ, чѣмъ кто-нибудь другой».

И мужъ самъ вездѣ разсказывалъ, что Никодимцевъ часто у нихъ бываетъ, очень друженъ съ нимъ и ухаживаетъ за женой.

Не прошло и мѣсяца послѣ знакомства Никодимцева, какъ

ужъ многіе считали его любовникомъ Инны Николаевны. Мужъ не разъ объ этомъ намекалъ женѣ и выходилъ изъ себя на то, что она не понимала этихъ намековъ и относилась къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

Не сомнѣвался въ близости Никодимцева съ дочерью и отецъ и тоже надѣялся «учесть» эти отношенія на какомъ-нибудь новомъ дѣлѣ послѣ того, какъ «лѣсное» провалилось и кредиторы стали осаждать Козельскаго.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Ордынцева вернулась домой послѣ интимнаго свиданія съ Козельскимъ около пяти часовъ.

Анна Павловна была не по-дамски аккуратна и дѣловита и никогда не опаздывала. Ровно въ три часа, нарядно одѣтая, подъѣхала она къ небольшому дому на Выборгской сторонѣ и подъ густой вуалью поднялась въ третій этажъ и открыла своимъ ключомъ двери роскошно отдѣланной маленькой квартирки, состоящей изъ спальной, уборной и кухни. Въ послѣдней жила старая нѣмка, на имя которой была нанята квартира. На ея обязанности была уборка комнатъ и исчезновеніе въ тѣ дни, когда ее извѣщали о пріѣздѣ.

Связь Анны Павловны съ Козельскимъ продолжалась уже два года и сохранялась въ тайнѣ. Видѣлись они аккуратно два раза въ недѣлю и не надоѣдали другъ другу ни сценами ревности ни разговорами о чувствахъ. Они не обманывали себя и за эти два года привыкли одинъ къ другому. Ордынцева видѣла въ своемъ любовникѣ главнымъ образомъ подспорье, благодаря которому можно было хорошо одѣваться и бывать въ театрахъ, и, чужая мужу, охотно отдавалась ласкамъ все еще красиваго и бодраго Николая Ивановича, всегда внимательнаго, милаго, любезнаго и изящнаго, владѣющаго какимъ-то особеннымъ даромъ нравиться женщинамъ.

И Ордынцева была ему вѣрна, какъ прежде была вѣрна и мужу, слишкомъ благоразумная, чтобы рисковать подспорьемъ, и слишкомъ дорожившая семьей, чтобъ увлечься по-настоящему или чтобы роскошью афишировать свои авантюры. Поэтому она не искала богатыхъ любовниковъ, боясь скандала и огласки. А этого она боялась больше всего, такъ какъ очень дорожила своей репутаціей безупречной жены, отличной матери и въ нѣкоторомъ родѣ страдалицы, съ достоинствомъ несущей крестъ свой.

И до связи съ Козельскимъ, начавшейся послѣ далеко не долгихъ ухаживаній, у Анны Павловны была еще такая же

«дѣловитая» авантюра, вызванная скорѣе вліяніемъ темперамента и практическими соображеніями, чѣмъ потребностями сердца и духовнаго общенія. И тогда Ордынцева сумѣла сохранить свою дружбу съ однимъ изъ сослуживцевъ мужа въ тайнѣ и объяснить изящество своихъ туалетовъ умѣньемъ дешево одѣваться у какой-то особенной портнихи и вообще жить экономно.

Въ свою очередь, и такой женолюбъ, какъ Козельскій, очень дорожилъ дружбою съ Анной Павловной.

Она была красива, роскошно сложена, довольно свѣжа для своихъ сорока лѣтъ. И—главное—она не играла въ любовь, хорошо понимая сущность ихъ отношеній, не дѣлала трагическихъ сценъ ревности, не требовала клятвъ и увѣреній, а пріѣзжала два раза въ недѣлю на Выборгскую сторону, поила своего пріятеля чаемъ, разсказывала сплетни и черезъ два часа торопилась домой къ обѣду. Вдобавокъ она стоила Козельскому относительно недорого и съ деликатною рѣдкостью предупреждала о томъ, что ей нужно «поговорить», то-есть попросить экстренно денегъ. Всегда ровная, всегда умѣлая очаровательница, никогда не показывавшая на людяхъ своей дружбы съ Козельскимъ, и даже умѣвшая быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ его женой,—Анна Павловна была не въ духѣ и даже начинала придираться къ своему другу только въ тѣхъ случаяхъ, когда Николай Ивановичъ забывалъ двадцатаго числа привозить пакетъ съ двумястами пятьюдесятью рублями. И, зная эту привычку Анны Павловны къ аккуратности, Козельскій, несмотря на все свое легкомысліе, очень рѣдко запаздывалъ.

Ордынцева вернулась домой послѣ свиданія нѣсколько тревожная, несмотря на то, что Козельскій не только любезно предложилъ ей сто рублей, о которыхъ она хотѣла поговорить, но, кромѣ того, еще далъ двадцать пять рублей на уроки пѣнія, обѣщая давать эти деньги ежемѣсячно, чтобы культивировать талантъ Ольги. Встревожило Анну Павловну сообщеніе Козельскаго о томъ, что Ольга догадывается объ ихъ отношеніяхъ.

Ордынцева тотчасъ же переодѣлась и, нѣсколько утомленная, прилегла на оттоманкѣ въ спальной.

Но Ольга словно нарочно влетѣла къ матери и, пытливо всматриваясь въ ея блестящіе глаза, повела рѣчь объ урокахъ пѣнія и о томъ, что ей нужно новое платье, нужны новыя ботинки и необходимо починить шубку.

— Ты попроси папу, чтобъ онъ далъ денегъ!—настойчиво говорила Ольга.—Попросишь?

— Попрошу.
— И платье мнѣ сдѣлаешь?
— Сдѣлаю.
— И ботинки купишь?
— Куплю.
Анна Павловна чувствовала, что краснѣетъ.
— Ну, вотъ за это спасибо, мамочка!
Ольга поцѣловала мать и воскликнула:
— И какъ же ты надушена, мама... И лицо, и шея... И какіе чудные духи! Ты, вѣрно, съ визитами была?
— Да, съ визитами,—отвѣтила Ордынцева.
И заискивающимъ тономъ прибавила:
— И въ оперу на-дняхъ поѣдемъ, Оля.
— Кто дастъ ложу?.. Николай Ивановичъ?
— Съ какой стати ему давать!.. Съ чего это пришло тебѣ въ голову? — съ раздраженіемъ воскликнула Анна Павловна.
— Да ты что сердишься, мамочка?.. Николай Ивановичъ такъ расположенъ къ нашей семьѣ... Отчего ему и не дать ложи!—съ невиннымъ видомъ проговорила Ольга.
И, помолчавъ, сказала:
— Перчатки надо мнѣ, мамочка... Ты купи...
— Хорошо.
— А ложа въ какомъ ярусѣ будетъ?
— Мы въ кресла пойдемъ...
Ольга выпорхнула изъ спальной веселая и довольная, что будетъ учиться пѣть, что у нея будетъ новое платье, и увѣренная въ томъ, что мать только-что видѣлась съ Козельскимъ.
Анна Павловна, въ свою очередь, не сомнѣвалась больше, что Ольга обо всемъ догадывается, и думала, что хорошо было бы ей скорѣе выйти замужъ. Чего она, въ самомъ дѣлѣ, не женитъ на себѣ Уздечкина. Не на Гобзина же ей разсчитывать!
Пробило пять часовъ. Горничная вошла и спросила: можно ли подавать обѣдъ?
— Подождите барина.
Черезъ пять минутъ раздался звонокъ, но вмѣсто барина явился посыльный и передалъ карточку Ордынцева, на которой было написано: «Обѣдать не буду».
Анна Павловна велѣла подавать и, выйдя въ столовую, гдѣ уже собрались всѣ дѣти, объявила о запискѣ отца и сѣла на свое мѣсто, принимая серьезный и нѣсколько обиженный видъ...
Всѣ отнеслись равнодушно къ тому, что отца нѣтъ. Только Шурочка грустно и словно бы недоумѣвая посмотрѣла на мать.

II.

Ордынцевъ и не ночевалъ дома.

«Вѣрно, гдѣ-нибудь пьянствовалъ съ литераторами!» — рѣшила Анна Павловна, презрительно скашивая губы, когда на другой день утромъ горничная, на вопросъ барыни: «ушелъ ли баринъ?»—отвѣтила, что баринъ не возвращался.

Ордынцева сидѣла въ столовой свѣжая, холеная, благоухающая и красивая въ своемъ синемъ фланелевомъ капотѣ и аппетитно отхлебывала изъ хорошенькой чашки кофе, заѣдая его поджареннымъ въ маслѣ ломтемъ бѣлаго хлѣба. Въ столовой никого не было. Старшій сынъ ушелъ въ университетъ, младшія дѣти—въ гимназію. Ольга, по обыкновенію, еще спала.

Ордынцева не безъ злораднаго удовольствія подумала о томъ «виноватомъ» видѣ, какой будетъ у мужа за обѣдомъ, когда она при дѣтяхъ выразитъ удивленіе, что онъ не ночевалъ дома.

«Нечего сказать, хорошій примѣръ дѣтямъ!» Она не забыла вчерашней сцены, и сердце ея было полно злобнаго чувства къ мужу, который смѣлъ такъ оскорблять ее, вмѣсто того, чтобы чувствовать свою вину передъ ней и загладить ее хоть приличнымъ обращеніемъ. «Онъ ужъ давно не скрываетъ своего равнодушія и пренебрежительно относится къ ней!»—думала со злостью Ордынцева и уже заранѣе пріискивала язвительныя слова, которыя она скажетъ ему за обѣдомъ, довольная, что есть такой благодарный предлогъ...

И съ такимъ эгоистомъ прошла ея молодость. И такому неблагодарному человѣку она отдала свою красоту!

И она злобно жалѣла, что не жила такъ, какъ могла бы жить, еслибъ раньше оставила мужа и вышла бы замужъ за болѣе порядочнаго человѣка, который умѣлъ бы добывать средства для такой красавицы, какъ она. Если и теперь, когда красота увядаетъ, она еще очень нравится мужчинамъ, то что было бы раньше?

И Анна Павловна не безъ горделиваго чувства вспомнила, какъ восхищались ею мужчины и какъ еще и теперь Козельскій приходитъ отъ нея въ восторгъ.

Эти воспоминанія о своихъ чарахъ нѣсколько отвлекли Ордынцеву отъ злобныхъ мыслей о мужѣ, и она выпила вторую чашку кофе въ болѣе пріятномъ настроеніи и затѣмъ, сдѣлавъ хозяйственныя распоряженія, въ двѣнадцатомъ часу пошла будить Ольгу, чтобы обрадовать ее предложеніемъ—ѣхать въ Гостиный дворъ.

И мать при этомъ съ осторожной предусмотрительностью объясняла дочери, что деньги на покупку платья, ботинокъ и

перчатокъ она возьметъ изъ «хозяйственныхъ», а когда отецъ дастъ, она пополнитъ.

— Мнѣ хочется поскорѣе сдѣлать тебѣ платье!—прибавила она, желая задобрить дочь и придумавъ эту комбинацію о деньгахъ для того, чтобы Ольга не могла и подумать, что мать даритъ свою любовь не совсѣмъ безкорыстно.

Но Ольга, которой было рѣшительно все равно, какими деньгами будетъ удовлетворено ея желаніе, благодаря этимъ объясненіямъ именно и подумала о томъ, чего такъ боялась мать, и не нашла въ этомъ ничего предосудительнаго.

«Отчего не взять отъ того, кто любитъ!» — пробѣжало въ ея легкомысленной головкѣ.

Послѣ завтрака онѣ уѣхали, и когда въ пятомъ часу вернулись, въ передней ихъ встрѣтила Шурочка въ слезахъ и гимназистъ Сережа, растерянный и недоумѣвающій.

— Что еще случилось? — спросила Анна Павновна у горничной.

— Баринъ...

— Что баринъ?..

— Папа... папа... — хотѣла-было разсказать дѣвочка и зарыдала.

— Вотъ... глупая... Да что же наконецъ случилось?.. Говорите!..

Голосъ ея звучалъ тревогой.

— Баринъ были во второмъ часу и увезли всѣ свои вещи изъ кабинета!—доложила горничная.

— Что-о-о?

— Вотъ такъ новость! Папа бросилъ тебя и насъ, мама!— воскликнула Ольга.—Какъ же мы будемъ жить!?

Анна Павловна, казалось, не вѣрила своимъ ушамъ.

Наконецъ она бросилась въ кабинетъ.

Тамъ было пусто.

Ольга почувствовала себя несчастной и заплакала. Шурочка убѣжала, рыдая. Гимназистъ глядѣлъ на мать злыми и любопытными глазами.

Поблѣднѣвшая, съ выраженіемъ тупого испуга въ глазахъ, глядѣла она на пустыя стѣны, и въ головѣ ея пробѣгала мысль, что мужъ узналъ объ ея связи съ Козельскимъ и воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы бросить ее.

«Скандалъ!» — мысленно повторяла она страшное ей слово и вздрагивала, точно ей было холодно.

— Баринъ записку оставили! — доложила горничная. — Въ спальной.

Гимназистъ полетѣлъ стремглавъ за запиской.

Ордынцева нетерпѣливо вырвала изъ рукъ сына письмо и прошла въ спальную.

— Оставьте меня одну!—трагическимъ тономъ произнесла она.—Оля, Сережа, уйдите!

Сережа вышелъ, а Ольга, сгоравшая любопытствомъ, проговорила сквозь слезы:

— Но, мамочка... Я не чужая... Я хочу знать, отчего папа насъ бросилъ...

И она подозрительно взглянула на мать.

— Уйди вонъ!—внезапно разразилась мать.—Уйди, злая дѣвчонка!

Анна Павловна заперла двери на ключъ.

Записка Ордынцева была слѣдующаго содержанія:

«И вамъ и мнѣ удобнѣе жить врозь, чтобы не могли повторяться постыдныя сцены, подобныя вчерашней. Мы слишкомъ ожесточены другъ противъ друга, и, разумѣется, я виноватъ, что раньше не сдѣлалъ того, что дѣлаю теперь. Виноватъ и въ томъ, что бывалъ несдержанъ и рѣзокъ. Но къ чему объясняться, почему мы оба были не особенно счастливы! Поздно! Нечего и говорить, что я охотно соглашусь на разводъ и, разумѣется, вину приму на себя. На содержаніе ваше и семьи вы будете получать то же, что и получали, то-есть 300 рублей въ мѣсяцъ. Кромѣ того, я буду давать Алексѣю и Ольгѣ по 25 рублей въ мѣсяцъ на ихъ личные расходы. Деньги будете получать двадцатаго числа. На дачу я буду давать 250 рублей. Въ случаѣ прибавки жалованья увеличится и сумма на содержаніе семьи. Надѣюсь, что вы не будете препятствовать Шурѣ и другимъ моимъ дѣтямъ навѣщать меня, если они захотятъ. Безсрочный видъ на жительство доставлю на-дняхъ. Объ адресѣ своемъ сообщу, какъ найму комнату, а пока я живу у Верховцева».

У Анны Павловны отлегло отъ сердца. Страхъ исчезъ съ ея лица. Оно теперь дышало ненавистью.

Такъ поступить съ ней, такъ отплатить ей, которая всѣмъ для него пожертвовала, бросить ее и семью, устроить скандалъ... Какъ осмѣлился онъ это сдѣлать!?

— О, подлецъ!—воскликнула она.

И, полная чувства униженія, оскорбленнаго самолюбія и злобы, заплакала.

Черезъ нѣсколько минутъ она вышла въ столовую съ видомъ невинно оскорбленной страдалицы.

Алексѣй, только-что вернувшійся домой, и Ольга вопросительно взглянули на мать.

— Бѣдные! Васъ бросилъ отецъ!—трагически произнесла Анна Павловна.

И, передавая первенцу письмо, проговорила:

— Прочти!

Алексѣй внимательно прочелъ записку. Потомъ прочла и Ольга, и лицо ея просвѣтлѣло.

Анна Павловна ждала, что̀ скажетъ ея любимецъ. Но онъ молчалъ, повидимому, вполнѣ равнодушный. Это ее обидѣло, и она проговорила:

— Ты что̀ же, Леша... одобряешь поступокъ отца? Вѣдь это ужасно... не правда ли?

Молодой студентъ снисходительно улыбнулся и медленно проговорилъ:

— Что̀ же, собственно говоря, тутъ ужаснаго, мама?... Теперь, по крайней мѣрѣ, за обѣдомъ не будетъ сценъ... Ты позволишь подавать обѣдъ? Ужасно ѣсть хочется...

Анна Павловна заплакала.

— И больше ты ничего не скажешь?.. Ничего не посовѣтуешь? Отецъ бросилъ семью, предлагаетъ разводъ... По твоему мнѣнію, согласиться и на это?..

— Объ этомъ мы, мама, поговоримъ послѣ обѣда... И ты напрасно волнуешься!

— И папа поступилъ благородно,—замѣтила Ольга.—Онъ тебѣ будетъ давать столько же, сколько и давалъ... И, конечно, ты исполнишь свое обѣщаніе насчетъ уроковъ пѣнія... Изъ этихъ денегъ можно отдѣлить рублей двадцать пять... Правда, мама?..

Пришли Сережа и Шура, и разговоръ прекратился.

Обѣдъ прошелъ въ молчаніи.

Послѣ обѣда Алексѣй и Ольга пошли вслѣдъ за матерью въ спальню на семейное совѣщаніе. И, когда всѣ усѣлись, Алексѣй сказалъ:

— Папа поступилъ вполнѣ корректно.

— Корректно... бросить семью?—негодующимъ тономъ спросила Ордынцева.

— Позволь мнѣ договорить, мама, и не волнуйся... Я не хочу обвинять ни тебя ни отца, но вѣдь не можешь же ты не согласиться, что жизнь твоя съ отцомъ далеко не походила на семейное счастіе... Вы при встрѣчахъ только упрекали другъ друга, полные взаимнаго раздраженія. Не особенно теплыя отношенія къ отцу были и съ нашей стороны. Онъ не видѣлъ въ насъ того, что̀ хотѣлъ видѣть—повторенія себя, забывая, что каждому времени соотвѣтствуютъ свои задачи и свои люди, и что я не могу ни думать, какъ онъ, ни вѣрить въ то, во что вѣрилъ онъ. Ты вѣдь знаешь, мы съ отцомъ не сходились во взглядахъ. И я знаю, что онъ за это нехорошо

относился ко мнѣ и, вмѣсто того чтобы убѣждать меня, только бранился. Согласись, что такія отношенія не могли способствовать взаимной пріязни. Ольга тоже не была ласкова съ отцомъ, отчасти благодаря твоему вліянію и твоимъ вѣчнымъ спорамъ съ нимъ, и, разумѣется, и она не оправдала его ожиданій. Ольга ищетъ въ жизни наслажденій и ничего другого ни по складу своего ума ни по темпераменту искать не можетъ и не будетъ. Отецъ въ качествѣ идеалиста считаетъ это безнравственнымъ, не принимая въ разсчетъ условій, при которыхъ образуется тотъ или другой типъ, и забывая, что невозможно требовать, чтобы люди добровольно отрѣшались отъ тѣхъ благъ жизни, которыя доставляютъ имъ наибольшую сумму удовольствій... Сережа совсѣмъ не знаетъ отца... Одна только Шура любитъ его... Такъ отчего же, послѣ этого, папѣ не оставить насъ и жить, по крайней мѣрѣ, спокойнѣе, не имѣя передъ глазами лицъ, которыя ему кажутся несимпатичными?.. И всѣмъ намъ, исключая Шуры, будетъ удобнѣе жить безъ отца... И ничего тутъ нѣтъ обиднаго ни для кого, и я не могу не уважать его... Онъ поступилъ и разумно и корректно!— заключилъ Алексѣй, взглядывая на своихъ слушательницъ съ нѣкоторымъ высокомѣрнымъ сомнѣніемъ въ способности ихъ хорошо понять то, что онъ имъ объяснялъ, и притомъ такъ красиво.

Дѣйствительно, Анна Павловна обидѣлась. Ей хотѣлось, чтобы сынъ вмѣстѣ съ нею призналъ, что отецъ поступилъ подло, а любимецъ ея говоритъ о разумности и корректности.

— И ты, Леша, противъ матери?.. И ты обвиняешь меня?— упрекнула она.

— И не думалъ, мама... Я никого никогда не обвиняю. Замѣть это разъ навсегда.

— Но ты находишь, что такъ подло поступить, какъ поступилъ отецъ... бросить семью... разумно и корректно?.. Не ожидала я этого отъ тебя...

И Анна Павловна вмѣсто дальнѣйшихъ доводовъ поступила такъ, какъ обыкновенно поступаютъ женщины, то-есть заплакала.

Сынъ снисходительно пожалъ плечами, словно бы говоря: «такъ я и зналъ!»

Обидѣлась и Ольга и объявила, что она не безнравственная и не ищетъ только наслажденій. Она поступитъ на сцену и будетъ пѣвицей... Она не боится работать.

— Вотъ ты такъ безнравственный... Влюбилъ въ себя Женю Борскую. Проповѣдывалъ ей разныя свои теоріи, представлялся влюбленнымъ и, когда она влюбилась въ тебя... отвернулся... Вотъ это безнравственно.

— Ты, Ольга, настолько несообразительна, что не понимаешь то, о чемъ берешься судить.

— Ты воображаешь, что очень уменъ... Развѣ я неправду говорю о Женѣ? Какъ ты съ ней поступилъ?

— Я не прикидывался влюбленнымъ и вообще не умѣю влюбляться... Пусть влюбляются разные идіоты и идіотки, которымъ нечего дѣлать... Твоя дура Женя должна была бы понять, что если я имѣлъ глупость говорить съ ней о серьезныхъ предметахъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что я, какъ ты говоришь, влюблялъ ее въ себя... И что за выраженіе: «влюбилъ въ себя»?

Молодой человѣкъ презрительно перекосилъ губы и, не удостоивая больше Ольгу своимъ разговоромъ, обратился къ матери и произнесъ:

— Теперь, мама, поговоримъ о практическихъ послѣдствіяхъ свершившагося факта... Ты, конечно, развода не дашь? Замужъ выйти еще разъ не собираешься?

— Ты глупости спрашиваешь, Леша!—отвѣтила, краснѣя, Анна Павловна.

— Отчего глупости?.. Ты хорошо сохранилась и еще нравишься,—продолжалъ Алексѣй дѣловитымъ тономъ.—Такъ если не собираешься, то нѣтъ никакого резона разводиться, чтобы и отецъ не сдѣлалъ глупости ради какихъ-нибудь альтруистическихъ побужденій и такимъ образомъ не имѣлъ бы возможности исполнить свои обязательства относительно тебя и семьи.

Анна Павловна уже не плакала и съ жаднымъ вниманіемъ слушала сына.

— Конечно, конечно... Никогда я не дамъ ему развода... А то въ самомъ дѣлѣ какая-нибудь смазливая женщина женитъ его на себѣ...

— Но папа и такъ, безъ брака, можетъ сойтись съ кѣмъ-нибудь, и тогда выйдетъ то самое, о чемъ говоритъ Леша!—замѣтила Ольга.

Братъ не безъ удивленія взглянулъ на сестру и на этотъ разъ съ видимымъ одобреніемъ къ ея сообразительности.

— Вотъ насчетъ этого я и хотѣлъ дать тебѣ, мама, совѣтъ, если ты хочешь его выслушать?—съ обычной своей корректностью спросилъ сынъ.

— Говори... говори, голубчикъ... Съ кѣмъ же мнѣ и посовѣтоваться, какъ не съ тобой.

Ольга едва замѣтно усмѣхнулась и вспомнила о Козельскомъ.

И Алексѣй продолжалъ:

— Конечно, это одни только предположенія и, по правдѣ сказать, мало обоснованныя. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ

томъ, что отецъ исполнитъ все, о чемъ сообщаетъ въ своей запискѣ (ты, во всякомъ случаѣ, какъ-нибудь не потеряй ее, мама!—вставилъ Алексѣй). Онъ слишкомъ порядочный человѣкъ, чтобъ не сдержать своего слова... Но случается, что и самый порядочный человѣкъ дѣлается невольнымъ рабомъ обстоятельствъ, если нѣтъ предохраняющихъ элементовъ...

Анна Павловна насторожила уши... «Предохраняющіе элементы» встревожили ее.

— Вотъ почему ты хорошо сдѣлала бы, мама, если-бъ попросила у отца болѣе оформленный документъ, чѣмъ это письмо... Онъ, разумѣется, не откажется выдать его, и ты будешь гораздо покойнѣе за себя и за семью... И отцу будетъ лучше. Онъ не станетъ рисковать мѣстомъ, и слѣдовательно ему не придется испытывать мукъ отъ несдержаннаго слова... И ни съ кѣмъ не сойдется, зная, что у тебя есть обязательство.

Выходило какъ будто очень даже хорошо для самого же отца, оберечь котораго «предохраняющимъ элементомъ» предложилъ сынъ. И ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на красивомъ лицѣ Алексѣя, когда онъ совѣтовалъ матери эту комбинацію.

— Какой же документъ надо взять, Алеша?

— Насчетъ этого я посовѣтуюсь съ адвокатомъ... Онъ пусть и переговоритъ съ отцомъ...

— Лучше я сама напишу.

— Нѣтъ, мама, не дѣлай этого... Ты напишешь что-нибудь рѣзкое и только раздражишь отца, и онъ можетъ не согласиться... И ты не волнуйся, мама... Съ тѣмъ, что будетъ давать отецъ, можно жить...

— А скандалъ?.. А развѣ мнѣ не больно, не обидно?.. Такъ отблагодарить!..

И Анна Павловна достала носовой платокъ.

Алексѣй поцѣловалъ руку матери и ушелъ къ себѣ заниматься. Ольга убѣжала къ Козельскимъ разсказать новость Тинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, намѣрена ли она влюбить въ себя Гобзина.

Къ вечеру Ордынцева нѣсколько успокоилась и уже составила себѣ въ умѣ конспектъ будущихъ рѣчей о семейномъ скандалѣ. Разумѣется, мужъ будетъ изображенъ въ надлежащемъ видѣ, и, разумѣется, она просила его оставить ее въ виду неприличія его поведенія и чуть ли не открытой связи Богъ знаетъ съ кѣмъ. Анна Павловна не сомнѣвалась, что знакомые повѣрятъ всему, что она ни наговори объ этомъ «подломъ» человѣкѣ, тѣмъ болѣе, что онъ держалъ себя далеко отъ знакомыхъ ея и дочери и иногда даже не выходилъ къ нимъ и сидѣлъ въ кабинетѣ или исчезалъ изъ дома.

Послѣ чая, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, Шура осторожно вошла въ спальню, чтобъ проститься съ матерью.

Дѣвочка поцѣловала бѣлую, душистую руку матери безъ обычной ласковости и еле прикоснулась губами къ ея губамъ. Анна Павловна, напротивъ, сегодня съ особенной порывистой нѣжностью нѣсколько разъ поцѣловала Шуру и съ торжественно-грустнымъ видомъ перекрестила ее.

Шура подняла свои большіе, красные отъ слезъ глаза на мать и спросила:

— Папа больше не будетъ жить съ нами?

— Нѣтъ, Шура.

— И приходить къ намъ не будетъ?

— Не будетъ.

Шура мгновеніе помолчала и, удерживаясь отъ слезъ, задала вопросъ:

— А я буду ходить къ нему?

— Если захочешь...

— Конечно, захочу!—взволнованно проговорила дѣвочка, перебивая мать.

— По праздникамъ можешь навѣщать.

— А въ будни?

— Въ будни нельзя. Утромъ—гимназія, а потомъ тебѣ надо готовить уроки.

Шура примолкла, но не уходила.

— А если бы... если бы...

Она не рѣшилась докончить.

— Что ты хочешь сказать? Говори, Шурочка.

— Если бы жить съ папой...

Анну Павловну словно кольнуло въ сердце отъ этихъ словъ.

И Алексѣй, ея любимецъ, отнесся къ ней не особенно сочувственно, про Ольгу и говорить нечего,—эта дѣвчонка положительно стала дерзка въ послѣднее время,—и вотъ эта маленькая дѣвочка хочетъ жить съ отцомъ.

А она ли не отдала всю жизнь дѣтямъ!?

— Такъ ты хочешь оставить свою маму, Шура? Тебѣ не жалко меня?—вырвался грустный крикъ изъ ея груди.

Шура заплакала.

— Мнѣ васъ обоихъ жаль! — наконецъ сказала она.—Но папа одинъ...

— Онъ самъ захотѣлъ быть одинъ, Шура... Онъ и съ тобой не хочетъ жить.

— Не хочетъ? Онъ писалъ объ этомъ въ письмѣ? — недовѣрчиво спросила Шура, не спуская глазъ съ матери.

— Онъ ничего не писалъ...

— Такъ почему же ты говоришь, что папа не хочетъ?

— Если-бъ хотѣлъ, то написалъ... Ну, иди, дѣточка, спать, иди...

И, снова поцѣловавъ Шуру, Ордынцева прибавила:

— Папа всѣхъ насъ бросилъ, Шура... Папа никого изъ насъ не любитъ...

— О нѣтъ, нѣтъ... Это неправда... Онъ меня любитъ, и я его ужасно люблю!—почти крикнула Шура.

И, рыдая, выбѣжала изъ комнаты.

Долго еще не могла успокоиться нервная и болѣзненная дѣвочка и тихо-тихо плакала, чувствуя себя обиженной и несчастной.

Она такъ любитъ папу, а онъ не написалъ, что хочетъ съ ней жить.

Нехорошо спалось въ эту ночь и Ордынцевой. Она почувствовала, что дѣти безучастны къ ней; и не могла понять: отчего?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

На слѣдующій день, когда Шура, послѣ классовъ, грустная спускалась въ шумной компаніи гимназистокъ въ швейцарскую, она съ лѣстницы увидала отца.

— Папочка! Милый!

Счастливая, она горячо цѣловала его.

— Одѣвайся, Шурочка... На улицѣ поговоримъ!—радостно говорилъ Ордынцевъ.

И, когда они вышли изъ подъѣзда, онъ сказалъ:

— И какъ же я соскучился по тебѣ, Шурочка! И вчера не простился... И сегодня утромъ не видѣлъ... Ну, и уѣхалъ со службы, чтобы взглянуть на свою дѣвочку.

Шура крѣпко сжимала отцовскую руку и повторила:

— Милый... голубчикъ... родной мой... А я думала...

— Что ты думала?

— Что ты... не хочешь взять меня къ себѣ... Мама вчера говорила, что ты объ этомъ не писалъ ей... А вѣдь ты возьмешь меня... Не правда ли?

— Я не писалъ потому, что прежде хотѣлъ спросить тебя... хочешь ли ты жить со мной. Не будетъ ли тебѣ скучно?

— Хочу, хочу, хочу... И мнѣ не будетъ скучно. И какъ хорошо мы съ тобой будемъ жить, папочка! Я за тобой ходить буду... столъ твой убирать... чай разливать! — радостно говорила Шура.

Эти слова наполнили Ордынцева счастьемъ. Онъ будетъ не

одинъ, а съ любимой дѣвочкой, которая одна изъ всей семьи была съ нимъ ласкова. И онъ избавитъ ее отъ дурного вліянія матери и вообще отъ всей этой скверной атмосферы. Ордынцевъ объ этомъ думалъ, когда рѣшилъ оставить семью, но разсчитывалъ взять дочь попозже, когда получитъ обѣщанную старикомъ Гобзинымъ прибавку жалованья къ Новому году, такъ какъ безъ этой прибавки у него оставалось всего пятьдесятъ рублей. Остальное содержаніе онъ обѣщалъ отдавать семьѣ.

Но теперь онъ дожидаться не будетъ. Онъ займетъ денегъ, чтобъ нанять маленькую квартирку, купить мебель и завести хозяйство.

— Я сегодня же напишу, чтобъ тебя отдали мнѣ, моя радость. Безъ тебя мнѣ было бы тоскливо жить, мое солнышко.

— И мнѣ безъ тебя, папочка, было бы скучно.

— И какъ только я найму квартиру, ты пріѣдешь ко мнѣ. Вѣдь ты хочешь ко мнѣ, дѣвочка?—снова радостно спрашивалъ Ордынцевъ, желая услыхать еще разъ, что она хочетъ.

— О, папа! И какъ тебѣ не стыдно спрашивать!.. Только знаешь ли что?..

— Что, милая?

— Согласится ли мама меня отпустить?

— Согласится!—отвѣчалъ отецъ.

Но тонъ его былъ неувѣренный.

— А если нѣтъ?..

— Я заставлю согласиться... Ты, во всякомъ случаѣ, будешь у меня!—воскликнулъ отецъ.

— Но вѣдь и мамѣ будетъ тяжело! — раздумчиво проговорила Шура.

И тотчасъ же прибавила:

— Но мама не одна, а ты—одинъ. Тебѣ тяжелѣе. Ты можешь заболѣть, и кто будетъ за тобой ходить?

— О, моя ласковая умница!—умиленно проговорилъ Ордынцевъ.

— А я буду маму навѣщать. Правда, папочка?

— Конечно... Когда захочешь, тогда и пойдешь...

— И Сережа будетъ заходить ко мнѣ?

— И Сережа...

Они уже были у дома, изъ котораго бѣжалъ Ордынцевъ. Обоимъ имъ не хотѣлось разставаться. День выдался славный, солнечный, при небольшомъ морозѣ.

— Погуляемъ еще, Шура. Хочешь?

— Конечно, хочу. Еще когда я тебя увижу.

— Скоро...

— А какъ скоро?

— Я опять пріѣду въ гимназію... послѣзавтра.

— А гадкій Гобзинъ не разсердится на тебя?

— Нѣтъ, голубка... И я его не боюсь! — весело говорилъ Ордынцевъ.—А ты не голодна ли?

— Нѣтъ, папочка.

— А eclair съѣла бы?—смѣясь, спросилъ Ордынцевъ, знавшій, какъ любитъ Шура это пирожное, и часто имъ угощавшій свою любимицу.

— Съѣла бы.

Они были недалеко отъ кондитерской Иванова и зашли туда. Шура съѣла два eclair'а, и отецъ съ дочерью пошли на Офицерскую.

— До свиданія, Шура!..

— До свиданія, папочка!

— Скоро вмѣстѣ будемъ... Вмѣстѣ!—радостно проговорилъ Ордынцевъ, цѣлуя дочь.

Она вошла въ подъѣздъ и смотрѣла черезъ стекло двери, какъ отецъ сѣлъ на извозчика и послалъ ей поцѣлуй.

Дома она никому не сказала, что видѣла отца. Всѣ были дома, но никто не обращалъ на нее вниманія, занятые совѣщаніемъ о томъ, кому отдать кабинетъ. Мать великодушно отказалась отъ будуара и отдала кабинетъ Ольгѣ, пообѣщавъ купить маленькій диванъ и два кресла.

Шурѣ показалось, что мать совсѣмъ успокоилась, и это больно кольнуло дѣвочку.

Вечеромъ явился посыльный съ новымъ письмомъ отъ Ордынцева.

— Чего еще ему надо!—внезапно раздражаясь, проговорила Анна Павловна, вскрывая конвертъ.

Письмо, въ которомъ Ордынцевъ просилъ отдать ему Шуру, вызвало въ Аннѣ Павловнѣ негодованіе и злость.

Ни за что она не отдастъ ему дочь. Ни за что! Онъ бросилъ всѣхъ, такъ пусть и остается одинъ. Въ мотивахъ этого рѣшенія было немало желанія отплатить мужу за свое униженіе и вообще причинить ему зло. Она знала, какъ любитъ отецъ Шуру, и въ значительной степени именно потому и думать не хотѣла о томъ, чтобы исполнить просьбу мужа.

И Ордынцева собиралась отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ. Но прежде она позвала къ себѣ сына.

— Прочти, что еще онъ выдумалъ!—взволнованно сказала она.

Алексѣй прочелъ и, возвращая матери письмо, спросилъ:

— Ты что намѣрена отвѣтить?

— И ты еще спрашиваешь?—воскликнула Ордынцева.—Конечно, я напишу, что не отдамъ ему Шуры!

— Напрасно.

— Что!? Ты хочешь, чтобъ я лишилась дочери, чтобъ я отдала Шуру человѣку, который такъ поступилъ съ семьей... Ты хочешь, чтобъ она жила по меблированнымъ комнатамъ, безъ надзора, безъ уюта?..

На красивомъ лицѣ Алексѣя появилось скучающее выраженіе человѣка, принужденнаго выслушивать глупыя рѣчи и доказывать ихъ глупость.

«А вѣдь, кажется, мать неглупая женщина!» — подумалъ онъ.

— Я, мама, хочу избавить тебя и всѣхъ насъ отъ непріятностей... вотъ чего я хочу... Отказомъ ты раздражишь отца, и онъ не только не выдастъ тебѣ обязательства, но можетъ уменьшить обѣщанное содержаніе...

— Какъ онъ смѣетъ? Я могу жаловаться въ судъ.

— Судъ не заставитъ его отдавать семьѣ все содержаніе. А вѣдь отецъ отдаетъ намъ почти все... оставляя себѣ только пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. И наконецъ онъ можетъ и судомъ получить Шуру или подавъ жалобу въ комиссію прошеній.

— Но вѣдь это жестоко... Отнять у матери дочь... И ты хочешь, чтобъ я добровольно отказалась отъ нея?..

— Я представляю тебѣ доводы, мама. Твое дѣло принять или не принять ихъ...

Этотъ спокойный, увѣренный, слегка докторальный тонъ сына невольно импонировалъ на Ордынцеву, и мысль, что мужъ можетъ выдавать на содержаніе семьи меньше того, что обѣщалъ, значительно поколебала ея рѣшимость. Алексѣй отлично это видѣлъ и продолжалъ:

— Я, конечно, понимаю, что тебѣ тяжело разстаться съ Шурой, но она будетъ навѣщать тебя. Отецъ объ этомъ напишетъ. И присутствіе Шуры при отцѣ болѣе гарантируетъ его отъ возможности альтруистическаго увлеченія, котораго ты боишься... И если ты согласишься отдать Шуру, то и выдача формальнаго обязательства обезпечена. Ты можешь поставить исполненіе желанія отца въ зависимость отъ этого обязательства.

— Но каковъ отецъ... Пользоваться нашей безпомощностью, чтобы отнять дочь! Это... это...

Ордынцева заплакала.

Но Алексѣй отлично зналъ физіологическое происхожденіе слезъ и зналъ, что мать немножко рисуется своей печалью

разстаться съ Шурой. Вотъ почему онъ не обратилъ на слезы матери большого вниманія и только изъ любезности проговорилъ:

— Ты не волнуйся, мама... И посыльный ждетъ отвѣта.

— Что-жъ отвѣчать? — покорно спросила Анна Павловна, вздохнувъ съ видомъ несчастной страдалицы, обреченной нести тяжкій крестъ.

— Напиши, что обо всемъ переговоритъ адвокатъ, который будетъ у отца на-дняхъ. И больше ни одного слова, мама!

Алексѣй подождалъ, пока мать писала письмо, прочелъ его, одобрилъ и, когда письмо было вложено въ конвертъ, проговорилъ, цѣлуя у матери руку:

— Ты очень умно поступила, мама. Очень умно! — повторилъ онъ и вышелъ отдать письмо посыльному.

У посыльнаго Алексѣй справился: «уплачены ли ему за отвѣтъ деньги?»

Анна Павловна рѣшила посовѣтоваться еще съ Козельскимъ. Быть-можетъ, онъ придумаетъ такую комбинацію, при которой можно было бы получить отъ мужа обязательство и оставить у себя Шуру. Вмѣстѣ съ тѣмъ у Ордынцевой была и задняя мысль воспользоваться, если представится возможность, новымъ своимъ положеніемъ брошенной жены.

И она тотчасъ же написала Козельскому письмо, въ которомъ звала «Нику» по весьма важному семейному дѣлу на свиданіе въ «Анютино» (какъ они звали пріютъ на Выборгской) на завтра, въ два часа. По обыкновенію, она адресовала письмо не на квартиру Козельскаго, который предусмотрительно просилъ своего друга никогда этого не дѣлать, наученный прежнимъ опытомъ, какіе непріятные инциденты могутъ отъ этого произойти—и, по обыкновенію, вышла сама на улицу, чтобы опустить письмо въ почтовый ящикъ, объявивъ Ольгѣ, что хочетъ пройтись и кстати взять къ чаю кексъ.

— Ты вѣдь любишь кексы, Ольга?

Ольга, тронутая обѣщаніемъ новой мебели и радостно мечтавшая о гнѣздышкѣ, которое она устроитъ изъ кабинета, горячо обняла мать и съ искреннимъ чувствомъ проговорила:

— А ты не сердись на меня, мамочка, за то, что я была рѣзка съ тобой. Прости. Не сердишься? Скажи?

— Развѣ я на васъ могу сердиться?.. Только люби меня побольше, Оля... Теперь мнѣ одно утѣшеніе въ любви дѣтей. И будемъ дружны. Вѣдь мы... брошенныя, — прибавила Анна Павловна и ласково потрепала Ольгу по ея хорошенькой щекѣ.

II.

Не до свиданія было Козельскому.

Наканунѣ онъ цѣлый день рыскалъ по городу, чтобы найти денегъ. На-дняхъ былъ срокъ банковскому векселю въ 3.000 рублей, и надо было во что бы ни стало заплатить, чтобы, благодаря протесту, не лишиться кредита. Вчера онъ не досталъ, и приходилось искать денегъ сегодня. Долговъ у него было по горло, и доставать деньги все было труднѣе и труднѣе. Онъ уже узналъ отъ одного чиновника въ министерствѣ, сообщавшаго ему свѣдѣнія, что лѣсное дѣло провалилось благодаря Никодимцеву, и, несмотря на свое ликованіе, серьезно призадумался, когда подвелъ цифру долговъ. Сумма была внушительная.

И вдобавокъ изъ-за этой записки Анны Павловны чуть-было не вышло непріятности дома. Дуракъ курьеръ поторопился ее доставить, и, какъ нарочно, горничная подала на подносѣ письмо въ то время, когда Николай Ивановичъ пилъ кофе въ столовой вблизи отъ Антонины Сергѣевны. Она съ обычной подозрительностью взглянула на маленькій конвертикъ, конечно, увидала женскій почеркъ и тотчасъ же измѣнилась въ лицѣ.

Его превосходительство съ большимъ мастерствомъ разъигралъ роль удивленнаго человѣка и даже пожалъ плечами, взглянувъ на конвертъ. Онъ, не спѣша, вскрылъ конвертъ, предусмотрительно отложилъ его подальше отъ глазъ жены и, отлично зная, что ея взглядъ изучаетъ малѣйшія движенія его лица съ упорнымъ вниманіемъ слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, — еще равнодушнѣе прочитывалъ о томъ, что «Нику» зовутъ въ два часа на свиданіе по важному семейному дѣлу.

И его превосходительство былъ до нѣкоторой степени искрененъ, когда, прочитавъ записку и написавъ на ней нѣсколько словъ карандашомъ, не безъ досады воскликнулъ, обращаясь къ женѣ:

— Вѣдь этакая дура! Третій разъ проситъ...

— Кто?.. О чемъ?

— Да эта... княгиня Туманская... Сынъ ея у меня служитъ.. Балбесъ балбесомъ! Такъ не угодно ли мнѣ дать ему повышеніе. Его бы выгнать надо, а не то что повышеніе...

И съ этими словами Козельскій сунулъ и конвертъ и записку въ боковой карманъ, мысленно похвалилъ себя за то, что такъ блистательно обманулъ святую женщину и такъ вдохно-

венно оклеветалъ неизвѣстныхъ ему княгиню Туманскую и ея сына.

Жена и вѣрила и не вѣрила.

Ея обожаемый Коля такъ часто безовѣстно лгалъ, что подвергалъ ея вѣру большимъ испытаніямъ.

Но почеркъ на конвертѣ, и форматъ, и бумага показались ей похожими на почеркъ и конверты Ордынцевой, отъ которой прежде Антонина Сергѣевна нерѣдко получала дружескія записочки.

И Антонина Сергѣевна, добросовѣстно желая сдѣлать послѣднюю попытку къ раскрытію истины, совершенно неожиданно проговорила:

— А мнѣ показался почеркъ знакомымъ, Коля...

— А что-жъ... возможно... Почерки часто бываютъ очень похожіе...

И, желая показать, что нисколько не интересуется этимъ, его превосходительство разсказалъ забавный анекдотъ по поводу сходства почерковъ.

— На почеркъ Ордынцевой похожъ... И конвертъ такой же!—проговорила Антонина Сергѣевна, внимательно выслушавъ анекдотъ и взглянувъ въ глаза мужа.

Но онъ ихъ не опустилъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, кажется, похожъ... Но, слава Богу, Ордынцева не имѣетъ дѣлъ въ министерствѣ, а сынъ ея далеко не балбесъ, а, напротивъ... очень основательный человѣкъ... Ну, до свиданія, Тоня... Пора и въ хомутъ!

И онъ поцѣловалъ руку жены и ушелъ въ кабинетъ, и струсилъ уже тамъ, оставшись одинъ.

— Этакій идіотъ этотъ швейцаръ въ министерствѣ!—проговорилъ онъ.

Его превосходительство до часу просидѣлъ въ своемъ министерствѣ. Оттуда въ вицмундирѣ и со звѣздой поѣхалъ къ Кюба, наскоро позавтракалъ и въ половинѣ второго ѣхалъ на Выборгскую, разсчитывая, что свиданіе не продлится болѣе получаса и онъ къ тремъ часамъ поспѣетъ на засѣданіе комиссіи, въ которую онъ былъ назначенъ отъ своего министерства какъ человѣкъ, основательно знакомый съ финансовыми вопросами.

Ровно въ два часа онъ отворилъ своимъ ключомъ двери «пріюта». Анна Павловна была уже тамъ, торжественно-печальная, хотя и одѣтая съ тѣмъ особеннымъ щегольствомъ и съ тою, разсчитанною на любительскій вкусъ Козельскаго, привлекательностью, которыя она считала, при посѣщеніи «Анютина», такой же необходимой принадлежностью свиданій, какою

офицеръ считаетъ полную парадную форму при представленіи по начальству. Въ этомъ отношеніи Анна Павловна съ щепетильной добросовѣстностью исполняла свой «долгъ» очаровательницы «Никса» и хотя знала, что сегодня не ихъ опредѣленные два дня въ недѣлю свиданій,—все-таки, на всякій случай, явилась во всемъ своемъ великолѣпіи: благоухающая, съ подведенными бровями и въ кольцахъ.

— Прости, Ника, что потревожила тебя...

И Анна Павловна подставила свои губы и такъ прильнула къ губамъ его превосходительства, что тотъ сперва осовѣлъ и затѣмъ почему-то взглянулъ на часы.

— Что такое случилось, Нита?.. Разсказывай!.. У меня только полчаса въ распоряженіи, и я объ этомъ очень жалѣю!— подчеркнулъ Козельскій, значительно взглядывая на свою пріятельницу. — Ты видишь... я въ парадѣ. Въ три часа я долженъ быть въ комиссіи.

— Этотъ подлецъ бросилъ насъ!

И Анна Павловна, усѣвшись на тахту, передала въ болѣе или менѣе извращенномъ видѣ о «подлости» мужа, при чемъ уменьшила цифру содержанія, обѣщаннаго въ письмѣ мужа, на пятьдесятъ рублей.

— Но главное... Онъ требуетъ дочь... Грозитъ скандаломъ... Я не хочу отдавать дочь... Посовѣтуй, что мнѣ дѣлать, какъ удержать Шуру... Какъ заставить его выдать какую-нибудь бумагу...

Эта новость, признаться, не очень понравилась его превосходительству, особенно въ виду его далеко не блестящихъ финансовъ. И, разумѣется, онъ тѣмъ искреннѣе далъ совѣтъ не раздражать мужа и постараться войти съ нимъ въ соглашеніе относительно прибавки содержанія.

— Твой мужъ все-таки настолько порядочный человѣкъ, что не заставитъ семью нуждаться.

— А дочь?..

— Лучше отдай ему... Не заводи исторій, Нита...

— И Леша то же говоритъ... И никто за меня не заступится...

Анна Павловна заплакала, и его превосходительство, въ качествѣ человѣка стараго воспитанія, конечно, счелъ своимъ долгомъ подсѣсть къ ней и постараться успокоить ее горячими поцѣлуями, прерывая однако ихъ, чтобы взглянуть на часы.

Едва ли къ счастью для Козельскаго, времени оказалось еще достаточно, чтобы слезы Анны Павловны успѣли тронуть мягкое сердце его превосходительства и заставили его хоть

нѣсколько успокоить ее легкомысленнымъ обѣщаніемъ добавлять пятьдесятъ рублей, если мужъ откажется ихъ давать.

Спохватился Козельскій, что сдѣлалъ глупость, обязуясь давать своей любовницѣ, хотя она объ этомъ его и не просила, кромѣ прежнихъ 275 рублей, еще пятьдесятъ, только тогда, когда ѣхалъ въ свою комиссію.

Но тамъ зато онъ произнесъ такую блестящую рѣчь о значеніи и благотворности для страны возможно дешеваго кредита, что самъ предсѣдатель, считавшійся финансовымъ свѣтиломъ, послѣ засѣданія наговорилъ Козельскому комплиментовъ и просилъ побывать на-дняхъ.

Черезъ недѣлю молодой присяжный повѣренный привезъ Аннѣ Павловнѣ форменное обязательство.

— Вашъ супругъ безъ всякихъ разговоровъ подписалъ. Просилъ только, чтобы къ завтрашнему дню малолѣтняя дочь была доставлена къ нему!—объявилъ онъ.

Изъ деликатности адвокатъ не сказалъ, что Ордынцевъ, прочитавъ документъ, съ брезгливой усмѣшкой сказалъ:

— Это, вѣрно, идея сынка... это предусмотрительное обязательство?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Повидимому, Травинскій примирился со своимъ положеніемъ. По крайней мѣрѣ, послѣ сцены, бывшей вслѣдъ за возвращеніемъ супруговъ съ журфикса Козельскихъ, онъ не предъявлялъ никакихъ правъ, не плакалъ и не бранился, и окончательно переселился въ кабинетъ, не теряя надежды, что Инна одумается и, тронутая его привязанностью, попрежнему будетъ если и не вѣрной, то, во всякомъ случаѣ, благосклонной женой и не оставитъ его, не разрушитъ семьи.

Не въ первый разъ жена бросала ему въ глаза, что не любитъ его, что онъ ей противенъ, не въ первый разъ сцены, бывшія между ними, оканчивались ссылкой въ кабинетъ. Но ссылки эти были непродолжительны. Онъ вымаливалъ прощеніе истериками и слезами, онъ такъ жалобно говорилъ о своей любви, валяясь въ ногахъ, и такъ рѣшительно обѣщалъ покончить съ собой, что возбуждалъ жалость въ безвольной, безхарактерной Иннѣ Николаевнѣ, и она снова терпѣла мужа, ничтожество котораго сознавала, сознавая въ то же время и вину свою передъ этимъ человѣкомъ и презирая по временамъ и себя.

Но теперь Инна Николаевна, казалось, задыхалась въ той атмосферѣ, въ какой жила, и мужъ, глупый, пошлый, нераз-

борчивый на средства, возбуждалъ въ ней отвращеніе. Не разъ она собиралась разводиться съ нимъ, но каждый разъ жалѣла мужа и останавливалась передъ вопросомъ, на что она будетъ жить съ дѣвочкой пяти лѣтъ, единственнымъ ребенкомъ, который былъ у нея? И наконецъ отдастъ ли онъ дочь?

Эта перемѣна въ молодой женщинѣ была до извѣстной степени результатомъ встрѣчи съ Никодимцевымъ. Его трогательная почтительная любовь положительно изумляла, и его рѣчи, совсѣмъ не похожія на тѣ, которыя она слышала у себя въ домѣ, невольно пробуждали что-то хорошее, что-то свѣтлое, дремавшее въ ея душѣ.

И за послѣднее время она все чаще и чаще думала: «Какъ могла она такъ жить, какъ жила?»

Думала и рѣшительно не могла объяснить себѣ, почему она вышла замужъ за человѣка ничтожнаго, котораго къ тому же не любила и тогда, когда дала ему слово, какъ она постепенно дошла до настоящаго положенія, она, неглупая и умѣвшая, казалось, отличить добро отъ зла? Безхарактерность, которую она въ себѣ сознавала, была, конечно, одной изъ причинъ, но не всѣ же безхарактерныя женщины идутъ на такіе компромиссы? Значитъ, было еще что-то другое, и вотъ это-то другое и было непонятно молодой женщинѣ. Непонятно и въ то же время вселяло въ ней ужасъ чего-то рокового, безнадежнаго, отъ котораго избавиться нельзя. Она обречена на гибель, и нѣтъ ей выхода.

И въ такія минуты Инну Николаевну охватывало отчаяніе.

Мужъ замѣтилъ перемѣну въ настроеніи жены и въ образѣ ея жизни. Прежняго кабака въ домѣ не было. Обычные посѣтители стали бывать рѣже. Обѣды и ужины въ ресторанахъ прекратились. Инна Николаевна нерѣдко сидѣла за книгой и не скучала, какъ прежде, когда никого не было. Уменьшились и траты на туалеты.

Мужъ не сомнѣвался, что Никодимцевъ — любовникъ его жены, и въ то же время недоумѣвалъ, что жена нерѣдко бываетъ мрачна и даже послѣ посѣщеній Никодимцева, которыя все учащались.

Все это не нравилось мужу, тѣмъ болѣе, что Инна Николаевна относилась къ нему съ презрительнымъ равнодушіемъ и почти не разговаривала съ нимъ. Терпѣніе его истощилось, и онъ рѣшилъ показать, что онъ не тряпка, какъ она воображаетъ, а мужчина, и серьезно поговорить съ женой.

Къ этому еще подбилъ его одинъ пріятель и сослуживецъ, г. Привольскій.

Давно влюбленный въ жену своего друга, слишкомъ невзрачный и ничтожный, чтобы надѣяться добиться ея благосклонности, онъ совершенно неожиданно для самого себя сдѣлался близокъ съ Инной Николаевной въ одну изъ минутъ мрачнаго отчаянія молодой женщины. Онъ подвернулся въ эту минуту, и она готова была забыться, слушая его влюбленныя рѣчи и мольбы... Эта близость продолжалась два мѣсяца, окончившись такъ же неожиданно, какъ и началась.

Инна Николаевна объявила ему, что между ними все кончено, и чтобы онъ не ходилъ больше къ нимъ.

И Привольскій, рѣшившій, что Инна Николаевна порвала съ нимъ изъ-за Никодимцева, непрочь былъ ей отомстить, натравивъ на нее мужа.

Онъ пригласилъ друга завтракать. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки и вина Травинскій раскисъ и впалъ въ изліянія передъ человѣкомъ, прежнія отношенія котораго къ его женѣ были, конечно, ему извѣстны. Тогда онъ терпѣлъ ихъ, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ, а въ эту минуту онъ точно сожалѣлъ, что эти отношенія окончены. При нихъ и онъ пользовался долей счастья и не боялся драмы, а теперь...

И, жалуясь на то, что Инна заставила его переселиться въ кабинетъ и обращается съ нимъ чортъ знаетъ какъ, онъ со слезами на глазахъ говорилъ:

— Ты знаешь... я ее люблю... Она легкомысленная и увлекающаяся, но я все-таки ее люблю. Она умнѣе меня, тоньше, но все-таки она моя жена... Не правда ли? И должна ею быть? За что же я трачу на нее деньги... хлопочу, чтобы ей было хорошо?..

— Будь мужчиной, Лева!.. Покажи свою твердость, Лева!..

— Но что-жъ мнѣ сдѣлать?

— Выгони Никодимцева. Развѣ ты не видишь, зачѣмъ онъ такъ часто бываетъ? Его посѣщенія компрометируютъ тебя... О нихъ говорятъ...

— Но какъ же это сдѣлать?

— Скажи женѣ.

— Точно ты не знаешь Инну? Она разсердится.

— Посердится и перестанетъ. Надо быть мужчиной, Лева!

— Но Инна можетъ оставить меня.

— Не оставила до сихъ поръ и не оставитъ... Твоя жена безхарактерная женщина. И она не броситъ Леночку.

Травинскій согласился съ этимъ и даже пустился въ интимныя изліянія по поводу безхарактерности своей жены и ея легкомыслія, и прибавилъ:

— А если увезетъ и Леночку? Что тогда дѣлать?

— Тогда подними скандалъ. Ты отецъ, имѣешь права. Ты только покажи характеръ, Лева! Теперь же припугни жену, чтобъ она и не думала, что такъ легко отдѣлаться отъ мужа, хотя бы и съ помощью Никодимцева.

— Чѣмъ припугнуть?

— Скажи, что будешь требовать дочь черезъ судъ, мотивируя это требованіе невозможностью поручить воспитаніе ребенка такой... такой увлекающейся женщинѣ, какъ твоя жена. Понялъ? Этого она испугается и согласится на всѣ твои требованія. И не соглашайся на разводъ ни въ какомъ случаѣ. Будь мужчиной, Лева!—повторялъ другъ, готовый присовѣтовать какую угодно пакость, чтобы только причинить зло отвергнувшей его женщинѣ, имѣвшей несчастье считать его за сколько-нибудь порядочнаго человѣка.

Къ концу завтрака Травинскій былъ «взвинченъ» и ѣхалъ домой, полный рѣшимости показать женѣ, что онъ—мужчина.

II.

— Барыня дома?—спросилъ онъ у швейцара.

— Дома.

— Былъ кто?

— Никого не было!

Онъ особенно сильно подавилъ пуговку электрическаго звонка и, сбросивъ шубу на руки горничной, прошелъ прямо въ комнату жены.

Та лѣниво подняла глаза отъ книги и нѣсколько удивилась рѣшительному виду мужа.

О, какъ противенъ показался ей этотъ маленькій тщедушный человѣчекъ со своимъ самодовольно-пошлымъ, торжественнымъ, прыщеватымъ лицомъ, покрытымъ красными пятнами, какія выступали у него всегда послѣ вина. Все въ немъ казалось отвратительнымъ теперь Иннѣ Николаевнѣ: и этотъ длинный и красный «глупый» носъ, и блестѣвшіе пьянымъ блескомъ рачьи темные глаза, и бачки, и взъерошенные усы, и руки съ короткими пальцами, и чуть-чуть съѣхавшій на-бокъ галстукъ, и форменный фракъ...

Она съ брезгливой гримасой опустила глаза на книгу, и въ головѣ ея пронесся вопросъ:

«И почему онъ смѣетъ безъ спроса входить ко мнѣ?»

И тотчасъ же появился отвѣтъ:

«Потому, что онъ мужъ и имѣетъ право на меня!»

Вслѣдъ затѣмъ Инна Николаевна почему-то вспомнила чьи-то слова: «Женщина принадлежитъ тому, кто ее содержитъ».

Нѣсколько минутъ мужъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету жены, изящно убранной, покрытой ковромъ комнатѣ съ множествомъ красивыхъ вещей на этажеркахъ и на письменномъ столѣ, съ цвѣтами и уютнымъ уголкомъ, въ которомъ на маленькой тахтѣ полулежала Инна Николаевна.

Это мельканіе начинало раздражать ее.

— Мнѣ нужно объясниться съ тобой, Инна! — наконецъ проговорилъ мужъ, останавливаясь около жены.

Она подняла глаза.

— Больше я терпѣть не могу...

— Наконецъ-то! И я не могу... Ты, кажется, это видишь!

— Я все вижу, будь спокойна, и объявляю тебѣ, что посѣщенія твоего Никодимцева мнѣ не нравятся... Они слишкомъ часты...

— А когда твои пріятели посѣщали меня часто, ты этого не находилъ?..

— Этого больше не будетъ... Я не желаю компрометировать свое имя... И ты скажи своему другу Никодимцеву...

— Это еще что за тонъ? — перебила Инна Николаевна.— Ты, видно, завтракалъ... Такъ уходи лучше въ кабинетъ и проспись!—прибавила жена, взглядывая на мужа съ нескрываемымъ отвращеніемъ.

— Я не пьянъ и знаю, какимъ тономъ говорить съ такими женщинами, какъ ты.

— Не довольно ли?—еще разъ попробовала она остановить мужа.

— Нѣтъ, не довольно! Я покажу тебѣ, что я мужчина, а не тряпка. Слышишь? Довольно ты подло оскорбляла меня... Довольно ты лгала и мѣняла любовниковъ... Я больше этого не хочу.

— Я не лгала... Ты давно знаешь, что я не люблю тебя, и что ты мнѣ противенъ... Да, я имѣла любовниковъ! — вызывающе кинула Инна Николаевна. — И ты это зналъ и молчалъ!..

Она присѣла на тахту и глядѣла въ упоръ на мужа.

— Однако ты жила и, кажется, недурно жила на мои денежки... И даже удостоивала своими милостями и меня, противнаго?—злобно воскликнулъ мужъ.

— И за это я презираю себя... Ты, впрочемъ, этого не поймешь... Но теперь мы договорились, и ты, конечно, дашь мнѣ разводъ.

— Разводъ?—переспросилъ Травинскій и, нагло взглянувъ на жену, засмѣялся, показывая гнилые черные зубы. — Ты воображаешь, что послѣ всего, что ты мнѣ сдѣлала, я тебѣ

дамъ разводъ?.. Я не дамъ тебѣ развода... И ты никуда не уйдешь отъ меня... А если осмѣлишься увезти Леночку — и твой любовникъ Никодимцевъ не поможетъ тебѣ... Нѣтъ! Я знаю, что я сдѣлаю. Я покажу, что я мужчина! — яростно взвизгивалъ мужъ, торопливо бросая слова и возбуждаясь ими.—Я не позволю, чтобы Леночка была у тебя. Я судомъ вытребую ее... и объясню въ прошеніи, что довѣрить воспитаніе дочери такой дамѣ, какъ ты, нельзя... Ты ее развратишь... И въ доказательство я назову по фамиліямъ всѣхъ твоихъ любовниковъ... Пусть ихъ допросятъ... И Никодимцева тоже... Ты думаешь, я ихъ не знаю?.. Я всѣхъ знаю... У меня и письма твои къ одному изъ нихъ есть... Слышишь?.. А ты вообразила, что я тряпка... Ты думала, что я дуракъ? Ты думала, что за всѣ твои униженія я такъ тебѣ все прощу?.. Слышишь ли?.. Ты никуда не уйдешь и... будешь моей женой... Что-жъ ты молчишь? Струсила? Поняла, что я не хочу быть больше твоимъ рабомъ?..

Дѣйствительно, Инна Николаевна замерла въ какомъ-то ужасѣ.

Она всего ждала отъ мужа, но только не этой низости, которою онъ угрожалъ.

Она призвала на помощь все свое самообладаніе, чтобы не обнаружить ужаса, охватившаго ее передъ этой угрозой. Какою виноватою ни считала себя Инна Николаевна передъ мужемъ, но эта подлая угроза словно бы освобождала ее отъ всякихъ обязательствъ. А она еще считала его добрымъ. Она жалѣла прежде его. Вѣрила, что онъ любитъ. Хороша любовь!

И, полная омерзѣнія къ мужу, она поднялась съ тахты и холодно произнесла:

— Я думала, что вы только глупы. Теперь вижу, что вы еще и подлецъ.

Мужъ не ожидалъ этого. Онъ увидѣлъ поблѣднѣвшее, презрительное и въ то же время красивое лицо жены и струсилъ. Струсилъ и почувствовалъ, что сдѣлалъ непоправимую ошибку, что теперь все кончено...

И мысль, что онъ потеряетъ жену, привела его въ отчаяніе.

Весь запасъ рѣшимости исчезъ въ немъ. Забывъ, что хотѣлъ показать себя мужчиной, онъ вдругъ бросился къ ногамъ жены и, плача, говорилъ:

— Инна... прости... Живи, какъ хочешь... Пусть Никодимцевъ ходитъ... но не оставляй меня... Я все перенесу... я люблю тебя... Инна... Я не поступилъ бы такъ... И то, что я говорилъ... это... Привольскій посовѣтовалъ...

И онъ коснулся губами одѣтой въ туфлю ноги жены.

Инна Николаевна брезгливо отдернула ногу и властно и повелительно сказала:

— Вонъ отсюда!

Травинскій поднялся и вышелъ.

Инна Николаевна заперла двери на ключъ. Нервы ея больше не выдержали. Она бросилась на тахту и зарыдала.

«Вотъ она, расплата!»—думала она, вздрагивая при мысли, что мужъ не отдастъ ей дочери, и что ей грозитъ позоръ судбища.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

По воскресеньямъ и по праздникамъ Никодимцевъ обыкновенно давалъ отдыхъ прислугѣ и отпускалъ ее со двора и самъ уходилъ обѣдать къ Донону, гдѣ ему нравилась тишина, царившая въ обѣденной залѣ, обстановка, менѣе напоминающая модные кабаки, и отсутствіе тѣхъ кутящихъ посѣтителей, одинъ подвыпившій видъ которыхъ раздражалъ Григорія Александровича.

И въ это воскресенье, на другой день послѣ супружеской сцены у Травинскихъ, Никодимцевъ въ седьмомъ часу пошелъ пѣшкомъ въ ресторанъ, разсчитывая послѣ обѣда поѣхать къ Иннѣ Николаевнѣ и просидѣть у нея вечеръ. Эти вечера были теперь для него радостью жизни, и онъ всегда ожидалъ ихъ съ нетерпѣніемъ влюбленнаго юнца.

Сегодня ему особенно хотѣлось видѣть Инну Николаевну. Въ послѣднее его посѣщеніе она была грустна, и когда онъ спросилъ: «Что съ ней?», она отвѣчала: «Послѣ, послѣ когда-нибудь разскажу и даже попрошу у васъ совѣта».

Быть-можетъ, сегодня она разскажетъ о томъ, что заставляетъ ее страдать, и окажетъ ему величайшую милость своимъ довѣріемъ.

Никодимцевъ сѣлъ на свое обычное мѣсто у маленькаго стола въ углу комнаты, и толстый, солидный татаринъ Магометъ, всегда подававшій Никодимцеву, подалъ ему карточку и проговорилъ:

— Вмѣсто крема бискъ прикажете, ваше превосходительство?

— Бискъ!

Никодимцевъ обѣдалъ въ пріятномъ настроеніи, то и дѣло поглядывая на часы, какъ за сосѣднимъ столомъ сѣло двое молодыхъ людей. Они шумно и громко потребовали закусокъ и водки и велѣли заморозить бутылку мума.

Обѣдъ Никодимцева подходилъ къ концу, какъ вдругъ до

его слуха донеслось имя Инны Николаевны, и вслѣдъ затѣмъ раздался смѣхъ.

Никодимцева кольнуло въ сердце. Смѣхъ этотъ казался ему оскорбительнымъ.

Но то, что онъ услыхалъ затѣмъ, было еще ужаснѣе.

Одинъ изъ молодыхъ людей, бѣлобрысый господинъ въ смокингѣ, громко говорилъ:

— Очаровательная женщина. Мужъ болванъ, и она широко пользуется его глупостью...

— Флиртуетъ?—спросилъ другой.

— Она непрочь и болѣе флирта. Надо только уловить психологическій моментъ... Ха-ха-ха! Теперь только она что-то монашествуетъ... Нигдѣ ея не видно... И послѣдній министръ въ отставкѣ... Говорятъ, барынька связалась съ Никодимцевымъ... Впрочемъ, она любитъ мѣнять министровъ... Они у нея...

Молодой человѣкъ не докончилъ.

Передъ нимъ блѣдный, какъ полотно, стоялъ Никодимцевъ и, едва владѣя собой, задыхаясь отъ гнѣва, тихо и отчетливо проговорилъ:

— Ни слова больше, или я задушу васъ!..

Молодой человѣкъ съ видомъ испуганнаго животнаго глядѣлъ на искаженное гнѣвомъ лицо Никодимцева.

— Вы подло лжете... слышите ли?.. Я уже не говорю, что такъ говорить о женщинѣ, какъ говорили вы, можетъ только большой негодяй.

— Но... послушайте, милостивый государь, — вызывающе началъ товарищъ бѣлобрысаго господина: — по какому праву вы вмѣшиваетесь? Мы не имѣемъ чести васъ знать.

— По праву порядочнаго человѣка, возмущеннаго вашимъ разговоромъ... Поняли? Вотъ вамъ моя карточка. Я къ вашимъ услугамъ, если только господа, подобные вамъ, способны оскорбляться!

И Никодимцевъ вздрагивавшей рукой досталъ изъ бумажника визитную карточку и бросилъ ее на столъ.

Полный негодованія, сѣлъ онъ къ своему столу, и когда испуганный татаринъ, видѣвшій эту сцену, подалъ Никодимцеву мороженое, онъ спросилъ, кивнувъ головой на сосѣдній столъ:

— Вы не знаете, кто эти мерзавцы?

— Не могу знать, ваше превосходительство! Они у насъ не бываютъ. Сегодня въ первый разъ.

Прочитавъ карточку, молодые люди, оба чиновника, знавшіе хорошо, кто такой Никодимцевъ, ахнули и испуганно переглянулись.

И вслѣдъ затѣмъ рѣшили, что надо извиниться.

Они подошли къ Никодимцеву и, почтительно поклонившись, по очереди стали говорить, что они, подъ вліяніемъ вина, позволили себѣ неприличную выходку...

— Неприличную?—перебилъ Никодимцевъ.—Подобныя выходки не находятъ достаточно презрительнаго названія... И вѣдь вы все лгали... Вѣдь лгали? — съ какимъ-то возбужденіемъ проговорилъ Никодимцевъ.

И, не ожидая отвѣта, брезгливо отвернулся. Молодые люди отошли.

Разумѣется, Никодимцевъ не повѣрилъ ни одному слову изъ того, что говорилъ объ Иннѣ Николаевнѣ бѣлобрысый молодой человѣкъ. Да и возможно ли повѣрить? Если его называли ея любовникомъ, то съ такою же достовѣрностью называли и другихъ. И это соображеніе нѣсколько успокоило Никодимцева.

Но то, что его имя связывалось съ именемъ любимой женщины, глубоко взволновало его.

Какъ ни тяжело было Никодимцеву, но онъ рѣшилъ рѣже бывать у Инны Николаевны. По крайней мѣрѣ онъ не дастъ повода клеветать на любимую женщину. Не онъ, конечно, скомпрометируетъ ее. Бѣдная! Она и не знаетъ, какія гадости говорятъ про нее...

И Никодимцевъ не поѣхалъ въ этотъ вечеръ къ Иннѣ Николаевнѣ, а просидѣлъ дома грустный и задумчивый.

Прошло еще три дня. Никодимцевъ не ѣхалъ къ Травинской и не былъ даже на вторникѣ у Козельскихъ. Всѣ эти дни онъ не находилъ себѣ мѣста. Наконецъ онъ не выдержалъ и рѣшилъ въ воскресенье поѣхать днемъ съ коротенькимъ визитомъ...

«По крайней мѣрѣ увижу ее!»

И при этой мысли онъ обрадовался.

Но счастью его не было границъ, когда въ четвергъ ему подали маленькій конвертъ и онъ прочиталъ записочку слѣдующаго содержанія:

«Что же вы забыли совсѣмъ меня, многоуважаемый Григорій Александровичъ?»

Онъ благоговѣйно прикоснулся губами къ этимъ строчкамъ, вдыхая ароматъ душистой бумаги, снова прочиталъ записку и спряталъ ее въ бумажникъ, просвѣтлѣвшій, полный счастья, что Инна Николаевна его вспомнила, зоветъ его...

И какой же онъ жизнерадостный и веселый былъ въ этотъ день въ департаментѣ и дѣлалъ докладъ министру!

Въ тотъ же вечеръ, несмотря на спѣшныя дѣла, онъ ѣхалъ на Моховую.

Чортъ съ ними, съ дѣлами! Онъ за ними просидитъ ночь! А сейчасъ онъ увидитъ ее, эту женщину, благодаря которой онъ понялъ, что значитъ любовь.

На лѣстницѣ Никодимцевъ встрѣтилъ Травинскаго.

Смѣшанное чувство ревности, смущенія и невольной брезгливости охватило Григорія Александровича при видѣ мужа Инны Николаевны.

Никодимцевъ очень рѣдко его видалъ и держалъ себя съ нимъ съ холодной сдержанностью, не допуская никакой короткости, на которую видимо напрашивался Травинскій, и словно бы не скрывая, что ѣздитъ исключительно къ Иннѣ Николаевнѣ.

И теперь Травинскій съ обычной льстивой любезностью привѣтствовалъ Никодимцева.

— Инна дома и очень будетъ рада вамъ, Григорій Александровичъ! — весело воскликнулъ Травинскій, почтительно пожимая протянутую Никодимцевымъ руку.—Совсѣмъ вы насъ забыли, Григорій Александровичъ, давно не были...

— Некогда было!—суховато сказалъ Никодимцевъ.

— А Инна одна и хандритъ... Нервничаетъ и никуда не выходитъ... Я предлагалъ ей прокатиться за границу—не хочетъ. И лѣчиться не хочетъ... Уговорите ее уѣхать изъ Петербурга... Она васъ послушаетъ... право. Чужого человѣка всегда больше слушаютъ, чѣмъ близкаго... Не правда ли?.. А меня извините, Григорій Александровичъ, что ухожу... Спѣшное дѣло... долженъ ѣхать...

Травинскій снова горячо потрясъ руку Никодимцева и проговорилъ:

— Предложили бы Иннѣ прокатиться на острова... Вечеръ отличный, и ей полезно... А я, Григорій Александровичъ, буду благодаренъ, если вы развлечете жену... Она очень цѣнитъ ваши посѣщенія и симпатизируетъ вамъ... Повѣрьте, Григорій Александровичъ, я очень, очень радъ, когда вы бываете у Инны. Инна тогда оживаетъ. Она любитъ поговорить съ умными людьми о разныхъ возвышенныхъ предметахъ. Она вѣдь сама умная... Значитъ, и вамъ, Григорій Александровичъ, не скучно съ Инной? Не правда ли?

— Совершеннѣйшая правда!—серьезно отвѣчалъ Никодимцевъ, краснѣя и испытывая желаніе сбросить съ лѣстницы этого болтливаго пошляка.

— Ну, вотъ видите... Я такъ и говорилъ женѣ, а она... думаетъ, что вамъ скучно съ ней, оттого вы давно не были...

Увѣрьте ее, что я правъ, и навѣщайте ее почаще... Вы удивляетесь, что я васъ объ этомъ прошу?.. Но я не ревнивый мужъ... Совсѣмъ не ревнивый! — неожиданно прибавилъ Травинскій и захихикалъ.

И съ этими словами онъ почтительно приподнялъ цилиндръ и сталъ спускаться съ лѣстницы.

«И она живетъ съ этой гадиной? Она его жена!?»— подумалъ Никодимцевъ съ тоской и подавилъ пуговку электрическаго звонка, чувствуя, какъ сильно колотится въ груди его сердце.

II.

Никодимцевъ вошелъ въ гостиную и радостно бросился навстрѣчу показавшейся въ дверяхъ своего кабинета Иннѣ Николаевнѣ.

Но когда онъ увидалъ ея осунувшееся и поблѣднѣвшее лицо, когда увидалъ, какимъ отчаяніемъ дышало оно, когда увидалъ слезы на ея глазахъ, сердце его упало. И онъ, крѣпко пожимая маленькую ручку Инны Николаевны, спросилъ дрогнувшимъ, тревожнымъ голосомъ:

— Инна Николаевна! Да что съ вами?

И онъ глядѣлъ на нее съ выраженіемъ такой восторженной любви и такой тревоги, что молодая женщина благодарно и ласково улыбнулась ему глазами, и лицо его просвѣтлѣло, когда она сказала:

— А я было-думала, что вы совсѣмъ меня забыли и наша дружба окончена...

Никодимцевъ смутился и, краснѣя, произнесъ:

— Какъ могли вы это думать?

— Я мнительна, Григорій Александровичъ!

— Вы?—обронилъ изумленно Никодимцевъ.

— Да... И имѣю основанія быть мнительной...

Инна Николаевна опустилась на диванъ. Никодимцевъ сѣлъ на обычное свое мѣсто—на кресло съ лѣвой стороны.

— Вы бывали часто и вдругъ перестали... Мнѣ хотѣлось узнать, что это значитъ, и я написала вамъ... Спасибо, что пріѣхали и, кажется, не очень недовольны, что я вамъ напомнила о себѣ? Въ самомъ дѣлѣ, отчего вы не были въ воскресенье?.. Я васъ ждала.

— Ахъ, Инна Николаевна, не всегда можно дѣлать то, что хочешь...

— Значитъ, хотѣли пріѣхать?

— Еще бы.

— Такъ отчего же не пріѣхали?

— Отчего?.. Да просто потому, что слишкомъ часто бывать у васъ... неудобно... И какъ мнѣ ни пріятно навѣщать васъ, я все-таки рѣшилъ... сократить свои посѣщенія.

— Вамъ писалъ что-нибудь мужъ?

— Нѣтъ. Развѣ онъ недоволенъ моими посѣщеніями? Сейчасъ я его встрѣтилъ, и онъ просилъ меня чаще навѣщать васъ. Говорилъ, что вы хандрите... Что не хотите ѣхать за границу... Просилъ какъ-нибудь развлечь васъ... предложить вамъ ѣхать на острова...

Инна Николаевна презрительно усмѣхнулась.

— Такъ отчего вы рѣшили сократить посѣщенія? И мужъ и жена васъ зовутъ, а вы...

— Люди злы и глупы, Инна Николаевна.

— И вы ихъ боитесь?

— Я не боюсь ихъ, но съ ними надо считаться, чтобъ не подать повода къ нелѣпымъ толкамъ...

— Понимаю. Вы боитесь скомпрометировать меня?—горько усмѣхнувшись, сказала Инна Николаевна.—Спасибо вамъ за это, Григорій Александровичъ, но не бойтесь этого... Про меня и такъ говорятъ, путая правду съ клеветой... Я это знаю... И скажите, ради чего вы будете лишать меня и, быть-можетъ, себя удовольствія коротать вмѣстѣ иногда вечера... Изъ-за того только, что̀ скажутъ люди? И еще какіе люди? Такіе, которые не прощаютъ другимъ то, что̀ дѣлаютъ сами? Ужели стоитъ, Григорій Александровичъ? — прибавила молодая женщина съ грустною улыбкой.

Никодимцевъ восторженно глядѣлъ на молодую женщину.

— Право, не стоитъ! Такъ будемъ видѣться и болтать, пока намъ не скучно. Хотите?

— Разумѣется, хочу.

— И будемъ добрыми друзьями, пока кому-нибудь изъ насъ не надоѣстъ дружба. Хотите?

Инна Николаевна протянула руку. Никодимцевъ крѣпко пожалъ ее и съ какою-то особенною серьезностью проговорилъ:

— Спасибо за довѣріе. Я буду вѣрнымъ другомъ.

— Вамъ я вѣрю.

— И если-бъ я могъ чѣмъ-нибудь доказать эту дружбу, я былъ бы счастливъ, Инна Николаевна.

— О, я сейчасъ же воспользуюсь ей...

— Приказывайте.

Инна Николаевна на минуту примолкла.

— Вы помните нашъ разговоръ на выставкѣ, Григорій Александровичъ, по поводу картины «Супруги»? — наконецъ спросила она.

— Помню.

— Я тогда защищала жену, которая не оставляетъ нелюбимаго и неуважаемаго мужа... Теперь я не защищала бы ее.

Лицо Никодимцева просвѣтлѣло при этихъ словахъ.

— Вы, какъ вошли, спросили: что со мной?

— Да. Вы такъ похудѣли, такая грустная...

— Со мной, Григорій Александровичъ, то, что бываетъ со многими женщинами, которыя вдругъ сознали весь ужасъ своего положенія, почувствовали отвращеніе къ прежней жизни... и видятъ, что выхода нѣтъ... Нѣтъ его!—съ отчаяніемъ проговорила молодая женщина.

— Инна Николаевна! Къ чему отчаиваться? Поищемъ выхода, можетъ-быть, и найдемъ.

— О, если бы найти!.. Если бы вы помогли мнѣ найти его! Я, право, стою этого, хотя во всемъ сама виновата. Какъ это случилось, какъ могла я жить съ человѣкомъ, котораго не любила и тогда, когда шла за него замужъ,—не стану теперь говорить. Мнѣ мучительно... мнѣ противно вспоминать весь этотъ ужасъ... Но потомъ, не сегодня, я все разскажу вамъ... всю правду, хотя бы изъ-за нея я и потеряла вашу дружбу... Я не хочу, чтобы вы заблуждались на мой счетъ, такъ какъ слишкомъ уважаю васъ и цѣню вашу дружбу. Я далеко не такая, какою вы представляете себѣ... Слышите?—строго, почти что съ угрозой прибавила она.

Никакое самое лукавое кокетство не могло бы такъ подѣйствовать на порядочнаго человѣка, какъ этотъ искренній порывъ любимой женщины.

И Никодимцевъ, полный восторженной любви, взволнованно проговорилъ:

— Что бы вы ни сказали о себѣ, я не перемѣню о васъ мнѣнія, Инна Николаевна!

— Не говорите заранѣе, чтобы послѣ не раскаяться въ своихъ словахъ... Не надо, не надо... А теперь слушайте и помогите совѣтомъ.

И Инна Николаевна, «волнуясь и спѣша», проговорила:

— Жить больше съ мужемъ я не могу.

— Еще бы! — чуть слышно и радостно проронилъ Никодимцевъ.

— И я хотѣла бы развестись съ нимъ.

Въ головѣ Никодимцева появилась внезапно мысль, что Инна Николаевна, вѣроятно, кого-нибудь любитъ и собирается выйти замужъ.

И въ голосѣ его прозвучала едва уловимая грустная нотка, когда онъ сказалъ:

— Чтобы найти счастіе въ другомъ замужествѣ?

Инна Николаевна удивленно взглянула на Никодимцева.

— Почему вы думаете, что я желаю развода ради другого замужества?

— Вы такъ молоды... И я думалъ...

— Довольно одного урока. Довольно...

— Но вы могли полюбить кого-нибудь достойнаго вашей привязанности, и тогда отчего же не выйти замужъ?

— Полюбить?

Инна Николаевна вспомнила, какъ и кого она любила, и дрожь пробѣжала по ея тѣлу. И она проронила съ горькой усмѣшкой:

— Не такъ легко полюбить, Григорій Александровичъ, какъ слѣдуетъ любить... И надо заслужить право любить... А я... Я не имѣю права послѣ позорнаго своего замужества... Не утѣшайте... Не говорите ничего...

Наступило молчаніе.

— Нѣтъ, не ради какого-нибудь рыцаря хочу я развода. Я просто желаю быть свободной... Избавиться отъ этого кошмара.

Никодимцевъ облегченно вздохнулъ.

Всѣ эти быстрыя перемѣны настроенія, отражавшіяся въ выраженіи его лица, глазъ, Инна Николаевна замѣтила, и ей это было пріятно. Ее трогала эта привязанность. Трогала и удивляла деликатностью проявленія и тѣмъ дѣйствительнымъ уваженіемъ, котораго она до сихъ поръ не видала ни въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ обожателей.

— Я не обвиняю этого человѣка... Я виновата. Зачѣмъ выходила замужъ... Зачѣмъ раньше не ушла отъ него... И вотъ теперь... расплата. Онъ не даетъ развода. Онъ грозитъ судомъ отнять дочь, если бы я уѣхала отъ него... Но зато онъ предоставляетъ мнѣ полную свободу жить, какъ я хочу, только бы я осталась съ нимъ... Вы понимаете, какой ужасъ онъ предлагаетъ мнѣ?.. Вы понимаете, какое презрѣніе возбуждаетъ этотъ человѣкъ?..

Никодимцевъ вспомнилъ только-что бывшій на лѣстницѣ разговоръ съ Травинскимъ и, полный негодованія, промолвилъ:

— Это что-то чудовищно-омерзительное.

И затѣмъ съ трогательнымъ участіемъ прибавилъ:

— Какъ вы должны были страдать, Инна Николаевна... Но больше страдать вы не будете. Не падайте духомъ и завтра же уѣзжайте со своей дочкой изъ этой квартиры... Вы гдѣ думаете пока жить?.. У своихъ?

— Да.

— Завтра я добуду вамъ и отдѣльный видъ на жительство.

— А мужъ не отниметъ ребенка?.. Не подастъ жалобы въ судъ?

— Ничего онъ не сдѣлаетъ. Будьте покойны. Онъ только застращивалъ васъ!—успокаивалъ Никодимцевъ молодую женщину, хотя самъ и не увѣренъ былъ въ томъ, что говорилъ.

Разумѣется, онъ могъ устроить такъ, чтобы этотъ «негодяй», какъ мысленно назвалъ Никодимцевъ мужа Инны Николаевны, не смѣлъ больше ее безпокоить. Стоило ему только поѣхать къ градоначальнику и попросить, чтобы онъ «посовѣтовалъ» Травинскому оставить въ покоѣ свою жену, но Никодимцевъ рѣшительно отогналъ эту мысль, когда она пришла ему въ голову, считая такой образъ дѣйствій предосудительнымъ.

Болѣе всего возлагалъ онъ надеждъ на знакомаго своего пріятеля, извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго, который не откажется помочь въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ, и на подлость мужа Инны Николаевны, который, вѣроятно, не откажется дать и развóдъ, если ему предложить денегъ.

И Никодимцевъ рѣшилъ отдать на это дѣло всѣ свои сбереженія,—тысячъ пятнадцать,—которыя онъ скопилъ, живя очень скромно и не проживая всего своего, довольно значительнаго жалованья. Разумѣется, онъ сдѣлаетъ это отъ имени Козельскаго.

— И о разводѣ похлопочемъ, Инна Николаевна, и разведемъ васъ... только вы-то не волнуйтесь и не терзайте себя злыми мыслями... Кто не дѣлалъ ошибокъ?.. Вы вотъ свою теперь поправите, и дѣлу конецъ...

— Спасибо вамъ, Григорій Александровичъ. За все, за все спасибо... не только за участіе и помощь. Вы сдѣлали для меня нѣчто большее. Вы вернули мнѣ вѣру въ порядочныхъ людей, уважающихъ въ женщинѣ человѣка, и заставили меня очнуться и придти въ ужасъ... Надолго ли меня хватитъ—не знаю, боюсь говорить... Но никогда я этого не забуду!—горячо и взволнованно проговорила Инна Николаевна.

Въ первое мгновеніе Никодимцевъ не находилъ словъ.

Полный необыкновеннаго счастья, стараясь скрыть его, онъ наконецъ проговорилъ:

— Вы слишкомъ добры, Инна Николаевна, и слишкомъ мало цѣните себя... Ужъ если считаться, то я долженъ благодарить васъ за довѣріе и дружбу... Мнѣ, одинокому старику, она такъ дорога и такъ краситъ жизнь...

Онъ готовъ былъ сказать, что только теперь понялъ прелесть жизни, потому что любитъ Инну Николаевну и будетъ любить, и не можетъ не любить ее, что она одна теперь владѣетъ его

мыслями, но во-время остановился, считая такое признаніе прямо-таки святотатственной дерзостью и подлостью именно теперь, когда Инна Николаевна такъ дружески и довѣрчиво отнеслась къ нему. Она никогда не должна знать про его любовь. И на что она ей?.. Развѣ возможно, чтобы Инна Николаевна могла отнестись иначе, какъ съ негодованіемъ или съ обиднымъ сожалѣніемъ, къ влюбленному пожилому человѣку, да еще такому некрасивому, какъ онъ?

Такія мысли не разъ приходили въ голову мнительно-самолюбиваго Никодимцева, и онъ даже въ мечтахъ не допускалъ возможности быть любимымъ, да еще такой молодой, такой красивой, такой умной и отзывчивой женщиной, какъ Инна Николаевна.

— И, значитъ, мы, во всякомъ случаѣ, квиты, Инна Николаевна!—прибавилъ весело Никодимцевъ...

Скоро подали чай, и они пошли въ столовую.

И чай, и хлѣбъ, и масло — все казалось необыкновенно вкуснымъ Никодимцеву.

Въ двѣнадцатомъ часу онъ сталъ прощаться и снова повторилъ Иннѣ Николаевнѣ, чтобы она не безпокоилась и завтра переѣзжала къ своимъ.

— А паспортъ я завтра вечеромъ самъ привезу, если позволите...

— Конечно...

— А вещи ваши...

— Я ничего не хочу брать...

— Вотъ вы какая...

Никодимцевъ хотѣлъ сказать: «хорошая», но вмѣсто этого покраснѣлъ отъ удовольствія.

— А затѣмъ, Инна Николаевна, когда вы отдохнете, можно будетъ пріискать вамъ какія-нибудь занятія, если они вамъ нужны и если вы соскучитесь безъ дѣла. Хотите?

— Еще какъ хочу... Но только боюсь, Григорій Александровичъ...

— Чего?

— Что я послѣ праздной жизни ни къ чему неспособна.

— Я вамъ отвѣчу, какъ отвѣтилъ во «Власти тьмы» отставной солдатъ: «А вы не бойтесь, и не будетъ страшно». Попробуйте... Ну, да объ этомъ еще поговоримъ... Спокойной ночи, дай вамъ Богъ хорошихъ сновъ, Инна Николаевна!.. А мнѣ еще надобно съ своими бумагами повозиться...

— И долго будете работать?

— Часа два-три... Да я привыкъ къ работѣ... Всю жизнь за ней просидѣлъ и не замѣтилъ, какъ старость подошла...

— Ну, ужъ и старость. Вы просто кокетничаете своею старостью, Григорій Александровичъ.

— Нѣтъ, Инна Николаевна, нѣтъ... Старикъ, старикъ! И не утѣшайте меня изъ любезности. Я знаю себѣ цѣну!—почти строго произнесъ Никодимцевъ.

Прощаясь, онъ опять-таки не поцѣловалъ руки Инны Николаевны, какъ дѣлалъ это прежде, а только крѣпко ее пожалъ.

И Инна Николаевна поняла и оцѣнила эту тонкую деликатность.

«Зачѣмъ я его раньше не встрѣтила?»—подумала она, направляясь въ свою комнату.

На слѣдующій день, во второмъ часу, Инна Николаевна, Леночка и фрейлейнъ Шарлотта уѣхали въ каретѣ къ Козельскимъ.

Инна Николаевна сочла возможнымъ взять съ собою только свое приданное бѣлье, нѣсколько своихъ вещицъ, книгъ и дѣтское бѣлье и платье. Всѣ хозяйственныя деньги, бывшія у нея, всѣ драгоцѣнныя вещи: браслеты и кольца, въ томъ числѣ и обручальное, она положила въ небольшую шкатулку и поставила на письменномъ столѣ въ кабинетѣ мужа вмѣстѣ съ коротенькой записочкой, въ которой извѣщала, что оставляетъ его навсегда.

Прислуга, разумѣется, догадалась, въ чемъ дѣло, и съ молчаливымъ сочувствіемъ проводила барыню.

Инна Николаевна была въ большой тревогѣ, нѣсколько разъ высовывалась изъ окна, чтобы просить кучера ѣхать скорѣе. Она боялась погони. Ей казалось, что вотъ-вотъ мужъ остановитъ карету и отниметъ ребенка. И вмѣстѣ съ мужемъ, въ ея воображеніи являлся образъ Привольскаго, и она вздрагивала съ чувствомъ отвращенія.

Успокоилась она только тогда, когда вошла въ квартиру отца.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Дома была одна Антонина Сергѣевна. Она торопливо вышла въ прихожую, когда горничная сказала, что пріѣхала молодая барыня.

— А мы къ вамъ совсѣмъ, мама. Позволишь?

Въ голосѣ Инны Николаевны звучала дѣтская жалобная нотка.

И она съ какою-то особенной порывистостью и лаской, словно бы и радуясь и въ то же время прося за что-то прощенія, стала цѣловать лицо и руки матери.

— Больше нѣтъ силъ, мамочка!—шепнула она.

И слезы покатились изъ глазъ Инны Николаевны.

Антонина Сергѣевна прижала голову дочери къ своей груди и тихо гладила ея голову своей вздрагивающей рукой, какъ, бывало, гладила, когда Инночка была маленькой дѣвочкой.

Увидавъ, что лакей Иванъ и швейцаръ не знаютъ, куда нести большую корзину, привезенную Инной Николаевной, Козельская приказала нести ее въ свою комнату. И, расцѣловавъ затѣмъ внучку, сказала дочери, когда всѣ вошли въ гостиную:

— Ты будешь съ Леночкой жить въ моей комнатѣ, Инночка, а фрейлейнъ будетъ спать въ столовой, а я возьму себѣ комнату, гдѣ стоятъ шкапы... Ихъ оттуда вынесутъ, и мнѣ будетъ отлично...

— Что ты, мама... Я въ той комнатѣ помѣщусь...

Но Антонина Сергѣевна и слышать не хотѣла.

— Завтракали ли вы?—спохватилась она.

— Я не хочу, мама... А Леночкѣ вели сдѣлать котлетку.

Какъ ни пріятно было Иннѣ Николаевнѣ сознаніе, что она уѣхала отъ мужа, но въ то же время она чувствовала, что переселеніе ея стѣснитъ всѣхъ и главнымъ образомъ мать, и это нѣсколько отравляло ея удовольствіе.

Антонина Сергѣевна сдѣлала распоряженіе, чтобы Леночкѣ была котлета и молоко, и чтобы очищена была маленькая комната, и, вернувшись въ гостиную къ дочери, снова горячо обняла ее, всплакнула и затѣмъ спросила:

— А онъ что? Онъ знаетъ?

— Нѣтъ, мамочка. Я оставила записку.

— Бѣдная ты моя дѣточка!.. Я догадывалась, что ты несчастлива... Недаромъ я была противъ этого брака!—говорила Антонина Сергѣевна, забывая, что она ни однимъ словомъ не выразила своей дочери протеста противъ ея брака съ Травинскимъ и вообще не считала нужнымъ въ чемъ-нибудь стѣснять своихъ дочерей.

Она принадлежала къ типу тѣхъ матерей, которыя слѣпо любятъ своихъ дѣтей. Антонина Сергѣевна обожала мужа, обожала дочерей и, полная этого обожанія, создавшая изъ него культъ, заботилась, чтобы всѣ ихъ желанія были удовлетворены, баловала ихъ и вполнѣ была увѣрена, что, отдавъ имъ всю свою жизнь, безупречную и свѣтлую, она добросовѣстно исполнила свои обязанности и воспитала превосходныхъ женщинъ—такихъ же преданныхъ долгу и такихъ же «однолюбокъ», какою была сама и что ставила себѣ въ особую заслугу и чѣмъ особенно гордилась.

Несмотря на страстную и готовую на всякія жертвы любовь Антонины Сергѣевны къ дочерямъ, между ними и ею не было духовной близости. Мать совсѣмъ не знала внутренняго міра дочерей и, влюбленная въ нихъ, не замѣчала того, что̀ легко бросалось въ глаза постороннимъ. Неглупая, видѣвшая недостатки въ чужихъ людяхъ, она была совсѣмъ слѣпою и, казалось, наивною въ оцѣнкѣ своихъ дочерей, и чѣмъ старше онѣ становились, тѣмъ болѣе хроническою становилась эта слѣпота безграничной вѣры.

Такъ Антонина Сергѣевна и продолжала жить въ какомъ-то сентиментальномъ миражѣ, въ культѣ обожанія, ласкъ, поцѣлуевъ и заботъ о дочеряхъ, и въ лелѣяніи ревнивыхъ подозрѣній и въ мучительныхъ розыскахъ любовницъ мужа, когда она сдѣлалась несчастной женой все еще любимаго человѣка.

И мужъ и дѣти сохраняли этотъ миражъ, чтобы не причинить страданій женщинѣ, которую считали безупречною и святою.

Обманывалъ ее болѣе или менѣе умѣло мужъ. Скрывали отъ нея все, что̀ могло огорчить ее, обѣ дочери. Инна, не обращавшая вниманія, что̀ про нее говорятъ, боялась недовѣрчиваго взгляда матери и находила мучительное утѣшеніе въ томъ, что мать, одна только мать, считаетъ ее чистою и непорочною и не повѣритъ ничему дурному, если бы до нея и дошли какіе-нибудь слухи. Даже Тина, проповѣдывавшая въ послѣднее время теорію пріятныхъ ощущеній со смѣлостью самолюбивой барышни, желавшей удивить всѣхъ оригинальностью мнѣній и самостоятельностью поступковъ, непохожихъ на поступки другихъ,—и та, несмотря на свою рѣзкость и равнодушіе къ чужимъ мнѣніямъ, стѣснялась высказывать свои взгляды при матери, чтобы не огорчить ее и не обнажить, такъ сказать, себя передъ любимой, почитаемой и потому всегда обманываемой матерью.

— Какъ это все вышло? Изъ-за чего у васъ дѣло дошло до разрыва? Было объясненіе?.. Вѣдь онъ все-таки любитъ тебя, Инночка? Не правда ли?.. И очень любитъ?—спрашивала мать, любовно и грустно взглядывая на дочь и плотнѣе усаживаясь на диванъ, чтобы выслушать подробный разсказъ дочери о томъ, какъ все это вышло.

Эти вопросы кольнули Инну Николаевну. О, какъ далека мать отъ пониманія всего ужаса ея брачной жизни и ея душевнаго настроенія. А вѣдь сама несчастлива съ отцомъ!

— Я не любила его, мама... И вообще мы съ нимъ не сходились... И вышло это просто, какъ видишь... Я пріѣхала къ

вамъ и не вернусь болѣе къ нему... Положимъ, я во многомъ виновата передъ нимъ, но...

— Что ты, что ты, Инночка! Въ чемъ ты могла быть виновата передъ нимъ?.. Если немножко кокетничала, такъ что-жъ тутъ дурного? Онъ все-таки не имѣетъ права ни въ чемъ тебя упрекнуть... Ты была честной и вѣрной женой... Точно я тебя не знаю...

«Если-бъ мама знала!»—пронеслось въ головѣ Инны Николаевны.

И она прижалась головой къ матери, словно ребенокъ, ищущій защиты, и сказала:

— Не будемъ пока объ этомъ говорить, мама... Я виновата ужъ тѣмъ, что была женой человѣка, котораго не любила...

И мать и дочь нѣсколько минутъ сидѣли молча.

Наконецъ Инна Николаевна спросила:

— А папа не будетъ недоволенъ, что я пріѣхала?.. Мнѣ все кажется, что я стѣсню васъ...

— Какъ тебѣ не стыдно, Инночка!..

И Антонина Сергѣевна стала говорить, какъ она рада, что Инночка и Леночка будутъ около нея, и что, конечно, отецъ тоже будетъ радъ. Онъ вѣдь такъ любитъ и ее и Тину. И, разумѣется, никакого стѣсненія и быть не можетъ. Напротивъ, въ домѣ станетъ веселѣе отъ присутствія внучки.

Въ это время въ гостиную вошелъ лакей и доложилъ Иннѣ Николаевнѣ, что кучеръ проситъ деньги.

— Я и забыла... Заплати, мамочка!—попросила она и по-французски прибавила:—Вѣдь я ничего оттуда не взяла... Одно бѣлье и платье, которое на мнѣ...

— Милая! Это благородно!—воскликнула мать и, отпустивъ лакея, снова обняла Инну Николаевну и сказала, что она поговоритъ съ отцомъ, и, конечно, онъ съ удовольствіемъ дастъ денегъ, и у Инночки будетъ все, что нужно.

— И у меня есть свои триста рублей. Возьми ихъ, голубка!

Хотя Инна Николаевна не сомнѣвалась, что отецъ не откажетъ, все-таки сознаніе матеріальной зависимости отъ него нѣсколько отравляло радость новаго ея положенія, и она подумала, что непремѣнно попроситъ Никодимцева пріискать ей какія-нибудь занятія.

За четверть часа до обѣда пришла Тина, закраснѣвшаяся, свѣжая, оживленная.

По обыкновенію, она не сказала матери, гдѣ была, и, здороваясь съ сестрой, проговорила:

— Цвѣтъ лица у тебя нехорошій. Видно, мало ходишь. Надо ходить, ходить.

И, когда мать сказала, что Инна будетъ жить теперь съ ними, молодая дѣвушка радостно проговорила:

— Наконецъ-то ты разсталась со своимъ идіотомъ. Надѣюсь, примиренія больше не будетъ?

— Надѣюсь...

— Ты не раскисай, Инна. Не вздумай его пожалѣть.

— Теперь ужъ не пожалѣю!—значительно проговорила Инна Николаевна.

— Конечно, разведешься?

— Онъ не хочетъ давать развода.

— Не хочетъ? Какой негодяй!.. Видно, надѣется, что ты вернешься? Вотъ и выходи послѣ этого замужъ!—смѣясь, проговорила молодая дѣвушка.

— Не всѣ же такіе, Тина!—замѣтила Антонина Сергѣевна.

— Всѣ, мама!—категорически заявила Тина, точно она отлично знала мужчинъ.—Пока женщина, которую они любятъ, какъ говорятъ, при нихъ, они готовы ползать на четверенькахъ, а уйди она... А ты, Инна, попросила бы Никодимцева.

Инна Николаевна слегка покраснѣла.

— О чемъ?

— Чтобы онъ тебѣ помогъ, если твой идіотъ въ самомъ дѣлѣ будетъ упрямиться...

— Но что же Никодимцевъ можетъ?

— Онъ можетъ поѣхать къ начальнику твоего мужа и попросить...

— Это лучше папѣ сдѣлать!—замѣтила Антонина Сергѣевна.

— Для папы не сдѣлаютъ того, что сдѣлаютъ для Никодимцева. А онъ порядочный человѣкъ и, конечно, съ удовольствіемъ исполнитъ просьбу Инны!—сказала молодая дѣвушка, не сомнѣвавшаяся, какъ и многіе, что Никодимцевъ близокъ съ Инной Николаевной.

— Онъ и такъ былъ настолько добръ, что обѣщалъ выхлопотать мнѣ отдѣльный видъ на жительство...

Антонина Сергѣевна вышла изъ гостиной. Сестры пошли въ комнату Татьяны Николаевны.

— Онъ тебѣ и разводъ выхлопочетъ. Это въ его интересахъ!—заговорила Тина.

— Это почему?

— Да потому, что онъ влюбленъ въ тебя и...

— И что еще?

— И, разумѣется, скоро сдѣлаетъ тебѣ предложеніе, Инна... Точно ты сама этого не знаешь... А за него еще можно рискнуть... Онъ навѣрное въ разводѣ не откажетъ... Не правда ли, Инна?—съ веселымъ смѣхомъ говорила Татьяна Николаевна.

— Не сдѣлаетъ онъ мнѣ предложенія, и не пойду я за него замужъ, Тина!—серьезно проговорила старшая сестра.

— Отчего? Развѣ онъ тебѣ не нравится?..

— Тина... Тина... Ты все еще вѣришь въ свою теорію пріятныхъ ощущеній?

— Вѣрю и живу ими. А ты развѣ нѣтъ?..

— Я пришла въ ужасъ отъ нихъ, Тина... Нѣтъ, Тина, такъ жить нельзя... Придетъ часъ расплаты...

Молодая дѣвушка насмѣшливо посмотрѣла на сестру.

— Ты моралисткой стала. Съ какихъ это поръ?

— Съ недавнихъ.

— Поздравляю! Это чье-же вліяніе? Никодимцева?

— Отчасти и его. И я хотѣла бы, чтобы и ты встрѣтила такого человѣка, какъ Никодимцевъ, Тина. Не шути съ жизнью. Дошутишься до того, что станешь презирать себя... Избави тебя Богъ отъ этого...

— Слова, слова, слова!..

— Пожалуйте кушать!—доложилъ вошедшій лакей.

II.

Новость, сообщенная Антониной Сергѣевной мужу, какъ только онъ пріѣхалъ домой, не удивила Николая Ивановича. Онъ тоже выразилъ удовольствіе, что Инна оставила этого идіота. Она, разумѣется, должна развестись съ нимъ и какъ можно скорѣе. «Инна молода, хороша собой и можетъ еще выйти замужъ»,—думалъ Козельскій, рѣшившій, что оставленіе мужа дочерью явилось не безъ вліянія Никодимцева. Что Никодимцевъ влюбленъ въ Инну, въ томъ Козельскій не сомнѣвался, особенно послѣ джентльменскаго поступка Никодимцева въ ресторанѣ Донона, о которомъ Николай Ивановичъ узналъ надняхъ, и, разумѣется, отъ Инны зависитъ женить его на себѣ. Партія блестящая и родство очень выгодное. Человѣкъ онъ очень умный и во всѣхъ отношеніяхъ порядочный, и при этомъ еще не старый, здоровый и крѣпкій, и можетъ понравиться женщинѣ. Съ нимъ Инна навѣрное перестанетъ подавать поводъ къ разговорамъ, подобнымъ тому, изъ-за котораго Никодимцевъ не испугался риска нарваться на «исторію». Только надо ковать желѣзо, пока горячо, и Инна, разумѣется, сдѣлается женой Никодимцева, пока онъ по уши влюбленъ и слѣдовательно не повѣритъ тому, что о ней говорятъ... Однимъ словомъ, Козельскій возлагалъ большія надежды на то, что и онъ, въ качествѣ тестя такого виднаго человѣка, такъ или иначе, но поправитъ свои дѣла.

Денегъ на экипировку Козельскій обѣщалъ дать «сколько

нужно», хотя и подумалъ, что Инна напрасно не взяла свои платья и драгоцѣнныя вещи, но просилъ только повременить нѣсколько дней. У него будутъ деньги... Онъ долженъ получить...

Козельскій говорилъ такъ небрежно-увѣренно, что Антонина Сергѣевна, давно ужъ не посвящаемая въ денежныя дѣла мужа, горячо поблагодарила и ушла изъ кабинета вполнѣ довольная за Инну.

А между тѣмъ на сердцѣ у Козельскаго скребли кошки. На завтра предстояла новая уплата по векселю, и сегодня онъ денегъ не досталъ и не знаетъ, куда обратиться. Всюду—онъ долженъ. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ получалъ жалованье, оно уже забрано, и его превосходительство рѣшительно не зналъ, какъ извернуться и что ему дѣлать. Если даже онъ и заплатитъ завтра, во всякомъ случаѣ дѣла его отъ этого не поправятся. Ему необходимо гдѣ-нибудь достать крупный кушъ—тысячъ десять, чтобы расплатиться съ болѣе назойливыми долгами и нѣсколько успокоиться отъ этой каторги — вѣчнаго исканія денегъ.

Онъ въ разныхъ служебныхъ мѣстахъ нахватывалъ до двадцати тысячъ и всегда былъ безъ денегъ. У него всегда были какіе-то старые долги, которые онъ выплачивалъ, и всегда ему не хватало денегъ на тотъ train жизни, какой онъ велъ. И онъ легкомысленно надѣялся на возможность сразу получить крупный кушъ и сразу поправить дѣла, выдумывая разныя предпріятія, вступая въ компанію съ сомнительными дѣльцами. Но или предпріятія оказывались несбыточными, или у Николая Ивановича не было ни достаточно умѣнья ни вліятельныхъ связей, но только ни одно дѣло его не приносило ему большого куша, а лѣсное, на которое онъ такъ надѣялся, принесло ему еще убытокъ, и весьма порядочный, на такъ-называемые «предварительные расходы», часть которыхъ пала на его долю. А деньги были заняты, и заняты на короткій срокъ.

Сегодня вечеромъ Николай Ивановичъ долженъ былъ сдѣлать послѣднюю попытку: имѣть свиданіе съ однимъ евреемъ, подставнымъ лицомъ знакомаго тайнаго совѣтника, который пріумножалъ свое состояніе ростовщичествомъ за чужой спиной. Если эта попытка не удастся...

— Ника! Мы ждемъ тебя, Ника! — проговорила, входя въ кабинетъ, жена.

И, замѣтивъ озабоченное лицо мужа, безпокойно прибавила:

— Ты чѣмъ-то разстроенъ... Что съ тобой?..

— Ничего, право, ничего... Просто усталъ немного, Тоня... Прости, что заставилъ себя ждать.

И, съ изысканной любезностью предложивъ женѣ руку, прошелъ съ ней въ столовую.

Онъ съ особенною ласковостью поздоровался съ Инной Николаевной, расцѣловалъ внучку, протянулъ руку фрейлейнъ и сѣлъ на свое обычное мѣсто около Антонины Сергѣевны.

— Теперь мы всѣ въ сборѣ!—значительно проговорилъ Козельскій, взглядывая на Инну Николаевну. — И я очень этому радъ.

Онъ на время позабылъ о дѣлахъ и съ обычнымъ легкомысліемъ почему-то надѣялся, что убѣдитъ еврея дать ему денегъ. И, успокоивъ себя этой надеждой, онъ за обѣдомъ былъ очень милъ: находилъ все вкуснымъ, къ удовольствію Антонины Сергѣевны, не безъ насмѣшливой игривости разсказалъ, что недородъ офиціально признанъ, и что о немъ можно будетъ говорить въ газетахъ, весело сказалъ Иннѣ Николаевнѣ, что «все хорошо, что̀ хорошо кончается», шутилъ съ внучкой и съ Тиной и послѣ второго блюда что-то шепнулъ лакею, сунувъ ему въ руку деньги.

И когда передъ жаркимъ розлили по бокаламъ шампанское, Козельскій поднялъ бокалъ и предложилъ выпить за Инночку, вырвавшуюся изъ вавилонскаго плѣна.

— А мы ужъ тебя больше въ обиду не дадимъ! Разведемъ съ твоимъ умникомъ!—ласково прибавилъ отецъ и, поднявшись съ мѣста, подошелъ къ дочери и крѣпко ее поцѣловалъ.

Инна Николаевна была тронута. Цѣлуясь съ отцомъ, матерью и сестрой, она чувствовала себя въ атмосферѣ нѣжной ласки, увѣренная, что въ обиду ее не дадутъ. Но все-таки вспомнила при этомъ и Никодимцева...

«Не познакомься она съ нимъ?..»

Послѣ обѣда Козельскій увелъ Инну Николаевну въ кабинетъ и, усадивъ ее на диванъ, сталъ закуривать, не спѣша, сигару.

Инна Николаевна не безъ восхищенія глядѣла на своего моложаваго, красиваго, элегантнаго и порочнаго отца.

— Ну, поговоримъ, Инночка,—заговорилъ онъ своимъ мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ.—Во-первыхъ, выдалъ онъ тебѣ видъ на жительство?

— Нѣтъ, папа. Онъ застращивалъ меня судомъ. Грозилъ отнять Леночку.

— Ну, это дудки!.. А паспортъ мы и безъ него добудемъ.

Инна Николаевна сказала, что паспортъ обѣщалъ сегодня привезти Никодимцевъ.

— И отлично. Спасибо Григорію Александровичу, что онъ принялъ въ тебѣ участіе. Онъ очень порядочный человѣкъ и

дѣйствительно преданъ тебѣ... И я сердечно поблагодарю его сегодня же, если застану у насъ... Въ половинѣ восьмого мнѣ надо ѣхать по дѣлу... И свою порядочность и уваженіе къ тебѣ онъ доказалъ... Онъ не нынѣшнимъ молодымъ людямъ чета... Не правда ли... джентльменскій поступокъ?.. Можно сказать, по-рыцарски поступилъ...

— Ты про что говоришь?.. Про какой рыцарскій поступокъ Никодимцева?

— Да развѣ ты не знаешь?.. Ничего не слыхала? Твой мужъ ничего не говорилъ?

— Я ничего не знаю.

Тогда Козельскій разсказалъ о томъ, какъ Никодимцевъ заставилъ замолчать одного молодого мерзавца, позволившаго себѣ недостаточно уважительно и слишкомъ громко говорить съ товарищемъ объ Иннѣ.

— Ты вѣдь знаешь, какъ клевещутъ на женщинъ, особенно если онѣ красивы!—успокоительно сказалъ Козельскій.

— Кто были эти господа и что они говорили?—внезапно блѣднѣя, спросила Инна Николаевна.

— Пріятели твоего мужа... Служатъ вмѣстѣ... Да ты что волнуешься, Инночка?.. Мало ли негодяевъ... Но только Григорій Александровичъ поступилъ, какъ истинный джентльменъ... Мнѣ говорилъ Магометъ—татаринъ, который былъ свидѣтелемъ этой сцены... Григорій Александровичъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, подошелъ къ сосѣднему столу, за которымъ сидѣли эти господа, и сказалъ, что онъ задушитъ, если тотъ мерзавецъ скажетъ слово... Немножко по-мальчишески для будущаго товарища министра, но... благородно...

Передавая объ этомъ не безъ тайнаго умысла возбудить въ Иннѣ Николаевнѣ большій интересъ къ Никодимцеву, Козельскій никакъ, конечно, не разсчитывалъ, что дочь приметъ исторію нѣсколько трагически, и былъ изумленъ, когда, вмѣсто радостнаго чувства польщеннаго самолюбія, въ ея лицѣ было что-то страдальческое...

— А Никодимцеву эти... господа не отвѣтили дерзостью?—взволнованно спросила она.

— Такіе господа трусы... Онъ бросилъ имъ карточку... и они извинялись передъ нимъ...

— Когда это случилось?

— Въ прошлое воскресенье.

«Такъ вотъ отчего онъ не пріѣзжалъ и вотъ отчего не хотѣлъ ѣздить, боясь скомпрометировать меня. Вѣрно, говорили про него!»—подумала Инна Николаевна, тронутая деликатною, самоотверженною любовью Никодимцева.

— Да, Инночка, вотъ это истинная преданность... Ты, видно, околдовала этого Никодимцева...

— Тутъ не я, папа... Онъ, я думаю, вступился бы, если-бъ при немъ позорили и совсѣмъ незнакомую женщину...

— Положимъ, но все-таки едва ли бы такъ горячо...

И Инна подумала, что отецъ, пожалуй, и правъ. И ей было это очень пріятно, и въ то же время ей хотѣлось какъ можно скорѣе «открыть ему глаза» на себя и сказать, что многое изъ того, что̀ говорили о ней—правда.

«А тамъ будь что̀ будетъ! Довольно лжи!»

Козельскій еще разъ сказалъ дочери, что въ обиду не дастъ, и сказалъ, что надо скорѣе разводиться. Деньги на разводъ онъ, конечно, дастъ.

— Но мужъ ни за что не дастъ развода, папа.

— Онъ говорилъ?

— Говорилъ.

— О, какая скотина!.. Я съ нимъ поговорю... Быть-можетъ, удастся убѣдить его...

— Врядъ ли...

— Тогда... тогда знаешь ли что̀, Инночка?.. Надо будетъ попросить Никодимцева...

— Онъ уже предлагалъ свои услуги!—промолвила Инна Николаевна.—Но только лучше попробуй ты, папа... Поговори съ мужемъ... Быть-можетъ... что-нибудь выйдетъ...

— Во всякомъ случаѣ выйдетъ что-нибудь хорошее!—значительно проговорилъ Козельскій, цѣлуя дочь.—А пока до свиданія. Надо ѣхать. Передай мой привѣтъ Григорію Александровичу, если онъ пріѣдетъ!

Козельскій уѣхалъ дѣлать послѣднюю попытку.

III.

Инна Николаевна уложила Леночку спать и, въ ожиданіи Никодимцева, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, со страхомъ думая объ объясненіи, которое она должна имѣть съ нимъ. Его заступничество произвело на нее сильное впечатлѣніе и въ то же время обязывало ее разсказать про свою жизнь...

«Но только не сегодня и не сказать... лучше написать...»

Эта мысль нѣсколько успокоила ее. По крайней мѣрѣ сегодня онъ еще будетъ такой же любящій, добрый.

Пробило девять часовъ. Никодимцевъ не ѣхалъ, и Инна Николаевна то и дѣло подходила къ окну, изъ котораго былъ виденъ подъѣздъ, и всматривалась, не подъѣдетъ ли Нико-

димцевъ. И въ голову ея лѣзли мрачныя мысли. Ей казалось, что Никодимцевъ болѣе никогда не пріѣдетъ, что онъ узналъ, какая она, и что она лишится единственнаго друга, котораго такъ неожиданно послала ей судьба.

— Вамъ письмо, Инна Николаевна. Курьеръ привезъ и спрашиваетъ, будетъ ли отвѣтъ?—доложилъ лакей, подавая на маленькомъ серебряномъ подносѣ письмо.

«Онъ не пріѣхалъ!»—подумала Инна Николаевна.

И сердце ея тревожно забилось, когда она вскрыла большой конвертъ, въ которомъ находилась зелененькая паспортная книга.

Но лицо ея просвѣтлѣло, когда она прочитала маленькую записочку, въ которой Никодимцевъ извѣщалъ, что, несмотря на желаніе узнать лично о здоровьѣ Инны Николаевны, онъ не рѣшается ее безпокоить въ день ея переѣзда и проситъ позволенія пріѣхать завтра, чтобы лично сообщить пріятныя извѣстія о возможности развода.

Повеселѣвшая, она тотчасъ же написала ему:

«Спасибо, горячее спасибо. Пріѣзжайте завтра. Буду ждать».

— Положительно, мама, Никодимцевъ образецъ порядочности!—проговорила Инна Николаевна, входя въ столовую.

— А что?..

— Прочитай его записку и оцѣни деликатность его непріѣзда...

— Да... вполнѣ приличный господинъ. И радостную вещь сообщилъ. Спасибо ему.

— Какую?—спросила Тина.

— Что привезетъ пріятное извѣстіе о разводѣ.

— Гм... Какъ однако твой корректный чиновникъ торопится съ твоимъ разводомъ.

Инна Николаевна промолчала.

— Ты что этимъ хочешь сказать, Тина?—простодушно спросила Антонина Сергѣевна.

— Хочу сказать, что онъ старается для себя...

— То-есть какъ?

— А такъ... Влюбленъ въ Инну и, навѣрное, сдѣлаетъ ей на-дняхъ предложеніе...

Мать вопросительно взглянула на Инну. Та полушутя сказала:

— У Тины фантазія большая, мама. Вотъ и все.

Въ это время вошелъ лакей и, обратившись къ Тинѣ, сказалъ:

— Васъ, барышня, какой-то студентъ спрашиваетъ, Скурагинъ.

— Первый разъ слышу фамилію!—удивилась Тина.

— Очень бѣдно одѣтый, въ лѣтнемъ пальтецѣ... Зазябши. Прикажете отказать?

— Просите въ гостиную.

— Я ему пришлю чаю, Тиночка!—сказала Антонина Сергѣевна.

Тина вышла въ гостиную.

Черезъ минуту изъ-за портьеры показался черноволосый, худощавый студентъ, въ очень потертомъ форменномъ сюртукѣ и въ стоптанныхъ сапогахъ, замѣчательно красивый, серьезный и нѣсколько взволнованный.

— Скурагинъ!—произнесъ онъ твердымъ тономъ.

И, взглядывая на молодую дѣвушку своими прелестными большими черными глазами строго, почти непріязненно, протянулъ ей первый зазябшую красную руку и спросилъ:

— Вы Татьяна Николаевна Козельская?

— Я!—отвѣтила Тина.

И, пораженная одухотворенною и, казалось, несознаваемою молодымъ человѣкомъ красотою его блѣднаго, строгаго и мужественнаго лица и въ то же время недовольная, что онъ, подобно большей части мужчинъ, не испытываетъ ни малѣйшаго обаянія ея вызывающаго, хорошенькаго личика, она кокетливо ему улыбнулась, словно бы хотѣла расположить студента въ свою пользу этой улыбкой и сказать: «погляди, какая я хорошенькая!»

Но студентъ не только не сдѣлался отъ этой улыбки привѣтливѣе, а еще холоднѣе и строже произнесъ:

— Мнѣ надо съ вами поговорить. Здѣсь можно?—нетерпѣливо прибавилъ онъ, бросая взглядъ на полуоткрытую дверь въ столовую.

Заинтересованная этой таинственностью, Тина сказала:

— Пойдемте въ кабинетъ отца...

И, когда они вошли туда, сѣла на кресло и, указывая на другое, сухо бросила:

— Присядьте.

Но студентъ не сѣлъ.

— Я къ вамъ по порученію Бориса Александровича... Онъ проситъ...

— Но какъ онъ смѣлъ обратиться къ чужому посредству?—высокомѣрно перебила молодая дѣвушка, чувствуя, что краска заливаетъ ея лицо.

— Потрудитесь выслушать и тогда вы поймете, что онъ смѣлъ!.. Онъ сегодня въ три часа дня пустилъ себѣ пулю въ грудь и находится теперь въ больницѣ... Написать не могъ и потому просилъ меня передать вамъ свою просьбу пріѣхать

къ нему завтра утромъ, въ общину св. Георгія на Выборгской сторонѣ...

Тиня ахнула. Еще сегодня она утромъ была у него.

— Онъ не смертельно ранилъ себя? Онъ будетъ жить?— испуганно спросила она.

— Доктора подаютъ надежду, но... рана опасная. Что прикажете ему отвѣтить?

— Я буду.

— Въ которомъ часу?

— Въ десять утра. Можно?

— Да. Имѣю честь кланяться!

Студентъ поклонился и вышелъ.

Тина нѣсколько минутъ сидѣла неподвижная.

— Какой онъ однако глупый!.. Стрѣляться!—прошептала она, и вдругъ слезы полились изъ ея глазъ.

Въ кабинетъ заглянула Инна Николаевна.

— Тина... голубчикъ... Что съ тобой?..

— Борисъ Александровичъ стрѣлялся... Рана опасная... Проситъ пріѣхать завтра въ больницу... Не говори ни слова мамѣ!— вытирая слезы, говорила молодая дѣвушка.

И, нѣсколько успокоившись, прибавила:

— Онъ настаивалъ, чтобы я вышла за него замужъ, а я... я сегодня была у него и сказала, что замужъ не выйду... Довольно съ него, что я... цѣлую его, пока мнѣ хочется... А онъ принялъ все это трагически...

— Поѣдемъ сейчасъ къ нему, Тина... Я скажу мамѣ, что хочу прокатиться...

— И скажи, что студентъ приходилъ отъ... отъ Ольги Ордынцевой... звать къ нимъ...

Черезъ нѣсколько минутъ сестры выходили изъ подъѣзда. На подъѣздѣ ихъ встрѣтилъ отецъ.

— Вы, милыя, куда?—спросилъ онъ.

— Прокатиться немного... У меня голова болитъ, папа!— сказала Инна Николаевна.

— Такъ берите моего извозчика... У него хорошая лошадь!

Козельскій вошелъ въ квартиру и прошелъ въ кабинетъ. Деньги онъ досталъ, но какою цѣною?

И его превосходительство чувствовалъ какую-то неловкость и что-то похожее на стыдъ, когда досталъ изъ бумажника чекъ на пять тысячъ.

«Но я возвращу ихъ!—старался успокоить себя Козельскій и сознавалъ, что все-таки онъ взялъ взятку.

— И какъ это все случилось неожиданно!—прошепталъ онъ, вспоминая, какъ это случилось.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

I.

Когда въ этотъ вечеръ Козельскій ѣхалъ на Васильевскій островъ къ Моисею Лазаревичу Бенштейну, «работавшему» деньгами тайнаго совѣтника Широта, почтеннаго, убѣленнаго сѣдинами старичка необыкновенно добродушнаго вида, съ которымъ Козельскій изрѣдка встрѣчался въ «картофельномъ» клубѣ,—онъ со страхомъ думалъ: «достанетъ ли онъ полторы тысячи, или нѣтъ?»

Завтра срокъ векселю, послѣзавтра надо уплатить до двѣнадцати часовъ у нотаріуса. Переписать вексель невозможно. Ужъ онъ два раза переписывалъ. Требовали уплаты.

Какъ обыкновенно бывало въ послѣднее время все болѣе и болѣе трудныхъ поисковъ денегъ, его превосходительство находился въ тревожно нервномъ и мрачномъ настроеніи. Встрѣчая на Невскомъ людей въ собственныхъ экипажахъ, ѣдущихъ въ театры, спокойныхъ, довольныхъ и, казалось Козельскому, съ туго набитыми бумажниками въ карманахъ, онъ завидовалъ этимъ людямъ, злился на нихъ и находилъ даже несправедливымъ неравномѣрное распредѣленіе богатствъ. У однихъ ихъ много, а вотъ онъ, умный, порядочный и работающій человѣкъ, долженъ искать какія-нибудь несчастныя полторы тысячи рублей, отъ которыхъ онъ такъ позорно и глупо зависитъ.

«Дастъ или нѣтъ?»

И его превосходительство, подсмѣивавшійся дома надъ разными предразсудками и примѣтами, загадалъ: если онъ успѣетъ закурить папироску до углового дома, то получитъ, а не успѣетъ—нѣтъ. Вѣтеръ поддувалъ сильный, и несмотря на то, что Козельскій старался какъ можно быстрѣе спрятать зажженную спичку въ выдвинутую спичечную коробку, съ перваго раза закурить ему папироски не удалось. И это было ему непріятно, но онъ успокоилъ себя тѣмъ, что имѣлъ намѣреніе (хотя и вовсе сперва не имѣлъ) повторить опытъ до трехъ разъ, и если съ трехъ разъ не закуритъ, тогда...

И Козельскій былъ очень радъ, когда въ третій разъ закурилъ папироску, поровнявшись съ угловымъ домомъ. Радъ былъ, и когда фамилія на первой вывѣскѣ имѣла четное число буквъ.

Но это довольное чувство быстро исчезало отъ сознанія невыносимости своего финансоваго положенія. И тогда онъ придумывалъ средства, какъ бы выбраться изъ этой каторги постояннаго исканія денегъ и долговъ, останавливаясь на болѣе или менѣе проблематическихъ комбинаціяхъ о какомъ-нибудь

предпріятіи, провести которое при помощи Никодимцева будетъ не трудно. И вообще Никодимцевъ могъ бы помочь ему если не въ этомъ, то въ устройствѣ ему какой-нибудь хорошо оплачиваемой синекуры. Онъ долженъ сдѣлать для отца женщины, которую любитъ.

И въ то же мгновеніе въ головѣ Козельскаго пронеслась мысль—обратиться къ самой послѣдней крайности, къ Никодимцеву, если Бенштейнъ откажетъ. Конечно, лучше бы, если-бъ не пришлось этого дѣлать, но... бываютъ такія положенія, когда разбирать нечего.

И Козельскій думалъ: какъ это сдѣлать и въ какой формѣ? Написать ли ему о временномъ затрудненіи или поѣхать и лично разсказать откровенно о тяжеломъ своемъ положеніи... Но это показалось ему отвратительнымъ... Никодимцевъ можетъ подумать, что онъ эксплоатируетъ его отношенія къ Иннѣ.

— Нельзя, нельзя! — проговорилъ вслухъ Козельскій и рѣшилъ, что воспользоваться Никодимцевымъ можно только тогда, когда Никодимцевъ женится на Иннѣ, и слѣдовательно между тестемъ и зятемъ будутъ близкія родственныя отношенія.

Придумывая разные выходы изъ своего положенія, Козельскій не остановился на самомъ простѣйшемъ и, казалось бы, самомъ достижимомъ—на радикальномъ измѣненіи образа жизни и сокращеніи, такимъ образомъ, расходовъ, хотя въ минуты острыхъ денежныхъ затрудненій такія мысли и мелькали въ его головѣ. Но онъ отлично сознавалъ ихъ несбыточность. Все его существо со всѣми его привычками инстинктивно протестовало противъ измѣненія образа жизни, являвшагося для него потребностью, лишеніе которой онъ не могъ себѣ даже и представить. Измѣнить жизнь такъ, чтобы откладывать на уплату долговъ половину заработка, значило: отказаться отъ двухтысячной квартиры, отъ превосходнаго кабинета, мраморной ванны, отличнаго повара и умѣлой прислуги, отъ платья отъ Пуля, отъ хорошихъ сигаръ, отъ ложи въ оперѣ, отъ журфиксовъ и отъ Ордынцевой. Мало того: пришлось бы прервать знакомство со многими нужными и вліятельными людьми, нельзя было бы нанимать приличной дачи для семьи и самому уѣзжать за границу на два мѣсяца, чтобъ отдыхать и освѣжаться... однимъ словомъ, надо было бы отказаться отъ всего того, что казалось Козельскому единственнымъ благомъ жизни, изъ-за котораго стоитъ работать и добиваться еще бо́льшихъ благъ... Это было невозможнымъ и, какъ думалъ Козельскій, унизительнымъ и для него самого и для семьи. И какъ бы смотрѣли на него не только знакомые, но даже жена и дочери? Умный, способный человѣкъ

и не можетъ даже устроиться сколько-нибудь прилично? Не можетъ хорошо одѣвать жену и дочь? Не можетъ позволить себѣ маленькаго комфорта любовной связи? Послѣднее особенно было дорого его превосходительству, и свиданія съ красивой и умѣющей быть желанной Ордынцевой были для Козельскаго однимъ изъ тѣхъ значительныхъ благъ, безъ которыхъ жизнь была бы для него скучной и не къ чему было бы ему такъ тренировать себя воздержаніемъ въ пищѣ, массажемъ и гимнастикой.

«Дастъ или не дастъ?»

Этотъ вопросъ все болѣе или болѣе удручалъ Козельскаго по мѣрѣ приближенія къ Васильевскому острову, и, когда извозчикъ остановился у подъѣзда одного изъ большихъ домовъ на Большомъ проспектѣ, Козельскій чувствовалъ тотъ страхъ, какой испытываетъ гимназистъ передъ экзаменомъ у строгаго учителя. У него даже схватывало поясницу, когда онъ спросилъ у швейцара: гдѣ живетъ г. Бенштейнъ?

— Здѣсь. Во второмъ этажѣ.

— Дома?

— Должно-быть, дома.

Въ швейцарской было тепло, и Козельскій приказалъ швейцару снять съ себя шинель съ серебристымъ бобровымъ воротникомъ, подбитую ильками.

— Не пропадетъ здѣсь?

— Помилуйте... Я не отлучусь.

— Такъ во второмъ этажѣ?

— Точно такъ-съ!

Его превосходительство, не спѣша, чтобы не было одышки, поднялся во второй этажъ и съ замираніемъ сердца подавилъ пуговку электрическаго звонка у двери, на которой красовалась мѣдная дощечка съ вырѣзанной на ней фамиліей по-русски и по-французски.

«Экая каналья, этотъ жидъ. Въ бель-этажѣ живетъ!» — подумалъ съ чувствомъ неодобренія Козельскій, приподнимая свою красивую голову въ бобровой боярской шапкѣ.

Миловидная, щеголеватая горничная отворила двери.

«И горничная прилична!»—подумалъ Козельскій, оглядывая быстрымъ опытнымъ взглядомъ горничную, и спросилъ съ той обворожительной ласковостью, съ какою говорилъ со всѣми хорошенькими женщинами:

— Господинъ Бенштейнъ дома?

— Дома-съ. Но только сейчасъ они обѣдаютъ! — отвѣчала горничная и вся вспыхнула подъ мягкимъ и ласкающимъ взглядомъ Козельскаго.

— А вы, моя красавица, все-таки передайте сейчасъ вотъ эту карточку... Только прежде покажите, куда у васъ тутъ пройти...

— Пожалуйте въ гостиную!—улыбаясь, сказала горничная.

Она распахнула дверь и пошла въ столовую докладывать.

Козельскій вошелъ въ большую гостиную и снова былъ удивленъ роскошью и вкусомъ обстановки.

«И даже Клеверъ!»—мысленно проговорилъ онъ, останавливаясь передъ большой картиной съ зимнимъ пейзажемъ.

«Со вкусомъ и недурно живетъ этотъ жидъ!» — подумалъ, и снова почему-то неодобрительно, его превосходительство, присаживаясь въ кресло у стола, на которомъ стояла высокая лампа съ большимъ красивымъ шелковымъ абажуромъ, убраннымъ кружевами.

И опять одна мысль овладѣла имъ: «дастъ Бенштейнъ или не дастъ?»

Вся эта обстановка и то, что «этотъ жидъ» заставляетъ его ждать, казались Козельскому весьма неблагопріятными признаками. Настроеніе его дѣлалось угнетеннымъ, и онъ почти былъ увѣренъ, что попытка его занять у Бенштейна не увѣнчается успѣхомъ.

Прошло минутъ пять, когда изъ-за портьеры вышелъ молодой и красивый брюнетъ, щегольски одѣтый, съ крупнымъ брильянтомъ на мизинцѣ маленькой и волосатой руки, и съ изысканной любезностью произнесъ, выговаривая слова почти безъ акцента:

— Прошу извинить, что заставилъ ждать, ваше превосходительство!

Его превосходительство поднялся съ кресла и, принявъ тотчасъ же свой обычный видъ барина, кивнулъ головой и, протягивая молодому человѣку руку, проговорилъ съ тѣмъ добродушіемъ, которое вошло у него въ привычку при дѣловыхъ сношеніяхъ:

— Я самъ виноватъ, что пріѣхалъ во время вашего обѣда, Моисей Лазаревичъ.

И, не ожидая приглашенія садиться, опустился въ кресло.

— Чѣмъ могу служить вамъ? — началъ Бенштейнъ стереотипнымъ вопросомъ.

И, усѣвшись на диванѣ и принявъ необыкновенно серьезный видъ, глядѣлъ въ упоръ на Козельскаго своими черными, большими и слегка влажными глазами.

Козельскій уже не сомнѣвался, что дѣло его проиграно. И, вѣроятно, потому онъ съ напускною небрежностью передалъ рекомендательное письмо одного своего пріятеля и кліента

Бенштейна и съ такою же напускной шутливостью промолвилъ:

— Въ письмѣ все изложено. Я могу только пожелать, чтобы оно было убѣдительно для васъ, Моисей Лазаревичъ.

Козельскій закурилъ папироску.

Онъ затягивался и пускалъ дымъ съ нервной торопливостью, взглядывая на Бенштейна, лицо котораго сдѣлалось еще серьезнѣе, когда онъ читалъ, и умышленно долго читалъ, казалось Козельскому.

Наконецъ господинъ Бенштейнъ положилъ рекомендательное письмо на столъ, оставивъ на немъ свою волосатую, маленькую руку съ сверкавшимъ на мизинцѣ брильянтомъ, словно бы приглашая Козельскаго полюбоваться имъ, и проговорилъ:

— Къ сожалѣнію, я не могу быть полезнымъ вашему превосходительству, несмотря на готовность услужить вамъ. Капиталистъ, деньгами котораго я оперировалъ, приканчиваетъ это дѣло и никакихъ операцій больше не производитъ!—прибавилъ молодой человѣкъ свою обычную форму отказа, когда не считалъ просителя благонадежнымъ человѣкомъ.

А Бенштейнъ хорошо зналъ, что его превосходительство запутанъ въ долгахъ.

Несмотря на ожиданіе отказа, Козельскій, получивъ его, невольно измѣнился въ лицѣ. Въ немъ было что-то жалкое и растерянное. И въ дрогнувшемъ его голосѣ прозвучала просительная до униженія нотка, когда онъ сказалъ:

— Но мнѣ нужна небольшая сумма, Моисей Лазаревичъ.

— Именно?

— Полторы... даже тысячу двѣсти и на короткій срокъ.

— Полторы тысячи, конечно, небольшая сумма, но когда она нужна, то дѣлается большою, позволю себѣ замѣтить, ваше превосходительство! — проговорилъ уже болѣе фамильярнымъ тономъ молодой человѣкъ.

И не безъ участія освѣдомился:

— Вѣрно, срочный платежъ?

— Да.

— И скоро?

— Завтра.

Бенштейнъ поморщился съ такимъ видомъ, будто платежъ предстоялъ не Козельскому, а ему.

У Козельскаго блеснула надежда, и онъ сказалъ:

— Вы сдѣлали бы мнѣ огромное одолженіе, если бы уговорили своего капиталиста, Моисей Лазаревичъ.

— Я сдѣлалъ бы одолженіе не вамъ, а своему довѣрителю, такъ какъ выгодно помѣстилъ бы его капиталъ!—проговорилъ

Бенштейнъ, видимо, самъ очень довольный сказанной имъ любезностью.—Но что подѣлаешь съ капиталистомъ? Онъ принципіально рѣшилъ прекратить операціи и отъ своего принципа не отойдетъ! Я его знаю!—говорилъ молодой человѣкъ, щеголяя выраженіями: «принципіальный» и «принципъ».—Я съ удовольствіемъ предложилъ бы вамъ свои деньги, но у меня свободныхъ нѣтъ...

Козельскій не сомнѣвался, что Бенштейнъ вретъ относительно прекращенія операцій, и ясно видѣлъ, что дальнѣйшіе разговоры безполезны.

И, негодующій за свое безполезное униженіе передъ этимъ франтоватымъ «жидомъ», готовый теперь перервать ему горло, Козельскій хотѣлъ-было подняться, какъ Бенштейнъ вдругъ сказалъ, понижая голосъ и съ нѣкоторою значительностью:

— Извините меня, ваше превосходительство, если я позволю себѣ выразить свое мнѣніе относительно денегъ, которыя вамъ нужны...

— Сдѣлайте одолженіе.

— Вы вотъ безпокоите себя... ищете денегъ подъ большіе проценты, а между тѣмъ...

Бенштейнъ остановился словно бы въ нерѣшительности и пристально взглянулъ на Козельскаго.

— ...А между тѣмъ,—продолжалъ онъ, видимо рѣшившись:—вамъ стоитъ только пожелать, и у васъ сейчасъ же будутъ деньги... И безъ всякихъ процентовъ, и безъ всякихъ условій...

— Какимъ образомъ? Я васъ не понимаю, Моисей Лазаревичъ!—спросилъ Козельскій, изумленный и въ то же время обрадованный.

Ему пришла въ голову мысль, что Бенштейнъ затѣваетъ какое-нибудь предпріятіе и ищетъ его помощи.

— Пять тысячъ съ большимъ удовольствіемъ предложитъ вамъ хоть сейчасъ мой тесть, г. Абрамсонъ. Вы его изволите знать... Онъ подрядчикъ въ вашемъ правленіи... И на него вамъ напрасно наговорили... Онъ добросовѣстный подрядчикъ, а между тѣмъ съ Новаго года не хотятъ возобновить съ нимъ контрактъ... И если бы его возобновили...

Его превосходительство понялъ въ чемъ дѣло и густо покраснѣлъ.

До сихъ поръ онъ еще ни разу не бралъ взятокъ, хотя и имѣлъ возможность, и съ брезгливостью относился къ людямъ, которые ихъ брали. Брать взятки Козельскій считалъ позорнымъ дѣломъ, но впутываться въ разныя дѣла, хотя бы самыя двусмысленныя, проводить ихъ и брать за это «комиссію» онъ не находилъ предосудительнымъ и считалъ себя вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ.

Дошелъ онъ до этихъ взглядовъ на порядочность постепенно. Въ молодые годы онъ громилъ тѣхъ дѣльцовъ, которые ловили рыбу въ мутной водѣ. Въ сорокъ лѣтъ, когда сдѣлался однимъ изъ директоровъ желѣзнодорожнаго правленія и частнаго банка, онъ находилъ, что торговля и промышленность имѣютъ свои законы.

Нѣсколько мгновеній Козельскій молчалъ.

— Я возобновлю контрактъ съ вашимъ тестемъ!—наконецъ проговорилъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился и г. Абрамсонъ, и скоро Козельскій уѣхалъ съ чекомъ на пять тысячъ, написавъ Абрамсону письмо о томъ, что контрактъ съ нимъ будетъ возобновленъ.

Кромѣ того онъ обѣщалъ дать мѣста племяннику Абрамсона и сестрѣ Бенштейна.

II.

Припоминая свое посѣщеніе на Васильевскомъ островѣ, Козельскій сознавалъ, что поступилъ скверно, но старался успокоить свою совѣсть и скоро успокоилъ ее соображеніями о безвыходности положенія, въ которомъ онъ находился, и намѣреніемъ возвратить пять тысячъ Абрамсону и не дѣлать ему никакихъ поблажекъ. Напротивъ, строго требовать точнаго исполненія контракта. Что же касается обѣщанія дать мѣста двумъ неизвѣстнымъ ему лицамъ, то это нисколько не безпокоило Козельскаго. Мало ли кому приходится давать мѣста.

Черезъ четверть часа Николай Ивановичъ уже распредѣлялъ съ карандашомъ въ рукахъ: на что пойдутъ пять тысячъ. Тысяча двѣсти рублей назначены были въ уплату по векселю. Затѣмъ Козельскій записалъ: на уплату мелкихъ долговъ 500 руб.

«Непремѣнно надо заплатить 300 руб. курьеру и дать ему 25 рублей»,—подумалъ Козельскій и сталъ припоминать, кому еще онъ долженъ по мелочамъ.

Затѣмъ онъ отдѣлилъ двѣ тысячи на уплату по векселямъ, срокъ которыхъ былъ черезъ мѣсяцъ, и записалъ восемьсотъ рублей на уплату одного стараго долга на слово, но передѣлалъ эту цифру на 300 р., рѣшивъ, что довольно и трехсотъ, такъ какъ тому лицу, которому онъ былъ долженъ, деньги не нужны и оно о нихъ не напоминаетъ.

Въ концѣ концовъ по списку выходило, что если уплатить часть болѣе или менѣе неотложныхъ долговъ, то изъ пяти тысячъ не останется ни гроша.

И Козельскій сталъ снова передѣлывать списокъ и уменьшать цифры, и наконецъ составилъ такой, что осталось полторы тысячи. И Козельскій повеселѣлъ, рѣшивъ отъ этого остатка дать пятьсотъ рублей Иннѣ на туалеты, подарить триста женѣ и двѣсти Тинѣ и купить Ордынцевой рублей въ триста брильянтовое кольцо на мизинецъ. Оно очень пойдетъ къ ея красивой рукѣ.

«Кстати завтра нашъ день!»—вспомнилъ Козельскій и, поднявшись съ кресла, подошелъ къ зеркалу и взглянулъ на свое моложавое, красивое лицо съ удовлетвореннымъ чувствомъ человѣка, который еще можетъ нравиться женщинамъ.

«Отлично бы завтра пообѣдать съ Нитой у Донона и потомъ провести вечеръ вмѣстѣ, вмѣсто того, чтобы видѣться, какъ обыкновенно, днемъ. Разнообразіе не мѣшаетъ!»—не безъ игривости подумалъ его превосходительство и, возвратившись къ столу, написалъ двѣ записки: одну Ордынцевой, чтобы была въ шесть часовъ вечера въ Гостиномъ, у магазина Вольфа, другую въ «пріютъ», чтобы все было готово.

Приказавъ своему старому Кузьмѣ бросить письма въ почтовый ящикъ, Козельскій спряталъ долговой списокъ въ жилетный карманъ и пошелъ въ столовую, чтобы попросить чаю, захвативъ съ собою корзину съ дюшесами, которыя онъ купилъ въ Милютиныхъ лавкахъ, возвращаясь съ Васильевскаго острова, заплативъ за десятокъ десять рублей.

Антонина Сергѣевна удивилась, что мужъ дома, и распорядилась скорѣе подавать самоваръ.

Когда у Козельскаго бывали въ карманѣ деньги и не наступали сроки платежей, онъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, веселъ и милъ дома и особенно любезенъ съ женой.

И теперь, передавая ей корзинку, онъ ласково проговорилъ:

— Ты любишь груши, Тоня. Кажется, онѣ не дурны.

Эта внимательность всегда трогала Антонину Сергѣевну, и она сказала:

— Баловникъ ты, мой милый, и умѣешь бросать деньги...

Козельскій просидѣлъ вдвоемъ съ женой около часу, и эта рѣдкость была необыкновенно пріятна Антонинѣ Сергѣевнѣ. Они разговаривали главнымъ образомъ объ Иннѣ. Козельскій сообщилъ, что Никодимцевъ влюбленъ въ Инну, и что было бы большимъ счастьемъ, если бы она вышла за него замужъ.

Антонина Сергѣевна была очень удивлена. Она и не догадывалась. Да и Инна, кажется, не догадывается,—говорила она и тревожно спросила:

— А развѣ Лева дастъ разводъ?..

— Мы его заставимъ дать разводъ. Заставимъ этого идіота!—энергично проговорилъ Козельскій, возбуждавшійся при мысли, что идіотъ можетъ помѣшать такой блестящей партіи.

Говорили и о второй дочери. Отецъ сказалъ, что милліонеръ Гобзинъ сейчасъ же женился бы на Тинѣ, если бы только она захотѣла. Но онъ ей не нравится... И никто ей не нравится.

— Кажется, Борисъ Александровичъ...

— Да развѣ она пойдетъ за этого голыша?.. Онъ милый человѣкъ, но надо же содержать жену... Ну, положимъ, мы помогали бы имъ... Все-таки это не устраивало бы ихъ... У Тины извѣстныя привычки...

— Но когда любишь...

— Въ томъ-то и дѣло, что Тина никого не любитъ...

— Еще, значитъ, время не пришло. А полюбитъ, такъ и за нищаго выйдетъ. Что у тебя и у меня было, когда мы поженились! Ничего, кромѣ твоей умной головы на плечахъ...

И Антонина Сергѣевна влюбленными глазами глядѣла на мужа...

Когда Козельскій, уходя въ кабинетъ, простился съ женой, по обыкновенію цѣлуя ея руку, Антонина Сергѣевна благодарила его за то, что онъ съ ней посидѣлъ.

— Я еще посидѣлъ бы, но надо поработать.

— Иди, иди, милый...

— А завтра не придется дома обѣдать... Сегодня звалъ предсѣдатель правленія... Неловко отказаться...

— И не отказывайся... Поѣзжай, Ника... Не все же тебѣ дома сидѣть!..—говорила любящая женщина, словно бы забывая, что «Ника» и безъ того рѣдко сидитъ дома.

«Ну какъ не беречь такую жену!»—не безъ умиленнаго чувства мысленно произнесъ тронутый мужъ.

Въ томъ, что онъ ее «бережетъ», то-есть хорошо скрывалъ свои связи, онъ находилъ оправданіе и считалъ себя хорошимъ мужемъ, щадившимъ самолюбіе своей жены и не позволявшимъ себѣ давать поводъ къ пересудамъ о ней, какъ о несчастной женщинѣ. Другіе мужья—и Николай Ивановичъ вспомнилъ этихъ другихъ—не стѣсняются, чуть не открыто живутъ со своими любовницами, а онъ никогда этого не дѣлалъ и никогда не сдѣлаетъ, оберегая «святую женщину» отъ напрасныхъ страданій.

Такъ разсуждалъ Козельскій, только-что солгавшій о приглашеніи на обѣдъ, и вмѣсто скучныхъ бумагъ, лежавшихъ въ портфелѣ уже третій день, онъ снялъ свой вестонъ и принялся за упражненіе съ гирями.

Довольный, что онъ свободно поднимаетъ ихъ, не чувствуя усталости, и полный удовлетвореннаго чувства отъ сознанія своей физической крѣпости и своего здоровья, онъ въ это время забылъ и думать о томъ, какъ получилъ чекъ въ пять тысячъ, и, жизнерадостный, думалъ о завтрашнемъ днѣ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

I.

Сестры всю дорогу молчали.

Когда извозчикъ переѣхалъ Александровскій мостъ и, минуя медико-хирургическую академію, завернулъ въ плохо-освѣщенную улицу Выборгской стороны, Инна спросила:

— Ты знаешь, гдѣ община Святого Георгія?

— Должно-быть, гдѣ-то здѣсь, недалеко... Найдемъ!

И извозчикъ рѣшительно стегнулъ лошадь.

Дѣйствительно онъ скоро нашелъ и остановился у подъѣзда больницы со стороны набережной. Но двери были заперты.

Стоявшій у Самсоніевскаго моста городовой подошелъ и объяснилъ, что если желаютъ попасть въ больницу, то надо ѣхать назадъ и повернуть въ Костромскую улицу, гдѣ ворота въ больницу.

Извозчикъ повернулъ назадъ и скоро въѣхалъ въ глухую полутемную улицу.

– Вотъ она самая!—проговорилъ онъ, останавливаясь у запертыхъ воротъ.

Калитка была не заперта, и дамы вошли. Сторожъ указалъ имъ на освѣщенныя окна больницы. Онѣ пошли черезъ большой дворъ и вошли въ одну изъ дверей зданія больницы. Ни души. Вездѣ тишина.

Онѣ поднялись по лѣстницѣ и отворили дверь. На нихъ сразу пахнуло теплomъ и свѣтомъ, когда они очутились въ прихожей, въ открытыя двери которой увидѣли большую комнату со столомъ по серединѣ и съ большимъ образомъ у стѣны.

Маленькаго роста моложавая и пригожая сестра милосердія, въ бѣломъ чепчикѣ и бѣломъ передникѣ, несла кому-то лѣкарство. Инна Николаевна обратилась къ ней.

Оказалось, что раненый въ другой палатѣ.

— Я васъ сейчасъ проведу. Только дамъ больному лѣкарство.

«Сестра» говорила какъ-то особенно, не такъ, какъ говорили въ томъ обществѣ, въ которомъ вращались дочери Козельскаго—просто, спокойно и въ то же время привѣтливо,

безъ какой бы то ни было дѣланности и желанія нравиться.

И это тотчасъ же было замѣчено Инной.

Черезъ пять минутъ «сестра» вернулась изъ одной изъ палатъ, двери которыхъ выходили въ столовую, и сказала:

— Пойдемте...

— А какъ же... мы въ шубахъ...

— Ничего... Тамъ снимете... Онъ лежитъ въ палатѣ рядомъ.

— Скажите, сестра... Онъ опасенъ?—спросила Тина.

— Не знаю... Нѣтъ, кажется... Его утромъ привезли къ намъ. Слѣдовало бы въ военный госпиталь, но у насъ случилась свободная комната, его и принялъ Николай Яковлевичъ, старшій докторъ.

Когда они проходили черезъ столовую, среди тишины вдругъ раздались стоны.

Инна вздрогнула и участила шаги.

Дежурная сестра сосѣдней палаты, высокая молодая брюнетка, манеры которой и нѣкоторое щегольство форменнаго платья обличали женщину изъ общества, отнеслась къ посѣтельницамъ съ тою же сдержанно-спокойной привѣтливостью, какъ и сестра въ первой палатѣ. Но только, какъ показалось Иннѣ Николаевнѣ, она съ большимъ любопытствомъ оглядѣла быстрымъ взглядомъ своихъ большихъ, темныхъ и замѣчательно красивыхъ глазъ какъ самихъ посѣтительницъ, такъ и ихъ платья, когда онѣ сняли въ прихожей шубы.

Въ больницѣ уже почему-то знали, что молодой артиллеристъ стрѣлялся изъ-за любви, и «сестра» сразу догадалась, что одна изъ пріѣхавшихъ такъ поздно была «героиней».

«Но которая?»—не безъ любопытства думала сестра.

— Можно видѣть Горскаго, Бориса Александровича? Его сегодня привезли! Вы не откажете... не правда ли?—тихо и смущенно спрашивала Инна, по привычкѣ улыбаясь глазами.

— Видѣть можно, но ненадолго...

— Благодарю васъ. А какъ онъ... опасенъ?—спросила старшая сестра.

— Онъ, будетъ, конечно, живъ?—спросила почти одновременно и Тина.

«Эта!»—рѣшила сестра, взглядывая пристальнѣе на красивое, вызывающее и далеко не убитое лицо молодой дѣвушки.

И, почувствовавъ къ ней невольную непріязнь, которую старалась скрыть, она сдержанно и нѣсколько строже отвѣтила Тинѣ:

— Надо надѣяться. Пока опасности нѣтъ... Все идетъ хорошо.

И, отводя глаза отъ молодой дѣвушки, спросила, обращаясь къ Иннѣ Николаевнѣ:

— Вы вдвоемъ хотите посѣтить Бориса Александровича?

— Нѣтъ... Сестра пойдетъ...

— Не угодно ли посидѣть пока въ столовой, а я пойду предупредить больного. Какъ прикажете о васъ сказать?

— Козельская!—твердо и довольно громко отвѣтила молодая дѣвушка.

Сестра ушла въ конецъ столовой и скрылась въ дверяхъ послѣдней комнаты.

Инна Николаевна опустилась на стулъ. Младшая сестра не садилась.

Вокругъ царила мертвая тишина. По временамъ только слышался чей-нибудь тяжелый вздохъ и стонъ.

— А жутко здѣсь!—промолвила Инна.

— Ты нервна... Мнѣ не жутко.

«Бравируетъ!»—подумала Инна.

— И какъ тяжело, должно-быть, сестрамъ...

— И, главное, скучно!—отвѣтила молодая дѣвушка.—А у этой брюнетки трагическое лицо...

— Глаза прелестные...

— Какъ долго однако она не идетъ!—нетерпѣливо промолвила Тина.

— Говори тише, Тина... Это только кажется, что долго... Вотъ и сестра...

— Не угодно ли? Борисъ Александровичъ проситъ васъ...

Молодая дѣвушка смѣло и рѣшительно пошла за сестрой. Та отворила дверь, пропустила впередъ Тину и, вернувшись, пошла въ одну изъ комнатъ, откуда чей-то капризный голосъ звалъ: «сестра!»

II.

Тина въ первое мгновеніе не увидала лица Бориса Александровича въ небольшой, слабо освѣщенной комнатѣ.

И когда она приблизилась къ кровати, то увидала совсѣмъ другое, непохожее на то счастливое, здоровое и румяное лицо, которое цѣловала сегодня. Оно было блѣдно, серьезно, испуганно и некрасиво, со своими ввалившимися и лихорадочно блестѣвшими глазами.

При видѣ Тины, изъ-за которой онъ теперь лежалъ здѣсь и жадно хотѣлъ жизни, онъ не особенно радостно проговорилъ, выпрастывая изъ одѣяла свою руку:

— Вотъ это мило, что вы пришли, Татьяна Николаевна...

Я нечаянно, разряжая пистолетъ, ранилъ себя... и мнѣ хотѣлось васъ видѣть... Спасибо...

Тина пожала ему руку, тотчасъ же ее освободила и присѣла въ глубокое кресло, непріятно пораженная такою перемѣной Бориса Александровича. Еще утромъ близкій ей, теперь онъ казался ей чужимъ. И чужимъ и физически непріятнымъ, и она очень рада была, что Горскій не протянулъ ей губъ для поцѣлуя и вообще не обнаружилъ въ первое мгновеніе встрѣчи сентиментальности, которой въ немъ было такъ много, когда онъ былъ здоровъ.

Хотя молодая дѣвушка и чувствовала себя немного виноватою, и не столько передъ Горскимъ, сколько передъ собой, за то, что сблизилась съ такимъ восторженнымъ влюбленнымъ, но въ душѣ ея шевелился упрекъ противъ него за то, что своимъ безумнымъ поступкомъ онъ компрометировалъ ее. Положимъ, она не особенно обращаетъ вниманіе на то, что про нее говорятъ—такъ, по крайней мѣрѣ, она утверждала,—но въ данномъ случаѣ ей были непріятны сплетни и пересуды, которые непремѣнно появятся на ея счетъ. Въ выстрѣлъ по неосторожности никто не повѣритъ.

«Какъ однако онъ подурнѣлъ!—подумала снова Тина и, понимая умомъ, что надо что-нибудь сказать человѣку, который изъ-за нея стрѣлялся, и чѣмъ-нибудь его утѣшить, проговорила, стараясь придать своему голосу мягкій и задушевный тонъ:

— Ну какъ вы себя чувствуете, Борисъ Александровичъ?..

Онъ почувствовалъ и въ тонѣ этихъ словъ и въ глазахъ молодой дѣвушки скрытое равнодушіе. Онъ ждалъ, что она придетъ разстроенная, сознающая свою вину передъ нимъ... Онъ даже раньше думалъ, что она опустится передъ его кроватью на колѣни и скажетъ: «прости меня!», а она между тѣмъ...

— Ничего... хорошо... Лихорадка не велика... всего тридцать девять. Докторъ говоритъ, что этотъ дурацкій, случайный выстрѣлъ, по счастью, не задѣлъ легкаго... И я поправлюсь, непремѣнно поправлюсь!—возбужденно и словно бы съ вызовомъ къ кому-то проговорилъ Горскій.

И онъ теперь совсѣмъ другими глазами глядѣлъ на Тину... Въ его взглядѣ не чувствовалось любви...

Когда онъ посылалъ студента Скуратова за Тиной, ему казалось, что ему необходимо видѣть ее и сообщить ей что-то важное и значительное и о томъ, какъ онъ ее любитъ, и о томъ, какъ она хороша и прекрасна. Но потомъ онъ уже ни разу даже и не вспомнилъ о ней. Страхъ смерти и неодоли-

мая жажда жизни всецѣло охватили его, и все остальное не имѣло для него ни малѣйшаго значенія. Съ наивнымъ эгоизмомъ молодости онъ думалъ, что онъ не долженъ, не можетъ умереть, и съ отвращеніемъ вспомнилъ о револьверѣ. И когда врачъ, вынувшій пулю, обнадежилъ молодого человѣка, иронически посовѣтовавъ впредь осторожнѣе обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, онъ былъ полонъ радости и отвѣтилъ, что будетъ очень остороженъ. И въ эти нѣсколько часовъ лежанія въ больницѣ, при видѣ этихъ заботливыхъ лицъ врачей, сестеръ и сидѣлокъ, при мысли, что онъ могъ умереть, онъ точно прозрѣлъ и понялъ всю нелѣпость этого выстрѣла и ничтожность причины его. И любовь къ Тинѣ казалась чѣмъ-то позорнымъ именно за то, что изъ-за любви онъ стрѣлялся... А главное: ему хотѣлось жить. Просто жить: дышать воздухомъ, двигаться, видѣть все кругомъ—и больше ничего.

И теперь посѣщеніе Тины нисколько не обрадовало его. И ему нечего было сказать той самой дѣвушкѣ, которую, казалось, онъ такъ любилъ, что мысль о потерѣ ея ласки привела къ выстрѣлу. Здоровый, полный силъ, онъ считалъ близость съ Тиной высшимъ для себя счастіемъ и клялся у ея ногъ въ своей любви. Теперь же, больной, лишенный силъ и полный эгоизма жизни, онъ не только равнодушными глазами смотрѣлъ на свѣжее, румяное, хорошенькое ея лицо, на ея колыхавшуюся грудь, на ея маленькія бѣлыя руки, которыя онъ такъ любилъ цѣловать, но смотрѣлъ съ затаенной враждебностью и, глядя на нее, какъ на виновницу того, что произошло, онъ мысленно обвинялъ своего «ангела» въ чувственной распущенности, въ цинизмѣ ея теоріи «пріятныхъ ощущеній», и находилъ, что она безсердечная эгоистка, думающая только о себѣ, о своихъ наслажденіяхъ. Изъ-за нея онъ пересталъ читать, заниматься... Изъ-за нея онъ забылъ обо всемъ и только каждый день ожидалъ ее, чтобы проводить часы молча въ горячихъ поцѣлуяхъ, послѣ которыхъ она уходила, попрежнему смѣющаяся надъ его восторженностью.

Обвиняя и презирая Тину, по обычаю большинства мужчинъ, за то, что она была близка съ нимъ и отказывала выйти за него замужъ, и за то, что она его любила «низменно», ради «пріятныхъ впечатлѣній», а онъ, напротивъ, возвышенно и благородно, Горскій съ наивнымъ легкомысліемъ забывалъ, что и онъ самъ, какъ и Тина, на практикѣ осуществлялъ теорію пріятныхъ ощущеній, хотя и прикрывалъ ихъ сентиментальными фразами и клятвами. Онъ словно бы не понималъ или боялся понять, что и его любовь, съ которой онъ носился,

считая ее чистою, глубокою и сильною, была такимъ же одностороннимъ влеченіемъ. Недаромъ же она такъ скоро завяла при первомъ же испытаніи,—какъ только заглохла страсть въ больномъ человѣкѣ и инстинктъ самосохраненія поглотилъ все его существо.

И однако онъ считалъ себя правымъ. Онъ разлюбилъ, потому что она оказалась не такою, какою онъ ее хотѣлъ видѣть. Онъ былъ жертвой. Онъ чуть не погибъ изъ-за нея.

И оба они—еще утромъ опьяненные поцѣлуями—въ этотъ вечеръ чувствовали взаимную враждебность, но оба считали нужнымъ скрыть ее и притворяться, чтобы не обидѣть другъ друга.

Тину поразило это равнодушіе къ ней. Сама равнодушная къ Горскому, она втайнѣ сердилась, что онъ больше не ея вѣрноподданный рабъ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Горскій закрылъ глаза.

Наконецъ Тина спросила:

— Быть-можетъ, вы хотите спать, Борисъ Александровичъ?..

— Да... Вы меня извините... Я усталъ...

— Завтра я васъ опять навѣщу.

— Зачѣмъ вамъ безпокоиться, Татьяна Николаевна.

— Безпокойство небольшое...

— Все-таки... И вамъ будетъ скучно съ больнымъ...

И онъ не безъ усмѣшки прибавилъ:

— Вѣдь здѣсь вы не найдете пріятныхъ впечатлѣній... Одни только тяжелыя...

— Это что—упрекъ?

— Мнѣ не въ чемъ упрекать васъ...

— Ну полно, полно, не сердитесь, Борисъ Александровичъ, и простите, если считаете меня виноватой... Останемся друзьями. А пока до свиданія—до завтра. Покойной ночи.

Тина кивнула привѣтливо головой и торопливо ушла къ двери.

— Послушайте, Татьяна Николаевна!—окликнулъ ее Горскій.

Тина остановилась.

— Знаете ли, о чемъ я васъ попрошу?

— О чемъ?

— Не приходите больше ко мнѣ!

— Я больше не приду!—сказала Тина.

И вышла изъ комнаты оскорбленная.

Въ столовой она увидала сестру Горскаго, Вѣру Александровну Григорьеву, и съ ней студента Скуратова. Онѣ обмѣнялись холодными поклонами.

— Ѣдемъ, Инна!

— Что-жъ вы такъ недолго посидѣли у Бориса Александровича?—спросила «сестра».

— Боялась безпокоить больного. Прощайте!

Когда сестры надѣвали при помощи сидѣлки свои шубы, къ Тинѣ подошелъ Скуратовъ и, пожимая ея руку, сказалъ болѣе ласковымъ тономъ, чѣмъ говорилъ раньше:

— На два слова, Татьяна Николаевна.

И, когда Тина отошла съ нимъ въ сторону, студентъ таинственно проговорилъ:

— Когда можно принести вамъ маленькій пакетъ отъ Бориса Александровича?

Молодая дѣвушка догадалась, что это ея нѣсколько писемъ, и обрадованно отвѣтила:

— Завтра послѣ десяти часовъ утра. Благодарю васъ, г. Скуратовъ.

И сама тронула ему руку и крѣпко пожала ее.

— Я васъ до извозчика проведу. Позволите?

— Будемъ очень благодарны... Инна!.. Представляю тебѣ... Ваше имя?—обратилась молодая дѣвушка къ студенту.

— Викторъ Сергѣевичъ...

— Викторъ Сергѣичъ Скуратовъ. Онъ принесъ извѣстіе о Борисѣ Александровичѣ.

Инна протянула руку.

Они втроемъ спустились и вышли на дворъ.

Морозъ былъ порядочный. Инна Николаевна обратила вниманіе, что студентъ былъ въ лѣтнемъ пальто, и просила не провожать ихъ.

— Вы простудитесь...

— Я привыкъ... не безпокойтесь.

Онъ проводилъ дамъ до извозчика.

— А вы долго еще останетесь въ больницѣ? — спросила Инна Николаевна.

— До утра. Мы съ Вѣрой Александровной будемъ по очереди дежурить у Бориса Александровича.

— Развѣ онъ такъ опасенъ?

— Врачи надѣются... Но сестра не хочетъ оставлять его... Прощайте!..

— Ну, извозчикъ!.. Пожалуйста, скорѣй поѣзжай домой!— нетерпѣливо проговорила Тина.

— Постараюсь, барышня.

Извозчикъ погналъ лошадь. Прозябшая на морозѣ, она пошла крупной рысью.

Очутившись на воздухѣ, далеко отъ больницы, Инна Николаевна облегченно вздохнула. Сознаніе, что она здорова,

было теперь ей особенно радостно послѣ посѣщенія больницы.

— Ты что же, въ самомъ дѣлѣ, такъ мало посидѣла у Бориса Александровича?—спросила Инна Николаевна.

— Не къ чему было больше сидѣть.

— Но было объясненіе?

— Слава Богу, никакого. И какія объясненія?.. Человѣкъ сдѣлалъ глупость—довольно и этого!

— Онъ, конечно, обрадовался тебѣ?

— Напротивъ... Сказалъ, что хочетъ спать, и просилъ больше не приходить. Не угодно видѣть!—усмѣхнулась Тина.

— Это что значитъ?

— Точно ты не знаешь этихъ господъ, увѣряющихъ въ какой-то особенной любви?.. Меня, конечно, считаетъ виноватой, что стрѣлялся... Неблагодарное животное!—рѣзко прибавила Тина.

Обѣ примолкли.

Инна Николаевна вспомнила о Никодимцевѣ. Вотъ этотъ человѣкъ дѣйствительно любитъ. И при мысли, что она его потеряетъ послѣ своей исповѣди, ей сдѣлалось грустно. Она чувствовала, что привыкла къ нему, что онъ ей дороже, чѣмъ она думала. И онъ, конечно, этого не понимаетъ...

«Даже умные мужчины бываютъ глупы!»—мысленно проговорила она.

— А знаешь что, Инна?

— Что, милая?

— Я все-таки за Гобзина не выйду замужъ! — по-французски сказала она.

— Я въ этомъ не сомнѣвалась...

Извозчикъ остановился у подъѣзда. Тина отдала ему два рубля, и сестры поднялись наверхъ. У молодой дѣвушки былъ свой маленькій ключъ, которымъ она отворила двери.

Онѣ прошли къ матери. Та еще не спала и сидѣла за книгой въ своей новой маленькой комнатѣ.

— Хорошо ли прокатились, милыя мои? А папа грушъ привезъ... Отличныя... Кушайте...

Сестры просидѣли нѣсколько минутъ у матери, съѣли по грушѣ и, простившись, разошлись по своимъ комнатамъ.

Инна Николаевна тихо поцѣловала свою спящую дѣвочку, переодѣлась въ капотъ, уложенный фрейлейнъ, и присѣла къ письменному столу писать Никодимцеву.

Когда она окончила, пробило два часа. Глаза Инны Николаевны были влажны отъ слезъ. Но она чувствовала себя точно освобожденной отъ тяжести, облегчивъ свою душу исповѣдью передъ человѣкомъ, который заблуждался на ея счетъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

I.

Постѣ того, какъ молодой нѣмецъ-массажистъ добросовѣстно промассировалъ Козельскаго, Николай Ивановичъ взялъ, по обыкновенію, ванну и въ девять часовъ утра, свѣжій, выхоленный и благоухающій, пилъ у себя въ кабинетѣ кофе, просматривая телеграммы въ газетѣ.

Въ эту минуту вошелъ лакей и подалъ Козельскому пакетъ.

— Посыльный принесъ!—доложилъ слуга.

— Ждетъ отвѣта?

— Нѣтъ. Ушелъ.

Козельскій вскрылъ пакетъ. Въ немъ былъ нумеръ одной изъ газетъ мелкой прессы. Развернувъ газету, онъ увидѣлъ отчеркнутое краснымъ карандашомъ извѣстіе подъ заглавіемъ: «Попытка къ самоубійству».

Нѣсколько изумленный полученіемъ этой замѣтки, Козельскій прочиталъ слѣдующее:

«Вчера, въ двѣнадцать часовъ и 10 минутъ дня, выстрѣломъ изъ револьвера нанесъ себѣ рану въ грудь молодой и блестящій офицеръ Г. По счастію, рука его, вѣроятно, дрогнула въ послѣдній моментъ, и рана оказалась не смертельной. Молодого человѣка тотчасъ же отвезли въ больницу, гдѣ была извлечена пуля, какимъ-то чудомъ не задѣвшая легкаго. Есть надежда, что раненый останется живъ и наша армія не лишится одного изъ блестящихъ своихъ представителей. По собраннымъ нами достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, причина попытки къ самоубійству — романическаго характера. Не считая себя въ правѣ передавать непровѣренныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, мы тѣмъ не менѣе можемъ пока сообщить, что поручикъ Г. выстрѣлилъ въ себя вслѣдъ за тѣмъ, какъ отъ него ушла его невѣста, молодая дѣвушка необыкновенной красоты, дочь одного почтеннаго лица, занимающаго видное общественное положеніе. Мы слышали,— и дай Богъ, чтобы слухъ этотъ оказался несправедливымъ,—что молодая дѣвушка, получившая первоначально извѣстіе о томъ, что женихъ убилъ себя наповалъ, была такъ поражена, что сошла съ ума. Дальнѣйшія подробности сообщимъ завтра».

Его превосходительство прочиталъ еще разъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

«И какой мерзавецъ послалъ это!» — проговорилъ онъ, швырнувъ газету на полъ, и тотчасъ же позвонилъ.

— Татьяна Николаевна встали? — спросилъ онъ у лакея.

Слуга вышелъ и скоро вернулся съ докладомъ, что барышня встаютъ.

— Скажите барышниной горничной, чтобы она доложила Татьянѣ Николаевнѣ, что я ее прошу придти ко мнѣ, когда будетъ готова.

Козельскій поднялъ брошенный нумеръ газеты и спряталъ его въ карманъ. Затѣмъ онъ встревоженно взглянулъ въ «хронику» своей газеты. Оказалось, что и тамъ есть извѣстіе, но безъ всякихъ неприличныхъ комментаріевъ. Все дѣло приписывалось неосторожному обращенію при разрядѣ револьвера, и фамилія «молодого офицера» была обозначена буквою Z.

Козельскій не сомнѣвался, что извѣстіе было о Горскомъ, и молодой человѣкъ былъ обругань болваномъ.

«Нашелъ изъ-за чего стрѣляться!»

«Хороша и Тина! Дофлиртовалась-таки до газетнаго сообщенія!..»—думалъ Николай Ивановичъ, обозленный всей этой исторіей. И безъ того у него всякихъ дѣлъ по горло, а тутъ еще новая исторія. Расхлебывай ее. Поѣзжай къ редактору, объясняй, что репортеръ все навралъ, и требуй опроверженія.

И какъ у нихъ хватаетъ духу печатать такія пакости. Нечего сказать, пресса!

Козельскій допилъ свой кофе далско не въ томъ хорошемъ настроеніи, въ какомъ началъ, и былъ раздраженъ противъ Тины. Замужъ не выходитъ, а бѣгаетъ въ гости къ молодому балбесу, что̀ за распущенность! Что̀ за неосторожность! Хоть бы мать съ отцомъ пожалѣла, если себя не жалѣетъ. Навѣрное, она бѣгала къ Горскому цѣловаться. То-то въ послѣднее время онъ рѣдко показывался, а прежде торчалъ каждый день...

«Надо съ ней серьезно поговорить!»—рѣшилъ Козельскій.

Но когда въ исходѣ десятаго часа въ кабинетъ вошла Тина и, поцѣловавъ отца въ лобъ, спросила, нѣсколько смущенная: «Ты меня звалъ, папа?» — Козельскій ужъ отошелъ и, глядя на свою цвѣтущую, пригожую дочь съ обычною мягкостью, проговорилъ:

— Присядь-ка, Тина, и объясни мнѣ, что̀ значитъ эта нелѣпая замѣтка, которую я только-что получилъ. Есть ли въ ней капля правды?..

Тина присѣла въ кресло и стала читать поданную отцомъ газету.

— Какъ глупая гадость!—проговорила она, возвращая отцу нумеръ.—Какъ видишь, я не сошла съ ума!—прибавила она, пробуя улыбнуться.

— А Горскій стрѣлялся?

— Да. Мы вчера съ Инной были у него. Говорятъ, будетъ живъ.

— Этакій дуракъ! А стрѣлялся, конечно, изъ-за тебя?

— Всегда свою глупость хочется свалить на другихъ... Я отказалась выйти за него замужъ.

— И умно сдѣлала... Неумно только одно, Тина, если только правда, что̀ сообщаютъ въ замѣткѣ, будто ты ходила къ Горскому.

— Это правда, папа. И это мое личное дѣло.

— Мнѣ кажется, не совсѣмъ. Пока ты не замужемъ, до твоихъ поступковъ есть маленькое дѣло отцу и матери... Подумай объ этомъ, Тина, и... побереги хоть маму... Вотъ все, что̀ я хотѣлъ сказать тебѣ, и ты не сердись за эти слова... А я сейчасъ поѣду къ редактору и заставлю, чтобы не было дальнѣйшихъ подробностей... Я думаю, и тебѣ нежелательно доставлять своей особой матеріалъ репортерамъ и темы для сплетенъ... Нежелательно это и мнѣ... Надѣюсь, мама ничего не будетъ знать...

Дочь ушла. Она не сердилась, но всѣ эти нравоученія отца казались ей фальшивыми.

«Самъ-то онъ хорошъ!»—подумала она и, войдя въ столовую, съ особой нѣжностью обняла и поцѣловала мать.

II.

Козельскій, по обыкновенію, справился со всѣми дѣлами: получилъ по чеку, уплатилъ по векселю, посидѣлъ часъ на службѣ, былъ у редактора и уговорилъ напечатать опроверженіе, поѣлъ въ Милютиныхъ лавкахъ устрицъ, показался на нѣсколько минутъ въ правленіи, купилъ у Фаберже кольцо для Ордынцевой и въ англійскомъ магазинѣ накупилъ для своихъ три штуки матеріи на платье, перчатокъ, носовыхъ платковъ и духовъ, цѣлый ворохъ игрушекъ для внучки и вернулся домой около пяти часовъ, чтобы порадовать своихъ дарами, переодѣться и ѣхать въ Гостиный дворъ къ магазину Вольфа встрѣтить Ордынцеву.

Козельскій любилъ дѣлать подарки и умѣлъ ихъ дѣлать, зная вкусъ жены и дочерей.

Онъ объявилъ всѣмъ, что неожиданно получилъ долгъ, и съ обычной своей деликатной манерой сунулъ пакетики съ деньгами женѣ и дочерямъ и затѣмъ вручилъ имъ подарки...

— Это вмѣсто рождественскихъ, пока деньги есть!—шутя говорилъ онъ.

И, незамѣтно мигнувъ Тинѣ, ушелъ въ кабинетъ и, когда она пришла, сказалъ ей, что завтра будетъ въ газетѣ опроверженіе и, поцѣловавъ ее, промолвилъ:

— Гобзинъ собирается тебѣ дѣлать предложеніе. Спрашивалъ моего совѣта. Что ему отвѣтить?

— Чтобы онъ не трудился.

— Рѣшительно?

— Рѣшительно. Онъ мнѣ не нравится...

— Не нравится такъ и говорить нечего... Я такъ ему и скажу...

Они вмѣстѣ вернулись въ столовую. Всѣ дамы заявили, что все купленное имъ превосходно и очень имъ нравится, и этимъ очень обрадовали Козельскаго. Онъ пошелъ переодѣваться, посидѣлъ необыкновенно нарядный въ смокингѣ, за столомъ, пока обѣдали, и въ половинѣ шестого уѣхалъ, объявивъ женѣ, что, вѣрно, послѣ обѣда придется играть въ карты.

Когда онъ ушелъ, Антонина Сергѣевна горячо проговорила:

— Какой папа добрый и какой заботливый...

Къ вечеру Инна снова перечитала свое письмо, вложила его въ конвертъ и ходила по гостиной въ ожиданіи Никодимцева, грустная, такъ какъ не сомнѣвалась, что это свиданіе будетъ послѣднее. Послѣ письма онъ больше не пріѣдетъ. И, думая объ этомъ, тоска охватывала молодую женщину и на глаза навертывались слезы.

Наконецъ ровно въ восемь часовъ затрещалъ звонокъ.

«Принимаютъ?»—услышала она голосъ Никодимцева.

Инна сѣла на диванъ, стараясь побороть охватившее ее волненіе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

I.

Какъ только Никодимцевъ вошелъ въ гостиную, Инна Николаевна тотчасъ же замѣтила въ его лицѣ какое-то новое для нея выраженіе смущенной озабоченности и серьезности. И это заставило ее, мнительную, подавить въ себѣ радость при встрѣчѣ и поздороваться съ нимъ далеко не такъ дружески, какъ она хотѣла.

Въ свою очередь, и отъ Никодимцева не укрылось ни тревоги при его появленіи, ни холодности встрѣчи, ни испуганно-недовѣрчиваго взгляда молодой женщины.

И, какъ это часто бываетъ между мнительными и самолюбивыми людьми, каждый изъ нихъ объяснялъ къ своей невыгодѣ настроеніе другого. Инна Николаевна рѣшила, что Никодимцевъ совсѣмъ иначе къ ней относится, узнавши, вѣроятно, объ ея промахѣ, а Никодимцеву показалось, что Инна Николаевна догадалась объ его привязанности, и что это ей непріятно.

Каждый словно бы испугался другого, и между ними вдругъ появилась боязливая сдержанность, сразу измѣнившая задушевный характеръ ихъ отношеній.

— Я не задержу долго васъ, Инна Николаевна, — заговорилъ Никодимцевъ, присаживаясь въ креслѣ послѣ того, какъ съ аффектированной почтительностью поклонился ей и пожалъ ей руку.—Я позволилъ себѣ побезпокоить васъ, чтобы сообщить о готовности вашего мужа на разводъ. По крайней мѣрѣ одинъ мой пріятель, адвокатъ, котораго я вчера видѣлъ и просилъ повидаться съ вашимъ супругомъ, вынесъ такое впечатлѣніе. Если вамъ будетъ угодно, я попрошу этого адвоката пріѣхать къ вамъ, и онъ охотно возьмется вести ваше дѣло. Онъ человѣкъ вполнѣ порядочный, и вы можете смѣло на него положиться.

— Мнѣ, право, совѣстно, Григорій Александровичъ, пользоваться вашими услугами, не имѣя на нихъ никакихъ правъ кромѣ вашей любезности... Спасибо вамъ и за паспортъ и за адвоката... Я, конечно, возьму его.

— Вы преувеличиваете цѣну моихъ услугъ, Инна Николаевна...

Инна Николаевна вспомнила объ исторіи у Донона и хотѣла-было поблагодарить Никодимцева, но что-то ее удержало... Въ письмѣ своемъ она писала и объ этомъ... Онъ прочтетъ и пойметъ, какъ она высоко ставитъ его рыцарскій поступокъ и какъ вообще она ему благодарна... Къ чему говорить?.. Да и нужно ли отдавать письмо... теперь, когда Никодимцевъ и безъ того перемѣнился...

Онъ просидѣлъ нѣсколько минутъ въ мрачномъ настроеніи и сталъ прощаться.

— Уже?—вырвалось у Инны Николаевны.

Это восклицаніе словно бы удивило Никодимцева.

— Мнѣ казалось, что я ужъ и такъ надоѣлъ вамъ, Инна Николаевна!—сказалъ онъ.

— Съ чего вы это взяли?..—краснѣя, промолвила Инна.

— Это чувствуется...

— А мнѣ казалось, что вы ужъ не прежній мой другъ...

— Я!? Какъ вы могли это подумать?

— Такъ же, какъ и вы... И, признаюсь, мнѣ это было больно, хотя я этого и ждала...

— Ждали?.. За кого же вы меня принимали, Инна Николаевна?

И онъ взглянулъ на Инну Николаевну съ такою нѣжностью, что она просіяла и воскликнула:

— Такъ оставайтесь... посидите еще... Посидите подольше...

И разскажите, отчего вы сегодня такой озабоченный и серьезный. Я подумала, что вы имѣете что-то противъ меня... Теперь вижу, что нѣтъ... Вижу!—обрадованно повторила Инна Николаевна.

Въ эту минуту ему что-то сказало, что молодая женщина дѣйствительно расположена къ нему и имъ дорожитъ... «Конечно, какъ другомъ»,—поспѣшилъ онъ мысленно прибавить, не смѣя и думать объ иномъ отношеніи...

И, просвѣтлѣвшій отъ радости, что онъ можетъ любить эту женщину, не возбуждая въ ней чувства непріязни, счастливый, что можетъ видѣть ее и говорить съ нею, онъ опустился въ кресло и сказалъ:

— Васъ удивило, что я пріѣхалъ озабоченный?

— Да... Вы сегодня были какой-то особенный, какъ вошли...

— Немудрено. Утромъ сегодня я неожиданно получилъ предложеніе ѣхать съ особеннымъ порученіемъ въ мѣста, пострадавшія отъ неурожая.

— И вы... согласились, конечно?

— Разумѣется. Развѣ вы не одобряете моего согласія, Инна Николаевна?

— Напротивъ... Вполнѣ, и увѣрена, что вы дѣйствительно поможете...

— Работать буду, сдѣлаю все, что могу, но... едва ли сдѣлаю все то, что нужно сдѣлать, и это меня тревожитъ... Нужда, вѣроятно, велика, а средствъ мало... А здѣсь думаютъ нѣсколько иначе и, вѣрно, ждутъ, что я пришлю успокоительныя донесенія... Но я предупредилъ, что правды не скрою... Я хоть и чиновникъ, Инна Николаевна, но сохранилъ въ себѣ немножко независимости! — горделиво прибавилъ Никодимцевъ.—Настолько, по крайней мѣрѣ, чтобы не называть черное бѣлымъ!—объяснилъ онъ.

Инна Николаевна съ горделивымъ чувствомъ глядѣла на возбужденное энергичное лицо Никодимцева и про себя подумала:

«И этотъ человѣкъ меня любитъ!»

И ей хотѣлось, чтобъ онъ любилъ, и въ то же время мысль, что послѣ письма онъ перестанетъ ее любить, наполняла сердце ея тоской.

— И надолго вы ѣдете?—спросила она.

— На мѣсяцъ, два, три, четыре... не знаю... Знаю только, что непріятностей предстоитъ много, и что нравственнаго успокоенія будетъ мало...

— Отчего?..

— Во-первыхъ, оттого, что одинъ въ полѣ не всегда воинъ,

а во-вторыхъ, оттого, что мы, чиновники, боимся общественнаго участія... Деньги возьмемъ, но для того, чтобы допустить людей, желающихъ работать, будемъ прежде узнавать: угодны ли эти люди мѣстному начальству или не угодны... И наконецъ, развѣ помочь голодающимъ значитъ принять радикальныя мѣры?.. Развѣ можно быть увѣреннымъ, что голодъ снова не повторится и что люди не будутъ пухнуть и умирать, хотя нѣкоторыя газеты и будутъ повторять, что мы шагаемъ гигантскими шагами впередъ.

— Но развѣ вы, занимая такое мѣсто, ничего не можете сдѣлать, чтобы ваши идеи осуществились?

Никодимцевъ горько усмѣхнулся.

— Вы думаете, мы всемогущи? Мы всемогущи дѣлать зло, а чтобы дѣлать добро, для этого у меня слишкомъ мало власти и вліянія. И знаете ли что, Инна Николаевна? Иногда спрашиваешь себя: для чего цѣлые дни работаешь, прочитывая и подписывая ворохи бумагъ? Есть ли кому отъ этого какая-нибудь польза?.. Дѣйствительно ли наши мѣропріятія, входя въ жизнь, облегчаютъ существованіе тѣхъ людей, которымъ нужно облегченіе? Въ такія минуты беретъ сомнѣніе... и становится жутко... И въ работѣ, неустанной работѣ хочется забыться... Спасибо вамъ... вы заставили меня почувствовать, что есть жизнь, скрасивши своей дружбой мое чиновническое одиночество и, даже болѣе, научивши познать тщету честолюбія... И я этого никогда не забуду... Никогда!—серьезно и значительно прибавилъ Никодимцевъ.

Инна Николаевна молчала, смущенная и счастливая.

А Никодимцевъ продолжалъ:

— И мнѣ будетъ недоставать вашего общества, когда я уѣду... Я уже къ нему привыкъ... Работа работой, а дружба дружбой... И не найдете ли вы дерзостью съ моей стороны, если я попрошу позволенія писать вамъ изрѣдка?

— Я буду очень рада, но... вы меня принимаете не за ту, какая я есть!—неожиданно проговорила Инна Николаевна.

— Вы опять за старое...

— Я вамъ серьезно говорю... Мнѣ тяжело пользоваться вашимъ расположеніемъ, вашей дружбой... Разсказывать свою жизнь мнѣ стыдно, слышите ли, стыдно!.. Такъ лучше прочтите...

И съ этими словами Инна Николаевна подала Никодимцеву пакетъ.

— Прочитайте и уничтожьте письмо. Слышите, Григорій Александровичъ!

— Слушаю, Инна Николаевна.

— А теперь, пока еще мы друзья, разскажите мнѣ о себѣ.

— Я всегда останусь вашимъ вѣрнымъ другомъ.

Инна Николаевна взглянула на Никодимцева долгимъ грустнымъ взглядомъ.

— Вы ослѣплены мной, Григорій Александровичъ,—промолвила она.—И это меня тревожило... Вы не изъ тѣхъ людей, мнѣніями которыхъ не дорожишь... Но я слишкомъ самолюбива, чтобы оставлять васъ въ заблужденіи... Послѣ письма оно пройдетъ... А поѣздка поможетъ вамъ основательно забыть меня.

Никодимцевъ не могъ и представить себѣ въ эту минуту, что̀ могло бы заставить его забыть эту очаровательную женщину, искреннюю и правдивую, страдающую отъ сознанія ошибки своего замужества. Ужъ самое это письмо—что̀ бы въ немъ ни было—показываетъ честную натуру.

И онъ съ восторженностью юноши отвѣтилъ:

— Это невозможно...

— Все возможно.

Инна промолчала, опустивъ голову.

А Никодимцевъ благоговѣйно любовался ею и тоскливо подумалъ:

«О, если бы онъ былъ моложе!»

Тогда, быть-можетъ, она отозвалась бы на его любовь и согласилась быть его женой... При одной этой мысли онъ внутренно затрепеталъ отъ счастья.

— Зачѣмъ мы съ вами раньше не встрѣтились, Григорій Александровичъ? — проговорила вдругъ Инна Николаевна, словно бы отвѣчая на мысли Никодимцева.

Никодимцевъ густо покраснѣлъ.

— Раньше?.. Развѣ и теперь, когда я старъ и одинокъ, мнѣ менѣе дорого ваше позволеніе быть вашимъ другомъ...

— Вы не поняли меня. Тогда я была другая и стоила бы вашей дружбы... И... и, быть-можетъ, долгой, прочной дружбы,— чуть слышно прибавила молодая женщина.

Никодимцевъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

То, что̀ онъ считалъ невозможнымъ, о чемъ не осмѣливался мечтать, теперь вдругъ не казалось ему несбыточной мечтой. Слова Инны Николаевны были для него неожиданнымъ откровеніемъ чего-то необыкновенно свѣтлаго и счастливаго...

Но оно продолжалось нѣсколько мгновеній. Яркій свѣтъ блеснулъ во мракѣ ночи и погасъ.

Мнительный и самолюбивый, онъ тотчасъ же посмѣялся надъ собой. Не можетъ же она, въ самомъ дѣлѣ, дорожить его любовью и полюбить его? Ему сорокъ два; ей двадцать

шесть, двадцать семь. Онъ некрасивъ, неинтересенъ; она— прелестна.

И, принимая ея послѣднія слова за кокетливую обмолвку, онъ сдѣлалъ видъ, что не понялъ ихъ, и, стараясь скрыть волнующія его чувства, проговорилъ:

— Предоставьте мнѣ знать васъ такою, какая вы есть, Инна Николаевна... И знайте, что я упоренъ въ своихъ заблужденіяхъ!—прибавилъ онъ.

— Вижу!—съ улыбкой проронила она.—Ну, а теперь разскажите о себѣ... Какъ это вы ухитрились остаться такимъ... такимъ....

— Какимъ?..

— Такимъ не изгаженнымъ, какъ бо́льшая часть мужчинъ... и не педантомъ-чиновникомъ, какъ бо́льшая часть чиновниковъ.

— Быть-можетъ, отъ этого я и одинокъ, какъ видите, и исторія моей жизни—исторія одного изъ очень обыкновенныхъ людей, отличающихся отъ другихъ лишь тѣмъ, что я мечталъ когда-то о большомъ личномъ счастьѣ и потому не получилъ никакого... Но въ этомъ случаѣ я предпочитаю лучше ничего, чѣмъ немного. Да и вообще мой формулярный списокъ не богатъ приключеніями сколько-нибудь интересными, по крайней мѣрѣ для чиновника... Хотите все-таки познакомиться съ моимъ формуляромъ?

— Еще бы!

— Въ такомъ случаѣ начинаю, обѣщая не злоупотреблять вашимъ вниманіемъ...

— Напротивъ, злоупотребляйте...

— Такъ я начну съ самыхъ дорогихъ воспоминаній...

— О первой своей любви?

— Нѣтъ, Инна Николаевна... Самыя дорогія мои воспоминанія относятся къ моему отцу и къ моей матери... Это были чудные, добрые люди. До сихъ поръ бывшіе ученики одной изъ кіевскихъ гимназій съ любовью и съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаютъ о своемъ директорѣ. Да, Инна Николаевна, я имѣю большое и рѣдкое счастье гордиться родителями и благоговѣйно чтить ихъ память... Когда-нибудь, если позволите, я привезу вамъ ихъ портреты... Вы увидите, что это за открытыя, добрыя лица!.. Вся жизнь ихъ обоихъ была исполненіемъ долга и проявленіемъ дѣятельной любви. Отецъ былъ идеалистомъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова и даже въ суровыя николаевскія времена сумѣлъ сохранить въ себѣ чувство достоинства и былъ гуманнымъ педагогомъ, часто рискуя остаться безъ мѣста, и безъ куска хлѣба. Это былъ скромный,

незамѣтный герой, не сознающій своего геройства... И въ этомъ помогала ему мать, до старости лѣтъ питавшая къ нему восторженную привязанность, почти влюбленность. Она была его вѣрнымъ товарищемъ и въ хорошіе и въ дурные дни жизни... Она бодрила его своимъ сочувствіемъ, согрѣвала своей любовью... Это была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ супружескихъ паръ, которая олицетворяетъ идеалъ брака. Отецъ любилъ разъ въ жизни и только—мою мать. Мать только отца.

— Такъ только и должно любить!—вырвалось у Инны Николаевны...

— Примѣръ ихъ — былъ лучшей школой. И если у меня есть какія-нибудь правила, если я, несмотря на среду, въ которой живу, сохранилъ въ себѣ подобіе человѣка и не сдѣлался безшабашнымъ человѣкомъ 20 числа, если я умѣю работать, если я смотрю на бракъ серьезно и, какъ вы сказали, не изгаженъ совсѣмъ, — то всѣмъ этимъ я, главнымъ образомъ, обязанъ имъ... Не словамъ ихъ, нѣтъ,—они вообще мало поучали,—а примѣру... Вы простите, Инна Николаевна, что я такъ увлекся и такъ много говорю о своихъ... Но мнѣ такъ хочется говорить о нихъ и говорить вамъ... Ни съ кѣмъ я не дѣлился этими воспоминаніями... Вы позволили и... пеняйте на себя...

— Что вы? Говорите, говорите! Горячее вамъ спасибо, что вы со мною дѣлитесь вашими свѣтлыми воспоминаніями... И знаете ли что, Григорій Александровичъ?

— Что?

— Вѣдь вы—счастливецъ!—съ чувствомъ зависти воскликнула Инна Николаевна, невольно припоминая свое дѣтство и отрочество.

О, она дома видѣла совсѣмъ непохожее на то, о чемъ говорилъ Никодимцевъ. Она видѣла почти всегда грустную и обиженную мать, слышала сцены ревности, слезы и рыданія, и мягкій, успокаивающій голосъ обманывающаго отца... Она не знала серьезнаго отношенія къ себѣ... только слышала, что она хорошенькая... За ней ухаживали, когда ей было четырнадцать лѣтъ... А потомъ...

— Разсказывайте, разсказывайте, Григорій Александровичъ!—проговорила съ жадной порывистостью Инна Николаевна, словно бы боясь своихъ воспоминаній.

— Конецъ жизни отца былъ не легкій... Онъ былъ исключенъ изъ службы безъ пенсіи, какъ безпокойный человѣкъ, и жилъ уроками... А я въ то время кончалъ университетъ, мечтая объ ученой карьерѣ, но вмѣсто этого отдалъ дань молодости, былъ исключенъ изъ университета, прожилъ два

года на сѣверѣ, и когда вернулся, отецъ умеръ, а черезъ полгода умерла и мать... Экзаменъ мнѣ держать позволили, но объ ученой карьерѣ думать было нечего, и я сдѣлался чиновникомъ... И, какъ видите, ухитрился дослужиться до директора департамента безъ протекціи и связей... Меня держатъ въ качествѣ человѣка, умѣющаго работать и много и скоро и не претендующаго на что-нибудь высшее...

— А ваше честолюбіе?..

— Было, да прошло...

— Почему?

— А потому, что синицѣ моря не зажечь, Инна Николаевна, а, напротивъ, самой попасть въ море... А быть подобной синицей—въ этомъ мало любопытнаго.

— Но, говорятъ, васъ назначаютъ товарищемъ министра, Григорій Александровичъ?

— Да, говорятъ, но никто не спрашиваетъ: соглашусь ли я принять такую должность?.. Впрочемъ, я думаю, что послѣ моей командировки меня не сочтутъ пригоднымъ на такой постъ... Я не изъ большихъ дипломатовъ, Инна Николаевна, и съ радостью принялъ бы мѣсто, на которомъ можно было бы подумать и о душѣ. Заработался я очень... Усталъ... А главное—работа ужъ не такъ захватываетъ меня... Ну, вотъ вамъ и мой формулярный списокъ...

— Онъ неполонъ... А ваши увлеченія?

— Ихъ не было. Была одна привязанность въ молодости.

— Отчего же вы не женились?

— Собирался... женихомъ былъ...

— И что же?

— Какъ видите, остался холостякомъ...

— Вы отказались?

— Я... И за три дня до свадьбы...

— Почему?..

— Когда-нибудь я разскажу вамъ этотъ грустный эпизодъ изъ моей жизни... А пока скажу вамъ только, что я не раскаивался и, главное, я не разбилъ чужой жизни... Бывшая моя невѣста вышла скоро замужъ за богатаго человѣка и, вѣрно, была благодарна мнѣ, что я взялъ свое слово назадъ...

— И вы ее любили?

— А то какъ же? Развѣ иначе я сдѣлалъ бы предложеніе?

— И скоро ее забыли?..

— Я вообще забываю не скоро.

— Она была хороша?

— Мнѣ нравилась.

— Блондинка или брюнетка?

— Скорѣе блондинка...

— И вы съ ней больше не встрѣчались?

— Года три не встрѣчался.

— Избѣгали?

— Нѣтъ, не случалось.

— А потомъ?

— Какъ-то встрѣтился. Изрѣдка встрѣчаю ее и теперь у однихъ знакомыхъ...

— Она еще хороша? — съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ допрашивала Инна Николаевна.

— Кажется, недурна...

— Ей сколько лѣтъ?

— Тридцать пять... Но отчего эта особа васъ такъ интересуетъ, Инна Николаевна? — неожиданно спросилъ Никодимцевъ.

Молодая женщина слегка покраснѣла и торопливо отвѣтила:

— Сейчасъ и видно, что вы мало наблюдали насъ, женщинъ....

— А почему это видно?

— Да потому, что вы не знаете главнаго нашего порока.

— Какого?

— Любопытства...

Въ эту минуту вошелъ лакей и доложилъ, что чай готовъ. Инна Николаевна пригласила Никодимцева въ столовую.

II.

Тамъ сидѣли: Козельская, Тина и рядомъ съ ней красавецъ-студентъ Скурагинъ.

Онъ только-что принесъ Татьянѣ Николаевнѣ запечатанный конвертъ съ ея нѣсколькими письмами къ Горскому, извиняясь, что утромъ, какъ обѣщалъ, принести не могъ, такъ какъ цѣлый день оставался при больномъ. Ему сдѣлалось хуже—поднялась температура.

Обрадованная, что письма въ ея рукахъ, Татьяна Николаевна не обратила, казалось, особеннаго вниманія на то, что бывшему ея обожателю стало хуже, и пригласила юношу напиться чаю. Онъ сперва отказывался. Ему некогда, онъ опять пойдетъ въ больницу,—но молодая дѣвушка съ такою чарующей простотой просила его остаться хоть на полчаса и отогрѣться послѣ мороза, что студентъ, переконфуженный отъ такой любезности, согласился и не замѣтилъ, конечно, мелькнувшаго въ глазахъ дѣвушки хищнически-торжествующаго выраженія, какое бываетъ у кошки, увѣренной, что мыши не миновать ея лапъ.

— Не говорите, пожалуйста, при мамѣ ни слова о Борисѣ Александровичѣ. Мы отъ нея скрываемъ, что онъ ранилъ себя. Мама очень нервна, и всякое волненіе для нея опасно.

Съ этими словами она бросила конвертъ на письменный столикъ и повела гостя въ столовую.

— Викторъ Сергѣичъ Скурагинъ!—назвала она гостя матери и, когда они обмѣнялись рукопожатіями, прибавила:—налей, пожалуйста, мамочка, Виктору Сергѣичу чаю... Онъ прозябъ... Ну, садитесь и кушайте... Я страшно проголодалась.

Татьяна Николаевна посадила Скурагина около себя и, наложивъ на двѣ тарелочки по горкѣ маленькихъ сандвичей, одну поставила передъ нимъ, а другую около себя. Вслѣдъ затѣмъ она передала ему стаканъ чаю, подвинула сливки и лимонъ и проговорила:

— Сандвичи очень вкусны съ чаемъ!

Скурагинъ былъ подавленъ гостепріимствомъ и, въ качествѣ благодарнаго человѣка, считалъ своимъ долгомъ поскорѣе съѣсть все то, что ему было положено, и выпить стаканъ чаю.

И Татьяна Николаевна имѣла возможность видѣть ослѣпительно-бѣлые зубы студента и втайнѣ восхищаться его застѣнчивостью и красотою его серьезнаго лица и его глазами, ясными, словно бы глядящими куда-то вдаль.

— Хотите еще сандвичей?

— О, нѣтъ... благодарю васъ!—испуганно проговорилъ онъ.

— А чаю?—спросила, улыбаясь, Тина.

— Чаю позвольте! — отвѣтилъ Скурагинъ и, перехвативъ улыбку дѣвушки, сдѣлался еще напряженнѣе и строже.

Въ эту минуту появились Никодимцевъ и Инна.

Никодимцевъ поздоровался со всѣми съ нѣкоторою застѣнчивостью человѣка, стѣсняющагося въ малознакомомъ обществѣ. Но скоро это стѣсненіе прошло, и Никодимцевъ невольно перенесъ частицу своей привязанности къ Иннѣ Николаевнѣ на мать и на сестру. И Скурагинъ, съ которымъ познакомила Никодимцева Татьяна Николаевна, очень ему понравился. Его замѣчательно красивое лицо невольно обращало на себя вниманіе своей одухотворенностью, и самъ онъ, серьезный и застѣнчивый, видимо, и не сознавалъ, какъ онъ хорошъ.

— Два куска сахару и не крѣпкій чай Григорію Александровичу, мама!—замѣтила Инна Николаевна, хорошо изучившая привычки Никодимцева.

Антонина Сергѣевна налила чай и съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ взглядывала на Никодимцева, вспоминая разговоръ мужа о томъ, что онъ влюбленъ въ Инну. И некрасивое лицо

его казалось теперь ей и интереснымъ и моложавымъ, особенно молоды были черные небольшіе глаза. И вообще онъ ей казался очень хорошимъ человѣкомъ уже потому, что любилъ ея дочь, и потому, что, кромѣ того, представлялъ собою блестящую «партію» для Инны. «Не сидѣть же ей въ разводкахъ!»— думала она и отъ души желала, чтобы Никодимцевъ понравился Иннѣ и чтобы она вышла за него замужъ. Съ такимъ человѣкомъ она будетъ счастлива и забудетъ неудачу прежняго своего замужества.

Тина, напротивъ, находила, что Никодимцевъ и некрасивъ, и не молодъ, и «прѣсенъ», и слишкомъ серьезенъ для сестры какъ мужъ, и что если она и женитъ его на себѣ, то ей будетъ трудно вести прежній образъ жизни и, не стѣсняясь, имѣть любовниковъ. Этотъ господинъ не отнесется къ увлеченіямъ жены съ философской терпимостью идіота Левы. Онъ потребуетъ любви на всю жизнь и не позволитъ Иннѣ выбирать себѣ знакомыхъ для разнообразія впечатлѣній.

«Не моего онъ романа!»—высокомѣрно рѣшила Татьяна Николаевна.

Вотъ ея сосѣдъ, красивый какъ богъ, молодой и цвѣтущій, могъ быть желаннымъ героемъ ея новаго романа. Увлечь его, влюбить въ себя и отдаться поцѣлуямъ этого цѣломудреннаго, строгаго юноши—было бы однимъ изъ чудныхъ впечатлѣній жизни!..—думала Татьяна Николаевна и съ самымъ наивнымъ видомъ допивала вторую чашку, аппетитно заѣдая чай сандвичами.

Разговоръ сперва шелъ вяло.

Антонина Сергѣевна жаловалась на петербургскую погоду и на петербургскую жизнь. Какая-то вѣчная суета, погоня за развлеченіями, и нѣтъ настоящей семейной жизни, нѣтъ, знаете ли, этого круглаго стола, за которымъ вечеромъ собираются всѣ члены семейства. Надъ этимъ смѣются теперь, а между тѣмъ какъ тепло у такого семейнаго очага... Жаловалась Антонина Сергѣевна и на то, что въ Петербургѣ мало истинныхъ друзей. Эти жалобы были ея конькомъ, какъ и воспоминанія о томъ времени, когда они жили въ «милой провинціи», которая такъ нравилась Антонинѣ Сергѣевнѣ, главнымъ образомъ потому, что тамъ ея любимый Ника еще ее не обманывалъ.

Никодимцевъ съ почтительнымъ вниманіемъ слушалъ эти ламентаціи, отхлебывая чай и изрѣдка подавая реплики. Онъ не испытывалъ скуки только потому, что чувствовалъ присутствіе Инны Николаевны.

А студентъ, уже допившій чай, мысленно бранилъ себя, что

затесался къ этимъ «буржуямъ», и, не рѣшаясь встать, попрощаться и уйти, сосредоточенно и упорно молчалъ.

— А вы любите Петербургъ, Григорій Александровичъ? — обратилась къ нему съ вопросомъ Татьяна Николаевна.

— Не люблю.

— А вы, Викторъ Сергѣичъ?

— Терпѣть не могу!—проговорилъ, весь вспыхивая, Скурагинъ.

Всѣ невольно улыбнулись.

— Зачѣмъ же вы живете здѣсь? Вы сами, вѣрно, не петербуржецъ?

— Я уроженецъ Курской губерніи. А развѣ въ другихъ городахъ лучше жить? Здѣсь все-таки заниматься удобнѣе, и публичная библіотека есть.

— И вы, вѣрно, много работаете?

— Приходится!—скромно вымолвилъ студентъ.

— Вы на филологическомъ?

— Я—математикъ.

— На первомъ курсѣ?

— На третьемъ.

— Простите... Я думала...

«И чего она пристаетъ? И чего я сижу здѣсь!?»—спросилъ себя Скурагинъ и рѣшилъ тотчасъ же улизнуть, какъ встанутъ изъ-за стола. Ничего поучительнаго и интереснаго онъ не находилъ здѣсь, и красота обѣихъ сестеръ не произвела на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Онъ не зналъ сущности отношеній Тины съ Горскимъ. Зналъ только, что Горскій былъ въ нее влюбленъ и что стрѣлялся изъ-за нея. Объ этомъ ему сказалъ Горскій, когда онъ прибѣжалъ изъ сосѣдней комнаты на выстрѣлъ, но что̀ именно побудило его желать смерти, о томъ артиллеристъ умолчалъ. Но зато сестра его не особенно дружелюбно говорила о молодой дѣвушкѣ, и Скурагинъ понялъ изъ словъ Леонтьевой, что Козельская не любила ея брата, а только кокетничала, и Скурагинъ самъ убѣдился въ этомъ сегодня по тому равнодушію, съ какимъ она приняла извѣстіе объ ухудшеніи здоровья Бориса Александровича.

«Пустая барышня!»—мысленно окрестилъ ее Скурагинъ и въ то же время рѣшилъ, что виновата не она, что она пустая, а виновата совокупность разныхъ условій жизни, которыя даже молодыхъ людей дѣлаютъ пустыми и эгоистичными и не желающими искать правды.

— Такъ Петербургъ вамъ не милъ, Григорій Александро-

вичъ?—спросила Никодимцева въ свою очередь и Инна Николаевна.

— Не особенно, какъ городъ спеціально чиновничій...

— И это говоритъ самъ важный чиновникъ?—подсмѣялась младшая сестра.

— Зато вы скоро избавитесь отъ немилаго вамъ Петербурга, Григорій Александровичъ! — проговорила Инна Николаевна съ скрытымъ упрекомъ въ голосѣ.

— Развѣ вы уѣзжаете?—спросила Козельская.

— Да... уѣзжаю.

— И надолго?

— Мѣсяца на два-три...

— За границу?.. Отдыхать?

— О, нѣтъ! Для этого я не избавился бы отъ Петербурга, какъ говоритъ Инна Николаевна,—подчеркнулъ Никодимцевъ, словно бы желая показать несправедливость ея упрека:—я ѣду въ голодающія губерніи.

— На голодъ?—со страхомъ и изумленіемъ переспросила Антонина Сергѣевна, почему-то увѣренная, что на голодъ могутъ только ѣхать студенты и студентки, незначительные чиновники и вообще люди, не имѣющіе хорошаго общественнаго положенія.

— Да.

— Но послушайте, Григорій Александровичъ, что вамъ за охота ѣхать на голодъ?.. Вы могли бы принести не меньшую пользу и здѣсь къ облегченію ужасовъ этого бѣдствія... Но ѣхать туда, чтобы заразиться тифомъ... Я читала въ газетахъ, что многіе заразились... Вы не имѣете права, Григорій Александровичъ, рисковать своею жизнью...

По губамъ студента пробѣжала судорога. Кровь прихлынула къ его блѣднымъ щекамъ.

— А доктора и студенты, значитъ, имѣютъ на это право? Ихъ жизнь не такъ драгоцѣнна?—проговорилъ онъ вдругъ среди всеобщаго молчанія.

Всѣ смутились. И болѣе всѣхъ смутилась Антонина Сергѣевна.

— Вы меня не такъ поняли молодой человѣкъ... Конечно, жизнь драгоцѣнна для всѣхъ...

— Антонина Сергѣевна,—вмѣшался Никодимцевъ:—предполагаетъ, что мы въ самомъ дѣлѣ жрецы незамѣнимые и потеря одного изъ насъ была бы лишеніемъ... Но жрецовъ много, Антонина Сергѣевна, очень много. На мѣсто выбывшаго явится другой. И Викторъ Сергѣевичъ вполнѣ правъ, находя, что рисковать своею жизнью обязаны всѣ... А ѣду я потому, что

меня посылаютъ изслѣдовать на мѣстѣ размѣры бѣдствія, организовать помощь... Заражусь ли я тифомъ или нѣтъ, это еще вопросъ, а отказываться отъ такого порученія только потому, что можно заразиться,—было бы совсѣмъ неблаговидно.

Скурагинъ насторожилъ уши и впился глазами въ Никодимцева.

— О, разумѣется... Я понимаю, что вы ѣдете!—поспѣшила согласиться Антонина Сергѣевна.

И хотя она, какъ и остальныя дамы, бывшія въ столовой, довольно равнодушно относилась къ тому, что гдѣ-то въ Россіи люди голодаютъ,—тѣмъ не менѣе сочла нужнымъ спросить:

— А большой у насъ голодъ, Григорій Александровичъ?..

— Судя по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, бѣдствіе не особенно велико... Но не всегда можно полагаться на точность свѣдѣній. У сообщающихъ нерѣдко бываютъ розовыя очки на глазахъ.

— О, вы убѣдитесь, навѣрное убѣдитесь, что бѣдствіе ужасно!—взволнованно вдругъ заговорилъ Скурагинъ.—Здѣсь, въ Петербургѣ, и не представляютъ себѣ, что дѣлается тамъ, да и не хотятъ думать объ этомъ... Иначе здѣсь не бросали бы денегъ на зрѣлища и на удовольствія, не плясали бы на балахъ, не задавали бы обѣдовъ въ то время, когда ближніе наши голодаютъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова... Надо видѣть этихъ голодныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, покорно умирающихъ отъ тифа и цынги, чтобы понять жестокость сытыхъ и безпечныхъ не изъ книгъ только, а изъ жизни...

— А вы видѣли?—спросилъ Никодимцевъ.

— Я мѣсяцъ тому назадъ вернулся изъ Самарской губерніи, пробывши три мѣсяца въ голодающей мѣстности. Я работалъ тамъ, помогая одной доброй барынѣ, организовавшей кое-какую помощь на свои скудныя средства... Она отдала все, что у нея было и что она могла собрать черезъ знакомыхъ... Но, разумѣется, помощь была ничтожна. Мы могли помочь сотнѣ-другой людей, а кругомъ... что дѣлалось кругомъ, гдѣ не было никакой помощи...

И, «волнуясь и спѣша», молодой студентъ въ захватывающихъ картинахъ разсказалъ то, что онъ видѣлъ. И всѣ слушали эту вдохновенную, полную любви и состраданія рѣчь, нѣсколько смущенные, подавленные и словно бы виноватые. Всѣ были подъ обаяніемъ этого взрыва честнаго и благороднаго сердца и сильнаго ораторскаго таланта. И дотолѣ скромный и застѣнчивый студентъ словно бы преобразился. Его красивое, блѣдное и серьезное лицо дышало властностью искренности и правды, и глаза свѣтились вдохновеніемъ.

И всѣ невольно любовались имъ. Всѣ почувствовали въ

немъ рыцаря духа, одну изъ тѣхъ свѣтлыхъ душъ молодости, которыя являются какъ бы маяками среди тьмы пошлости, равнодушія и человѣконенавистничества.

Никто изъ присутствовавшихъ и не догадывался, что этотъ студентъ въ обтрепанномъ сюртукѣ, ходившій зимой въ лѣтнемъ пальто, былъ до извѣстной степени состоятельнымъ человѣкомъ, получая отъ отца, помѣщика Курской губерніи, сто рублей въ мѣсяцъ. Но Скурагинъ оставлялъ себѣ только двадцать пять рублей и жилъ впроголодь. Остальныя деньги прежде онъ раздавалъ бѣдующимъ товарищамъ, а потомъ посылалъ на помощь голодающимъ. На это же пошли деньги и отъ заложенныхъ золотыхъ часовъ, недавно подаренныхъ ему теткой, и отъ заложеннаго зимняго пальто.

Ему просто было стыдно имѣть эти вещи, когда на вырученныя на нихъ деньги цѣлая сотня людей можетъ прокормиться недѣлю. Онъ хорошо понималъ условное значеніе благотворительности и безсиліе ея въ роковомъ вопросѣ о соціальномъ неравенствѣ, но теоретическія рѣшенія не погашали въ немъ чувства стыда и состраданія. Оно жило въ немъ, и потому онъ не могъ быть равнодушнымъ къ человѣческимъ страданіямъ, хотя и сознавалъ ихъ логическую неизбѣжность при извѣстныхъ условіяхъ. Теоретическое, обоснованное научными данными оправданіе невмѣшательства, прикрывавшее холодъ и эгоизмъ, возмущало его до глубины души, и ему было стыдно за другихъ.

Этотъ стыдъ и былъ однимъ изъ руководящихъ стимуловъ его поступковъ и жадныхъ поисковъ правды въ книгахъ, которыя онъ читалъ. Но книги не давали ему отвѣта на вопросы: что дѣлать? какъ жить? Они обогащали его умъ знаніями, изощряли умъ, вырабатывали его міросозерцаніе, но не давали возможности практически разрѣшить то, чѣмъ болѣла его душа.

Когда онъ окончилъ свою рѣчь, то словно спустился на землю и смущенно притихъ, точно виноватый, что надоѣлъ другимъ и занялъ ихъ вниманіе своей особой.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

И вдругъ Антонина Сергѣевна вышла изъ столовой и, отдавая Скурагину сторублевую бумажку, взволнованно проговорила:

— Вотъ... пошлите, пожалуйста, вашей знакомой...

Дали деньги и обѣ сестры и Никодимцевъ.

Скурагинъ благодарилъ.

Никодимцевъ очень заинтересовался студентомъ, который напомнилъ ему что-то хорошее, свѣтлое, давно прошедшее... И

онъ когда-то былъ юношей, готовымъ вступить въ бой съ жизнью, и что онъ теперь? Но этотъ, конечно, не примирится съ жизнью...

— А у васъ, Викторъ Сергѣевичъ, уже намѣчены планы будущей жизни?—спросилъ онъ.

— О, нѣтъ... Одно только могу сказать, что служить не пойду, чтобы не быть, въ лучшемъ случаѣ, въ положеніи Пилата... Вы простите, что я такъ говорю...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь...

— Я знаю, что очень много хорошихъ людей успокаиваютъ себя тѣмъ, что они, по возможности, противодѣйствуютъ тому, что считаютъ нехорошимъ, и дѣлаютъ хорошее... Но вѣдь это самообманъ: въ бо́льшей части случаевъ они дѣлаютъ то, что неизбѣжно приходится дѣлать, и нерѣдко вводятъ въ заблужденіе и другихъ, прикрывая своими почтенными именами то, что они считаютъ въ глубинѣ души вреднымъ. Одинъ вѣдь въ полѣ не воинъ!.. Не правда ли?

И—странное дѣло!.. Никодимцевъ, который считалъ себя независимымъ и горделиво думалъ, что онъ все-таки противодѣйствуетъ тому, съ чѣмъ не согласенъ, почувствовалъ въ эту минуту въ словахъ Скурагина ударъ именно въ то больное мѣсто, которое, казалось, давно затянулось и было забыто въ туманной работѣ, самый процессъ которой словно бы ослаблялъ или скрывалъ ея сущность и значеніе...

И вотъ этотъ восторженный, милый юноша съ наивною жестокостью раскрылъ давно зажившую рану...

И безъ того, благодаря захватившему его чувству, Никодимцевъ нѣсколько охладѣлъ къ тому, что считалъ безконечно важнымъ и значительнымъ, а теперь онъ въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ себя немножко Пилатомъ. И въ головѣ его проносятся случаи изъ дѣятельности, когда это имя дѣйствительно подходитъ къ нему.

«Да, онъ былъ Пилатомъ!»—мысленно съ безпощадной откровенностью повторяетъ Никодимцевъ, и ему хочется оборвать этого «мальчишку», напомнившаго ему то, что такъ старательно было убаюкано разными софизмами, услужливо продиктованными честолюбіемъ подъ эгидой добрыхъ намѣреній принести пользу отечеству.

Но какая-то новая волна, подъ вліяніемъ чувства любви, охватываетъ тепломъ сердце его превосходительства, и вмѣсто того, чтобы оборвать мальчишку, онъ необыкновенно ласково глядитъ на него и, словно бы находясь подъ чарами этой чистой души, взволнованно говоритъ ему:

— Дай Богъ, чтобъ вы остались какъ можно долѣе такимъ

какой вы есть. Вы правы въ своихъ разсужденіяхъ, Викторъ Сергѣичъ... Но правота не значитъ еще, что найденъ исходъ... Что для одного возможно—для другого нѣтъ... Люди—не герои...

— Но я и не виню людей... Людей дѣлаютъ такими или другими множество условій... И если условія неблагопріятны, то они отражаются и на хорошихъ людяхъ... Но вѣдь правда же есть... И ее найдутъ же когда-нибудь... Недаромъ же ее ищутъ, несмотря ни на какія препятствія...

Скурагинъ оборвалъ рѣчь и вдругъ сорвался съ мѣста и сталъ прощаться. Его оставляли посидѣть еще, но онъ наотрѣзъ отказался. И то онъ опоздалъ. Ему надо идти по дѣлу.

Антонина Сергѣевна просила его заходить къ нимъ запросто, но онъ объявилъ, что на-дняхъ уѣзжаетъ.

— Куда? Вѣрно, опять на голодъ?—спросила Татьяна Николаевна.

— Да...

— Но до отъѣзда зайдите. Непремѣнно зайдите. Я, быть-можетъ, соберу между знакомыми въ пользу голодающихъ... Зайдете?—спрашивала Татьяна Николаевна.

— Въ такомъ случаѣ зайду... Когда прикажете?

— Послѣзавтра вечеромъ, а то приходите обѣдать.

— Нѣтъ, ужъ я вечеромъ...

— А не хотите ли ѣхать со мной, Викторъ Сергѣевичъ?—обратился къ Скурагину Никодимцевъ.

Скурагинъ на минуту задумался.

— Вы будете мнѣ очень полезны своими указаніями.

— Позвольте дать отвѣтъ черезъ два дня.

— Сдѣлайте одолженіе. Я уѣзжаю черезъ недѣлю. Вотъ вамъ моя карточка. До двѣнадцати часовъ утра я дома и очень буду радъ васъ видѣть!—сказалъ Никодимцевъ, подавая студенту карточку.

Когда Скурагинъ ушелъ, всѣ примолкли на минутку, и почти разомъ и Никодимцевъ и Инна Николаевна сказали:

— Какой славный юноша!

— Что за симпатичный этотъ Скурагинъ...

— Немного рѣзокъ, но тѣмъ не менѣе премилый!—подтвердила и Козельская.

Только Тина молчала, притихшая и, казалось, чѣмъ-то недовольная.

Скоро распрощался и Никодимцевъ. Антонина Сергѣевна пригласила его на другой день обѣдать, и онъ обѣщалъ.

Инна Николаевна проводила Никодимцева до дверей гостиной и, пожимая крѣпко руку, шепнула:

— Не поминайте лихомъ, Григорій Александровичъ.

На глазахъ у нея блестѣли слезы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

I.

Никодимцевъ возвращался домой возбужденный, точно выбитый изъ колеи.

Вся прошлая жизнь проносилась передъ нимъ въ видѣ непрерывнаго и неустаннаго труда, служебныхъ заботъ, огорченій и радостей въ зависимости отъ тѣхъ лицъ, подъ начальствомъ которыхъ онъ служилъ. И онъ вспомнилъ, сколько ему приходилось затрачивать силъ и энергіи, ума и хитрости только на то, чтобы сохранить свое нравственное достоинство и не принимать непосредственнаго участія въ такихъ дѣлахъ, которыя онъ считалъ противорѣчащими основнымъ его взглядамъ или несогласными съ закономъ.

Теперь онъ видѣлъ въ своей дѣятельности что-то однообразно-скучное, далеко не производительное, и удивлялся, какъ до недавняго времени онъ могъ увлекаться ею, усматривая въ ней главнѣйшую цѣль и единственный смыслъ жизни. Всѣ эти безчисленныя записки, которыя онъ написалъ на своемъ вѣку и въ которыхъ онъ старался провести свои взгляды, передѣлывались, перепачивались, и если иногда проводились въ жизнь, то въ такомъ видѣ, что онъ и не узнавалъ своего творенія; но еще чаще онѣ покоились въ архивѣ до болѣе благопріятнаго времени, до болѣе счастливыхъ вѣяній...

А сколько было пережито вѣяній и сколько надо было змѣиной мудрости, чтобы уцѣлѣть на мѣстѣ и, притаившись на время, снова начинать свою сизифову работу... Сколько разъ приходилось идти на компромиссъ во многихъ дѣлахъ, чтобы отвоевать себѣ право провести свою точку зрѣнія въ какомъ-нибудь одномъ дѣлѣ.

И эта мудрость, вмѣстѣ съ исобыкновеннымъ трудолюбіемъ и скромностью, и доставила Никодимцеву блестящую карьеру вмѣстѣ съ репутаціей безукоризненнаго джентльмена и неподкупнаго человѣка. Зная, что для него есть предѣлъ, который онъ не преступитъ, ему не давали порученій, которыя бы его стѣсняли, и его держали, такъ сказать, для чистой работы, особенно налегая на него, когда вѣянія благопріятствовали для такой работы...

И Никодимцевъ, такимъ образомъ, могъ утѣшать себя тѣмъ, что онъ въ сторонѣ отъ того, что̀ ему было уже очень не по сердцу...

А вотъ теперь и это утѣшеніе теряло свою силу при болѣе

серьезномъ и безпощадномъ анализѣ. Онъ, честный, одушевленный лучшими намѣреніями человѣкъ, вѣдь не сдѣлалъ дѣйствительно того, что̀ считалъ необходимымъ и полезнымъ. И на что положилъ всю свою жизнь—жизнь непрерывнаго труда?

Итоги получались незначительные, почти ничтожные, и вся дѣятельность представлялась ему безплодной. И напрасно онъ старается опровергнуть эти мысли доводами, что, по крайней мѣрѣ, онъ ничего не сдѣлалъ дурного, и что, будь на его мѣстѣ не такой порядочный человѣкъ, какъ онъ, было бы несравненно хуже.

«Въ общемъ ничего бы не измѣнилось!»—говорилъ ему внутренній голосъ.

А между тѣмъ лучшіе годы прошли въ этой безплодной, по мнѣнію Никодимцева, работѣ, прошли однообразно, съ аккуратностью маятника, безрадостно и безпечально. Дни на службѣ, вечера въ работѣ или за чтеніемъ книгъ, разъ въ недѣлю винтъ въ клубѣ, разъ опера и изрѣдка посѣщеніе двухъ-трехъ знакомыхъ семействъ. Ни родныхъ ни близкихъ друзей. Ни малѣйшаго сердечнаго увлеченія.

И когда наконецъ онъ, прозрѣвшій и понявшій, что жизнь—не одна только канцелярія, когда онъ, просвѣтленный охватившимъ его чувствомъ, жаждетъ счастья и радостей жизни, ищетъ любви и дружбы женщины,—уже поздно.

— Поздно, поздно!—невольно шепчетъ Никодимцевъ.

И щемящая тоска охватываетъ его при мысли о прошедшей молодости и при мысли о томъ, что онъ одинокъ и навсегда останется одинокимъ.

А образъ Инны Николаевны словно бы дразнитъ Никодимцева своей чарующей привлекательностью, вызывая въ немъ не однѣ только восторженно-благоговѣйныя мысли.

II.

Никодимцевъ вошелъ въ свою квартиру, отворивъ двери маленькимъ ключомъ, зажегъ свѣчку и, снявъ шубу, прошелъ въ кабинетъ. Его холостая квартира показалась ему холодной, неуютной и тоскливой. И на душѣ у него стало еще холоднѣй и тоскливѣй.

«И онъ прожилъ въ ней десять лѣтъ!»—испуганно подумалъ Никодимцевъ, зажигая большую лампу на письменномъ столѣ и свѣчи.

Затѣмъ онъ сѣлъ въ кресло, вынулъ изъ кармана конвертъ и, взрѣзавъ его ножомъ, сталъ читать письмо Инны Николаевны.

Вотъ что прочелъ онъ:

«Вы знаете, что я пишу вамъ потому, что уважаю васъ и слишкомъ дорожу вашимъ расположеніемъ, чтобы пользоваться имъ не по праву. Когда прочтете мою исповѣдь, тогда поймете, что именно вамъ, которому такъ много обязана я своимъ пробужденіемъ отъ кошмарнаго сна, одному вамъ я рѣшаюсь разсказать горькую правду о себѣ. Какъ это ни тяжело, но вы должны знать, что я не та, совсѣмъ не та, какою вы себѣ представляете и къ какой выказывасте расположеніе, слишкомъ горячее, чтобъ назвать его дружбой, и не бояться, что оно можетъ усилиться, и тогда разочарованіе можетъ быть еще тяжелѣе для васъ. Простите и не сочтите это за женскую самонадѣянность. Мы, женщины, вообще чутки и чувствуемъ, кто и какъ привязанъ къ намъ... Но если-бъ и я ошиблась, если-бъ только одна дружба сблизила насъ въ послѣднее время, то и тогда я сочла бы долгомъ написать это письмо, чтобы вы знали, къ кому вы питаете дружескія чувства...

«Я прочла безмолвный вопросъ вашъ при первой же нашей встрѣчѣ, когда вы увидѣли бывшаго моего мужа, «какъ это я могла быть женой такого ничтожнаго, неумнаго человѣка?» И почти у всѣхъ стоялъ этотъ вопросъ, когда насъ видѣли вмѣстѣ. И—вообразите—такой же вопросъ задаю себѣ теперь и я. Задаю и рѣшительно не могу объяснить себѣ, какъ это случилось, какъ я могла прожить съ нимъ нѣсколько лѣтъ и не убѣжать, не застрѣлиться, не повѣситься... Мысли о самоубійствѣ, впрочемъ, у меня мелькали.

«И вѣдь за такого человѣка я вышла замужъ, не любя его. Почему вышла? Разскажу лучше, какъ это случилось, и все это стоитъ живо въ моей памяти.

«Мнѣ было тогда двадцать лѣтъ. За мной много ухаживали. Меня слушали, какъ неглупую дѣвушку, нахватавшуюся изъ разныхъ книгъ и преимущественно романовъ. Къ сожалѣнію, молодые люди, бывавшіе у насъ въ домѣ, не отличались ни образованіемъ ни развитостью. Этотъ подборъ былъ не особенно интересенъ. Отецъ какъ-то мало обращалъ на это вниманія и рѣдко бывалъ по вечерамъ дома, когда къ намъ собирались, а мама была добра и снисходительна, и предоставляла мнѣ и сестрѣ самимъ выбирать знакомыхъ. И къ намъ приводили больше своихъ товарищей два нашихъ двоюродныхъ брата, кончающіе правовѣды. Въ числѣ ихъ былъ и Травинскій. Я на него не обращала ни малѣйшаго вниманія, хотя онъ и влюбился въ меня. Мнѣ нравился другой, но этотъ послѣ шестимѣсячной влюбленности уѣхалъ, предпочтя мнѣ

мѣсто на югѣ... Да и приданаго у меня никакого не было, вѣроятно, потому многіе за мной ухаживали, но предложенія не дѣлали. А мнѣ хотѣлось замужъ—не потому, что я чувствовала желаніе любви,—совсѣмъ нѣтъ,—меня просто манило положеніе замужней женщины, большая свобода, и я боялась остаться старой дѣвой... Бо́льшая часть моихъ подругъ по гимназіи вышли замужъ, а я все еще была невѣстой безъ серьезныхъ претендентовъ...

«И когда Травинскій сдѣлалъ мнѣ предложеніе, объяснившись, что онъ меня любитъ, я вмѣсто того, чтобы сразу отказаться, колебалась... Безхарактерность сгубила меня вмѣстѣ съ незнаніемъ людей и полною неприготовленностью къ жизни. Идеаловъ почти никакихъ... Такъ что-то смутное, что̀ слышалось изрѣдка... Жизнь, казалось мнѣ, какой-то вѣчный праздникъ, особенно для хорошенькой женщины. Вы понимаете, что я была уже достаточно испорчена, и почти всѣ разговоры съ подругами вертѣлись на любовныхъ темахъ... И атмосфера въ кружкѣ людей, въ который я попала, была любовная... Стыдно вспомнить: мы ничѣмъ не интересовались... Ничего не читали... Разговоры о любви, развлеченія—вотъ одно, что̀ интересовало; однимъ словомъ, я была пустѣйшей изъ пустѣйшихъ барышень.

«Однако я не скрыла отъ Травинскаго, что я не люблю его, что̀ отношусь къ нему только какъ къ доброму знакомому. Тогда онъ сказалъ, что мы сдѣлаемъ опытъ. Если черезъ годъ я не полюблю его—мы разойдемся. Онъ не станетъ препятствовать—чувство вѣдь свободно. При этомъ онъ увѣрялъ въ своей любви и грозилъ въ случаѣ отказа застрѣлиться... Мнѣ стало жалко его, и я согласилась...

«Но, согласившись, я все-таки со страхомъ думала о днѣ свадьбы. И остановись меня въ ту пору кто-нибудь вѣскимъ словомъ, покажи весь ужасъ выхода замужъ безъ любви, я, конечно, взяла бы свое слово назадъ. Но никто не сказалъ. Мама совѣтовала выходить, считая жениха порядочнымъ человѣкомъ, которому предстоитъ карьера. Отецъ подсмѣивался надъ женихомъ, острилъ, но не отговаривалъ...

«И я была повѣнчана и сдѣлалась, конечно, дурной женой!

«На второй день свадьбы я снова повторила, что не люблю мужа, и не скрыла отъ него, что его ласки внушаютъ мнѣ отвращенье... Онъ плакалъ, съ нимъ дѣлались истерическіе припадки... Онъ грозилъ, что застрѣлится, и я по безхарактерности его жалѣла и рѣшила терпѣть. Первый годъ прошелъ, и я была вѣрна мужу. Мужъ старался доставить мнѣ развлеченія, и мы вели праздную жизнь, какую̀ ведутъ очень многіе

петербургскіе супруги... Я старалась скрыть чувства, которыя онъ во мнѣ возбуждалъ, но поневолѣ была холодна... и изъ-за этого бывалъ рядъ сценъ самыхъ невозможныхъ... Я напомнила объ обѣщаніи развестись—онъ на это отвѣтилъ отказомъ. Тогда я старалась забыться въ чаду жизни, въ развлеченіяхъ, въ поклонникахъ, въ вѣчной сутолокѣ... И мужъ очень радъ былъ этому и первый помогалъ сдѣлать изъ нашей квартиры какой-то вѣчный рынокъ, только бы я не скучала и только бы я позволяла ему любить себя... Эти годы были какимъ-то кошмаромъ. Страшно вспоминать... Я имѣла увлеченія и почти не скрывала этого отъ мужа, и онъ терпѣлъ эти ménages en trois... Но ужаснѣе всего, что я не любила ни одного изъ нихъ... Я увлекалась ими больше изъ любопытства, отъ скуки, отъ жажды впечатлѣній, изъ-за чего хотите, но только не изъ любви... И я такъ же скоро бросала ихъ, какъ и сходилась... И чѣмъ больше я не уважала себя, чѣмъ больше презирала себя въ минуты просвѣтлѣнія,—тѣмъ болѣе хотѣлось мнѣ забыться хотя въ иллюзіи увлеченія... Но всѣ ухаживатели смотрѣли на меня какъ на красивую женщину, съ которой можно пріятно провести время. Всѣ любовались только внѣшностью... И мое собственное тѣло по временамъ возбуждало во мнѣ самой отвращеніе... Хороша я была и сама, но хороши были и эти влюбленные!.. О, если-бъ вы знали, какъ они клеветали потомъ на меня... Впрочемъ, вы знаете. Вы слышали, что говорили громко про меня у Донона, и... поступили, какъ рѣдко кто изъ мужчинъ поступаетъ... Говорить ли, какъ я была тронута и какъ я жалѣла, что вы рисковали изъ-за меня?..

«Встрѣча съ вами, ваши бесѣды, ваше отношеніе были для меня, какъ я вамъ не разъ говорила, счастливымъ случаемъ, заставившимъ меня встрепенуться и задуматься. Безъ этой встрѣчи я, быть-можетъ, продолжала бы прежнюю жизнь. И чѣмъ больше я думала, тѣмъ чаще спрашивала себя: «какъ могла я такъ жить, какъ жила». Какъ видите, я хочу попробовать иную жизнь... Хочу загладить безконечную вину передъ своей дѣвочкой... Но старое не можетъ быть вычеркнуто изъ жизни человѣка. Это старое будетъ всегда стоять за мною грозной тѣнью и между мной и вами. Такъ лучше вы узнайте объ этомъ отъ меня, чѣмъ отъ другихъ. Вы поймете, что дольше я молчать не могу. И вамъ легче будетъ узнать теперь, чѣмъ потомъ, что вы оказывали трогательную привязанность не той, какую создали въ своемъ воображеніи, а той, которую знаете въ ея настоящемъ видѣ, и вамъ легче будетъ основательно забыть глубоко благодарную вамъ Н. Т.»

Никодимцевъ нѣсколько секундъ сидѣлъ взволнованный и умиленный.

Наконецъ онъ взялъ листъ почтовой бумаги и написалъ слѣдующія строки:

«Вы не ошиблись, глубокоуважаемая Инна Николаевна, я любилъ васъ. Но послѣ вашего письма я люблю васъ еще больше, и вы въ моихъ глазахъ являетесь въ ореолѣ выстраданной чистоты. Простите мнѣ эти дерзкія строки и вѣрьте, что ваше довѣріе, оказанное мнѣ письмомъ, незабываемое счастье... Если васъ не оскорбляетъ привязанность старика— я буду завтра у васъ... Въ противномъ случаѣ напишите два слова: «не приходите».

Вложивъ письмо въ конвертъ, Никодимцевъ немедленно вышелъ изъ квартиры и поѣхалъ къ Козельскимъ.

Онъ разбудилъ швейцара и велѣлъ тотчасъ же передать письмо Иннѣ Николаевнѣ, разумѣется, если она не спитъ, а самъ остался въ швейцарской.

Черезъ пять минутъ швейцаръ вернулся и передалъ Никодимцеву записочку.

Тотъ быстро разорвалъ конвертъ и замеръ отъ счастья. Въ запискѣ было написано:

«Завтра приходите. Жду васъ. Приходите пораньше. Развѣ привязанность ваша можетъ оскорбить!.. Напротивъ... Или вы недогадливы?»

Никодимцевъ далъ швейцару три рубля и, счастливый, ѣхалъ домой, думая теперь о томъ счастьѣ, о которомъ не смѣлъ раньше и мечтать.

На другой день, когда Егоръ Ивановичъ подалъ Никодимцеву чай, то былъ изумленъ радостнымъ видомъ барина.

«На голодъ ѣдемъ, а онъ радуется!» — подумалъ онъ и спросилъ:

— А когда на голодъ отправимся, Григорій Александровичъ?

— Ровно черезъ недѣлю... Черезъ недѣлю!..—весело отвѣтилъ Никодимцевъ.—Успѣете приготовиться?

— Какъ не успѣть.

— А что бы вы сказали, Егоръ Ивановичъ, если-бъ я рискнулъ сдѣлать предложеніе?—неожиданно спросилъ Никодимцевъ.

— Что бы я сказалъ?—переспросилъ изумленный слуга.

— Да, что бы вы сказали?

— Я бы сказалъ, что давно бы пора...

— А теперь... Или я ужъ очень старъ?

— Вы-то?..

И Егоръ Ивановичъ вмѣсто отвѣта весело улыбался.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

I.

Никодимцевъ не докончилъ еще своего кофе и, нѣсколько растерянный отъ счастья, не просмотрѣлъ газетъ, какъ въ столовую торопливо вошелъ, сѣменя короткими ногами, Егоръ Ивановичъ и, улыбающійся, доложилъ тѣмъ веселымъ и значительнымъ тономъ, какимъ докладываютъ о желанномъ и пріятномъ гостѣ:

— Василій Николаевичъ Ордынцевъ!

— Сюда просите!

Но худощавая фигура Ордынцева въ черномъ поношенномъ сюртукѣ уже показалась въ дверяхъ.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ тебя,—обрадованно воскликнулъ Никодимцевъ, бросаясь навстрѣчу гостю и горячо пожимая ему руку.—Совсѣмъ ты меня забылъ, Василій Николаевичъ! — продолжалъ Никодимцевъ, ласково, почти нѣжно взглядывая на худое, болѣзненное и старообразное лицо своего пріятеля.—Садись! Егоръ Ивановичъ! Кофе Василію Николаевичу.

— Сію минуту... несу!—отвѣчалъ слуга.

Ордынцевъ присѣлъ и отвѣтилъ:

— Некогда было все это время.

— Много работы?

— И работы много и... и семейныя дѣла. Да, признаться, и помѣшать тебѣ боялся. На четверть часа заходить не хотѣлось, а отнимать у тебя время было совѣстно. Вѣдь ты дни и ночи работаешь.

— Ну, братъ, теперь я меньше работаю! — проговорилъ, краснѣя, Никодимцевъ и тутъ же рѣшилъ разсказать Василію Николаевичу, почему онъ сталъ меньше работать и почему онъ сегодня безконечно счастливъ.

Они были знакомы еще по университету и близко сошлись лѣтъ десять тому назадъ, когда оба служили въ одномъ изъ южныхъ городовъ Россіи. Никодимцевъ былъ тогда судебнымъ слѣдователемъ, Ордынцевъ—помощникомъ бухгалтера въ частномъ банкѣ.

Они часто видѣлись. Ордынцевъ нерѣдко убѣгалъ спасаться отъ семейныхъ сценъ къ одинокому домосѣду, державшемуся въ сторонѣ отъ мѣстнаго общества, и любилъ поговорить съ Никодимцевымъ по душѣ. Они расходились во многомъ и часто спорили, но это нисколько не мѣшало имъ любить и уважать другъ друга.

Благодаря неладамъ своимъ съ прокуроромъ, Никодимцевъ

долженъ былъ оставить судебное вѣдомство. Его нашли слишкомъ независимымъ слѣдователемъ и предложили подать въ отставку. Онъ отказался и просилъ предать его суду, если его считаютъ виноватымъ, но вмѣсто того его уволили безъ прошенія, и онъ отправился въ Петербургъ искать мѣста

Когда Ордынцевъ переѣхалъ въ Петербургъ, Никодимцевъ уже былъ виднымъ чиновникомъ. Встрѣча пріятелей, послѣ долгой разлуки, была задушевная. Чиновникъ не убилъ въ Никодимцевѣ человѣка, и Ордынцевъ, испытавшій уже немало разочарованій въ прежнихъ знакомыхъ, очень обрадовался, что пріятель его не перемѣнился, и что блестящая карьера не вскружила ему головы.

Видѣлись они не особенно часто. Какъ и въ старыя времена, они при встрѣчахъ нерѣдко спорили и, какъ часто случается, ни до чего не договаривались. Ордынцевъ горячился, стараясь доказать, что дѣятельность пріятеля—пріятный самообманъ. Никодимцевъ сдержанно доказывалъ значеніе личности даже въ неблагопріятной и враждебной средѣ.

— Такъ ты меньше работаешь?—переспросилъ Ордынцевъ.

— Меньше.

— То-то ты словно помолодѣлъ и глядишь молодцомъ. Давно, братъ, пора тебѣ не изнывать надъ своими бумагами, отъ которыхъ никому не легче... Однако сперва о дѣлѣ. Вѣдь я зашелъ къ тебѣ, по дорогѣ въ свою каторгу, больше по дѣлу.

— Въ чемъ оно?

— Устрой одного молодого человѣка, если можешь.

И Ордынцевъ сталъ разсказывать, какъ молодой человѣкъ, окончившій университетъ и съ медалью, вотъ уже годъ какъ ищетъ мѣсто и не можетъ найти, не имѣя протекціи. Вездѣ обѣщали только имѣть его въ виду, но отъ этого ему не легче. Ему необходимо мѣсто и немедленно. У него на рукахъ мать и сестра и кое-какой случайный заработокъ.

— У насъ въ правленіи пристроить его нельзя. Гобзинъ меня не терпитъ...

— Твой молодой человѣкъ провинціи не боится?

— Онъ поѣдетъ куда угодно.

— Такъ я его устрою на полторы или на двѣ тысячи. Пришли его ко мнѣ, и пусть подаетъ докладную записку.

— Спасибо. Доброе дѣло сдѣлаешь.

— И одного новаго чиновника?—проговорилъ, усмѣхаясь, Никодимцевъ.—А теперь идемъ въ кабинетъ, Василій Николаевичъ. Поговоримъ...

— А на службу?.. Ужъ скоро десять,—сказалъ Ордынцевъ,

взглянувъ на часы.—Да и тебѣ, вѣрно, надо передъ службой заняться...

— Опоздаешь полчаса, не бѣда. Въ кои вѣки зашелъ... А я сегодня въ департаментъ не поѣду.

Они перешли въ кабинетъ и усѣлись въ креслахъ. Никодимцевъ позвонилъ и, когда явился Егоръ Ивановичъ, приказалъ никого не принимать.

— Ну, разсказывай, какъ ты живешь, какъ тянешь свою лямку, Василій Николаевичъ?

— Лямку тяну попрежнему, а живу одинъ съ Шурой...

— А остальная семья?

— Здѣсь... На старой квартирѣ... Ты вѣдь знаешь, что моя семейная жизнь была не изъ особенно пріятныхъ... И имъ и мнѣ лучше, что мы живемъ отдѣльно и не стѣсняемъ другъ друга... Давно бы пора придти къ такому исходу, но... характера не хватало... Зато теперь, Григорій Александровичъ, я ожилъ, хотя и пришлось вечернія занятія взять. Жалованье все я отдаю семьѣ... Такъ надо было придумать дополнительный заработокъ!..

— Сколько же ты нарабатываешь вечерними занятіями?

— Рублей сто, сто двадцать пять. Намъ вдвоемъ хватаетъ. А къ Новому году наградныя намъ выйдутъ... Значитъ, еще пятьсотъ рублей... Да и старикъ Гобзинъ обѣщалъ прибавку... Мы съ Шурой и будемъ богаты... Какъ видишь, теперь я жаловаться на жизнь не могу... Насколько возможно, я счастливъ... Я не одинъ... Я спокоенъ у себя дома. Я не вижу своей жены.

— А я хочу, Василій Николаевичъ, на старости лѣтъ попытать счастья!—вдругъ проговорилъ Никодимцевъ.

— Какого?

— Жениться.

Ордынцевъ изумленно и испуганно взглянулъ на Никодимцева. Тотъ густо покраснѣлъ.

— Ты находишь, что поздно?—спросилъ онъ.

— Какое поздно?.. Ты еще молодецъ молодцомъ и жилъ всегда монахомъ... Не поздно, а...

— Что же? Договаривай.

— Страшно.

— Почему именно страшно?

— У тебя вѣдь требованія отъ брака серьезныя... Тебѣ нужна не только жена, болѣе или менѣе пріятная, тебѣ нуженъ другъ, товарищъ, который понималъ бы тебя, раздѣлялъ бы твои стремленія, сочувствовалъ бы твоимъ идеаламъ... Не такъ ли?

— Ну, конечно... Иначе это не бракъ, а свинство.

— Я это свинство вполнѣ прошелъ, и видишь ли результатъ?.. О, если-бъ ты зналъ, какой это ужасъ, когда вмѣсто сочувствія ты встрѣтишь глухое противодѣйствіе, когда вмѣсто любимой женщины ты увидишь тупую и лживую тварь... А вѣдь передъ свадьбой всѣ онѣ болѣе или менѣе ангелы... Всѣ онѣ приспособляются... А ты къ тому же женихъ блестящій... Одно твое положеніе чего стоитъ... И въ будущемъ... пожалуй, министръ?..

— Ничего въ будущемъ, Василій Николаевичъ, ну ничего! Министромъ я не буду, да и не желалъ бы имъ быть! Ты правъ, я извѣрился въ плодотворность своей миссіи... Но зато я позналъ счастье жизни... И та женщина, которой я сегодня сдѣлаю предложеніе, не похожа на нарисованный тобою портретъ. Она именно не лжива и была слишкомъ несчастна потому, что не встрѣчала порядочныхъ людей около себя. И ты знаешь эту женщину, которая совершила переворотъ въ моей жизни...

— Кто она?

— Пока это между нами... Слышишь?

— Ну, разумѣется.

— Инна Николаевна Травинская...

Ордынцевъ чуть не ахнулъ.

Эта красивая и умная веселая барынька, пользовавшаяся скверной репутаціей, эта посѣтительница ресторановъ, окруженная весьма пестрыми молодыми людьми, и вдругъ избранница такого чистаго и цѣломудреннаго человѣка, какъ Никодимцевъ!

Ордынцевъ молчалъ, не рѣшаясь сказать, что онъ думаетъ о Травинской, — съ такимъ восторженнымъ благоговѣніемъ произнесъ Никодимцевъ это имя, — и только пожалѣлъ своего ослѣпленнаго пріятеля, влюбившагося въ одну изъ представительницъ ненавистной ему семьи Козельскихъ.

Противенъ ему былъ и Козельскій, этотъ равнодушный ко всему кромѣ наслажденій эпикуреецъ и дѣлецъ, прикрывающій громкими фразами свои вожделѣнія; отвратительна была Татьяна Николаевна, изъ-за которой лежалъ въ больницѣ братъ Леонтьевой, его лучшаго друга, и болѣе чѣмъ несимпатична была Инна Николаевна, жившая съ такимъ мужемъ, какъ Травинскій. Одна только Антонина Петровна возбуждала въ Ордынцевѣ нѣкоторое сочувствіе.

— Инна Николаевна, значитъ, разводится съ мужемъ?

— Да. Она ужъ уѣхала отъ этого негодяя и живетъ у родителей... Что-жъ ты молчишь, Василій Николаевичъ? Ты, конечно, не одобряешь моего выбора?..

— Не одобряю. И если-бъ зналъ, что ты послушаешь меня, сказалъ бы: не женись на Инѣ Николаевнѣ... Ты ее не знаешь...

Никодимцевъ восторженно произнесъ:

— Я знаю ее... И знаю ея прошлое... И потому, что знаю его, я еще болѣе цѣню и уважаю женщину, понявшую весь ужасъ прошлой жизни... Ты развѣ не вѣришь въ возрожденіе, Василій Николаевичъ?.. Ты развѣ не понимаешь, до чего можетъ довести самаго порядочнаго человѣка среда и пустота жизни?..

Ордынцевъ слушалъ эти восторженныя рѣчи и понялъ, что возражать было безполезно. Его Никодимцевъ влюбленъ въ Инну Николаевну до ослѣпленія.

«Ловко же она обошла бѣднаго Григорія Александровича!»— подумалъ Ордынцевъ, не сомнѣвавшійся, что Никодимцева обошли, и что бракъ этотъ сдѣлаетъ несчастнымъ его пріятеля. Не вѣрилъ онъ въ возрожденіе такой женщины, какъ Травинская. Правда, онъ ее мало зналъ, но недаромъ же о ней составилась дурная репутація. Нѣтъ дыма безъ огня. И наконецъ этотъ шутъ гороховый, ея мужъ самъ же разсказывалъ при немъ, что онъ не ревнивъ и любитъ, когда за его женой ухаживаютъ.

— Отъ души желаю тебѣ счастья, Григорій Александровичъ!—проговорилъ наконецъ Ордынцевъ.

— Пожелай мнѣ, Василій Николаевичъ, успѣха и въ другомъ дѣлѣ...

— Въ какомъ?

— Черезъ недѣлю я ѣду на голодъ.

И Никодимцевъ разсказалъ, какъ устроилась эта командировка, и вслѣдствіе какихъ комбинацій и, быть-можетъ, интригъ между власть имущими выборъ палъ на него.

— Я, конечно, постараюсь узнать на мѣстѣ размѣры голода... Я не скрою ничего... И пусть не пеняютъ на меня, если правда не понравится...

— Дай Богъ тебѣ успѣха!—горячо и взволнованно проговорилъ Ордынцевъ.—О, если-бъ я былъ свободенъ!..

— Тогда что?

— Тогда я просилъ бы тебя взять меня съ собой...

Никодимцевъ зналъ, какой хорошій работникъ Василій Николаевичъ, и мысль о томъ, что лучшаго помощника ему не найти, внезапно осѣнила его голову. Разумѣется, онъ могъ бы устроить, чтобы правленіе уволило Ордынцева мѣсяца на три, сохранивъ за нимъ мѣсто. Но, взглянувъ на больное лицо пріятеля, вспомнивъ, что у него на рукахъ Шура,—Никодимцевъ проговорилъ:

— Тебя не отпустятъ... И вспомни, что съ тобой Шура... А лучше порекомендуй мнѣ кого-нибудь изъ молодежи... Я буду тебѣ очень благодаренъ... Мнѣ нужны толковые, порядочные люди, и я выговорилъ себѣ, разумѣется, право взять съ собою, кого я хочу... И я наберу персоналъ не изъ чиновниковъ!— прибавилъ Никодимцевъ.

Ордынцевъ обѣщалъ это сдѣлать. Одного онъ ужъ зналъ. Онъ встрѣчалъ его у своей знакомой, Леонтьевой...

— Это прелестный молодой человѣкъ... Ужъ онъ былъ на голодѣ и опять туда собирается...

— Не Скурагинъ ли?

— Онъ самый. А ты какъ его знаешь?

— Вчера видѣлъ у Козельскихъ...

— У Козельскихъ? Зачѣмъ онъ къ нимъ попалъ?

— Не знаю. Знаю только, что Скурагинъ мнѣ очень понравился, и я просилъ его ѣхать со мной... Онъ обѣщалъ подумать... Объясни ему, что я не такой чиновникъ, какъ онъ, вѣроятно, думаетъ, и пусть не боится ѣхать со мной.

— Я его увижу, вѣроятно, сегодня... И сегодня же спрошу о другихъ желающихъ. Конечно, найдутся...

«Только, разумѣется, не изъ такихъ, какъ мой сынокъ!»— невольно подумалъ Ордынцевъ и вспомнилъ, что завтра, въ воскресенье, онъ непремѣнно явится на четверть часа съ обычнымъ визитомъ въ качествѣ внимательнаго сына.

— Присылай ихъ ко мнѣ... До двѣнадцати я дома... И самъ ко мнѣ зайди до моего отъѣзда... Зайдешь?..

— Теперь тебя, вѣрно, не застанешь...

— Приходи обѣдать, такъ застанешь!—сказалъ, краснѣя, Никодимцевъ.—Приходи завтра и вмѣстѣ съ дочкой...

— Она обѣдаетъ у матери по воскресеньямъ. Я приду одинъ и сообщу о моихъ поискахъ... А пока до свиданія... И то опоздалъ на три четверти часа. Молодое животное, мой Гобзинъ не откажетъ себѣ въ удовольствіи намекнуть объ этомъ...

Ордынцевъ съ особенною горячностью пожалъ руку Никодимцева и еще разъ пожелалъ ему успѣха, промолвивъ на прощанье:

— Это вѣдь не бумажное, а настоящее дѣло... И ты сослужишь большую службу, если откроешь глаза кому слѣдуетъ на то, что ужасъ голода заключается въ причинахъ его...

— Ты думаешь, я не представлялъ и объ этомъ записки?

— И что же?

— Лежатъ въ архивѣ.

— Но теперь... Не скроютъ же твоихъ донесеній?

Никодимцевъ вмѣсто отвѣта неопредѣленно пожалъ плечами и проговорилъ:

— Есть много тайнъ, Гораціо, которыя не снились нашимъ мудрецамъ!.. Я многое передумалъ въ послѣднее время, Василій Николаевичъ, и убѣдился...

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что я во многомъ обманывалъ себя, и если-бъ не встрѣча съ Инной Николаевной... Нѣтъ, братъ, ты судишь о женщинахъ пристрастно...

— По своему печальному опыту?—съ грустной улыбкой промолвилъ Ордынцевъ.

— Да...

— Дай Богъ тебѣ не ошибиться, Григорій Александровичъ!.. Дай Богъ!.. А разводъ скоро устроится? Травинскій согласенъ?

— Согласенъ... За пятнадцать тысячъ согласенъ.

— Экая современная скотина!—брезгливо промолвилъ Ордынцевъ.

— Да, мерзавецъ!—со злобнымъ чувствомъ подтвердилъ Никодимцевъ, охваченный внезапно ревнивымъ чувствомъ къ человѣку, который смѣлъ быть мужемъ его избранницы.

Пріятели разстались, и Никодимцевъ сѣлъ за работу.

Ему не работалось. То онъ думалъ объ Иннѣ Николаевнѣ и словахъ Ордынцева. То онъ думалъ о своей поѣздкѣ и о томъ, какъ онъ будетъ дѣлиться впечатлѣніями со своей невѣстой.

Послѣ вчерашняго свиданія и особенно послѣ этой записки, которую онъ выучилъ наизусть, онъ не сомнѣвался, что онъ пользуется привязанностью, что его любятъ, и что Инна—какъ мысленно онъ называлъ любимую женщину—согласится быть его женой.

Не сомнѣвался—и въ то же время вдругъ въ голову его подкрадывалась мысль, что онъ напрасно надѣется... Она, пожалуй, расположена къ нему, дорожитъ его дружбой, но... «съ чего вы вообразили, что я васъ люблю...»

И ему дѣлалось жутко. И восторженная радость смѣнялась тоской. И онъ взглядывалъ на часы...

О, Боже мой, какъ безконечно тянется время передъ той минутой, когда рѣшится его судьба!

II.

Хотя Ордынцевъ и называлъ свое правленіе каторгой, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ жилъ отдѣльно отъ семьи, эта «каторга» казалась для него несравненно легче. И съ какимъ радостнымъ чувствомъ онъ возвращался теперь въ «свой

домъ», въ эту маленькую квартиру во дворѣ,—въ Торговой улицѣ, черезъ два дома отъ гимназіи, въ которой училась Шура,—состоящую изъ трехъ комнатъ—гостиной и вмѣстѣ столовой, кабинета и комнаты Шуры, большой, свѣтлой и убранной съ нѣкоторой даже роскошью.

Теперь онъ не видалъ ненавистнаго красиваго лица жены, не ждалъ, нервный и озлобленный, сценъ и язвительныхъ улыбокъ, не волновался, слушая разсужденія Николая и видя пустоту и развращенность Ольги...

Ровно въ половинѣ шестого онъ входилъ домой. и Шура встрѣчала отца ласковымъ поцѣлуемъ и звала обѣдать, заботливо исполняя роль маленькой хозяйки и нерѣдко совѣщаясь, по приходѣ изъ гимназіи, насчетъ того, понравится ли обѣдъ отцу, съ Аксиньей, пожилой, хлопотливой женщиной, жившей у Ордынцева одной прислугой и какъ-то скоро сдѣлавшейся своею въ домѣ, расположенною и къ барину и особенно къ его маленькой смуглой дочкѣ, которую Аксинья жалѣла, какъ невольную сироту изъ-за семейной свары.

И водка и селедка всегда были на столѣ. И супъ и жаркое казались теперь Ордынцеву совсѣмъ не такими, какими казались въ прежнемъ домѣ, а какими-то особенно вкусными, хорошо приготовленными. И онъ нѣжнымъ взглядомъ перехватывалъ озабоченный хозяйскій взглядъ черныхъ глазенокъ Шуры, слушалъ ея болтовню о томъ, что было въ гимназіи, и самъ разсказывалъ ей о томъ, что было въ правленіи. Обыкновенно послѣ обѣда Ордынцевъ угощалъ Шуру какимъ-нибудь лакомствомъ и шелъ въ кабинетъ отдохнуть съ полчаса, а затѣмъ принимался за вечернія занятія. Онъ просиживалъ за ними до часа ночи, прерывая ихъ на полчаса, чтобы напиться чаю вмѣстѣ съ Шурой и затѣмъ проститься съ ней въ десять часовъ, когда, сонная, она ложилась спать.

Несмотря на усиленную работу, Ордынцевъ чувствовалъ себя здоровѣе и бодрѣе, чѣмъ прежде, и тянулъ свою лямку, не жалуясь на тяготу жизни. Шура красила эту жизнь. Заботы о своей дѣвочкѣ, о томъ, чтобы изъ нея не вышло чего-нибудь похожаго на сестру, являлись серьезной цѣлью для отца, и онъ нерѣдко думалъ объ образованной, трудолюбивой, здоровой и крѣпкой дѣвушкѣ въ лицѣ своей Шуры. И ради этого онъ былъ готовъ работать еще болѣе, чтобъ добыть средства и на занятія гимнастикой и на основательное знакомство съ иностранными языками. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣйствительно становился близокъ дочери, наблюдая и изучая ее и урывая время, чтобы читать вмѣстѣ съ нею и бесѣдовать по поводу прочитаннаго.

Отдавая почти все свободное время Шурѣ, Ордынцевъ нерѣдко чувствовалъ себя виновнымъ относительно старшихъ дѣтей, предоставленныхъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ исключительно вліянію матери и школы. Результаты налицо. Школа помогла матери и дала тѣхъ стариковъ и эгоистовъ, «къ добру и злу постыдно равнодушныхъ» и готовыхъ на всякіе компромиссы, которые въ практикѣ жизни находили словно бы подтвержденіе ненужности какихъ бы то ни было идеаловъ, какихъ бы то ни было убѣжденій, сколько-нибудь альтруистическихъ. Напротивъ! Чѣмъ безстыднѣе и наглѣе проявлялся культъ эгоизма и поклоненія своему «я», чѣмъ циничнѣе проповѣдывалось «трезвое» отношеніе къ дѣйствительности, тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе достигались тѣ цѣли жизни, которыя исчерпывались карьеризмомъ и полученіемъ возможно бо́льшихъ средствъ для пользованія возможно бо́льшими благами жизни. И какими бы позорными подчасъ средствами ни получались эти блага жизни,—большинство людей не только не оскорблялось этимъ, а, напротивъ, поклонялось успѣху и завидовало ему. Газеты печатали хвалебные отзывы, иллюстраціи—портреты нерѣдко такихъ общественныхъ дѣятелей, на совѣсти которыхъ было немало черныхъ дѣлъ и загубленныхъ на законномъ основаніи жизней. И такихъ называли лучшими людьми, истинно-русскими и чуть ли не гордостью отечества.

А немногіе возмущенные могли только молчать и ждать, что вдругъ что-то случится, и общественные идеалы повысятся, и вмѣстѣ съ этимъ явятся и сильные характеры, и независимые люди, и истинные слуги родины.

Такія думы нерѣдко приходили въ голову Ордынцева по поводу его дѣтей, и онъ сознавалъ громадную вину отцовъ, не умѣвшихъ или не хотѣвшихъ хоть сколько-нибудь парализовать разлагающее вліяніе школы.

И тѣмъ съ большею страстностью онъ хотѣлъ теперь загладить свою вину въ заботахъ о воспитаніи Шуры.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

I.

Когда Ордынцевъ явился въ правленіе, опоздавши ровно на часъ, помощникъ его, г. Пронскій, молодой человѣкъ, необыкновенно скромный, тихій и исполнительный, сообщилъ ему, что предсѣдатель правленія его спрашивалъ.

— И я, Василій Николаевичъ, принужденъ былъ доложить, что васъ нѣтъ!—словно бы извиняясь, прибавилъ Пронскій,

взглядывая на Ордынцева съ выраженіемъ ласковой льстивости въ своихъ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ.

Ордынцевъ цѣнилъ своего помощника, какъ аккуратнаго и добросовѣстнаго работника, но не былъ расположенъ къ нему. Не нравилась Ордынцеву и его льстивая манера говорить, и его желаніе выказать ему особенное расположеніе и преданность, и его раскосые, круглые, сѣрые глаза, ясные и ласковые и, въ то же время, не внушающіе довѣрія.

Пронскій былъ товарищемъ Гобзина по университету и года три тому назадъ былъ назначенъ прямо помощникомъ бухгалтера вмѣсто прежняго, оставившаго службу. Въ правленіи ходили слухи, что Пронскій былъ близокъ съ предсѣдателемъ правленія и будто бы передаетъ ему о томъ, что говорится о немъ между служащими въ товарищеской интимной бесѣдѣ. Пронскаго поэтому боялись, многіе заискивали въ немъ и остерегались въ его присутствіи отзываться непочтительно о Гобзинѣ и вообще о начальствѣ и о порядкахъ въ правленіи.

— Вамъ не говорилъ Гобзинъ, зачѣмъ я ему нуженъ?— холодно спросилъ Ордынцевъ.

— Нѣтъ, Василій Николаевичъ, не говорилъ.

— А бумагъ, положенныхъ къ подписи, не передавалъ?

— Передалъ. Я ихъ сдалъ журналисту.

— Напрасно вы ихъ сдали безъ меня. Впередъ этого не дѣлайте!—строго сказалъ Ордынцевъ.

— Извините, Василій Николаевичъ, я думалъ скорѣй отправить бумаги.

— Потрудитесь взять ихъ отъ журналиста и принести ко мнѣ.

— Слушаю-съ...

И Пронскій торопливо вышелъ съ огорченнымъ видомъ виноватаго человѣка.

Ордынцевъ поздоровался со всѣми сослуживцами, сидѣвшими въ двухъ комнатахъ, подходя къ каждому и пожимая руку, и прошелъ въ свой маленькій кабинетъ. Онъ вынулъ изъ портфеля бумаги, разложилъ ихъ на письменномъ столѣ, взглянулъ, поморщившись, на кипу новыхъ бумагъ и принялся за работу, не думая торопиться къ Гобзину.

«Если есть дѣло—его позовутъ!» — подумалъ Ордынцевъ, закуривая папироску и углубляясь въ чтеніе бумаги, испещренной цифрами.

— Вотъ-съ, Василій Николаевичъ, пакеты. Ради Бога извините... Мнѣ очень непріятно, что я навлекъ на себя ваше неудовольствіе...

Ордынцевъ ничего не отвѣтилъ и только махнулъ головой.

И началъ распечатывать пакеты не потому, что считалъ это необходимымъ, а единственно для того, чтобы показать Пронскому его безтактное вмѣшательство не въ свои дѣла.

«Интригуетъ. Вѣрно, на мое мѣсто хочетъ!»—про себя проговорилъ Ордынцевъ и струсилъ при мысли о возможности потери мѣста именно теперь, когда жизнь его сложилась такъ хорошо и когда ему нужно зарабатывать больше денегъ.

Электрическій звонокъ прервалъ эти размышленія.

Ордынцевъ застегнулъ на всѣ пуговицы свой черный потертый сюртукъ и пошелъ наверхъ, въ комнату директора правленія.

— Здравствуйте, глубокоуважаемый Василій Николаевичъ!— проговорилъ нѣсколько приподнятымъ, любезно-торжественнымъ тономъ Гобзинъ, привставая съ кресла и какъ-то особенно любезно пожимая Ордынцеву руку.—Присядьте, пожалуйста, Василій Николаевичъ...

Ордынцевъ присѣлъ, нѣсколько изумленный такимъ любезнымъ пріемомъ этого «молодого животнаго».

Послѣ недавней стычки отношенія были между ними исключительно офиціальныя и холодныя, и Ордынцевъ очень хорошо зналъ, что Гобзинъ не прощалъ своему подчиненному его отношенія къ нему, независимаго и исключительно дѣлового, не похожаго на льстивое и угодливое отношеніе другихъ служащихъ.

И вдругъ такая любезность!

«Ужъ не хотятъ ли они меня сплавить?» — подумалъ Ордынцевъ, взглядывая на это полное, бѣлое, съ румянымъ отливомъ лицо и стеклянные рачьи глаза, въ которыхъ на этотъ разъ не было обычнаго вызывающаго и самоувѣреннаго выраженія.

— Мнѣ очень пріятно сообщить вамъ, Василій Николаевичъ,—продолжалъ между тѣмъ Гобзинъ все въ томъ же приподнятомъ тонѣ, выговаривая слова съ медленной отчетливостью и какъ бы слушая себя самого:—что вчера, въ засѣданіи правленія, былъ рѣшенъ вопросъ о прибавкѣ съ перваго января вамъ жалованья. Нечего и говорить, что правленіе единогласно приняло мое предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ поручило мнѣ выразить вамъ глубочайшую признательность за ваши труды и сказать вамъ, какъ оно дорожитъ такимъ сотрудникомъ... Вамъ прибавлено, Василій Николаевичъ, тысяча пятьсотъ рублей въ годъ... Такимъ образомъ окладъ вашъ увеличился до шести тысячъ пятисотъ, кромѣ ежегодной награды, и я надѣюсь, что въ будущемъ увеличится еще... Повѣрьте, Василій Николаевичъ, что, несмотря на недоразумѣнія,

которыя бывали между нами, я умѣю цѣнить въ васъ даровитаго и способнаго помощника!

Послѣ этихъ словъ Гобзинъ протянулъ свою пухлую красную руку съ брильянтомъ на короткомъ мизинцѣ и, крѣпко пожимая руку Ордынцева, прибавилъ:

— И если въ недоразумѣніяхъ я бывалъ неправъ, то прошу извинить меня, Василій Николаевичъ!

Ордынцевъ поблагодарилъ за то, что «правленіе цѣнитъ его работу», и прибавилъ:

— А недоразумѣнія всегда возможны, Иванъ Прокофьевичъ. Надобно только желать, чтобы они не возникали на личной почвѣ... Тогда, повѣрьте, и служить легче, и служащіе болѣе увѣрены, что ихъ оцѣниваютъ исключительно по работѣ, а не по тому—нравятся ли они или нѣтъ. И я очень цѣню, что относительно меня правленіе именно такъ и поступило... Еще разъ благодарю въ лицѣ вашемъ, Иванъ Прокофьевичъ, правленіе и обращусь къ вамъ съ большой просьбой.

— Съ какой?—спросилъ Гобзинъ уже не съ тою предупредительною любезностью, съ какой только-что говорилъ, недовольный недостаточной, по его мнѣнію, прочувствованностью въ выраженіи благодарности за сдѣланную ему прибавку и за комплименты, и за эти намеки на «личную почву».

— По моему мнѣнію, было бы несправедливымъ, Иванъ Прокофьевичъ, прибавить жалованье только мнѣ одному и позабыть моихъ помощниковъ...

— Но тогда выйдетъ очень велика сумма... Это невозможно.

— Въ такомъ случаѣ, какъ ни важна мнѣ прибавка, назначенная правленіемъ, я, къ сожалѣнію, долженъ отъ нея отказаться, Иванъ Прокофьевичъ.

Гобзинъ никакъ этого не ожидалъ и изумленно смотрѣлъ на этого страннаго человѣка, отказавшагося отъ 1.500 р. изъ-за какой-то нелѣпой щепетильности.

А въ то же время надо было какъ-нибудь да съ нимъ поладить, такъ какъ отецъ еще на-дняхъ сказалъ сыну, чтобы онъ не выпускалъ Ордынцева изъ правленія и особенно дорожилъ имъ, при чемъ пригрозилъ убрать его самого, если онъ доведетъ Василія Николаевича до ухода.

— Такихъ дураковъ, какъ ты, много, а такихъ работниковъ, какъ Ордынцевъ, мало! — рѣшительно прибавилъ старикъ и скоро послѣ этого внесъ въ правленіе предложеніе о прибавкѣ Ордынцеву.

И молодой Гобзинъ, по приказу отца, долженъ былъ объявить о благодарности правленія Ордынцеву и «вообще обойтись съ нимъ душевно».

— Кому же вы хотите прибавить жалованье? И какъ велика будетъ сумма? Прикиньте-ка сейчасъ!—промолвилъ Гобзинъ, придвигая Ордынцеву листки бумаги и карандашъ.

Ордынцевъ намѣтилъ прибавки рѣшительно всѣмъ служащимъ въ его отдѣлѣ. Получилась сумма въ двѣнадцать тысячъ.

Гобзинъ взглянулъ на списокъ.

— Цифра значительная!—нѣсколько разъ повторилъ онъ.

— И дивидентъ значительный!—замѣтилъ Ордынцевъ.

— Оставьте мнѣ вашъ списокъ... Я доложу сегодня правленію...

— Очень вамъ благодаренъ, Иванъ Прокофьевичъ.

Ордынцевъ поднялся.

— Больше я вамъ не нуженъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Василій Николаевичъ. Послѣ засѣданія правленія я васъ попрошу, чтобъ сообщить вамъ его рѣшеніе.

Ордынцевъ ушелъ, сознавая, что поступилъ, какъ слѣдовало поступить порядочному человѣку. Онъ не сомнѣвался въ первую минуту, что требованіе его будетъ исполнено, если только старикъ Гобзинъ захочетъ поддержать его. Онъ зналъ, что въ сущности заправилою всего дѣла былъ этотъ милліонеръ изъ мужиковъ-каменьщиковъ, начавшій съ маленькихъ подрядовъ и сдѣлавшійся однимъ изъ видныхъ петербургскихъ дѣльцовъ. Остальные члены правленія были ставленниками Гобзина, имѣвшаго въ рукахъ большое количество акцій и располагавшаго большинствомъ голосовъ на общихъ собраніяхъ, и, разумѣется, не смѣли идти противъ его желаній, чтобъ не лишиться своихъ семи тысячъ директорскаго жалованья.

Ордынцевъ зналъ всѣхъ этихъ безличныхъ директоровъ: престарѣлаго архитектора, завѣдующаго хозяйственной частью и ловкаго мошенника, получавшаго съ подрядчиковъ значительныя «комиссіи» и «скидки», благодаря которымъ онъ имѣлъ тысячъ до двадцати въ годъ, прогорѣвшаго барина съ титулованной фамиліей, довольно ограниченнаго коммерсанта, съ братомъ котораго старикъ Гобзинъ велъ дѣла, и молодого инженера путей сообщенія—зятя Гобзина.

Только одинъ директоръ отъ правительства, бывшій литераторъ-публицистъ, былъ до нѣкоторой степени независимъ.

Но онъ, конечно, не подастъ голоса противъ прибавки жалованья младшимъ служащимъ, онъ, который въ своихъ прежнихъ статьяхъ, благодаря которымъ онъ и получилъ мѣсто, ратовалъ, между прочимъ, и противъ несправедливаго распредѣленія вознагражденія въ желѣзнодорожныхъ правленіяхъ и управленіяхъ.

Весь вопросъ сводился къ тому: согласится ли старикъ Гобзинъ?

И Ордынцевъ не разъ отвлекался отъ работы, думая объ этомъ, очень интересующемъ его дѣлѣ. Эти полторы тысячи вмѣстѣ съ наградными дадутъ ему возможность отказаться отъ части вечернихъ занятій и посвящать болѣе времени Шурѣ. Можно будетъ тогда пригласить англичанку для занятій, учительницу гимнастики, нанять дачу и поѣхать съ Шурой во время мѣсячнаго отпуска въ Крымъ. Они бы поѣхали въ августѣ, и какъ бы это было хорошо. Давно ужъ Ордынцевъ мечталъ объ этой поѣздкѣ, объ отдыхѣ. Но прежде эти мечты такъ и оставались мечтами. Онъ проводилъ лѣто въ городѣ, уѣзжая только по субботамъ на дачу въ окрестностяхъ Петербурга и возвращаясь оттуда въ воскресенье, довольный, что на недѣлю свободенъ отъ сценъ.

Не могъ воспользоваться онъ и своимъ отпускомъ, не могъ уѣхать куда-нибудь подальше и отдохнуть. Для этого у него не было средствъ.

А какъ бы онъ поправился въ Крыму. Какъ было бы полезно и Шурѣ и ему покупаться въ морѣ. Какъ хотѣлось ему этого моря, этихъ горъ и полнаго отдыха. Какъ хотѣлось ему забыть хоть на мѣсяцъ о правленіи, объ этой надоѣвшей ему работѣ и встрѣчахъ и объясненіяхъ съ Гобзинымъ-сыномъ.

И онъ припомнилъ, что во всю свою жизнь съ тѣхъ поръ, какъ женился, онъ ни разу дѣйствительно не отдыхалъ, ни разу никуда не ѣздилъ... Онъ все отдавалъ семьѣ и постоянно слышалъ жалобы и упреки, что зарабатываетъ мало, что семьѣ не хватаетъ, что дача нехороша...

И ни жена ни старшія дѣти никогда не подумали, что онъ усталъ отъ работы, что онъ боленъ, что ему нужно отдохнуть!.. На него смотрѣли, какъ на ломовую лошадь, которая должна тянуть возъ. И онъ тянулъ-тянулъ и теперь начинаетъ чувствовать себя разбитой клячей.

О, если бы получить эти полторы тысячи! Тогда онъ отдохнетъ и поправится.

«Но старикъ Гобзинъ упрямъ. Пожалуй, не согласится!»— подумалъ Ордынцевъ, и такъ какъ очень желалъ, чтобы Гобзинъ согласился, то именно потому недавняя его увѣренность исчезла, и онъ мало надѣялся.

Потерявши эту надежду, почти увѣренный, что старикъ обидится его ультиматумомъ, Ордынцевъ внезапно раздражился и озлобился, принимаясь за работу.

Цѣлая стопка бумагъ, испещренныхъ цифрами, лежала передъ нимъ. Всѣ эти бумаги надо просмотрѣть и провѣрить.

И Ордынцевъ защелкалъ счетами и пересталъ думать о томъ, что̀ казалось теперь ему несбыточнымъ.

Въ самый разгаръ работы кто-то постучалъ въ двери.

— Войдите! — крикнулъ Ордынцевъ раздраженнымъ голосомъ.

Въ дверяхъ появился высокій, плотный старикъ въ черной парѣ, съ широкимъ, красноватымъ, моложавымъ лицомъ, грубыя черты котораго сразу обличали бывшаго мужика. Сѣдые волосы были съ проборомъ по серединѣ и обстрижены въ скобку. Окладистая сѣдая борода придавала его лицу степенный, благообразный видъ. Маленькіе сѣрые глаза, острые и круглые, какъ у коршуна, блестѣли умомъ, энергіей и лукавствомъ изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей.

Это былъ «самъ» Гобзинъ.

— Добраго здоровья, Василій Николаевичъ... Помѣшалъ, конечно!.. Ну, не обезсудьте... Я на минуту! — проговорилъ онъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ.

Съ этими словами онъ приблизился къ Ордынцеву, сунулъ ему свою громадную жилистую руку и присѣлъ на стулъ у письменнаго стола, напротивъ Ордынцева.

— По обыкновенію трудитесь, Василій Николаевичъ!—началъ Гобзинъ, чтобы что-нибудь сказать передъ тѣмъ, чтобы перейти къ дѣлу, по которому пришелъ.

— А вы думали, Прокофій Лукичъ, лодырничаю?—съ раздраженіемъ отвѣтилъ Ордынцевъ, отодвигая счеты.

— Этого я о васъ никогда не полагалъ, Василій Николаевичъ. Слава Богу, давно знакомы... Вамъ бы и не грѣхъ поменьше заниматься...

— Поменьше?.. А куда мнѣ вотъ это сбыть? — указалъ Ордынцевъ на стопку бумагъ.

— То-то вы во все сами любите входить... Не полагаетесь на другихъ.

— У другихъ тоже довольно работы. И другіе не сидятъ сложа руки...

Гобзинъ молчалъ и, опустивъ глаза, постукивалъ пальцами по столу. Ордынцевъ зналъ, что это постукиваніе было обычной прелюдіей къ серьезному разговору, и, конечно, догадался— къ какому. Онъ взглянулъ на «умнаго мужика», какъ называлъ онъ бывшаго предсѣдателя правленія, съ которымъ служилъ около четырехъ лѣтъ и не имѣлъ никогда никакихъ непріятностей, хотя нерѣдко и велъ съ нимъ дѣловые споры. Взглянулъ, и по тому, что широкій облысѣвшій лобъ Гобзина

не былъ сморщенъ, скулы не двигались и широкія плечи не ерзали, заключилъ, что Гобзинъ въ хорошемъ настроеніи.

И полученіе прибавки казалось ему теперь не невозможнымъ. Недаромъ же «умный мужикъ» зашелъ сюда и говоритъ ласковыя слова. «Только надо держать съ нимъ ухо востро. Онъ—лукавая шельма!»—думалъ Ордынцевъ, имѣя нѣкоторое понятіе о Гобзинѣ-старикѣ и изъ личныхъ наблюденій и изъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о томъ, какими мошенническими продѣлками полна біографія этого «нашего извѣстнаго» практическаго дѣятеля, портретъ котораго еще недавно былъ помѣщенъ въ одной изъ газетъ, особенно покровительствующей «истинно-русскимъ» людямъ, по поводу крупнаго пожертвованія Гобзина на церковно-приходскія и техническія школы.

Зналъ также Ордынцевъ, какъ ловко онъ обошелъ одного неподкупнаго сановника, удостоившись чести взять отъ его супруги пятьдесятъ тысячъ для помѣщенія ихъ въ дѣлѣ. Пятнадцать тысячъ, которыя ежегодно вносилъ Гобзинъ своей вѣрительницѣ въ видѣ прибыли на ея капиталъ, невольно убѣдили въ его коммерческихъ способностяхъ молодую женщину, что̀ было, разумѣется, очень лестно для Гобзина, понимавшаго, какъ важенъ иногда бываетъ въ коммерческихъ дѣлахъ учетъ женскаго покровительства. Старикъ умѣлъ, какъ онъ «выражался», «учитывать» разныя знакомства и связи и не разъ, бывало, удивлялся Ордынцеву, что онъ не «учитываетъ» своихъ пріятельскихъ отношеній къ Никодимцеву. Давно бы назначили Василія Николаевича директоромъ правленія отъ правительства. Получалъ бы себѣ семь тысячъ и ѣздилъ бы разъ въ недѣлю въ засѣданія. Чего лучше?

Пробивъ нѣсколько разъ по столу трели, Гобзинъ поднялъ глаза на Ордынцева и добродушно-шутливымъ тономъ проговорилъ:

— Признаться, Василій Николаевичъ, вы даже и меня, дорогой, огорошили!

— Чѣмъ? — спросилъ Ордынцевъ, хотя и отлично зналъ чѣмъ.

И въ то же время подумалъ:

«Тебя, старая шельма, ничѣмъ не огорошишь!»

— Мнѣ сейчасъ сынъ обсказалъ, какую вы намъ загвоздку закатили... Простите, что̀ я вамъ скажу, Василій Николаевичъ?

— Говорите.

— Такого, съ позволенія сказать, чудака, какъ вы, по нынѣшнимъ временамъ не найти.

И старикъ разсмѣялся, показывая свои крупные бѣлые зубы.

— Въ чемъ же вы находите чудачество?

— Да, помилуйте, Василій Николаевичъ, ужъ если прямо говорить, такъ это даже довольно неосновательно съ вашей стороны... Вамъ, не въ примѣръ прочимъ, какъ служащему, которымъ правленіе особенно дорожитъ, назначаютъ прибавку, а вы, съ позволенія сказать, выкидываете неслыханную штуку. Это не порядокъ, дорогой Василій Николаевичъ... И ради чего? Вѣдь я знаю, вамъ по теперешнему вашему положенію очень нужна прибавка.

— Нужна.

— Вы вотъ и вечернія занятія берете... Себя только изморите... И вмѣстѣ съ тѣмъ такой камуфлетъ! На двѣнадцать тысячъ насъ хотите ахнуть. За что? Ежели мы вамъ хотимъ дать прибавку, обязаны мы, что ли, другимъ давать?

— Но вы и мнѣ не обязаны...

— Эхъ какой вы, Василій Николаевичъ!.. Положимъ не обязаны, но вы намъ нужны. А нужнаго человѣка нужно держать въ сытѣ. Надо, чтобы онъ былъ доволенъ... А то васъ то и гляди переманятъ... Вѣрно, ужъ есть предложеніе, а?

Ордынцевъ разсмѣялся.

— Нѣтъ, Прокофій Лукичъ. Да я пока и не собираюсь уходить...

— Не собираетесь, а между тѣмъ, если будете недовольны, соберетесь... А вы намъ нужны... И часть свою знаете, и не подведете... И на съѣздахъ толково говорите... Мы за то и предлагаемъ вамъ шесть тысячъ съ половиной вмѣсто пяти... И больше дадимъ. Семь можемъ дать, если...

— Если что?..

— Если вы, Василій Николаевичъ, не станете бунтовать!— шутливо проговорилъ Гобзинъ.—Получайте свою прибавку, а потомъ мы обсудимъ вашу просьбу о другихъ служащихъ... Идетъ, что ли?

— Нѣтъ, Прокофій Лукичъ, не идетъ... Я вамъ, вы говорите, нуженъ. И мнѣ нужны мои помощники, и я, какъ вы, люблю, чтобъ нужные люди были довольны...

— Это вы моей же палкой да меня по шеѣ? Ну, съ вами не сговоришь... Будь по-вашему, но только скиньте процентовъ двадцать съ этого списка!— сказалъ Гобзинъ, вынимая изъ кармана списокъ Ордынцева.—Уважьте меня.

Ордынцевъ согласился и благодарилъ Гобзина.

Въ свою очередь и Гобзинъ сказалъ, что онъ только ради Василія Николаевича согласился на его просьбу... Онъ, молъ, понимаетъ, кто чего стоитъ...

И, вставая, прибавилъ, пожимая Ордынцеву руку:

— А въ будущемъ году вамъ будетъ данъ двухмѣсячный отпускъ, Василій Николаевичъ. Вамъ надо хорошенько отдохнуть и поправиться... Вы вѣдь раньше не пользовались отпусками. Да съ сыномъ... того... поснисходительнѣй будьте... Я ему ужъ наказывалъ, чтобъ онъ не форсилъ... Молодъ еще... Не понимаетъ людей... Не того ищетъ въ нихъ, что слѣдуетъ... Ну, очень радъ, что мы «оборудовали» съ вами дѣло... А затѣмъ прощайте пока, Василій Николаевичъ...

II.

Необыкновенно радостный возвратился въ этотъ день домой Ордынцевъ и, цѣлуя отворившую ему двери Шуру, проговорилъ:

— Ну, Шурочка, теперь мы съ тобой лучше заживемъ... Черезъ двѣ недѣли будемъ получать прибавку къ жалованью... Тысячу пятьсотъ. Да награды получу столько же. Понимаешь, у насъ три тысячи будетъ... Вечернія занятія по боку... А лѣтомъ мы на два мѣсяца поѣдемъ съ тобой въ Крымъ... Рада, дѣточка?

— Еще бы не рада... Главное, рада, что ты эти вечернія занятія бросишь... Не будешь такъ уставать. Ну, идемъ обѣдать, папочка... Супъ поданъ... Идемъ, а то остынетъ, а ты любишь горячій... За обѣдомъ все разскажешь.

— Сію минуту, моя хозяюшка. Дай только руки вымою!

Тѣмъ временемъ маленькая хозяйка еще разъ оглянула столъ—все ли въ порядкѣ—и шепнула кухаркѣ:

— Говядины не передержите, Анисья. Папа не любитъ.

— Не передержу, барышня... Не бойся, хлопотунья!

— И огурцы чтобы хорошіе были...

— Отличные. Нарочно въ Офицерскую бѣгала.

— Ну вотъ и я!—весело воскликнулъ Ордынцевъ.

И онъ сѣлъ за столъ, сбоку отъ Шуры, занявшей, по обыкновенію, хозяйское мѣсто.

Шура между тѣмъ налила отцу маленькую рюмку водки и графинчикъ унесла въ буфетъ.

— За твое здоровье, Шура! За нашу лучшую жизнь!

Ордынцевъ выпилъ и началъ закусывать.

— И что за важная селедка... Это ты приготовляла?

— Я, папочка! — радостно отвѣчала Шура, довольная похвалой отца.

— Прелесть... А вторую рюмку нельзя?

— А что докторъ сказалъ?

— Ну не буду, не буду, умница... Наливай мнѣ супу.

Онъ съ жадностью проголодавшагося человѣка принялся

за супъ и временами съ безконечной нѣжностью взглядывалъ на эту маленькую смуглянку съ большими черными глазами, которая такъ берегла его и такъ ухаживала за нимъ. И при мысли, что теперь онъ можетъ дать лучшее образованіе своей дѣвочкѣ и доставлять ей больше удовольствій, онъ чувствовалъ себя счастливымъ.

Когда супъ былъ оконченъ и Ордынцевъ утолилъ голодъ, онъ сталъ разсказывать Шурѣ, какъ онъ получилъ прибавку и какъ отстоялъ ее для служащихъ, и спросилъ:

— Не правда ли, и ты такъ бы поступила, моя милая?

— А то какъ же? Я понимаю тебя, папа. И Гобзинъ добрый...

— Ну, положимъ, не особенно добрый, а умный... Онъ дорожитъ мною, поэтому мы и поѣдемъ съ тобою въ Крымъ... И въ театръ на святки поѣдемъ... «Ревизора» посмотримъ... И елку сдѣлаемъ—ты пригласи своихъ подругъ... На какой день назначимъ елку?

— На первый день... А сколько можно позвать подругъ, папочка?

— Зови кого хочешь.

— А не дорого это будетъ?

— Милая, деликатная ты моя дѣвочка!—проговорилъ умиленный отецъ.—Мы дорогую елку не сдѣлаемъ... Не правда ли?

— Разумѣется, самую дешевую.

— У насъ на все денегъ хватитъ.

— Откуда же ты получишь?

— Сто десять рублей за вечернія занятія, да сто рублей прихвачу у насъ изъ кассы въ счетъ наградныхъ. Ихъ въ февралѣ выдадутъ. Полтораста рублей пойдутъ на прожитокъ, а пятьдесятъ рублей пойдутъ на праздники... Надо дать сторожамъ въ правленіи, нашей Аксиньѣ, дворникамъ... Надо сдѣлать подарокъ тебѣ...

— И сестрѣ и братьямъ?—спросила Шура.

И тотчасъ же вспыхнула и взглянула смущенно на отца, словно бы извиняясь.

— Конечно, и имъ!—отвѣтилъ отецъ и тоже смутился.

— А я мамѣ вышиваю одну работу...

— Отлично дѣлаешь!—похвалилъ Ордынцевъ.

Онъ докончилъ жаркое и отодвинулъ тарелку.

— Скушай еще, папочка.

Ордынцевъ отказался.

— Не понравилось?—съ безпокойствомъ спросила Шура.

— Очень понравилось, но я сытъ... Спасибо за обѣдъ... А вотъ тебѣ груша... Кушай, дѣтка, на здоровье... Осенью мы

Аксинья убрала со стола и подала самоваръ. Шу́ра налила отцу чай, скушала грушу и разсказала отцу, что сегодня ее спрашивали изъ ариѳметики и изъ русскаго.

— И хорошо отвѣчала?

— Кажется, недурно. По пятеркѣ поставили.

— Ай да молодецъ!—воскликнулъ Ордынцевъ съ такою радостью, точно онъ самъ получилъ по пятеркѣ.

Онъ выпилъ чай, поцѣловалъ Шуру и сказалъ:

— Надо уходить.

— А отдохнуть?

— Некогда. Надо зайти къ Вѣрѣ Александровнѣ, узнать адресъ Скурагина и поискать желающихъ ѣхать на голодъ... Никодимцевъ просилъ. Онъ ѣдетъ и ищетъ помощниковъ.

Шура нѣсколько минутъ молчала и наконецъ спросила:

— А ты, папа, далъ въ пользу голодающихъ?

— Далъ, родная. Пятьдесятъ рублей далъ въ прошломъ мѣсяцѣ. И съ января буду давать по десяти рублей въ мѣсяцъ.

— И мы въ гимназіи собираемъ. И я дала рубль, что̀ ты мнѣ подарилъ.

— Ай да молодцы гимназисточки... Ну до свиданія, голубка. Постараюсь скоро вернуться. А ты что̀ безъ меня будешь дѣлать?

— Ко мнѣ обѣщали двѣ подруги придти...

— И отлично. Не будешь одна... Угости подругъ чѣмъ-нибудь! Вотъ тебѣ на лакомство...

Ордынцевъ далъ Шурѣ нѣсколько мелочи и ушелъ, провожаемый, по обыкновенію, дочерью.

Вѣры Александровны онъ дома не засталъ. Мужъ ея сказалъ, что она все время у брата, въ больницѣ, и что братъ безнадеженъ. Тамъ же, вѣрно, и Скурагинъ.

Ордынцевъ просидѣлъ нѣсколько минутъ у Леонтьева, сообщилъ о порученіи Никодимцева и сказалъ, что поѣдетъ въ больницу, чтобы навѣстить больного и повидаться съ Скурагинымъ, и отъ него узнать, нѣтъ ли желающихъ ѣхать съ Никодимцевымъ. О томъ, что ему хотѣлось повидать Вѣру Александровну и быть около нея въ первыя минуты остраго горя, — онъ умолчалъ, хотя и зналъ, что Леонтьевъ понялъ это, потому что, провожая Ордынцева, онъ сказалъ съ какимъ-то напряженнымъ выраженіемъ на своемъ утомленномъ лицѣ:

— Если что̀ случится тамъ, то вы, пожалуйста, побудьте около Вѣры и привезите домой. А мнѣ нельзя оставить дѣтей однихъ... Вы знаете наше правило? — прибавилъ уныло статистикъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

По тому, какъ легко приподнялся съ кровати Борисъ Александровичъ и какъ крѣпко, точно цѣпляясь, сжалъ своей тонкой, сухой горячей рукой руку Ордынцева, — Ордынцевъ рѣшительно не могъ подумать, что передъ нимъ осужденный на очень близкую смерть.

Только послѣ двухъ-трехъ неестественно оживленныхъ фразъ больного о томъ, что онъ чувствуетъ себя значительно лучше и при первой же возможности уѣдетъ въ Ниццу, и по мутному, словно бы подернутому туманомъ взгляду глубоко ввалившихся глазъ Ордынцевъ понялъ, что смерть уже витаетъ въ этой небольшой комнатѣ, освѣщенной слабымъ свѣтомъ лампы.

И еще болѣе убѣдился въ этомъ Ордынцевъ по напряженно-серьезному и злому выраженію на безбородомъ и безусомъ лицѣ врача въ длинномъ бѣломъ балахонѣ — злому, что не можетъ вырвать изъ когтей смерти человѣка, котораго разсчитывалъ вырвать,—и по тому еще, что врачъ избѣгалъ встрѣчаться глазами со взглядомъ больного, и по притворно-спокойнымъ и ласково-улыбающимся лицамъ двухъ сестеръ милосердія.

— Когда давали шампанское?—освѣдомился врачъ.

— Въ восемь часовъ.

— Дайте еще стаканъ...

И, взявъ отъ «сестры» скорбный листокъ, докторъ отмѣтилъ въ немъ что-то и, не глядя ни на кого изъ присутствующихъ, вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ со старшей сестрой продолжать свой вечерній обходъ.

Оставшаяся въ комнатѣ сестра налила маленькій стаканъ шампанскаго и, приподнявъ съ подушкой голову больного, предложила ему выпить.

Больной нарочно закрылъ глаза.

— Выпейте, голубчикъ... Вамъ лучше будетъ! — необыкновенно ласково проговорила «сестра».

— Выпей, Боря!.. Выпей, милый! — сдерживая слезы, сказала Вѣра Александровна.

И Борисъ Александровичъ открылъ глаза и выпилъ съ жадностью шампанское.

— Ну, теперь я засну... Спасибо, сестра! — сказалъ онъ сестрѣ милосердія.—А ты, Вѣра, не уходи!—приказалъ онъ, раздражаясь.— Будемъ вмѣстѣ пить чай!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ заснулъ. Среди мертвой тишины слышно было, какъ изъ груди вырывался странный хрипъ и слышалось какое-то бульканіе.

Вѣра Александровна и Скурагинъ вышли въ коридоръ. За ними вышелъ и Ордынцевъ.

Ордынцевъ молча поздоровался съ ними.

Въ эту минуту къ Вѣрѣ Александровнѣ подошла одна изъ «сестеръ», пожилая женщина, съ обычной пріятной улыбкой на своемъ полномъ, отливавшемъ желтизной лицѣ, и сказала:

— Простите меня, сударыня, что я позволю себѣ напомнить вамъ о томъ, что̀ вы, въ огорченіи своемъ, забыли.

— О чемъ?—испуганно спросила Леонтьева.

— О приглашеніи священника для исповѣди и пріобщенія святыхъ тайнъ больного.

— А развѣ...

Она не могла окончить вопроса. Рыданія душили ее.

— Все въ рукахъ Господнихъ... Но не мѣшаетъ теперь же послать за батюшкой.

— Не взволнуетъ ли это бѣднаго брата?

— Взволнуетъ?—удивленно и строго спросила «сестра».— Напротивъ, больные обыкновенно чувствуютъ облегченіе страданій послѣ таинства. Впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно!— съ огорченнымъ видомъ прибавила «сестра».

— Тогда... пожалуйста, пригласите священника... А я приготовлю брата...

— Не волнуйте себя... Когда батюшка придетъ, дежурная сестра скажетъ больному. Она сумѣетъ это сдѣлать... А я сейчасъ же пошлю просить батюшку!—сказала «сестра».

И съ мягкимъ короткимъ поклономъ тихо удалилась и исчезла за дверями.

— Вѣра!—донесся изъ-за полуотворенныхъ дверей голосъ Бориса Александровича.

Леонтьева вытерла слезы и пошла въ комнату.

Тѣмъ временемъ Ордынцевъ совѣтовалъ Скурагину ѣхать съ Никодимцевымъ, ручаясь, что Никодимцевъ вполнѣ порядочный человѣкъ.

— Я ѣду съ нимъ. Мнѣ онъ понравился!—отвѣчалъ Скурагинъ.

Ордынцевъ просилъ Скурагина указать еще кого-нибудь. Скурагинъ обѣщалъ прислать къ Никодимцеву желающихъ и, между прочимъ, сказалъ, что по близости живетъ одинъ студентъ-медикъ, Петровъ, который навѣрное поѣдетъ.

— Знаете его адресъ? Я сейчасъ же зайду къ нему.

— Я охотно бы пошелъ, Василій Николаевичъ, да дѣло въ томъ, что больной поминутно зоветъ меня... И Вѣру Александровну нельзя оставить одну! — промолвилъ, словно бы извиняясь, Скурагинъ.

— Плохъ бѣдный Борисъ Александровичъ!

— Докторъ говоритъ, что едва ли дотянетъ до утра!.. А Петровъ живетъ недалеко отъ академіи, въ Вильманстрандскомъ переулкѣ, д. 6, кв. 27, въ третьемъ этажѣ. Вѣрно, его застанете!

Ордынцевъ тотчасъ же ушелъ, сказавши Скурагину, что немедленно вернется въ больницу.

Онъ вышелъ изъ больницы въ пустынную улицу. Поднималась вьюга. Снѣгъ билъ въ лицо, сухой и холодный. Сильный морозъ давалъ себя знать, пронизывая Ордынцева сквозь старую и жиденькую его шубенку. И эта непривѣтная погода заставила Ордынцева еще болѣе пожалѣть умиравшаго.

Только у Сампсоніевскаго моста онъ нашелъ плохонькаго извозчика и минутъ черезъ десять тихой ѣзды, продрогшій и озябшій, остановился у подъѣзда небольшого трехэтажнаго дома. Въ глухомъ переулкѣ не было ни одного извозчика. Только лихачъ стоялъ у подъѣзда, дожидаясь кого-то.

— Подожди меня. Черезъ десять минутъ выйду!—сказалъ онъ извозчику и вошелъ въ подъѣздъ.

Швейцара не было. Ордынцевъ поднялся по лѣстницѣ, скудно освѣщенной керосиновыми фонарями, наверхъ и позвонилъ. Молодая, чѣмъ-то озлобленная кухарка отворила дверь и раздраженно спросила «кого нужно»?

— Студента Петрова.

— Нѣтъ его дома!

И она хотѣла-было захлопнуть двери, но Ордынцевъ остановилъ ее и попросился войти и написать записку.

Кухарка неохотно впустила Ордынцева и ввела его въ крошечную комнатку, занимаемую студентомъ.

— Пишите, что̀ вамъ нужно. Вотъ тутъ на столѣ есть бумага и перо.

Ордынцевъ не сразу могъ написать озябшими пальцами. Наконецъ онъ написалъ Петрову приглашеніе побывать у Никодимцева и просилъ передать записку немедленно, какъ вернется Петровъ.

— Ладно, скажу!—рѣзко сказала кухарка.

— Однако вы сердитая! — промолвилъ, подымаясь, Ордынцевъ, чувствуя, что недостаточно еще согрѣлся.

— Поневолѣ будешь сердитая!—ожесточенно отвѣтила кухарка.

— Отчего же?

— А оттого, что я одна на всю квартиру. Все прибери да подмети, и все хозяйка зудитъ... А тутъ еще то и дѣло звонки. Комнаты-то всѣ студентамъ сданы, ну и шляются къ нимъ

и они шляются... Отворяй только. А ноги-то у меня не чугунныя. Такъ какъ вы думаете, господинъ, можно мнѣ быть доброй?—спросила она.

Ордынцевъ принужденъ былъ согласиться, что нельзя, и, извинившись, что побезпокоилъ ее, вышелъ за двери.

И въ ту же секунду изъ дверей противоположной квартиры вышли его жена и Козельскій.

Несмотря на густую вуаль, Ордынцевъ отлично разглядѣлъ жену. Онъ встрѣтился съ ней, такъ сказать, носомъ къ носу.

Она немедленно скрылась въ квартиру. Вслѣдъ за ней вошелъ и смутившійся Козельскій, и двери захлопнулись.

Ордынцевъ машинально подошелъ къ двери, никакой дощечки на ней не нашелъ и, постоявъ нѣсколько секундъ у дверей, сталъ тихо спускаться по лѣстницѣ.

— Такъ вотъ оно что! — наконецъ произнесъ онъ, словно бы внезапно озаренный и понявшій что-то такое, чего онъ прежде не понималъ.

Онъ сѣлъ на извозчика и велѣлъ везти въ больницу, взглянувъ предварительно на рысака.

«А еще хвалилась своей безупречностью... старая развратная тварь!»—думалъ, полный презрѣнія къ женѣ, Ордынцевъ, и многое ему стало понятнымъ. И ея наряды, и ея посѣщеніе журфиксовъ Козельскаго, и эти даровые билеты на ложи, получаемые будто бы отъ знакомой актрисы, и кольца, и ея кокоточный видъ.

А онъ-то въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ, что она безупречная жена, и еще считалъ себя передъ ней виноватымъ!

«Подлая! И что могъ найти въ ней хорошаго эта скотина Козельскій!»—мысленно проговорилъ Ордынцевъ, испытывая невольное ревнивое чувство къ любовнику своей давно нелюбимой жены и въ то же время какое-то скверное злорадство, что она, несмотря на свою осторожность, попалась-таки со своимъ любовникомъ. Видно, у нихъ тамъ пріютъ для свиданій, и, конечно, Козельскій оплачиваетъ свои удовольствія ласкать эту жирную, подкрашенную и подмазанную даму.

Но что было главнѣйшимъ источникомъ злости Ордынцева, такъ это то, что онъ былъ въ дуракахъ, когда вѣрилъ ея патетическимъ и горделивымъ увѣреніямъ въ супружеской вѣрности и выслушивалъ сцены, разыгрываемыя именно на тему объ ея добродѣтели.

О, если-бъ онъ догадывался объ этомъ раньше! Онъ давно бы оставилъ эту лживую и порочную женщину, не считая себя виноватымъ, что она страдаетъ безъ любви, какъ она говорила.

«Небось, не страдала!»—подумалъ онъ.

И семейка Козельскихъ, нечего сказать, хороша! Отецъ-то каковъ? А эта барышня, изъ-за которой гибнетъ молодой человѣкъ! А эта Инна, уловившая въ свои сѣти бѣднаго Никодимцева. И вѣдь пѣтъ средствъ удержать его отъ гибели. Онъ вѣритъ въ нее, потому что влюбленъ въ нее и потому что она умно продѣлала комедію раскаянія. Она, навѣрное, она сама имѣла безстыдство познакомить Никодимцева со своимъ прошлымъ, разсчитывая на эффектъ собственнаго признанія.

Такъ мысленно поносилъ Ордынцевъ женщину, съ которой говорилъ раза два и которую не зналъ, а судилъ по наслышкѣ и, главнымъ образомъ, по злоязычнымъ словамъ своей жены. Полный ненависти и презрѣнія къ Козельскому, онъ готовъ былъ теперь ненавидѣть всю семью его несравненно сильнѣе, чѣмъ до только-что бывшей встрѣчи съ женой.

Ему хотѣлось разсказать объ этомъ кому-нибудь, чтобы знали, какъ лжива эта женщина. Но когда онъ вошелъ въ больницу и поднялся въ коридоръ, то всѣ его злыя мысли разсѣялись при видѣ Вѣры Александровны, стоявшей, уткнувшись головой въ стѣну, и глухо рыдавшей.

Ордынцевъ понялъ, что все кончено.

— Тотчасъ послѣ причастія умеръ! — шепнулъ ему Скурагинъ.

— Спокойно?

— Совсѣмъ. Онъ, кажется, и не сознавалъ, что умираетъ...

— А объ той... о Козельской что-нибудь говорилъ?

— Ни слова. И послѣ одного ея посѣщенія видѣть ее не хотѣлъ.

Ордынцевъ позвалъ Вѣру Александровну домой. Она тотчасъ же покорно согласилась ѣхать вмѣстѣ съ Ордынцевымъ. Скурагинъ остался, чтобы посмотрѣть, какъ перенесутъ тѣло покойнаго въ часовню, и это почему-то подѣйствовало очень успокоительно на Леонтьеву.

— Побудьте, голубчикъ, съ нимъ, пока его не вынесутъ!— сказала она, крѣпко пожимая Скурагину руку въ знакъ благодарности.

Леонтьевъ тотчасъ же отправился, чтобы распорядиться насчетъ читальщика, панихидъ, объявленій въ газетахъ и похоронъ, а Ордынцевъ остался посидѣть у Леонтьевой. Пока ставили самоваръ, она была въ дѣтской, и видъ двухъ здоровыхъ мальчиковъ и дочери, спавшей въ комнатѣ Леонтьевой, значительно уменьшилъ ея печаль о братѣ. Счастливое эгоистическое чувство матери невольно умѣряло горе, и ей

самой сдѣлалось стыдно, что она какъ будто не довольно жалѣетъ брата.

И она нарочно стала вызывать воспоминанія о послѣднихъ его минутахъ, вспомнила его, казалось ей, молящій о жизни взглядъ, обращенный къ священнику, вспомнила его исхудалое лицо съ заостреннымъ носомъ, его послѣдній глубокій вздохъ, и слезы полились изъ ея глазъ, и она почувствовала себя какъ бы менѣе виноватой.

Пришла она звать пить чай Ордынцева съ заплаканными глазами, но уже болѣе спокойной.

Она начала разсказывать о братѣ, вспомнила о томъ, какой онъ былъ добрый и веселый до тѣхъ поръ, пока...

— Надѣюсь, она не покажется на панихидѣ!—неожиданно возбуждаясь, проговорила Вѣра Александровна.

— Отъ этой барышни всего можно ждать, Вѣра Александровна.

И, чтобы отвлечь вниманіе Леонтьевой и вмѣстѣ съ тѣмъ подѣлиться съ ней, Ордынцевъ сообщилъ о томъ, какъ онъ сейчасъ встрѣтилъ жену съ Козельскимъ.

И Вѣра Александровна съ любопытствомъ слушала разсказъ Ордынцева о встрѣчѣ. Слушала и какъ будто радовалась, что Ордынцевъ теперь понялъ, какова у него жена. Очень порадовалась она за него, узнавши о прибавкѣ и о томъ, что онъ поѣдетъ съ Шурой въ Крымъ.

Въ полночь пришелъ мужъ. Онъ разсказалъ, что все имъ сдѣлано, и что похороны обойдутся недорого; этотъ разговоръ снова напомнилъ Вѣрѣ Александровнѣ о братѣ, и она заплакала.

Въ первомъ часу ушелъ Ордынцевъ, обѣщая быть завтра на панихидѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Ордынцевъ всталъ поздно и вышелъ пить кофе въ десять часовъ. Проголодавшаяся Шура уже давно ждала отца. Она всегда съ нимъ пила по утрамъ кофе.

Отецъ расцѣловалъ Шуру и, присѣвши къ столу, принялся за чтеніе газеты, отхлебывая маленькими глотками горячій кофе со сливками. Шура торопливо намазывала ломоть бѣлаго хлѣба масломъ и поставила тарелочку съ хлѣбомъ около Ордынцева.

Она пила кофе и часто взглядывала на отца. Онъ, видимо, былъ не въ духѣ и чѣмъ-то встревоженъ, и разсѣянно читалъ газету, очевидно, думая о другомъ. Онъ не разсказалъ ей, какъ провелъ вечеръ и почему поздно вернулся. Подруги ушли отъ нея вчера въ одиннадцать часовъ, а папы не было...

«Что съ нимъ, голубчикомъ?—думала въ тревогѣ дѣвочка.— Вчера онъ былъ такой веселый, а сегодня...»

— Ты развѣ хлѣба не хочешь, папочка? — спросила она, замѣтивши, что отецъ не притронулся къ нему.

— Нѣтъ, Шура, не хочется...

— Ты, вѣрно, плохо спалъ?..

— А что, милая?

— Да ты сегодня какой-то сердитый... Ужъ не на меня ли?

— Что ты, дѣточка? За что на тебя сердиться?.. Я, видишь ли, вчера былъ въ больницѣ... Тамъ умеръ братъ Вѣры Александровны, Борисъ Александровичъ... Ну вотъ и отразилось непріятное впечатлѣніе отъ гибели молодой жизни! — объяснилъ Ордынцевъ, не смѣя сказать дочери объ истинной причинѣ его мрачнаго настроенія. Не станетъ же онъ позорить мать въ глазахъ дочери. Пусть она никогда не узнаетъ ничего позорнаго для матери.

«А Ольга?»—подумалъ Ордынцевъ и вспомнилъ пререканья между матерью и дочерью, когда онѣ вернулись съ фикса у Козельскихъ и онъ слышалъ ихъ изъ кабинета...

«Ольга навѣрное догадывается... И Алексѣй тоже!»—рѣшилъ Ордынцевъ, и это его взволновало еще болѣе.

«Какой хорошій примѣръ для Ольги!.. Она ужъ и такъ порядочно испорчена, а теперь что будетъ съ ней!?»

И онъ ничего не можетъ сдѣлать! Ничему помѣшать, что бы ни случилось!

Раздался звонокъ.

Ордынцевъ взглянулъ на часы. Было половина одиннадцатаго.

«Аккуратенъ, какъ хронометръ!»—подумалъ Ордынцевъ.

— Это, вѣрно, Алеша, папа!—сказала Шура, выбѣгая въ переднюю, чтобъ встрѣтить брата.

— Навѣрное, онъ!—проговорилъ отецъ, откладывая въ сторону газету.

Онъ не испытывалъ ни малѣйшей радости въ ожиданіи сына, но когда онъ вошелъ, по обыкновенію свѣжій и чистенькій, красивый со своими большими, серьезными голубыми глазами и тонкими чертами изящнаго лица, щегольски одѣтый въ длиннополомъ студенческомъ сюртукѣ, отцовское чувство невольно сказалось въ смягченномъ взглядѣ и въ просвѣтлѣвшемъ на мгновеніе лицѣ.

«Молодецъ!»—невольно пронеслось у него въ головѣ и отозвалось на сердцѣ.

— Здравствуй, папа. Здоровъ, надѣюсь!—проговорилъ свое обыкновенное привѣтствіе Алексѣй.

И, пожавши протянутую ему руку, сѣлъ противъ отца и прибавилъ:

— Ольга и Сережа кланяются тебѣ и извиняются, что не придутъ сегодня къ тебѣ. Ольга ѣдетъ въ концертъ, а Сережа, по обыкновенію, что-то долбитъ...

О матери онъ не обмолвился ни единымъ словомъ.

— Спасибо за поклоны. Здоровъ, какъ видишь... Кофе хочешь?

— Благодарю, не хочу. Только-что пилъ! — съ обычной своей основательностью отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Выпей, Леша... Я тебя прошу, выпей... Попробуй нашего кофе!—почти умоляла Шура въ качествѣ хозяйки, желавшей похвастать кофе, который казался ей совсѣмъ не такимъ, какой пьютъ другіе, а какимъ-то особенно вкуснымъ.

Алексѣй не понялъ или не соблаговолилъ понять, сколько удовольствія доставилъ бы онъ маленькой сестрѣ своимъ согласіемъ выпить чашку, и спокойнымъ, авторитетнымъ тономъ сказалъ ей:

— Не приставай, Шура. Вѣдь я говорю, что только-что пилъ.

— А развѣ одну чашку... ну, полчашки нельзя?

— Нельзя. Я свои два стакана выпилъ и до завтрака ничего не ѣмъ. Надо, Шура, и въ ѣдѣ соблюдать порядокъ... Это крайне полезно.

Шура примолкла. Отецъ едва замѣтно усмѣхнулся.

— Такъ налей мнѣ третій стаканъ. Твой кофе дѣйствительно прелестенъ! — сказалъ Ордынцевъ, чтобъ доставить удовольствіе Шурѣ.

При всемъ желаніи поговорить съ сыномъ, Ордынцевъ какъ-то не находилъ темы и нѣсколько стѣснялся этимъ.

Но Алексѣй самъ постарался занимать отца и проговорилъ:

— Читалъ о смерти Бориса Александровича?

— Читалъ...

— Вотъ глупая смерть! Тебѣ извѣстны причины?

— Извѣстны.

— Признаться, я считалъ покойника умнѣе. А то стрѣляться изъ-за такой глупости—не понимаю!

Этотъ спокойно-увѣренный тонъ сына начиналъ раздражать Ордынцева.

— Ты, конечно, и вообще не понимаешь самоубійства? — спросилъ онъ, стараясь быть сдержаннымъ.

— Не понимаю, хотя и допускаю, что каждый воленъ располагать своей жизнью, какъ ему заблагоразсудится... А ты развѣ одобряешь самоубійства?

— Бываютъ случаи, когда вполнѣ одобряю! — возбужденно воскликнулъ Ордынцевъ.

Сынъ сталъ занимать отца, перейдя осторожно на другую тему, сожалѣя, что коснулся первой. Онъ никакъ не разсчитывалъ встрѣтить въ отцѣ защитника самоубійства.

И онъ, чтобъ занять отца, сталъ разсказывать—и, по обыкновенію, ясно, точно и красиво, о новомъ, интересномъ открытіи въ химіи.

— А съ кѣмъ Ольга поѣхала въ концертъ?—прервалъ на половинѣ разсказа Ордынцевъ.

— Съ мамой и съ Уздечкинымъ,—отвѣтилъ Алексѣй, нѣсколько удивленный вопросомъ и тѣмъ, что его перебиваютъ.

И онъ докончилъ разсказъ, значительно сокративъ его.

Наступило молчаніе.

— Ты знакомъ со Скурагинымъ... студентомъ на математическомъ факультетѣ?—вдругъ спросилъ Ордынцевъ.

— Нѣтъ, не знакомъ... Видѣлъ его и слышалъ о немъ.

— Жаль, что не знакомъ...

— А развѣ такъ интересно?..

— Очень... Интереснѣй новаго открытія въ химіи! — иронически промолвилъ Ордынцевъ.

Алексѣй слегка пожалъ плечами.

А Ордынцевъ, видимо раздражаясь, продолжалъ:

— А о голодѣ слышалъ?

— Читалъ.

— И что же?..

— Ничего... Извѣстныя слѣдствія извѣстныхъ бытовыхъ условій.

— Равнодушенъ къ этому вопросу?..

— Почти...

— И находишь, вѣроятно, что помогать не слѣдуетъ?

— Нахожу... И имѣю основанія находить... Но такъ какъ чужія мнѣнія тебя раздражаютъ, то я лучше уйду... Прощай!

— Прощай!—холодно сказалъ Ордынцевъ.

И въ догонку крикнулъ:

— Попроси Ольгу зайти ко мнѣ на-дняхъ...

— Когда именно... Утромъ или вечеромъ?

— Вечеромъ завтра...

И, когда сынъ ушелъ, Ордынцевъ шепнулъ:

«О, что за опредѣленный молодой человѣкъ!»

И въ ту же минуту сорвался съ мѣста и побѣжалъ въ прихожую.

Алексѣй одѣвалъ пальто.

— Не сердись, Алеша... Ты не виноватъ, что такой... Не виноватъ! Прости меня! Пойми, что мнѣ больно твое равнодушіе къ общественнымъ вопросамъ.

И Ордынцевъ съ глазами, полными слезъ, обнялъ сына.

— Я ни въ чемъ не обвиняю тебя, папа... Намъ не нужно только говорить о томъ, что тебя раздражаетъ. Вотъ и все... У тебя нервы взвинчены... Прощай, и на меня не сердись за то, что я не такой, какимъ ты бы хотѣлъ меня видѣть!..

И онъ ушелъ, не выказавъ никакой ласки отцу. Снисходительная нотка звучала въ его словахъ—и только.

Ордынцевъ прошелъ въ свой кабинетъ и принялся за газету. Шура, грустная, сидѣла въ своей комнатѣ и, не понимая истинныхъ причинъ раздраженія отца, считала его виноватымъ.

— Папочка, да за что ты прогналъ Алешу?—спросила она, прибѣжавъ черезъ нѣсколько минутъ къ отцу, встревоженная и негодующая.

— Онъ самъ ушелъ...

— Но ты сердился на него... Ты показывалъ свою нелюбовь... За что же ты его не любишь?.. Отчего ты никогда не поговоришь съ нимъ ласково. Не скажешь, что онъ неправъ..

Отецъ слушалъ заступницу и вдругъ обнялъ ее и взволнованно проговорилъ:

— Онъ не виноватъ, дѣточка, и я извинялся... Но его не убѣдить... Онъ... законченный!—тоскливо прибавилъ онъ.

— Что значитъ: законченный?

— Безнадежный! Онъ останется такимъ же сухимъ, себялюбивымъ и равнодушнымъ ко всему, что не касается его собственной особы...

— Такъ зачѣмъ ты... ты не училъ его, что такимъ быть нехорошо?..

— Милая! Мнѣ некогда было смотрѣть за вами... Но я виноватъ... Знаю это и все-таки раздражаюсь... Такой, какъ Алеша—не одинъ... Алеша уменъ и даровитъ... и отъ этого другимъ будетъ хуже... Онъ заставитъ страдать болѣе слабыхъ... Его будутъ ненавидѣть...

— Почему?—испуганно спросила Шурочка.

— Потому, дѣвочка, что у него сердца нѣтъ, нѣтъ доброты и жалости къ людямъ. А безъ этого нѣтъ настоящаго человѣка. Умъ безъ человѣчности—свѣтитъ, но не грѣетъ!.. Разскажи я Алексѣю, при какихъ условіяхъ получилъ вчера прибавку жалованья, онъ назоветъ меня дуракомъ... Ты помнишь тогда, когда я разсказалъ, что заступился за Андреева, какъ Алексѣй основательно доказывалъ, что я былъ неправъ?..

— Помню... Помню, папочка... И не забуду этого дня...

— А я вѣдь надѣялся, что Алеша меня пойметъ, порадуетъ своимъ сочувствіемъ, а между тѣмъ одна только ты... О, Шура!..

Ты не понимаешь еще, голубка, какъ больно ошибиться въ близкихъ... Конечно, самъ виноватъ... Но, милая, хотя бы по крайней мѣрѣ не лгали... А то вдругъ узнаёшь...

Ордынцевъ остановился во-время.

Блѣдная и испуганная, смотрѣла Шура своими большими скорбными глазами на отца, и губы ея вздрагивали.

— Кто же лгалъ, папа?—кинула вдругъ въ упоръ Шура.

Ордынцевъ молчалъ.

— Кого же ты обвиняешь, папочка?—настойчиво повторила дѣвочка.

Ордынцевъ смущенно смотрѣлъ на Шуру. Она ждала отвѣта. Надо же что-нибудь отвѣтить.

И отецъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ... нѣтъ... я не виню. Это вырвалось въ минуту раздраженія... Ни Алексѣй, ни Ольга, ни Сережа не лживы... Нѣтъ, нѣтъ... И ты не волнуйся, дѣвочка...

— А мама?.. Мама?—прошептала дѣвочка, и голосъ ея дрогнулъ.

— И мама не лгала... Богъ съ тобой!.. Мы съ ней ссорились, это правда... И я былъ часто неправъ...

— То-то!—облегченно вздохнула дѣвочка.

И послѣ паузы сказала:

— Я и тебя люблю и маму люблю...

— Конечно, маму нужно любить!

Ордынцевъ говорилъ это, а между тѣмъ думалъ, что было бы лучше, если-бъ Шура не любила такую мать.

И оттого, что Шура любитъ мать, онъ съ большей ненавистью относился теперь къ бывшей женѣ.

— Я вѣдь сегодня на цѣлый день къ нашимъ?

— Конечно. Иди къ нимъ... Какъ разъ къ завтраку попадешь... Иди, милая.

— А ты останешься одинъ... И опять будешь грустить?

— И я скоро уйду... И грустный не буду... Вотъ развѣ на панихидѣ...

И Ордынцевъ, прощаясь съ Шурой, снова увѣрилъ ее, что мрачное настроеніе прошло, осмотрѣлъ, такъ ли она одѣта, и просилъ поцѣловать за него сестру и братьевъ.

— И ты позови ихъ на елку!—прибавилъ онъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ ожиданіи объясненія съ любимой женщиной, силу обаянія которой Никодимцевъ едва ли сознавалъ, онъ переживалъ томительно-жуткое состояніе, подобное тому, какое испы-

тываетъ подсудимый въ ожиданіи приговора. И чѣмъ ближе подходилъ часъ встрѣчи, тѣмъ нетерпѣливѣе и мучительнѣе было это ожиданіе, и тѣмъ болѣе онъ сомнѣвался въ томъ, въ чемъ нѣсколько времени тому назадъ почти былъ увѣренъ.

Весь охваченный лишь одной мыслью — мыслью о томъ, любитъ и можетъ ли его полюбить Инна, или только питаетъ къ нему дружескія чувства, и выйдетъ ли за него замужъ или откажетъ, Никодимцевъ такъ запутался въ своихъ противорѣчивыхъ предположеніяхъ, что наконецъ не могъ больше объ этомъ думать и никакъ не могъ рѣшить, благопріятна ли для него записка Инны Николаевны или нѣтъ.

Теперь онъ думалъ лишь объ одномъ, желалъ только одного—чтобы какъ можно скорѣй рѣшилась его участь, какова бы она ни была. Только бы не оставаться въ неизвѣстности.

Тогда, по крайней мѣрѣ, онъ не будетъ знать безумнаго безпокойства послѣдняго времени. Онъ уѣдетъ и въ новой, все-таки имѣющей какой-нибудь смыслъ дѣятельности постарается побороть свое чувство и забыть эту женщину, ворвавшуюся въ его жизнь, выбившую его изъ прежней колеи и овладѣвшую имъ съ такой властностью, возможности которой надъ собой онъ и не подозрѣвалъ.

Но какъ только Никодимцевъ начиналъ думать, что онъ не увидитъ этого милаго лица, краше котораго, ему казалось, и быть не можетъ,—этихъ большихъ сѣрыхъ, ласковыхъ глазъ, чарующей улыбки изящной гибкой фигуры, красивыхъ маленькихъ рукъ съ длинными и тонкими пальцами,—когда онъ думалъ, что не будетъ восхищаться чуткостью ея ума и сердца, найдя въ ней родственную себѣ душу,—онъ чувствовалъ себя безконечно-несчастнымъ, одинокимъ и жалкимъ.

Безъ Инны жизнь, казалось, теряла смыслъ. Вѣру въ свое дѣло онъ потерялъ. Что же онъ будетъ теперь дѣлать? Во имя чего жить?

Наконецъ Никодимцевъ не выдержалъ этой пытки ожиданія. Онъ торопливо одѣлся и въ три часа поѣхалъ къ Козельскимъ.

И дорогой, и когда Никодимцевъ поднимался по устланной ковромъ лѣстницѣ, онъ безсознательно шепталъ одно и то же два слова: «надо покончить», подразумѣвая, что надо объясниться.

И только когда онъ позвонилъ и увидѣлъ передъ собою отворившаго ему двери слугу, онъ овладѣлъ собой и спросилъ:

— Принимаютъ?

Лакей доложилъ, что дома только одна молодая барыня.

Это извѣстіе вмѣсто того, чтобы обрадовать Никодимцева, напротивъ, на мгновеніе смутило его.

— А молодая барыня принимаетъ?—умышленно безразличнымъ тономъ спросилъ Никодимцевъ, точно боясь, что лакей отлично понимаетъ, что ему именно и нужна молодая барыня.

— Принимаютъ. Извольте пожаловать въ гостиную. Я сію минуту доложу.

Никодимцевъ вошелъ въ гостиную и уставился на двери, ведущія въ столовую.

Прошла минута, другая. Инна Николаевна не являлась.

«Все кончено!»—подумалъ Никодимцевъ.

И въ гостиной словно бы потемнѣло. И на сердцѣ у Никодимцева сдѣлалось мрачно-мрачно.

Наконецъ скрипнула дверь, и появилась Инна.

И Никодимцеву показалось, что гостиная вдругъ озарилась свѣтомъ, и что сама Инна сіяла въ блескѣ новой и еще лучшей красоты.

И у него замерло сердце отъ восторга и страха.

Стройная, изящная и нарядная въ своемъ новомъ, только-что принесенномъ свѣтло-зеленомъ платьѣ, свѣжая и сверкающая ослѣпительной бѣлизной красиваго и привлекательнаго лица, торопливо подошла она къ Никодимцеву и, радостно-смущенная, вся словно бы притихшая и просвѣтленная счастьемъ, протянула ему руку.

Никодимцевъ поблѣднѣлъ.

Онъ порывисто и крѣпко пожалъ ея руку и первое мгновеніе не находилъ словъ.

Молчала и молодая женщина.

Тронутая его волненіемъ, счастливая, что Никодимцевъ такъ сильно ее любитъ, и понимавшая, что онъ въ ея власти, она глядѣла на него ласковымъ и властнымъ взглядомъ.

— Какъ я рада, что вы раньше пріѣхали, Григорій Александровичъ.

Но Никодимцевъ, казалось, не понималъ, что она сказала. Онъ смотрѣлъ на нее съ проникновеннымъ восторгомъ и, казалось, еще не смѣлъ вѣрить своему счастью, хотя и чувствовалъ его въ выраженіи лица и глазъ молодой женщины...

— Я пріѣхалъ узнать свой приговоръ... Вы вѣдь знаете... я васъ люблю!—наконецъ проговорилъ онъ серьезно, почти строго.

— Знаю,—чуть слышно произнесла Инна.

— Вчера... ваша записка... Неужели это правда?..

— Что?

— Что вы позволили васъ любить?

— Правда. И давно ужъ позволила... И сама поняла вчера послѣ вашего письма, что... привязана къ вамъ...

— Какъ къ другу... да... не болѣе? Говорите!—почти крикнулъ Никодимцевъ.

— Развѣ тогда позволяютъ любить... Или вы не видите, что и я васъ люблю!

— О, Господи!—вырвалось изъ груди Никодимцева.

И, полный невыразимаго счастья, умиленный, со слезами на глазахъ, онъ цѣловалъ руки Инны и снова глядѣлъ въ ея загорѣвшіеся глаза, радостный и помолодѣвшій.

— О, если бы вы знали, какъ вы мнѣ дороги, какъ я васъ люблю!—шепталъ онъ.—Я не смѣлъ и мечтать о такомъ счастьѣ... Вѣдь вы согласитесь быть моей женой? Вѣдь согласитесь, да?

— А вы развѣ не боитесь на мнѣ жениться?...

— Бояться?.. Чего бояться?

— Моего прошлаго!—проронила Инна, и страдальческое выраженіе омрачило ея лицо и залегло въ глазахъ.—О, если-бъ его не было! Если-бъ его не было!—тоскливо повторила она.

— Вы въ немъ не виноваты... Забудьте его...

— Развѣ возможно забыть его, Григорій Александровичъ. И я не забуду и вы не забудете... Вы, какъ порядочный человѣкъ, никогда не напомните мнѣ о немъ, но оно всегда будетъ стоять между нами и отравлять намъ жизнь... Вы будете мучиться этимъ, а мнѣ будетъ больно—вѣдь я люблю васъ! И это меня пугаетъ...

— Инна Николаевна! Да вѣдь вы выстрадали прошлое... И за то, что вы его выстрадали, за то, что вы такъ правдиво разсказали мнѣ о немъ, я васъ еще болѣе люблю и уважаю... Я не боюсь... Я вѣрю вамъ... О, не отказывайте мнѣ изъ-за этихъ страховъ. Не отказывайте!.. Не бойтесь, что, выйдя за меня замужъ, вы лишитесь свободы чувства. Я палачомъ не буду. Слышите?

— Вотъ видите, Григорій Александровичъ. Ужъ и теперь у васъ сомнѣнія.

— Какія?

— Вы уже думаете, что я васъ должна разлюбить и полюбить другого.

— Я старъ. Мнѣ сорокъ два года.

— Развѣ это старость? И въ ваши сорокъ два вы влюбились, какъ мальчикъ. Развѣ это не правда?—не безъ ласковаго лукавства спросила она.

Никодимцевъ радостно отвѣтилъ:

— И какъ это хорошо быть мальчишкой... Такъ вы согласны, Инна Николаевна?

— Да развѣ вы не видите этого?.. Согласна, согласна, согласна!

Никодимцевъ весь сіялъ счастьемъ. И въ то же время ему казалось, что онъ недостоинъ такого чрезмѣрнаго счастья — быть любимымъ этой женщиной, и что онъ еще недостаточно любитъ ее. И ему хотѣлось сказать ей что-то особенно значительное и важное о своей любви и поскорѣй доказать ее. Жизнь ему представлялась теперь свѣтлой, чудной, полной смысла, и смыслъ этотъ явился въ Иннѣ, въ этой прелестной, чарующей Иннѣ.

— Господи! Чего бы я ни сдѣлалъ, чтобы дать вамъ счастье, Инна Николаевна!—проговорилъ онъ съ какою-то особенной, значительной и торжественной серьезностью, и, взявши ея руку, крѣпко прижалъ къ своимъ губамъ.

И Инна, проникнутая тѣмъ же серьезнымъ, приподнятымъ настроеніемъ, отвѣтила:

— И мы должны быть счастливы. Я постараюсь, чтобъ вы не разлюбили меня. Если бы вы знали, какъ одинока я была до васъ!..

Они присѣли на диванъ и строили планъ будущаго. Никодимцевъ просилъ, чтобы свадьба была послѣ возвращенія его съ поѣздки. Къ тому времени разводъ навѣрно состоится. Адвокатъ, его пріятель, надѣется покончить дѣло скоро.

— А мужъ?.. Не откажется отъ развода?—испуганно спросила Инна Николаевна.

— Не откажется.

— О, вы его не знаете, Григорій Александровичъ! Онъ безхарактеренъ и поддается всякому вліянію...

— Но онъ ужъ условился съ адвокатомъ и выдалъ обязательство...

— Какое?

— Что онъ согласенъ на разводъ за пятнадцать тысячъ и въ видѣ задатка уже получилъ пять.

— О, какая мерзость! — съ отвращеніемъ проговорила Инна.—И я жила съ такимъ человѣкомъ пять лѣтъ!

— Вы не знали людей, Инна Николаевна.

— Да, не знала и, признаюсь вамъ, такой наглости въ немъ не подозрѣвала... Но кто же заплатилъ пять тысячъ и кто заплатитъ остальныя десять?.. Вы, разумѣется?

— Простите, я... Отъ имени вашего отца... Мы потомъ сосчитались бы съ нимъ... а у меня, по счастью, именно была эта сумма сбереженій...

— Вы и въ этомъ мой спаситель... Ну развѣ я не неоплатная ваша должница... Милый!

И Инна Николаевна протянула Никодимцеву руку.

Онъ задержалъ эту маленькую руку въ своей рукѣ и чувствовалъ, какъ какая-то горячая волна охватываетъ все его существо, и въ то же время, стараясь скрыть свое возбужденіе, продолжалъ говорить съ Инной объ ея разводѣ и успокаивалъ ее относительно Леночки.

— Онъ и отъ правъ на свою дочь отказался съ тѣмъ, чтобы только отъ него не требовали платы на ея содержаніе...

— Подлецъ!—вырвалось у Инны.

— Ну вотъ я васъ и разстроилъ... Простите... Зачѣмъ я вамъ все это говорилъ?

— Отлично сдѣлали... По крайней мѣрѣ я не чувствую себя теперь передъ нимъ виноватой... а вѣдь это чувство виновности и удерживало раньше отъ полнаго разрыва... Ну, довольно. Не будемъ больше говорить объ этомъ... Не будемъ вспоминать... Вѣдь и вамъ тяжело думать, что я была женой Травинскаго. Не правда ли?

— Правда!—отвѣчалъ смущенно Никодимцевъ.—За васъ больно!—прибавилъ онъ и смутился еще болѣе, такъ какъ сказалъ не всю правду.

Инна Николаевна пытливо заглянула ему въ глаза.

— Только за меня?—протянула она.

Никодимцевъ молчалъ.

— А развѣ не ревнуете вы къ нему, какъ... какъ къ бывшему мужу? Не скрывайте отъ меня ничего... Говорите правду, я васъ прошу... Ревнуете?

— Да!—виновато и застѣнчиво проронилъ Никодимцевъ.

— Нашли къ кому ревновать! — брезгливо проговорила Инна.—А впрочемъ, я понимаю эту ревность. Такъ оно и должно быть у человѣка, который сильно любитъ... Вотъ видите, Григорій Александровичъ, прошлое трудно забыть!—прибавила она съ грустной усмѣшкой...

И, увидѣвши, что Никодимцевъ омрачился, порывисто и нервно прибавила:

— Но мы оба постараемся забыть его. Вѣдь забудемъ... Не правда ли?

Голосъ Инны звучалъ смѣло и вызывающе, а между тѣмъ на глаза навертывались слезы.

— Инна Николаевна! Не мучьте себя... Не надо, не надо!—съ необыкновенной нѣжностью проговорилъ Никодимцевъ.

И, наклонившись, нѣсколько разъ тихо поцѣловалъ ея руку.

— Не надо,—повторилъ онъ.—Для меня ваше прошлое не

имѣетъ значенія, а вы забудете его. Я васъ люблю такою, какъ вы есть... И эта ревность къ мужу—нехорошее чувство. Оно пройдетъ... непремѣнно пройдетъ... Не мучьте же себя напрасными страхами... Я люблю васъ, люблю... Я счастливъ, безконечно счастливъ.

Тронутая этими словами, этой лаской, Инна улыбалась сквозь слезы своей чарующей улыбкой, и Никодимцевъ опять просіялъ, чувствуя, что между ними растетъ что-то новое, манящее и захватывающее—та желанная близость, которой онъ такъ хотѣлъ и такъ боялся.

Они снова заговорили объ устройствѣ новой ихъ жизни, о томъ, какъ они поѣдутъ послѣ свадьбы за границу, какъ потомъ будутъ жить въ Петербургѣ, тихо, безъ пріемовъ, имѣя ограниченный кругъ знакомыхъ, какъ будутъ вмѣстѣ читать, ходить въ театръ. Оба радостные, полные надеждъ и приподнято настроенные, они вѣрили этой семейной идилліи и хотѣли ея. Никодимцевъ потому, что иначе не понималъ брака. Инна потому, что прежняя жизнь ей представлялась ужасной и она цѣплялась за новую.

Эти разговоры прерывались воспоминаніями о первомъ знакомствѣ, о быстромъ сближеніи, о частыхъ визитахъ Никодимцева.

Онъ признался, что съ первой же встрѣчи Инна Николаевна произвела на него сильное впечатлѣніе.

— И съ того же вечера вы овладѣли моими мыслями, Инна Николаевна! Я почувствовалъ, что вы сыграете значительную роль въ моей жизни... Съ того вечера я ужъ не былъ такимъ чиновникомъ... Передо мной открылась другая жизнь...

Инна тоже призналась, что Никодимцевъ ей понравился въ тотъ же вечеръ, когда они встрѣтились.

— И когда я вернулась домой, я вспомнила нашъ первый разговоръ за ужиномъ... помните?

— Еще бы не помнить!—восторженно сказалъ Никодимцевъ.—Я всѣ ваши слова помню!

— А вашъ первый визитъ? И какъ мнѣ тогда было совѣстно передъ вами...

— За что?

— А за то, что вы у меня встрѣтили это общество, помните... И я думала, что вы послѣ этого визита не пріѣдете... А мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть, слышать, что вы говорите... И ваше отношеніе ко мнѣ было такъ ново, такъ хорошо...

Они продолжали говорить, не переставая, точно видѣлись въ первый разъ послѣ долгой разлуки. Точно они совсѣмъ еще не знали другъ друга, и оба они, прежде сдержанные,

теперь словно бы торопились высказаться, обнаружить себя одинъ передъ другимъ, въ виду предстоящей ихъ близости.

Никодимцевъ слушалъ Инну, и все чаще и дольше цѣловалъ ея руку и смущенно и виновато краснѣлъ, когда Инна перехватывала влюбленный, загорѣвшійся взглядъ его черныхъ, совсѣмъ молодыхъ глазъ, перехватывала и не сердилась, краснѣя и улыбаясь. И женихъ ей казался такимъ помолодѣвшимъ, такимъ интереснымъ и милымъ съ его цѣломудренной застѣнчивостью человѣка, видимо мало знавшаго женщинъ, такимъ непохожимъ на бывшихъ ея поклонниковъ...

— А я сегодня же скажу объ этомъ вашимъ. Вы позволите?

— Развѣ это нужно?

— Нужно. Я не хочу дѣлать изъ этого секрета... А вы развѣ не хотите?

— Что̀ вы? что̀ вы? Я только боюсь, какъ бы мужъ не надѣлалъ непріятностей... Не подождать ли развода?

— Вы будете подъ моей защитой... Повторяю, вашъ мужъ ничего не сдѣлаетъ... Напротивъ, узнавши, что я женюсь на васъ, онъ не пикнетъ... Онъ трусъ.

— Я согласна... Вы правы, какъ всегда! — проговорила Инна и освободила свою руку изъ руки Никодимцева, заслышавъ въ прихожей шаги.

II.

Вошелъ Козельскій, по обыкновенію элегантный, свѣжій и моложавый.

Онъ уже узналъ отъ швейцара, что Никодимцевъ сидитъ съ трехъ часовъ, и теперь, взглянувши на нѣсколько возбужденныя лица гостя и дочери, сидѣвшихъ рядомъ на диванѣ, не могъ и представить себѣ, чтобы дѣло обошлось безъ флирта, и мысленно поздравилъ «умную Инночку», что она быстро и рѣшительно «подковываетъ» влюбленнаго Никодимцева.

И Николай Ивановичъ привѣтствовалъ его превосходительство съ особенно дружественною и нѣсколько даже фамильярною привѣтливостью, какой раньше не позволялъ себѣ съ будущимъ товарищемъ министра.

По тому, съ какою горячностью и какой-то особенной почтительностью Никодимцевъ пожалъ руку, повидимому, даже обрадованный фамильярностью тона, Козельскій понялъ, что и на немъ отразились чувства, питаемыя Никодимцевымъ къ дочери.

И, принимая видъ «благороднаго отца», онъ проговорилъ тѣмъ мягкимъ, полнымъ добродушія голосомъ, которымъ умѣлъ очаровывать мало знавшихъ его людей:

— А я еще, простите, не поблагодарилъ васъ, дорогой Григорій Александровичъ.

— За что, Николай Ивановичъ?

— А за Инночку... Вы такъ скоро устроили выдачу отдѣльнаго паспорта.

— Стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ...

— Доброе вниманіе не пустякъ, Григорій Александровичъ... Оно цѣнится... И порекомендовали ей адвоката Безбородова... Это превосходный юристъ... Теперь дѣло ея въ надежныхъ рукахъ, и я думаю, что Инна скоро освободится отъ своего ига... Сердечное вамъ спасибо, Григорій Александровичъ, и за себя и за Инночку.

И Козельскій еще разъ крѣпко пожалъ руку, отводя взглядъ, чтобы не замѣтить смущенія Никодимцева.

И, усаживая на диванъ гостя, спросилъ:

— Скоро ѣдете, ваше превосходительство?

И самъ подумалъ: «Неужели до его отъѣзда Инна не доѣдетъ его до предложенія?»

— Черезъ пять дней.

— Высокая и трудная миссія предстоитъ вамъ, Григорій Александровичъ,—продолжалъ Козельскій въ нѣсколько приподнятомъ топѣ человѣка, цивическія добродѣтели котораго не внушаютъ сомнѣній.—Всѣ порядочные люди обрадовались вашему назначенію... По крайней мѣрѣ, мы узнаемъ настоящую правду, а то вѣдь мы и до сихъ поръ не знаемъ, голодъ ли у насъ или выдумка неблагонамѣренныхъ людей... Мы играли въ недородъ и о немъ даже долго молчали... Да, нечего сказать, хорошее времечко, въ которое мы живемъ...

И, взглянувъ на часы, Козельскій прервалъ свое фрондированье, которымъ, по старой привычкѣ, онъ любилъ иногда щегольнуть, и, обращаясь къ дочери, спросилъ:

— А гдѣ наши, Инна?

— Ихъ не было дома.

— Онѣ вѣрно вернулись. Ихъ не знаютъ, что Григорій Александровичъ здѣсь...

— Я пойду узнаю.

— И кстати узнай, милая, во-время ли насъ станутъ сегодня кормить.

Инна застала мать въ ея комнатѣ за книгой.

— Мамочка!.. Обѣдать сейчасъ. Ты давно вернулась?

— Съ полчаса...

— Григорій Александровичъ здѣсь...

— Я знаю...

— Такъ отчего-жъ ты не вышла?..

— Не хотѣла мѣшать вамъ говорить, моя родная... И какая ты оживленная сегодня... Какая радостная!..

— Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, мамочка!—вырвалось у Инны, и она бросилась цѣловать мать.

— Ты дала слово?

— Дала.

— Значитъ, нравится?

— Больше, больше, мамочка... Я его люблю... А гдѣ же Тина?

Она заглянула въ комнату сестры. Та что-то писала у письменнаго стола.

— Обѣдать?—спросила она, поспѣшно закрывая тетрадь.—Иду, иду!.. Ну что, договорились до чего-нибудь съ Никодимцевымъ?—насмѣшливо прибавила Тина.

— Что за выраженія, Тина...

— Ну, если не нравится, такъ спрошу: женишь его на себѣ?

— Я, просто, выйду замужъ.

— Еще мало научена?.. Еще не успѣла развестись—и опять хочешь повторить прежнюю глупость?

— Тутъ нѣтъ повторенія... Тутъ все новое, Тина!—весело отвѣчала сестра.

— Нашла новое, нечего сказать! Не скажешь ли ты, что влюблена въ Никодимцева?..

И Тина засмѣялась гадкимъ смѣхомъ, показывая свои красивые, острые зубки.

— Я не шла бы замужъ, если-бъ не любила...

— Какое громкое слово!.. И надолго полюбила?

— А ты все еще не вѣришь, что я стала другая?..

— Поговоримъ объ этомъ черезъ годъ. А сегодня, значитъ, шампанское и первый поцѣлуй?—иронически спросила Тина.— Я съ удовольствіемъ выпью. Я давно не пила. Скажи папѣ, чтобъ онъ послалъ за мумомъ!

Оставшись вдвоемъ съ Никодимцевымъ, Козельскій хотѣлъ было до закуски спросить мнѣнія Никодимцева объ одномъ новомъ дѣлѣ, которое наклевывалось, какъ увидалъ, что лицо Никодимцева вдругъ сдѣлалось необыкновенно серьезнымъ, напряженнымъ и взволнованнымъ.

Нѣсколько секундъ прошло въ томительномъ молчаніи.

— Николай Ивановичъ!—вдругъ обратился Никодимцевъ торжественно и значительно и на мгновеніе остановился, словно бы онъ вдругъ услыхалъ фальшивую ноту взятаго тона и понялъ ненужность и условность того, что сейчасъ скажетъ.

«Подкованъ!»—обрадованно рѣшилъ Козельскій, и лицо его

тоже приняло нѣсколько серьезное и торжественное выраженіе, когда онъ поднялъ вопросительно-ласковый взглядъ на Никодимцева.

— Я только-что предложилъ Иннѣ Николаевнѣ быть моей женой и имѣлъ счастье получить ея согласіе... Надѣюсь, что и вы въ немъ не откажете, и повѣрьте, что я...

Николай Ивановичъ не далъ Никодимцеву докончить и вывелъ его изъ непріятнаго положенія тѣмъ, что сперва выразилъ на лицѣ своемъ пріятное изумленіе, затѣмъ проговорилъ, что онъ никогда не идетъ противъ желанія дѣтей, и, съ достоинствомъ выразивъ удовольствіе имѣть Григорія Александровича своимъ зятемъ, безмолвно привлекъ его къ себѣ, троекратно съ нимъ поцѣловался и отеръ батистовымъ платкомъ слезу.

И, когда вся эта процедура была окончена, онъ проговорилъ:

— Надоѣло, небось, Григорій Александровичъ, одиночество?.. То-то.. Безъ семейнаго теплаго очага какъ-то непривѣтно... Что̀ можетъ быть лучше его!—прибавилъ не безъ значительности Никодимцевъ.

Въ эту минуту вошла Антонина Сергѣевна. По ея нѣсколько торжественному лицу, безъ обычнаго на немъ выраженія сдержанной грусти, Козельскій догадался, что святая женщина уже знаетъ отъ Инны о счастливомъ событіи.

— Тоня! Григорій Александровичъ дѣлаетъ намъ честь просить нашего согласія на бракъ съ Инной!—торопливо и радостно проговорилъ Козельскій.

И, оставивъ ихъ вдвоемъ доканчивать чувствительную сцену, Николай Ивановичъ торопливо вышелъ, чтобы поскорѣе послать за шампанскимъ.

Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ Инну и возбужденно и нѣжно проговорилъ:

— Молодецъ ты, Инночка!.. И какъ тебя любитъ Григорій Александровичъ! Ты не знаешь, какое онъ любитъ шампанское?

Этотъ «молодецъ» и этотъ вопросъ о шампанскомъ задѣли Инну.

«И онъ думаетъ, что я та же, что̀ и была!»—пронеслось въ ея головѣ.

— Не знаю, папа. А Тина проситъ послать за мумомъ!—отвѣчала Инна.

Когда Козельскій вернулся въ гостиную, заглянувши прежде въ столовую, чтобъ убѣдиться, все ли тамъ въ порядкѣ, новый ли сервизъ и хороша ли свѣжая икра,—Антонина Сергѣевна, утирая слезы, просила Никодимцева беречь Инну и съ наивной откровенностью матери разсказывала Григорію

Александровичу, какое золотое сердце и какая умная головка у Инночки.

Никодимцевъ съ восторгомъ слушалъ эти рѣчи и сочувственно взглядывалъ на будущую тещу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

— Кушать подано!—доложилъ лакей во фракѣ и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ.

Всѣ перешли въ столовую.

Тамъ уже были обѣ сестры и бонна-нѣмка съ Леночкой.

Никодимцевъ поздоровался и съ Тиной съ тою же ласковой сердечностью, съ какою отнесся и къ родителямъ, перенося частицу своей любви къ Иннѣ и на ея близкихъ.

Онъ пожалъ руку боннѣ и съ особенной лаской поцѣловалъ ручку Леночки, давно ужъ бывшей доброю пріятельницей «дяди Никодима», какъ перекрестила его фамилію дѣвочка,—подкупленная игрушками, которыя онъ привозилъ ей, и сказками, которыя ей иногда разсказывалъ.

И Инна Николаевна съ радостью подумала теперь объ этой дружбѣ, увѣренная, что Никодимцевъ не будетъ дурнымъ вотчимомъ и не станетъ ревновать, въ лицѣ этой дѣвочки, къ прошлому.

Да и вдобавокъ она нисколько не напоминала отца.

Хорошенькая, съ такими же пепельными волосами и большими сѣрыми глазами, какъ у матери, она поразительно походила на Инну Николаевну. Даже въ улыбкѣ было что-то похожее.

— А вѣдь прелестная внучка у меня, Григорій Александровичъ... Милости просимъ закусить. Какой прикажете? Казенной, померанцевой, аллашу, зубровки?

— Померанцевой попрошу.

— И я изрѣдка себѣ ее разрѣшаю... Доктора запретили!—сочинилъ, по обыкновенію, Николай Ивановичъ, скрывая истинную причину своей тренировки, наливая двѣ рюмки.

Они чокнулись. Козельскій порекомендовалъ гостю свѣжую икру.

— Кажется, недурна?—проговорилъ онъ съ тайнымъ удовольствіемъ человѣка, любившаго, чтобы у него все было изысканное и лучшее.

Недаромъ же онъ велѣлъ прислать ее изъ одной изъ милютиныхъ лавокъ, гдѣ часто ѣлъ устрицы и былъ постояннымъ покупателемъ «его» икры—и заплатилъ десять рублей за два фунта.

— Превосходная!—отвѣтилъ Никодимцевъ, бывшій въ такомъ

настроеніи, что могъ сегодня находить все превосходнымъ.

И онъ отошелъ отъ стола, чтобъ дать мѣсто Тинѣ.

У Тины загорѣлись глаза, ея бойкіе вызывающіе глаза, и раздувались ноздри при видѣ разнообразныхъ закусокъ, бывшихъ сегодня по случаю приглашенія къ обѣду Никодимцева.

Не спѣша и, видимо, привычнымъ движеніемъ своей бѣлой красивой руки въ кольцахъ, взяла она тонкогорлую бутылку съ рябиновкой, налила рюмку до краевъ и, наложивши полную тарелочку свѣжей икры, выпила водку однимъ глотокъ не хуже мужчины, привыкшаго пить, и, не поморщившись, принялась закусывать съ наслажденіемъ, напоминающимъ что-то плотоядное.

Никто не обратилъ на это вниманія, кромѣ Никодимцева. Домашніе давно ужъ привыкли къ тому, что Тина передъ обѣдомъ пила маленькую рюмку рябиновки, и хоть это и оскорбляло главнымъ образомъ изящные вкусы отца, находившаго, что женщинамъ прилично только пить немного шампанскаго, тѣмъ не менѣе Тина въ концѣ концовъ пріучила своихъ, объясняя имъ, что пьетъ для здоровья. Ей это полезно, докторъ одинъ говорилъ.

«Неужели и Инна такъ же умѣло пьетъ водку!»—съ ужасомъ подумалъ Никодимцевъ, когда Инна Николаевна подошла къ столику.

У него отлегло отъ сердца. Инна не послѣдовала примѣру сестры.

Но она замѣтила его удивленный взглядъ, брошенный на Тину, и вспомнила, что еще недавно и она сама, случалось, пила за закусками на ресторанныхъ обѣдахъ и ужинахъ рюмку-другую рябиновки, пила, не чувствуя ни малѣйшаго удовольствія, а такъ, ради возбужденія и изъ-за того, что ее упрашивали мужчины, и изъ-за того, что другія дамы пили. Вспомнила Инна и о томъ, что въ числѣ многихъ клеветъ, распускаемыхъ про нее, была и клевета насчетъ того, что она пьетъ до двѣнадцати рюмокъ коньяку и по бутылкѣ шампанскаго.

При этихъ, быстро пронесшихся въ ея головѣ воспоминаніяхъ она съ ужасомъ подумала: «Неужели это все было?»

Но какъ далека она отъ этого теперь!

И Инна Николаевна взглянула на Никодимцева и, встрѣтивши его встревоженный взглядъ, почувствовала въ немъ и любовь, и пониманіе, и защиту. Тѣнь сбѣжала съ ея лица, и она улыбнулась.

Тотчасъ же улыбнулся и Никодимцевъ, давно ужъ понимавшій, что Инна владѣетъ его настроеніемъ.

Обѣдъ, заказанный самимъ Николаемъ Ивановичемъ, былъ превосходный и вина тонкія.

Но Козельскій не безъ сожалѣнія видѣлъ, что Никодимцевъ ѣлъ мало, какъ-то небрежно, видимо не оцѣнивая по достоинству ни супа, ни пирожковъ, ни форели съ какой-то особенной подливкой, секретъ которой сообщилъ Николаю Ивановичу французъ-поваръ одного моднаго ресторана, ни вымоченнаго въ мадерѣ филе. И не пилъ ничего.

«Совсѣмъ влюбленъ, какъ юнкеръ!»—подумалъ Козельскій, умѣвшій какъ-то отдавать равную дань и любви и кулинарнымъ прелестямъ.

— Инна! Хоть бы ты предложила Григорію Александровичу рейнвейну. Оно, кажется, ничего себѣ...

— Я предлагала—не хочетъ...

— Нехорошо угощаешь, Инна... Ты налей.

И Никодимцевъ подставилъ свою рюмку, чтобъ сдѣлать удовольствіе Козельскому.

— И себѣ налей, Инна, рейнвейну... А Тиночка сама о себѣ позаботится!—проговорилъ, смѣясь, Козельскій.

Дѣйствительно, молодая дѣвушка о себѣ заботилась. Она и ѣла, какъ настоящій гурманъ, и уже пила вторую рюмку іоганнисбергера, смакуя его съ видомъ знатока.

Никодимцевъ только про себя удивлялся, взглядывая порой на ея слегка закраснѣвшееся отъ ѣды и вина, самоувѣренное и вызывающее личико.

«Какъ не похожи двѣ сестры!»—думалъ онъ.

— Ты правъ, папа. Я о себѣ позабочусь!—спокойно отвѣтила Тина отцу и прибавила:—А рейнвейнъ хорошій!

И повела равнодушнымъ взглядомъ на Никодимцева, точно желая имъ сказать:

«Мнѣ рѣшительно все равно, что вы обо мнѣ подумаете, господинъ директоръ департамента. Вы герой не моего романа!»

И молодая дѣвушка вспомнила о юномъ красавцѣ Скурагинѣ, и ей было досадно, что онъ уѣзжаетъ и она остается пока безъ влюбленнаго поклонника, съ которымъ бы можно было заниматься флиртомъ въ томъ широкомъ смыслѣ, какой придавала флирту эта странная дѣвушка.

А Скурагинымъ она съ удовольствіемъ бы занялась и обратила бы его въ «христіанскую вѣру», несмотря на то, что онъ глядитъ Іосифомъ Прекраснымъ. Знаетъ она этихъ Іосифовъ.

И при мысли о такомъ обращеніи ея блестѣвшіе глаза заблестѣли еще болѣе.

— Скурагинъ у васъ не былъ, Григорій Александровичъ?—

съ фамильярной небрежностью спросила она своимъ рѣзкимъ контральто.

— Нѣтъ, не былъ еще, Татьяна Николаевна!—почтительно отвѣчалъ Никодимцевъ, какъ бы подчеркивая не особенно деликатный тонъ молодой дѣвушки.

— Кто это такой Скурагинъ? — обратился Козельскій къ дочери.

— Мой знакомый студентъ. Онъ у насъ пилъ чай, и Григорій Александровичъ пригласилъ его ѣхать съ собой на голодъ.

«Странныя отношенія въ семьѣ»,—подумалъ Никодимцевъ.

Инна боялась какой-нибудь выходки Тины. Та вѣдь не очень церемонится.

Дѣйствительно, молодой дѣвушкѣ очень хотѣлось оборвать какъ-нибудь этого корректнаго и влюбленнаго генерала. Не нравился онъ ей, и главнымъ образомъ оттого, что она чувствовала своимъ женскимъ инстинктомъ не только полное равнодушіе къ себѣ, какъ къ женщинѣ, но и тайное осужденіе. А этого она, какъ большинство женщинъ, не прощала.

И, посматривая на него, она все болѣе и болѣе удивлялась Иннѣ, что та выбрала такого неинтереснаго и немолодого поклонника, и—что̀ самое важное: еще дѣлаетъ глупость—выходитъ за него замужъ. Увидитъ она, какъ онъ надоѣстъ ей своей поздней страстью. Увидитъ она, какой Отелло этотъ генералъ. Бѣдной Иннѣ даже и пококетничать будетъ нельзя, а не то что искать впечатлѣній... Дорого ей достанется эта выгодная партія. Ужъ лучше бы женила на себѣ Гобзина. Она охотно бы уступила Иннѣ это животное, осмѣлившееся дѣлать ей предложеніе.

— Очень милый молодой человѣкъ!—похвалила Антонина Сергѣевна, обращаясь къ мужу.—Онъ, быть-можетъ, вечеромъ зайдетъ... Ты его увидишь...

— Къ сожалѣнію, вечеромъ я долженъ уѣхать... Засѣданіе...

— Вечеромъ?

— Экстренное...

Тина едва замѣтно улыбнулась, не вѣря этимъ экстреннымъ засѣданіямъ. Она догадывалась, что «засѣданіе» будетъ съ Ордынцевой.

Эта «тайна», которую такъ заботливо охраняли оба соучастника, не была тайной для ихъ слишкомъ прозорливыхъ молодыхъ дочерей.

И Ольга Ордынцева и Тина Козельская знали ее и, случалось, говорили между собой о ней. Обѣ дѣвушки, слишкомъ еще молодыя, чтобъ думать и о своей второй молодости, подсмѣивались надъ второю молодостью родителей и обѣ, ко-

нечно, мало ихъ уважали, оправдывая свою неразборчивую жажду впечатлѣній молодостью и послѣдними декадентскими откровеніями.

Онѣ смѣли дѣлать, что̀ хотятъ, а родители не смѣли.

— Развѣ бываютъ ночныя засѣданія, папа? — съ самымъ серьезнымъ видомъ спросила Тина.

— Бываютъ, милая!—отвѣтилъ Козельскій, отправляя въ душѣ свою любознательную дочь къ чорту.

— И у васъ бываютъ, Григорій Александровичъ?

— Рѣдко, но бываютъ, Татьяна Николаевна.

— У Ники прежде часто были экстренныя засѣданія. Теперь—рѣже. И то онъ, бѣдный, такъ занятъ!—замѣтила Антонина Сергѣевна, хотя мало вѣрившая мужу, но не утратившая еще вѣры въ экстренныя засѣданія, къ покровительству которыхъ Николай Ивановичъ прибѣгалъ, впрочемъ, прежде, когда еще не сошелся съ осторожной Анной Павловной, предпочитавшей дневныя свиданія, какъ дающія меньшій поводъ къ подозрѣніямъ.

Только въ послѣднее время, когда Ордынцевъ оставилъ ее, она не отказывала Николаю Ивановичу и въ вечернихъ, не предвидя, что произойдетъ непріятная встрѣча.

Козельскій чувствовалъ скорѣй, чѣмъ видѣлъ, насмѣшливый взглядъ «дерзкой дѣвчонки» и хотѣлъ-было замять непріятный для него разговоръ объ экстренныхъ засѣданіяхъ, какъ безжалостная Тина спросила:

— И поздно эти засѣданія кончаются, папа?

— Какъ случится... Сегодня, я думаю, часамъ къ одиннадцати.

По счастью, въ эту минуту лакей сталъ разливать шампанское, и общее вниманіе было обращено на Инну и Никодимцева.

Онъ чувствовалъ на себѣ чужіе взгляды, чувствовалъ, что уже началось что-то, оскорбляющее цѣломудріе и тайну его любви, что эта тайна словно является общимъ зрѣлищемъ, и ему было невыносимо стыдно, точно его внезапно обнажили передъ всѣми присутствующими въ столовой.

Никодимцевъ украдкой взглянулъ на Инну и по ея смущенному лицу рѣшилъ, что и она испытываетъ то же, что̀ и онъ. И ему стало вдвойнѣ стыдно.

Но онъ зналъ, что все это принято и что надо пройти черезъ это испытаніе, и только желалъ, чтобы оно кончилось поскорѣй.

Бокалъ ему налили, и онъ съ какимъ-то особенно напряженнымъ вниманіемъ ѣлъ рябчика, не поднимая глазъ отъ та-

релки, и рѣшилъ, что будетъ просить Инну вѣнчаться втихомолку и не приглашать никого, исключая шаферовъ. Вѣрно, она на это согласится.

Николай Ивановичъ уже обдумывалъ экспромтъ, который онъ сейчасъ скажетъ. Онъ любилъ и умѣлъ говорить и считался однимъ изъ блестящихъ ораторовъ на разныхъ чествованіяхъ и юбилейныхъ обѣдахъ.

Но, взглянувъ на лицо Никодимцева, Николай Ивановичъ рѣшилъ его пощадить. Къ тому же и исключительно семейная аудиторія не особенно возбудительно дѣйствовала на его краснорѣчіе. Обѣщаніе быть къ восьми часамъ на свиданіи съ Анной Павловной тоже не располагало его къ длинному экспромту.

И Николай Ивановичъ поднялся съ мѣста и, поднявши бокалъ, проговорилъ, напрасно стараясь уловить глаза Никодимцева:

— Сегодня въ нашей семьѣ радостное событіе. Григорій Александровичъ просилъ руки Инны. Она согласна, а мы и подавно согласны... За здоровье жениха и невѣсты. Дай Богъ, чтобъ мы поскорѣй выпили за здоровье—молодыхъ!

Начались чоканья, поцѣлуи и пожеланія.

Козельскій былъ, видимо, очень доволенъ и, облобызавшись съ будущимъ зятемъ, сказалъ ему нѣсколько теплыхъ словъ въ самомъ задушевномъ и на этотъ разъ искреннемъ тонѣ, такъ какъ не сомнѣвался, что, ради Инны, Никодимцевъ устроитъ тестю какую-нибудь почетную синекуру тысячъ въ пять. Надо только будетъ поговорить объ этомъ тотчасъ послѣ свадьбы, во время медоваго мѣсяца. Навѣрное, тогда и Никодимцевъ не откажетъ, даромъ что считается врагомъ непотизма.

Антонина Сергѣевна опять «пролила слезу» и снова просила беречь Инночку.

— Они будутъ другъ друга беречь, Тоня!—замѣтилъ Николай Ивановичъ, начинавшій впадать послѣ рейнвейна въ нѣсколько идиллическое настроеніе...

Только съ Тиной дѣло обошлось не совсѣмъ по-родственному. Тина только чокнулась съ Никодимцевымъ и не поздравила его, и не высказала никакихъ пожеланій. Она съ видимымъ удовольствіемъ пила шампанское и, казалось, мало обращала вниманія на всю эту комедію по случаю поимки хорошаго жениха.

Когда бокалы снова были налиты, Николай Ивановичъ ждалъ, что Никодимцевъ догадается поблагодарить родителей за такую красавицу-невѣсту и предложитъ тостъ за ихъ здоровье, но Григорій Александровичъ, сконфуженный и подавленный, ка-

залось, объ этомъ и не думалъ, и потому Козельскій еще разъ предложилъ тостъ за жениха и невѣсту.

На этотъ разъ Никодимцеву пришлось только чокаться. Ни лобзаній ни пожеланій не было.

— Григорій Александровичъ! А вашъ бокалъ, родной мой, пустъ... Развѣ вы не хотите выпить за здоровье невѣсты и... и поцѣловать ея руку?—шутливо проговорилъ Козельскій, нѣсколько размягшій послѣ вина.—Въ старину мы это себѣ позволяли... Ха-ха-ха!

«Они давно ужъ и не то себѣ позволяли!»—подумала Тина, насмѣшливо посматривая на совершенно смутившагося Никодимцева своими блестѣвшими глазами.

«Тоже Іосифъ Прекрасный въ 40 лѣтъ, скажите, пожалуйста!»

— Что же вы не пьете здоровье Инны, Григорій Александровичъ?.. Или боитесь отступить отъ правилъ и выпить второй бокалъ?.. Мумъ хорошее вино!—прибавила Тина, отхлебывая вино маленькими глотками.

Никодимцевъ строго взглянулъ на Тину и, чокнувшись съ невѣстой, залпомъ осушилъ бокалъ.

«Ну, теперь пытка кончена!»—подумалъ онъ.

Но въ тотъ же моментъ раздался веселый, ласковый и словно бы ободряющій голосъ Николая Ивановича:

— Горько, горько!

— Горько!—повторила за мужемъ и Антонина Сергѣевна.

Она имѣла склонность къ идиллическимъ положеніямъ. А что же могло быть трогательнѣе перваго поцѣлуя жениха и невѣсты? Никодимцевъ понялъ, что испытаніе еще не кончено, и что надо сдѣлать еще что-то, профанирующее его чувство.

И онъ торопливо, застѣнчиво и неловко поднесъ руку Инны Николаевны и покраснѣлъ какъ гимназистъ.

Но это зрѣлище видимо не удовлетворило присутствующихъ.

— Все-таки горько! — значительно повторилъ Козельскій, улыбаясь широкой, добродушной улыбкой сильно подвыпившаго человѣка.

Насмѣшливо улыбающаяся и изумленная смотрѣла Тина возбужденными, блестящими отъ шампанскаго глазами на смущеннаго, совсѣмъ растерявшагося Никодимцева. Его необычное смущеніе вызывало въ ней какое-то раздражающее, развращенное любопытство и колебало ея увѣренность въ томъ, что Никодимцевъ былъ близокъ съ сестрой.

«Онъ совсѣмъ робкій, этотъ сорокалѣтній Ромео!»—подумала она и удивлялась, что Инна могла терпѣть около себя такого сентиментальнаго и непредпріимчиваго поклонника и не привела

сго до сихъ поръ въ христіанскую вѣру. Она давно бы это сдѣлала. Неужели они только разговаривали?..

Словно бы ища защиты, Никодимцевъ взглянулъ на Инну Николаевну и точно спрашивалъ, что ему дѣлать?

Она отвѣтила ласковымъ, виновато-улыбающимся взглядомъ и пожала плечами, словно бы хотѣла сказать, что выхода нѣтъ, и надо ему ее поцѣловать.

И, сгорая отъ стыда, Никодимцевъ прикоснулся губами къ закраснѣвшейся щекѣ невѣсты.

Когда онъ рѣшился наконецъ поднять глаза, то ему всѣ лица показались неудовлетворенными.

Особенно бросилась Никодимцеву въ глаза явно выраженная неудовлетворительность на бритомъ лицѣ пожилого лакея, который, въ ожиданіи цѣлованія жениха съ невѣстой, замеръ въ неподвижной позѣ съ блюдомъ въ рукѣ, на которомъ возвышалась форма трехцвѣтнаго мороженаго, и, разочарованный, подносилъ теперь блюдо Антонинѣ Сергѣевнѣ. Замѣтилъ Никодимцевъ и иронически улыбающійся взглядъ Тины.

Наконецъ пытка была окончена. Кофе выпито, и всѣ встали изъ-за стола.

Тина не пошла въ гостиную и передъ уходомъ въ свою комнату шепнула, смѣясь, сестрѣ:

— Надѣюсь, ты научишь теперь своего жениха?

— Чему?

— Цѣловаться. А то онъ, кажется, не умѣетъ!

Обхвативъ Никодимцева фамильярно вокругъ таліи, Николай Ивановичъ повелъ его въ кабинетъ.

— На два слова!—промолвилъ онъ.

И, усадивъ Никодимцева на оттоманку, Николай Ивановичъ присѣлъ около и проговорилъ:

— Я считаю своимъ долгомъ по чистой совѣсти сказать вамъ, дорогой Григорій Александровичъ, что состоянія у меня нѣтъ. Я живу на то, что зарабатываю...

«Господи! Къ чему онъ мнѣ это говоритъ?»—подумалъ Никодимцевъ и снова почувствовалъ, что пытка начинается.

— Разумѣется, приданое мы сдѣлаемъ, но, къ сожалѣнію, я не могу, какъ бы хотѣлъ, сдѣлать что-нибудь большее для Инночки...

— Николай Ивановичъ... Зачѣмъ вы это говорите?

— Знаю, что вы любите дочь, знаю, что и она васъ любитъ, но, во всякомъ случаѣ, я считалъ необходимымъ сказать вамъ то, что сказалъ, Григорій Александровичъ... И вы не сердитесь... прошу васъ... Вы должны понять, что во мнѣ говоритъ отецъ...

— Намъ хватитъ, Николай Ивановичъ, моего жалованья, а въ случаѣ моей смерти—Инна Николаевна будетъ получать пенсію... Во всякомъ случаѣ я позабочусь, чтобы Инна Николаевна не нуждалась... Роскоши я ей предоставить не могу, но...

— Я совершенно покоенъ за Инну, Григорій Александровичъ!

— Вы можете быть покойны.

И Никодимцевъ, какъ бы въ подтвержденіе, крѣпко пожалъ руку Козельскаго.

— Но вы поймете, Григорій Александровичъ, я не могъ не предупредить васъ... Ну вотъ наши два слова и сказаны... А теперь прошу извинить меня... Нужно ѣхать. Надѣюсь еще застать васъ здѣсь? И надѣюсь, что вы обѣдаете у насъ каждый день?

Никодимцевъ благодарилъ.

Они вмѣстѣ вернулись въ гостиную. Козельскій сдѣлалъ общій поклонъ и радостный уѣхалъ на свиданіе.

Нѣсколько времени Антонина Сергѣевна оставалась въ гостиной и затѣмъ, сославшись на нездоровье, ушла.

Женихъ и невѣста остались одни.

— Пойдемте лучше ко мнѣ, Григорій Александровичъ. Хотите?—предложила Инна.

— Пойдемте...

Когда они усѣлись рядомъ на маленькомъ диванѣ въ комнатѣ Инны, она спросила:

— Измучили васъ, бѣднаго?

— О, какая это пытка...

— Я видѣла и... знаете ли что?

— Что?

— Любовалась вашимъ смущеніемъ...

Никодимцевъ покраснѣлъ.

Нѣсколько времени они болтали, но вдругъ разговоръ оборвался.

Опьяненный близостью любимой женщины, Никодимцевъ не находилъ словъ и глядѣлъ на нее влюбленнымъ взглядомъ.

Примолкла и Инна.

— Я люблю васъ... я люблю тебя!—вдругъ вырвалось изъ груди Никодимцева.

И быстрымъ движеніемъ онъ привлекъ къ себѣ молодую женщину и прильнулъ къ ея губамъ.

Она отвѣчала горячими поцѣлуями.

— Милый!—шепнула она.

И Никодимцевъ снова цѣловалъ Инну съ безумной стра-

стью цѣломудреннаго человѣка, впервые познавшаго настоящую любовь.

Послѣ чая Инна опять позвала Никодимцева къ себѣ въ комнату, и онъ просидѣлъ до двѣнадцати часовъ. Простившись съ невѣстой долгимъ поцѣлуемъ, онъ обѣщалъ завтра быть послѣ обѣда.

— А обѣдать?

— Не могу. Одного пріятеля звалъ... Ты его знаешь... Ордынцевъ.

— Немножко знаю... Онъ кажется мнѣ симпатичнымъ.

— Это порядочный человѣкъ и очень несчастный въ своей семейной жизни. Недавно онъ оставилъ свою семью...

— Слышала... И Ордынцева вездѣ бранитъ мужа за это...

— Не ей бы бранить... До завтра...

— До завтра...

— Такъ любишь?

— Люблю, люблю, люблю!..

Еще прощальный поцѣлуй, и Никодимцевъ ушелъ, еще болѣе влюбленный.

Онъ возвращался домой, восторженный, благодарный, умиленный и счастливый, вспоминая Инну, ея голосъ, лицо, волосы, ея жгучіе поцѣлуи.

И какъ полна и хороша казалась ему жизнь. Какъ несчастны были люди, которые никогда не любили!

— Егоръ Иванычъ! Поздравьте... я женюсь! — объявилъ Никодимцевъ, возвратившись домой.

Егоръ Иванычъ поздравилъ и спросилъ:

— А скоро свадьба?

— Какъ вернемся...

— А на комъ изволите жениться?

— На прелестной женщинѣ, Егоръ Иванычъ.

— На вдовѣ, значитъ?

— Разводится...

Егоръ Иванычъ поморщился.

И, помолчавъ, спросилъ:

— Насъ съ женой, значитъ, разсчитаете?

— Это почему?

— Новые порядки пойдутъ.

— Что вы, Егоръ Иванычъ? Отчего новые порядки?

— Новое положеніе пойдетъ, ваше превосходительство.

— Никакого новаго положенія, какъ вы говорите! — весело говорилъ Никодимцевъ. — И вы и Авдотья Петровна останетесь и, надѣюсь, будете такъ же ладить съ женой, какъ ладите со мной.

— Мы съ большимъ удовольствіемъ готовы попрежнему служить! — отвѣтилъ старый слуга.

Но въ душѣ онъ не вѣрилъ, что ему и женѣ придется остаться у Никодимцева при «новомъ положеніи», и онъ уже былъ предубѣжденъ противъ женщины, нарушившей, по его понятію, «законъ», то-есть выходившей замужъ при живомъ мужѣ.

«Точно не могъ другой найти!» — подумалъ Егоръ Иванычъ, жалѣя Никодимцева за то, что онъ женится на такой «непутевой» дамѣ.

— А какъ вы изволили уѣхать, курьеръ отъ графа пріѣзжалъ и въ восемь часовъ вечера опять пріѣзжалъ. Спрашивалъ, гдѣ можно васъ найти? А я развѣ могу знать, гдѣ вы находились весь день! — говорилъ не безъ тайнаго упрека и въ то же время безпокойства Егоръ Иванычъ. — Вотъ и письмо курьеръ оставилъ! — докладывалъ онъ и, взявши съ письменнаго стола отдѣльно на виду положенный конвертъ, подалъ Никодимцеву.

— Отъ этого вы и дожидались меня, Егоръ Иванычъ?..

— Точно такъ. Надо было доложить. Видно, экстра, если два раза курьера посылалъ.

Никодимцевъ вскрылъ конвертъ и прочиталъ записку, въ которой его высокопревосходительство просилъ Григорія Александровича побывать у него на квартирѣ сегодня между восемью и девятью часами вечера, по очень спѣшному дѣлу.

Прежде Никодимцевъ, получивъ такую записку, испыталъ бы нѣкоторое безпокойство, считалъ бы себя виноватымъ, что не могъ исполнить требованія начальника, и дѣлалъ бы разныя предположенія о причинахъ такого экстреннаго приглашенія, а теперь онъ довольно равнодушно отнесся къ нему и рѣшилъ побывать у министра завтра утромъ.

— Ну, идите спать, Егоръ Иванычъ!.. Никакой экстры нѣтъ! — весело проговорилъ Никодимцевъ.

— Спокойной ночи!

И съ этими словами Егоръ Иванычъ ушелъ изъ кабинета, удивленный, что Никодимцевъ отнесся къ зову графа совсѣмъ не такъ, какъ относился прежде, и рѣшилъ, что онъ совсѣмъ «влюбимшись», и слѣдовательно жена будетъ сама повелѣвать. А каково это — онъ зналъ по собственному опыту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Въ напечатанномъ на первой страницѣ воскреснаго нумера «Новаго Времени» объявленіи о кончинѣ Бориса Александровича Горскаго, послѣдовавшей послѣ «краткой, но тяжкой бо-

лѣзни», панихиды были назначены два раза: днемъ въ часъ и вечеромъ—въ восемь.

За четверть часа до первой вечерней панихиды, покойникъ былъ переложенъ въ бѣлый глазетовый гробъ (по третьему разряду) какими-то довольно жалкаго вида, плохо одѣтыми и съ испитыми лицами людьми, отъ которыхъ разило водкой,— подъ наблюденіемъ «агента» бюро похоронныхъ процессій, молодого человѣка въ приличномъ черномъ пальто и съ цилиндромъ въ изогнутой не безъ претензіи на изящество грязноватой рукѣ съ поддѣльнымъ брильянтомъ, съ бритымъ, веснущатымъ, веселымъ и плутоватымъ лицомъ, которое тотчасъ же приняло серьезно-торжественное выраженіе, какъ только агентъ увидалъ въ полутемной маленькой и холодной часовнѣ, освѣщенной лишь нѣсколькими восковыми свѣчами паникадила да свѣчкой у большого, во всю половину стѣны, образа Спасителя, — Леонтьеву, Ордынцева, Скурагина и трехъ артиллерійскихъ офицеровъ, товарищей покойнаго, напрасно старавшихся быть печальными. Хотя они и любили Горскаго и жалѣли его, но всѣ трое были такъ молоды, такъ жизнерадостны, что видъ покойнаго не мѣшалъ имъ, послѣ двухъ-трехъ минутъ воспоминаній о немъ, тихо и сдерживая изъ приличія веселость, говорить о журфиксѣ у какой-то интересной барыни, куда они должны были ѣхать съ панихиды и разсказать, между прочимъ, о романической причинѣ смерти Горскаго.

Когда гробъ поставили на катафалкъ и лица, перекладывавшія покойника, вышли, не зная, къ кому изъ присутствовавшихъ обратиться съ просьбой на чай,—двѣ сестры милосердія, ухаживавшія во время болѣзни за Горскимъ, поднялись къ гробу и, перекрестившись, заботливо и старательно, съ безстрастно-покорными лицами, занялись покойникомъ, чтобы устроить и его и всю обстановку у гроба какъ можно лучше и порядливѣе.

Онѣ выровняли покровъ, расправили его кисти, вложили въ желто-восковыя руки съ отросшими вялыми ногтями на плоскихъ пальцахъ почернѣвшихъ конечностей небольшой образокъ, переданный имъ Леонтьевой, осторожно съ какою-то особенной почтительностью, приподняли и положили на середину подушки сплюснутую у висковъ голову и, оглядѣвъ, все ли въ порядкѣ, хорошо ли лежитъ покойникъ, снова перекрестились и, сойдя съ возвышенія, безшумно отошли къ стѣнѣ, чтобы остаться на панихидѣ.

Тогда къ гробу поднялась Вѣра Александровна съ цвѣтами въ корзинкѣ и сдѣлала изъ чудныхъ розъ и ландышей рамку,

среди которой утопала голова. Мужъ и Ордынцевъ подавали новыя корзины цвѣтовъ, и Вѣра Александровна усыпала ими весь покровъ. Затѣмъ положила два вѣнка: одинъ отъ нея, другой — роскошный вѣнокъ, неизвѣстно кѣмъ присланный и нѣсколько раздражавшій Леонтьеву, вслѣдствіе чего она, вѣроятно, и поставила его у ногъ.

Часовня мало-по-малу наполнялась знакомыми покойнаго. Многіе изъ нихъ подходили къ Леонтьевой, жали ей руки и молча отходили къ стѣнѣ. Разговаривали совсѣмъ тихо. Только порой выдавался громкій голосъ одного изъ трехъ молодыхъ артиллеристовъ и, словно бы сконфуженный, внезапно понижался до шопота или смолкалъ.

Ужъ было десять минутъ девятаго, а батюшка не приходилъ.

Леонтьевъ обратился къ сестрамъ съ просьбой послать за нимъ сторожа часовни. Одна изъ сестеръ вызвалась сходить сама и, словно бы извиняясь за опоздавшаго священника, объяснила, что, вѣрно, что-нибудь важное задержало, если батюшка опоздалъ.

Въ эту минуту въ часовню вошла совсѣмъ молодая и миловидная дѣвушка, видомъ похожая на горничную, въ шляпкѣ, въ ватномъ дешевенькомъ пальто и въ очень старенькихъ перчаткахъ. Въ рукахъ у нея былъ небольшой, но очень красивый вѣнокъ изъ живыхъ бѣлыхъ розъ и лилій.

Блѣдная, взволнованная и сконфуженная, съ красными отъ слезъ глазами, пала она ницъ передъ гробомъ и залилась слезами. Потомъ поднялась къ гробу, взглянула, перекрестившись, въ лицо покойника и съ воплемъ припала къ нему.

— Кто это? — спросилъ Ордынцевъ у Вѣры Александровны. — Вы знаете?

— Горничная меблированныхъ комнатъ, гдѣ въ прошломъ году жилъ Боря... Не думайте чего-нибудь, Василій Николаичъ. Это была трогательная и безнадежная привязанность къ брату, которая потомъ настолько овладѣла бѣдной дѣвушкой, что братъ долженъ былъ перемѣнить квартиру... Вотъ эта простая, необразованная дѣвушка не чета той, изъ-за которой лежитъ бѣдный Боря! — прибавила вдругъ съ озлобленіемъ Леонтьева.

И, словно бы желая объяснить причину его, Вѣра Александровна прибавила:

— Я только часъ тому назадъ читала дневникъ Бори... Я вамъ дамъ его прочесть, и вы увидите, что за развращенная, равнодушная ко всему и ко всѣмъ эта Козельская... Какіе ужасы описываетъ братъ!.. И что она съ нимъ дѣлала!.. И вотъ такія убійцы остаются безнаказанными... Онѣ еще, на-

вѣрно, гордятся дѣломъ своихъ рукъ... Вѣдь изъ-за нея погибъ мужчина... Это, въ глазахъ еще многихъ, аттестатъ неотразимости...

Вѣра Александровна вытерла слезы и прерывающимся отъ озлобленія и горя шопотомъ продолжала:

— О, что за развращенная и злая эта дѣвушка, погубившая Борю!.. Тотъ боготворилъ ее, а она... Она каждый день ходила къ нему, чтобы отдаваться, какъ животное... Получила свое и ушла... Ей становилось скучно... и она не скрывала этого... Вы понимаете, какъ все это дѣйствовало на брата?.. Какая гнусность!.. И въ то утро, когда онъ, влюбленный, окончательно потерявшій голову отъ ея ласкъ, потребовалъ рѣшительнаго отвѣта, выйдетъ ли она за него замужъ, она... расхохоталась... Она прямо сказала, что онъ для нея слишкомъ глупъ... Ея отношенія къ нему — одна физіологія и больше ничего... Не нравится ему это... что-жъ?.. Она больше не придетъ... Она найдетъ менѣе сентиментальнаго любовника, который не будетъ ныть... А вѣдь вы знали Борю, Василій Николаевичъ? Знали его восторженность?

Ордынцевъ кивнулъ головой.

— Черезъ полчаса послѣ этого объясненія Боря рѣшилъ покончить съ собой... И что за ужасъ разочарованія пережилъ онъ... Это говорятъ послѣднія строки дневника...

Вѣра Александровна смолкла и взглянула на лицо покойника.

Блѣдно-желтое, исхудалое, съ вытянувшимся заостреннымъ носомъ и почернѣвшими сжатыми губами, оно было полно выраженія величаваго спокойствія и какой-то таинственно-неразрѣшимой думы и, казалось, строго смотрѣло на сестру и словно бы осуждало ее за эти безпощадныя обвиненія.

И Вѣра Александровна точно слышала его голосъ, который говорилъ:

«Не мѣсто имъ здѣсь!»

И она зарыдала, чувствуя себя виноватой передъ покойникомъ, точно онъ въ самомъ дѣлѣ могъ слышать то, что она говорила.

Въ эту минуту вошли пѣвчіе и плотной кучкой стали въ сторонѣ. Чей-то низкій басъ откашливался.

Сестра милосердія, ходившая за батюшкой, вернулась и объяснила Леонтьеву, что батюшка сію минуту идетъ... Его задержали...

— Давно бы пора... Ужъ половина девятаго!—раздраженно замѣтилъ Леонтьевъ и прибавилъ:—Сколько надо ему заплатить?.. Скажите, пожалуйста, сестра.

— Онъ ничего не возьметъ. Онъ не сребролюбецъ...

— Однако?

— Онъ отслужитъ сегодня панихиду и извиняется, что завтра не можетъ... Онъ усталъ... Завтра вы попросите другого священника... приходскаго... и на сопровожденіе на кладбище тоже... Вотъ и батюшка.

Въ дверяхъ показался высокій, худощавый старикъ съ сѣдой жиденькой бородкой, въ фіолетовой рясѣ, въ сопровожденіи толстаго, лысаго пожилого дьячка и, не глядя ни на кого, подошелъ къ аналою.

Наклонивъ слегка голову въ сторону, гдѣ стояла Вѣра Александровна, просившая его служить панихиду, и небольшая кучка ея знакомыхъ, онъ взглянулъ своими спокойными и благосклонными старческими глазами на присутствующихъ, словно бы этимъ взглядомъ хотѣлъ опредѣлить общественное ихъ положеніе и степень религіозной воспріимчивости, не спѣша облачился въ траурную ризу и тихимъ, пріятнымъ и значительнымъ голосомъ началъ панихиду.

Зажженныя восковыя свѣчи освѣтили маленькую часовню. Лицо покойника выдѣлялось рельефнѣе среди цвѣтовъ и казалось еще строже и вдумчивѣе.

Среди тишины, нѣсколько минутъ спустя послѣ начала панихиды, вошли Козельскіе—отецъ и Тина.

Они встали недалеко отъ дверей, у стѣны, по эту сторону гроба. «Агентъ» тотчасъ же подалъ имъ свѣчи.

Многіе изъ присутствующихъ обратили вниманіе на элегантно одѣтую въ короткой мѣховой жакеткѣ молодую дѣвушку съ закраснѣвшимся отъ мороза красивымъ личикомъ. Артиллеристы зашептались. Увидѣла ее и Леонтьева и, изумленная и негодующая, смотрѣла на Тину.

Высоко приподнявъ свою головку въ барашковой шапочкѣ, изъ-подъ которой выбивались золотистыя кудерки, Тина глядѣла на покойника, и ни одна черточка ея лица не обнаруживала волненія, точно этотъ, еще недавно ей очень близкій человѣкъ, погибшій изъ-за нея, былъ обыкновенный знакомый, потеря котораго не причиняетъ горя.

Но на душѣ ея было жутко, и что-то больное поднималось въ ней при видѣ разлагающагося трупа любовника, еще такъ недавно красиваго, молодого, жизнерадостнаго, который осыпалъ ее страстными ласками.

И въ то же время она не могла подавить чувство страха и брезгливости и скоро отвела свой взглядъ.

— Какая наглость! Взгляни, Козельскій здѣсь!—шепнула Вѣра Александровна мужу.

И Ордынцевъ увидалъ Козельскаго. Ихъ взгляды встрѣтились. И оба, сконфуженные, опустили глаза.

Тина замѣтила и негодующіе взгляды супруговъ Леонтьевыхъ, и недоумѣвающій, серьезный взглядъ студента Скурагина, и еще выше подняла свою голову, и на лицѣ ея появилось вызывающее, дерзкое выраженіе, точно бы дающее понять, что ей рѣшительно все равно, что̀ о ней думаютъ всѣ эти господа.

Она выше этихъ обвиненій. Она не считаетъ себя виноватой въ смерти Горскаго.

Вольно же было ему стрѣляться? Развѣ она могла предполагать, что случится то, что̀ случилось? Вѣдь она не разъ говорила Горскому, что не выйдетъ за него замужъ и что она отдается ему, пока онъ ей нравится, какъ красивый мужчина, не придавая этой связи какого-нибудь обязательства ни съ его ни съ ея стороны...

Она была правдива и откровенна съ нимъ, и онъ зналъ ея взгляды, долженъ былъ понять характеръ ея отношеній... Не гимназистъ же онъ?

Такъ разсуждала Тина еще сегодня утромъ, когда прочла въ газетѣ извѣстіе о смерти Бориса Александровича, и не чувствовала угрызеній совѣсти, успокоенная доводами ума, говорившаго ея себялюбивой, эгоистической натурѣ, что она не виновата въ томъ, что Горскій оказался такимъ малодушнымъ человѣкомъ.

И Тина безъ колебаній согласилась, когда отецъ, крайне недовольный печальной развязкой, предложилъ дочери ѣхать на панихиду вмѣстѣ съ нимъ.

— По крайней мѣрѣ меньше будутъ трепать твое имя!— строго сказалъ онъ Тинѣ.

Онъ сердился на дочь, не столько возмущенный ея взглядами и поведеніемъ, о которомъ онъ догадывался уже изъ того, что она «бѣгала» къ Горскому, сколько ея отношеніемъ къ нему, дерзкимъ и вызывающимъ, и боязнью, что имя его дочери будутъ «трепать».

— Мнѣ это все равно! Вѣроятно, и твое имя треплютъ, разсказывая о твоихъ похожденіяхъ, и ты, какъ умный человѣкъ, не обращаешь на это вниманія!—отвѣтила Тина.

— Мое имя не могутъ трепать! И тебѣ нѣтъ до моихъ похожденій никакого дѣла!—крикнулъ вспылившій Козельскій, припомнившій, какъ вчера за обѣдомъ Тина нарочно допрашивала о ночныхъ засѣданіяхъ.

— Такое же, какъ и тебѣ...

— Я отецъ твой!..

— А я твоя дочь!—насмѣшливо сказала она и вышла изъ кабинета, оставивъ отца въ безсильномъ гнѣвѣ.

И безъ того онъ былъ не въ духѣ благодаря вчерашней встрѣчѣ съ Ордынцевымъ.

Тайна его связи съ Анной Павловной и тайна его убѣжища открыты. Придется устроить «гнѣздо» въ новомъ мѣстѣ и взвалить себѣ на шею новые расходы, если Ордынцевъ окажется такимъ не-джентльменомъ, что уменьшитъ или даже вовсе не будетъ давать Аннѣ Павловнѣ денегъ на содержаніе ея и дѣтей. Не менѣе безпокоила Козельскаго и мысль о томъ, что «святая женщина» можетъ узнать объ этой связи, если Ордынцевъ станетъ разсказывать о томъ, что̀ видѣлъ. Онъ жалѣлъ жену и не хотѣлъ доставлять ей лишняго горя. Ради этого онъ и старался, по возможности, тщательно скрывать отъ нея свои авантюры.

А тутъ еще эта дерзкая Тина! Нечего сказать, хороша дочь! Скорѣй бы выходила она замужъ!—снова пожелалъ Николай Ивановичъ, рѣшительно не понимавшій, отчего это она чурается брака, когда замужемъ ей несравненно удобнѣе выбрать любовника, который не станетъ стрѣляться... Гобзинъ былъ бы покладистымъ мужемъ. И отъ такого мужа, и притомъ наслѣдника милліоновъ, она отказывается! А теперь, если эта исторія самоубійства разнесется въ городѣ, благодаря репортерамъ, Гобзинъ, пожалуй, во второй разъ уже не сдѣлаетъ предложенія.

Встрѣча съ Ордынцевымъ на панихидѣ тоже не содѣйствовала хорошему настроенію Николая Ивановича.

«Положимъ, Ордынцевъ разошелся съ женой,—разсуждалъ Козельскій, внимательно и серьезно слушавшій молитвы и по временамъ крестясь, когда другіе крестились: — и слѣдовательно не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать отъ своей жены супружеской вѣрности и быть въ претензіи на ея любовника, а все-таки лучше было бы съ нимъ не встрѣчаться или, по крайней мѣрѣ, не такъ скоро послѣ вчерашняго...»

И Козельскій бранилъ въ душѣ и себя за то, что явился на панихиду, и Тину за то, что она смѣла говорить объ его похожденіяхъ, не выходитъ замужъ за Гобзина и ведетъ себя совсѣмъ неприлично, и покойника за то, что онъ стрѣлялся и лежитъ на столѣ, давая случай репортерамъ сплести исторію, въ которой будетъ красоваться en toutes lettres имя его дочери.

И все это: и встрѣча съ Ордынцевымъ, и Тина, и покойникъ, и репортеры какъ-то соединялись въ его головѣ въ одно общее представленіе объ его разстроенныхъ дѣлахъ и о необходимости ихъ поправить какъ можно скорѣй.

Пока Никодимцевъ врядъ ли можетъ сдѣлать для него мно-

гое—развѣ только дать приличное мѣсто. Разсчитывать же, при его содѣйствіи, провести какое-нибудь сомнительное предпріятіе рискованно. Вотъ если бы другимъ зятемъ былъ Гобзинъ...

Раздалось полное тоски заунывное пѣніе: «Со святыми упокой!». Многіе опустились на колѣни. Опустился и Николай Ивановичъ. Тина стояла.

Многіе плакали. Дѣвушка, принесшая маленькій букетъ, безутѣшно рыдала, напрасно стараясь сдержать свои рыданія, и, стоя на колѣняхъ, припала головой къ полу.

Тина обратила вниманіе на эту маленькую фигурку дѣвушки, колѣнопреклоненной въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, и когда дѣвушка поднялась и Тина увидала ея полное скорби, заплаканное, хорошенькое, хотя и вульгарное лицо, ревнивое чувство внезапно охватило Тину.

И она не безъ презрительнаго любопытства оглядѣла съ ногъ до головы дѣвушку и нашла, что у нея тонорное лицо и что она скверно сложена.

«Хорошъ былъ, нечего сказать! Я и въ то же время эта... какая-то горничная или швея!»—съ брезгливостью подумала Тина.

Поклонница физіологіи, она, разумѣется, не сомнѣвалась, что «эта» была такъ же близка съ Горскимъ, какъ и она.

«Всѣ эти влюбленные порядочныя-таки свиньи!»—рѣшила Тина, возмущенная и оскорбленная тѣмъ, что Горскій, увѣрявшій въ какой-то особенной любви, обманывалъ ее. И она питала теперь злобное чувство къ своему бывшему любовнику.

Какъ только-что пѣвчіе начали «Вѣчную память!», Козельскій рѣшилъ уѣхать, чтобъ не пришлось столкнуться съ Ордынцевымъ и раскланиваться съ нимъ.

— Ѣдемъ!—шепнулъ онъ Тинѣ.

Они вышли на дворъ больницы, гдѣ ихъ ожидала карета.

Оба всю дорогу молчали. Козельскій былъ пораженъ спокойствіемъ дочери во время панихиды. Хоть бы одна слезинка! А вѣдь бѣдный Горскій любилъ ее! И она кокетничала съ нимъ, отличала его между другими поклонниками и держала при себѣ для флирта.

«Безсердечная!»—подумалъ отецъ и, возмущенный, негодовалъ, что теперь «дѣти» не похожи на «отцовъ» и совсѣмъ не умѣютъ любить.

Они вернулись домой къ чаю и застали Никодимцева. Онъ съ утра былъ у невѣсты и обѣдалъ у Козельскихъ, такъ какъ Ордынцевъ извѣстилъ, что обѣдать у пріятеля не можетъ.

Когда Тина присѣла къ столу, и мать и сестра не хотѣли

разспрашивать ее о панихидѣ, чтобъ не взволновать ее, и приписывали ея спокойный видъ выдержкѣ и присутствію Никодимцева.

Но послѣ двухъ чашекъ чая она сама начала разсказывать и, между прочимъ, не безъ насмѣшливаго подчеркиванія разсказала о томъ, какъ «какая-то горничная или швея рыдала всю панихиду».

Никодимцева коробило отъ этого топа. Онъ рѣшительно не могъ опредѣлить этой странной дѣвушки—такихъ онъ не встрѣчалъ. И чѣмъ болѣе онъ присматривался къ ней, тѣмъ она становилась ему несимпатичнѣе, хотя и была сестрой Инны.

— Немудрено, что о Борисѣ Александровичѣ такъ плакали. Его всѣ любили. Онъ былъ такой славный, такой добрый,— замѣтила Антонина Сергѣевна, чтобъ смягчить разсказъ дочери.—Онъ у насъ часто бывалъ... Вы, вѣрно, помните его, Григорій Александровичъ, у насъ на вторникахъ?

— Какъ же, помню... Такое открытое, милое, жизнерадостное лицо. Ему жить бы да жить... Отъ какой болѣзни онъ умеръ?—обратился Никодимцевъ къ Антонинѣ Сергѣевнѣ.

— А не знаю... Тина! Отъ чего умеръ Борисъ Александровичъ?

— Отъ собственной неосторожности!—поспѣшилъ отвѣтить Козельскій.—Разряжалъ пистолетъ, и пуля попала въ легкое... Сдѣлалось воспаленіе и... бѣднаго молодого человѣка не стало. Ну, конечно, въ газетахъ появится какая-нибудь романическая сплетня по поводу этой смерти! Нельзя же не воспользоваться случаемъ!—прибавилъ Козельскій.

«Неужели отецъ не знаетъ причины этого выстрѣла? Или онъ лжетъ для Григорія Александровича?»—подумала Инна и рѣшила разсказать ему всю правду, чтобы онъ не думалъ, что она отъ него скрываетъ что-нибудь.

И когда послѣ чая они ушли въ ея комнату, она объяснила Никодимцеву, что бѣдный Горскій стрѣлялся изъ-за безнадежной любви къ сестрѣ.

Никодимцевъ былъ пораженъ.

— Тебя удивляетъ ея спокойствіе?—спросила Инна.

— Да...

— Она очень сдержанная и... и не любила его...

— Однако, сколько я могъ замѣтить, кокетничала съ нимъ?

— Къ сожалѣнію, ты правъ...

— И даже очень?

Инна махнула утвердительно головой.

— Бѣдняга Горскій!—проговорилъ Никодимцевъ и послѣ паузы вдругъ громко прибавилъ:—Я понимаю его!

Инна взглянула на Никодимцева съ какимъ-то страхомъ.

— Вѣдь нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ разочароваться въ любимомъ человѣкѣ. Не правда ли, Инна?

— Да!—проронила молодая женщина.

— А Горскій, вѣрно, думалъ, что твоя сестра тоже любитъ его. По крайней мѣрѣ могъ думать?

— Могъ! Сестра легкомысленно съ нимъ поступала!

— Легкомысленно... это не то слово. Она поступила—ты извини меня—безжалостно, вводя въ заблужденіе человѣка... А въ молодости всѣ впечатлѣнія острѣе, и Горскій не перенесъ разочарованія. Онъ, вѣрно, самъ былъ правдивый человѣкъ и вѣрилъ въ правдивость другихъ... И ему показалось, что жить не стоитъ... не къ чему. Конечно, этотъ выстрѣлъ былъ порывомъ отчаянія; если-бъ у него были какіе-нибудь серьезные интересы въ жизни, или если-бъ онъ пережилъ первый моментъ, этого выстрѣла не было бы. Странная дѣвушка твоя сестра, Инна. И какое у нея спокойствіе! Какъ ты непохожа на нее! — порывисто вдругъ прибавилъ Никодимцевъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Утромъ Никодимцевъ не засталъ дома графа, требовавшаго его наканунѣ по спѣшному дѣлу. Швейцаръ доложилъ, что его сіятельство съ ночнымъ поѣздомъ уѣхалъ на охоту и вернется только къ вечеру.

Пришлось ѣхать на слѣдующее утро.

Патронъ Никодимцева, графъ Волховской, высокій, сухощавый старикъ, съ небольшой темной бородой и въ темно-синей, хорошо сшитой парѣ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ своемъ большомъ кабинетѣ и длиннымъ краснымъ карандашомъ дѣлалъ помѣтки на какой-то объемистой запискѣ, когда представительный камердинеръ, съ холеными черными бакенбардами и съ крупной бирюзой на мизинцѣ, безшумно ступая мягкими башмаками, приблизился къ столу и доложилъ:

— Тайный совѣтникъ Никодимцевъ!

— Просите!—отвѣтилъ графъ.

И, отложивъ въ сторону записку, онъ принялъ тотъ свой любезно-привѣтливый видъ, которымъ умѣлъ очаровывать подчиненныхъ и просителей.

— А гдѣ это вы нынче пропадаете, Григорій Александровичъ?—проговорилъ онъ шутливымъ тономъ, чуть-чуть привставая съ кресла и протягивая Никодимцеву красивую руку съ твердыми, хорошо отточенными ногтями и щуря маленькіе и острые сѣрые глаза, глубоко засѣвшіе въ глазныхъ впади-

нахъ подъ густыми нависшими бровями.—Третьяго-дня я два раза за вами посылалъ, и васъ цѣлый день не было дома. Такой домосѣдъ и...

И графъ, не докончивъ рѣчи, любезно улыбнулся и, крѣпко пожавши Никодимцеву руку, указалъ на кресло и затѣмъ продолжалъ:

— А я, Григорій Александровичъ, торопился сообщить вамъ пріятную вѣсть... Поэтому и посылалъ за вами... Вы, конечно, догадываетесь, въ чемъ дѣло?

— Нѣтъ, графъ.

— А я думалъ, что догадываетесь... Дѣло въ томъ, что Прокудинъ получитъ другое назначеніе, и постъ товарища министра будетъ вакантнымъ мѣсяца черезъ два-три, какъ разъ къ тому времени, когда вы вернетесь, вѣроятно, изъ той не особенно пріятной командировки, въ которой я менѣе повиненъ, чѣмъ вы думаете... Я полагаю, вамъ она не очень нравится?

— Отчего же?.. Порученіе очень почетное.

— Разумѣется, почетное, но въ то же время и очень отвѣтственное, требующее большой осторожности въ заключеніяхъ и выводахъ... Газеты преувеличиваютъ... У насъ вѣдь любятъ представлять все въ болѣе мрачныхъ краскахъ и такимъ образомъ совершенно напрасно пугать общество... Ну, да вы вѣдь сами увидите на мѣстѣ, такъ ли страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, и, разумѣется, ваши выводы будутъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительному положенію. Я не сомнѣваюсь въ вашемъ умѣ и тактѣ!—подчеркнулъ графъ—Однако мы уклонились... Я не о командировкѣ хотѣлъ съ вами говорить, Григорій Александровичъ, я хотѣлъ узнать: согласились ли бы вы занять постъ товарища въ другомъ министерствѣ?.. Я съ своей стороны охотно окажу свое содѣйствіе и почти увѣренъ, что васъ назначатъ.

— Очень благодаренъ, графъ, за ваше доброе содѣйствіе, но я предпочелъ бы остаться на своемъ мѣстѣ.

— Вы отказываетесь, Григорій Александровичъ?

И маленькіе глаза графа изумленно и въ то же время словно бы недовѣрчиво взглянули на Никодимцева.

Самъ честолюбецъ, любящій свою призрачную власть и ради нея готовый поступиться многимъ, человѣкъ, имѣющій громадное состояніе и слѣдовательно не заинтересованный жалованьемъ, онъ никакъ не могъ понять, чтобы возможно было отказаться отъ блестящаго положенія.

— Отказываюсь.

— Рѣшительно?

— Рѣшительно.

— Странный вы человѣкъ, Григорій Александровичъ... Очень странный... А я, признаться, думалъ, что обрадую васъ... Такой постъ... и впереди возможность еще болѣе высокаго поста, на что вы при вашихъ выдающихся способностяхъ, конечно, имѣли бы полное основаніе надѣяться... И вы отказываетесь?.. Или вы думаете, что не уживетесь со своимъ министромъ?..

— Я этого не думаю...

— Работы вы не боитесь и умѣете работать...

— Работа меня не пугаетъ...

— Или служба въ другомъ вѣдомствѣ вамъ не нравится?

— Всѣ службы болѣе или менѣе одинаковы...

— Такъ въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ спросить, почему?

— Я не честолюбивъ, графъ!—уклончиво отвѣтилъ Никодимцевъ.

— Будто? И, пожалуй, вѣнцомъ своей карьеры считаете тихое пристанище въ Сенатѣ?—съ сожалѣніемъ проговорилъ старикъ.

— На большее я и не разсчитываю...

— А васъ развѣ не манитъ сознаніе той государственной пользы, которую вы можете принести, принимая близкое участіе въ государственномъ управленіи?

— Оттого и не манитъ, что я мало вѣрю въ возможность приносить эту пользу.

Старикъ почти испуганно посмотрѣлъ на Никодимцева.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло?—протянулъ онъ—Въ такомъ случаѣ вы, конечно, правы, Григорій Александровичъ... Нельзя служить дѣлу, которому не вѣришь...

«Ты-то вѣришь?»—подумалъ Никодимцевъ и сказалъ:

— И, главное, трудно, графъ, утѣшать себя иллюзіями...

— Иногда это необходимо... повѣрьте старику!—значительно проговорилъ графъ.—Ну, я васъ больше не задерживаю... У васъ вѣдь еще много хлопотъ съ этой командировкой... Счастливаго пути, дорогой Григорій Александровичъ, и дай Богъ, чтобы вамъ не пришлось долго засиживаться... Чѣмъ скорѣе вернетесь, тѣмъ я буду спокойнѣе за вашъ департаментъ!—любезно прибавилъ графъ.

И, казалось, еще съ большею привѣтливостью пожалъ Никодимцеву руку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Чтобы пробыть нѣсколько лишнихъ минутъ съ Никодимцевымъ, передъ разлукой на неопредѣленное время, Инна Николаевна пріѣхала на Николаевскій вокзалъ за полчаса до отхода курьерскаго поѣзда.

Въ томъ новомъ настроеніи, въ какомъ находилась Травинская, ее тоскливо тревожилъ отъѣздъ единственнаго человѣка, который не только любилъ и понималъ ее, но и вѣрилъ прочности ея нравственнаго обновленія, поддерживалъ въ ней вѣру въ себя и въ возможность счастливаго будущаго ихъ совмѣстной жизни.

Она знала, что съ отъѣздомъ Никодимцева ее ждетъ полное одиночество и назойливое напоминаніе о томъ, что она такъ хотѣла бы забыть и чего не забывали родные и знакомые ея, мужа и Козельскихъ.

Объ этомъ прошломъ напоминали добрыя пріятельницы и родственницы, передававшія съ видомъ негодованія и участія о позорныхъ слухахъ, ходившихъ о ней.

Эти слухи особенно усилились, распространяясь далеко за предѣлы того круга, въ которомъ вращалась Инна Николаевна, съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстнымъ о томъ, что она разводится съ мужемъ, чтобы сдѣлать блестящую партію, выйдя замужъ за Никодимцева.

Ей простили бы охотно дюжину любовниковъ, но этого простить не могли и потому обливали ее грязью, разбавляя частицу правды клеветой. О ней распространяли легенду, какъ о порочной, циничной женщинѣ, насчитывая ей столько любовниковъ, сколько позволяла пылкость фантазіи и степень зависти возмущенныхъ клеветницъ.

Нечего и говорить, что знавшіе и незнавшіе Травинскую—и въ особенности женщины, не отличавшіяся строгостью нравовъ—изумлялись, что Никодимцевъ, тайный совѣтникъ Никодимцевъ и директоръ департамента, а не то что какой-нибудь обыкновенный смертный, не заслуживший бы, разумѣется, изумленія,—женится на «такой женщинѣ», когда могъ бы оставаться ея любовникомъ при такомъ покладливомъ господинѣ, какъ Травинскій.

Въ томъ, что Никодимцевъ любовникъ Травинской, никто, конечно, не сомнѣвался, и объ этомъ говорили громко, съ такимъ легкимъ сердцемъ, съ какимъ говорятъ о погодѣ, и съ такою увѣренностью, точно каждый изъ говорившихъ присутствовалъ на тайныхъ свиданіяхъ.

Когда въ министерствѣ узнали, что Никодимцевъ женится, то, собравши справки о невѣстѣ, рѣшили, что директоръ департамента дѣлаетъ великую глупость, такъ какъ рискуетъ своей блестящей карьерой. По крайней мѣрѣ, когда одинъ изъ коллегъ, недолюбливавшій Никодимцева и умѣвшій разнообразить свои доклады пикантными анекдотами, сообщилъ графу Волховскому о хорошенькой барынькѣ, на которой собирается

жениться Григорій Александровичъ, и кстати разсказалъ о рыцарскомъ поступкѣ Никодимцева, чуть «не побившаго двухъ молодыхъ людей у Донона», то графъ неодобрительно покачалъ головой и замѣтилъ, что директору департамента рискованно ввязываться въ исторіи, а тѣмъ болѣе жениться Богъ знаетъ на комъ, да еще на разведенной женѣ.

Инна Николаевна знала, что главнымъ источникомъ позорныхъ слуховъ былъ ея мужъ.

Озлобленный на жену, онъ еще болѣе озлился, когда узналъ объ ея выходѣ замужъ за Никодимцева, что продешевилъ, согласившись на разводъ за пятнадцать тысячъ, и всячески поносилъ жену, всѣмъ называлъ имена ея поклонниковъ и жаловался, что, благодаря Никодимцеву, ему приказали дать разводъ и отняли дочь. Но онъ имъ еще покажетъ себя!

Войдя на вокзалъ, Инна Николаевна искала Никодимцева у билетной кассы, не нашла его тамъ и направилась въ залу, гдѣ ожидаютъ пассажиры.

Проходя мимо столовой, среди снующихъ взадъ и впередъ пассажировъ, провожавшихъ и носильщиковъ, она вдругъ увидала мужа. Слегка выпившій, онъ шелъ навстрѣчу съ Привольскимъ, тѣмъ самымъ пріятелемъ и сослуживцемъ, который былъ мимолетнымъ увлеченіемъ Инны Николаевны послѣ нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго за ужиномъ вдвоемъ и потомъ, выгнанный ею, разсказалъ мужу объ этомъ ужинѣ и, чтобы отплатить отвергнувшей его женщинѣ, совѣтовалъ ему не давать развода и не отдавать дочери.

При видѣ этихъ господъ, напомнившихъ молодой женщинѣ весь ужасъ недавней ея жизни и неразборчивость прежнихъ знакомствъ, она торопливо отвернулась, испытывая чувство отвращенія и гадливости къ нимъ и невольное презрѣніе къ себѣ.

Но она успѣла замѣтить, съ какою наглой усмѣшкой оба они оглядѣли ее съ ногъ до головы, и до нея долетѣли грубо позорныя слова, которыми они довольно громко обмѣнялись по ея адресу, упомянувъ и Никодимцева.

Поблѣднѣвшая, невольно склонивъ голову, словно бы подъ тяжестью позора, торопливо прошла она въ залу и стала искать глазами Никодимцева среди публики.

Никодимцева не было.

И вдругъ ей пришла въ голову мысль, что мужъ и его пріятель пришли на вокзалъ не случайно, а съ цѣлью устроить скандалъ.

Сердце ея замерло отъ ужаса, и, охваченная страхомъ за Никодимцева, она бросилась назадъ, чтобы встрѣтить его у подъѣзда и предупредить.

Но въ дверяхъ она встрѣтилась съ нимъ и чуть не вскрикнула отъ радости.

— Что съ тобой, Инна? Ты испугана?—тревожно спрашивалъ Никодимцевъ, пожимая невѣстѣ руку.

— Ничего, ничего...

— Но ты блѣдна, взволнована?...

— Сейчасъ я имѣла непріятную встрѣчу... Встрѣтила мужа съ его другомъ...

— Привольскимъ?..

— Да!—проронила, краснѣя, Инна Николаевна.—Ты ихъ не видалъ?

— Не видалъ. Надѣюсь, они не осмѣлились подойти къ тебѣ?—взволнованно спросилъ Никодимцевъ, чувствуя внезапный приливъ злобы.

— Нѣтъ, нѣтъ! — поспѣшила успокоить его Инна, замѣтившая, какъ гнѣвно блеснули его глаза.—Они догадались даже не поклониться мнѣ.

— То-то! — произнесъ, успокаиваясь, Никодимцевъ.

— Пойдемъ, сядемъ туда, подальше...

Они присѣли на диванчикъ въ глубинѣ залы.

— Ты меня долго ждала?

— Я только-что пріѣхала...

Они торопились наговориться. Каждому изъ нихъ казалось, что надо не забыть сказать что-то особенно важное и значительное въ эти полчаса.

Слушая, какъ Никодимцевъ сообщалъ ей утѣшительныя вѣсти о ходѣ развода,—адвокатъ, котораго вчера вечеромъ видѣлъ Григорій Александровичъ, сказалъ, что черезъ два мѣсяца все будетъ кончено,—Инна Николаевна, все еще полная тревоги отъ встрѣчи съ мужемъ, по временамъ кидала безпокойные взгляды на двери.

И въ этомъ страхѣ она чувствовала и унизительность своего положенія, и тяжкую расплату за прошлое, и виноватость передъ Никодимцевымъ, который изъ-за нея можетъ имѣть непріятную исторію съ этими господами, которые и ей и Григорію Александровичу были омерзительны и сами по себѣ и, главное, какъ напоминаніе...

— А ты будешь писать мнѣ часто, не правда ли?.. — возбужденно и порывисто спросила Инна Николаевна.

— Каждый день... И ты пиши... хоть нѣсколько строкъ... Ты что это все взглядываешь на двери, Инна? Опять боишься встрѣчи?..

— Не боюсь, а непріятно! — проговорила Инна Николаевна, скрывая истинную причину своего страха.

— Надѣюсь, ты не ждешь какой-нибудь выходки съ ихъ стороны?

— Разумѣется...

— Они не осмѣлятся... И вѣдь я съ тобой... Такъ не волнуйся, родная! — нѣжно успокаивалъ невѣсту Никодимцевъ.

Но тревога Инны Николаевны сообщилась и ему, отравляя эти немногія минуты прощальнаго свиданія. И, несмотря на внѣшній спокойный видъ Никодимцева, онъ былъ нервно-возбужденъ и самъ сталъ взглядывать на двери.

— Отсюда ты уѣдешь съ Николаемъ Ивановичемъ... Онъ обѣщалъ пріѣхать... Онъ вѣдь пріѣдетъ?..

Въ голосѣ его звучало безпокойство.

Инна Николаевна поняла, что онъ тревожится за нее, какъ она за него.

— Папа будетъ.

— Навѣрное?

— Онъ сказалъ, непремѣнно будетъ!

Двери на перронъ открылись, и публика торопливо двинулась, по обыкновенію, спѣша и толкаясь.

У Никодимцева было мѣсто въ спальномъ вагонѣ. Онъ не торопился и продолжалъ разговаривать съ Инной въ опустѣвшей залѣ. Онъ снова повторялъ, чтобы Инна писала, берегла свое здоровье, снова говорилъ о томъ, какъ она ему дорога и какъ безъ нея ему будетъ сиротливо, и словно бы дополнялъ всѣ эти слова взглядомъ, полнымъ нѣжности и любви.

— А, главное, не хандри, Инна. Не терзай себя напрасно...

— Скорѣе возвращайся, милый...

— Это не отъ меня зависитъ... Богу — Богови, Кесарю — Кесареви... Однако пора и идти... Пожалуй, Николай Ивановичъ насъ у вагоновъ ищетъ...

Онъ поднялся, подалъ ей руку, и они вышли на перронъ, направляясь къ спальному вагону. Идя съ Никодимцевымъ подъ руку, Инна испытывала пріятное горделивое чувство увѣренности, что у нея есть близкій другъ и защитникъ, и въ то же время безпокойно вглядывалась въ публику, боясь новой встрѣчи съ мужемъ и его пріятелемъ.

Какой-то военный генералъ и какой-то статскій поклонились Никодимцеву, съ жаднымъ любопытствомъ оглядывая его даму. Инна Николаевна замѣтила эти взгляды, поняла ихъ значеніе и вспомнила, что про нее говорятъ. Ей это было все равно, но ему, любимому человѣку?..

Она взглянула на лицо Никодимцева и просвѣтлѣла—такое оно было счастливо-горделивое, точно оно говорило: «Смотрите, какъ я счастливъ, что иду со своей невѣстой!»

Носильщикъ встрѣтилъ Никодимцева у вагона и сказалъ, что вещи положены, и что въ купе ѣдетъ только одинъ пассажиръ. Подошелъ и Егоръ Иванычъ и, почтительно снимая фуражку, доложилъ, что багажная квитанція у него, и спросилъ, не будетъ ли какихъ приказаній? А самъ искоса поглядывалъ на будущую барыню, которую уже заранѣе не взлюбилъ. Онъ находилъ, что разведенная жена не пара Григорію Александровичу; кромѣ того, и до него дошла худая молва объ Иннѣ Николаевнѣ.

— Вотъ, Инна, тотъ самый Егоръ Иванычъ, про котораго я говорилъ! — сказалъ Никодимцевъ.

Егоръ Иванычъ снова снялъ фуражку и поклонился Иннѣ Николаевнѣ, принимая самый официальный видъ и какъ-то смѣшно поджимая губы и вытаращивая глаза.

Но Инна Николаевна съ такою чарующей ласковостью улыбнулась ему, сказавъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, что Егоръ Иванычъ отошелъ, если и не окончательно побѣжденный, то во всякомъ случаѣ менѣе враждебно настроенный и вынужденный признать, что невѣста очень «прельстительная» и немудрено, что Григорій Александровичъ «втемяшился» въ такую до умопомраченія.

«Она его облеститъ въ лучшемъ видѣ!» — рѣшилъ Егоръ Иванычъ и почему-то успокоился за положеніе свое и жены при Никодимцевѣ.

— Ну, что, Инна, нравится тебѣ Егоръ Иванычъ?

— Очень...

— Онъ славный... И я радъ, что онъ тебѣ понравился... Значитъ, онъ останется у насъ...

— А онъ думалъ, что я захочу заводить новые порядки у тебя?

— Кажется...

— И Егоръ Иванычъ вѣрно, недоволенъ твоимъ выборомъ? — улыбаясь, спросила Инна.

— Теперь будетъ доволенъ.

Онъ вошелъ въ вагонъ и вернувшись, проговорилъ:

— Никогда я не уѣзжалъ изъ Петербурга такимъ счастливымъ, Инна...

Пробилъ второй звонокъ.

— А что же Николай Ивановичъ? — безпокойно спросилъ Никодимцевъ, втайнѣ тревожась, что Инна Николаевна можетъ снова встрѣтить, и они, чего добраго, позволятъ себѣ неприличную выходку.

— Обѣщалъ быть, а его нѣтъ! — прибавилъ онъ съ раздражительной ноткой въ голосѣ.

— Да ты не волнуйся, милый!.. Со мной ничего не случится... Я не изъ трусливыхъ! — сказала Инна, понимая, отчего Никодимцевъ вдругъ такъ захотѣлъ видѣть отца. — А вотъ и папа!

— Еще не опоздалъ... Простите, дорогой Григорій Александровичъ, что поздно... Задержали... Непріятный дѣловой разговоръ въ правленіи... Мнѣ такъ надоѣла эта клоака... Съ какимъ удовольствіемъ ушелъ бы я изъ нея, если-бъ не пять тысячъ! — говорилъ Козельскій, запыхавшись и взволнованный, съ какимъ-то испуганнымъ выраженіемъ въ глазахъ и далеко не спокойно-великолѣпный, какимъ бывалъ всегда.

Инна сразу догадалась, что съ отцомъ случилась серьезная непріятность.

«Вѣрно, срочный долгъ и нѣтъ денегъ!» — подумала она и втайнѣ боялась, что отецъ обратится за ними къ Никодимцеву.

А Козельскій, пожимая руку будущему своему зятю и задерживая ее въ своей рукѣ, между тѣмъ продолжалъ возбужденнымъ тономъ:

— Еслибъ вы знали, родной, что дѣлается въ нашихъ правленіяхъ... Порядочному человѣку тамъ служить нельзя. Сейчасъ про него выдумаютъ какую-нибудь пакость... Мнѣ жаль, что я до вашего отъѣзда не поговорилъ съ вами... Но я вамъ напишу... Позволите?.. И дадите добрый совѣтъ?

— Очень буду радъ... Очень радъ чѣмъ-нибудь услужить вамъ, Николай Ивановичъ!

«Вѣдь ты отецъ Инны!» — казалось, досказывало его лицо.

— Спасибо... спасибо, дорогой! — съ какою-то особенной горячностью проговорилъ Козельскій, словно бы торопясь заранѣе обязать Никодимцева своей задушевной благодарностью. — И возвращайтесь скорѣе, а то моя Инночка стоскуется! — прибавилъ Козельскій, нѣжно взглядывая на дочь.

Инна невольно покраснѣла за отца.

— Однако пора и въ вагонъ... Сейчасъ третій звонокъ! — проговорилъ Никодимцевъ.

И онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ руку Инны, съ которой она сдернула перчатку, облобызался съ Козельскимъ, уже оправившимся отъ волненія и принявшимъ серьезно и въ мѣру опечаленный видъ, какой полагается имѣть на проводахъ, взошелъ на площадку и глядѣлъ на невѣсту восторженно-проникновеннымъ взглядомъ.

И Инна не спускала взгляда съ Никодимцева.

— Такъ я завтра же напишу вамъ, Григорій Александровичъ. Вы въ Москвѣ не остановитесь?

— Нѣтъ. Пишите въ Приволжье. А потомъ я сообщу Иннѣ,

куда писать... Мой привѣтъ Антонинѣ Сергѣевнѣ и Татьянѣ Николаевнѣ!..

— Спасибо... Онѣ жалѣютъ, что не могли проводить васъ. Жена нездорова, а Тина хандритъ...

Раздался третій звонокъ. Оберъ-кондукторъ свистнулъ, и съ паровоза разнесся ревущій свистъ.

Никодимцевъ простился еще разъ съ Инной долгимъ, серьезнымъ и грустнымъ взглядомъ, поклонился Козельскому и взволнованно проговорилъ:

— Берегите Инну!

Поѣздъ тронулся.

Никодимцевъ еще разъ поклонился, взглядывая на Инну, и вошелъ въ вагонъ.

— Чудный человѣкъ Григорій Александровичъ! Какая ты счастливица, Инна, что у тебя будетъ такой мужъ. И какъ онъ тебя любитъ! — проговорилъ вдругъ Козельскій.

Инна Николаевна ничего не отвѣтила.

Прошли послѣдніе вагоны. Козельскій подалъ дочери руку, и они направились къ выходу среди толпы провожатыхъ. Козельскій нѣсколько разъ приподнималъ цилиндръ, кланяясь и отдавая поклоны знакомымъ.

— Ѣдемъ вмѣстѣ, Инна. У меня карета. Я тебя завезу домой! — сказалъ онъ, когда они вышли на подъѣздъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Нѣсколько минутъ отецъ и дочь ѣхали молча.

— Инночка!.. У меня къ тебѣ большая просьба! — проговорилъ наконецъ Козельскій ласковымъ, почти заискивающимъ тономъ.

— Какая, папа?

— Выручи меня... Попроси Григорія Александровича... Я понимаю, тебѣ неловко, но...

— О чемъ просить? — нетерпѣливо и сухо спросила Инна.

— Чтобы онъ не отказалъ помочь мнѣ выпутаться изъ очень непріятной исторіи въ правленіи... Чтобы онъ далъ мнѣ въ долгъ пять-шесть тысячъ и чтобы устроилъ мнѣ мѣсто... Изъ правленія я ухожу... Я самъ напишу Григорію Александровичу, но напиши и ты... Поддержи мою просьбу, Инночка... Онъ для тебя все сдѣлаетъ...

— Но, папа... Ужели ты не понимаешь, что ставишь меня въ невозможное положеніе? Ты не сердись, но я не могу исполнить твоей просьбы и умоляю тебя не просить у Григорія Александровича денегъ. И то онъ заплатилъ пятнадцать тысячъ за разводъ... Извернись какъ-нибудь!

— Ты не хочешь выручить отца!? — проговорилъ съ упрекомъ Козельскій.

«Отецъ! Хорошъ отецъ!» — подумала Инна и вспомнила, какъ онъ занималъ деньги у одного изъ ея поклонниковъ.

— Я не могу просить Григорія Александровича! — отвѣчала Инна Николаевна.

— Не можешь?.. Но понимаешь ли ты, что я нахожусь въ отчаянномъ положеніи... Ты говоришь: «извернуться...» Я изворачивался, пока могъ, а теперь...

И Козельскій сталъ разсказывать о томъ, что ему необходимо возвратить пять тысячъ, взятыя имъ въ долгъ у еврея-подрядчика, иначе — скандалъ... Его репутація будетъ замарана. Дѣло можетъ дойти до суда... Враги его въ правленіи воспользуются случаемъ... А Никодимцеву ничего не стоитъ достать пять тысячъ...

— Но я знаю, у него денегъ нѣтъ...

— Пусть выдастъ вексель... Подъ его вексель я достану денегъ... Инна! Умоляю тебя... Другого выхода нѣтъ... Пожалѣй хоть маму, если не жалѣешь меня...

— Хорошо... Я напишу Григорію Александровичу!

— Завтра напиши...

— Завтра напишу!—холодно проговорила Инна Николаевна.

Козельскій облегченно вздохнулъ.

— Спасибо, спасибо тебѣ, Инночка... Ты спасаешь меня...

Инна молчала. Отецъ понялъ, что дочь спасаетъ его безъ особеннаго участія къ нему, и про себя подумалъ о безсердечіи дѣтей, для которыхъ онъ всегда дѣлалъ все, что могъ.

«И эта и Тина, обѣ онѣ эгоистки!» — рѣшилъ онъ и почувствовалъ себя обиженнымъ.

Когда карета остановилась у подъѣзда, Козельскій сказалъ дочери, что ему надо еще заѣхать по одному дѣлу, но онъ скоро вернется.

— Такъ и скажи мамѣ, пожалуйста! И ей о моихъ дѣлахъ ни слова! — прибавилъ онъ и велѣлъ кучеру ѣхать на Васильевскій островъ.

Инна застала мать разстроенною, съ красными отъ слезъ глазами.

— Мамочка! Что съ тобой?

И, присаживаясь рядомъ съ матерью на маленькій красный диванчикъ, на которомъ Антонина Сергѣевна много передумала о своихъ обидахъ оставленной жены, Инна цѣловала руки и лицо матери.

— Я уѣзжала на вокзалъ, и ты была молодцомъ, а вернулась, и ты... Что случилось? Что тебя разстроило, ма-

мочка? — съ тревожной нѣжностью въ голосѣ спрашивала Инна.

— Ничего не случилось, Инночка... Такъ... взгрустнулось одной... Нервы зашалили... Не тревожься, моя милая, ласковая дѣточка!—говорила, стараясь улыбнуться, Антонина Сергѣевна, тихо гладя своею красивой бѣлой, съ длинными пальцами, рукой закраснѣвшуюся на морозѣ щеку Инны.

Но улыбка Антонины Сергѣевны вышла грустная и какая-то безпомощная.

«Ужъ не узнала ли мама о связи отца съ Ордынцевой? Не нашла ли она какой-нибудь улики?» — подумала Инна, зная, что мать имѣла слабость въ отсутствіе отца посѣщать его кабинетъ и интересоваться разорванными письмами, брошенными въ корзину.

Что мать могла встревожиться за нее или за сестру, Иннѣ и не пришло въ голову. Она знала, что никакіе слухи, если-бъ они случайно и дошли до матери, почти не выѣзжавшей изъ дому, не возбудили бы въ ней сомнѣнія — до того она была увѣрена въ безупречности своихъ дочерей.

— А папа провожалъ Григорія Александровича?—спросила Антонина Сергѣевна.

— Да, мама... Григорій Александровичъ тебѣ кланяется...

— Милый твой Григорій Александровичъ... Я ужъ полюбила его... А папа вернулся съ тобой?—нетерпѣливо спросила Козельская.

— Нѣтъ. Онъ поѣхалъ куда-то по дѣлу и скоро вернется...

Антонина Сергѣевна подавила вздохъ.

Инна Николаевна смотрѣла на это поблекшее, еще красивое лицо съ большими глазами, полными выраженія скорби, на эти рано посѣдѣвшіе волосы подъ кружевнымъ фаншономъ, на эту худощавую, все еще стройную фигуру въ черномъ платьѣ, и ей стало безконечно жаль мать.

Она, глядѣвшая почти старухой въ сорокъ четыре года, казалась такой одинокой, сиротливой, наивно-безпомощной и далекой отъ жизни въ своей маленькой комнатѣ, которую она со своимъ обычнымъ мастерствомъ женщины, умѣющей свивать и любить свое гнѣздо, сдѣлала уютной, сіявшей необыкновенной чистотой и порядкомъ и нѣсколько похожей на келію монахини. Маленькій кіотъ, кровать и комодъ за низенькими ширмами, диванъ, два кресла, большой портретъ мужа, когда онъ былъ молодъ и красивъ, нѣсколько позднѣйшихъ фотографій его же и портреты дочерей, висѣвшихъ въ рамкахъ на стѣнѣ красиво расположенной группой, надъ маленькимъ письменнымъ столикомъ, составляли убранство комнаты, въ которой проводила боль-

шую часть времени Антонина Сергѣевна, читая романы и терзаясь ревнивыми подозрѣніями.

И тотъ, котораго она до сихъ поръ любила съ неостывшей еще страстью женщины, почти никогда не заглядывалъ къ ней, не дѣлился впечатлѣніями, не посвящалъ въ свои дѣла и, ласково-предупредительный и внимательный въ тѣ немногіе часы, когда они встрѣчались въ столовой, словно бы забывалъ, какъ много она ему дала и какъ мало отъ него получила.

Почти никогда не сидѣла съ матерью и Тина. Она скучала въ ея обществѣ и не знала, о чемъ съ ней говорить. Ей смѣшна была ея «сентиментальная грусть», и въ душѣ она осуждала мать и за ея ревность къ отцу, и за то, что она, носясь со своей добродѣтелью и молчаливо страдая, совершенно напрасно отравляетъ себѣ жизнь.

«Будь мама умнѣе — она давно бы взяла отъ жизни все, что могла бы взять такая красивая женщина!»—нерѣдко говорила младшая сестра.

Инна возмущалась этими словами. Она любила и уважала мать, но сама рѣдко навѣщала ее во время замужества. Пріѣдетъ на полчаса днемъ или обѣдать, явится на журфиксъ — вотъ и все. А чтобы просидѣть вечеръ вдвоемъ, поговорить— это было скучно и для Инны. И о чемъ говорить съ ней? Они были чужія другъ другу, несмотря на взаимную любовь.

И, жалѣя теперь мать, Инна невольно спрашивала себя: отчего это такая хорошая и честная женщина, которую называли святой, такъ одинока со своей постоянной печалью отверженной жены? Отчего она не умѣла устроить семьи. Развѣ ихъ семья похожа на настоящую семью? Отчего она, любившая ее и сестру, не сумѣла вліять на нихъ хоть сколько-нибудь и словно бы проглядѣла ихъ души, обманываясь на ихъ счетъ не то отъ чрезмѣрной любви, не то отъ наивнаго непониманія?

И на эти вопросы, впервые затронувшіе Инну, противъ желанія подкрадывались отвѣты, обвиняющіе не одного только отца, вносившаго ложь въ семью.

И Иннѣ казалось, что мать слишкомъ отдавалась своимъ чувствамъ любви и ревности и изъ-за нихъ закрывала глаза на все остальное, живя въ совершенномъ невѣдѣніи жизни — въ какомъ-то сентиментальномъ миражѣ, безхарактерная, непрактичная, не сумѣвшая даже, несмотря на всю свою любовь къ дочерямъ, внушить имъ понятіе о долгѣ и отвращеніе къ распущенности.

«О, если-бъ мама остановила тогда отъ этого легкомысленнаго брака, развѣ у меня было бы такое ужасное прошлое?.. О, если-бъ мама знала, какія у нея, святой женщины, грѣшныя

дочери!?»—думала Инна, чувствуя въ то же время и любовь и жалость къ матери и понимая, что между ними нѣтъ той близости, которая позволила бы ей обнажить свою душу, какъ она обнажила ее передъ Никодимцевымъ. Тотъ понялъ и простилъ. Она пришла бы въ ужасъ и простила бы, не понимая, что въ этомъ ужасѣ виновата главнымъ образомъ она.

«И не будетъ ли виновата и она, Инна, передъ своей дочерью за свое прошлое? Сумѣетъ ли она вызвать довѣріе къ ней? Что̀ если она узна̀етъ, когда вырастетъ, какова была ея мать!?»

При этой мысли Инна Николаевна вздрогнула, точно ей вдругъ сдѣлалось холодно.

— Что̀, Инночка, зазябла, бѣдная?.. — спроси̇ла Антонина Сергѣевна.

— Да, мамочка, немного...

— Ты велѣла бы самоваръ поставить... Напилась бы чаю...

— Не хочу, мамочка... Я и такъ согрѣюсь.

Нѣсколько минутъ онѣ просидѣли молча, каждая занятая своими мыслями, повѣрить которыя онѣ не рѣшались другъ другу.

Антонина Сергѣевна гордилась тѣмъ, что несетъ свой крестъ молча. Она никогда не жаловалась никому на мужа и, разумѣется, не жаловалась дочерямъ, не желая ронять его родительскаго прести̇жа въ глазахъ дочерей, и наивно думала, что онѣ ничего не знаютъ объ его похожденіяхъ и не догадываются, какъ она несчастна.

«И не должны знать!» — подумала Антонина Сергѣевна, чувствуя въ эту минуту желаніе излить передъ Инной свое горе.

— Да, Инночка, я рада, что ты выходишь за человѣка, который значительно старше тебя! — проговорила наконецъ Антонина Сергѣевна.

— Почему?

— Потому что онъ тебя будетъ дольше любить... Ты не состаришься ранѣе мужа... А мужья не любятъ состарившихся женъ, Инночка, и часто ищутъ новыхъ привязанностей на сторонѣ... Впрочемъ, Григорій Александровичъ, кажется, не такой... Онъ человѣкъ долга и, навѣрное, никогда не станетъ обманывать тебя...

— Я въ этомъ увѣрена, мамочка... Онъ не скроетъ, если разлюбитъ меня... Да этого и скрыть нельзя... Я сама увижу...

— И что̀ тогда?

— Я оставила бы его!—рѣшительно проговорила Инна.

— Но если ты будешь любить его?..

— Тѣмъ скорѣе я отошла бы отъ него...

— Это не такъ легко, какъ тебѣ кажется, Инна... Не такъ легко... особенно если дѣти связываютъ... Надо ради дѣтей нести крестъ свой, какъ онъ ни тяжелъ...

Инна Николаевна не возражала, чтобъ не огорчить мать, высказавши ей, что эти обычныя ссылки на дѣтей кажутся и лицемѣрными и вовсе не защищающими дѣтей отъ ужаснаго вліянія семейнаго разлада. Она по себѣ и по Тинѣ знала это и была безконечно рада, что дочь ея еще слишкомъ мала, чтобы на ней отразились тѣ дикія сцены, которыя бывали у ней съ мужемъ.

«Что было бы съ Леночкой, если-бъ она оставалась жить съ Травинскимъ!»—въ ужасѣ подумала Инна, и радостное чувство охватило ее вслѣдъ за испугомъ при мысли, что этого не будетъ, и что ее ждетъ иная жизнь съ Никодимцевымъ.

И онъ ей казался еще болѣе дорогимъ и близкимъ. И она думала въ эту минуту, что никогда не разлюбитъ его, и мысленно давала себѣ клятву сдѣлать его счастливымъ.

— Расходиться, Инна, еще возможно, — продолжала Антонина Сергѣевна:—въ молодые годы, когда впереди цѣлая жизнь, но подъ старость... Къ чему?.. Зачѣмъ? — говорила Антонина Сергѣевна, словно бы оправдываясь передъ дочерью. — Надо, чтобы слишкомъ много униженій выпало на долю, да и тогда...

Антонина Сергѣевна примолкла и затѣмъ неожиданно спросила съ оживленно-раздражительной ноткой въ голосѣ:

— А ты слышала, что Ордынцевы на старости лѣтъ разошлись?..

— Слышала...

— Я только на-дняхъ объ этомъ узнала случайно... Эта особа вчера мнѣ ничего объ этомъ не говорила! — прибавила Антонина Сергѣевна.

Инна знала, что мать называетъ «особами» тѣхъ женщинъ, которыя нравятся отцу, и поняла причину разстройства матери. Еще вчера Ордынцева, пріѣзжавшая съ визитомъ, была Анной Павловной и даже милой Анной Павловной, а сегодня она уже особа. Значитъ, отецъ попался.

— Вѣрно, бѣдному Ордынцеву очень тяжело было жить, если онъ уѣхалъ отъ семьи... Хороша, значитъ, эта... женщина... И вѣдь воображаетъ, что красавица... Подмазывается, красится и... кокетничаетъ на старости лѣтъ... Вѣдь ей за сорокъ!.. Навѣрное за сорокъ!..

— Пожалуй...

— Не пожалуй, а навѣрное!—заговорила Антонина Сергѣевна болѣе энергичнымъ тономъ, какъ только дѣло пошло о

найденной любовницѣ мужа, которая такъ долго была ей неизвѣстна, и эта неизвѣстность такъ безпокоила.—Она скрываетъ свои годы... Эта взбалмошная, глупая Ольга, съ которой Тина почему-то дружитъ, какъ-то проговорилась, что ея неприличной маменькѣ сорокъ пять лѣтъ. Да оно такъ и должно быть... Ольгѣ двадцать четыре...

Инна Николаевна про себя усмѣхнулась, слушая, какъ мать, обыкновенно правдивая даже въ мелочахъ, подъ вліяніемъ ревности безбожно прибавляла года не только Ордынцевой, но и ея дочери. И, предоставляя матери прибавить сколько угодно лишнихъ лѣтъ Аннѣ Павловнѣ, Инна все-таки заступилась за Ольгу и сказала:

— Ей, мамочка, меньше... Право, меньше!

— Ты вѣчно споришь! — съ неудовольствіемъ произнесла Антонина Сергѣевна, хотя Инна очень рѣдко съ ней спорила. — Ольга моложе Тины на одинъ годъ... Я это знаю! — прибавила Козельская въ видѣ неотразимаго женскаго аргумента.

И съ бо́льшимъ оживленіемъ и въ лицѣ и въ голосѣ и съ бо́льшимъ злорадствомъ, чѣмъ можно было предполагать въ святой женщинѣ, она продолжала:

— И эта размалеванная толстуха имѣетъ претензію завлекать мужчинъ! Ты знаешь, Инна, я не имѣю привычки злословить... Но развѣ ты не замѣтила, какіе откровенные вырѣзы у нея на платьяхъ, когда она является къ намъ на эти дурацкіе фиксы—они положительно разстраиваютъ и безъ того мое слабое здоровье!—и съ какимъ безстыднымъ кокетствомъ она держитъ себя съ мужчинами... Думаетъ, что у нея античная шея и грудь Венеры!.. Ты развѣ не замѣтила, какъ показываетъ она свои прелести?

Инна, чтобъ не огорчать мать, покривила душой и сказала, что Ордынцева дѣйствительно открывается болѣе, чѣмъ бы слѣдовало въ ея же интересахъ.

— Именно... именно, Инночка... Ты это мѣтко замѣтила... По одному тому, какъ она держитъ себя съ мужчинами въ обществѣ, можно судить, какая это распущенная женщина. Не мудрено, что такой порядочный человѣкъ, какъ Ордынцевъ, не могъ болѣе терпѣть и бѣжалъ отъ этой проблематической особы... Вѣроятно, узналъ про ея авантюры... Я только удивляюсь вкусу ея поклонниковъ... Ухаживать за такимъ жирнымъ кускомъ мяса!..

Въ лицѣ Антонины Сергѣевны стояло презрительное выраженіе и къ этому «куску мяса» и къ его поклонникамъ, и въ то же время въ душѣ ей было завидно и больно.

Это Инна почувствовала, и ей стало обидно за мать.

— Впрочемъ, мужчины не особенно разборчивы и легко поддаются женщинамъ, которыя бросаются имъ на шею... Нужды нѣтъ, что подобныя твари вносятъ несчастія въ чужія семьи! Бойся такихъ, Инна!—съ озлобленіемъ прибавила Антонина Сергѣевна...

У Инны болѣе не было сомнѣнія въ томъ, что мать узнала о связи отца съ Ордынцевой.

Недаромъ же она, обыкновенно не злорѣчивая и снисходительная къ людскимъ слабостямъ, когда онѣ не касались ея и семьи, съ такою несдержанностью бранила Ордынцеву и удивлялась неразборчивости ея поклонниковъ или, вѣрнѣе, одного поклонника.

Въ этомъ отношеніи Антонина Сергѣевна была послѣдовательна и съ неизмѣннымъ постоянствомъ ужасалась вкусу своего мужа, какъ только узнавала объ его увлеченіи. И тогда женщина, обращавшая на себя особенное вниманіе Николая Ивановича, въ глазахъ Антонины Сергѣевны представляла собой сочетаніе всевозможныхъ физическихъ и нравственныхъ несовершенствъ. Она еще могла бы понять увлеченіе какой-нибудь дѣйствительно стоящей женщиной, но такъ какъ выборъ Николая Ивановича, по мнѣнію Антонины Сергѣевны, былъ всегда неудаченъ и «особа» бывала или толста до безобразія, или худа, какъ скелетъ, и притомъ зла и коварна, то, разумѣется, Антонина Сергѣевна не понимала, какъ это Ника, такой тонкій цѣнитель красоты, могъ увлечься подобной особой.

Нечего и говорить, что Антонина Сергѣевна, какъ большинство влюбленныхъ женъ, считала виноватыми «особъ», завлекавшихъ ея мужа, а его—лишь бѣдной жертвой, не устоявшей противъ безстыднаго искушенія. Не будь такихъ подлыхъ особъ, разрушающихъ семейное счастіе, — и Ника не изолгался бы въ конецъ и остался бы вѣрнымъ мужемъ.

Инна рѣшительно не находила словъ, которыя могли бы утѣшить мать, и только удивлялась, какъ она до сихъ поръ не привыкла къ этимъ постояннымъ измѣнамъ отца. Кажется, пора бы привыкнуть!

— Ты приняла бы, мамочка, валерьяна... Хочешь?.. Это успокоитъ твои нервы!—предложила Инна, увидавши, что мать снова готова расплакаться.

— Пожалуй, дай, Инночка... Капли на комодѣ...

Инна сходила за рюмкой и, приготовивъ лѣкарство, подала матери. Та выпила и, казалось, нѣсколько успокоилась.

— А Богъ съ ней, съ этой Ордынцевой... Не стоитъ о ней говорить!—произнесла Антонина Сергѣевна.

— Конечно, не стоитъ, мамочка!

— Но принимать ее я больше не буду... Она неприлична!

«О, еслибъ мама знала, какова была я и какова сестра!»— подумала Инна и сказала:

— Но если Ордынцева пріѣдетъ на фиксъ. Не выгонишь же ты ее?..

— Я ее такъ приму, что она больше не явится... Надѣюсь, ни папа, ни ты, ни Тина не будете ничего имѣть противъ этого?.. Можно мнѣ не видать особъ, которыя мнѣ противны?.. Имѣю я хоть это право?

— Да кто-жъ говоритъ, что не имѣешь... Конечно, никто изъ насъ не опечалится, если Ордынцевой не будетъ на фиксахъ... Развѣ одинъ старый адмиралъ да юный инженеръ Развозовъ...

— Ты думаешь, никто больше?

— Кому же больше!—проговорила Инна, чтобъ успокоить мать и дать лишній шансъ отцу, когда онъ будетъ лгать, если мать потребуетъ объясненій.

Но доказательства, находившіяся въ карманѣ у Антонины Сергѣевны, въ видѣ начатаго письма Николая Ивановича къ Ордынцевой, неосторожно брошеннаго въ корзину,—такъ очевидно свидѣтельствовали о винѣ мужа, что слова Инны не произвели впечатлѣнія на Козельскую и только вызвали горькую усмѣшку на ея губахъ...

«Хорошо, что хоть дѣти ничего не знаютъ!»—подумала она, гордая мыслью, что несетъ свой крестъ молча, никому не жалуясь, и наивно увѣренная, что брань, которою она только-что осыпала Ордынцеву, не выдастъ ея ревности.

— Что-жъ ты не разсказываешь, Инна, о проводахъ Григорія Александровича!—проговорила Козельская тономъ упрека, точно не сама она все время говорила объ Ордынцевой, повидимому, не особенно интересуясь проводами Никодимцева.— Много было провожавшихъ его?

— Кромѣ папы и меня, никого.

— Отчего никого?.. Развѣ у Григорія Александровича нѣтъ добрыхъ знакомыхъ, которые хотѣли бы проводить его?.. И наконецъ онъ занимаетъ такое мѣсто... Ближайшіе его помощники должны были бы его провожать... Это ужъ такъ водится...

— Можетъ, и водится, но Григорій Александровичъ нарочно никому не говорилъ о днѣ отъѣзда... Ему, вѣрно, интереснѣе было пробыть полчаса со мной, мама

— Вотъ почему?.. Тогда это очень мило съ его стороны, Инна... Очень мило! Онъ совсѣмъ рыцарь... Знакомыхъ никого не видала?

— Травинскаго встрѣтила...

— Леву?

— Да.

— Что-жъ, онъ очень убитъ?.. Что тамъ ни говори про него, какъ подло онъ съ тобой ни поступилъ, Инна, а все-таки онъ тебя любилъ...

— Хороша любовь! И онъ былъ не убитъ, мама, а пьянъ!— рѣзко проговорила Инна Николаевна.

Ее раздражало и обижало это постоянное напоминаніе матери, что мужъ все-таки ее любилъ.

— Быть-можетъ, онъ сталъ пить съ горя, что ты его бросила? Когда любятъ...

— Ахъ, мама... Совсѣмъ ты не знаешь людей! — перебила Инна.

И, чувствуя, что можетъ наговорить матери непріятностей, она встала и, прощаясь съ матерью, проговорила, стараясь сдержать свое раздраженіе:

— Не говори мнѣ, мама, о Травинскомъ... Не напоминай о глупости, которую я сдѣлала, выйдя за него замужъ... Если-бъ ты... знала больше людей, ты остановила бы меня отъ этого брака... Прости!.. Я, конечно, не обвиняю тебя... Ты вѣдь думала, что онъ меня очень любилъ... И теперь думаешь, что онъ очень любитъ... А этотъ любящій человѣкъ...

Инна во-время удержалась, чтобъ не сказать матери, какими позорными словами назвалъ ее этотъ любящій человѣкъ, и, чувствуя приливъ жалости къ ней, стала цѣловать ея лицо и руки, и мягко и нѣжно говорила: .

— Ложись-ка лучше спать, мамочка, и вспомни, родная, что ты отъ жизни все-таки взяла, что могла, и была счастлива съ папой... А я молодость... прошутила и только теперь поняла, что любовь не шутка и жизнь не игрушка! — прибавила Инна.

И, улыбнувшись глазами, вышла изъ комнаты матери и прошла въ свою.

Взглянувъ на сладко спавшую Леночку, Инна Николаевна надернула на ея обнаженныя розовыя плечики одѣяло, тихо прикоснулась губами къ ея закраснѣвшимся щечкамъ и, осторожно ступая по комнатѣ, присѣла къ туалету и стала раздѣваться, думая о томъ, какъ ей тоскливо будетъ безъ Никодимцева и какъ она любитъ его.

— Можно къ тебѣ на минуту?—спросила Тина, чуть-чуть пріотворяя двери.

— Входи!

Съ распущенными золотистыми волосами, одѣтая въ капотъ

изъ тонкой бѣлой шерсти съ голубыми кордельерами, слегка перехватывающими ея тонкую талію, съ открытой шеей и оголенными изъ-подъ широкихъ рукавовъ бѣлыми руками, на мизинцахъ которыхъ блестѣли кольца, съ крошечными красными туфельками на ногахъ, бѣлѣвшихъ сквозь ажурные шелковые чулки, вошла Тина, обворожительная и видимо сознающая свою обворожительность, внося съ собой душистую струйку любимыхъ ею духовъ—Cherry Blossom.

Инна обернулась и глядѣла на сестру, невольно любуясь ею—такая она была интересная, вся сіяющая бѣлизной хорошенькаго, дерзко-самоувѣреннаго лица, красиво посаженной, словно точеной шеи и изящныхъ рукъ, свѣжая и благоухающая, стройная и гибкая, съ карими холодными глазами рыжеватой блондинки.

«И въ такомъ красивомъ тѣлѣ такая испорченная душа!»—мелькнуло въ головѣ Инны, и она невольно вспомнила самоубійство Горскаго и отношеніе къ этому сестры послѣ тѣхъ поцѣлуевъ, которыми она дарила влюбленнаго.

И старшая сестра въ первый разъ обратила вниманіе, что у Тины выдающійся чувственный ротъ, и что алыя, сочныя губы слишкомъ толсты, когда она ихъ не подбираетъ.

— Ты что это такъ глядишь на меня?—спросила Тина, присаживаясь на кушетку.

— Любуюсь тобой. Ты очаровательна, Тина, въ капотѣ.

— Кажется, недурна! — самодовольно усмѣхнулась Тина.— Наши родители передали намъ только одно хорошее и дѣйствительно цѣнное—красоту. Ты гораздо красивѣе меня. У тебя и русалочные глаза, и красивѣе формы, и больше пластичности, и сложена ты лучше, и губы не такія толстыя!.. Но ты запускаешь себя... Этого не слѣдуетъ. У женщинъ вѣдь физическое обаяніе—главная сила!—съ категоричностью прибавила Тина.

— Развѣ запускаю?

— Не тренируешь себя, какъ слѣдуетъ... Мало ходишь, ѣшь много мучного и сладкаго, не берешь каждый день ванну, не обтираешься холодной водой... И оттого твое тѣло раньше потеряетъ свою упругость, ты растолстѣешь, кожа потеряетъ свѣжесть, однимъ словомъ, твой будущій супругъ будетъ огорченъ! Зачѣмъ же огорчать его и себя, если можно этого избѣгнуть?.. Надо любить свое тѣло и заботиться о немъ, особенно если оно красиво, чтобы въ сорокъ лѣтъ не сдѣлаться обойденной и не ныть, какъ поетъ мама... Мама воображаетъ, что истинная любовь должна сохраняться даже и къ мариноваинымъ женщинамъ, и удивляется, что генералъ занимается авантю-

рами... И онъ и Ордынцева представляютъ собою отличный образецъ тренировки... Оба умѣли сохранить себя... А генералъ, видно, попался?.. На всякаго мудреца довольно простоты!—прибавила, усмѣхнувшись, Тина.

— Откуда это у тебя такія свѣдѣнія о тренировкѣ?—спросила Инна.

— Странный вопросъ! Кто-жъ этого не знаетъ?.. Можешь прочесть... Объ этомъ пишутъ книги... Я могу тебѣ дать одну французскую... Прочти и прониknись... Тебѣ вѣдь стоитъ беречь свой капиталъ!—проговорила Тина, оглядывая сестру съ серьезнымъ видомъ хорошей цѣнительницы, подобно барышнику, разглядывающему статьи лошади. — Сложена ты прелестно... Даже и бедра не очень раздались, несмотря на то, что ты имѣешь ребенка...

— Да перестань, Тина... Вѣдь это цинизмъ! — замѣтила старшая сестра.

— Съ какихъ это поръ ты стала такая брезгливая? — насмѣшливо спросила Тина.

— Съ тѣхъ поръ, какъ ушла отъ мужа...

— И полюбила своего директора. Люби его на здоровье—хоть я и не поклонница этихъ сорокалѣтнихъ юнцовъ. Но это тѣмъ болѣе должно заставлять тебя не распускаться... Надѣюсь, ты не думаешь, что мужчины довольствуются одной душой... Тогда всѣ уродливыя женщины были бы очень счастливы... Недаромъ ихъ называютъ симпатичными... Однако я не для болтовни бросила интересную книгу Ницше и пришла къ тебѣ... Присядь ко мнѣ и выслушай, что я тебѣ скажу!—значительнымъ и нѣсколько безпокойнымъ тономъ проговорила молодая дѣвушка.

Инна уловила эту безпокойную нотку въ низковатомъ голосѣ Тины и, полураздѣтая, съ распущенными длинными волосами, торопливо перешла отъ туалета на кушетку.

— Разсказывай, Тина, о чемъ ты пришла говорить? — съ выраженіемъ тревоги въ голосѣ и въ лицѣ спросила старшая сестра.

— Не дѣлай только, пожалуйста, трагическаго лица... А то у тебя такой видъ, будто ты ждешь, что я покаюсь тебѣ въ какомъ-нибудь преступленіи!—проговорила Тина съ короткимъ, сухимъ смѣхомъ.

— Я не умѣю такъ владѣть собой, какъ ты.

— Это вы съ паной насчетъ моего равнодушія къ смерти Горскаго?.. Такъ это вы напрасно! Я не считаю себя виноватой передъ нимъ... Я предупреждала его, чтобъ онъ не разсчитывалъ на узы Гименея, а бралъ то, что ему даютъ.

Другой былъ бы наверху блаженства отъ такой близости, а онъ вмѣсто того...

— Онъ любилъ тебя... И неужели тебѣ его нисколько не жаль, Тина?—возмущенно перебила старшая сестра.

— Кто это тебѣ сказалъ, что не жаль?..

— Но ты такъ равнодушно отнеслась къ его смерти...

— А развѣ обязательно ныть?.. Особенно сильнаго горя я не чувствовала, но все-таки мнѣ жаль Горскаго... Онъ былъ хоть и глупый, но очень красивый и пылкій юноша!—прибавила Тина, словно бы щеголяя своей откровенностью.

— И только это—Инна подчеркнула слово: «это»—тебѣ въ немъ и нравилось?

— А что тебѣ въ твоихъ любовникахъ нравилось? Душа, что ли?—съ циничной усмѣшкой спросила молодая дѣвушка.— Не люблю я этого лицемѣрія. Надо имѣть доблесть смотрѣть правдѣ въ глаза!

Инну покоробило отъ словъ сестры. И эти случайныя, короткія связи безъ любви и даже безъ чувственнаго увлеченія пронеслись въ ея головѣ быстрыми отвратительными воспоминаніями.

«Она жестока, но имѣетъ право такъ говорить»,—мысленно сказала себѣ Инна.

— Не говори такъ громко... Леночка здѣсь!.. Ты права, я не смѣю задавать такихъ вопросовъ. Но повѣрь, что я не лицемѣрю... Теперь я не та, что была прежде... Не та, увѣряю тебя, и проклинаю прошлое!—прошептала Инна.

— Надѣясь на идиллію въ будущемъ?

— Не знаю, будетъ ли идиллія... Но во всякомъ случаѣ я буду жить иначе...

— Не буду спорить, но только скажу, что семейныя идилліи такъ же рѣдки, какъ правдивые люди... Попробуй жить праведницей, если твой темпераментъ позволитъ тебѣ быть ею съ твоимъ серьезнымъ директоромъ, и я буду радоваться, глядя на тебя... А меня оставьте такою, какая я есть... А пока слушай, Инна... По всѣмъ признакамъ, со мной случилась очень скверная вещь...

— Что такое?

— Мнѣ кажется, что я...

И она чуть слышно докончила фразу.

Старшая сестра съ ужасомъ глядѣла на Тину.

— Ну, что тутъ ужаснаго?.. Непріятная, но обыкновенная случайность и больше ничего...

— Ты, значитъ, была такъ близка съ Горскимъ?

— Нѣтъ... Это отъ спиритическаго внушенія!.. Что за

привычка даже у неглупыхъ людей дѣлать глупые вопросы!..

— Прости, Тина... Я такъ поражена...

— Чѣмъ? Что у интеллигентной дѣвицы можетъ быть бебе?.. Они вѣдь полагаются только у замужнихъ дамъ и у незамужнихъ кухарокъ и горничныхъ... Меня эта глупая мораль не смущаетъ... Я, слава Богу, ея не боюсь!—вызывающимъ тономъ говорила чуть слышно Тина. — Меня только безпокоитъ непріятность этого положенія, если оно подтвердится... Женщины такъ уродливы въ это время, и кромѣ того у меня нѣтъ никакого желанія быть матерью... Но люби кататься, люби и саночки возить!..

— Ты, надѣюсь, не захочешь отъ этого избавиться?—испуганно спросила Инна.

— Успокойся... не захочу... Но не потому, что считаю это недозволеннымъ, а просто потому, что это вредно для здоровья... Я ужъ читала объ этомъ... И будь я одна, я не скрывала бы этой непріятности и оставила бы бебе при себѣ... Пусть говорятъ, что хотятъ... Мнѣ наплевать! Но...

— Ты боишься огорчить маму?

— Да... Мама, чего добраго, совсѣмъ изведется отъ горя и отъ неожиданности... Она вѣдь и меня считаетъ ангеломъ...

— Ты выйдешь замужъ?

— Не за Гобзина ли?.. Или за одного изъ нашихъ декадентовъ? Или за этихъ уродовъ, которые посѣщаютъ наши журфиксы?.. Благодарю покорно. Я не собираюсь выходить замужъ, хотя бы и за сказочнаго принца... Я не хочу лишать себя свободы и имѣть сценъ съ супругомъ...

— Такъ что же ты думаешь дѣлать Тина?..

— Уѣхать за границу и тамъ пробыть все это время...

— А ребенокъ?

— Отдамъ его на воспитаніе...

— Но средства?

— Что-нибудь придумаю... Во всякомъ случаѣ, замужество будетъ послѣднимъ рессурсомъ.

Тина говорила такъ увѣренно, что сестра не сомнѣвалась въ томъ, что она дѣйствительно сумѣетъ найти работу и справиться съ ней.

— Но все это—впереди, а пока, если мое непріятное положеніе выяснится, надо мѣсяца черезъ два ѣхать за границу и приготовить къ этому маму... Я скажу, что ѣду изучать что-нибудь. И ты помоги мнѣ убѣдить ее, что одна я тамъ не пропаду. Поможешь?

— Хорошо.

— Отецъ, конечно, согласится и будетъ посылать мнѣ рублей полтораста въ мѣсяцъ...

— Ты развѣ проживешь на эти деньги, Тина?

— Надо прожить. Отецъ и такъ крутится въ долгахъ. А на экстренные расходы у меня есть вещи... Можно ихъ продать...

— Я постараюсь тебѣ помочь... Григорій Александровичъ не откажетъ.

— Спасибо. Если понадобится—напишу.

— И пріѣду къ тебѣ, когда нужно будетъ. А то какъ ты будешь одна?

— Этого я не боюсь. Но если пріѣдешь, конечно, буду рада... И знаешь ли что?

— Что?

— Родственныя чувства во мнѣ не сильно развиты, но маму и тебя я люблю!—проговорила мягкимъ, почти нѣжнымъ топомъ молодая дѣвушка, почти никогда не выражавшая своихъ чувствъ.

Она поднялась съ дивана и, прощаясь съ Инной, спросила:

— Теперь ужасъ твой за меня прошелъ?

— Меньше сталъ.

— Вотъ видишь. А черезъ нѣсколько дней онъ и совсѣмъ пройдетъ... Ничего нѣтъ страшнаго на свѣтѣ, если умъ хорошо работаетъ.

— Но и тебя это должно тревожить, Тина, хоть ты и хочешь казаться спокойной.

— Тревожить? Пока—нѣтъ. Развѣ такъ страшно? Я сильная и здоровая. Но что это меня злитъ, что это мнѣ отвратительно—не отрицаю. А всякая непріятность дѣйствуетъ на нашу психику и, слѣдовательно, и на нашъ организмъ. Поэтому умные люди, не обращающіе вниманія на нелѣпые предразсудки, и стараются избѣгать непріятностей, то-есть жить такими впечатлѣніями, которыя доставляли бы одни удовольствія. И если бы Горскій не былъ такой неосторожный дуракъ... Ну, ты опять дѣлаешь страшные глаза... Прощай лучше!..

И съ этими словами Тина вышла отъ сестры и, присѣвъ къ своему письменному столу, на которомъ были разбросаны исписанные листы почтовой бумаги, снова принялась за повѣсть, которую она писала, сохраняя свои литературныя занятія втайнѣ отъ всѣхъ.

Въ этой повѣсти молодая дѣвушка выводила героиню, похожую на себя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Козельскій вернулся домой, какъ обѣщалъ, рано—около часу и, вмѣсто того, чтобы скорѣе, по правиламъ своей тренировки, лечь спать, сѣлъ въ кресло у письменнаго стола и, доставъ

изъ бювара почтовый листокъ толстой англійской бумаги, сталъ писать къ Никодимцеву одно изъ тѣхъ убѣдительно-настойчивыхъ писемъ, на которыя онъ былъ мастеръ.

Окончивъ письмо, его превосходительство внимательно перечиталъ эти четкія, красивыя, круглыя строки, написанныя въ задушевно-родственномъ тонѣ, въ которыхъ онъ, разсказывая о неблаговидномъ веденіи дѣлъ въ правленіи, возмущающемъ его настолько, что онъ, по всей вѣроятности, долженъ будетъ выйти изъ директоровъ, и о внезапномъ денежномъ затрудненіи, вслѣдствіе неожиданнаго требованія долга на слово,— просилъ будущаго своего дорогого зятя не обезсудить, что обращается къ нему съ просьбой устроить, по возвращеніи изъ командировки, какое-нибудь подходящее мѣсто и помочь уплатить долгъ, если не деньгами, то бланкомъ на векселѣ, который черезъ шесть мѣсяцевъ будетъ выкупленъ.

Письмо оканчивалось замѣчаніемъ, что «родство—родствомъ, а деньги—деньгами», чтобы Никодимцевъ не подумалъ, что тесть его подведетъ.

«Выручитъ, долженъ выручить!»—подумалъ Козельскій, окончивъ чтеніе своей эпистолы, и, облегченно вздыхая, вложилъ его въ конвертъ и написалъ адресъ.

— Если мое письмо не подѣйствуетъ, письмо Инны заставитъ его исполнить мою просьбу!—успоконвалъ себя Козельскій, ужасаясь при мысли, какая можетъ выйти грязная исторія, если Никодимцецъ не выручитъ.

А исторія дѣйствительно была грязная, благодаря тому, что одинъ изъ членовъ правленія, желавшій быть распорядителемъ по хозяйственной части вмѣсто Козельскаго, поднялъ въ правленіи цѣлую исторію по поводу недобросовѣстнаго подрядчика, и правленіе настаивало, чтобы контрактъ съ нимъ былъ нарушенъ и залогъ удержанъ.

Результатомъ этого былъ визитъ къ Козельскому господина Абрамсона, который очень деликатно напомнилъ его превосходительству о письменномъ обѣщаніи насчетъ возобновленія контракта, а между тѣмъ...

Козельскій густо покраснѣлъ.

— Я постараюсь уладить это дѣло!—проговорилъ онъ.

— Я просилъ бы васъ... И если бы вы не могли устроить, то, по крайней мѣрѣ, верните пять тысячъ... такъ какъ сдѣлка не состоялась... И попрошу васъ вернуть скорѣй. Въ противномъ случаѣ я буду вынужденъ представить ваше письмо, въ которомъ вы обѣщали о возобновленіи контракта...

— Но вы этого не сдѣлаете!—испуганно воскликнулъ Козельскій.

— Отчего не сдѣлаю?.. Я долженъ это сдѣлать и, осмѣлюсь вамъ доложить, поступлю по совѣсти. Я совѣсть имѣю... Меня хотятъ ввести въ убытки... Долженъ я ихъ вернуть или нѣтъ?.. Имѣю я право получить обратно пять тысячъ, если я не получилъ того, за что заплатилъ деньги? И вы думаете, я не знаю, отчего меня хотятъ прогнать?

— Оттого, что вы недобросовѣстно ведете дѣло.

— Пхе! Я веду не хуже другихъ и во всякое время готовъ исправить недосмотры. Не изъ-за этого поднялъ шумъ вашъ товарищъ, господинъ членъ правленія Оравинъ...

— Изъ-за чего же?

— Господинъ Оравинъ сказалъ мнѣ: «Оттого, что вы, г. Арбамсонъ, еврей, а евреи нынче не въ модѣ и ихъ не любятъ въ правленіи... Мы хотимъ русскихъ подрядчиковъ»... Вотъ что̀ сказалъ г. Оравинъ. Но только, хоть евреи и не въ модѣ, а я думаю, ваше превосходительство, что г. Оравинъ очень умный человѣкъ, чтобъ говорить, извините, такія глупости... А хотятъ они передать дѣло подрядчику Иванову, который предлагаетъ за это г. Оравину десять тысячъ... Оттого евреи и не въ модѣ! — иронически усмѣхнулся г. Абрамсонъ.

Все, что̀ могъ сдѣлать Козельскій — это уговорить Абрамсона подождать двѣ недѣли.

Или подрядъ останется за нимъ, или онъ получитъ обратно пять тысячъ.

Припоминая теперь этотъ разговоръ, бывшій вчера утромъ, и скверное положеніе въ правленіи, въ которомъ онъ очутился, не имѣя возможности защищать подрядчика противъ нападокъ Оравина, Козельскій хорошо понималъ, что весь вопросъ былъ не въ подрядѣ, а въ томъ, чтобы отстранить Козельскаго и дать Оравину, близкому пріятелю предсѣдателя, возможность нагрѣть руки. И онъ, Козельскій, первый разъ вынужденный взять взятку, рискуетъ теперь, что она будетъ обнаружена и его репутація порядочнаго человѣка подорвана изъ-за какихъ-нибудь несчастныхъ пяти тысячъ.

Такихъ маленькихъ взятокъ не прощаютъ порядочнымъ людямъ!

Возможность быть уличеннымъ особенно угнетала и стыдила Козельскаго. Онъ во что бы то ни стало хотѣлъ остаться порядочнымъ человѣкомъ во мнѣніи людей, которые сами берутъ крупныя комиссіи, не прощая другимъ маленькихъ взятокъ.

Онъ и самъ считалъ свой поступокъ нечестнымъ и оправдывалъ его только тѣмъ, что деньги были нужны до зарѣза, что взялъ взятку первый разъ, и тѣмъ, что имѣлъ доброе намѣреніе возвратить ее когда-нибудь.

Ему не стыдно было браться проводить дѣла, несомнѣнно причинявшія вредъ государству, не стыдно было брать комиссіи за хлопоты по подобнымъ дѣламъ и за устройство знакомствъ дѣльцовъ съ нужными «человѣками» изъ министерствъ или съ «дамами сердца» безкорыстныхъ сановниковъ. Все это онъ считалъ однимъ изъ видовъ заработка, которымъ не гнушаются и лица высокаго положенія и который нисколько не компрометируетъ порядочнаго человѣка въ общественномъ мнѣніи.

Будь Козельскій у финансовъ, онъ, разумѣется, не обременилъ бы своей совѣсти, если бы, при посредствѣ какого-нибудь молчаливаго фактотума, получалъ отъ банкировъ комиссіи при займахъ или игралъ навѣрняка на биржѣ при конверсіяхъ и выпускахъ бумагъ,—это, по его понятіямъ, одинаковымъ съ понятіями многочисленной группы людей, занимающихся дѣлами, было бы лишь умѣньемъ умнаго человѣка воспользоваться благопріятными обстоятельствами, — умѣньемъ, которое, въ сущности, никому не вредитъ.

Но растрата... взятка... это что-то ужъ вовсе непорядочное, возбуждавшее въ Козельскомъ такую же брезгливость, какъ грязное бѣлье или господинъ, который ѣстъ рыбу съ ножа.

«Раздѣлаться поскорѣй съ Абрамсономъ и... сократить расходы!»—рѣшилъ Козельскій, одушевляемый всегда добрыми намѣреніями, когда ему приходилось плохо.

И онъ собирался-было встать, чтобы скорѣе раздѣться и лечь спать, не продѣлавъ даже передъ сномъ обычныхъ упражненій съ гирями, какъ въ двери раздался стукъ.

— Войдите!—проговорилъ Козельскій и поморщился, догадываясь, кто это стучитъ, и въ то же время недоумѣвая и нѣсколько пугаясь этому позднему визиту и безпокойно оглядывая столъ, нѣтъ ли на немъ какихъ-нибудь компрометирующихъ документовъ.

Антонина Сергѣевна вошла въ комнату и остановилась у дверей печальная, строгая и серьезная, какъ сама Немезида.

«Объясненіе!»—подумалъ Козельскій, соображая, какъ онъ могъ попасться, и готовый лгать самымъ безсовѣстнымъ образомъ, чтобы только успокоить святую женщину и не осложнять и безъ того скуернаго своего положенія...

И, скрывая подъ напускнымъ хладнокровіемъ малодушную трусость блудливаго кота и какъ будто не догадываясь, зачѣмъ въ столь поздній часъ явилась въ кабинетъ жена, Козельскій, зѣвая, проговорилъ съ обычной своей мягкой вкрадчивостью:

— Ты еще не спишь, Тоня?.. А я только-что вернулся...

Былъ на Васильевскомъ островѣ у одного человѣчка... Есть одинъ срочный долгъ, который меня безпокоитъ, и я ѣздилъ устроить это дѣло... Кажется, все уладится... Что-жъ ты стоишь?.. Присаживайся, Тоня. И какъ же я усталъ сегодня! И какъ мнѣ нездоровится! Видно, годы даютъ себя знать!—унылымъ тономъ, напуская на себя видъ больного старика, прибавилъ Козельскій.

Но, несмотря на усталость и недуги, его превосходительство глядѣлъ такимъ моложавымъ, такимъ представительнымъ и элегантнымъ, что жалобы его не только не вызвали участія въ Антонинѣ Сергѣевнѣ, но, напротивъ, сдѣлали лицо ея еще непреклоннѣе, взглядъ какимъ-то стальнымъ и улыбку на губахъ презрительнѣе.

Глядя на лицо Антонины Сергѣевны, можно было бы подумать, что она ненавидитъ мужа и пришла съ единственною цѣлью: убить его своимъ презрѣніемъ.

«Какъ могла она узнать?» — подумалъ Козельскій, взглядывая на Антонину Сергѣевну и тотчасъ же опуская свои бархатные, вдругъ забѣгавшіе глаза на руки съ отточенными ногтями.

По суровому виду и трагическому безмолвію жены онъ понялъ, что дѣло серьезнѣе, чѣмъ онъ думалъ, что у нея есть какой-нибудь уличающій документъ—безъ документовъ она съ нѣкоторыхъ поръ не объяснялась, испытавъ, какъ супругъ увертливъ,—и подумалъ сперва, что ею перехвачена записка Ордынцевой. Но Ордынцева осторожна и писать не любитъ, а если пишетъ, то адресуетъ въ департаментъ. А письма ея онъ благоразумно сжигаетъ.

И, теряясь въ догадкахъ, Козельскій примолкъ, ожидая давно ужъ не бывшаго нападенія жены и, благодаря этому, уже считавшій ее святою женщиною, безмолвно мирившейся со своимъ положеніемъ вѣрнаго друга.

Прошла долгая минута молчанія.

— Николай Ивановичъ! — проговорила наконецъ мрачно-торжественнымъ тономъ Антонина Сергѣевна.

— Что, Тоня?

— Вы все еще будете устраивать мнѣ сюрпризы? Пора перестать. Постыдились бы дочерей, если вамъ самому не стыдно. Въ пятьдесятъ лѣтъ и такъ позориться и позорить жену и дѣтей...

— Какіе сюрпризы? Какой позоръ? Я ничего не понимаю, Тоня...

— Не понимаете?—съ презрительной усмѣшкой переспросила Антонина Сергѣевна.

— Не понимаю, Тоня!—съ необыкновенной мягкостью въ голосѣ повторилъ Козельскій.

— Не лгите, по крайней мѣрѣ... Я все теперь знаю... все...

— Что же ты знаешь? Объясни, пожалуйста.

— И хоть бы выбрали любовницу получше, а то... какой-то кусокъ сала... сорокапятилѣтнюю Ордынцеву!.. Поздравляю!.. Нечего сказать: эстетическій вкусъ... Я не мѣшаю вамъ, я не буду стоять на дорогѣ... Живите съ кѣмъ хотите... Разоряйтесь, входите въ долги изъ-за этой особы, но, по крайней мѣрѣ, не обманывайте... Скажите прямо, что вамъ ненавистна семья... Не ставьте меня и дочерей въ фальшивое положеніе... Мы уѣдемъ...

Знакомыя все слова стояли въ ушахъ Козельскаго. Только прибавилось болѣе злобы и презрѣнія...

Но прежде онъ умѣлъ прекращать подобныя сцены и успокаивать Антонину Сергѣевну даже самымъ отчаяннымъ враньемъ, но сопровождаемымъ увѣреніями въ любви и горячими поцѣлуями.

А теперь?

И Козельскій взглянулъ на свою постарѣвшую, поблекшую и совсѣмъ худую жену и чувствовалъ, что не можетъ успокоить ее.

Но все-таки проговорилъ, нѣсколько раздражаясь отъ необходимости лгать:

— Успокойся, Тоня... Съ Ордынцевой я не живу и на нее не разоряюсь... И ты знаешь, что я дѣлаю для семьи все, что возможно. Въ этомъ упрекнуть меня нельзя, я думаю...

— Не живешь?..

— И не думалъ! И она мнѣ никогда не нравилась... Съ чего ты это взяла?

Антонина Сергѣевна бросила на мужа уничтожающій взглядъ и хоть знала, что онъ лжетъ, но тѣмъ не менѣе ей было какъ будто легче, что онъ не сознаётся, несмотря на то, что она допытывалась сознанія.

Но, чтобы довести объясненіе до конца и показать, что она все знаетъ, Антонина Сергѣевна достала изъ кармана два клочка почтовой бумаги и, бросая ихъ на столъ, проговорила:

— Прячьте ваши неотправленныя любовныя письма, а не роняйте ихъ. Хорошо, что я подняла это произведеніе, а не одна изъ дочерей. Надѣюсь, что ваша любовница не осмѣлится больше являться сюда, пока мы не уѣдемъ... Послѣ свадьбы Инны я уѣду... Слышите?

И съ этой угрозой объ отъѣздѣ Антонина Сергѣевна вышла изъ кабинета.

Лежа въ постели, она еще поплакала и старалась увѣрить

себя, что презираетъ и больше не любитъ этого развратника и обманщика. Но, засыпая, Антонина Сергѣевна уже перенесла презрѣніе свое главнымъ образомъ на Ордынцеву, какъ на главную виновницу, и рѣшила попрежнему нести крестъ свой и никуда не уѣзжать, чтобы «этотъ человѣкъ» совсѣмъ не пропалъ въ ея отсутствіе.

Козельскій не безъ любопытства прочелъ слѣдующія строки начатой имъ записки:

«Пріѣзжай, Нита, сегодня въ пять часовъ. Подари меня свиданіемъ не въ очередь. Ты мнѣ снилась, моя желанная Юнона, и мнѣ хочется наяву видѣть тебя въ обаяніи твоей роскошной красоты и расцѣловать всю-всю, отъ макушки до твоихъ красивыхъ душистыхъ ногъ... Милая! Если-бъ ты знала, какъ сильна власть твоихъ ласкъ... Онѣ дѣлаютъ меня молодымъ и заставляютъ забывать...»

«Однако!»—подумалъ Козельскій, прочитавъ эти строки и чувствуя себя нѣсколько глупымъ за эти «сентиментальности», какъ онъ мысленно назвалъ начало письма.

И онъ припомнилъ, что писалъ его недѣлю тому назадъ и, недовольный началомъ, разорвалъ и бросилъ въ корзину вмѣсто того, чтобы сжечь, какъ обыкновенно онъ это дѣлалъ.

— Дуракъ! Оселъ!—съ искреннимъ одушевленіемъ выругалъ себя вслухъ Козельскій, разрывая на мелкіе кусочки уличающій документъ.

Онъ перешелъ въ свою маленькую, рядомъ съ кабинетомъ, спальню, торопливо и раздраженно раздѣлся, легъ въ постель и затушилъ свѣчку съ поспѣшностью виноватаго человѣка, желающаго скорѣе «забыться и уснуть».

И, потягиваясь и расправляя свое уставшее тѣло, онъ ощутилъ физическое наслажденіе отдыха и уже спокойнѣе думалъ о томъ, что сегодня былъ для него воистину несчастный день, что слѣдуетъ жечь письма, и что надо повиниться женѣ и сказать ей, что записка писана не къ Ордынцевой, а къ одной кокоткѣ—кокотокъ жены легче прощаютъ!—и что надо напомнить Иннѣ, чтобы она написала завтра же, о чемъ онъ ее просилъ, Никодимцеву.

«И вообще надо покончить все это!»—внезапно рѣшилъ Козельскій, подразумѣвая подъ «этимъ» и долги, и вѣчное лганье женѣ, и Абрамсона, и Ордынцеву, и представляя себѣ, какъ хорошо и спокойно жить безъ этого мотанія за деньгами и безъ авантюръ... Довольно ихъ... И то ноги плохо слушаются.

«Въ самомъ дѣлѣ, Ордынцева все болѣе походитъ на тронутую грушу. И рыхла, и слишкомъ подводитъ глаза, и стано-

вится однообразной... И денегъ стоитъ... Того и гляди, мужъ прекратитъ ей платежи, послѣ встрѣчи у дверей пріюта, и тогда она со всѣмъ семействомъ очутится на его шеѣ!»—неблагодарно думалъ Козельскій и, далекій теперь отъ желанія видѣть Ордынцеву «въ обаяніи ея роскошной красоты», повернулся на бокъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ завтра же вызвать ее обѣдать къ Кюба на Каменный островъ и сказать ей, что все открылось, и что во имя спокойствія семьи слѣдуетъ принести въ жертву любовь и не видаться больше...

«То-ли дѣло Ольга!..»—пронеслась вдругъ въ головѣ Козельскаго лѣнивая, сонная и пріятная мысль, и съ нею онъ заснулъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Спутникомъ Никодимцева въ купе былъ старый господинъ, совсѣмъ сѣдой, но крѣпкій, коренастый, съ свѣжимъ, здоровымъ волосатымъ лицомъ и большой бородой, одѣтый въ старенькій пиджакъ и съ перчатками на рукахъ.

По обличью и костюму Никодимцевъ рѣшилъ, что этотъ господинъ не петербуржецъ, а, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ провинціаловъ, которые по зимамъ наѣзжаютъ въ Петербургъ хлопотать и наводить справки по разнымъ дѣламъ и, разсчитывая пробыть недѣлю-другую, остаются мѣсяцы и наконецъ уѣзжаютъ, не особенно довольные петербургскими чиновниками.

Когда Никодимцевъ вошелъ въ вагонъ, старый господинъ взглянулъ на него съ тѣмъ видомъ недоброжелательства, съ какимъ обыкновенно оглядываютъ незнакомые люди другъ друга, и плотнѣе усѣлся въ свой уголъ и закрылъ глаза, словно собираясь дремать.

Никодимцевъ снялъ шубу и фетровый котелокъ, одѣлъ мягкую темно-синюю дорожную фуражку и, находясь еще подъ впечатлѣніемъ прощанія съ невѣстой, припоминалъ ея послѣднія слова, взгляды и жесты и внутренно сіялъ, какъ человѣкъ, увѣренный въ своемъ счастьѣ, и мечталъ о томъ, какъ устроится ихъ жизнь.

Эти мысли навели его на другія—о будущемъ его служебномъ положеніи. Оно казалось ему теперь далеко не такимъ прочнымъ, какъ прежде, въ виду его неожиданной командировки и послѣ его разговора съ графомъ Волховскимъ. Графъ, очевидно, не разсчитывалъ, суля мѣсто товарища, на отказъ и, разумѣется, будетъ недоволенъ, если донесенія его не совпадутъ съ мнѣніемъ графа о томъ, что толки о голодѣ сильно преувеличены и что голода нѣтъ, а есть только недородъ.

Припоминая свой разговоръ съ графомъ и съ другими

лицами, Никодимцевъ очень хорошо видѣлъ, что большинство изъ нихъ равнодушно къ тому, дѣйствительно ли голодаютъ люди или нѣтъ, и что вопросъ объ этомъ является важнымъ вопросомъ лишь постольку, поскольку съ нимъ связаны личные интересы. Для Никодимцева ясно было, что это бѣдствіе являлось только однимъ изъ козырей въ интригахъ, и тѣ, кто признавали голодъ, и тѣ, которые не признавали, одинаково мало думали о немъ и рѣшительно не представляли себѣ, что можно въ самомъ дѣлѣ оставаться безъ пищи, такъ какъ сами обильно и вкусно каждый день завтракали и обѣдали.

И потому всѣ лица, съ которыми видѣлся передъ отъѣздомъ Никодимцевъ, старались заранѣе продиктовать ему то, что онъ долженъ написать съ мѣста.

Одни говорили:

— Вы увидите, что все раздуто, и если есть недородъ, то въ немъ виноваты распущенность, пьянство и невѣжественность крестьянъ и полное нерадѣніе земства.

Другіе, напротивъ, подсказывали:

— Вы увидите, какъ велики размѣры бѣдствія и какова мѣстная администрація, которая не знаетъ или нарочно скрываетъ положеніе.

Никодимцевъ все это выслушивалъ и отвѣчалъ, что онъ сообщитъ то, что увидитъ, и такимъ образомъ никого не удовлетворилъ.

«Вообще въ Петербургѣ равнодушны»,—раздумывалъ Никодимцевъ, припоминая разговоры, газетныя статьи, балы и торжественные обѣды, особенно многочисленные въ ту зиму, припоминая описанія разныхъ фестивалей, бѣшеныхъ тратъ по ресторанамъ и восторговъ отъ пріѣзжихъ актрисъ.

Да и самъ онъ развѣ не былъ равнодушенъ, успокоившись на томъ, что пожертвовалъ сто рублей?.. Всѣ хороши. Всѣ спокойно ѣли и пили, всѣ съ большой охотой давали деньги на подписки юбилярамъ, актрисамъ и отлынивали, когда просили на голодающихъ. Ни для кого не было это бѣдствіе общественнымъ, кровнымъ дѣломъ и потому, что публика была равнодушна, пріученная къ равнодушію къ общественнымъ дѣламъ, и потому, что всякія попытки менѣе равнодушныхъ людей проявить самостоятельную иниціативу встрѣчали противодѣйствіе.

И только молодежь, въ родѣ Скурагина, чувствовала стыдъ и рвалась помочь и своими послѣдними деньгами и своимъ трудомъ, и ѣхала на голодъ, сама голодная, какъ ѣхала на холеру, рискуя жизнью за дѣятельную любовь къ обездоленному.

Но много ли такихъ?.. И что они могутъ сдѣлать, кромѣ

того, что отдать жизнь за то, что большинство общества похоже на стадо запуганныхъ барановъ, за то, что идеалы его такъ низменны, что ограничиваются лишь собственнымъ благополучіемъ?

Чѣмъ болѣе думалъ объ этомъ Никодимцевъ, тѣмъ безплоднѣе казалась вся его прошлая жизнь, и онъ удивлялся: почему это раньше онъ серьезно не задумывался надъ вопросами, которые теперь его тревожатъ, а если и задумывался, то гналъ ихъ прочь.

«Некогда было. Чиновникъ убивалъ во мнѣ человѣка. И если-бъ не любовь къ Иннѣ, то я и до сихъ поръ находился бы во снѣ и жилъ бы, какъ прежде, въ миражѣ дѣлового бездѣлья, не зная отдыха, не понимая жизни, кромѣ служебной, и не имѣя цѣлей, кромѣ честолюбивыхъ...»

И давно ли быть товарищемъ и затѣмъ получить «портфель»—было для него высшимъ предѣломъ мечтаній.

А теперь?..

— Вы до Москвы изволите ѣхать?—обратился вдругъ къ Никодимцеву спутникъ.

— Нѣтъ, дальше.

— Вы, конечно, петербуржецъ?

— Да!—отвѣтилъ, улыбаясь, Никодимцевъ.

— Служите тамъ?

— Служу.

— На казенной службѣ?

— На казенной.

Старый господинъ присѣлъ на край скамейки и, внезапно возбуждаясь, воскликнулъ:

— Вы извините меня, милостивый государь, а у васъ въ Петербургѣ чортъ знаетъ что дѣлается! Это какая-то помойная яма!—прибавилъ старикъ.

Никодимцевъ не подалъ реплики.

Старый господинъ еще недружелюбнѣе взглянулъ на него и, закуривъ папиросу, продолжалъ:

— Прежде хоть хапали, но, по крайней мѣрѣ, не выматывали душу и не держали въ неизвѣстности... Можно—можно. Нельзя—нельзя. И поѣзжай домой, солоно или не солоно хлебавши... А теперь?.. Всѣ, видите ли, безкорыстные, если нельзя сорвать крупной комиссіи, за справку ста рублей не берутъ, не такъ воспитаны... Всѣ, видите ли, заняты чуть не по двѣнадцати часовъ въ сутки и всѣ любезно васъ гоняютъ отъ одного Ивана Ивановича къ другому, а вѣдь Иванъ Ивановичей въ каждомъ министерствѣ—уймы,—изъ комиссіи въ комиссію. И это называется: ускоренное дѣлопроизводство!.. Не

правда ли? У васъ теперь новый типъ изнывающаго отъ усердія чиновника! Всѣ они теперь съ университетскимъ образованіемъ и могутъ написать что угодно въ лучшемъ видѣ, и ученое изслѣдованіе и каверзу въ газетахъ противъ другого вѣдомства... только прикажи! У меня племянникъ въ Петербургѣ этимъ занимается и надѣется сдѣлать карьеру. Прохвостъ, я вамъ доложу, основательный... Опъ и по сыскной части служилъ, и искусство любитъ, и литературу почитаетъ, и называетъ себя истинно-русскимъ человѣкомъ, и теперь славословитъ подъ разными псевдонимами свое начальство въ одномъ изъ вашихъ газетныхъ притоновъ... Разсчитываетъ получить мѣсто въ пять тысячъ! Недавно еще одна газета превозносила нынѣшнихъ господъ двадцатаго числа. Безкорыстные, трудолюбивые, знающіе... однимъ словомъ, повѣсь въ рамку и молись на нихъ... А между тѣмъ въ тотъ самый день, какъ напечатана была статья, одну вашу шишку турнули... Вы знаете, конечно, что и турнули-то потому только, что ужъ очень оказалось наглое прикрывательство! И знаете ли, что у этого шустраго мальчика около милліона состоянія?

— Слухи ходили!—отвѣтилъ Никодимцевъ, заинтересованный этимъ словоохотливымъ, раздраженнымъ старикомъ.

— Слухи!? Я не говорилъ бы, основываясь на слухахъ... Это у васъ, въ Петербургѣ, только и живутъ, что слухами... Этотъ «мальчикъ» купилъ недавно имѣніе рядомъ съ моимъ и заплатилъ чистоганчикомъ шестьсотъ пятьдесятъ тысячъ... Надѣюсь, не выигралъ три раза подъ-рядъ по двѣсти тысячъ и не скопилъ этихъ денегъ изъ жалованья!.. Да и за женой онъ не взялъ приданаго. Я знаю ее. Она изъ нашихъ мѣстъ. А вѣдь тоже считался безкорыстнымъ и готовился сіять на административномъ небосклонѣ, и недаромъ былъ любимцемъ самого безкорыстнаго его высокопревосходительства! Зато, вѣроятно, его и отпустили съ миромъ... Боленъ, молъ, отъ непосильныхъ трудовъ. Получай изъ государственнаго казначейства четыре тысячи пенсіи. Деньги къ деньгамъ. Живи, Богъ съ тобой, и занимайся промышленностью... Строй заводы... Открывай руды... А подъ судъ вѣдь только попадаютъ маленькіе воришки и изрѣдка какой-нибудь неопытный дѣйствительный статскій совѣтникъ для того, чтобы прокуроры могли время отъ времени бить себя въ грудь и вопіять о томъ, что законъ одинаково караетъ сильнаго и слабаго, богатаго и бѣднаго... Слышалъ я на-дняхъ, какъ распинался у васъ одинъ прокурорчикъ, обрадованный, что на десертъ къ нему попался статскій совѣтникъ, растратившій тысячу рублей казенныхъ денегъ!.. Много цивизма обнаружилъ по поводу этого стат-

скаго совѣтника... А тайные, видно, у васъ все ангелы добродѣтели! — все съ бо̀льшимъ раздраженіемъ кидалъ слова старый господинъ, повидимому, не заботившійся ни объ ихъ литературности, ни о логической связи, и словно бы желавшій въ лицѣ своего случайнаго спутника уязвить насолившихъ ему чиновниковъ.

— Чѣмъ же васъ такъ огорчилъ Петербургъ? — спросилъ Никодимцевъ.

— Мазурничествомъ подъ самой изысканной и, разумѣется, законной формой... Волокитой подъ предлогомъ всесторонняго изученія выѣденнаго яйца, а въ сущности... Да вы, можетъ-быть, спать хотите, или вамъ не угодно слушать стараго болтуна?.. Такъ вы, пожалуйста, не церемоньтесь! — неожиданно сказалъ старый господинъ, прерывая свои филиппики.

— Я пока спать не хочу. Разсказывайте, я слушаю,—проговорилъ Никодимцевъ.

Этотъ озлобленный старикъ казался ему порядочнымъ человѣкомъ и возбуждалъ къ себѣ симпатію. И, кромѣ того, Никодимцеву было интересно слышать, какъ ругаютъ чиновниковъ. Ему, въ его положеніи директора департамента, приходилось только слышать и даже читать о себѣ комплименты. А тутъ такой болтливый и не стѣсняющійся спутникъ!

— И мнѣ что-то не спится... Отучился я хорошо спать въ Петербургѣ... И пріѣхалъ я туда, знаете ли, когда?

— Когда?

— Въ маѣ мѣсяцѣ... Я, знаете ли, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, все еще дуракъ! Вообразилъ, что въ самомъ дѣлѣ теперь можно скоро дѣло сдѣлать... Выслушаютъ, рѣшатъ и конецъ... А вмѣсто этого я вотъ теперь только уѣзжаю...

— По крайней мѣрѣ, хоть успѣшно кончили дѣло?

— А никакъ не кончилъ. Плюнулъ и уѣхалъ... Пусть безъ меня оно когда-нибудь кончится и, разумѣется, не въ мою пользу... Да не въ этомъ дѣло... Не это меня злитъ... Ну скажи прямо: не находимъ основанія къ удовлетворенію вашей просьбы. Правильно или неправильно рѣшеніе, но хоть есть какое-нибудь рѣшеніе. А то водили меня за носъ... Сегодня... Завтра... Обсудимъ... Снесемся... И, главное, вѣдь почти всѣ эти Иваны Ивановичи, отъ которыхъ зависѣло дѣло, въ принципѣ, какъ они теперь выражаются, были за меня... Въ этомъ-то и курьезъ!

Никодимцевъ зналъ хорошо эти курьезы и про себя усмѣхнулся наивности своего спутника, вѣрившаго чиновникамъ, соглашавшимся въ «принципѣ».

— А еще курьезнѣе то, что не только Иваны Ивановичи,

но и сама высшая инстанція была за меня. Я имѣлъ честь быть у его превосходительства въ кабинетѣ и очарованъ былъ его любезностью. И руку подаетъ, и проситъ садиться, и предлагаетъ папиросы, и глядитъ на тебя, словно бы говоритъ: «не вы, просители, для насъ, а мы, начальники, для васъ». И собственными своими ушами слышалъ,—а я не глухъ, замѣтьте,—слышалъ, какъ онъ сказалъ, что вполнѣ согласенъ съ моими доводами, изложенными въ докладной запискѣ, которую онъ прочиталъ, и что рѣшитъ дѣло, какъ я прошу. И, словно бы думая, что я не повѣрю, нѣсколько разъ повторилъ мнѣ: «да, да, да!..» Казалось бы, чего лучше? Не правда ли?.. И я ушелъ, вы догадаетесь, въ полномъ восторгѣ и прямо на телеграфъ. Телеграфирую женѣ: скоро выѣду — дѣло разрѣшится благопріятно... А черезъ недѣлю захожу въ канцелярію, и тамъ мнѣ показываютъ мою докладную записку и на ней въ тотъ же самый день, когда мнѣ сказали «да», стоитъ помѣтка рукой его превосходительства: «нѣтъ»... Необыкновенная самостоятельность мнѣнія. Не правда ли?..

И старый господинъ продолжалъ разсказывать о сущности своего дѣла и о тѣхъ безконечныхъ мытарствахъ, какія онъ испыталъ въ Петербургѣ, пока поѣздъ не остановился въ Любани.

Никодимцевъ вышелъ на станцію пить чай. Тамъ онъ увидалъ чиновника своего департамента Голубцова, который былъ приглашенъ Никодимцевымъ ѣхать вмѣстѣ на голодъ.

— Ну что, Михаилъ Петровичъ, наши студенты ѣдутъ?— спросилъ Никодимцевъ.

— Какъ же, всѣ ѣдутъ, Григорій Александровичъ!—отвѣчалъ молодой человѣкъ солиднаго и нѣсколько даже строгаго вида.

— А суточныя вы имъ выдали?

— Скурагинъ не хочетъ брать...

— Отчего?

— Говоритъ: не за что и не къ чему.

— Ну, я постараюсь его уговорить... Давайте-ка чай пить, Михаилъ Петровичъ!

Они сѣли рядомъ за столъ и спросили себѣ чаю.

— А статистическія данныя о голодныхъ губерніяхъ собрали?

— Всѣ земскіе отчеты досталъ. И нѣсколько статей изъ журналовъ собралъ. Все исполнено, что вы приказали, Григорій Александровичъ!—съ нѣкоторой служебной аффектаціей исполнительнаго чиновника докладывалъ молодой человѣкъ, недавно назначенный, по представленію Никодимцева, начальникомъ отдѣленія.

Никодимцевъ цѣнилъ въ немъ умѣнье работать; считалъ его способнымъ человѣкомъ и не совсѣмъ еще чиновникомъ, и потому и пригласилъ съ собой.

Остальные пять человѣкъ, составлявшихъ его штабъ, были: докторъ и четыре студента. Другихъ помощниковъ, если понадобится, Никодимцевъ думалъ найти на мѣстѣ.

— Изъ Москвы завтра же выѣдемъ, Михаилъ Петровичъ!— замѣтилъ Никодимцевъ, поднимаясь.—Студенты знаютъ?

— Знаютъ. Я говорилъ.

— Такъ до свиданія, пока...

— До свиданія...

Когда Никодимцевъ вернулся въ купе, постель его была сдѣлана, и спутникъ его уже лежалъ подъ одѣяломъ, повернувшись къ нему спиной.

Легъ и Никодимцевъ, но долго не могъ заснуть.

Онъ все думалъ о своей командировкѣ, и ему почему-то казалось, что съ ней предстоитъ какая-то значительная перемѣна въ его взглядахъ, настроеніи и въ образѣ жизни.

Чѣмъ дальше удалялся поѣздъ отъ Москвы, тѣмъ чаще въ вагонѣ и на станціяхъ были разговоры о голодѣ. Одни бранили начальство, другіе—земство, третьи—мужиковъ, четвертые—вообще всѣ порядки, но въ этихъ разговорахъ все-таки не слышалось ни возмущеннаго чувства ни того участливаго интереса, которые бываютъ, когда люди чѣмъ-нибудь сильно потрясены.

Но когда поѣздъ пошелъ по N—ской губерніи, часть которой была постигнута бѣдствіемъ, Никодимцевъ почувствовалъ его, встрѣчая все чаще и чаще около станціи нищихъ съ больными, изможденными и исхудалыми лицами. На одной изъ маленькихъ станцій онъ увидалъ, какъ внесли въ вагонъ почти умирающаго человѣка, больного, какъ утверждалъ сопровождавшій его въ земскую больницу урядникъ, тифомъ. Но врачъ, ѣхавшій съ Никодимцевымъ и осмотрѣвшій старика, нашелъ, что тифа нѣтъ, а есть полное истощеніе вслѣдствіе хроническаго голоданія.

Когда наконецъ поѣздъ пришелъ въ N., Никодимцевъ, переодѣвшись въ гостиницѣ, тотчасъ же сдѣлалъ визиты губернатору, архіерею, предсѣдателю губернской земской управы и нѣкоторымъ другимъ губернскимъ властямъ.

Изъ разговоровъ съ этими лицами онъ убѣдился, что и здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, не столько интересовалъ голодъ, сколько личные счеты по поводу его.

Губернаторъ, изъ молодыхъ генераловъ, человѣкъ, слывшій

за просвѣщеннаго администратора, тонкаго человѣка, не догадавшійся еще, чего именно надо Никодимцеву: голода, неурожая или недохватки,—отозвался о положеніи дѣлъ въ его губерніи въ уклончиво-дипломатической формѣ. Нельзя сказать, чтобы все было благополучно, но не слѣдуетъ и преувеличивать. И вслѣдъ затѣмъ началъ жаловаться на тягость своего положенія, на противодѣйствіе земства и на разнузданность печати, въ лицѣ корреспондентовъ столичной печати. И когда Никодимцевъ освѣдомился, правда ли, что его превосходительство не разрѣшаетъ частнымъ лицамъ открывать столовыя, губернаторъ отвѣтилъ, что не разрѣшаетъ онъ этого въ виду высшихъ соображеній и прежнихъ циркуляровъ.

Никодимцевъ вернулся вечеромъ въ гостиницу и сдѣлалъ распоряженіе о выѣздѣ на слѣдующій же день въ тѣ уѣзды, гдѣ, по сообщенію предсѣдателя управы, былъ голодъ.

И въ тотъ же вечеръ губернаторъ писалъ одному своему петербургскому пріятелю, директору канцеляріи, что онъ удивляется, какъ изъ Петербурга прислали такого краснаго, который привезъ студентовъ и вѣритъ больше предсѣдателю управы, чѣмъ ему.

«Или у васъ новыя вѣянія?»—спрашивалъ онъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

I.

Ордынцева, давно уже озлобленная противъ мужа и изводившая его невозможными, умышленно унижающими сценами, которыя вызывали въ концѣ концовъ грубыя вспышки, Ордынцева считала себя, разумѣется, жертвой, погубившей свою жизнь съ такимъ безсовѣстнымъ человѣкомъ.

Еще бы! Красивая, блестящая, она могла бы сдѣлать отличную партію и занять видное положеніе, если бы не имѣла глупости влюбиться въ Ордынцева и выйти за него замужъ, разсчитывая, что онъ, ради любви, дѣйствительно будетъ заботиться о любимой женѣ и о семьѣ. Это вѣдь обязанность каждаго порядочнаго человѣка... Не урѣзать же ихъ въ грошахъ! Могъ бы онъ давно имѣть отличное мѣсто!..

И, упрекая его, она драпировалась въ тогу несчастной, брошенной жены, — жены, которая, несмотря на презрительное равнодушіе мужа, свято исполняетъ долгъ замужней женщины и молча страдаетъ, лишенная чувства.

Отъ частой лжи о собственной добродѣтели, Анна Павловна почти сама вѣрила въ свою безукоризненность, тѣмъ болѣе, что и боязнь общественнаго мнѣнія и холодная разсудочность ея чувственной натуры научили Ордынцеву выбирать молчали-

выхъ героевъ и вести свои любовныя авантюры съ таинственной осторожностью самаго опытнаго дипломата.

Это искусство высшей школы тайно пользоваться наслажденіями и даже, благодаря имъ, благоразумно пополнять домашній бюджетъ сохраняло въ глазахъ мужа, дѣтей и знакомыхъ ея неприступное положеніе безупречной женщины и въ то же время давало ей возможность подавлять Ордынцева, какъ незаботливаго отца и злого мужа, своимъ величественнымъ презрѣніемъ.

И вдругъ какая-то нелѣпая случайность, почти ребяческая неосторожность—и все упорное лицемѣріе ея жизни сразу обращалось въ ничто. Дернуло же ее, такую предусмотрительную, выйти вмѣстѣ съ Козельскимъ изъ ихъ «пріюта» на Выборгской, да еще соглашаться на свиданья вечеромъ, а не днемъ, когда мужья должны быть на службѣ. И какъ разъ теперь, когда она и безъ того, въ качествѣ брошенной жены, чувствовала свое матеріальное положеніе особенно шаткимъ.

Ордынцеву все болѣе и болѣе злобно тревожила мысль, что мужъ, узнавшій, что она скрывала отъ него свои авантюры, захочетъ отомстить ей. Какъ большая часть женщинъ, она была пристрастна къ человѣку, котораго ненавидѣла, и боялась, что Ордынцевъ объявитъ ей, что давать назначенныя деньги не станетъ, такъ какъ ея любовникъ, занимавшій хорошее положеніе, конечно, оплачиваетъ ея ласки.

Кромѣ того, Анну Павловну начинали уже охватывать сомнѣнія въ силѣ ея чаръ надъ Николаемъ Ивановичемъ. До сихъ поръ онъ не только-что не нанялъ новой квартиры для свиданій, но и ни разу не былъ у нея и не писалъ ей. Она знала легкомысленный характеръ своего друга, и у нея уже мелькало подозрѣніе, что, несмотря на свою моложавость и умѣнье показывать себя привлекательной любовницей, она уже начинаетъ пріѣдаться этому превосходительному гурману.

Уже двѣ недѣли прошло съ ихъ послѣдняго свиданія, и она рѣшила сама вызвать его.

Тяжелыя мысли смущали Ордынцеву, ей даже казалось, что и сынъ могъ догадываться объ ея связи, какъ догадывалась лукавая Ольга, подкупать которую она старалась подарками и ласковымъ вниманіемъ.

Въ этотъ день она обѣдала только съ сыновьями. Обѣдъ прошелъ въ полномъ молчаніи. Анна Павловна была не въ духѣ, и ее обижало, что ни Алексѣй ни гимназистъ словно бы не замѣчали этого.

Когда встали изъ-за стола, Ордынцева не безъ мрачной торжественности сказала сыну:

— Зайди ко мнѣ, голубчикъ Алеша... Мнѣ надо съ тобой поговорить...

— Надѣюсь, не долго, мама? Я очень занятъ одной спѣшной работой...

— На минутку.

Она вошла въ свою комнату и, усѣвшись на свое обычное мѣсто въ глубокомъ креслѣ, спросила у своего любимца:

— Скажи, пожалуйста, Алеша, насъ вполнѣ обезпечиваетъ бумага, выданная отцомъ? Меня это время все безпокоятъ мысли о вашемъ будущемъ...

Алексѣй серьезно посмотрѣлъ на мать.

— Что, мама, за вопросъ? Повѣрь, что я имѣлъ въ виду интересы семьи, совѣтуясь съ адвокатами. Отецъ подписалъ все, что нужно, и наконецъ онъ, кажется, держалъ себя совсѣмъ корректно? Не забывай, что онъ могъ и не давать никакого обязательства. И, главное, на какомъ основаніи ты безпокоишься?—спросилъ онъ, и едва замѣтная высокомѣрная насмѣшка скользнула въ его голубыхъ, ясныхъ глазахъ.

Ордынцева невольно покраснѣла и съ нѣкоторой раздражительностью проговорила:

— Какъ мнѣ, Алеша, не думать о нашемъ положеніи, когда не далѣе, какъ на-дняхъ, я случайно узнала, что всѣ эти супружескія обязательства не имѣютъ юридической силы.

Алексѣй пожалъ плечами и докторально замѣтилъ:

— Во всякомъ случаѣ порядочные люди ихъ выполняютъ. И намъ надо чѣмъ-нибудь сильно раздражить отца, чтобы онъ, подъ вліяніемъ аффекта, отказался отъ своего обѣщанія. Да ты, мама, съ твоимъ умомъ и сама должна это знать...

Онъ произнесъ эти слова своимъ обычнымъ внушительнымъ тономъ, но матери послышалось въ нихъ что-то подозрительное, и ей стало неловко.

Всегда самоувѣренная передъ дѣтьми, она сразу потеряла эту самоувѣренность, словно бы вдругъ замѣтила, что въ глазахъ сына ея престижъ добродѣтельной женщины поколебленъ. Эта мысль подняла въ ней раздраженіе противъ любимца.

— Ты могъ бы понять, какія безсонныя ночи провожу я, когда мнѣ думается, что мы можемъ остаться нищими.

Алексѣй съ скрытымъ презрѣніемъ взглянулъ на выхоленное, здоровое, свѣжее лицо матери, ничѣмъ не говорившее о безсонницѣ, и произнесъ:

— Вотъ это напрасно. Хорошій сонъ необходимъ для здоровья. А если у тебя нервы пошаливаютъ—принимай бромъ и успокойся за свое содержаніе... Надѣюсь, что не должно быть серьезнаго основанія безпокоиться за него... Ты вѣдь не

легкомысленная молодая женщина, и слѣдовательно... Ну, я иду... Не распусти своихъ нервовъ...

И неторопливо, съ обычнымъ спокойнымъ авторитетнымъ видомъ, Алексѣй вышелъ изъ комнаты.

Слезы хлынули изъ глазъ Ордынцевой. Ей было обидно. Ея любимецъ, которому она отдала столько чувства и заботъ, котораго она боготворила, гордясь его красотой, умомъ и выдержкой, отнесся къ ней жестоко и безсердечно. И она невольно вспомнила, какъ возмущалъ онъ отца, и какъ грубо тотъ обрывалъ Алексѣя, приводя этимъ въ негодованіе мать.

А теперь и она была оскорблена и возмущена сыномъ.

Онъ не любитъ ее, горячо любящую мать. Онъ словно не оцѣнилъ, сколько вынесла она изъ-за него страданій, какъ защищала его передъ отцомъ, какъ заботилась и баловала...

«За что такая холодность къ матери?»—думала Ордынцева.

II.

Она всплакнула и собралась писать Козельскому, какъ въ комнату влетѣла Ольга.

Взволнованная, со слезами на глазахъ, она вызывающимъ тономъ бросила матери:

— Мама, что это за гадость у Козельскихъ? Я только-что отъ нихъ и больше къ нимъ ходить не могу!

— Что такое? Ничего не понимаю... Говори толкомъ, въ чемъ дѣло?—раздраженно и нетерпѣливо спросила мать.

Чувство страха охватило ее при мысли, что у Козельскихъ что-то произошло изъ-за ея отношеній къ Николаю Ивановичу.

— Я, кажется, мама, ясно тебѣ говорю. Меня тамъ оскорбили.

— Оскорбили?!

— Да. Козельскія ни слова со мной не сказали...

— Такъ зачѣмъ же ты осталась тамъ обѣдать?—недовольно спросила мать.

— Меня оставила Тина, не Козельская. А Николай Ивановичъ, обыкновенно такой милый, за обѣдомъ и не замѣчалъ меня, а Тина еще хихикала. Каково это?

— Что ты за вздоръ несешь? За что Козельскимъ на тебя сердиться?

— То-то меня и удивляетъ...

— Быть-можетъ, вы съ Тиной позволяете себѣ рѣзкія глупости и этимъ недовольна Антонина Петровна?

— Пожалуйста, меня-то не обвиняй! Я тутъ не при чемъ. Если обращеніе со мной Козельской вдругъ измѣнилось, то не я виновата. И я не желаю ссориться съ людьми изъ-за другихъ...

Ордынцева вспыхнула и со злобой взглянула на дочь.

— На что смѣешь ты намекать?

— На что? Точно ты не знаешь, что такая ревнивая дура, какъ Антонина Петровна, не могла не вообразить, что Николай Ивановичъ ухаживаетъ за тобой. Она на мнѣ только злобу срывала. Согласись, мама, что мнѣ это не особенно пріятно!

— Ольга! И тебѣ не стыдно думать Богъ знаетъ что о матери?!—съ видомъ оскорбленной и разжалованной богини проговорила Ордынцева и поднесла платокъ къ глазамъ.

Но Ольга, исключительно думавшая о себѣ, не повѣрила слезамъ матери и не обратила на нихъ особеннаго вниманія.

— Но надо же чѣмъ-нибудь объяснить такой пріемъ? Еще недавно Антонина Петровна была со мной ласкова, а сегодня...

— Я сама поѣду къ Козельской,—рѣшительно проговорила Ордынцева, въ душѣ увѣренная, что не сдѣлаетъ этого.

— Ты поѣдешь?

— Поѣду! И докажу, что вся эта исторія—твое воображеніе.

— Очень была бы рада. Ты должна это уладить, мама. Намъ совсѣмъ не кстати рвать съ Козельскими. Это чуть ли не единственный домъ, гдѣ я могу видѣть порядочное общество. И наконецъ наше положеніе и безъ того не завидно...

— Безъ тебя знаю, что отецъ не такъ заботится о насъ, какъ бы слѣдовало. Мнѣ и безъ того тяжело, а тутъ еще ты меня разстраиваешь своими глупостями.

— Мнѣ развѣ такъ весело живется? А я вѣдь молода, мнѣ жить хочется! Ты какъ будто забываешь объ этомъ... Благодарю...

И съ этими словами, въ которыхъ слышалась раздраженная зависть молодой, жаждущей наслажденій дѣвушки къ пожилой матери, все еще пользующейся жизнью, она быстро выбѣжала изъ комнаты и, крѣпко хлопнувъ дверью, проговорила вполголоса, но настолько громко, чтобы мать могла слышать:

— У самой любовникъ, а туда же притворяется...

— Господи, что за мука!—прошептала мать, искренно чувствуя себя страдалицей.

III.

Ольга прошла къ брату.

— Послушай, Алексѣй, я должна тебя предупредить...—начала она торопливо и захлебываясь.

— Ну, что тамъ такое еще?

— У Козельскихъ цѣлый скандалъ...

— А тебѣ какое дѣло? Пусть ихъ скандалятъ!

— Тоже сказалъ! Да ты пойми въ чемъ дѣло...

— Ну, говори скорѣй, сорока!

— Должно-быть, мама влетѣла,—таинственно и понижая голосъ сказала Ольга, и въ ея темныхъ глазахъ сверкнуло какое-то лукавое удовольствіе.

— Дура,—категорически произнесъ студентъ.—Неужели ты не понимаешь, что объ этомъ не говорятъ. А я и безъ тебя давно знаю, что̀ слѣдуетъ знать.

— Ты одинъ умный!

— Выходи-ка ты лучше поскорѣе за своего Уздечкина...

— И выйду! А если не сдѣлаетъ предложенія, поступлю на сцену. Мнѣ давно говорили, что съ моей наружностью и голосомъ это не трудно. Все равно отъ васъ ничего путнаго не дождешься... Только однѣ дерзости и отъ мамы и отъ тебя. Пойду поговорю съ отцомъ,—съ истерическими слезами въ голосѣ, почти взвизгнула Ольга.

Въ эту самую минуту въ комнату вошелъ блѣдный вихрастый гимназистъ въ старой разстегнутой блузѣ, съ запачканными чернилами пальцами и съ нѣсколько возбужденнымъ взглядомъ перваго ученика, долбившаго до умопомраченія. Онъ набросился на сестру:

— Да перестанешь ли ты кричать чепуху! Тебѣ-то хорошо, а мнѣ къ завтрему уроковъ много... Вы съ мамой только мѣшаете... Любовь да любовь, а дѣла не дѣлаете...

— Ты-то еще что̀, болванъ, дерзкій мальчишка! Пошелъ вонъ!

Старшій братъ высокомѣрно и презрительно оглядѣлъ сестру съ ногъ до головы.

— Довольно. Оставьте меня въ покоѣ. Мнѣ надо заниматься.

Но вихрастый гимназистъ исчезъ такъ же быстро, какъ и появился, и уже сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ за учебникомъ, зажавъ уши пальцами, и, какъ оглашенный, выкрикивалъ свой урокъ.

А Ольга со слезами раздраженія и обиды вышла отъ Алексѣя. Она усѣлась на низенькомъ диванчикѣ въ своемъ будуарѣ и, грустная, жалѣла о своей несчастной судьбѣ.

— Счастливы тѣ, у кого деньги. У Тины жизнь не такая, какъ у меня... У Козельскаго средства хорошія... Такой милліонеръ, какъ Гобзинъ, дѣлалъ предложеніе, а она отказала... И что̀ въ ней такъ привлекаетъ мужчинъ? Споетъ скверно цыганскій романсъ, а они съ ума сходятъ или еще стрѣляются... Дураки! А Гобзинъ ухаживалъ за мной, пока Тина не запѣла; обѣщалъ пріѣхать къ намъ съ визитомъ, и не ѣдетъ!

Черезъ четверть часа она уже оживленно напѣвала и рѣшила идти сегодня въ театръ, увѣренная въ томъ, что мать должна дать деньги послѣ того, что̀ случилось.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

На другой день, ровно въ два часа дня, Ордынцева входила съ Кирпичнаго переулка къ Кюба. На лѣстницѣ ее уже встрѣтилъ Козельскій и провелъ въ небольшой отдѣльный кабинетъ. Дрова ярко горѣли въ каминѣ. На маленькомъ столѣ, съ двумя приборами, стояла разнообразная, изысканная закуска, при видѣ которой у Николая Ивановича заблестѣли глаза.

— Какъ я радъ тебя видѣть, Нюта,—сказалъ онъ, цѣлуя ее и въ то же время подводя ее къ столу.—Я велѣлъ подать то, что ты любишь, и заказалъ отличный завтракъ. Давно мы съ тобой не видались, голубка!.. Я рвался повидать тебя, но если бы ты знала, что за дьявольскія у меня теперь дѣла... Кушай свѣжую икру.

И, торопливо наложивши ей маленькую тарелочку и наливъ рюмочку рябиновки, онъ разрѣшилъ себѣ немного аллашу и съ наслажденіемъ принялся закусывать, бросая по временамъ ласковые взгляды на Ордынцеву.

— А ты все такъ же цвѣтешь! Ты прости меня, деньги я не прислалъ. На-дняхъ получишь... Ахъ, эти дѣла!—досадливо морщась, проговорилъ онъ, осторожно беря ложечкой крупную, холодную икру.

Анна Павловна, красивая, свѣжая, во всѣхъ боевыхъ доспѣхахъ, одѣтая съ особенной, разсчитанной изысканностью для свиданья съ Николаемъ Ивановичемъ, отодвинула тарелку и, останавливая на Козельскомъ ласковый и въ то же время пристальный взглядъ своихъ волоокихъ, слегка подведенныхъ глазъ, проговорила:

— Положи мнѣ pâté... Какъ же мы съ тобой давно не видались, Ника. И какъ же мнѣ необходимо съ тобой переговорить... Что у тебя дома?

— Дома? Особеннаго ничего. Правда, была маленькая непріятность, но, кажется, это обошлось...—Онъ самъ положилъ ей pâté и, нѣсколько заискивающе вздохнувъ, прибавилъ:

— Какъ жаль, что оба мы не свободны и связаны обязанностями...

И онъ заглянулъ ей въ глаза своимъ обычнымъ мягкимъ взглядомъ и въ то же время подумалъ:

«Однако моя Нюта начинаетъ портиться... Да и фонъ слишкомъ много растушеванъ... Пора мнѣ сбѣгать... А она и не знаетъ, какъ мои дѣла плохи».

И Козельскій крѣпко пожалъ и поцѣловалъ ея руку.

— Но какія же у тебя были непріятности?

— Я тебѣ сейчасъ все разскажу. Недавно у меня былъ

щекотливый разговоръ съ женой. Ты вѣдь знаешь, она очень ревнива... Подавайте завтракъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ вошедшему лакею-татарину.

— Дѣло касалось меня?—испуганно спросила Анна Павловна.—И какъ она могла узнать о нашихъ отношеніяхъ? Не изъ-за той ли встрѣчи все вышло? Благодарю тебя. Ты тогда поступилъ, какъ мальчишка! Компрометировать женщину...

— Пожалуйста, не принимай слишкомъ близко къ сердцу. Никто ничего не разсказывалъ... Вышло все очень глупо...

Въ это время лакей внесъ борщокъ въ большихъ бѣлыхъ чашкахъ, и Козельскій принялся ѣсть, придумывая, какъ бы удобнѣе успокоить свою даму, чтобы самому избавиться отъ сцены. Довольно ихъ и дома. А Нюта сегодня навѣрное расположена къ драмѣ, такъ какъ онъ на нѣсколько дней опоздалъ съ присылкой обычныхъ денегъ.

— Ну, такъ въ чемъ же твоя глупость?

— Нюта, Нюта, ну зачѣмъ ты, родная, сердишься?—своимъ бархатнымъ голосомъ, вкрадчиво сказалъ Козельскій.—Такой обворожительной женщинѣ сердиться нехорошо, и ты никогда не отравляла прелести нашихъ свиданій...

— Но Ольга мнѣ говорила, что твоя жена была съ ней вчера неприлично холодна. Откровенно скажи мнѣ, что это значитъ?

«Экая баба іезуитъ»,—подумалъ Козельскій и, окончивъ свой борщокъ, проговорилъ:

— Ну, Ольга преувеличила. Жена дѣйствительно думаетъ, что мы съ тобой близки. Все дѣло вышло изъ-за какого-то анонимнаго письма. Это чье-то литературное произведеніе вызвало въ подозрительной супругѣ цѣлую ревнивую бурю. И понимаешь ли, Нюта, ты ужъ не сердись, а благоразуміе заставляетъ тебя на нѣкоторое время прекратить бывать у насъ. Это скорѣе всего успокоитъ жену.

Анну Павловну сразу охватило злобное чувство и на жену и на любовника, который предалъ ее и, изъ трусливаго желанія сохранить миръ у своего семейнаго очага, ставилъ ее въ оскорбительное положеніе женщины, передъ которой закрываютъ двери. И въ то же время ей стало страшно. Она поняла, что, разъ ихъ связь будетъ доставлять ему много хлопотъ, ему ничего не стоитъ бросить ее. А эта перспектива еще усилила ея раздраженіе, такъ какъ средствъ, выдаваемыхъ Ордынцевымъ, никакъ не могло хватить на то, что она считала приличнымъ существованіемъ. Она почти съ ненавистью взглянула на красивое, холеное лицо своего друга.

— Что же вы, Анна Павловна, не берете? — заботливо

спросилъ Николай Ивановичъ, когда она сдѣлала отрицательный жестъ татарину, державшему передъ ней серебряное блюдо.—Здѣсь отлично дѣлаютъ марешаль...

— Благодарю. У меня всѣ эти дни нѣтъ аппетита,—сухо отвѣтила она, укоризненно глядя, какъ онъ не спѣша и внимательно накладываетъ себѣ зелень.

Какъ только татаринъ вышелъ, Анна Павловна произнесла, не скрывая своего раздраженія:

— И неужели тебѣ, Ника, не стыдно ставить меня въ такое положеніе? Я знаю, что если бы ты захотѣлъ, ты сумѣлъ бы меня выгородить.. Но теперь я вижу, какъ ты дорожишь нашей дружбой...

— Полно, Нюта. Развѣ ты, за эти два года, не успѣла убѣдиться въ силѣ моей привязанности? Я, именно оберегая твою репутацію, не хочу доводить Антонину Петровну до крайности. Ты не можешь себѣ представить, на что способны эти ревнивыя женщины. А вѣдь ты сама знаешь, что къ тебѣ трудно не ревновать,—и онъ приласкалъ Ордынцеву взглядомъ.

Она замѣтила въ его глазахъ знакомый плотоядный огонекъ, и это успокоило ее больше словъ, хотя она далеко не была убѣждена, что этотъ огонекъ вызванъ ея присутствіемъ, а не хорошимъ завтракомъ.

— Я, конечно, самъ отчасти виноватъ, что не сумѣлъ хорошенько скрыть передъ женой свое восхищеніе передъ тобой, моя дорогая. Но вѣдь за то я же и наказанъ. Ты знаешь, какъ я ненавижу сцены... А за эти дни... Эхъ, даже вспоминать не хочется!..—болталъ Козельскій, стараясь заговорить свою разгнѣванную подругу. — Можете убрать и подать кофе и ликеры,—приказалъ онъ татарину.

Анна Павловна встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ и мелькомъ, не безъ тревоги, заглянула въ зеркало. Ей надо было сейчасъ провѣрить силу своего обаянія надъ Козельскимъ, и она постаралась согнать съ своего лица слѣды раздраженія.

— Не будемъ, Ника, ссориться. Мы такъ давно не были вмѣстѣ. Тебѣ, какъ всегда, три куска сахару?—ласково улыбаясь, спросила она, усаживаясь на широкій диванъ и придвигая къ себѣ подносъ съ кофе.

Николай Ивановичъ нагнулся, поцѣловалъ ея бѣлую полную руку, украшенную кольцами, и опустился рядомъ съ ней на диванъ.

— Вотъ такой, Нюта, я тебя люблю.

— Если бы ты зналъ, какъ ты эти дни былъ мнѣ нуженъ,

Ника. Эта встрѣча съ Василіемъ Николаевичемъ такъ тревожила меня. Ты поймешь, какъ было бы ужасно для меня, если бы наши отношенія получили огласку. Кромѣ того, здѣсь могутъ быть затронуты матеріальные интересы моей семьи...

— Ну, кажется, твои дѣти-то тутъ не при чемъ?

— Но, милый, вдругъ этотъ человѣкъ осмѣлится заявить, что, разъ я близка съ человѣкомъ, занимающимъ такое положеніе, и онъ считаетъ себя въ правѣ прекратить свои заботы о семьѣ?..

— Откуда такія мысли, Нюта? Твой мужъ такой порядочный человѣкъ, что ничего подобнаго не сдѣлаетъ. И наконецъ развѣ ты не свободна? Не онъ ли первый оставилъ тебя? Нѣтъ, милая, не мучь себя напрасно!

Съ этими словами онъ обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ въ губы. Она, растроганная, прильнула къ его плечу, и на глазахъ ея показались слезы, частью вызванныя страхомъ потерять такого во всѣхъ отношеніяхъ удобнаго для ней человѣка, частью умышленныя, разсчитанныя на его трусость эгоиста, любящаго спокойствіе, передъ женскими слезами.

— Нюта, о чемъ ты?

— Пойми, какъ меня пугаетъ скандалъ... Ты знаешь, что я дорожу своей репутаціей, а вѣдь изъ-за тебя я ставила ее на карту. А положеніе мое передъ дѣтьми?...

Его превосходительство отлично зналъ, какъ успокаивать женщинъ, и, желая поскорѣе избавиться отъ дальнѣйшей чувствительной сцены, онъ взглянулъ на двери и съ тѣми же заблестѣвшими глазами, которыя были у него, когда онъ ѣлъ свѣжую икру, сталъ горячо цѣловать Анну Павловну. Она отвѣчала на его ласки съ умѣлой страстностью женщины, понимающей, чѣмъ можно приворожить такого поклонника женщинъ.

Черезъ нѣсколько времени его превосходительство про себя усмѣхнулся, какъ будто смѣясь надъ своимъ пристрастіемъ къ слишкомъ зрѣлымъ дюшесамъ, и, добродушно цѣлуя ее въ лобъ, проговорилъ:

— Знаешь, Нюта, будетъ осторожнѣе, если мы станемъ встрѣчаться въ разныхъ мѣстахъ. И относительно твоего мужа удобнѣе... А ты, пожалуйста, не безпокойся, родная, все уладится.—И, взглянувъ на часы, прибавилъ:—Однако пора разставаться, къ сожалѣнію... У меня еще дѣловое свиданіе... Надо торопиться... Но, я надѣюсь, мы скоро опять увидимся?

— Можетъ-быть, ты самъ зайдешь ко мнѣ, кстати и деньги принесешь...

— Непремѣнно, непремѣнно... Ахъ, если бы знала, Нюта,

какая у меня каторга... Дѣла въ отчаянномъ положеніи. Надняхъ я съ тобой поговорю...

Они спустились съ лѣстницы, кивнули другъ другу и, пока Николай Ивановичъ надѣвалъ пальто, Ордынцева вышла на улицу и пошла по Морской, уже болѣе бодрая и веселая.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Никодимцевъ прожилъ нѣсколько недѣль въ лихорадочной дѣятельности, организуя помощь голодающему населенію волжскихъ губерній. Онъ собиралъ свѣдѣнія о размѣрахъ охватившаго бо́льшую часть уѣздовъ бѣдствія, совѣщался съ земцами, подсчитывалъ наличные запасы хлѣба, велъ переговоры съ мѣстными хлѣботорговцами, торопилъ подвозкой хлѣба съ той хлѣбной пристани сосѣдней губерніи, гдѣ онъ купилъ большую партію зерна и муки. И въ первомъ же донесеніи въ Петербургъ онъ писалъ о необходимости новыхъ крупныхъ ассигновокъ, о большомъ районѣ, захваченномъ неурожаемъ, о томъ, что былъ голодъ, настоящій голодъ.

Первое время Никодимцевъ постоянно былъ въ возбужденномъ, приподнятомъ настроеніи, въ какомъ бываетъ дѣловой, энергичный человѣкъ, принимаясь за организацію распущеннаго, безпорядочнаго дѣла. И именно этотъ безпорядокъ, господствовавшій въ продовольственномъ дѣлѣ губерніи и вытекавшій изъ замалчиванія размѣровъ неурожая и голода, изъза подозрѣнія земства въ преувеличеніи просимыхъ имъ ссудъ, изъ всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя ставились попыткамъ частной благотворительности, — вся эта лживая, ненужная и вредная безтолочь и держала Никодимцева въ возбужденномъ, приподнятомъ настроеніи. Онъ видѣлъ, что все это можно было устроить гораздо легче и проще, если бы относились правдивѣе къ фактамъ, что во всемъ этомъ была́ и преднамѣренная злостность, а главное, никому ненужная ложь и цѣлое море пустомыслія и пустословія. Онъ быстро сговорился съ земцами, нашелъ и хлѣбъ, но въ особенности его радовало открытіе на мѣстѣ людей, которые живо откликнулись на его призывъ къ дѣятельности, которыхъ не нужно было звать и просить и которые, очевидно, только и ждали, чтобы имъ позволили помогать людямъ, позволили накормить голоднаго, одѣть нагого. Организовывалась раздача хлѣба, устраивались столовыя, на очередь ставился вопросъ о закупкѣ лошадей. Изъ центровъ посылались санитарные отряды, ѣхали студенты, фельдшерицы.

Осложнялось дѣло и въ деревняхъ. Кое-гдѣ появилась цынга, спорадическіе случаи тифозныхъ заболѣваній, о которыхъ Ни-

кодимцевъ слышалъ тотчасъ же по пріѣздѣ, становились все чаще, начиналась эпидемія; земскіе врачи заговорили о голодномъ тифѣ. Никодимцевъ почти не выходилъ изъ саней. Осмотръ столовыхъ, засѣданія мѣстныхъ комитетовъ, посѣщеніе цынготныхъ и тифозныхъ деревень занимало цѣлые дни, и постепенно онъ привыкъ засыпать въ широкихъ, обитыхъ рогожей деревенскихъ саняхъ и употреблять ночи на далекія поѣздки. Онъ даже полюбилъ эти ночныя поѣздки, когда все засыпало кругомъ и молчаливыя деревни не бились въ душу съ своими горями, съ своими мучительными вопросами.

Былъ февраль, частыя вьюги заносили дороги, и сплошь и рядомъ приходилось ѣхать шагомъ по мало проторенным деревенскимъ дорогамъ. Туманной, сѣрой пеленой мерцала снѣжная ночь, однообразно и жалостно вызванивалъ унылый колокольчикъ, унылыя и жалостныя слова доносились отъ скорчившейся на облучкѣ, полузасыпанной снѣгомъ фигуры. О мужицкой нехваткѣ, нехваткѣ въ землѣ, въ хлѣбѣ, въ лошадяхъ и о Божьемъ изволеніи, и о планидѣ, и «какъ Богъ, такъ и вы». И такъ все это гармонировало—и эти иззябшія, медленныя, унылыя слова, и эта тусклая, сѣрая даль, занесенныя снѣгомъ, словно копны въ полѣ, деревенскія избы, и печальныя голыя ивы, и все это какое-то озябшее, сѣрое, унылое и печальное.

Такъ хорошо думалось подъ звонъ колокольчиковъ и такъ много думалъ Никодимцевъ въ обшитыхъ рогожей саняхъ, и все одно и то же настроеніе, еще смутное и неопредѣленное, все глубже и глубже захватывало его.

То старое, чѣмъ онъ жилъ въ Петербургѣ, уходило все дальше и дальше, и все ярче вставало предъ нимъ новое и непзвѣстное. Казалось, онъ все дальше и дальше уѣзжалъ въ новую страну, не имѣвшую ничего общаго съ той петербургской страной, которую онъ одну только и зналъ. Тамъ, въ Петербургѣ, все казалось такъ просто и такъ ясно, а главное, тамъ было то сознаніе личнаго значенія своего «я», которое могло наполнять жизнь и удовлетворять душу. Тутъ, въ этой новой странѣ, все такъ смутно, неясно, такъ полно вопросовъ и загадокъ. И Никодимцевъ, почти никогда не выѣзжавшій изъ Петербурга и подгородныхъ дачъ, только теперь, войдя въ мѣстныя дѣла и нужды, познакомившись съ мѣстными людьми и присмотрѣвшись къ деревнѣ, понялъ, какъ онъ, петербургскій человѣкъ, мало понималъ Россію и какая особенная жизнь, идущая въ сторонѣ отъ Петербурга и не имѣющая съ нимъ ничего общаго, тихо и незамѣтно совершается здѣсь, въ

этихъ глухихъ городишкахъ, занесенныхъ снѣгомъ деревняхъ.

То возбужденное и приподнятое настроеніе прошло, и какое-то новое, незнакомое ему прежде чувство одиночества, отчужденности и безсилія все яснѣе вставало въ немъ.

— Это, ваше превосходительство, — сухо и холодно говорилъ Никодимцеву земскій врачъ, съ которымъ онъ встрѣтился въ большомъ, пораженномъ тифомъ селѣ:—хорошія слова у васъ въ Петербургѣ придумали: «недородъ» и «недоѣданіе». И не потому, ваше превосходительство, что неурожай и голодъ грубыя слова, безпокойныя слова, а потому что ваши слова справедливы. Я вотъ здѣсь двадцать лѣтъ въ селѣ-то живу и знаю, что это ужъ въ хорошій годъ у исправнаго мужика хлѣба до масленицы либо до Крещенья хватитъ, а то все съ Николы покупаютъ, а весной изъ пятидесяти-то дворовъ, можетъ-быть, въ десяткѣ избы топятся, есть что варить,—развѣ это голодъ былъ, двадцать-то лѣтъ? Простое недоѣданіе... Также и недородъ-то, скота-то все меньше, земля-то на моихъ глазахъ тощаетъ... Только что въ нынѣшнемъ году недородъ побольше, а ѣды еще поменьше, вотъ и все,—было четверть лошади, а теперь будетъ восьмая, вотъ и все. Вотъ я и говорю, справедливыя петербургскія слова, ваше превосходительство, именно недородъ, именно недоѣданіе.

Докторъ смѣялся злымъ, непріятнымъ смѣхомъ.

— Только вотъ въ чемъ Петербургъ ошибается, думаетъ, что деревня, какъ, случается, улей въ долгую зиму къ веснѣ ослабѣетъ, подкормишь сытой—и опять пойдетъ медъ таскать да роиться. Плохо сталъ роиться мужикъ-то, ваше превосходительство, и насчетъ меду какъ бы не лишиться. Бываетъ, гнилецъ въ ульяхъ-то заводится. Двадцать лѣтъ мужика-то наблюдаю,—на нѣтъ сходитъ.

Слова доктора неотступно стояли въ головѣ Никодимцева. Поражала его въ деревнѣ не нищета населенія и некультурность его—раскрытые дворы, низкія, нерѣдко и курныя избы, скотъ въ избахъ, рубища вмѣсто одежды — поражала его та апатія, то сѣрое, скучное выраженіе лицъ, которое онъ наблюдалъ въ голодающихъ деревняхъ и съ которымъ говорили ему въ избахъ: «не родила землица, Божье изволенье», «кончается, батюшка, дочка, кончается,—не ѣмши все»...

Колокольчикъ все звенитъ, все развертывается сѣрая даль; тѣ же ветлы, молчаливые лѣса, молчаливыя деревни.

Никодимцеву хочется вырваться изъ-подъ гнета сѣрыхъ сумерекъ, и онъ начинаетъ думать о Петербургѣ, ему вспоминается блестящій и яркій Невскій проспектъ, пышная и шум-

ная петербургская жизнь, послѣдняя дипломатическая побѣда Россіи надъ Англіей и ореолъ могущества, который окружаетъ въ послѣднее время Россію, и вспоминаются язвительныя слова доктора. «Гнилецъ, гнилецъ... на нѣтъ сходитъ мужикъ».

То сознаніе совершеннаго хорошаго дѣла все рѣже является у Никодимцева, и все чаще охватываетъ его чувство одиночества, безсилія и ненужности.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

I.

Инна Николаевна почти каждый день получала отъ жениха короткія, наскоро набросанныя записочки. Съ отзывчивостью любящаго человѣка, она волновалась его волненіями и отвѣчала ему длинными, горячими письмами, зная, какъ они бодрятъ и грѣютъ его среди окружающаго ужаса и безпросвѣтнаго мрака. Она понимала, что въ ея женихѣ происходитъ какой-то переломъ, и что въ эту минуту ея привязанность особенно нужна ему, и это сознаніе наполняло ее немного горделивой радостью.

Козельскій нерѣдко спрашивалъ у дочери о томъ, что пишетъ ей женихъ о голодѣ, и не безъ насмѣшливости говорилъ о едва ли предусмотрительномъ задорѣ его превосходительства, благодаря которому онъ, чего добраго, сломаетъ себѣ шею. Онъ совѣтовалъ Иннѣ удерживать его отъ этой откровенной рѣзкости, которая дѣлу не поможетъ, а министровъ противъ него возстановитъ. Уже и теперь въ городѣ ходятъ слухи, что Никодимцевъ закусилъ удила и въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что онъ можетъ, возвратившись въ Петербургъ, разыграть роль маркиза Позы.

— А у насъ такія роли довольно рискованны, особенно для человѣка безъ состоянія,—говорилъ Козельскій, и въ его голосѣ чувствовалось нѣкоторое раздраженіе противъ человѣка, надежды на котораго относительно устройства мѣста въ будущемъ являются проблематическими.

«Рѣшительно Григорій Александровичъ слишкомъ легкомысленъ для своего положенія»,—думалъ Николай Ивановичъ, разсчитывавшій на нѣчто большее. Между тѣмъ его будущій зять уже отказался отъ мѣста товарища и, повидимому, не думаетъ о высшемъ постѣ.

Такимъ образомъ Козельскому, кажется, не придется воспользоваться его услугами. Пока онъ урвалъ только бланкъ на вексель въ пять тысячъ рублей, учелъ его и возвратилъ взятку, полученную отъ Бенштейна. И все-таки его дѣла отъ этого не поправились. Онъ долженъ былъ оставить мѣсто въ

правленіи одного общества, не былъ выбранъ въ совѣтъ другого,—все это благодаря разнесшимся слухамъ о взяткѣ. Если теперь векселя поступятъ къ протесту, то скандалъ несостоятельности неминуемъ.

— Такъ, голубушка Инна, ты непремѣнно напиши Григорію Александровичу о томъ, что̀ я тебѣ говорилъ. Онъ тебя любитъ и послушаетъ. А если послушаетъ, то вы займете блестящее положеніе. Такъ ты напишешь?

— Зачѣмъ я буду писать? Григорій Александровичъ самъ знаетъ, какъ ему поступить.

— Но отчего же хорошенькой женщинѣ не подать добрый совѣтъ? — настаивалъ Козельскій, заботливость котораго о карьерѣ будущаго зятя вытекала единственно изъ страха за свое шаткое положеніе и нѣсколько тронутую репутацію.

— Не говори такъ, папа... Я этого не буду писать. Довольно того, что я уже разъ написала Григорію Александровичу крайне непріятное для меня письмо.

Николай Ивановичъ чуть-чуть пожалъ плечами.

— Странное отношеніе у васъ, молодыхъ женщинъ, къ серьезнымъ вопросамъ жизни,—замѣтилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

Онъ чувствовалъ себя искренно обиженнымъ тѣмъ, что дочь, которую онъ всегда любилъ и баловалъ, какъ ему казалось, изъ пустой щепетильности отказываетъ ему въ такой важной услугѣ. И, не желая слишкомъ рѣзко высказать ей свою досаду, онъ предпочелъ прекратить разговоръ.

Но его красивое, обыкновенно привѣтливое лицо стало пасмурно и озабоченно, и Тина, встрѣтившая отца въ гостиной, не безъ удивленія спросила сестру, входя въ ея небольшой будуаръ:

— Что̀ это съ папой? Опять попался мамѣ въ чемъ-нибудь? Или безъ денегъ сидитъ?

Проговоривъ это, какъ всегда, насмѣшливо и равнодушно, она подошла къ большому зеркалу и внимательно оглядѣла себя съ ногъ до головы. Барашковая кофточка сидѣла безукоризненно, бархатистый мѣхъ небольшой котиковой шапочки красиво оттѣнялъ и пышные золотые волосы и бѣлое, разрумянившееся на морозѣ, нѣжное личико.

Тина осталась довольна результатомъ своего осмотра и ласково улыбнулась своему отраженію.

— Нѣтъ, мама тутъ, кажется, не при чемъ... У отца, вѣрно, дѣла очень плохи... И онъ недоволенъ Григоріемъ Александровичемъ, — говоритъ, что онъ портитъ себѣ карьеру,—нехотя отвѣчала Инна, не поднимая глазъ отъ вышиванья.

Разговоръ съ отцомъ оставилъ въ ней тяжелое впечатлѣніе. Она знала всѣ его ошибки и слабости, но это не мѣшало ей любить его. Ей было одинаково непріятно и отказывать отцу въ просьбѣ и слушать, какъ онъ осуждаетъ Никодимцева. Она защищала образъ дѣйствія своего жениха не столько потому, что была согласна съ его взглядами, сколько въ силу своего слѣпого довѣрія ко всему, что онъ дѣлалъ и говорилъ. Намучившаяся изъ-за безволія и безпринципности окружающихъ, она встрѣтила въ немъ чуть не перваго безукоризненнаго, порядочнаго человѣка и не только любила его, но и чувствовала къ нему особенное безграничное приподнятое уваженіе.

— Да, вѣдь онъ совсѣмъ комикъ, твой Григорій Александровичъ,—круто повернувшись отъ зеркала, сказала Тина.— Я и забыла тебѣ сказать, что вчера у Курскихъ говорили о немъ. Повидимому, его положеніе ненадежно. Онъ, кажется, донкихотствуетъ тамъ... Кого-то спасаетъ, кого-то поучаетъ... Что-то нелѣпое, ребяческое...

— Пожалуйста, не говори такъ, Тина... Съ меня довольно разговора съ папой. Вы совсѣмъ не понимаете Григорія Александровича и только мучаете меня...

Въ голосѣ Инны послышались слезы. Младшая сестра, быстро сбросивъ на кресло мѣховую жакетку, мягкимъ движеніемъ опустилась на коверъ и, взявъ ея руки, ласково заговорила:

— Полно, милка... Вѣдь я же не хотѣла тебя обидѣть. И ты знаешь, что меня вообще твой директоръ департамента мало интересуетъ. Пусть себѣ тамъ на Волгѣ хоть Пугачева разыгрываетъ! Но я нахожу, что это прямо глупо портить свою будущность изъ-за какихъ-то полупьяныхъ мужиковъ. И какое ему до нихъ дѣло, особенно теперь, когда онъ собирается жениться на такой хорошенькой женщинѣ, какъ ты? Неужели онъ не понимаетъ, что красота нуждается въ рамкѣ, что, любя тебя, онъ обязанъ добиваться и средствъ и положенія, а не писать какія-то глупыя донесенія, надъ которыми смѣется свѣтъ!

— Ради Бога, Тина, перестань, а то мы будемъ ссориться. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что думаетъ свѣтъ. И вопросъ о карьерѣ касается только его самого, а не меня.

Молодая дѣвушка почти съ состраданіемъ взглянула на сестру:

— Я вижу, ты глупишь, Инна, но Богъ съ тобой, каждый имѣетъ право портить себѣ жизнь по-своему. Не бойся, я больше ни слова не скажу тебѣ о твоемъ рыцарѣ безъ страха и упрека. Мнѣ тоже не хочется ссориться съ тобой.

Она съ сознаніемъ своего превосходства и легкимъ оттѣнкомъ покровительства поцѣловала сестру въ голову и ушла.

Инна почувствовала тотъ холодъ одиночества, который за послѣднее время все чаще охватывалъ ее въ родной семьѣ. Отецъ и сестра, исключительно полные жажды возможно бо́льшихъ житейскихъ удобствъ и наслажденій, становились для нея почти чужими. Если бы Инна Николаевна сейчасъ пошла къ матери и стала бы говорить о своихъ волненіяхъ и тревогахъ, Антонина Петровна отъ всего сердца пожалѣла бы свою бѣдную дѣвочку, поплакала бы надъ ней, но въ душѣ пожурила бы Никодимцева за то, что онъ не сумѣлъ поставить себя такъ, чтобы всѣ были довольны, и доставлялъ своей невѣстѣ совсѣмъ ненужныя огорченія.

Зная это, Инна осталась одна съ своими невеселыми мыслями и была рада, когда ея дочка, вернувшись съ прогулки веселая и свѣженькая, вбѣжала къ ней и своей дѣтской болтовней и ласками разогнала ея тоску.

II.

За послѣднее время то озабоченное выраженіе, которое удивило Тину, все чаще и чаще омрачало лицо Козельскаго. Его дѣла были такъ плохи, что, несмотря на врожденное легкомысліе и жизнерадостность, онъ начиналъ чувствовать себя подавленнымъ и растеряннымъ. Потеря двухъ мѣстъ, пошатнувшееся служебное положеніе, таинственные слухи о какой-то некрасивой, неудавшейся въ концѣ концовъ сдѣлкѣ, пересуды о которой злорадно повторялись въ самыхъ различныхъ кружкахъ Петербурга, всегда жадно набрасывающагося на всякую административную сплетню, — все это сразу пошатнуло и безъ того неважный кредитъ Козельскаго.

Его положеніе во всѣхъ отношеніяхъ дѣлалось невыносимымъ. Знакомые при встрѣчѣ уже не привѣтствовали его съ той любезностью, которую обыкновенно оказываютъ людямъ, пользующимся всѣми благами земными и разсчитывающимъ захватить впредь еще бо́льшую порцію этихъ благъ. Напротивъ, его превосходительство видѣлъ почти на всѣхъ лицахъ нѣкоторое недоброжелательное удивленіе.

«Экая ловкая бестія, все еще держится?» — какъ будто говорили они, и ему казалось, что они заживо хоронятъ его.

И многочисленные кредиторы, конечно, слѣдящіе за всѣми его дѣлами съ особенно жгучимъ интересомъ, стали настойчиво требовать уплаты по векселямъ, не соглашаясь болѣе переписывать ихъ, несмотря на упорныя, почти униженныя

просьбы Козельскаго, который начиналъ все яснѣе сознавать, что гибель неизбѣжна.

Расходы по дому шли своимъ обычнымъ чередомъ, но они становились непосильнымъ бременемъ для Николая Ивановича, и ему уже пришлось нѣсколько разъ отказать женѣ въ деньгахъ, что̀, при его корректно-джентльменскомъ отношеніи къ Антонинѣ Петровнѣ, было почти небывалою рѣдкостью. Со дня на день откладывалъ онъ неизбѣжное объясненіе съ женой. А между тѣмъ надо было во что бы то ни стало сократить расходы, измѣнивъ весь образъ жизни. И эта необходимость казалась ему ужасной и оскорбительной.

Кромѣ того, надо было кончать съ Ордынцевой, и Козельскій впередъ со скукой, почти съ отвращеніемъ думалъ о прощальномъ свиданіи съ практичной и разсудительной Анной Павловной. Послѣдній мѣсяцъ она была довольна суха съ нимъ, дуясь за то, что онъ заплатилъ ей неполное содержаніе.

И, получивъ отъ нея лаконическую записку, что она проситъ его придти къ ней на слѣдующій день въ два часа, Козельскій невольно поморщился. Но потомъ рѣшилъ, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и пересталъ о ней думать, всецѣло поглощенный мыслью о своемъ безденежьѣ.

На слѣдующе утро случилось то, чего онъ давно съ такимъ страхомъ ожидалъ и что̀ все-таки считалъ невозможнымъ. Явился судебный приставъ съ повѣсткой, на которой значилось, что, въ виду неплатежа имъ 500 руб. по векселю Никодиму Мировольскому, будетъ на-дняхъ приступлено къ описи его имущества.

Это уже было начало конца. Эти жалкіе пятьсотъ рублей, которыхъ Козельскій нигдѣ не могъ достать, меньше всего безпокоили его. Онъ платилъ Мировольскому огромные проценты и былъ увѣренъ, что тотъ не станетъ подавать въ судъ. Но развязный комиссіонеръ, франтоватый, съ претензіей на благовоспитанность и даже интеллигентность, былъ оскорбленъ непривычной рѣзкостью, съ которой Козельскій, окончательно взвинченный и разнервничавшійся, отвѣтилъ на его упорныя просьбы поторопиться уплатой.

— А вы, г. Мировольскій, вѣроятно, изъ духовнаго званія? Удивительно, какъ въ нашемъ духовенствѣ сильна страсть къ наживѣ.

Этого Мировольскій, выдававшій себя за разорившагося помѣщика и тщательно скрывавшій, что онъ «дьячковъ сынъ», не могъ вынести. Онъ рѣшилъ отомстить, и Козельскій очень скоро раскаялся въ своей невыдержанности.

Николай Ивановичъ вышелъ изъ дому, рѣшивъ побывать у

нѣсколькихъ клубныхъ пріятелей и попытаться достать у нихъ эти проклятые 500 рублей. Но изъ этого ничего не вышло. Однихъ онъ не засталъ, другіе извинялись, что не могутъ дать, потому что держатъ деньги не дома, а въ банкѣ, третьи, скосивъ глаза куда-то въ уголъ, увѣряли его, что сами сидятъ безъ гроша. Козельскій, конечно, не вѣрилъ имъ, но по привычкѣ любезно улыбался, слушая ихъ ложь.

Когда онъ въ два часа звонилъ въ квартиру Ордынцевой, на душѣ у него было скверно. Онъ чувствовалъ, что все скорѣе и скорѣе катится съ горы, и что никто не шевельнетъ пальцемъ, чтобы удержать его. И вдругъ ему пришла въ голову шальная мысль:

— А не попросить ли у Нюты? У нея, навѣрное, прикоплены деньги на черный день. Она вѣдь предусмотрительная.

Возможность такого исхода подбодрила его, и онъ уже не съ такимъ сумрачнымъ видомъ вошелъ въ гостиную. Взглянувъ на лицо хозяйки, онъ, по ея дѣловому, далеко не любезному выраженію, сразу рѣшилъ предупредить ее.

— Ахъ, Анна Павловна, если бы вы знали, что со мной творится,—сразу началъ онъ, цѣлуя ей руку и идя вслѣдъ за ней въ ея комнату, гдѣ прислугѣ было трудно подслушать ихъ разговоръ. — Сегодня на меня обрушилась такая непріятность, что я до сихъ поръ не могу придти въ себя.

— Что такое?—довольно сухо спросила Ордынцева, очевидно, желая поскорѣе заговорить о своихъ дѣлахъ.

— Въ сущности вздоръ... Но это можетъ очень скверно кончиться... Представьте себѣ, что одинъ ростовщикъ, которому я долженъ небольшую сумму, грозитъ завтра же подать на меня въ судъ. Вы понимаете, что съ моимъ положеніемъ это крайне неудобно. А между тѣмъ я никакъ не могу достать денегъ. Какая-то упорная незадача.

— А много ли?—еще суше спросила Анна Павловна, внимательно глядя въ его лицо своими холодными глазами.

— Пустяки! Всего пятьсотъ рублей... И знаешь что, Нюта,— ласково и вкрадчиво продолжалъ Козельскій, садясь рядомъ съ нею и взявъ ея бѣлую, полную руку: — мнѣ пришло въ голову, что, можетъ-быть, ты выручишь меня. Если у тебя нѣтъ своихъ денегъ, то, можетъ-быть, гдѣ-нибудь достанешь?

— Я? Да вы съ ума сошли!—почти злобно сказала Ордынцева, отнимая отъ него руку и отодвигаясь.—Я и сама поставлена въ очень затруднительное положеніе. Вы были такъ неаккуратны въ послѣднее время. А расходовъ немало. Вѣдь у меня дѣти!

Она была взбѣшена. Что за дерзость! Не платитъ, да еще

денегъ въ долгъ просить. Этого она никакъ не ожидала. Значитъ, дѣйствительно дѣла Козельскаго такъ плохи, какъ говорилъ Алексѣй, сообщившій объ этомъ вскользь, за обѣдомъ.

— Простите, вы правы. Я говорю вздоръ. Эти проклятыя дѣла свели меня съ ума.

Онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Ему было почти смѣшно, что онъ вздумалъ обратиться къ ней. Ея отношеніе не удивило и не оскорбило его. Онъ отлично понималъ, что въ ихъ связи никогда не было мѣста привязанности. Это былъ договоръ, основанный на взаимныхъ выгодахъ и удобствахъ. Чувственность играла у нихъ роль чувства.

Анна Павловна съ величественнымъ презрѣніемъ смотрѣла на Козельскаго. Съ той минуты, какъ она поняла, что ея любовникъ окончательно запутался, онъ сталъ казаться ей и менѣе представительнымъ, и постарѣвшимъ, и даже какъ будто ниже ростомъ.

«Надо же быть дуракомъ, чтобы до пятидесяти лѣтъ не нажить ничего, кромѣ долговъ», — подумала она, а вслухъ сказала:

— Но васъ, конечно, выручитъ кто-нибудь изъ пріятелей?

— Навѣрное. Я даже прямо отъ васъ поѣду къ одному господину. Его до трехъ можно застать дома. Прощайте, Анна Павловна.

Онъ поцѣловалъ ей руку и ушелъ. Оба отлично сознавали, что этимъ свиданіемъ кончилась ихъ двухлѣтняя близость. Это сознаніе оставило ихъ обоихъ холодными.

III.

Послѣ обѣда, который прошелъ молчаливо и невесело, Николай Ивановичъ сказалъ женѣ:

— Тоня, не зайдешь ли ты ко мнѣ поговорить?

Антонина Петровна молча прошла за нимъ въ кабинетъ. Сердце ея забилось отъ какого-то смутнаго страха. Она чувствовала, что съ ея Никой что-то случилось, но съ наивнымъ непониманіемъ женщины, прожившей всю жизнь за спиной мужа, не могла себѣ даже представить, какое это было «что-то».

— Садись сюда, Тоня, здѣсь тебѣ будетъ удобнѣе,—ласково говорилъ Николай Ивановичъ, усаживая жену въ низкое, покойное кресло.—Видишь ли, дорогая, мнѣ ужасно тяжело, что приходится тревожить тебя... Но я долженъ сказать, что мои дѣла очень плохи, и намъ придется немного измѣнить образъ жизни...

— Плохи?..—повторила Козельская, очевидно, еще не отда-

вая себѣ отчета въ практическомъ значеніи этихъ словъ.— Бѣдный Ника, опять тебѣ новыя заботы... Но отчего же это: кажется, ничего новаго не случилось?

— Право, трудно разсказать, какъ это все вышло. Вѣдь ты знаешь, я ушелъ изъ двухъ правленій. А одного жалованья не можетъ хватить на нашъ train...

— Ахъ, Ника, я вѣдь давно говорила, что наши пріемы, фиксы, все это лишнее. Ты знаешь, что я хорошо себя чувствую только въ тѣсномъ семейномъ кругу. Наши дѣвочки тоже не гонятся за выѣздами. Старшая невѣста, Тина совсѣмъ не собирается замужъ...

Николай Ивановичъ сдержалъ нетерпѣливое движеніе.

— Ты меня плохо поняла, Тоня. Тутъ дѣло не въ однихъ пріемахъ. Намъ придется переѣхать въ другую, болѣе дешевую квартиру, отпустить лишнюю прислугу, словомъ, совершенно измѣнить жизнь. Можетъ-быть, даже продать кое-что изъ обстановки... У меня есть непріятные долги...

— Да какъ же, Ника... Что же это... Неужели мы совсѣмъ разорены?—медленно произнесла Антонина Петровна и растерянно обвела взглядомъ солидный комфортабельный кабинетъ мужа, какъ будто уже прощаясь съ этой темной тяжелой мебелью.

— Нѣтъ, дорогая, пожалуйста, не тревожься такъ. Это далеко не разоренье. Просто приходится временно постѣсниться. Видишь, я прямо говорю тебѣ, въ чемъ дѣло, потому что знаю, что ты всегда была моей помощницей.

При этой ласковой лести Антонина Петровна сразу пришла въ себя и любовно посмотрѣла на своего красиваго, моложаваго мужа:

— Ты не ошибся, Ника. Помнишь, какъ мы жили съ тобой, когда поженились? Ни безденежье ни недохватки никогда не пугали меня. Только бы ты былъ со мной. И я надѣюсь, что теперь, въ минуту несчастья, ты лучше поймешь, кто дѣйствительно и искренно привязанъ къ тебѣ,—слегка дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ сказала Козельская.

Къ ея тревогѣ примѣшалось радостное чувство. Теперь эта размалеванная Ордынцева навѣрное не захочетъ продолжать связи съ разорившимся человѣкомъ, ея Ника волей-неволей будетъ больше сидѣть дома, и, можетъ-быть, онъ оцѣнитъ наконецъ всю безпредѣльную глубину ея чувства. И эта сорокапятилѣтняя женщина, съ наивной сентиментальностью молоденькой институтки, почти радовалась предстоящему краху, точно она все еще не представляла себѣ съ должною реальностью его неизбѣжныхъ послѣдствій.

Николай Ивановичъ отлично понялъ ревнивый намекъ, скры-

вавшійся въ ея послѣднихъ словахъ. Онъ нѣжно поцѣловалъ ея длинную породистую руку.

— Я такъ и зналъ, Тоня, что ты пожалѣешь своего Нику. Если бы ты знала, какъ я измучился за эти дни. Мнѣ было такъ тяжело, что я не сумѣлъ оградить тебя отъ этихъ непріятностей. Вѣроятно, я бы и сегодня ничего не сказалъ, но утромъ принесли повѣстку.

— Повѣстку? Что же, тебя въ судъ требуютъ?—испуганно хватая его за руку, спросила жена. Ей показалось, что съ ея Никой хотятъ сдѣлать что-то страшное.

— Нѣтъ,—съ легкой досадой возразилъ Козельскій:—какой тамъ судъ, просто 500 рублей взыскиваютъ.

— Ахъ, это о деньгахъ! — уже гораздо спокойнѣе сказала Антонина Петровна.—Ну что же, ты, конечно, сказалъ имъ, чтобы подождали?

— Но, дорогая, тутъ ничего не скажешь... Тутъ платить надо, или явится приставъ и опишетъ мебель.

— Какъ опишетъ? Неужели они не могутъ немного отсрочить? Откуда же тебѣ взять деньги, если у тебя нѣтъ?

Козельскаго начинало раздражать дѣтское непониманіе этой «святой женщины». Но онъ сдержался.

— Нѣтъ, милая, ты совсѣмъ не понимаешь практической жизни. Ни о какой отсрочкѣ не можетъ быть и рѣчи. Надо во что бы то ни стало добыть къ завтрему эти деньги. А что если бы ты съѣздила къ дядѣ Александру и попросила у него взаймы?

Антонина Петровна съ удивленіемъ взглянула на мужа. Этотъ дядя, родной братъ ея матери, очень богатый старикъ, оригиналъ, славился своей баснословной скупостью и со страхомъ маньяка смотрѣлъ на родныхъ, всегда подозрѣвая ихъ въ желаніи выманить у него деньги.

— Но, Ника, развѣ ты не знаешь, что онъ не дастъ и 5 рублей. И не поставитъ ли тебя въ неловкое положеніе, что твоя жена ѣздитъ занимать деньги?

— Ты права, Тоня. Я говорю вздоръ.

Козельскій вспомнилъ, что утромъ говорилъ ту же фразу Ордынцевой, и про себя усмѣхнулся.

— Лучше заложи мои брильянты. Они старинные и цѣнные. А относительно перемѣны въ нашей жизни дѣлай какъ знаешь. Я впередъ на все согласна. Да, я и забыла тебѣ сказать. Тина говорила мнѣ сегодня, что ей хочется уѣхать на годъ за границу, прослушать въ Парижѣ лекціи по литературѣ. Пожалуй, придется намъ отказать нашей дѣвочкѣ.

Николая Ивановича непріятно поразили эти слова. Ему

сразу показался подозрительнымъ столь внезапный интересъ Тины къ литературѣ.

— Нѣтъ, отчего же. Можетъ-быть, это и будетъ возможно. Ты, пожалуйста, пошли ее ко мнѣ поговорить.

IV.

Тина вошла въ кабинетъ отца, спокойная и самоувѣренная.

— Ты звалъ меня, папа?

— Мама говоритъ, что тебѣ хочется ѣхать за границу учиться. Ты дѣйствительно интересуешься курсами литературы?

— Ну, по правдѣ сказать, я еще не знаю, буду ли я учиться литературѣ или декламаціи,—небрежно проговорила молодая дѣвушка. — Но маму не къ чему пугать неопредѣленностью моихъ плановъ. Съ тобой я могу говорить прямѣе, ты не такъ пугливъ.

Ея каріе глаза съ насмѣшливой дерзостью смотрѣли на отца. Она какъ будто хотѣла ему сказать, что онъ-то не смѣетъ ни судить ни порицать ее, что бы она ни сдѣлала.

— Твоя фантазія является довольно некстати. Мои дѣла очень разстроены,—произнесъ Козельскій. Онъ испытывалъ смѣшное чувство недовольства и какого-то смущенья передъ дочкой. Онъ точно видѣлъ въ ней повтореніе своихъ недостатковъ и пороковъ, облеченныхъ въ болѣе рѣзкую форму.

— Это дѣйствительно некстати. Такъ какъ я во что бы то ни стало уѣду,—тихо и рѣшительно отвѣтила молодая дѣвушка.

Отецъ пристально посмотрѣлъ на нее. Она храбро выдержала его взглядъ. Только румянецъ чуть-чуть ярче заигралъ на ея красивомъ лицѣ и въ глубинѣ ея смѣлыхъ глазъ вспыхнулъ не то вызовъ, не...

Николай Ивановичъ первый опустилъ глаза. Теперь онъ не сомнѣвался, что первое мелькнувшее подозрѣніе было вѣрно.

— Хорошо. Я устрою твою поѣздку. Когда ты хочешь ѣхать?—вполголоса произнесъ онъ, какъ будто боясь, что мать можетъ услышать не только его слова, но и мысли.

— Въ началѣ будущаго мѣсяца.

— Хорошо. А теперь уйди, пожалуйста,—все такъ же тихо попросилъ онъ.

Молодая дѣвушка вздрогнула. Въ этой короткой, мягко произнесенной фразѣ было для нея что-то болѣе оскорбительное, чѣмъ въ самой рѣзкой брани. Но она не сказала ни слова и вышла изъ комнаты.

Козельскій остался одинъ. Разговоръ съ дочерью ошеломилъ его. Его самолюбіе было уязвлено. И въ то же время гдѣ-то глубоко въ немъ копошилось и чувство виновности и какая-то

брезгливость. Точно онъ самъ сдѣлалъ что-то очень дурное, очень низкое, что необходимо какъ можно лучше скрыть отъ людей.

Въ кабинетѣ было тихо. Лампа подъ темнымъ абажуромъ освѣщала только письменный столъ. Углы комнаты тонули въ полумракѣ. Николай Ивановичъ вдругъ понялъ, что его жизнь кончена. И холодная жуткость одиночества охватила его.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

За послѣдній мѣсяцъ старикъ Ордынцевъ часто прихварывалъ, и это немало озабочивало его семью, боявшуюся очутиться вдругъ безъ всякихъ средствъ. Но съ нѣкотораго времени они всѣ опять повеселѣли и подбодрились. Вызвано это было однимъ, повидимому, незначительнымъ событіемъ, отъ котораго однако всѣ они ожидали великихъ благополучій.

Какъ-то разъ нѣкій г. Уздечкинъ привезъ Ольгѣ билетъ на благотворительный балъ въ дворянскомъ собраніи. Молодая дѣвушка всегда охотно выѣзжала, а на этотъ разъ съ особеннымъ удовольствіемъ поѣхала съ Уздечкинымъ. Она твердо рѣшила, такъ или иначе, женить на себѣ этого плюгаваго, но состоятельнаго господина, и за послѣдній мѣсяцъ отчаянно кокетничала съ нимъ. Но на вечерѣ она встрѣтила молодого Гобзина, и дѣло приняло другой оборотъ.

Съ спокойною наглостью милліонера, увѣреннаго въ томъ, что его ухаживанье, въ какой бы формѣ оно ни было, можетъ доставить одно удовольствіе, этотъ развязный «англоманъ» безцеремонно разглядывалъ обнаженныя, круглыя плечи Ольги и видимо любовался ея юною свѣжестью.

Она ничуть не оскорблялась плотояднымъ огонькомъ, загорѣвшимся въ его глазахъ, а, напротивъ, чувствовала себя польщенной и, въ отвѣтъ на его двусмысленныя любезности, весело смѣялась, показывая мелкіе, бѣлые зубки.

Съ этого вечера Гобзинъ сталъ ѣздить къ Ордынцевымъ. Онъ возилъ Ольгѣ цвѣты, конфеты въ роскошныхъ бонбоньеркахъ, билеты въ театръ, дарилъ ей маленькіе, но дорогіе пустячки, при видѣ которыхъ въ ея темныхъ глазахъ вспыхивало что-то алчное. А онъ долго и жадно цѣловалъ ея бѣленькія руки и смѣялся нехорошимъ, циничнымъ смѣхомъ.

Анна Павловна принимала Гобзина съ простодушной привѣтливостью, какъ будто не замѣчая его откровеннаго ухаживанья. Только иногда, взглядывая на его постоянные подарки, съ мягкой укоризной любящей, но разумной матери, говорила ему:

— Вы совсѣмъ избалуете мою дѣвочку!

— Кого же и баловать, какъ не хорошенькихъ барышенъ, — не безъ наглости отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ Гобзинъ.

Даже Алексѣй былъ особенно любезенъ съ этимъ сыномъ милліонера. И всѣ трое они охаживали Гобзина, словно бы краснаго звѣря; въ ихъ манерахъ была какая-то особая вкрадчивость сдержанныхъ хищниковъ.

Гобзинъ отлично видѣлъ все это и посмѣивался про себя, увѣренный, что его не такъ-то легко обойти на женитьбѣ. Онъ каждый день бывалъ у Ордынцевыхъ и часто каталъ Ольгу на своихъ орловскихъ рысакахъ.

И Анна Павловна не говорила ни слова объ этихъ катаньяхъ. Она стала внимательнѣе и нѣжнѣе къ дочери, какъ будто она значительно поднялась въ ея глазахъ съ тѣхъ поръ, какъ Гобзинъ сталъ за ней ухаживать.

Только разъ, когда Ольга вернулась съ катанья часу въ первомъ ночи, мать поцѣловала ее въ похолодѣвшую на морозѣ щеку и словно бы вскользь сказала:

— Хорошо прокатилась, Оля? Ну, я рада за тебя... Но ты умница, конечно, понимаешь обычную вещь: чѣмъ сдержаннѣе съ влюбленнымъ, тѣмъ очаровательнѣй и побѣдоносней.

— Будь спокойна, мама, я знаю, какъ надо держать мужчинъ въ рукахъ,—не безъ высокомѣрнаго задора отвѣтила молодая дѣвушка, съ самоувѣренностью юнаго и недалекаго созданья, убѣжденная, что не-сегодня-завтра Гобзинъ сдѣлаетъ ей предложеніе.

II.

А Ордынцеву сильно нездоровилось. Онъ слишкомъ понадѣялся на свои силы, набралъ такъ много работы и теперь съ трудомъ справлялся съ ней. Иногда на него нападала слабость: онъ чувствовалъ себя разбитымъ, и ему надо было дѣлать надъ собой громадное усиліе, чтобы заставить себя пойти на службу. Иногда онъ требовалъ работу на домъ, чтобы только не выходить на улицу.

Его почти до слезъ умиляла нѣжная заботливость и тревога Шурочки, тоскливо наблюдающей недомоганье отца. Онъ старался успокоить ее, бодрился и шутилъ въ ея присутствіи, но сердце его болѣзненно ныло при мысли о томъ, что онъ, слабый и хворый, ненадежный кормилецъ своей дѣвочки.

Съ этими невеселыми думами шелъ онъ разъ вечеромъ по Невскому. Ему съ утра очень хандрилось. Чтобы хоть немного

развлечься, онъ рѣшилъ сходить къ своему старому пріятелю, литератору Верховцеву, имѣвшему способность бодрить его.

Онъ поровнялся съ большимъ зеркальнымъ, ярко освѣщеннымъ окномъ ювелира. Крупные брильянты, пунцовые, похожіе на кровь рубины, синіе, какъ море, сапфиры, ярко-зеленые изумруды блестѣли и переливались на темномъ бархатѣ витрины. Что-то вызывающее было въ ихъ роскоши. Ордынцевъ вспомнилъ стихи Надсона: «сіять такою дерзкой красотою», и невольно остановился.

Въ это время дверь магазина распахнулась, и изъ него вышли, весело смѣясь и болтая, невысокій господинъ и молодая, стройная женщина. Она быстро перешла тротуаръ и сѣла въ узенькія санки. Ея спутникъ усѣлся рядомъ, застегнулъ полость, и горячая рыжая лошадь, которую съ трудомъ сдерживалъ толстый кучеръ, быстро помчала санки по направленію къ адмиралтейству.

Ордынцевъ все еще стоялъ на мѣстѣ, и злоба и ужасъ охватили его сердце. Онъ узналъ и Ольгу и Гобзина. Эта фамильярность, этотъ магазинъ, эта увѣренно-наглая манера, съ которой Гобзинъ обнялъ Ольгу,—все это доказывало существованіе между ними особой интимности.

Ордынцевъ сразу понялъ это. Ознобъ, который онъ чувствовалъ еще съ утра, вдругъ усилился. Ему захотѣлось домой, захотѣлось поскорѣе согрѣться около Шуры, въ ласкѣ ея любви.

Ночью ему стало нехорошо. Докторъ, за которымъ послала встревоженная Шура, не сказалъ ничего опредѣленнаго.

— Много, вѣрно, поработалъ вашъ отецъ, а берегъ себя мало... Очень истощенный организмъ,—серьезно произнесъ онъ. И, желая успокоить Шуру, прибавилъ:—Да вы не тревожьтесь, милая барышня, пока ничего страшнаго нѣтъ.

Но Шура не могла не тревожиться и провела остатокъ ночи въ комнатѣ отца. Онъ впадалъ временами въ забытье, и, вѣрно, ему снились тяжелые сны; онъ невнятно бредилъ, сердился на кого-то и безпокойно ворочался на постели.

Проснулся онъ утромъ осунувшійся, какъ будто еще похудѣвшій.

— А ты не спишь, Шура? — съ безконечной нѣжностью глядя на свою любимицу, сказалъ онъ.

— Я ужъ выспалась, папочка. Какъ ты себя чувствуешь?

Она подошла къ постели и поцѣловала сухую и горячую руку отца.

— Лучше, гораздо лучше... Но я все-таки побалую себя, пролежу денекъ въ постели. А ты, дѣтка, напои меня чаемъ,

а потомъ зайди утромъ, до гимназіи, къ матери и скажи Ольгѣ, что я боленъ и прошу ее зайти.

— Хорошо. А можно мнѣ тоже не ходить сегодня въ гимназію? Мнѣ такъ хочется остаться съ тобой.—Она съ мольбой взглянула на отца.

— Конечно, можно. У насъ съ тобой сегодня будетъ отдыхъ.

III.

Шура прибѣжала къ матери и со слезами на глазахъ начала разсказывать о томъ, что папочка очень боленъ. Она была увѣрена, что если не мать, то, по крайней мѣрѣ, братья и Ольга поймутъ ея тревогу и поторопятся навѣстить отца. Но всѣ они спокойно продолжали пить кофе съ аппетитомъ и ѣли свѣжій хлѣбъ съ масломъ, и только отрывисто спрашивали взволнованную дѣвочку, что̀ сказалъ докторъ.

— Такъ, значитъ, опасности нѣтъ?—спросила мать.

— Нѣтъ, нѣтъ! Только онъ очень плохо себя чувствуетъ!—отвѣтила Шура.

Ей стало еще тоскливѣе среди нихъ. Она торопливо вскочила и стала прощаться.

— Такъ, пожалуйста, Ольга, приходи скорѣе. Папочка очень хочетъ тебя видѣть.

Полная розовыхъ надеждъ, предчувствуя уже счастье быть женой милліонера, Ольга неохотно шла къ больному, всегда раздражительному и рѣзкому съ ней старику. Но не пойти было, конечно, не ловко.

Стараясь быть какъ можно привѣтливѣе, она неслышно вошла въ комнату отца. При появленіи Ольги выраженіе его худого лица стало суровымъ.

— Здравствуй! Садись сюда. А ты, Шурочка, выйди пока. Мнѣ надо поговорить съ Ольгой.

Хорошенькое лицо старшей сестры сразу вытянулось. Это начало не предвѣщало ничего хорошаго. Она поняла, что отецъ будетъ бранить ее, и приготовилась къ отпору.

— Что̀ это у тебя за новая дружба съ Иваномъ Гобзинымъ?—спросилъ Ордынцевъ, глядя на дочь своими острыми, лихорадочно-блестѣвшими глазами.

— Я не понимаю, о чемъ ты говоришь? Какая дружба? Иванъ Прокофьевичъ, правда, довольно часто бываетъ у насъ...

Привѣтливая улыбка уже сбѣжала съ ея хорошенькаго личика и смѣнилась выраженіемъ тупого упрямства. Василій Николаевичъ хорошо зналъ это выраженіе. Онъ часто видѣлъ его прежде на лицѣ жены. И эта увертливая, чисто-бабья манера отвѣчать на вопросъ тоже была ему знакома.

— Часто бываетъ? А по ювелирнымъ магазинамъ онъ тебя тоже часто возитъ?—еще сдерживаясь, сквозь зубы проговорилъ онъ.

Ольга выпрямилась. «Откуда онъ знаетъ? Вѣрно, кто-нибудь насплетничалъ?» — мелькнуло въ ея легкомысленной головкѣ.

— Никуда онъ меня не возитъ!—обиженно, но осторожно отвѣтила она, желая сначала выпытать, что̀ извѣстно отцу.

— А вчера у Иванова зачѣмъ ты была съ нимъ? Неужели ты не понимаешь, что это неприлично!

— Я не вижу ничего неприличнаго. Мнѣ надо было отдать въ починку мамины серьги,—вотъ и все.

Въ ея словахъ не было ничего невѣроятнаго, но въ глазахъ мелькнуло что-то лживое и трусливое.

Отецъ поймалъ это выраженіе и не выдержалъ.

— Ты лжешь!—крикнулъ онъ, приподнимаясь на подушкѣ и почти съ ненавистью глядя на дочь.—На что ты идешь? Чего ты добиваешься? Неужели и ты будешь такая же лживая, какъ мать?

Онъ выкрикнулъ послѣднія слова съ какимъ-то злобнымъ отчаяніемъ и опять опустился на подушки, уже утомленный этой вспышкой.

Ольга вскочила. Въ первую минуту ее охватилъ тупой страхъ животнаго, которое могутъ прибить. Но отецъ уже смолкъ, безсильный и усталый, и страхъ ея прошелъ.

— Я не понимаю, что̀ ты кричишь на меня. Ничего худого я не сдѣлала. А если Гобзинъ ухаживаетъ за мной, то я надѣюсь, что въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго,—вызывающе сказала Ольга.—И я не знаю, почему ты удивляешься, что я похожа на маму. На кого же мнѣ больше походить? Вѣдь тебя мы почти не видали. Когда ты бывалъ дома, ты или работалъ, или ссорился съ мамой. Тебѣ некогда была говорить съ нами. И ты удивляешься, что мы теперь чужіе?

Ея голосъ звучалъ рѣзко. Ордынцевъ лежалъ съ закрытыми глазами. Безпощадныя слова дочери, правдивости которыхъ онъ не могъ, не смѣлъ отрицать, раздавались въ его больной головѣ, какъ тяжелые удары молота. Его злоба утихла, ему, какъ ребенку, хотѣлось молить о пощадѣ.

— Пусть ты права, Ольга, но неужели тебѣ самой не противно ухаживаніе этого наглаго, откормленнаго животнаго?—устало спросилъ онъ ее.

— Противно? Чѣмъ онъ хуже другихъ? По крайней мѣрѣ богатъ. Мнѣ не придется вѣчно перебиваться. Слава Богу, надоѣли ужъ эти грошовые разсчеты!—съ безсознательной же-

стокостью ограниченной эгоистки продолжала добивать отца Ольга.

— Да вѣдь пойми ты, что онъ не женится на тебѣ, что его назойливость только поставитъ тебя въ ложное и унизительное положеніе!

Ордынцевъ опять заволновался. Ему хотѣлось во что бы то ни стало убѣдить дочь, удержать ее отъ непоправимаго и позорнаго паденія.

— Отчего ты такъ думаешь? — обиженно сказала она. — Мама совсѣмъ иначе смотритъ на дѣло...

— Твоя мама...—началъ Василій Николаевичъ, но во-время удержался.—Мы съ Анной Павловной различно смотримъ на вещи. То, что она считаетъ возможнымъ, для меня ужасно...

Ольга разсердилась за недовѣріе отца къ сватовству Гобзина. Ей захотѣлось сорвать на немъ свою злобу и бросить ему въ лицо, что она считаетъ болѣе разумнымъ и пріятнымъ быть хотя бы содержанкой Гобзина, чѣмъ вѣчно бѣдствующей женой какого-нибудь несчастнаго чиновника. Но она взглянула на отца, и при видѣ его страдальческаго, осунувшагося и больного лица въ ея сердцѣ шевельнулась жалость. Она нагнулась къ отцу и коснулась его лба своими розовыми губами.

— Полно, папочка, не волнуйся. Ты боленъ и слишкомъ раздражаешься...

Они замолчали. Ордынцевъ съ ужасомъ чувствовалъ, что всѣ его слова, всѣ просьбы и укоризны разобьются о глухую стѣну непониманія, и онъ опять, Богъ знаетъ въ который разъ, съ болью и раскаяніемъ почувствовалъ, что онъ и старшія дѣти говорятъ на совершенно разныхъ языкахъ.

Ольга скоро ушла. Василій Николаевичъ долго лежалъ неподвижно съ закрытыми глазами. Шура, какъ мышенокъ, притаилась у окна, боясь потревожить отца. Она думала, что онъ спитъ, и была довольна. Ее пугала мысль, что споръ съ Ольгой, къ которому она съ тоской и страхомъ прислушивалась изъ сосѣдней комнаты, можетъ дурно отозваться на здоровьѣ отца.

Но Ордынцевъ не спалъ. Онъ чувствовалъ себя очень скверно и подумалъ о возможности близкой смерти. Безъ особаго сожалѣнія разстался бы онъ съ жизнью, если бы не Шура. И мысль о судьбѣ этой дѣвочки заставляла лихорадочно работать его возбужденный мозгъ. Его ненависть къ женѣ перешла въ брезгливое отвращеніе съ тѣхъ поръ, какъ онъ убѣдился, что она была содержанкой Козельскаго. Онъ отлично понималъ, что это именно содержаніе, а не связь, основанная на увлеченіи, которую онъ, конечно, не ставилъ бы въ упрекъ Аннѣ Павловнѣ.

Теперь онъ былъ увѣренъ, что она покровительствуетъ ухаживаньямъ Гобзина. Онъ зналъ, что если дочь тоже захочетъ пойти на содержаніе, мать не удержитъ ее, если условія покажутся ей выгодными.

И между этими двумя женщинами должна будетъ, въ случаѣ его смерти, расти его Шура. Одна мысль объ этомъ приводила Ордынцева въ содроганье, и онъ съ мучительнымъ упорствомъ искалъ выхода, съ ужасомъ чувствуя по временамъ, что его мысли теряютъ ясность и по временамъ начинаютъ застилаться туманомъ бреда.

Въ такія минуты онъ безпокойно начиналъ метаться на постели. Но Шура клала свою маленькую, холодную отъ волненія руку на его горячую голову, и ему становилось какъ будто легче.

Днемъ былъ докторъ. Онъ нашелъ у больного воспаленіе легкихъ, прописалъ лѣкарство и очень скоро ушелъ, какъ-то избѣгая встрѣчаться съ пугливо-вопросительнымъ взглядомъ дѣвочки.

Къ вечеру Ордынцевъ немного успокоился. Онъ нашелъ исходъ. Вызвавъ Леонтьева, онъ продиктовалъ ему письмо къ старику Гобзину. Онъ напоминалъ ему, что по условію онъ имѣетъ право 6 мѣсяцевъ болѣть, съ сохраненіемъ содержанія, и просилъ, въ случаѣ его смерти, выдать эти деньги Леонтьеву, съ тѣмъ, что тотъ, какъ опекунъ Шуры, обязанъ употребить ихъ на ея воспитаніе.

— Старикъ Гобзинъ выдастъ деньги... Онъ хоть и кулакъ, но честность есть... — слабымъ, прерывающимся голосомъ говорилъ Василій Николаевичъ, утомленный диктовкой. — Я хочу просить Вѣру Александровну взять мою дѣвочку къ себѣ... Я знаю, что умру...

— Зачѣмъ говорить такъ. Конечно, поправитесь. А Вѣра завтра же будетъ у васъ, — успокаивалъ больного Леонтьевъ, отлично понимавшій, что это дѣйствительно конецъ.

Когда Леонтьева на слѣдующій день вошла къ Ордынцеву, она сразу почувствовала, что передъ ней умирающій. Надвигающаяся смерть уже наложила свои тѣни на заострившееся, ставшее почти неузнаваемымъ лицо.

— Вы не оставите мою Шуру? Она не попадетъ туда? — тихо и съ разстановкой сказалъ онъ Леонтьевой, взявъ ея руку своей костлявой, похолодѣвшей рукой.

Въ его потухающихъ глазахъ вспыхнула мольба.

— Конечно, голубчикъ, вы знаете, что я всегда ее любила,— торопливо отвѣтила Вѣра Александровна, съ трудомъ сдерживая подступающія слезы.

Ей хотѣлось сказать ему, что онъ еще поправится, что не надо такъ унывать, но слова не шли съ языка. Она молча сидѣла у его постели, держа его руку въ своихъ рукахъ. Онъ понемногу впадалъ въ забытье.

На слѣдующій день Ордынцевъ умеръ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ отвѣтъ на одно изъ донесеній Никодимцева, онъ былъ вызванъ телеграммой въ Петербургъ.

Наскоро сдавъ свое сложное, большое дѣло помощнику, Григорій Александровичъ немедленно выѣхалъ, извѣстивъ телеграммой невѣсту.

Инна, счастливая неожиданнымъ возвращеніемъ жениха, радостно встрѣтила его на вокзалѣ и была поражена тѣмъ, какъ онъ похудѣлъ и измѣнился.

А онъ, несмотря на счастье свиданья, былъ огорченъ и угнетенъ тѣмъ, что пришлось такъ быстро бросить хотя и налаженное, но все-таки требующее его присутствія дѣло. И онъ не скрылъ этого отъ невѣсты, наскоро сообщая ей и о полученной телеграммѣ и о томъ, что имъ, очевидно, недовольны и навѣрное не пошлютъ больше въ голодающія мѣстности.

Пріѣхавъ домой, онъ переодѣлся и въ тотъ же день явился къ графу.

Его приняли любезно.

— Васъ вызвали для того, чтобы лично переговорить съ вами, Григорій Александровичъ, — съ снисходительной привѣтливостью пожимая своей породистой рукой руку Никодимцева, проговорилъ графъ. — Вы писали такія страшныя донесенія, какъ будто Россія находится на краю гибели и здѣсь мы ничего не понимаемъ. Мы писали, что вы очень увлекаетесь, и просили васъ не пугать общество и населеніе преувеличенно мрачными картинами, но вы не изволили обратить вниманія на совѣты государственной мудрости... Провинція, повидимому, произвела на васъ, впечатлительнаго человѣка, слишкомъ сильное впечатлѣніе...

Онъ опустился на кресло и жестомъ пригласилъ сѣсть Никодимцева.

— Вы правы, графъ. Впечатлѣніе очень сильное, — сухо отвѣтилъ Никодимцевъ.

— И, вѣроятно, еще усилилось благодаря вашимъ разстроеннымъ нервамъ. Вы просто устали, Григорій Александровичъ. Я слышалъ, что вы считали нужнымъ все время быть въ разъѣздахъ. А воображеніе утомленнаго человѣка всегда слишкомъ сильно работаетъ. Я только этимъ и могу объяснить

ваши короткія и — извините меня — неумѣренно горячія записки, которыми вы здѣсь всѣхъ напугали.

Его сіятельство говорилъ эти слова обычнымъ любезнымъ тономъ, но въ его маленькихъ глазахъ блестѣла насмѣшка. Это не смутило Никодимцева. Онъ и не ожидалъ другого пріема.

— Вѣдь я такъ и предупреждалъ, графъ, когда мнѣ сдѣлали честь послать меня въ голодающія губерніи, что я буду говорить то, что думаю, и описывать то, что вижу. Къ сожалѣнію, занятый спѣшной работой, я могъ только вкратцѣ отмѣчать печальные факты вопіющаго бѣдствія. Я надѣюсь теперь представить болѣе подробный докладъ.

— Не знаю, къ чему это вамъ нужно? — чуть-чуть пожимая слегка плечами и внимательно разсматривая свои отточенные ногти, произнесъ графъ. — Вы, кажется, уже и такъ достаточно били тревогу. И изъ-за чего? Право, можно подумать, что Россія пропадаетъ. Повѣрьте, милѣйшій Григорій Александровичъ, ничего съ нами не будетъ отъ того, что въ двухъ-трехъ губерніяхъ ощущается нѣкоторый недостатокъ въ продовольствіи. И ваше отношеніе къ тому, что вы называете громкимъ именемъ народнаго бѣдствія, положительно преувеличено. Право, я ожидалъ отъ васъ болѣе трезваго отношенія къ дѣлу.

Никодимцевъ слегка улыбнулся.

— Мнѣ очень грустно, что я не оправдалъ вашихъ ожиданій, графъ, но, къ сожалѣнію, я правъ. Положеніе осмотрѣнныхъ мною губерній дѣйствительно ужасно. И хуже всего то, что надвинувшаяся бѣда не есть временное, случайное явленіе, а нѣчто хроническое и упорное. И никакая, самая широкая филантропія не можетъ ничего сдѣлать. Нужны другія, болѣе радикальныя и общія мѣры. О нихъ-то я и хотѣлъ говорить въ своей докладной запискѣ. Я считаю это необходимымъ, такъ какъ въ петербургскихъ чиновничьихъ сферахъ не имѣютъ понятія о томъ, что творится въ глубинѣ Россіи.

— Это, конечно, ваше дѣло. Но, во всякомъ случаѣ, я вижу, что вы совсѣмъ измучены вашей командировкой, и я предлагаю отдохнуть нѣсколько времени. Не возвращаться туда, откуда вы вынесли такія мрачныя мысли, и не принимать департамента, — сухо сказалъ графъ, вставая и давая этимъ понять, что пріемъ оконченъ.

Никодимцевъ вышелъ отъ графа съ полнымъ сознаніемъ, что въ Петербургѣ хотятъ быть глухими и что онъ, безпокойный чиновникъ, не ко двору. Онъ мало сожалѣлъ объ этомъ, и его не манила снова бумажная дѣятельность. Но ему было обидно и тяжело, что его сейчасъ оторвали отъ работы, которою онъ былъ такъ сильно поглощенъ.

Инна, какъ будто еще сильнѣе привязавшаяся къ жениху за время его отсутствія, не жалѣла объ его служебныхъ неудачахъ. Скоро долженъ былъ окончиться ея процессъ о разводѣ. Они оба съ нетерпѣніемъ ожидали этого, чтобы тотчасъ же сыграть свадьбу.

Дѣла Козельскаго шли все хуже и хуже. Въ началѣ апрѣля они перебрались въ Царское, чтобы имѣть предлогъ, безъ особеннаго скандала, сдать квартиру и продать все болѣе цѣнное въ обстановкѣ. Но и это не могло ихъ спасти, а Николай Ивановичъ зналъ, что это только временная отсрочка полной несостоятельности.

Тина уѣхала за границу. Мать со слезами проводила ее, такъ и не догадываясь объ истинной причинѣ ея отъѣзда. Вообще Антонина Петровна, несмотря ни на что, продолжала жить въ какомъ-то пріятномъ невѣдѣніи, все еще строя идиллическіе планы ихъ новой, болѣе скромной и семейной жизни.

Передъ Пасхой Никодимцевъ получилъ назначеніе въ члены совѣта. Это было большимъ и обиднымъ пониженіемъ, но онъ отнесся къ нему довольно безразлично.

Онъ былъ всецѣло поглощенъ одной большой работой, задуманной имъ еще на голодѣ. Да и свадьба была уже близка.

Въ первыхъ числахъ мая Григорій Александровичъ съ невѣстой встрѣтили на музыкѣ въ Павловскѣ всю семью Ордынцевыхъ.

Ольга, нарядно и крикливо одѣтая, окруженная толпой молодежи, громко и весело болтала, очень довольная, что обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Рядомъ съ ней шелъ Алексѣй, съ своимъ обычнымъ самоувѣреннымъ видомъ разглядывая публику. Немного поодаль подъ руку съ какимъ-то господиномъ выступала Ордынцева, тоже нарядная и все еще красивая.

Они прошли мимо Инны Николаевны, какъ будто не замѣчая ея. Дочь разорившагося человѣка, невѣста Никодимцева, опала котораго была всѣмъ извѣстна, она больше не могла интересовать ихъ. Но Ольга все-таки довольно дерзко оглядѣла ее съ ногъ до головы и презрительно улыбнулась.

— А знаешь, мнѣ жаль ее, — сказала Инна Никодимцеву.

— Равнодушная къ позору... Да и мало ли у насъ равнодушныхъ даже среди неглупыхъ людей ко всему, кромѣ карьеры и наживы.. И я былъ чиновникомъ, пока не прозрѣлъ.

РАЗСКАЗЫ.

ОБА ХОРОШИ.

РАЗСКАЗЪ.

Посвящается Н. Н. Фирсову (Л. Рускину).

I.

Штормъ ревѣлъ цѣлую недѣлю.

Обледенѣвшіе пароходы и парусныя суда прятались отъ бури въ закрытыхъ рейдахъ и бухтахъ Черноморскаго побережья или отстаивались въ морѣ, стремительно раскачиваясь на вытравленныхъ канатахъ своихъ якорей.

Моряки, напряженно-серьезные, зябли на ледяномъ нордъ-остѣ и чаще вспоминали Бога, берегъ и близкихъ.

II.

Въ этотъ ледяной штормъ въ большой, холодной комнатѣ дома, у самаго моря, близъ Алупки, ходилъ взадъ и впередъ высокій, крѣпкій, слегка сутуловатый старикъ съ длинной сѣдой бородой. Онъ то и дѣло выходилъ на террасу и взглядывалъ своими острыми, небольшими, загоравшимися злымъ блескомъ глазами на бушующее море.

Прибойныя волны какъ бѣшеныя вздымались на высоту, и ихъ сѣдыя верхушки заливали берегъ и обкатывали окна нижняго этажа.

Водяная пыль обдавала худое морщинистое лицо старика, но онъ, казалось, не обращалъ на это никакого вниманія.

Онъ снова прислушивался къ гулу бури, снова взглядывалъ въ сѣдыя бѣснующіяся волны, возвращался въ залу и снова шагалъ взадъ и впередъ, опустивъ свою сѣдую голову. Изъ груди по временамъ вырывались тяжелые вздохи. По временамъ старикъ встряхивалъ свою голову, словно бы отгоняя тяжелыя мысли, приникалъ къ окну и задумывался.

Вотъ ужъ три года какъ живетъ въ этомъ небольшомъ домѣ у моря Алексѣй Ивановичъ Долининъ.

Онъ живетъ одиноко, почти никто его не навѣщаетъ.

Нелюдимый, и онъ никуда не ходитъ. Днями онъ шагаетъ по комнатѣ и съ террасы любуется моремъ, а по долгимъ безконечнымъ вечерамъ, когда нерѣдко завываетъ вѣтеръ въ трубахъ и раздается визгъ ставней и дверей, онъ сидитъ въ креслѣ за книгой. Но часто онъ отрывается отъ нея и думаетъ какую-то долгую думу.

Всѣ въ этой мѣстности знаютъ, что Алексѣй Ивановичъ Долининъ — изъ Петербурга.

Благодаря нелюдимости Алексѣя Ивановича его прозвали хмурымъ бариномъ. Про хмураго барина сложились цѣлыя легенды.

Одни говорили, что онъ — бывшій сановникъ; другіе, что онъ — просто профессоръ-чудакъ, имѣвшій какія-то семейныя непріятности и потому жившій одиноко въ Крыму; третьи наконецъ считали Долинина тронутымъ. Но всѣ рѣшили, что онъ безпокойный и непріятный человѣкъ, избѣгавшій знакомствъ съ сосѣдями и дружившій только съ татарами.

III.

Сегодня хмурый баринъ былъ особенно мраченъ и раздражителенъ. Онъ то и дѣло дотрогивался до электрическаго звонка.

Когда входилъ, ловко и мягко ступая по комнатѣ, старый, низенькій, сухощавый, поджарый татаринъ Абдулъ, жившій у Долинина нѣсколько лѣтъ, старикъ рѣзко спрашивалъ:

— Почтальона не было?

— Не было, бачка, — неизмѣнно отвѣчалъ татаринъ.

— А почта не проѣзжала?

— Сейчасъ проѣхала.

И, замѣтивъ, что Долининъ омрачился, татаринъ ласково прибавилъ:

— Еще, можетъ, тяжелая почта подойдетъ, тебѣ и будетъ письмо, а ты дурныя мысли брось. Аллахъ все перемѣнитъ. Твой Аллахъ такой же, какъ и нашъ. Захочетъ накажетъ, захочетъ проститъ. А хочешь, Абдулка отнесетъ на станцію телеграмму, и отвѣтъ получишь. Только напрасно монеты бросаешь.

— Не надо, — отвѣтилъ Долининъ.

— И хорошо. Монеты даромъ не уйдутъ. А пора тебѣ, бачка, ѣсть, уже первый часъ, а ты не ѣвши.

— Не хочу.

— Такъ хочешь я сбѣгаю въ Байдары. Твоего знакомаго барина позову?

— Спасибо. Не надо.

— «Не надо, не надо»... такъ одинъ и останешься. Вовсе заскучаешь. Ты послушай Абдулку: какъ человѣкъ одинъ, всякая дурная мысль и пойдетъ въ башку. Даже и коза и баранъ не любятъ одни.

Алексѣй Ивановичъ улыбнулся и почти нѣжно проговорилъ:

— И чего ты со мной, Абдулъ, остаешься? Жалованье получаешь маленькое, подарковъ не дѣлаю, а ты вотъ ходишь за мной какъ нянька... Уходи, и я, братъ, не буду сердиться... Я знаю тебя. Въ Симеизѣ тебѣ предлагаютъ мѣсто садовника, тамъ и больше карбованцевъ... и жить тамъ на большой дачѣ лучше... И народъ... А здѣсь, съ хмурымъ бариномъ, эко веселье... Оставляй меня лучше.

— Тебѣ хорошо и мнѣ хорошо. Даромъ что Алла строгій къ чужой вѣрѣ. Помню, что ты коня мнѣ купилъ и дочку вылѣчилъ. Добро-то я помню.

— И дуракъ ты, Абдулка, что помнишь, — рѣзко сказалъ Долининъ. — Лучше не помнить. И тебѣ веселѣе будетъ. И карбованцевъ больше.

— И худо ты Абдулку понимаешь. А еще ученый человѣкъ и говорилъ, что вашъ Аллахъ добрый... Такъ сбѣгать?

— По этакому-то холоду?

— Одѣлся въ тулупъ и айда!

— Не нужно, не ходи.

Хмурое лицо Долинина освѣтилось мягкой улыбкой. Онъ порывисто пожалъ руку татарина и отвернулъ отъ него взволнованное лицо.

Раздался сильный стукъ за дверями. Татаринъ выбѣжалъ.

IV.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ молодой человѣкъ въ полушубкѣ, съ закраснѣвшимся отъ холода лицомъ, и быстрыми шагами направился къ Долинину.

Передъ нимъ былъ его сынъ Николай.

Словно бы нарочно, старикъ сталъ еще хмурѣе.

— Пожаловалъ? — сдержанно и, казалось, недовольно спросилъ старикъ.

А у самого сердце билось отъ радости.

Онъ протянулъ свою маленькую, бѣлую барскую руку, отстраняясь отъ поцѣлуевъ сына, и спросилъ:

— Вѣрно, ѣдешь въ Севастополь?

— Нарочно пріѣхалъ провѣдать, слышалъ, что ты боленъ.

— Что-жъ, спасибо. Очень радъ. Абдулъ, поскорѣй самоваръ! Да скажи Марѳѣ, чтобы живо закусить. Я, братецъ, обѣдаю въ три, а ты, можетъ-быть, проголодался... Преуспѣваешь, конечно? — съ ироническою ноткой произнесъ старикъ.

— Ничего себѣ. Попрежнему доцентомъ.

— А я, какъ видишь, не преуспѣваю. Кури, братъ. Что-жъ, Абдулка, не даютъ! Да скорѣй!

И нетерпѣливый старикъ выбѣжалъ изъ комнаты распорядиться.

V.

Курчавый и красивый брюнетъ, лѣтъ подъ тридцать, снялъ съ себя полушубокъ и остался въ щеголеватой дорожной австрійской курткѣ на мѣху.

Онъ внимательно оглядѣлъ плохо прибранную комнату съ большимъ письменнымъ столомъ посрединѣ, на которомъ стояла большая фотографія какой-то красивой молодой женщины и въ безпорядкѣ лежали книги и журналы. Вездѣ валялись окурки папиросъ, вездѣ былъ пепелъ и много пыли. Все въ этой комнатѣ напоминало о заброшенности старика.

Въ головѣ молодого человѣка невольно пробѣгали мысли о прошломъ времени, когда еще онъ мальчикомъ-гимназистомъ былъ другомъ отца и любилъ его безгранично. Отецъ тогда, казалось, любилъ безъ памяти сына, не разъ разговаривалъ съ нимъ и совѣтовался, какъ съ равнымъ. Нерѣдко онъ вмѣстѣ съ нимъ готовилъ уроки, ѣздилъ съ нимъ на шлюпкѣ подъ парусами, разсказывая сказки и интересныя исторіи. Тогда они были неразлучны...

А потомъ...

У молодого человѣка уже не было той любовной жалости, которая прежде по временамъ загоралась въ сердцѣ мальчика, когда отецъ, бывало, тосковалъ и прихварывалъ. Но зато теперь молодой человѣкъ сталъ серьезнѣе и гораздо проще и трезвѣе смотритъ на отца. Онъ видитъ его не въ прежнемъ идеальномъ свѣтѣ. Ореолъ уже исчезъ.

«А все еще хорохорится и считаетъ себя умнѣе другихъ!»

Такъ подумалъ сынъ, и ему было и досадно и обидно, что отецъ принялъ его такъ сухо.

«Эгоистомъ онъ сталъ!»—рѣшилъ Николай.

То же самое думалъ о сынѣ и отецъ, когда, вернувшись въ комнату, глядѣлъ въ жизнерадостное, покойное лицо сына.

«Самодоволенъ... конечно, считаетъ себя безупречнымъ... И благополученъ... А я!?»

И старикъ напустилъ на себя еще бо́льшую безстрастность, когда спросилъ:

— Попрежнему у васъ нынче каждый за себя, а Богъ за всѣхъ?

— Въ родѣ того, отецъ. А ты все еще не угомонился?

— Какъ видишь, Коля,—отвѣтилъ старикъ и прибавилъ:— Пей лучше чай и закусывай... Я нарочно заказалъ для тебя битки въ сметанѣ. Ты любишь, кушай, а то поругаемся.

— Дѣйствительно я голоденъ.

Послѣ закуски Николай освѣдомился о дѣлахъ отца.

Отецъ поморщился, точно отъ зубной боли, и ничего не отвѣтилъ.

— Можетъ-быть, тебѣ нужны деньги? Такъ я могу.

У старика закипѣла злость. Онъ вспомнилъ, что ради этого сына, когда тотъ былъ мальчикомъ и заболѣлъ, онъ закладывалъ послѣднія вещи и потомъ для него готовъ былъ снять рубашку, а Николай теперь вмѣсто того, чтобы прислать отцу денегъ, спрашиваетъ, нужны ли онѣ ему.

— Спасибо! Мнѣ денегъ не нужно...—промолвилъ Долининъ.—Бывали плохіе дни, такъ у меня банкиръ есть.

— Банкиръ? Гдѣ ты и здѣсь отыскалъ банкира?—не безъ улыбки спросилъ Николай.

— А вотъ этотъ самый Абдулка гдѣ-то достаетъ. И смотри, какой дуракъ этотъ татаринъ,—иронически усмѣхнулся старикъ:—не спрашиваетъ, нужны ли деньги, а приноситъ до пенсіи. Ну, а твои какъ дѣла, Николай?

— Я, отецъ, по одежкѣ протягиваю ножки,—отвѣтилъ Николай.

— Молодецъ! Радъ, что ты не въ меня. Надѣюсь, долговъ у тебя нѣтъ?

— Ни гроша!—не безъ горделивости отвѣтилъ Николай.

— Ну, а я,—произнесъ старикъ: — бываю легкомысленъ. Долги есть и порядочные.

Прошло нѣсколько мгновеній въ молчаніи.

Но старикъ, по обыкновенію, не удержался, чтобы не сказать насмѣшливымъ тономъ:

— Ты, конечно, въ восторгѣ отъ новѣйшихъ геніевъ?

— Еще бы! Они открыли новые пути. Они описываютъ тѣ ощущенія и ту правду, до которой не осмѣливались дойти ваши старые корифеи, тѣ только показывали частицу правды, а не всю... А у нашихъ писателей и смѣлость и сила. Они ни передъ чѣмъ не испугаются.

— Дѣйствительно они ничего не боятся и показываютъ себя во всемъ самодовольномъ блескѣ невѣжества,—презри-

тельно перебилъ старикъ.—Вмѣстѣ съ твоими любимцами ты, вѣрно, беззаботенъ относительно старой литературы?.. Идей въ художествѣ не нужно? Одни настроенія? Разумѣется, и модная пѣвичка для васъ предметъ поклоненія?

— Отчего-жъ, если талантъ.

— Вотъ отъ такихъ-то талантовъ во всѣхъ видахъ вы и приходите въ телячій восторгъ. Они для васъ и учители жизни. Отъ каждаго невѣжественнаго и необразованнаго генія, незнакомаго даже ни съ какимъ учебникомъ исторіи, вы ждете отвѣта на тѣ жгучіе вопросы, надъ которыми работали геніальные люди во всѣ вѣка... Впрочемъ, что же мудренаго? Вѣдь всегда найдутся десять болвановъ, которые произведутъ одиннадцатаго въ геніи... Да, у васъ позорное пониженіе литературнаго вкуса. Толстой для васъ уже устарѣлъ. Вы даже не понимаете всей силы геніальнаго писателя. Ну, скажи по правдѣ, ты читалъ Шекспира? Читалъ Гоголя? Слышалъ о Добролюбовѣ и Чернышевскомъ? Читалъ ли когда-нибудь о томъ, какъ устроилась жизнь людская и почему она для большинства невозможна? Заговорила ли когда-нибудь въ тебѣ потребность исканія правды? Возмущала ли тебя несправедливость? Нѣтъ! Я видѣлъ только трезвенное отношеніе... трусливость животнаго, боящагося за свою шкуру,—трусливость, которую вы прикрываете разсужденіями, основанными, разумѣется, на настроеніяхъ и якобы на наукѣ... И еще мало унижаетъ тебя твой патронъ. Съ вами все можно!—раздраженно воскликнулъ Долининъ.—Конечно, онъ другимъ, по-твоему, быть не можетъ, такой темпераментъ и такова неумолимая сила инстинктовъ домашняго прирученнаго животнаго. Подобныя объясненія вдобавокъ крайне удобны и могутъ все объяснить... Даже предательство Іуды...

— Отецъ, ты опять ругаешься... Вѣрно, печень? Или ты получилъ какое-нибудь интересное письмо?—ядовито прибавилъ Николай.—Лучше не будемъ говорить.

— Ты правъ. Не будемъ.

И старикъ почувствовалъ, что сынъ—почти чужой ему. Прежней беззавѣтной любви, которая была у отца раньше, когда Коля былъ мальчикомъ, теперь не было. Между ними была какая-то пропасть, и она не могла заполниться привязанностью отца.

Николай, казалось, не оскорбился и началъ разсказывать о своихъ работахъ, о знакомыхъ, о музыкѣ, но о литературѣ какъ будто боялся говорить, чтобы не раздражать отца. Обходилъ и другіе вопросы, на которыхъ они могли разойтись.

Виноватый и болѣзненный видъ старика, казалось, тро-

нулъ сына. Онъ видимо жалѣлъ, хотя внутренно и слегка презиралъ его.

VI.

А чуткій старикъ еще болѣе раздражался и тоже, какъ и сынъ, старался сдерживаться.

Но все-таки не могъ не искривить своихъ губъ, когда спросилъ:

— Ну, а что подѣлываетъ твой двоюродный братецъ и другъ Вася?

— Онъ въ Италіи.

— Боленъ?

— Нѣтъ, здоровъ.

— Поѣхалъ туда какъ художникъ? Работать?

— Нѣтъ, не работаетъ.

— Что же онъ тамъ дѣлаетъ?

— Нюхаетъ розы и лиліи... Смотритъ на море. Любуется облаками.

— Въ томъ и все его занятіе?

— Вася любитъ природу.

— А люди его не интересуютъ?

— Развѣ онъ виноватъ, что интересуетъ его одно, а не другое.

— И болванъ!—внезапно закипая гнѣвомъ, воскликнулъ Долининъ. И, окидывая сына презрительнымъ холоднымъ взглядомъ, прибавилъ:

— Конечно, и ты одобряешь занятія двоюроднаго братца?

— Я не одобряю и не порицаю.

— Безразличіе? Да развѣ ты не отличаешь чернаго отъ бѣлаго?

— Кажется, умѣю, какъ и ты. Но мы можемъ имѣть разные фокусы зрѣнія.

— А когда бьютъ человѣка? У тебя тоже разные фокусы зрѣнія?

— Все зависитъ отъ нашего настроенія и обстоятельствъ.

— Конечно, ты будешь, Николай, счастливѣе. А если еще со временемъ поглупѣешь, то окончательно будешь счастливъ, какъ Иванушка-дурачокъ... Сказка справедлива... Особенно по нынѣшнимъ временамъ... Умъ не въ авантажѣ, если вдобавокъ при немъ есть совѣсть. Впрочемъ, это слово упразднено. Только настроенія и физіологія. Молодцы вы стали! Главное, ума у васъ мало. Впрочемъ, «это отъ Бога».

— Значитъ, ты и неудачникъ отъ того, что слишкомъ уменъ?—спросилъ, раздражаясь, Николай.

— А ты какъ думаешь?

— Думаю, что каждый человѣкъ пожинаетъ то, что посѣялъ. Иначе говоря, поступки являются результатомъ темперамента и натуры.

— Шопенгауэра начитался? А принциповъ и внѣшнихъ обстоятельствъ не признаёшь?

— Кажется, умъ и заключается въ томъ, чтобы человѣкъ могъ бороться съ обстоятельствами именно въ то время, когда эта борьба возможна. Если не умѣешь плавать и бросишься въ воду, неминуемо погибнешь. Кажется, это ясно, какъ дважды-два—четыре... А ты хочешь отъ насъ...

— Отъ кого отъ васъ? — нетерпѣливо и озлобленно перебилъ Долининъ.

— Хотя бы отъ меня, — отвѣтилъ Николай. — И, прости, отецъ, меня удивляетъ твое высокомѣріе. Теперь точно въ модѣ говорить о молодежи съ презрѣніемъ.

— Неправда! Не о всякой молодежи. Есть славная молодежь. Она доказала и на голодѣ и на холерѣ. Я говорю о новѣйшихъ настроеніяхъ у нѣкоторой части молодежи и особенно у молодыхъ «сверхчеловѣковъ».

Николай не слушалъ отца и, оскорбленный, продолжалъ:

— Мы, молъ, въ героевъ, а вы пошляки. Право, отецъ, это не убѣдительно и даже старо. Положимъ, что мы въ герои не лѣземъ, не принимаемъ на вѣру никакихъ красивыхъ фразъ... Мы поняли, что онѣ ни къ чорту... Мы вѣримъ только наукѣ и настроеніямъ своей души. Жизнь—равнодѣйствующая всевозможныхъ естественныхъ сочетаній во времени и пространствѣ. Все должно имѣть причины. Я чувствую въ своей душѣ своего Бога, и мое міровоззрѣніе не похоже на твое.

— Ну, еще бы!

— Ты, конечно, увѣренъ, что вы нашли истину. А мы знаемъ, что только ее ищемъ. И если наши исканія тебѣ не нравятся, то почему ваши должны нравиться намъ?.. И почему они лучше? А главное, чего вы достигли? Ни людямъ ни себѣ. А умѣнье заботиться о себѣ, въ то же время заботясь о другихъ? Скажи, на какомъ основаніи со своей истиной ты такъ озлобленъ и одинъ? Даже тотъ, котораго ты считаешь единственнымъ другомъ, какъ кажется, только пишетъ ласковыя письма.

Старика передернуло, особенно отъ напоминанія сына объ «единственномъ другѣ». Скулы на его лицѣ задергались, глаза блеснули злымъ блескомъ, и онъ сдавленнымъ голосомъ, полнымъ злости, проговорилъ:

— Я вижу, что въ твоей переоцѣнкѣ я заслуживаю приговора.

— Мы не приговариваемъ, отецъ. Мы только констатируемъ. Приговариваете вы, и какъ жестоко. Мы живемъ, какъ велитъ жизнь. Кто силенъ, здоровъ и умѣетъ бороться, тотъ и достигаетъ намѣченной цѣли. Довольно намъ возвышенныхъ

стремленій, когда нужно жить! Мы—не ангелы, но стремимся къ божеству, живущему въ насъ, какъ и во всякомъ существѣ и растеніи. И что же ты сдѣлалъ, чтобы мы были иными?—спросилъ Николай.

Старикъ призадумался.

«Въ самомъ дѣлѣ, что же я сдѣлалъ?»—подумалъ отецъ.

А между тѣмъ сынъ продолжалъ:

— Ты правды не любишь. Любишь говорить свою правду только другимъ, а мы или восторгайся вами, или не смѣй говорить то, что думаешь. Всю жизнь говорите о свободѣ мнѣній, а только-что откроешь ротъ—дуракъ. И вѣдь многихъ увѣрили, что соль земли—вы, оттого только, что прогулялись въ отдаленныя мѣста или бросили профессуру по независящимъ обстоятельствамъ. Вы думаете, что рѣшаете соціальную проблему, хвалитесь тѣмъ, что можете питаться медомъ и акридами, и въ то же время въ душѣ мечтаете о богатствѣ, о прелестяхъ роскошной жизни, о женщинахъ... ты...

— Ну что-жъ, ты, слава Богу, умникъ — говори. Правды не побоюсь. Даже прошу,—остановилъ сына отецъ.

— Къ чему же? Тебя не убѣдишь.

— Попробуй. Очень радъ буду наконецъ понять, чего ты хочешь отъ жизни, и, главное, узнать, чѣмъ мы виноваты передъ вами? Развѣ только тѣмъ, что мы не готовили васъ къ разумной жизни. Ты правъ. Виноваты мы. Мы думали, что вы поймете наше несчастное поколѣніе, при которомъ все-таки было освобожденіе крестьянъ. Начало сдѣлано. Вамъ теперь докончить его, чтобы крестьяне были дѣйствительно освобождены. А вы развѣ о народѣ думаете? Вы думаете только о собственномъ благополучіи. Мы хоть надѣялись... сомнѣвались. А вы? Даже нѣтъ ни надеждъ ни сомнѣній... Лучше видоизмѣненный видъ современнаго, влюбленнаго въ себя животнаго... Только непонятное лепетаніе объ изгибахъ души, о правѣ свободы впечатлѣній и совершенное отрицаніе нравственнаго закона. Никакой задержки нѣтъ... Ну, приговаривай меня! Что-жъ ты молчишь? Говори же!—вдругъ бѣшено крикнулъ старикъ.

— Ты, конечно, самъ знаешь, отчего ты одинокъ и отчего въ послѣднее время особенно волнуешься и злишься, и негодуешь, что семья тебѣ мѣшаетъ, къ чему же мнѣ говорить.

— Говори!—бѣшено крикнулъ отецъ.

— Изволь, только прошу постараться не браниться.

— Постараюсь, — иронически отвѣтилъ отецъ: — кстати и закурю сигару. По крайней мѣрѣ подсудимому будетъ легче перенести судебный приговоръ.

VII.

Молодой человѣкъ прихлебнулъ кофе, закурилъ сигару и началъ:

— Ты самъ заставилъ меня не быть идеалистомъ. И слава Богу, по крайней мѣрѣ не гоняюсь за призраками. Я признаю то, что чувствую, и изъ внѣшняго міра то, что отражается въ моей душѣ... А ты живешь не въ дѣйствительности, а въ мечтахъ, ласкающихъ только твое гигантское самолюбіе. Скажи по правдѣ, развѣ ты мною много интересовался? Хотѣлъ проникнуть въ мою душу? Понялъ ея исканія? Ты баловалъ, ласкалъ меня, заботился, чтобы мнѣ было матеріально хорошо, и все-таки я былъ любимый, но совсѣмъ чужой для тебя мальчикъ... Да ты, вѣроятно, и думалъ: «Ребенокъ, что онъ можетъ понимать и чувствовать». А я все болѣе и болѣе замыкался въ себѣ и былъ заброшеннымъ, и понималъ и думалъ про себя. Подавалъ ли ты самъ примѣръ того, о чемъ ты такъ горячо говорилъ?.. Особенно дамамъ, да еще красивымъ и которыя тебя слушали, съ тобою кокетничали, и ты за ними ухаживалъ, забывая, что вторая молодость смѣшна, какъ запоздалая страсть, и ставитъ тебя въ глупое положеніе,—ядовито прибавилъ Николай.

— Ну, дальше,—сказалъ отецъ, когда сынъ примолкъ, прищурилъ свои красивые глаза и наморщилъ лобъ, словно бы обдумывая свою дальнѣйшую рѣчь.

— Такъ я продолжаю. Ты любишь говорить о нравственномъ законѣ и смѣешься надъ правомъ человѣка отдаваться своимъ настроеніямъ и впечатлѣніямъ. А у тебя какой же этотъ нравственный законъ, или такъ-называемая совѣсть?

Отецъ невольно опустилъ голову.

VIII.

А сынъ, словно бы не замѣчая страдальческаго и озлобленнаго лица отца, сознающаго правоту обвиненія, говорилъ:

— Тебя въ семьѣ сперва любили, потомъ тебя боялись. Ты всегда бывалъ раздраженъ. Не могли же дѣти знать о твоихъ всякихъ,—подчеркнулъ сынъ:—неудачахъ, но вѣдь ты свои личныя раздраженія переносилъ на близкихъ. А вѣдь ты думаешь, что ты любишь близкихъ, что ты добръ. Положимъ, твой характеръ и темпераментъ отъ тебя не зависятъ, но дѣтямъ-то какое дѣло, что у тебя такой характеръ и такой темпераментъ? Отъ этого сознанія намъ было не легче. Эти рѣзкіе переходы отъ грубости къ ласкѣ заставляли насъ сторониться, и я рано уже понялъ, что слова—одно, а жизнь другое.

Въ гимназіи, разумѣется, я еще яснѣе видѣлъ разницу между тѣмъ, что говорили нѣкоторые учителя и что дѣлали... Мало-по-малу во мнѣ явилось то равнодушіе къ великимъ старикамъ, о которыхъ ты любишь говорить, и къ тебѣ. Вездѣ говорили и хвалили исполненіе долга, самоотверженіе, любовь къ ближнему, вѣрность слову. Короче, все то, на что ловится каждое молодое сердце... А между тѣмъ ты самъ былъ такой?

— Нѣтъ,—глухо отвѣтилъ отецъ. — И за это наказанъ, — прибавилъ онъ.

— Кто наказываетъ? И совсѣмъ не за то. Ты не лучше, не хуже другихъ людей своего поколѣнія. Твой «нравственный законъ» не могъ удержать тебя отъ впечатлѣній. Ты такой же человѣкъ. Я не судья твой, повторяю, я хочу только выяснить, что ты не правъ относительно меня.

— Спасибо, спасибо. Продолжай... Я научусь уму-разуму.

— Не иронизируй, отецъ. Ты требовалъ мнѣнія, такъ слушай...

— Слушаю...

И молодой человѣкъ еще болѣе докторальнымъ тономъ продолжалъ:

— Ты не стоишь на той точкѣ зрѣнія, на какой стою я.

— Это та, что мы—улучшенный видъ животнаго?

— Наша и его цѣль одна—жить. И каждый приспособляется къ жизни такъ, какъ для него удобнѣе и лучше. Подумай, развѣ не то же самое продѣлываютъ люди? И ты, воображающій себя на какихъ-то высяхъ, въ то же время, не сердись, поступалъ, какъ самое обыкновенное животное, съ низменными, какъ вы же говорите, инстинктами. А они, замѣть, не могутъ быть ни высокими ни низменными, а просто—естественными. Поборотъ ихъ, конечно, случается, но ты дѣлалъ это только на словахъ. Ты былъ хорошій мужъ? Развѣ ты не мучилъ женщину, которая тебя любила, когда увлекался другими? Снова говорю, что, съ моей точки зрѣнія, твои увлеченія естественны, но зачѣмъ же говорить о какой-то безнравственности, когда жена оставляетъ мужа и сходится съ другимъ.

— Не о томъ говорятъ!—бѣшено крикнулъ Долининъ.—Не въ томъ дѣло, что жена разлюбила мужа. Любовь свободна, безнравственна ложь.

— Что такое нравственность, это—еще вопросъ. Мужъ и жена такія же животныя, такъ что-жъ ты требуешь отъ нихъ того, чего не исполняешь самъ. Или исполнялъ? Отвѣть.

— Не исполнялъ, но я по крайней мѣрѣ не лгалъ и одновременно никогда не былъ мужемъ двухъ женщинъ,—прибавилъ Долининъ, словно бы стараясь оправдаться передъ сыномъ.

И странное дѣло: чѣмъ болѣе Долининъ считалъ себя словно бы виноватымъ передъ сыномъ, тѣмъ болѣе молодой судья начиналъ смягчаться и самъ въ душѣ старался оправдать отца, съ своей точки зрѣнія, и относиться къ нему уже не съ прежнею строгостью.

Долининъ, напротивъ, злился на сына еще болѣе за то, что Николай снисходитъ къ отцу и въ то же время говоритъ ему, и такъ безжалостно, очень тяжелыя для него вещи. Особенно намекаетъ на его дружбу, которая возмущала семью.

И для отца словно бы явилось откровеніемъ, что сынъ проповѣдуетъ увѣренно и спокойно то, что̀ отецъ считаетъ возмутительнымъ.

«Невмѣняемъ онъ, что ли?»—подумалъ старикъ. И лицо его стало̀ мрачнымъ.

— Такъ ты думаешь, что въ любви одинъ только чувственный пылъ?—воскликнулъ отецъ.

— Почти что такъ. Да и ты, кажется, отецъ, любилъ женщинъ не только ради ихъ прекрасныхъ душъ?

— Врешь! И о душѣ думалъ. Ты, вѣрно, еще не любилъ?

— Конечно, любилъ. По крайней мѣрѣ, когда я цѣлую женщину, я не говорю ей о соціальныхъ проблемахъ, какъ дѣлаете вы. Хотите тѣла и, чтобы добиться его, соблазняете женщину исправленіемъ міра. Это что̀ же, по вашему старому стилю лучше, чѣмъ по новому?

— А вы въ это время смакуете тонину любовнаго настроенія? И послѣ разойдетесь, какъ двѣ собаки?

— По крайней мѣрѣ безъ обмана.

— Да. Ты правъ! Вы безъ обмана,—презрительно усмѣхнулся старикъ.

И внезапно бѣшено крикнулъ:

— Намъ больше разговаривать нечего. Иди, иди, оставь меня одного!

Сынъ пожалъ плечами и вышелъ.

Старикъ снова заходилъ по кабинету.

Безотрадныя мысли проходили въ его головѣ. Онъ вспомнилъ всю свою прошлую жизнь. И чѣмъ болѣе вспоминалъ, тѣмъ тяжелѣе становилось на его душѣ. Онъ чувствовалъ себя безконечно виноватымъ передъ сыномъ и навсегда одинокимъ.

— Оба мы хороши!—съ тоской прошепталъ старикъ.

IX.

Черезъ два дня отецъ съ сыномъ разстались холодно. Оба были какъ будто довольны, что разстаются.

МУНЬКА.

Разсказъ.

I.

Мунька,—такъ названный въ счастливомъ дѣтствѣ однимъ гимназистомъ,—молодой дворняга, далеко не казистой наружности, проживалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ дровяномъ подвалѣ большого дома за № 12, по Пятой Рождественской улицѣ на Пескахъ.

Въ послѣднее время Мунька былъ вынужденъ самъ заботиться о себѣ и—главное—добывать пропитаніе.

Нельзя сказать, чтобы его репутація была безукоризненна. Особенно повредилъ ей хозяинъ мясной лавки въ сосѣднемъ домѣ.

Онъ разсказывалъ поварамъ и кухаркамъ о томъ, какой дерзкій воръ этотъ «подлецъ» рыжій песъ. Бывало, влеталъ въ лавку, когда было много покупателей, схватывалъ кусокъ мяса—не разбирая, «мерзавецъ», какого сорта говядина — и удиралъ... Поймай-ка разбойника! И только послѣ многихъ случаевъ грабежа его наконецъ такъ «огрѣли» полѣномъ, что рыжій Мунька едва унесъ ноги. Зато съ тѣхъ поръ обѣгаетъ лавку.

— Зайди только, подлецъ. Такъ «огрѣемъ», что ужъ больше не встанешь! Не воруй!—съ благороднымъ негодованіемъ прибавлялъ толстый, краснорожій мясникъ съ маленькими плутоватыми глазами, охотно помогавшій кухаркамъ обсчитывать хозяевъ.

Разсказывали кое-что о стянутой Мунькой колбасѣ и въ мелочной лавкѣ.

Но зато въ домѣ, гдѣ проживалъ Мунька, онъ ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ.

Жильцы на него не жаловались. Повара и нѣкоторыя кухарки даже не безъ тайнаго сочувствія къ смѣлости Муньки слушали и мясника и хозяина мелочной лавки о воровскихъ

продѣлкахъ собаки. Но никто изъ нихъ не приманивалъ Муньки къ кухнѣ, нисколько не облегчая тяжелаго его положенія. Старшій дворникъ Михайла Ивановичъ, изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, строго слѣдившій, чтобы въ домѣ не было безпорядка, и не безъ самомнѣнія увѣрявшій, что видитъ «наскрозь» не только жильца, но и «животную», смотрѣлъ сквозь пальцы на несовсѣмъ законное пребываніе въ домѣ собаки, никому не принадлежавшей. Однако не особенно дружелюбно посматривалъ на «безпаспортнаго», какъ называлъ Муньку, и, случалось, «ошарашивалъ» его пинкомъ, будто бы «для порядка», но, какъ кажется, главнымъ образомъ за то, что Мунька, при рѣдкихъ, впрочемъ, встрѣчахъ со старшимъ дворникомъ,—не обнаруживалъ надлежащаго почтенія и, повидимому, не получилъ въ дѣтствѣ хорошаго собачьяго воспитанія. Онъ не повиливалъ покорно опущеннымъ хвостомъ, а, напротивъ, довольно задорно помахивалъ имъ, высоко закрученнымъ въ видѣ кренделька; ласково не оскаливалъ своей рыжей съ бѣлыми пятнами морды и не придавалъ своимъ умнымъ и зоркимъ глазамъ выраженія уваженія и мечтательности. Все, чѣмъ Мунька выражалъ невольное уваженіе, заключалось въ томъ, что съ независимымъ видомъ ни въ чемъ не провинившагося пса отходилъ подальше отъ этого высокаго, плотнаго и бородатаго брюнета.

Мунька имѣлъ основаніе не питать къ нему симпатіи и не очень-то довѣрять не только его сосѣдству, но даже и присутствію на дворѣ. Вотъ почему Мунька предусмотрительно старался не попадаться на глаза старшему дворнику, особенно въ праздничные дни, когда Мунькѣ казалось, что большіе, круглые и слегка выкаченные глаза Михайлы Ивановича становились неподвижнѣе, круглѣе и страшнѣе, толстое его лицо походило на алый кирпичъ, и голосъ напоминалъ ревъ паровой конки, однажды очень испугавшій Муньку во время одной изъ его дальнихъ прогулокъ.

Въ будни Мунька, какъ оглашенный, бѣгалъ и прыгалъ по двору, заигрывалъ съ двумя пріятелями, дворовыми мальчиками, заговаривалъ съ сетеромъ Джекомъ и чернымъ пуделемъ Умнымъ и почтительно посматривалъ въ отдаленіи на громаднаго датскаго дога Милорда, всегда молчаливаго, строгаго и серьезнаго, не смѣя съ нимъ заговорить. На Джипси, показывавшуюся весной на дворѣ левретку, покрытую щегольской красной попонкой, всегда вздрагивавшую и жавшуюся къ горничной, Мунька нарочно не обращалъ вниманія, словно Джипси нѣтъ здѣсь. Но умышленно пробѣгалъ около; насмѣшливо скаля зубы и пугая маленькую, стройную

собачку съ большими и глупыми глазами... Она разъ навсегда пролаяла, что съ такимъ грязнымъ дворняжкой знакомиться неприлично, и, когда Мунька все-таки разъ подбѣжалъ къ ней и назвалъ ее дурой, Джипси вспрыгнула на руки къ сопровождавшей ее горничной и не переставала капризно визжать и лаять, жалуясь на Муньку, до тѣхъ поръ, пока горничная не увела Джипси домой, назвавши прежде Муньку грубымъ мужикомъ, кромѣ того швырнула въ него камнемъ и погрозила старшимъ дворникомъ.

Мунька только облаялъ горничную и полетѣлъ къ мальчикамъ, увѣренный, что старшаго дворника въ эти утренніе часы нѣтъ дома. Потому-то Мунька и былъ на дворѣ и велъ себя безъ особыхъ стѣсненій жизнерадостной молодой собаки, уже закусившей. Появлялся въ отважномъ настроеніи Мунька на дворъ и въ то время, когда Михайла Ивановичъ обѣдалъ и послѣ обѣда спалъ. Въ другое же время дня Муньку не видали на дворѣ или видѣли мелькомъ и довольно осторожнымъ въ проявленіи своихъ чувствъ.

По очень раннимъ утрамъ, когда всѣ въ домѣ крѣпко спали и дежурный дворникъ особенно сладко храпѣлъ у воротъ, Мунька предпринималъ свои тайныя экскурсіи по чернымъ лѣстницамъ, гдѣ, случалось, попадались ящики съ провизіей не запертыми, какъ слѣдуетъ, на замки. Вкусные кусочки бывали не часты. Если Мунькѣ приходилось ими попользоваться, то, разумѣется, пропавшіе остатки жаркого и другого съѣстного ставились на счетъ кошекъ и крысъ, такъ какъ Муньку никто не видѣлъ на черныхъ лѣстницахъ, а кошекъ и крысъ видѣли и нерѣдко.

Послѣ обхода черныхъ лѣстницъ безъ всякаго успѣха Мунька добросовѣстно пускался на поиски чего-нибудь подходящаго на голодный желудокъ въ мусорную яму и на дворѣ. И если поиски ничего существеннаго не приносили, Мунька рѣшительно выбѣгалъ изъ воротъ и направлялся на рынокъ или въ болѣе дальнія улицы съ мясными лавками, чтобы не связываться съ сосѣдомъ-мясникомъ, одно воспоминаніе о которомъ напоминало Мунькѣ о переломленной задней лапѣ и возбуждало пріятныя мечты прокусить своими острыми и крѣпкими зубами ляжку «злодѣя» и дать тягу.

Но Мунька, по темпераменту сангвиникъ, былъ отходчивый и кромѣ того послѣ первой вспышки умѣлъ, не по лѣтамъ, обсуждать дѣла разсудительно.

Онъ, повидимому, понималъ, что, пока живетъ въ близкомъ сосѣдствѣ со злымъ мясникомъ,—проучить его небезопасно. Можно быть пойманнымъ и избитымъ на смерть. А Мунькѣ,

несмотря на нѣкоторыя серьезныя непріятности въ жизни, жить хотѣлось.

II.

Большею частью Мунька возвращался изъ дальнихъ путешествій въ веселомъ и бодромъ настроеніи.

Онъ появлялся на дворѣ и первымъ дѣломъ подбѣгалъ къ Джеку, съ которымъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ, и не безъ горделивости самостоятельнаго молодого дворняги возбужденно сообщалъ о томъ, какъ вкусна грудинка съ мягкими ребрышками и хороша печенка, и какъ много всего соблазнительнаго въ мясныхъ лавкахъ.

— Неглупая собака всегда что-нибудь нàскоро выберетъ не очень крупное,—прибавлялъ Мунька.—И потомъ пріятно погулять.

— А... приказчики?—спрашивалъ Джекъ, у котораго уже текли слюни при разсказѣ пріятеля о мясѣ.

Онъ дома его не получалъ и, какъ охотничья собака, находился на особенной пищѣ.

— Все больше кланяются кухаркамъ и рѣжутъ мясо... И торопятся... И, понимаешь, Джекъ, не очень-то умный народъ... Собака будто съ кухаркой... Нужно только не зѣвать...

Джекъ втайнѣ уже давно завидовалъ Мунькѣ. Уходитъ, куда хочетъ. Лакомится мясомъ. Хозяина не знаетъ. А у Джека хозяинъ былъ строгій и взыскательный, особенно на охотѣ.

Джекъ по временамъ почти рѣшалъ убѣжать отъ хозяина куда-нибудь за городъ и самому охотиться за птицей. Но страхъ неизвѣстности, опасности, неопредѣленность положенія: ни удобства, ни постояннаго теплаго помѣщенія, особенно зимой...

И Джекъ находилъ, что хотя на свободѣ и хорошо, но съ ней, того и гляди, пропадешь... При хозяинѣ все-таки лучше...

— А прозѣвай, такъ что?.. Небось, помнишь полѣно мясника!? А развѣ каждый день ѣшь печенку?.. А каково зимой въ дровяномъ подвалѣ? — не безъ злорадства спрашивалъ Джекъ.—А я по крайней мѣрѣ завсегда получаю по положенію... И въ теплѣ... И не боюсь каждаго человѣка, какъ ты... Знай только хозяина,—прибавилъ сетеръ.

— А арапникъ?

— Такъ что?

— Небось... вкусно?

— Веди себя хорошо... И нѣтъ арапника!

— А овсянка... Мяса не даютъ... И безъ спроса—никуда...

— А мнѣ и мяса даетъ кухарка... И хозяева любятъ... И сахаромъ угощаютъ... И моютъ... И подстилка есть для спанья... Вотъ это такъ жизнь!—проговорилъ черный пудель Умный.

Старый догъ Милордъ вытянулся на припекѣ и прислушивался. Наконецъ онъ высокомѣрно повелъ мордой и проворчалъ:

— И что это за дуракъ... Тоже разсуждаетъ... Родился дворнягой, ну и молчи, пока его не бросили въ Неву или не расшибли полѣномъ башки...

— Позвольте узнать, за что?—спросилъ Мунька.

— Съ тобой, воришкой, не разговариваютъ!—строго замѣтилъ Милордъ.

— Я хоть и не такой важный...

— Надоѣлъ! Молчи...

Догъ поднялъ уши и заворчалъ, и всѣ три собаки поднялись и отбѣжали подальше.

— Тоже воображаетъ!—проворчалъ Мунька.

И тихо прибавилъ, обращаясь къ Джеку:

— И силища! Волка загрызетъ... А самъ боится хозяина и не смѣетъ выйти на улицу... Не понимаю этого дурака,—протянулъ Мунька.

— А я не понимаю, какъ ты, Мунька, боишься старшаго дворника!—не безъ насмѣшки промолвилъ Джекъ.—Вотъ онъ идетъ...

— Я не боюсь... Не хочу только связываться съ нимъ... Ну его!

Съ этими словами «Мунька» ушелъ за сарай и насторожился.

Старшій дворникъ скрылся, и Мунька снова былъ веселъ и жизнерадостенъ.

Но случалось, что Мунька возвращался изъ города уставшій, раздраженный, голодный и иногда съ раскровавленной мордой или со всклоченной шерстью. Тогда онъ не показывался на дворъ, а забивался въ дровяной подвалъ, стараясь скорѣе заснуть, чтобы не думать хоть объ обглоданной кости и не безплодно сердиться за то, что его на улицѣ вздули, и выходилъ на поиски ночью и подъ утро, рискуя съ голода на самыя смѣлыя предпріятія...

Зима прошла. Ночи въ дровяномъ подвалѣ не были холодны, какъ прежде... На дворѣ теплынь. Есть гдѣ побѣгать и не оставаться одинокимъ. Мунька глядѣлъ впередъ безъ боязни, какъ вдругъ въ это чудное весеннее утро онъ совершенно неожиданно «влопался».

Онъ былъ изобличенъ на черной лѣстницѣ въ воровствѣ,

да еще со взломомъ, какъ правдиво, въ числѣ другихъ неправдъ, показывала кухарка Аксинья.

III.

На шкапчикѣ не было замка. Кольца были связаны бечевкой. Было очень рано. Вокругъ мертвая тишина.

Мунька потянулъ носомъ и почуялъ прелестный запахъ, вызвавшій слюни и радостное нетерпѣніе голоднаго дворняги, проведшаго вчерашній день въ грустномъ настроеніи.

Однако Мунька насторожилъ лохматыя уши... Ни звука.

И онъ сталъ торопливо грызть бечевку. Она была тонка, словно бы нарочно для соблазна даже и беззубой крысы. Острые зубы Муньки перегрызли бечевку въ одну секунду, и въ слѣдующую они открыли дверку, и морда была въ шкапчикѣ. Онъ засунулъ морду въ горшокъ съ застывшимъ жиромъ наверху и вылакалъ супъ дочиста. Потомъ проглотилъ нѣсколько кусковъ варенаго мяса и схватилъ въ зубы курицу, чтобы съѣсть ее дома, на свободѣ, съ бо́льшимъ удовольствіемъ полакомившись косточками.

Какъ вдругъ щелкнулъ замо́къ, и въ дверяхъ — заспанная кухарка Аксинья...

На кругломъ лицѣ ея — ужасъ. И отчаяннымъ голосомъ, точно ее собирался зарѣзать разбойникъ, закричала:

— Подлецъ!.. Разбойникъ!.. Мунька воръ!.. Брось курицу!

Но Мунька только крѣпче затиснулъ въ зубахъ курицу и побѣжалъ внизъ, насмѣшливо оглядываясь на кухарку, которая, шлепая туфлями, гналась за воромъ, осыпая его бранью.

На дворѣ Мунька исчезъ.

Онъ былъ уже въ дровяномъ сараѣ, но не въ томъ уголкѣ, гдѣ была постоянная его квартира, а въ противоположномъ.

«Ищи-ка!»—промелькнула у него мысль.

Возбужденный и побѣдоносный, съ загорѣвшимися глазами, ѣлъ Мунька курицу и, весь, казалось, поглощенный прелестью неожиданной находки, въ эту минуту и не подумалъ о важности своего преступленія и объ изступленномъ видѣ кухарки. И только когда отъ курицы не осталось крошки, Мунька, облизываясь, вспомнилъ, что «влопался», и услышалъ, что кухарка еще вопитъ на дворѣ и ругательски его ругаетъ дежурному дворнику, смѣхъ котораго пріятно щекоталъ тонкій слухъ Муньки.

Кухарокъ Мунька недолюбливалъ. «Изъ всего поднимаютъ свары, готовы выцарапать глаза собакѣ, наговорить на нее. Мало ли врали онѣ про его исторію съ мясникомъ и въ мелочной лавкѣ! Настоящія кошки. То-то кошекъ любятъ и уго-

щаютъ, а нѣтъ, чтобы когда-нибудь угостить голодную собаку... Навѣрно эта ругательница поднимете исторію на весь дворъ изъ-за какой-нибудь маленькой курицы!»

— Ишь вѣдь, безхвостая кошка, клянется, что я и сливки выпилъ,—проворчалъ Мунька, прислушиваясь.

Снова смѣхъ дворника и крикъ кухарки:

— Какъ встанетъ Михайла Иванычъ, я ему разскажу, какой это подлецъ!

И все стихло.

Мунька рѣшилъ, что лучше не показываться на дворъ, пока суматоха не пройдетъ и глупая кухарка не перестанетъ наконецъ вопить, словно ее хватили полѣномъ. Разумѣется, Мунька не надѣялся на полное забвеніе—не таковскіе люди!—и не сомнѣвался, что его прибьютъ, но во всякомъ случаѣ не полѣномъ и не такъ жестоко, какъ бьютъ злые мясники. Обнадеженный Мунька уже примирился съ будущимъ наказаніемъ и, чтобы покончить это дѣло, забился поглубже въ дрова, свернулся въ клубокъ, собираясь основательно заснуть на сытый желудокъ.

Передъ тѣмъ какъ заснуть, Мунька, уже задремавшій, проворчалъ, словно бы въ свое оправданіе:

— А ты ящикъ не заперла... Я нашелъ... и мое!

И заснулъ.

Разумѣется, Мунькѣ во снѣ и не снилось, что ему готовится нѣчто весьма серьезное.

IV.

Подняла эту исторію, какъ и предвидѣлъ Мунька, кухарка Аксинья.

Быть-можетъ, — хотя и сомнительно, — что эта не злая и только необыкновенно болтливая пожилая женщина не орала бы такъ и на дворѣ, и на лѣстницѣ—сосѣднимъ кухаркамъ, и въ прачечной—незнакомымъ прачкамъ, и не ходила бы въ сопровожденіи двухъ пріятельницъ-кухарокъ жаловаться старшему дворнику на Муньку и потомъ не наговорила бы такъ безсовѣстно на него своимъ господамъ, если бы могла предвидѣть, чѣмъ все это для него кончится.

Михайла Ивановичъ только-что допивалъ въ своей низкой, оклеенной веселыми обоями комнатѣ въ дворницкой пятый стаканъ чая. Онъ былъ еще въ жилетѣ поверхъ ситцевой сорочки, при часахъ на цѣпочкѣ, и находился въ благодушномъ настроеніи человѣка, довольнаго и собой, и уютомъ, и благополучіемъ, не отравленнымъ какими-нибудь непріятностями по дому, когда отворились двери и въ комнату

вошли: впереди—кухарка Аксинья и сзади—двѣ ея пріятельницы.

Старшій дворникъ тотчасъ же принялъ серьезный и недовольный, нѣсколько офиціальный видъ, такъ какъ по взволнованному и нѣсколько вызывающему лицу Аксиньи догадался, что она пришла съ жалобой или претензіей. А этого старшій дворникъ не любилъ.

— Къ вамъ, Михайла Иванычъ! — почтительно кланяясь, проговорила Аксинья.

Поклонились и другія двѣ.

— Насчетъ чего?

— Да насчетъ этого подлеца Муньки, Михайла Иванычъ...

И Аксинья застрекотала. Хотя старшій дворникъ и замѣтилъ, и довольно внушительно, что надо держать провизію на замкѣ, чтобы не выходило непріятностей, тѣмъ не менѣе былъ возмущенъ Мунькой, тѣмъ болѣе, что Аксинья и ея пріятельницы обвиняли его и во всѣхъ прежнихъ пропажахъ по съѣстной части, о которыхъ прежде не говорили Михайлѣ Ивановичу.

— Думала на крысъ... А это обязательно Мунька!—рѣшительно протрещала Аксинья и припомнила всѣ воровскія его продѣлки на сторонѣ.

Двѣ кухарки воскликнули:

— Вѣдь какимъ прикидывался на дворѣ!

— По ночамъ воровать, а теперь скрывается, шельма!

Старшій дворникъ снова повторилъ насчетъ вѣрности замка.

— А касательно этого подлеца-вора, такъ ему будетъ форменная выучка. Послѣ нея не покажется въ нашъ домъ! — проговорилъ Михайла Ивановичъ, вполнѣ увѣренный въ серьезности выучки.—Вотъ, какъ вернусь изъ участка, я разыщу безпаспортную шельму... Отъ меня, небось, не скроешься! Ну ступайте, мадамы, по своимъ дѣламъ... А мнѣ некогда... Допью чай—и въ участокъ... Ужь такая наша трудная «должность»!—прибавилъ старшій дворникъ.

Господа Артемьевы, у которыхъ жила Аксинья, только-что вышли въ столовую пить кофе.

Молодая женщина въ красномъ капотѣ со взбитыми черными волосами попробовала кофе и сдѣлала гримаску. Поморщился и пожилой господинъ въ форменномъ сюртукѣ.

— Что за сливки? Мерзость!—раздражительно проговорилъ Артемьевъ.

— Не понимаю... Не тѣ сливки... Куда онѣ дѣлись?! Ахъ, что за прислуга! — промолвила со вздохомъ Артемьева и велѣла горничной позвать Аксинью.

Но Аксинья уже влетѣла въ столовую. Захлебываясь отъ торопливости, взволнованная, съ торжествующимъ видомъ подозрѣваемой жертвы, она затрещала, какъ сорока, не безъ драматизма въ крикливомъ голосѣ.

— Вы, барыня, напрасно на меня обижаетесь за сливки. Тамъ у насъ несчастье. Подлая собака все слопала изъ ящика... И супъ, и сливки, и мясо... Курицу унесла на глазахъ... Я докладывала: замо̀къ бы... Вотъ и вышло... На зарѣ, видно, самъ Господь меня разбудилъ, чтобы правда объявилась, кто воръ... Встала я, вышла на лѣстницу, чтобы посмотрѣть, не скисли ли сливки, какъ можете себѣ представить, милая барыня, этотъ самый Мунька... рыжій песъ... Ужь какая была крѣпкая бечевка... перегрызъ... Я, дура, бывало, все на крысъ... А вы не довѣряли, барыня, когда что̀ пропадало... Какъ, молъ, крысы и сливки... А собака, оказывается, все таскала... Просто отчаянная собака... Если не слопаетъ, то все перепортитъ... Ничего не боится...

Машка, на видъ необыкновенно ласковая, угодливая и пригожая бѣлая кошечка, таскавшаяся по тѣмъ кухнямъ, въ которыхъ можно встрѣтить хорошій пріемъ и лучшее кушанье, явилась съ кухаркой и внимательно ее слушала, вытирая лапкой свою мордочку. Машка знала, что Мунька хотя и отчаянный забіяка, который не боится даже взъерошенной кошки съ выпущенными когтями, и не дуракъ ловко украсть, но видѣла, какъ Аксинья сегодня утромъ внесла кувшинчикъ со сливками и наливала ихъ въ двѣ большія чашки кофе, которыя выпила съ большимъ удовольствіемъ, и не дала ни капельки Машкѣ, несмотря на убѣдительное ея мурлыканье и напоминаніе о себѣ деликатнымъ потрогиваніемъ лапкой. Но Машка, словно бы довольная, что Аксинья безсовѣстно вретъ, не хуже кошки, одобрительно мурлыкнула. Затѣмъ стала нетерпѣливо тереться у ногъ Аксиньи, точно напоминая, что кухарка долго разсказываетъ, вмѣсто того чтобы идти въ мясную и купить кошачьяго мяса, которымъ часто угощаетъ, возвратясь домой.

Молодая хозяйка съ капризной гримасой слушала разсказъ кухарки. Пожилой чиновникъ нетерпѣливо пожималъ плечами и теребилъ свою бородку.

— Да замолчите наконецъ, Аксинья! — проговорила Артемьева.

И тихо и деликатно «позудила» Аксинью, какъ называла послѣдняя барынины замѣчанія.

«Она ни за чѣмъ не смотритъ, не напомнила о замкѣ — собака крадетъ, курицы и нѣтъ. И какія сливки ку-

пила!.. Кажется, могла бы не раздражать больную женщину».

— Сегодня же купите замокъ, и чтобы впредь этого не было. И вообще... будьте внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ, Аксинья!—прибавила хозяйка, слегка возвышая свой тихій, «судящій» голосъ.

Аксинья и возмутилась и обидѣлась.

«Она невнимательна? Она ни за чѣмъ не смотритъ?»

— Изъ-за подлой собаки я же и виновата? О, Господи! Да разрази меня Богъ!.. Я, кажется, стараюсь для васъ... И вы, барыня, меня же обижаете...

Аксинья клялась и плакала, снова клялась и, повидимому, не собиралась окончить, если бы «самъ баринъ, который не разъ хвалилъ ея кушанье», не охладилъ ея изліяній ироническимъ вопросомъ:

— Видно, собака открыла крышку съ кувшина?

— Что же, я сливки выпила? Нужны мнѣ господскія сливки!.. Этотъ подлецъ, Мунька, все жретъ и на все способенъ. Вовсе отчаянный нахалъ... Чуть на меня не бросился, когда я стала отнимать курицу... И меня же господа позорятъ... О, Господи!

— Пошлите-ка ко мнѣ старшаго дворника! — остановилъ кухарку чиновникъ.

И когда Аксинья, вытирая слезы, вышла, онъ прибавилъ:

— Нечего сказать, порядки въ домѣ... Собака бросается на людей... И за чѣмъ только смотритъ старшій дворникъ?

— Ужъ и не говори, Ванечка... Того и гляди, эта собака еще взбѣсится и перекусаетъ людей! Еще недавно читала въ газетахъ...—испуганно промолвила молодая женщина.

— То-то и есть!—отвѣтилъ Артемьевъ.—Надо узнать, чья собака и почему ее выпускаютъ, да еще по ночамъ... Надо изслѣдовать и принять мѣры... Да ты не волнуйся, мой другъ. Надо, чтобы дверь въ кухню была заперта... Собака не войдетъ!—успокаивалъ Артемьевъ, видимо раздѣлявшій опасенія жены.

Онъ и самъ очень побаивался собакъ.

V.

Минутъ черезъ пять въ столовую вошелъ старшій дворникъ.

Степенный, съ привѣтливо-почтительнымъ выраженіемъ пригожаго лица, опушеннаго расчесанной бородой, онъ былъ въ черномъ, наглухо застегнутомъ пиджакѣ, въ манишкѣ, бѣлѣвшей изъ-подъ воротника, и въ высокихъ щегольскихъ сапогахъ.

Отвѣсивъ низкій поклонъ, Михайла Ивановичъ сдѣлалъ

нѣсколько шаговъ, остановился и мягкимъ баритономъ сказалъ:

— Изволили требовать, ваше превосходительство?

Хотя дворникъ и отлично зналъ, что Артемьевъ очень далекъ отъ генерала, но всегда оказывалъ почтеніе жильцу, аккуратно платившему за квартиру, не забывавшему давать по рублю въ мѣсяцъ и особенно такому, который изъ требовательныхъ и безпокойныхъ.

— Что у васъ за безобразія въ домѣ, Михайла?

— Осмѣлюсь доложить, что, кажется, слава Богу, у насъ нѣтъ «безобразіевъ», ваше превосходительство!

— Есть!—отчеканилъ внушительно Артемьевъ.

— Въ какихъ смыслахъ, ваше превосходительство?

— А собака?

— Такъ вышла изъ-за нея непріятность по случаю того, что шкапчикъ на лѣстницѣ безъ замка...

— А бросается на людей?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!

— А на нашу кухарку? И мало ли на кого-нибудь можетъ броситься?—вставила молодая женщина.

— Не извольте вѣрить кухаркѣ, барыня. Собака въ этомъ не замѣчена... И не такого характера, чтобы осмѣлиться...

— Чья она?—спросилъ Артемьевъ.

Но Михайла, отвиливая отъ прямого отвѣта, повелъ рѣчь о прежнихъ хозяевахъ Муньки.

— Щенкомъ жилъ въ 12-мъ нумерѣ... Взялъ его гимназистъ и съ нимъ занимался... Полтора года собака вела себя во всемъ правильномъ поведеніи, и гимназистъ очень былъ къ ней привержевъ... Но какъ жильца перевели на службу въ провинцію, Муньку препоручили знакомой сродственницѣ въ 28-мъ нумерѣ... Хорошая была барыня, но только въ скорости померла отъ сердца... А у сыновей собака оставаться не пожелала... Всего мѣсяцъ жила и убѣжала, ваше превосходительство!

— Отчего убѣжала?—спросила молодая женщина.

— По причинѣ, съ позволенія сказать, озорства жильцовъ 28-го нумера, когда они стали часто будто въ «несвоевременномъ» видѣ, по случаю смерти маменьки... Кухарка обсказывала, что два жильца и ихъ гости часто обезкураживали собаку...

— Чѣмъ же?

— Всячески, барыня.

— Напримѣръ?

— Подносили собакѣ нюхать, какъ пахнетъ дымъ цыгарки...

Подпаливали спичками шерсть. Купали подъ краномъ, кормили дурнымъ лѣкарствомъ... Одно слово, съ большимъ воображеніемъ ума шутили съ собакой. А этого собака не любитъ... Отдубась ее по всей формѣ за дѣло, на это она не должна обидѣться, а ежели одна «прокламація», для «игры ума»,— обидится... И неосновательные жильцы. За квартиру не платятъ, ваше превосходительство! — неожиданно прибавилъ старшій дворникъ.

— Кто они такіе?

— Служащіе... Изъ господъ. А насчетъ собаки будьте вполнѣ спокойны, ваше превосходительство... Не извольте безпокоиться, барыня...

И, увѣренный, что успокоилъ «уксуснаго», какъ называлъ старшій дворникъ строгаго и требовательнаго жильца, Михайла Ивановичъ поклонился и хотѣлъ-было уйти, какъ Артемьевъ остановилъ его.

— Подожди, Михайла. Объясни, чья же теперь эта собака?—настойчиво и серьезно допрашивалъ основательный господинъ.

— Теперь ровно бы ничья. Въ родѣ какъ бы безпаспортная, ваше превосходительство.

— А развѣ это порядокъ? Ты потатчикъ. Завѣдомо держалъ въ домѣ бродячую собаку.

— Виноватъ. Точно ошибся, ваше превосходительство,— нѣсколько сконфуженный, промолвилъ старшій дворникъ.

«Ужъ будетъ подлецу Мункѣ. Изъ-за него только непріятность!»—подумалъ онъ и заискивающе прибавилъ:

— Сегодня же выдворю собаку, ваше превосходительство!

— Выдворишь? А если она вернется и мало ли что натворитъ? Да еще вдругъ сбѣсится и, храни Богъ, кого-нибудь искусаетъ. Ты и отвѣтишь по всей строгости законовъ. Да еще возьмутъ съ тебя штрафъ,—не спѣша и серьезно-безстрастно говорилъ Артемьевъ, желавшій, казалось, окончательно донять старшаго дворника.

— Я, ваше превосходительство, такъ «проутюжу» собаку, что она забудетъ и адресъ нашего дома!

Въ слѣдующее мгновеніе Михайла Ивановичъ уже мысленно назвалъ себя дуракомъ за то, что проговорился насчетъ «проутюженія».

— Да какъ же можно мучить собаку?—воскликнула молодая женщина.—Это нехорошо съ вашей стороны, Михайла! Очень нехорошо. И вы не смѣете!—прибавила она и, чтобы не слушать дальше, вышла изъ столовой.

А мужъ протянулъ:

— Не надо быть членомъ высочайше утвержденнаго общества покровительства животнымъ, чтобы позвать околоточнаго, составить протоколъ, къ мировому, и тебѣ... высидка!

Старшій былъ рѣшительно подавленъ и смущенъ.

— Такъ какъ же съ собакой, если, примѣрно, по закону?— растерянно промолвилъ онъ.

— Очень просто. Отдай ее фурманщикамъ—и снимешь съ себя всякую отвѣтственность.

Михайла Ивановичъ просвѣтлѣлъ.

— А то еще, не дай Богъ, судиться изъ-за какой-нибудь собаки! Премного благодаренъ, что изволили надоумить необразованнаго человѣка. Счастливо оставаться, ваше превосходительство!

Передъ тѣмъ, что идти въ участокъ, Михайла Ивановичъ сказалъ подручному Василію:

— Къ вечеру поймай ты Муньку. Онъ тебя не боится. Привяжи его въ дровяномъ сараѣ на крѣпкую веревку, чтобы не сбѣжалъ...

— Какъ же вы хотите, Михайла Иванычъ, распорядиться съ Монькой?

— Рано утромъ сдадимъ фурманщикамъ.

— На убой, значитъ, Муньку? — угрюмо спросилъ подручный.

— А что дѣлать съ этимъ воромъ? Изъ-за него только однѣ непріятности отъ жильцовъ. Да смотри, Василій, помалкивай насчетъ моей «лезорюціи»... А то прослышитъ какая-нибудь пустая жилица съ чувствительностью и... непріятность... Собаку не примутъ, а мнѣ еще влетитъ... Запищитъ: «Какъ дворникъ смѣлъ»... И нажалуется... Такъ чтобы шито да крыто. Такъ-то умственнѣе. Пропала, молъ, собака, и шабашъ!

— Какъ прикажете... Но только «освободите» меня, Михайла Иванычъ!

— Это еще что за дерзкая мода? Я, братецъ, этого не люблю!—строго сказалъ Михайла Ивановичъ и изумленно взглянулъ на обыкновенно тихаго и скромнаго Василія.

— «Освободите», Михайла Иванычъ! — упорно повторилъ Василій.

— Почему это ты смѣешь дерзничать, а? Сказывай.

— Жалко, Михайла Иванычъ...

— Кого жалко?

— Самую животную... Муньку.

— Этого вора жалко?.. Очумѣлъ ты, что ли? Развѣ можно жалѣть такую безстыжую собаку... Другая, которая виноватая, сію же минуту явилась бы съ повинной... А этотъ подлецъ

хоть бы что... Спрятался и думаетъ... отбояриться, бродяга. А за него только отвѣчай!

Василій молчалъ.

— Совсѣмъ, какъ посмотрю, ты необразованный «обормотъ». Ну, и чортъ съ тобой. Я самъ поймаю Муньку... А ты, Василій, у меня смотри!—вдругъ озлобленно крикнулъ Михайла Ивановичъ.

И, вытаращивъ на подручнаго свои загорѣвшіеся круглые глаза, прибавилъ:

— Разсчитать тебя, дурака, недолго.

— Какъ угодно!—покорно промолвилъ Василій.

— Скажи, пожалуйста, какой собачій заступникъ!.. Что стоишь, дьяволъ!.. Жильцы дровъ ждутъ, а ты... Экій разбалованный народъ!

Съ этими словами старшій дворникъ вышелъ за ворота и, возбужденно-сердитый, направился съ портфелемъ подъ рукой въ участокъ.

VI.

Мунька не чуялъ, что онъ уже приговоренъ къ такому ужасному наказанію, какое только могли выдумать люди и до котораго, конечно, никогда не додумываются собаки. Обвиняемый даже не былъ спрошенъ—насколько было возможно понять собачій языкъ, иногда и понятный его выразительностью—и не приведенъ на очную ставку съ обвинительницей, что было бы возможно, если бы слѣдствіе производилъ подручный Василій, умѣющій вліять на Муньку. Такимъ образомъ обвиненіе основывалось только на показаніяхъ Аксиньи, какъ извѣстно, далеко не вполнѣ правдивыхъ. Но что уже совсѣмъ плохо рекомендовало и юридическія познанія и чувство справедливости двухъ самовольныхъ судей—жильца и старшаго дворника, такъ это то, что первый—изъ малодушнаго страха передъ собаками, а второй—страха ради іудейска, не подумали и допросить свидѣтелей, дѣйствительно достовѣрныхъ. Такими были: подручный Василій, иногда дававшій Мунькѣ краюху хлѣба и ласково потрепывавшій собаку и говорившій ей, повидимому, добрыя сочувственныя слова, и нѣсколько дворовыхъ мальчишекъ и дѣвочекъ, которые часто игрывали на дворѣ съ Мунькой и очень любили его. Они часто дарили ему кусочки хлѣба, проглатывавшіеся Мунькой съ неимовѣрной быстротой и жадностью и на лету и съ земли, и Мунька не разъ благодарно и порывисто лизалъ дѣтскія лица. Наконецъ могла быть вызвана въ свидѣтельницы и одна почтенная дама, членъ общества покровительства животнымъ, жилица того же

дома, которая встрѣчалась съ Монькой на улицѣ. Она всегда была съ нимъ любезна и давала ему одинъ копеечный розанчикъ, когда возвращалась изъ булочной, хотя первая встрѣча съ Монькой и не располагала къ дальнѣйшему знакомству, такъ какъ Монька однажды выхватилъ изъ рукъ почтенной дамы цѣлый мѣшокъ съ булками и былъ таковъ. Но старая дама была доброй и умной женщиной, понявшей дерзкій поступокъ дворняги, великодушно простила его и только носила пакеты со съѣстнымъ съ большей осмотрительностью.

Но участь Моньки рѣшена, и старшій дворникъ велѣлъ держать свое рѣшеніе въ тайнѣ.

Въ это утро добрая старушка удивилась, что Монька не встрѣтилъ ее у булочной за обычной подачкой и для обмѣна привѣтствій. Еще болѣе удивились и огорчились два блѣдные мальчика и одна крошечная дѣвочка,—дѣти подвальныхъ жильцовъ,—что на дворѣ нѣтъ ихъ пріятеля Моньки, обыкновенно бывавшаго въ эти часы.

Былъ одиннадцатый часъ. Солнце подогрѣвало. Дѣтямъ послѣ душныхъ и затхлыхъ подваловъ весеннее утро казалось прелестнымъ. Но оно было бы еще милѣе, если бы былъ съ ними Монька.

И дѣти подбѣгали къ окну дровяного подвала и кричали:

— Монька, гдѣ ты?

— Приходи, Монька!

— Иди играть съ нами, Мунечка!

— Булочки дамъ... Миленькій!—особенно ласково вытягивала тоненькія нотки маленькая дѣвочка.

Но Монька, хоть и слышалъ и вздрагивалъ отъ этихъ ласковыхъ нетерпѣливыхъ призывовъ, зналъ прелесть теплаго утра и ему хотѣлось бы къ солнцу, къ мальчишкамъ, къ веселью и радости, но онъ не откликался и только чуть слышно визжалъ, словно бы изливая досаду, обиду и грусть...

Тамъ, на дворѣ, такъ свѣтло, а въ подвалѣ, за дровами, такъ темно, сыро, непривѣтно, и старшій дворникъ вѣрно уже все знаетъ...

И Монька примолкъ...

— Да отчего не идетъ Монька?—спрашивала дѣвочку мать.

— Боится наказанія. Ночью обокралъ чиновниковъ.

Всѣ мальчики узнали, что Монька обокралъ жильцовъ, и, испуганные за Моньку, спрашивали, что ему будетъ.

Никто достовѣрно не зналъ, пока не вернулась изъ лавки Аксинья и не сообщила на дворѣ одной прачкѣ, что Моньку отдаютъ фурманщикамъ.

И при этомъ прибавила:

— А все-таки жалко собаки...

Джекъ узналъ на своей кухнѣ, что Мунька попался въ скверную исторію, хотя и съѣлъ цѣлую курицу. Джекъ собирался въ качествѣ пріятеля подъ видомъ участія сказать Мунькѣ нѣсколько непріятныхъ словъ именно въ то время, когда нужны участіе и помощь. Онъ навѣститъ пріятеля въ дровяномъ подвалѣ, чтобы сочувственно удивиться, какъ могъ такой, казалось бы, умный и ловкій песъ такъ глупо «влопаться». Точно не догадался почуять кухарку еще за дверями и улепетнуть во-время, и снова сказать, какъ не правъ Мунька, соблазняя Джека убѣжать отъ хозяина. Теперь онъ можетъ убѣдиться, какой дорогою цѣной добывается мясная пища. Но когда Джекъ былъ отпущенъ на дворъ и тамъ услышалъ, что предстоитъ пріятелю, онъ—надо отдать ему справедливость—больше ужъ не думалъ корить друга въ бѣдѣ. Онъ пожалѣлъ его и первымъ дѣломъ подбѣжалъ къ окну дровяного подвала, потянулъ носомъ и... побоялся немедленно навѣстить Муньку и предупредить его.

«Еще узнаетъ хозяинъ—и арапникомъ!»—подумалъ Джекъ и рѣшилъ зайти къ Мунькѣ вечеромъ, когда можно незамѣтно прошмыгнутъ въ подвалъ.

Пудель тоже подбѣгалъ къ подвалу. Но старшій дворникъ уже запиралъ окна въ подвалѣ. Умный недовольно опустилъ хвостъ. Однако внимательно слѣдилъ своими умными глазами за руками дворника и, когда тотъ окончилъ, подошелъ къ Джеку.

— Теперь бѣдному Мунькѣ ужъ не удрать! Завтра конецъ!—проговорилъ Джекъ и грустно завизжалъ, словно бы чувствуя укоры совѣсти.

«Могъ бы предупредить Муньку, и былъ бы онъ теперь далеко!»

Но Умный молчалъ и, озабоченный, казалось, о чемъ-то раздумывалъ, мѣрно помахивая своимъ хвостомъ съ красивымъ пучкомъ на концѣ.

— Бѣдный Мунька!—снова визгнулъ Джекъ.

— Не скуль!—серьезно воркнулъ Умный.

И черезъ минуту лаконически пролаялъ:

— Удеретъ!...

— Это какъ же?

Но пудель не хотѣлъ пускаться въ объясненія и побѣжалъ домой.

VII.

Смеркалось, когда Умный поскребъ у дверей кухни и былъ выпущенъ кухаркой.

Онъ стремглавъ спустился съ лѣстницы и, выбѣжавъ на

дворъ, оглядѣлся вокругъ и побѣжалъ прямо къ послѣднему окну дровяного подвала, которое, какъ замѣтилъ пудель, не имѣло задвижки, и потому дворникъ только прикрылъ его.

Умный лапой распахнулъ окно, вскочилъ и, пробираясь по дровамъ, тихо окликнулъ Муньку.

Мунька откликнулся осторожнымъ лаемъ въ другомъ концѣ подвала и бросился навстрѣчу.

Скоро обѣ собаки встрѣтились, обнюхали другъ друга и поздоровались.

— Удирай, Мунька... Удирай сію минуту... И не возвращайся сюда!

— За что? Развѣ изъ-за какой-нибудь курицы хотятъ избить полѣномъ... Такъ имъ и дался! — увѣренно лаялъ Мунька.

— Если бы полѣномъ... Привяжутъ на веревку и завтра отдадутъ фурманщикамъ. Всѣ окна закрыты... Одно только безъ задвижки... И я прибѣжалъ...

— Фурманщикамъ!?. — въ ужасѣ могъ только взвизгнуть Мунька.

И, благодарно лизнувъ спасителя, бросился по дровамъ, и скоро обѣ собаки благополучно выскочили на дворъ.

Мунька бросился къ воротамъ. Умный его провожалъ.

Калитка воротъ была заперта. Но, по счастью, у воротъ сидѣлъ Василій.

— Ай да молодца, Мунька... Оставилъ въ дуракахъ старшаго?—весело проговорилъ подручный и гладилъ собаку.—Небось.. Отопру... Улепетывай подальше... А то что старшій нашъ выдумалъ...

Мунька кидался къ Василію и, взвизгивая отъ радостнаго нетерпѣнія, лизалъ его лицо, словно бы благодарилъ и торопилъ.

— Прощай, Мунька! Прощай, безпризорный!—сказалъ Василій, отворяя калитку.

И голосъ подручнаго прозвучалъ необыкновенной нѣжностью.

— Прощай, прощай! Берегись фурманщиковъ! — ласково лаялъ пудель.

Мунька еще разъ благодарно взглянулъ на Василія и Умнаго и, задравши хвостъ, помчался по улицѣ, самъ не зная куда.

СОБЫТІЕ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ шестомъ часу дня къ подъѣзду большого дома на Пескахъ подъѣхалъ одинъ изъ его жильцовъ — господинъ Варенцовъ. Это былъ блондинъ средняго роста, лѣтъ тридцати, одѣтый скромно, безъ претензій на щегольство и моду. Но все на немъ было аккуратно и чистенько: и пальто, и фетръ, и темно-сѣрыя перчатки.

Въ этотъ теплый августовскій день Варенцовъ вернулся со службы не въ обычномъ настроеніи проголодавшагося чиновника. Оно было приподнятое, возбужденное и слегка торжественное.

Варенцовъ соскочилъ съ дрожекъ, вынулъ изъ портмоне двѣ монетки, внимательно осмотрѣлъ ихъ—тѣ ли—и, вручая ихъ извозчику изъ «ванекъ», не безъ довольной значительности въ скрипучемъ голосѣ сказалъ:

— Я, братецъ, прибавилъ!

«Чувствуешь?»—казалось, говорили сѣро-голубые глаза.

Извозчикъ «почувствовалъ», но не очень, отъ прибавки пятачка. И, снимая шапку, онъ сдѣлалъ льстивое лицо и проговорилъ:

— Ѣхалъ, слава Богу, на совѣсть! Еще бы прибавили пятачокъ, баринъ хорошій!

— Прибавилъ, а ты клянчишь! Стыдно, братецъ!..—возмущеннымъ и строгимъ тономъ произнесъ Варенцовъ и вошелъ въ подъѣздъ.

Пожилой, худой и грязноватый швейцаръ Аѳиногенъ, судя по истрепанной ливреѣ и замаранной фуражкѣ, нисколько не заботившійся о своей представительности, встрѣтилъ Варенцова сдержанно, тая въ душѣ серьезное неудовольствіе противъ жильца.

Еще бы! Платитъ только рубль въ мѣсяцъ жалованья, на

Рождество и Пасху даетъ по рублю, на чай хоть бы разъ гривенникъ, никуда не посылаетъ и не поощряетъ попытокъ на разговоръ.

Аѳиногенъ, жадный на деньги и объяснявшій, что копитъ ихъ единственно на «предметъ женитьбы», хотя и не думавшій о ней, велъ упорную усмирительную войну противъ Варенцова и его жены.

Дверная ручка ихъ квартиры не чистилась. Письма и газеты дня по два вылеживались въ швейцарской. Непокорныхъ жильцовъ, возвращавшихся домой послѣ полуночи, Аѳиногенъ не безъ злорадства выдерживалъ на морозѣ у подъѣзда минутъ по пяти. Гостямъ Варенцовыхъ, спрашивавшимъ: «дома ли?», онъ вралъ, ради педагогическаго воздѣйствія, по вдохновенію. Ничего не дѣйствовало.

Имѣющій опредѣленныя и довольно мрачныя воззрѣнія на супружескую вѣрность и семейное благополучіе жильцовъ, Аѳиногенъ старался найти какой-нибудь козырь противъ Варенцовыхъ. Но всѣ его тайныя развѣдки были напрасны.

И обманутый скептикъ и скопидомъ рѣшилъ, что восьмой нумеръ «очень аккуратенъ вокругъ себя». Однако оружія не сложилъ, надѣясь, что какая-нибудь «штука» да должна же обозначиться. Тогда эти единственные непокорные жильцы въ домѣ «войдутъ въ понятіе» и будутъ платить швейцару по-настоящему.

— Есть что?—спросилъ Варенцовъ.

— Почтальонъ только-что подалъ! — офиціально-сухо отвѣтилъ швейцаръ, подавая Варенцову повѣстку на засѣданіе какого-то благотворительнаго общества.

— Писемъ нѣтъ?

— Подалъ бы...

Варенцовъ все-таки открылъ ящикъ столика, у котораго всегда дремалъ или читалъ газету швейцаръ. Затѣмъ взглянулъ на почтовый штемпель полученнаго конверта и, аккуратно положивъ въ портмоне повѣстку, сталъ подниматься наверхъ.

Викторъ Николаевичъ Варенцовъ жилъ въ пятомъ этажѣ почти два года и никогда не находилъ, что высоко. Напротивъ, говорилъ, что наверху воздухъ лучше и подъемы полезны. Здоровый, съ хорошо развитой грудью, онъ поднимался свободно, легко и ровно дыша. Но сегодня Варенцовъ подумалъ вслухъ:—Высоковато...

Для кого—такъ и не досказалъ.

Онъ отворилъ двери своимъ ключомъ, бережно повѣсилъ пальто, смахнувъ съ него паутину, положилъ шляпу на под-

зеркальный столъ, сперва смахнувъ съ него пыль, и передъ зеркаломъ оправилъ свои густые, коротко остриженные, свѣтло-русые волосы, волнистую бородку и мягкіе небольшіе усы.

Зеркало отразило чистенькое, пригожее лицо, свѣжее и румяное, дышавшее здоровьемъ. И весь онъ былъ чистенькій въ скромномъ пиджачкѣ, съ пестрымъ галстукомъ на высокомъ воротничкѣ, стройный, крѣпкій и сухощавый, съ бѣлыми руками и обручальнымъ кольцомъ на безыменномъ пальцѣ.

Викторъ Николаевичъ бросилъ взглядъ на маленькую прихожую, потянулъ воздухъ красивымъ прямымъ носомъ и поморщился.

«Кухней пахнетъ, да и прихожая мала!»—рѣшилъ Варенцовъ.

Проходя ровной неспѣшной походкой гостиную, Варенцовъ и ее оглядѣлъ. И, словно бы замѣтивъ, что обстановка плохонькая и мебель потертая, подумалъ:—«Не мѣшало бы обновить. Лина мечтаетъ объ этомъ!»

Съ этой мыслью Варенцовъ вошелъ въ «уголокъ» Лины, какъ называла она часть большой спальной за драпировкой,—съ мягкой, обитой свѣтлымъ кретономъ мебелью, зеркальнымъ шкапомъ, этажеркой съ книгами и нѣсколькими фотографіями писателей на простѣнкѣ, надъ простенькимъ письменнымъ столомъ, на которомъ стояли въ хорошенькихъ рамахъ фотографіи мужа, дѣтей, родныхъ и Баттистини.

II.

На пестрой тахтѣ сидѣла, поджавши ноги, съ журналомъ въ рукѣ, молодая женщина лѣтъ подъ тридцать, въ полосатой юбкѣ и яркой блузкѣ.

Она была очень интересна, свѣжая и недурная собой, съ неправильными чертами оживленнаго и умнаго лица, съ роскошными, отливавшими рыжиной, каштановыми волосами, собранными на темени въ пучокъ тяжелыхъ косъ, съ красивымъ пышнымъ бюстомъ, тонкой таліей и полными сочными губами, изъ-подъ которыхъ блестѣли ровные, мелкіе и острые какъ у мышенка, зубы.

Варенцовъ особенно крѣпко и значительно поцѣловалъ маленькую холеную руку съ нѣсколькими кольцами на мизинцѣ и одинокимъ обручальнымъ на безыменномъ.

Не поднимая съ книги глазъ съ крупными вѣками и длинными рѣсницами, Лина слегка и небрежно потрепала щеку Варенцова и сказала:

— Иди, мой руки. Сейчасъ велю подавать!

Ея властный, повелительный голосъ съ красивыми низкими

нотами не былъ особенно ласковъ. Молодая женщина поднялась съ тахты и пріятельски-равнодушно взглянула на мужа. Но въ то же мгновеніе пристальный и острый взглядъ ея блестящихъ и выразительныхъ красивыхъ глазъ впился въ глаза мужа. И она спросила:

— Надѣюсь, никакихъ непріятностей, Вики?

Уже сама возбудившаяся необычнымъ выраженіемъ лица Вики, не выждавъ его отвѣта, молодая женщина нетерпѣливо прибавила:

— По твоимъ глазамъ вижу, что что-то случилось... Говори, Вики.

— Именно случилось, Лина... И нѣчто неожиданное...

— Ну... Что-жъ молчалъ!..

— Только-что хотѣлъ, Линочка... Безъ тебя не рѣшилъ... Какъ ты на это взглянешь... Послѣ обѣда мы основательно переговоримъ... обсудимъ... А теперь въ двухъ словахъ...

— Да говори же!.. Говори эти два слова! Вотъ мямля!— раздраженно крикнула Лина.

И въ ея загорѣвшихся глазахъ блеснуло что-то высокомѣрное, презрительное и насмѣшливое.

— Дай же договорить мнѣ, Лина. Ты не даешь... И не кричи, ради Бога, на весь домъ.

— Государственная тайна!?..

— А все-таки пока не проболтайся.

— Разумѣется... Да говори же, Вики!

Понижая голосъ, Варенцовъ нѣсколько торжественно и въ то же время смущенно проговорилъ, какъ обыкновенно говорятъ чистенькіе люди, впервые совершающіе что-то очень важное для личнаго своего счастья и благополучія и въ то же время понимающіе и еще чувствующіе, что они дѣлаютъ и что-то предосудительное.

— Сегодня Козловъ вызвалъ меня и предложилъ перейти къ нему...

— Къ нему?..—изумленно уронила Лина, не зная еще, радоваться или нѣтъ.

Но на всякій случай прибавила:

— Онъ, кажется, человѣкъ недурной.

— Да... съ правилами, Лина. Ты понимаешь, какъ былъ я огорошенъ неожиданнымъ предложеніемъ... Очень значительное и самостоятельное мѣсто и... приличное... Шесть тысячъ жалованья и тысяча наградныхъ... Впереди, Лина, можетъ быть блестящее положеніе... И власть и крупное содержаніе... Я обѣщалъ завтра утромъ дать Козлову отвѣтъ... Что ты думаешь, моя умница?

III.

«Умница» вспыхнула, охваченная радостью Вики.

«Кто бы могъ ожидать?.. И такое мѣсто!» — подумала въ первую минуту Лина.

Но въ слѣдующее мгновеніе Вики уже выросъ въ ея глазахъ и словно бы сдѣлался героемъ. Ея любовь къ нему какъ будто освѣтилась въ новомъ сіяніи нѣжнаго и поэтическаго ореола, и Лина почувствовала, что раньше недостаточно цѣнила и его и его любовь до обожанія. Но зато какая она безупречная жена. Не то, что̀ другія!

Лина не безъ горделивой радости вспомнила, что за семь лѣтъ супружества она не только ни разу не измѣнила Вики, но у нея нѣтъ на совѣсти даже серьезнаго флирта... А случаи были, когда Вики уѣзжалъ на два мѣсяца...

И молодая женщина чувствуетъ себя въ эту минуту счастливой. И оттого, что она такая хорошая женщина, и оттого, что Вики—маленькая звѣзда и будетъ большой, и все еще такой влюбленный красавецъ-мужъ, слушающій ея совѣты, и оттого, что впереди новая обезпеченная жизнь...

«О, какъ будетъ хорошо!»—хотѣлось ей крикнуть. И въ ея головѣ пролетали быстрыя, мѣняющіяся въ сочетаніяхъ, какъ въ калейдоскопѣ, картины новой жизни безъ лишеній, мелкихъ заботъ и грошовыхъ разсчетовъ, безъ писанія разсказовъ ради гонорара и несправедливыхъ и унизительныхъ отказовъ печатать ихъ въ журналахъ. Изящный комфортъ, уютъ квартиры, поѣздка за границу, англичанки для мальчиковъ, элегантные костюмы, эстетическія удовольствія, новыя впечатлѣнія, новыя знакомства, капотъ, какъ у Балетта на сценѣ, «уголокъ», въ которомъ напишется новый талантливый разсказъ, завистливыя лица пріятельницъ, прелесть мирнаго очага, влюбленный Вики, батистовыя рубашки съ кружевными кокетками, дѣятельное участіе въ «Защитѣ дѣтей», рефератъ о немъ, общій восторгъ, знакомство съ выдающимися артистами и литераторами, хорошенькая дача, заново спальная съ пушистымъ ковромъ во всю комнату, качающимися роскошными кроватями, электричествомъ и съ ванной рядомъ, прогулки пѣшкомъ, думы и размышленія, чтеніе серьезныхъ книгъ, библіотека, хорошіе переплеты...

«О чемъ Вики задумывается? Могъ бы сегодня дать согласіе!»

Но вдругъ на радостное лицо Лины набѣжало облачко... Она вспомнила, что и Вики и она съ либеральными взглядами и изъ недовольныхъ, и Вики, когда былъ еще гимнази-

стомъ, пострадалъ въ заключеніи, какъ Лина хвастала, называя заключеніемъ недѣльный арестъ Вики въ части. Вики осторожнѣе, а Лина рѣшительнѣй, но оба порицали безпринципныхъ людей, которые ради земныхъ благъ шли на всякіе компромиссы. Вики женихомъ и въ первые годы часто и обстоятельно говорилъ, что реформы необходимы, и что законъ, какой бы онъ ни былъ, долженъ строго соблюдаться... И Лина повторяла его слова и даже шла дальше, требуя на журфиксахъ измѣненія законовъ,—вѣдь она была изъ радикальной семьи: покойный отецъ былъ профессоръ, уволенный за строптивость, а покойная мать сама сдѣлалась строптивой изъ любви къ отцу...

Все это пронеслось въ головѣ Лины, и она подумала, что недаромъ же Вики называлъ свою службу «чистенькой» и говорилъ ей, что все же можно не очень поступаться независимостью «чистенькаго» человѣка и не сознавать себя пѣшкой. И Лина, хотя и жаловалась, что Вики мало получалъ, и дѣлала ему сцены, но на журфиксахъ фрондировала вмѣстѣ съ недовольными и гордилась, что Вики принципіальный человѣкъ. Оттого такому идеальному работнику и не даютъ хода... Держатъ на трехъ тысячахъ, а бѣдный засиживается до поздней ночи...

Но мало ли что говорится? Взгляды мѣняются! Ницше правъ... Надо себя любить. Надо о дѣтяхъ подумать.

Теперь Линѣ кажется, что многіе прежніе взгляды были непродуманными.

И она труситъ... А что если Вики...

Но Лина быстро соображаетъ, что Вики не откажется отъ счастья. Надо только поощрить и успокоить Вики...

Это—долгъ любящей жены.

IV.

— Что я думаю, милый?

И голосъ и глаза Лины ласкали.

— Да, Линочка...

— Я увѣрена, что ты и на новомъ мѣстѣ останешься честнымъ и независимымъ человѣкомъ.

— Надѣюсь, Лина. А все-таки...

— Но, Вики! — порывисто воскликнула Лина, перебивая Вики.—Вѣдь если тебѣ не понравится... твоя чуткая совѣсть возбудится, ты можешь уйти...

— Разумѣется, ушелъ бы...

— И безъ мѣста не останешься... Такого умницу и работника вездѣ примутъ... Объ этомъ нечего и безпокоиться, Вики...

— Пожалуй, что такъ...

— И не забудь одно, милый!—проговорила Лина съ такой серьезной проникновенностью и горячностью, словно бы то «одно», что̀ скажетъ Лина,—главный и важнѣйшій аргументъ.

— Чего, голубчикъ?

— Разумѣется, милый, твоя княжая воля, какъ рѣшить. Семья не должна повліять на твое рѣшеніе, милый... Развѣ я не люблю тебя?... Но если ты откажешься, вмѣсто тебя можетъ попасть какой-нибудь безпринципный человѣкъ, въ родѣ: «чего изволите». Мало ли такихъ? А вѣдь ты, Вики... Ты... Сколько можешь сдѣлать добра. Сколькому злу помѣшать... Вѣдь правда, милый?

Взволнованная своими же словами, которымъ, пожалуй, Лина и вѣрила въ эту минуту, она не безъ трогательной восторженности глядѣла на человѣка, которому предстоитъ такая высокая миссія, и съ лживой наивностью «умницы» воскликнула:

— И знаешь ли, милый, что̀ меня особенно радуетъ въ этомъ предложеніи?

Влюбленный Вики не зналъ, хотя и догадывался, и сказалъ:

— Говори, Линочка.

— Разумѣется, очень важно, если бы мы были покойнѣе за будущность нашихъ мальчиковъ, не знали бы тревогъ и глупыхъ волненій изъ-за какихъ-нибудь десятка рублей и свили бы съ тобой, Вики, хорошенькое, уютное гнѣздышко... Ты, ради насъ, не урѣзывалъ бы себя во всемъ... Шубы даже не можешь сшить... На извозчика стѣсняешься... Я не могу сшить хотя одного приличнаго платья... Лѣтомъ могли бы отдохнуть въ Швейцаріи... Однимъ словомъ... Всѣмъ было бы отлично. Но живемъ же до сихъ поръ... И я серьезно никогда не жаловалась... Я рада, что тебя, Вики, поняли... оцѣнили... Значитъ, нужны же самодѣятельные, независимые люди... Вѣдь нужны... Умница ты, мой милый!—закончила Лина.

И она порывисто притянула къ себѣ Вики и поцѣловала его въ губы, что̀ было совсѣмъ неожиданно-трогательно со стороны молодой женщины.

Вики былъ умиленъ. Еще бы! Обыкновенно Алина Дмитріевна горячо цѣловала и называла Вики «милымъ» только въ свое время. Въ другое—она была очень сдержанна даже въ ласковыхъ кличкахъ и, напротивъ, расточительна въ пренебрежительныхъ и насмѣшливыхъ, и нерѣдко обращалась со своимъ влюбленнымъ вѣрноподданнымъ небрежно, нетерпѣливо и рѣзко, словно деспотическая владычица...

Хоть Варенцовъ зналъ, что никакой независимости у него не будетъ, ему все-таки хотѣлось не разувѣрять жену. И тоже

хотѣлось скрыть отъ жены то, что и она знала и ради чего сама лгала.

И Варенцовъ сказалъ:

— Я радъ, Лина, что наши мысли сошлись. Мнѣ тоже кажется, что отказываться не слѣдуетъ...

— Умница!—воскликнула Лина.

И, радостная и восторженная, расцѣловала голову, щеки и губы Вики.

— Ты права. Если увижу, что не могу ужиться, — немедленно уйду.

— Еще бы.

— И знаешь ли, къ какому печальному взгляду я пришелъ, Лина?.. Вѣдь, собственно говоря, вездѣ одно и то же. А теперь... накорми, моя любимая... Я голоденъ...

— Иду, велю подавать... Обѣдъ по твоему вкусу, Вики... Послѣ обѣда чай здѣсь... Разскажи, какъ все это случилось... Вечеръ дома... И не будемъ засиживаться... Да, милый?

И торжествующая и веселая, съ высокой и стройной, хорошо сложенной фигурой, съ приподнятой головой, Алина Дмитріевна вышла изъ спальной рѣшительной, энергической походкой, слегка повиливая широкими бедрами, плотно обтянутыми пестрой юбкой.

V.

Минутъ черезъ пять, вымывъ руки и освѣживъ лицо цвѣточнымъ одеколономъ, Варенцовъ вошелъ въ маленькую столовую и имѣлъ какой-то особенный видъ не то именинника, не то юбиляра, торжественно-праздничный и наивно-растерянный видъ.

Чистенькое, румяное лицо, казалось, было налакировано какимъ-то особеннымъ сіяніемъ. Высокій воротничокъ, повязанный пестрымъ галстукомъ, точно немножко стѣснялъ длинноватую шею и лишалъ голову болѣе свободныхъ движеній. Пиджачокъ казался какъ-то парадиѣе, приглаженные волосы—прилизаннѣе. Словомъ, все и въ Вики и на Вики словно бы говорило—не крикливо, а скромно—о большомъ событіи.

Варенцовъ особенно продолжительно, значительно и крѣпко поцѣловалъ Витю и Коку, погодковъ шести и пяти лѣтъ, словно бы пріобщалъ ихъ къ своему и къ ихъ счастью, и все-таки осмотрѣлъ, вымыты ли ихъ руки передъ обѣдомъ.

Но мальчики, оба здоровые, хорошенькіе и курчавые, кажется, были нѣсколько удивлены такой экстраординарной продолжительностью ласки. И Кока уже собирался заревѣть, если бы мать не пришла къ нему на помощь.

Затѣмъ Вики пожалъ руку молодой круглолицей боннѣ-курляндкѣ, маленькой, кругленькой дѣвушкѣ съ добрымъ и веселымъ бѣлобрысымъ лицомъ.

Всѣ сѣли.

Сегодня Лина съ бо́льшимъ интересомъ слѣдила за Вики, чтобы узнать, съ удовольствіемъ ли ѣстъ Вики. И даже волновалась.

И Лина была довольна, что Вики съ удовольствіемъ съѣлъ супъ и кусокъ тетерки, выбранный женой съ особымъ вниманіемъ, и брусничное варенье.

— Еще кусочекъ, Вики?

Но Вики отказался.

Онъ вѣдь воздержанъ въ пищѣ. Онъ читалъ, и врачи говорили, что гораздо гигіеничнѣе не наѣдаться.

Лина не настаивала.

Она знала, что Вики съ правилами. Ни водки ни вина не пилъ. Курилъ прежде, но бросилъ. Цвѣтущій и здоровый, онъ словно бы застраховывалъ свое здоровье, много гулялъ, занимался гимнастикой и вообще имѣлъ серьезный уходъ за тѣломъ. И Лина только восхищалась силѣ характера Вики.

Вкусный кусочекъ она положила себѣ, положила по куску дѣтямъ и съ милой любезностью предложила боннѣ ребра, не сомнѣваясь, конечно, что бонна особенно любитъ кости, предпочитая ихъ мясу.

Остался доволенъ Вики и компотомъ и разсказалъ Линѣ о неблагодарномъ извозчикѣ.

Какъ только Вики окончилъ, Лина торопливо поднялась. По обыкновенію, Вики поцѣловалъ руку женѣ.

— Доволенъ, милый, обѣдомъ?

— Отличный... Ты и хозяйка, Лина!..

— Тебѣ какого варенья? Любишь персики?

Вики объявилъ, что персики.

— Аксинья! Чай и банку съ персиками ко мнѣ! Фрейлейнъ! Въ восемь уложите дѣтей. Сегодня я ихъ не буду укладывать.

Лина расцѣловала дѣтей и подхватила Вики подъ руку.

Оба раскраснѣвшіеся, словно бы охмелѣвшіе отъ счастья, они пошли черезъ прихожую, коридоръ и гостиную въ уголокъ Лины.

Дорогой она успѣла спросить мнѣнія Вики о перемѣнѣ квартиры, о новой обстановкѣ, англичанкѣ, о бѣльѣ, пальтишномъ костюмѣ и простенькомъ капотѣ.

— А то совсѣмъ обносилась, милый...

— Три мѣсяца будемъ получать по-старому...

— Займемъ. Уплатимъ съ разсрочкой...

И, точно Вики впередъ зналъ, что ему не придется поступаться независимостью на новомъ мѣстѣ, онъ согласился, что надо имъ подготовиться.

— Тебѣ необходимы фракъ, осеннее пальто, ночныя рубашки, Вики...

— Купимъ, Линочка... Купимъ все, что̀ нужно, милая.

И въ голосѣ Вики звучала самодовольная нота.

Лина устала отъ корсета и пошла переодѣться въ капотъ.

Черезъ минуту-другую она усѣлась на тахтѣ около Вики и сказала:

— Ну, такъ разсказывай, милый!

VI.

Въ эти минуты Варенцовъ былъ въ томъ рѣдкомъ настроеніи, когда жизнь показалась ему необыкновенно хорошей, пріятной и содержательной.

Еще бы! У него неожиданно блестящее положеніе и матеріальное благополучіе. Впереди—надежда на серьезную карьеру сановника съ добрыми намѣреніями: не отступать отъ закона и кое-что сдѣлать для отечества. Властная, привыкшая повелѣвать, любимая жена восторженно признала въ мужѣ выдающіяся способности недюжиннаго человѣка. Сдержанная прежде въ проявленіяхъ дружбы и сочувствія и порой нетерпѣливая и рѣзкая, Лина обнаружила силу привязанности родственной ему души. Отнынѣ онъ не только желанный мужъ, но и умница-другъ.

И Варенцовъ чувствовалъ себя счастливымъ и благодарнымъ побѣдителемъ...

Убѣжденный, что теперь Лина уже не станетъ нетерпѣливо слушать и перебивать его, Варенцовъ не спѣша, основательно, подробно и не безъ самодовольной значительности разсказывалъ о свиданіи съ Козловымъ, останавливаясь по временамъ, чтобы отвѣдать варенья и отхлебнуть чая.

— И вѣдь всего пять минутъ этого серьезнаго свиданія. Понимаешь, Лина, пять минутъ! — заключилъ разсказъ Варенцовъ.

— Пять!?—восхитилась Лина.

— Ровно пять! Я замѣтилъ по часамъ, когда входилъ въ кабинетъ и вышелъ изъ него. Козловъ много работаетъ и произвелъ на меня впечатлѣніе очень умнаго человѣка. Репутація его подтвердилась. И такъ коротко, ясно и категорически: «Намъ нужны дѣльные и способные работники. Моя программа: законъ всегда и вездѣ!»

— А что же о немъ говорятъ какъ о ретроградѣ? Ахъ, Вики, какъ часто у насъ клевещутъ на людей!—не безъ сокрушенія промолвила Лина и даже вздохнула.

— У насъ много врутъ, особенно на сколько-нибудь замѣтныхъ людей!—подтвердилъ и Варенцовъ.

И съ апломбомъ прибавилъ:

— Надо сперва войти въ положеніе. Тогда и брани, если только брань дастъ облегченіе... Конечно, есть люди несерьезные, неталантливые и безъ всякаго руководящаго плана, но есть и даровитые и небезпринципные. Огульно бранить чиновниковъ несправедливо.

— Именно, надо войти въ положеніе... Это ты прелестно сказалъ, голубчикъ! А то все сплетни и сплетни!—негодующе сказала Лина, забывшая, какая она отличная сплетница.

Варенцовъ счелъ нужнымъ повторить—и ужъ съ большей увѣренностью въ тонѣ—тѣ же доводы въ пользу своего рѣшенія, которые передъ обѣдомъ такъ убѣдительно приводила жена. И въ третій разъ сказалъ, что, разумѣется, уйдетъ, если отъ него потребуютъ серьезнаго компромисса.

— Да развѣ ты могъ бы оставаться, Вики!

«Да и къ чему же оставаться!»—подумала жена.

Ни у нея ни у мужа не хватило, разумѣется, храбрости сознаться въ томъ, что обоихъ заставляло обманывать и себя и другъ друга и что привело ихъ въ идиллическое настроеніе.

И Варенцовъ сказалъ:

— А развѣ ты не похвалила бы своего мужа?

— А развѣ ты не знаешь своей Лины?

— То-то знаю, какая ты у меня прелесть!

И растроганный Вики не во-время крѣпко поцѣловалъ глаза Лины.

Она не нашла, что это «сентиментальности», и подставила губы.

А Вики, не злоупотребляя новыми правами, продолжалъ:

— Впрочемъ, новое мое мѣсто такое, что не предвидится конфликтовъ. Да мнѣ и не предложили бы щекотливаго положенія, Лина!

— Смѣли бы!

— Для нѣкоторыхъ положеній все-таки нужны люди съ очень крѣпкими нервами и исполнители того, что иногда даже сами считаютъ вреднымъ, безсмысленнымъ и не вполнѣ законнымъ... А я, милая, не буду лишь исполнителемъ... Я буду въ сторонѣ отъ всякой щекотливой политики... Оттого-то я и принимаю назначеніе.

— Оттого тебѣ и не придется раскаиваться!

Обрадованная, что можно поговорить о самомъ главномъ и интересномъ, что̀ составляетъ въ новомъ назначеніи, Лина заговорила нѣжнымъ, заботливымъ и слегка заискивающимъ тономъ женщины, имѣющей дѣло хоть и съ влюбленнымъ, но очень экономнымъ мужемъ.

— И какъ у насъ будетъ хорошо, Вики!.. Такъ хорошо-хорошо!.. Такъ мило-мило!.. Разумѣется, просто, но со вкусомъ... Я буду заботиться, чтобы тебѣ, голубчику, было покойно, уютно, свѣтло... Вернешься со службы, и домъ будетъ дѣйствительно отдыхомъ... Кормить буду тебя куда вкуснѣе... Конечно, кабинетъ тебѣ нуженъ побольше, не такая каморка, какъ здѣсь... Оттоманку, два кресла, библіотечный шкапъ... Однимъ словомъ, кабинетъ... Обновимъ спальную... Мнѣ кажется, пушистый коверъ, новыя кровати съ волосяными матрацами, а то эти такіе жесткіе... Сдѣлаемъ настоящее гнѣздышко... Не правда ли, милый?... Мой «уголокъ» отдѣлимъ японскими ширмами, а наша кретоновая перегородка—только пыль и негигіенично... И душно намъ спать... И новую мебель въ гостиную... Старую продадимъ... Не правда ли, Вики?.. Вѣдь необходимо?.. Завтра же скажу дворнику, что здѣсь не остаемся... Черезъ мѣсяцъ контрактъ... И начну искать квартиру... И ты рѣшишь, если понравится...

— Да, Лина, надо побольше квартиру. И вообще устроиться... Ты сумѣешь все сдѣлать недорого.

— Еще бы. Не бойся, не разорю тебя, голубчика!

Оживленная и счастливая, молодая женщина вошла въ подробности о томъ, какъ они устроятся и будутъ «мило» жить... Съ такими деньгами, какія они будутъ получать, можно прелестно устроиться. И за границу поѣдутъ.

— Ты повезешь, милый?—вкрадчиво-нѣжно спросила Лина, прижимаясь къ мужу, и, заглядывая въ его глаза, ласкала своими просительными глазами.

Варенцовъ сказалъ, что повезетъ Лину, если дадутъ отпускъ, и одобрилъ всѣ ея планы.

— И будемъ каждый годъ немного откладывать, Лина!— прибавилъ онъ.

— Само собою разумѣется, со второго года, какъ покроемъ заемъ. Вѣдь мы не будемъ дѣлать пріемовъ, Вики... Къ чему?

— Конечно... Зачѣмъ пріемы?

— Развѣ только скромные журфиксы, безъ ужина, безъ вина. Чай и бутерброды. Правда? Пусть будетъ одинъ вечеръ для знакомыхъ.

Варенцовъ не отвѣчалъ.

Его идиллическое настроеніе подернулось легкой дымкой.

И съ необычной порывистостью вдругъ сказалъ:

— Линочка! Одна ты другъ... Одна... И понимаешь меня и сочувствуешь...

Варенцовъ благодарными и умиленными глазами смотрѣлъ на жену.

— Милый!..

Лина обняла мужа и сказала:

— Если не хочешь журфиксовъ... Богъ съ ними!

— Отчего же... А если нѣкоторые знакомые — друзей у меня нѣтъ—станутъ за глаза бранить. Пусть бранятъ... Это меня не огорчитъ.

— Еще бы огорчаться! Плюнуть и все!

— Не объясняться же!

— И молодецъ, Вики...

Лина внезапно загорѣлась при мысли, что знакомые будутъ бранить мужа и ее. Навѣрно ее. И теперь говорятъ, что Вики подъ ея вліяніемъ.

И, негодующая, не безъ презрѣнія воскликнула:

— Это кто же осмѣлится тебя бранить, кто?

— Многіе, Лина! И не стоитъ волноваться...

— Не твои ли сослуживцы: Никольскій, Обрашевичъ и Ивановъ? Если и будутъ шипѣть, то изъ зависти... Имъ не предложили. Или толстякъ Николаевъ? Хорошъ!? Нахватываетъ изъ двухъ правленій пятнадцать тысячъ и говоритъ, что независимый и принципіальный врагъ казенной службы... Ужъ не Наумовъ ли? Еще бы! Этотъ навѣрно будетъ тебя ругать. Нигдѣ не умѣетъ работать. Лѣнтяй. Нигдѣ не уживается и воображаетъ, что страдаетъ изъ-за независимыхъ взглядовъ. Пусть и не является... Знаетъ, что ты не возьмешь его къ себѣ... А то съ восторгомъ пошелъ бы... Или дура Недлинная, которая воображаетъ, что талантъ, оттого, что печатаютъ ея глупыя повѣсти изъ-за того, что лебезитъ передъ редакторами. Или кузиночка Вава? Дурища! А тоже: непонятая натура, считаетъ, что обворожительна... Еще бы, какъ такимъ нашимъ знакомымъ не бранить человѣка, который умнѣе ихъ и думаетъ и живетъ не по шаблону. Развѣ они понимаютъ тебя? Повѣрь, Вики, они всѣ будутъ къ намъ ѣздить... И пусть! Пусть злятся, что мы любимъ другъ друга и хорошо живемъ.

Варенцовъ зналъ, что Лина «увлекается», когда говоритъ про знакомыхъ. Теперь ему было очень пріятно слушать злословіе Лины. Ему казалось, что дѣйствительно многіе знакомые его не понимаютъ...

Съ презрительнымъ злорадствомъ вѣрной и любящей жены,

свято исполняющей долгъ, Лина стала сплетничать про знакомыхъ дамъ и пріятельницъ, обманывающихъ мужей и имѣющихъ любовниковъ.

Она съ такимъ страстнымъ увлеченіемъ разсказывала подробности чужихъ любовныхъ отношеній, словно бы сама присутствовала при интимныхъ свиданіяхъ любовниковъ и словно бы сама смаковала этими подробностями, созданными ея пылкой фантазіей.

«Вотъ какія жены и какая я!»—говорило, казалось, все это злословіе.

Вики только возмущался, что кузиночки Вава и Лина и всѣ эти знакомыя дамы такія безстыдныя и безсовѣстныя и мужья такіе слѣпые или подлые, безмолвно признавшіе «ménage à trois».

И Варенцовъ, казалось, еще болѣе цѣнилъ свой «ménage» и думалъ:

«Какая Лина чудная и какой онъ безукоризненный любящій мужъ».

— Да... Мы счастливы, Лина!—почти-что умиленно произнесъ онъ.

И скоро они пошли въ столовую пить чай.

VII.

Когда Лина подала мужу стаканъ, она сказала:

— Ну, разумѣется, твой отецъ будетъ недоволенъ...

— Еще бы!

— Ты извини, Вики. Онъ просто обозленный, безсердечный циникъ... Какой онъ отецъ!.. Развѣ ты ему близокъ? Только иронизируетъ и хихикаетъ разъ въ недѣлю, когда обѣдаетъ. Онъ вѣдь воображаетъ, что только онъ уменъ и все понимаетъ... Навѣрное скажетъ мнѣ какую-нибудь гадость.

— Тебѣ-то за что?

— За то, что вообразитъ, будто ты изъ-за меня перемѣняешь службу...

— Нѣтъ, Лина... Онъ знаетъ меня. И сдѣлаетъ мнѣ настоящій бенефисъ...

— Не обращай вниманія. Точно не знаешь своего родителя... На старости. юбочникъ... Бѣгаетъ за всякой... Воображаетъ, что можетъ имѣть успѣхъ... Одинъ срамъ... И еще смѣетъ читать тебѣ нотаціи.

— Промоталъ состояніе; въ шестьдесятъ лѣтъ ни положенія ни средствъ. По уши въ долгахъ и проблематическіе заработки. Легкомысленный и безпутный человѣкъ!—не безъ снисходительнаго сожалѣнія проговорилъ Варенцовъ.

— Но, Вики... Ты не волнуйся и не спорь съ нимъ, если онъ устроитъ тебѣ бенефисъ. Онъ — все-таки отецъ. Не раздражай его. А я куплю къ обѣду хорошаго краснаго вина. Онъ и отойдетъ...

— Разумѣется, спорить съ нимъ не буду... Безполезно...

И прибавилъ:

— Недурное вино можно имѣть и за рубль, Лина.

Лина нашла, что за рубль отличное, и спросила:

— Вѣрно, твой отецъ не вернулся?

— Шатается гдѣ-нибудь за границей.

— На какія же это деньги?

— Какой-нибудь учебникъ продалъ и, конечно, за безцѣнокъ... Но, кажется, получилъ тысячу. А вернется—безъ гроша.

— Ты, Вики, предложи ему... немного денегъ... Это его тронетъ... Такъ, рублей пятьдесятъ...

— Не возьметъ. И безъ меня вывернется... Точно не знаешь фатера, Лина. Вѣрно, мы скоро его увидимъ и, конечно, въ модномъ сьютѣ, — съ улыбкой проговорилъ Варенцовъ.

— И опять поселится въ какой-нибудь меблированной комнатѣ... Несчастный!

— Да, Лина... А вѣдь могъ бы быть попечителемъ округа... Во всякомъ случаѣ получалъ бы три тысячи пенсіи, если бы не легкомысліе—этотъ эффектный выходъ изъ университета!.. И самъ виноватъ. Самъ! — сентенціозно, съ серьезнымъ видомъ прибавилъ Варенцовъ и словно бы аккуратно занумеровалъ свою безпристрастную, вполнѣ законную резолюцію, приканчивая ею дѣло о безпутномъ отцѣ, ex-профессорѣ Николаѣ Петровичѣ.

Лина еще строже подтвердила:

— Конечно, самъ виноватъ.

И о безпутномъ отцѣ больше не говорили.

Варенцовъ, единственный сынъ, когда-то очень любимый отцомъ, все-таки испытывалъ чувство смущенія и трусости при мысли о встрѣчѣ съ «фатеромъ», котораго высокомѣрно считалъ легкомысленнымъ, а себя—необыкновенно послѣдовательнымъ и основательнымъ человѣкомъ.

Но эти непріятныя ощущенія скоро прошли. Лина снова заговорила о дальнѣйшихъ предположеніяхъ будущаго устройства. И снова перечисляла все, что̀ слѣдовало бы купить, безъ чего нельзя обойтись и что̀ можно пока не покупать.

— Какъ думаешь, милый?—спрашивала Лина.

Противорѣчій почти не было. Вики былъ въ щедромъ настроеніи, и Лина старалась имъ воспользоваться.

— Пойдемъ-ка, Вики, и запишемъ, что̀ нужно купить...

Супруги пошли въ «уголокъ».

Лина распустила свои роскошные волосы, присѣла къ письменному столику и стала набрасывать примѣрную смѣту расходовъ.

Варенцовъ ходилъ по комнатѣ и по временамъ останавливался передъ Линой и спрашивалъ:

— Ну, сколько, Лина?

— Подожди, милый... Подожди...

Когда Лина подвела итогъ, онъ такъ превысилъ цифру предположеннаго займа, что Лина не хотѣла показать этой цифры мужу и должна была уменьшить цѣны на многіе предметы.

Но все-таки тысячи рублей мало.

И Лина озабоченно проговорила:

— Придется многаго не покупать или покупать дрянь... А по-моему, порядочныя вещи выгоднѣе. Не правда ли, Вики?.

— Конечно...

— Такъ я многое исключу... Кабинетъ тебѣ необходимъ... Гостиную перемѣнимъ... «Гнѣздышко» оставимъ, какъ оно теперь... Бѣлье себѣ, два платья и капотъ — не сдѣлаю... Только одно простенькое... И въ этомъ капотѣ похожу... Вѣдь не очень затасканъ, Вики?

Варенцовъ былъ тронутъ деликатностью Лины.

Онъ горячо протестовалъ противъ такого сокращенія. Лина должна сдѣлать для себя все, что̀ назначила.

— Лучше повременимъ съ новой гостиной, Лина.

— Такъ ты хочешь, чтобы тебѣ больше нравилась порядочно одѣтая жена?—съ шутливымъ кокетствомъ проговорила Лина. — Изволь, Вики! Сдѣлаю два платья и капотъ у хорошей портнихи и закажу бѣлье... Я, право, обносилась... Какой хочешь капотъ?.. Красный идетъ?

— Очень... Тебѣ идутъ капоты...

— Такъ сдѣлаю красный... И прикажешь, чтобы я сдѣлала изъ нашей спальной хорошенькое гнѣздышко? Разумѣется, устрою. И не будетъ дорого. А съ гостиной подождемъ? Очень ужъ она у насъ скверная... Впрочемъ, какъ хочешь...

Но Лина не хотѣла объ этомъ и думать.

«Безъ гостиной какая же будетъ уютная квартира!» — подумала молодая женщина и про себя рѣшила, что будетъ и новая гостиная.

— Ой, ой! Ужъ двѣнадцать! — воскликнула Лина, взглянувъ на свои маленькіе часы на письменномъ столѣ.—Намъ рано вставать. Завтра еще наговоримся, а теперь не угодно ли, Вики, спать...

Она поднялась и потянулась.

— Спать хочется.

И Лина взглянула на Вики значительнымъ, серьезнымъ и словно бы застланнымъ взглядомъ, прильнула къ его губамъ и, заалѣвшая, отводя губы, сказала:

— А знаешь ли что, Вики?

— Что, красавица?

— Не займемъ ли лучше двѣ тысячи и сразу устроимся? Дядя Вася дастъ въ долгъ съ разсрочкой... Онъ любитъ тебя и не откажетъ. Я сама его попрошу... Не правда ли, милый? У него вѣдь есть деньги, хоть онъ и скрываетъ. И какое намъ дѣло, откуда онѣ?.. Ну, иди, ложись. А я только завьюсь—и спать!

VIII.

На слѣдующее утро Варенцовъ поѣхалъ во фракѣ къ Козлову, а Лина въ черномъ старенькомъ платьѣ поѣхала на Васильевскій островъ къ дядѣ Васѣ.

Дядя Вася былъ второй братъ ех-профессора Варенцова, дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ совѣта министра, получающій очень скромное жалованье. Но онъ не жаловался на судьбу и обиженнымъ себя не называлъ, хотя иногда и говорилъ, что нынче престижъ дворянства падаетъ.

Старый холостякъ, Василій Петровичъ Варенцовъ былъ, какъ и любимый имъ племянникъ Вики, аккуратный и чистенькій, всегда сдержанный, вѣжливый и любезный. Дядя признавалъ родственныя чувства и очень цѣнилъ вниманіе къ себѣ особенно тѣхъ племянницъ и племянниковъ, которые не жаловались ему на свои скверныя денежныя дѣла.

Болѣе солидныхъ родственниковъ онъ изрѣдка навѣщалъ и всегда приносилъ фунтъ конфетъ въ рубль, дешевые фрукты или скверную бутылку вина и на праздники дарилъ грошовые сувениры, выражая сожалѣніе, что лучшихъ дать не въ состояніи: жалованье у него маленькое.

И дядя Вася по этому поводу любилъ говорить о долгѣ каждаго честнаго человѣка жить по средствамъ и быть очень аккуратнымъ въ денежныхъ дѣлахъ, и затѣмъ часто распространялся о благородныхъ чувствахъ. Послѣ обѣда даже говорилъ со слезой о несчастномъ братѣ Николаѣ и жаловался, что братъ точно отшатнулся отъ него. Никогда не заѣдетъ. Точно онъ чужой.

Хотя дядя Вася и часто подчеркивалъ, что онъ едва сводитъ концы съ концами, тѣмъ не менѣе многіе подозрѣвали, что у него есть деньги, и не маленькія, и что онъ, несмотря на свои благородные разговоры, былъ ростовщикъ.

По крайней мѣрѣ многіе пріѣзжавшіе къ дядѣ Васѣ рано утромъ могли видѣть Аронсона, молодого еврея съ умнымъ лицомъ, который тотчасъ же исчезалъ. Многіе знали, что Аронсонъ давалъ деньги подъ проценты, и, конечно, не всѣ догадывались, что онъ былъ подставнымъ лицомъ и за дѣйствительнаго статскаго совѣтника рисковалъ ссылкой.

А Лина изъ вѣрнаго источника узнала, что у дяди Васи есть деньги. Этимъ вѣрнымъ источникомъ была Иренья, экономка, жившая у дяди Васи лѣтъ десять, еще свѣжая и пригожая женщина лѣтъ за тридцать, опрятная, чисто одѣтая, съ пышною грудью, широкими бедрами и добрыми ласковыми глазами.

Лина обворожила Иренью, прежнюю горничную, и привѣтливостью и маленькими подарками. И однажды, какъ-то ловко допрошенная Варенцовой, Иренья по секрету сообщила доброй барынѣ, что у барина навѣрное есть большой капиталъ, который онъ по своей скупости «не оказываетъ».

— А жидъ прежде каждое утро ходилъ, а года два ужъ не ходитъ.

«И хорошо, что не приходитъ!»—подумала Лина, имѣвшая понятіе о новомъ законѣ противъ ростовщичества.

И, словно бы не понимая роли Ирены, просила ее попрежнему беречь одинокаго дядю Васю.

Дядя Вася, казалось, особенно былъ расположенъ къ племяннику Виктору и его женѣ. Они были основательно аккуратные люди, долговъ не дѣлали, живутъ дружно, внимательны къ дядѣ, не имѣютъ скверныхъ подозрѣній насчетъ привычки стараго человѣка къ экономкѣ и ни разу не просили денегъ.

IX.

— Можно, дядя?—веселымъ, ласковымъ голосомъ спросила Лина, постучавши въ двери.

И, не выждавши отвѣта, она вошла въ большой, свѣтлый кабинетъ и, приблизившись къ письменному столу, поцѣловалась съ маленькимъ, чистенькимъ, круглолицымъ и слегка надушеннымъ дядей Васей въ короткомъ пиджачкѣ и съ яркимъ галстукомъ.

— И какой же ты молодецъ, дядя! — сказала Лина тотъ словно бы невольно сорвавшійся искренній комплиментъ, который такъ радуетъ молодящихся стариковъ второй молодости.

Дѣйствительно «дядя Вася» казался моложе своихъ лѣтъ, которыя онъ скрывалъ и говорилъ, что ему пятьдесятъ два. Отливавшее румянцемъ лицо съ гладко выбритыми пуховыми щеками и подбородкомъ, съ накрашенными маленькими усами надъ крупными губами и слегка выпученными молодыми гла-

зами; маленькая фигура крѣпкая и плотная; круглая черноволосая съ сѣдиной голова, коротко остриженная; руки холеныя съ брильянтомъ на мизинцѣ,—все въ немъ было свѣжо и молодо.

— Садись, очень радъ тебя видѣть. Ничего, слава Богу, не смѣю жаловаться... Чѣмъ-угощать дорогую гостью?—слегка нѣвуче и ласково говорилъ дядя Вася и придавилъ у стола пуговку электрическаго звонка.

— Сыта, голубчикъ дядя... Ничего не надо! Здравствуйте, Иренья!—привѣтливо отвѣтила Лина на поклонъ экономки.

— Кофе, шоколаду?.. Иренья отлично варитъ.

— Знаю... Мастерица!.. Я только-что пила, дядя...

И, когда экономка ушла, Лина прибавила:

— Какая славная у тебя эта Иренья. Вѣжливая, аккуратная... Какой у тебя вездѣ порядокъ...

— Да, Линочка, честная и добросовѣстная... И преданный человѣкъ...

— А я вѣдь къ тебѣ такъ рано, дядя, чтобы первому сообщить радостную вѣсть. Вики получилъ блестящее положеніе... Семь тысячъ...

Дядя Вася былъ умиленъ.

— Такое мѣсто... И семь тысячъ?!.—воскликнулъ Василій Петровичъ, теряя обычную сдержанность.

И затѣмъ спросилъ:

— Кто это устроилъ Виктору?.. Чья протекція?

— Ничья!

— Да что ты говоришь, Линочка! Конечно, Викторъ умница и отличный работникъ... Но развѣ безъ протекціи возможно получить такое мѣсто?.. Ты этого, вѣрно, не знаешь...

— Но право же, дядя... Вики самъ удивился... Вѣрно, Козловъ узналъ отъ прежняго начальника Вики... И какъ это неожиданно устроилось, дядя... Самъ Козловъ вчера позвалъ по телефону Вики и предложилъ.

И Лина съ увлеченіемъ повторила разсказъ мужа объ его свиданіи.

Василій Петровичъ внималъ съ такимъ восторгомъ, какъ будто самъ онъ внезапно получилъ блестящее предложеніе. И изрѣдка восклицалъ:

— Умница Викторъ... Такое мѣсто... И впереди...

— Что впереди, дядя?

— Товарищъ министра... Непремѣнно...

— Я знала, что ты будешь радъ за Вики... Милый дядя!.. Но ты понимаешь, что новое положеніе обязываетъ...

— Именно обязываетъ...

— Нужна новая квартира... Освѣжить обстановку... Вики

нуженъ кабинетъ... Мнѣ одѣться... Разумѣется, никакой роскоши... Но все-таки... Не правда ли, дядя?

— Ты умница, Лина... Умница...

— И какъ мнѣ непріятно дѣлать долгъ... А мы съ Вики рѣшились на это... Вѣдь не на пустяки... Хотимъ занять съ разсрочкой и, конечно, за небольшіе проценты, чтобы устроиться прилично...

— И много хотите занять?

— Двѣ тысячи, дядя... Меньше не обойтись... мы ужъ составили смѣту...

Василій Петровичъ вдругъ сталъ серьезенъ, и, казалось, въ душѣ его происходила борьба. Но онъ вспомнилъ, что племянникъ Вики во всякомъ случаѣ получитъ какъ его наслѣдникъ десять тысячъ, и такое мѣсто... И оба они всегда внимательны и никогда не просили денегъ.

— Такія деньги и у меня найдутся, Линочка... Недавно на выигрышный билетъ выигралъ... Я самъ вамъ дамъ ихъ взаймы...

И, словно бы самъ растроганный своимъ вниманіемъ, онъ прибавилъ:

— И съ разсрочкой и за самые маленькіе проценты... Я радъ помочь бѣднымъ людямъ...

— Дорогой, милый, благодарю...

И Лина поцѣловала дядю Васю.

Василій Петровичъ написалъ чекъ, выдалъ его Линѣ и попросилъ ее написать расписку.

— Скажи, чтобы и Викторъ подписалъ... Понимаешь, для памяти... Я завтра же приду поздравить Витю. А тебя, красавицу, позволь поздравить сейчасъ!

И дядя Вася крѣпко поцѣловалъ Лину въ губы.

X.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ посѣщенія Варенцовой магазиновъ и хлопотъ по устройству новой квартиры въ третьемъ этажѣ большого дома на Кирочной, Лина наконецъ успокоилась, прикончивъ все убранство.

Все ей казалось необыкновенно «мило» и не такъ, какъ у другихъ.

И Лина съ горделивымъ чувствомъ удовлетворенности любовалась шестью комнатами, особенно гостиной съ новой голубой мебелью, трельяжами, цвѣтами, двумя трюмо и высокой лампой съ огромнымъ шелковымъ абажуромъ, и «гнѣздышкомъ» — большой комнатой съ пушистымъ ковромъ, съ хорошенькимъ письменнымъ столомъ, новыми рамками фотографій и шелковыми низенькими ширмами, закрывающими роскошныя

кровати съ бѣлыми кружевными покрышками и съ фонарикомъ на срединѣ потолка, льющимъ по вечерамъ томный свѣтъ.

Она заглядывала и въ свѣтлую, чистую кухню, на полкахъ которой сверкали разставленныя мѣдныя кастрюли, сковородки и другая нужная посуда.

Новая бонна-англичанка (изъ петербургскихъ, впрочемъ, англичанокъ) казалась Линѣ вполнѣ приличной и порядочно одѣвавшейся. Довольна была Варенцова и кухаркой за повара, и новой горничной, которой было велѣно ходить въ бѣломъ чепцѣ и бѣломъ фартукѣ.

И молодая женщина испытывала удовольствіе благополучія и обезпеченности и пріятной увѣренности въ томъ, что долѣе сохранитъ свою красоту при средствахъ и въ «красивой рамкѣ». Она считала себя еще болѣе властной и сильной оттого, что стала еще интереснѣе и привлекательнѣе и могла дольше поддерживать влюбленность Вики заботой о холѣ своего тѣла, всегда хорошо одѣтая и особенно когда по вечерамъ надѣнетъ свой новый, ослѣпительный красный капотъ съ прозрачной кружевной шемизеткой и съ широкими рукавами, изъ-подъ которыхъ оголялись красивыя полныя руки.

Лина показывала мужу убранство квартиры, обращая его вниманіе на всѣ мелочи, и спрашивала Вики:

— Не правда ли, уютно, Вики? Не правда ли, мило? И, право, мы устроились недорого. Зато сколько я торговалась, сколько я хлопотала, Вики, чтобы обошлось намъ дешевле!..

Варенцовъ находилъ, что все мило и со вкусомъ. Разумѣется, вошли въ долги. Онъ не любитъ долговъ, но...

— Но долгъ не долженъ насъ безпокоить... Дядя Вася предложилъ такъ мило. Онъ понялъ, что въ нашемъ новомъ положеніи слѣдовало жить приличнo, и всего по сту рублей въ мѣсяцъ... Незамѣтно уплатимъ.

Со службы Варенцовъ пріѣзжалъ въ шесть часовъ, и уже теперь обѣдъ былъ всегда готовъ и Лина была дома къ обѣду, зная, что Вики былъ бы недоволенъ, если бы ему пришлось дома дожидаться или обѣдать безъ жены.

Возвращался Варенцовъ довольный и не разъ говорилъ, что на службѣ все идетъ хорошо, и что Козловъ доволенъ его работой. Но, разумѣется, приходится много работать, и онъ не боится работы.

Хотя Вики теперь и имѣлъ въ ея глазахъ бо́льшую значительность, чѣмъ прежде, и она была болѣе внимательна и ласкова съ нимъ, но, когда все «устроилось», первый порывъ радости «событія» прошелъ и Вики, разумѣется, и не думалъ больше говорить о щекотливости компромиссовъ, — разговоры Вики стали казаться ей попрежнему скучноватыми, особенно

когда онъ «тянулъ», разсказывая о своихъ служебныхъ дѣлахъ или философствуя насчетъ необходимости и бережливости «вообще».

Лина уже не показывала скуки отъ этихъ tête-à-tête, какъ прежде, да и Вики, казалось, понемногу входилъ въ роль равноправнаго супруга и господина, понимающаго, что онъ создалъ благополучіе, но — звали въ театръ или на журфиксъ къ знакомымъ, болѣе подходящимъ къ новому ихъ положенію, и если Вики долженъ былъ заниматься, — Лина уѣзжала одна, упрашивая пріѣхать за ней попозже.

Пришлось имъ познакомиться и съ нѣсколькими изъ новыхъ сослуживцевъ. Они казались нѣсколько однообразными съ ихъ разговорами, — преимущественно служебными слухами и сплетнями, болѣе или менѣе банальнымъ злословіемъ про другія вѣдомства и про ихъ начальниковъ и повтореніемъ газетныхъ извѣстій о театрѣ и какомъ-нибудь скандалѣ. И общій тонъ отзывался бо̀льшимъ индифферентизмомъ къ какому-нибудь интересному вопросу или къ какому-нибудь явленію, дѣйствующему на нервы. Точно все на свѣтѣ малоинтересно кромѣ того, что̀ дѣлается въ департаментѣ, а если въ обществѣ о чемъ-нибудь и «болтаютъ», — преувеличенно обвиняя правительственныхъ агентовъ и находя недостаточно современными наши устои, — то этой болтовней занимаются неосновательные люди безъ положенія или молодые люди, которыхъ сбиваютъ разные мерзавцы. Пусть-ка болтуны посмотрятъ, что̀ дѣлается теперь въ Англіи.

Все это были максимы, не подлежащія сомнѣнію.

И Варенцовы, еще недавно часто водившіе другіе разговоры, должны были отмалчиваться или даже и поддакивать.

Посѣщали Варенцовыхъ и прежніе знакомые, поздравляли ихъ не безъ завистливаго чувства къ счастливцамъ и, конечно, надѣялись, что такой умный и либеральный человѣкъ, какъ Викторъ Николаевичъ, сдѣлаетъ на новомъ мѣстѣ много хорошаго.

Однако два-три прежнихъ знакомыхъ перестали заглядывать къ Варенцовымъ, и Лину это злило, хотя она успокаивала себя тѣмъ, что эти господа не ходятъ изъ зависти.

«Ну, положимъ, Наумовъ и Ивановъ не могутъ простить Викѣ, что онъ получилъ блестящее назначеніе... А Биркинъ?..»

Ей нравился этотъ живой и интересный брюнетъ лѣтъ сорока, служившій, послѣ многихъ житейскихъ невзгодъ, въ какомъ-то правленіи, который, казалось ей, любилъ заходить къ нимъ и особенно горячо говорилъ съ нею о литературѣ, о жгучихъ злобахъ, объ этикѣ и часто приносилъ ей подписные листы на какія-нибудь благотворительныя дѣла... Онъ, пови-

димому, неравнодушенъ къ ней и не былъ узкимъ прямолинейнымъ ригористомъ, былъ уменъ, казалось, терпимъ къ чужимъ мнѣніямъ и не стѣснялся въ знакомствахъ хотя бы и съ людьми, какъ онъ говорилъ, иной вѣры.

И этотъ Биркинъ вдругъ исчезъ...

Это особенно злило Лину. Ей хотѣлось, чтобы онъ могъ ее видѣть въ ея простенькомъ домашнемъ платьѣ или въ ослѣпительномъ капотѣ. Биркинъ былъ такимъ близкимъ знакомымъ, что его можно было бы принять и въ капотѣ, сославшись на нездоровье.

И однажды вечеромъ Лина сказала Вики:

— Биркинъ, вѣрно, неожиданно уѣхалъ изъ Петербурга куда-нибудь...

Варенцовъ вдругъ вспыхнулъ.

— Не уѣзжалъ, Лина... Я его вчера еще встрѣтилъ на улицѣ.

— И вы разговаривали?

— Онъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ меня...

— Конечно, въ самомъ дѣлѣ не узналъ?

— Конечно, въ самомъ дѣлѣ отвернулся, Лина... Я думалъ, что онъ умнѣй! — прибавилъ со злобнымъ чувствомъ Варенцовъ. — Надѣюсь, ты не очень жалѣешь, что онъ больше не благоволитъ къ намъ?

— Какая скотина! — вспылила Лина.

И тотчасъ прибавила:

— Точно онъ не знаетъ тебя, милый!

Варенцовъ пожалъ плечами и презрительно промолвилъ:

— Вѣрно, считаетъ себя солью земли, потому что что-то болтаетъ и чему-то сочувствуетъ...

И снова вспыхнулъ, вспомнивъ оскорбительную для него встрѣчу съ Биркинымъ, о которой онъ не сказалъ вчера женѣ и которая напомнила Варенцову, что и онъ «чему-то» сочувствовалъ и даже объ этомъ читалъ рефератъ.

«А теперь какой рефератъ!?» — подумалъ онъ.

— Я не думала, что Биркинъ такъ грубъ... Разумѣется... мы не знакомы... И кузиночка Вава хороша! Вотъ дура!..

— А что?

— Пришла... Все осматривала. Злилась оттого, что она не можетъ такъ жить... Ея-то другъ, — я знаю, какой другъ этотъ приватъ-доцентъ, съ которымъ она всюду! — проповѣдуетъ акриды и медъ, и она какъ попугай за нимъ... «Ахъ, Лина, какая ты стала буржуазка. . Ты совсѣмъ измѣнилась... Вмѣстѣ со своимъ Вики вы, говоритъ, измѣнили своимъ честнымъ взглядамъ»... Ну, я безъ церемоніи и назвала ее дурой... Надѣюсь, она больше ни ногой...

— Потеря не велика! — усмѣхнулся Варенцовъ.

— Еще бы! Я прежде думала, что она хоть и дура, но все-таки добрая... А выходитъ и злая и... развратная... Удивляюсь, какой оселъ ея мужъ... Кажется, доволенъ своимъ menage à trois... Воображаю, что̀ станетъ она врать на насъ...

Варенцовъ задумался и черезъ минуту проговорилъ:

— Знаешь ли что̀ я тебѣ скажу, Лина?

— Что̀, милый?

— Надо намъ вообще быть осторожнѣе въ знакомствахъ... Ты понимаешь... Все-таки положеніе! Не слѣдуетъ компрометировать себя человѣку, который... — ты понимаешь, Лина?— который можетъ быть современемъ государственнымъ человѣкомъ и сдѣлать что-нибудь хорошее для Россіи!.. — не безъ апломба проговорилъ Варенцовъ.

— Умница! — восторженно проговорила Лина.

Въ эту минуту горничная подала Варенцову письмо.

Онъ взглянулъ на почеркъ и сказалъ:

— Отъ отца...

— Откуда?

— Городское...

— Отчего же онъ не пришелъ къ сыну?.. Хорошъ отецъ!

Варенцовъ прочелъ письмо и, передавая его женѣ, смущенно промолвилъ:

— Читай, Лина.

Лина прочла необыкновенно грустное письмо ex-профессора. Онъ писалъ между прочимъ, что не можетъ пока повидаться съ нимъ... а почему?—Викторъ, вѣрно, догадается...

«Я все-таки думаю, — прибавлялъ отецъ:— что твоя жена— главная виновница въ томъ, что ты служишь дѣлу, которому не вѣришь, и будешь равнодушенъ къ правымъ и виновнымъ».

— Хорошъ отецъ!.. — озлобленно проговорила Лина.

— Удивляюсь, что еще не ругается... Онъ-то что̀ дѣлалъ и какому именно дѣлу служилъ?.. — сказалъ Варенцовъ.

— Только разорилъ семью и... давно отшатнулся отъ тебя, Вики...

— Да... Неосновательный и безпутный человѣкъ, не понимающій, что у насъ иныя задачи и мы живемъ въ другія времена! — высокомѣрно промолвилъ Варенцовъ.

— Эгоистъ твой отецъ, вотъ что̀... И смѣетъ думать, что я могу вліять на тебя... Да развѣ это не вздоръ, милый?..

И Лина обняла Вики и напомнила, что они сегодня вечеромъ ѣдутъ на журфиксъ къ директору департамента.

КУДА УЙТИ?

I.

Валерій Николаевичъ Привольевъ, крупный, свѣжій и видный курчавый блондинъ подъ сорокъ, съ очень бѣлымъ, отливавшимъ нѣжнымъ румянцемъ и нѣсколько рыхлымъ лицомъ, напоминающимъ недошедшее заливное, въ этотъ зимній день обѣдалъ торопливо и безъ обычнаго плотояднаго вниманія къ наваристому супу съ фрикадельками, кровяному ростбифу и трубочкамъ со взбитыми сливками.

Идеальный, еще влюбленный мужъ, любящій прелесть домашняго очага, Валерій Николаевичъ не разсказывалъ сегодня женѣ новостей и свѣжихъ сплетенъ, которыя обыкновенно привозилъ со службы, мило пошутилъ съ двумя птенцами, очень похожими на него, и не спорилъ со своимъ гостемъ Иваномъ Ивановичемъ Безбородовымъ, давнишнимъ другомъ-ровесникомъ, худощавымъ чиновникомъ-скептикомъ и неисправимымъ спорщикомъ.

Привольевъ только любезно подавалъ реплики и помалчивалъ, пощипывая свою выхоленную шелковистую бороду и стараясь скрыть нетерпѣніе поговорить съ Иваномъ Ивановичемъ наединѣ.

Когда взрослые окончили пирожное, Валерій Николаевичъ съ обычной своей мягкостью деликатнаго мужа попросилъ у хозяйки позволенія встать.

Она поднялась, разрѣшивъ дѣтямъ остаться и съѣсть еще по трубочкѣ.

— Но не больше, фрейлейнъ, пожалуйста!—сказала боннѣ молодая женщина.

— О, ja! О, ja! — отвѣтила, вся краснѣя, нѣмка изъ Эстляндіи.

Видъ этой дѣвицы, самолюбиво-застѣнчивый и въ то же время самодовольно-исполнительный, словно бы говорилъ объ ея добросовѣстности и ревностной глупости.

И Привольева подавила вздохъ.

«Найди-ка бонну умнѣе за двѣнадцать рублей!» — подумала она.

Валерій Николаевичъ быстро поднялся, подошелъ къ женѣ, горячо и крѣпко «по-влюбленному» поцѣловалъ ея руку и проговорилъ, точно просилъ:

— А нельзя ли кофе намъ послать въ кабинетъ, Лика?

Лика, какъ звалъ мужъ Лидію Антоновну, стройная, хорошо сложенная и изящная, въ ярко-пунцовомъ лифѣ и черной юбкѣ, средняго роста брюнетка, разумѣется, не имѣла ни малѣйшаго повода уменьшать свои тридцать два года,—такъ она была привлекательна рѣдкимъ сочетаніемъ красоты и ума.

Она не спросила мужа, какія тайны торопится онъ сообщить другу,—Лика къ тому же и догадывалась.

И, ласково улыбаясь большими грѣющими глазами, она быстро, съ нѣжной шутливостью, провела по щекѣ мужа ласковой, душистой и красивой рукой съ нѣсколькими блестѣвшими кольцами на мизинцѣ и съ обручальнымъ кольцомъ на безыменномъ пальцѣ и сказала:

— Сейчасъ подадутъ, Валерій...

И участливо спросила:

— Ты встревоженъ по службѣ?

— Не особенно, Лика...

— То-то... Не волнуйся... Право, милый, не стоитъ. Вездѣ одно и то же... Всѣмъ порядочнымъ людямъ трудно!—заботливо утѣшала жена мужа.

И, снова пригладивъ любящимъ и слегка покровительственнымъ взглядомъ, прибавила:

— Ну, иди, иди въ кабинетъ... Спорь съ Иваномъ Иванычемъ... А я почитаю дѣтямъ сказку...

— Милая!—сердечно шепнулъ Валерій Николаевичъ.

II.

Привольевъ взялъ за талію друга и черезъ залу провелъ въ небольшой кабинетъ, убранный не безъ претензій.

Фотографіи Лики, дѣтей и нѣсколькихъ писателей красовались на стѣнахъ. Большой письменный столъ, мягкія кресла, шкапъ съ книгами и оттоманка, словомъ—все, какъ слѣдуетъ у интеллигентнаго человѣка, получающаго тысячъ пять и подумывающаго иногда и о «душѣ».

Валерій Николаевичъ заперъ двери и, внезапно возбуждаясь, проговорилъ:

— Нѣтъ... Ты послушай, Иванъ Иванычъ, какую сдѣлали

пакость... Я, понимаешь, не хотѣлъ разсказывать при Ликѣ. За что ее волновать заранѣе...

— Ну, конечно...

— Такъ ты выслушай, голубчикъ, и поймешь...

— Позволь, мой другъ, только закурить твою сигару—твои лучше моихъ, ты вѣдь по десяти берешь —и сѣсть въ кресло... Тогда присядь и говори.

Иванъ Ивановичъ закурилъ, поглубже усѣлся въ мягкое кресло и подумалъ, что лучше всего было бы вздремнуть четверть часика послѣ обѣда.

Но, считая одной изъ обязанностей друга быть складочнымъ мѣстомъ дружескихъ изліяній, какъ бы ни были они однообразны и безплодны, Иванъ Ивановичъ самоотверженно готовъ былъ слушать то, что время отъ времени онъ уже добросовѣстно выслушивалъ въ томъ же креслѣ, и не всхрапывалъ, чтобы не потерять единственнаго друга, котораго, конечно, любилъ и у котораго можно было пообѣдать и потомъ повинтить хоть до утра, если бы не строгая Лидія Антоновна, заботившаяся о здоровьѣ этого откормленнаго и влюбленнаго Валерія Николаевича, —какъ сердито думалъ Иванъ Ивановичъ, если приходилось уходить съ проигрышемъ.

Не безъ снисходительно-ядовитой улыбки, обнаружившей скверные зубы человѣка некрасиваго, совсѣмъ худого, желтаго какъ лимонъ и лысаго какъ колѣно, но зато не сомнѣвавшагося, что онъ и умнѣе, и основательнѣе друга, и, главное, не подъ башмакомъ своей жены, — Иванъ Ивановичъ проговорилъ своимъ скрипучимъ и назойливымъ голосомъ:

— Ну, разсказывай, Валерій Николаевичъ... Какая-такая подлость тебя огорчила?..

И только-было началъ Привольевъ, какъ Иванъ Ивановичъ перебилъ:

— Значитъ, опять нашла полоса возмущенія?..

И хихикнулъ.

— Да ты не смѣйся... Ты слушай...

— Слушаю... Не кипятись... Побесѣдуемъ толкомъ, дружище, а потомъ... винтъ устроишь?..

— Тебѣ только винтъ... Устрою, успокойся! Совсѣмъ ты, Иванъ Иванычъ, опустился... Ты войди въ мое положеніе...

Подали кофе, и Валерій Николаевичъ наконецъ сталъ разсказывать о той обыкновенной исторіи въ правленіи, гдѣ служилъ, которую онъ называлъ «подлостью».

Чѣмъ подробнѣе и картиннѣе говорилъ онъ о лакействѣ и пролазничествѣ, о несправедливости и произволѣ, о взяточничествѣ и вымогательствахъ нѣкоторыхъ и завистливомъ по-

пустительствѣ многихъ, о полной безпринципности людей, думающихъ только о наградахъ и деньгахъ,—тѣмъ Привольевъ возбуждался все болѣе и болѣе, и ему было пріятно сознаніе, что все это онъ понимаетъ и что все это его возмущаетъ.

Недаромъ же онъ съ молодыхъ еще лѣтъ возмущался, и Лика знаетъ и любитъ и уважаетъ его за то, что онъ благородный человѣкъ, принимающій къ сердцу все несправедливое и позорное... И сама она такая же благородная и сочувствующая...

— Вѣдь послѣ этого нужно уходить изъ этой клоаки!— воскликнулъ Валерій Николаевичъ.

И въ эту минуту возбужденія, подогрѣтаго своими же словами, Привольевъ, казалось, сейчасъ же ушелъ бы изъ своего учрежденія.

— Вѣдь я самъ подписываю то, что считаю вреднымъ и въ лучшемъ смыслѣ безсмысленнымъ... Я самъ подписываю отчетъ, въ которомъ раздуваются цифры, и многіе вѣрятъ, что наше дѣло, благодаря главному распорядителю, нашему коммерческому генію, стоитъ на идеальной высотѣ... А между тѣмъ еще сегодня...

Иванъ Ивановичъ осторожно зѣвнулъ.

«Вѣдь порядочный и неглупый человѣкъ, а все-таки по временамъ впадаетъ въ трансъ и даетъ представленія!»—подумалъ Иванъ Ивановичъ, увѣренный, что все-таки никуда Валерій Николаевичъ не уйдетъ и даже испугается, если его «великолѣпная королева», Лидія Антоновна, хоть для испытанія согласилась бы съ его благородными намѣреніями бросить клоаку.—«Лидія Антоновна умная женщина и недаромъ же любитъ друга и держитъ его въ уздѣ. Ореолъ безпокойнаго общественнаго человѣка ему оставляетъ и милостиво разрѣшаетъ приносить въ домъ каждое двадцатое число 416 р. 66 к.!»—подсчиталъ въ умѣ Иванъ Ивановичъ.

И когда Привольевъ объяснилъ, что сегодня онъ дѣлалъ то же, что и вчера, но что надо же когда-нибудь кончить, то Иванъ Ивановичъ не безъ ехиднаго намѣренія протянулъ и какъ будто бы сочувственно:

— А награду тебѣ большую назначили къ Новому году?

— Развѣ мнѣ дадутъ?

— Да вѣдь ты дѣльный служащій.

— Кажется...

— И обѣщали полторы тысячи?

— Обѣщали и надули...

— Сколько?

— Семьсотъ... Урѣзали, чтобы дать какому-то «племяннику», который и на службу не ходитъ... Порядки... Прямо со мною подло поступили...

— И очень... Намъ, семейнымъ людямъ, эти наградныя деньги на затычки долгамъ...

— И къ чему надувать?

— А ты разсчитывалъ?.. Ты еще, мой милый, пижонистъ...

— Ну, чортъ съ ихъ деньгами!.. А главное...

— Хочется бросить?

— Именно... И бросилъ бы...

— Что-жъ?.. Ужъ если тебѣ такъ опостылѣло, то уходи!— проговорилъ Иванъ Ивановичъ, словно бы убѣжденный словами друга.

Но Валерій Николаевичъ покраснѣлъ и раздражительно сказалъ:

— Уйди!.. Тебѣ хорошо, вице-директору, говорить: уйди... А куда уйдешь?.. Точно ты не понимаешь моего положенія?.. А ты такъ спокойно говоришь: уйди... Это просто свинство... Съ семьей я едва свожу концы съ концами... И то еще благодаря Ликѣ... Она во всемъ себѣ отказываетъ... Нарядовъ никакихъ... все передѣлываетъ, голубушка... Дѣтямъ какого-то идіота за двѣнадцать рублей должны были нанять... Обивку надо бы въ гостиной подновить и... не можемъ... Все безобразно дорого... И безъ того жмемся, а ты: уйди!.. Что-жъ, позволь тебя спросить, я долженъ Лику и дѣтей въ конурѣ поселить и получать гдѣ-нибудь сто рублей?.. И пощи еще ихъ...

И Валерію Николаевичу представилось, что его любимая, милая и ненаглядная Лика, которая такъ грѣетъ и одна только даетъ смыслъ жизни, и голубчики птенцы, и онъ самъ—въ конурѣ. Она — этотъ ангелъ — безропотно терпитъ, дѣти больны, онъ за сто рублей цѣлые дни корпитъ... Когда представилось, что придется ѣсть впроголодь и Лику запрятать въ кухнѣ, и не болтать съ Ликой въ ихъ уютной, теплой спальнѣ,—Валерій Николаевичъ пришелъ въ ужасъ.

И его небольшая квартира, и его родной очагъ съ Ликой,— этой вѣрной подругой, заботливой женой и очаровательной женщиной, которую послѣ семи лѣтъ онъ еще болѣе любитъ и болѣе влюбленъ въ нее, чѣмъ прежде, и которая, казалось, тоже еще сильнѣе чувствуетъ счастье близости и вѣрнаго и влюбленнаго друга,—вся обстановка, всѣ привычки, словомъ— все, все казалось ему такимъ необходимымъ, дорогимъ и близкимъ, добытымъ послѣ бродяжной жизни необезпеченныхъ правильнымъ заработкомъ интеллигентныхъ людей, что Ва-

лерію Николаевичу казалось безцѣльной подлостью съ его стороны лишить семью удобствъ...

И онъ снова обиженно воскликнулъ:

— А ты: уходи! Нечего сказать... совѣтъ!

— Такъ оставайся...

— Къ сожалѣнію, долженъ... Понимаешь: долженъ! Ты, небось, не уходишь?

— Еще бы... И не думаю.

— И не думаешь!.. Или твой хомутъ такая прелесть?

— Такой же, какъ твой, дружище... И атмосфера такая же, какъ и твоя... И мнѣ приходится фарисействовать, какъ и ты... И я, Валерій Николаичъ, такой же, какъ ты! Только не такой красивый здоровякъ, какъ мой благородный другъ, и... знаешь ли еще что? — съ насмѣшкой прибавилъ Иванъ Ивановичъ.

— Что?

— Меня называютъ ретроградомъ-чиновникомъ, а тебя... либераломъ. Ты по временамъ любишь «поманиловствовать» о томъ, что было бы, если бы ничего не было, а я... помалчиваю, дѣлаю, что велятъ—а ты знаешь, что иногда велятъ?— и получаю столько же, что и ты... Ну, а теперь... я тебѣ скажу, куда идти...

— Куда?

— Къ Лидіи Антоновнѣ!

— Затѣмъ?

— Попроси ея разрѣшенія послать за партнерами... Винтить пора. Право, полезнѣе, чѣмъ сотрясать воздухъ.

III.

Нѣсколько сконфуженный вошелъ Валерій Николаевичъ въ спальную.

Дѣти ужъ были уложены, и Лика сидѣла за книгой.

— Ну что, милый, доспорились?..

— Иванъ Ивановичъ совсѣмъ закисъ, Лика, и только хихикаетъ...

— А что?.. Да ты присядь, Валерій... О чемъ вы спорили?

— Да онъ не понимаетъ, что можно возмущаться... Можешь себѣ представить, Лика?

И, присѣвши къ Ликѣ, Привольевъ поцѣловалъ ея руку.

— Чего отъ него ждать... Сухой формалистъ и больше ничего!

— А говоритъ: уйди!

— Пусть онъ самъ уйдетъ съ своего мѣста,— возмущенно сказала Лика.—Ты по крайней мѣрѣ людямъ не вредишь, Ва-

лерій. Ты у меня вѣдь независимый... На сдѣлки съ совѣстью не пойдешь...

— Ну, положимъ, Лика!

— Что положимъ?.. Что ты хочешь сказать, Валя?—спросила Лика, сдерживая волненіе.

— Я только-что разсказывалъ Ивану Ивановичу, Лика...

— Напрасно считаешь его твоимъ другомъ. Хорошъ другъ: «уйди». Что-жъ подало ему такой глупый совѣтъ?..

— Да ты не волнуйся, Лика... Не волнуйся, милая... Ну, ты вѣдь меня знаешь...

— Еще бы не знать своего хорошаго?

— Ну, я говорилъ о непріятностяхъ въ правленіи... Говорилъ, что бросилъ бы правленіе... Ну, конечно, если бы получилъ другое и лучшее мѣсто!—прибавилъ Валерій Николаевичъ, боясь огорчить свою Лику.

— Милый!.. Я знаю, какъ ты всѣхъ насъ любишь, и какъ мы тебя любимъ. Я первая сказала бы: уйди, если бы вездѣ такимъ людямъ, какъ ты, не было подчасъ тяжело... Это вотъ только Ивану Ивановичу вездѣ легко, а ты... Такъ ужъ лучше оставаться тамъ, гдѣ тебя знаютъ и цѣнятъ все-таки тебя... Развѣ не такъ??

— Умница ты моя. Конечно, такъ!

— Они съ тобою подлость сдѣлали... большую подлость!—горячо и возмущенно говорила Лика.—Обманули съ наградными. Я понимаю твое раздраженіе порядочнаго человѣка. Но Богъ съ ними!.. Плюнь на нихъ!.. Безъ этихъ денегъ вѣдь мы не пропадемъ!.. Живемъ же мы съ тобою и не нуждаемся... Я счастлива... Ты вѣдь тоже, кажется, немножко любишь свою Лику?

Любитъ ли онъ?

И вмѣсто словъ Привольевъ обнялъ жену.

— Дѣти у насъ прелестныя. Все у насъ, слава Богу, мирно и хорошо! — радостно говорила Лика, улыбаясь. — Такъ не тревожься, мой милый... Не мучь себя напрасными и незаслуженными упреками... Помни, что хорошіе люди въ такихъ условіяхъ, въ какихъ мы живемъ, приносятъ большую пользу уже потому, что на ихъ мѣстахъ могли быть нехорошіе люди... Развѣ ты не согласенъ?..

Еще бы не согласенъ! Вѣдь Лика говоритъ такъ умно и убѣдительно, что часто думаетъ и онъ. Недаромъ же онъ возмущается и все-таки самъ не дѣлаетъ ничего, что заставило бы его покраснѣть.

И Валерій Николаевичъ уже совсѣмъ успокоился и, обрадованный, что Лика попрежнему считаетъ его если не героемъ,

то во всякомъ случаѣ честнымъ общественнымъ дѣятелемъ, принимающимъ участіе въ разныхъ благотворительныхъ обществахъ вмѣстѣ съ Ликой, горячо и восторженно сказалъ:

— Ты такая... такая прелестная, моя умница... И какъ я счастливъ...

И черезъ минуту весело проговорилъ:

— А на Ивана Иваныча ты не сердись, Лика... Онъ такъ посовѣтовалъ... Вѣрно, думалъ, что у меня есть другое мѣсто... А потомъ, напротивъ, совѣтовалъ не уходить, точно я въ самомъ дѣлѣ идіотъ и злодѣй передъ тобою и дѣтьми, что могъ бы васъ сдѣлать нищими... Не сердись... Лика, на него... Онъ хоть и воображаетъ, что очень уменъ, а... Но все-таки онъ въ сущности добрый.

— Онъ и не стоитъ того, чтобы сердиться... Богъ съ нимъ!..

— И ужъ знаешь ли что?

— Что хочешь, милый?

— Я пошлю за двумя партнерами...

— И отлично... Но не заигрывайся, Валя. Тебѣ вредно.

— Конечно, въ двѣнадцать окончимъ. А ты что будешь дѣлать, Лика?

— Дома останусь... По крайней мѣрѣ почитаю. А на недѣлѣ три собранія... И мы вездѣ должны быть...

Въ первомъ часу партнеры сѣли ужинать.

Хозяинъ съ обычнымъ вниманіемъ отнесся къ скромному ужину, умѣло и хорошо приготовленному и поданному благодаря заботамъ Лики, и, когда выпилъ нѣсколько стакановъ вина и раскраснѣлся, онъ поговорилъ о долгѣ, объ обязанностяхъ общественныхъ людей дѣлать хоть маленькія дѣла, памятуя о большихъ, и не оставлять своихъ постовъ, хотя бы и встрѣчались на нихъ терніи.

Иванъ Ивановичъ, выигравшій десять рублей, не перебивалъ друга, не вставлялъ ехидныхъ примѣчаній и не заводилъ спора. Онъ скромно помалчивалъ и усердно потягивалъ красное вино.

А Лика взглядывала на мужа блестящими ласковыми глазами и думала:

«И какой же онъ добрый и хорошій человѣкъ, и какъ я его люблю!»

ПЬЕСЫ.

ПРЕСС

НА ТО И ЩУКА ВЪ МОРѢ, ЧТОБЪ КАРАСЬ НЕ ДРЕМАЛЪ.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Елизавета Петровна Василькова, старуха 65 лѣтъ, помѣщица.
Лидія, ея внучка, 18 лѣтъ.
Александръ Ивановичъ Васильковъ, отецъ Лидіи, 42 лѣтъ.
Николай Антоновичъ Авакумовъ, 60 лѣтъ, концессіонеръ.
Алексѣй Николаевичъ Авакумовъ, его сынъ, 26 лѣтъ, кандидатъ университета.
Потапъ Потаповичъ Чабановъ, 45 лѣтъ, главный приказчикъ Авакумова.
Баронесса Шперлингъ, 28 лѣтъ.
Карлъ Карловичъ фонъ-Шрекъ, 28 лѣтъ, прокуроръ.
Ефимовъ, техникъ изъ землемѣровъ, 30 лѣтъ.
Галкинъ, **Поспѣловъ**, } инженеры.
Улитовъ, подрядчикъ.
Бениславскій, редакторъ провинціальной газеты, 35 лѣтъ.
Черепнинъ, пріѣзжій изъ Петербурга, 26 лѣтъ.
Князь Стадницкій, 40 лѣтъ.
Ѳедоръ Алексѣевичъ Рогальскій, вліятельное лицо, 70 лѣтъ.
Антропова, губернская дама.
Лиза, ея дочь.
Ефимычъ, слуга Васильковой, 70 лѣтъ.
Агаѳья Ѳедосеевна, няня Лидіи, 60 лѣтъ.
Никаноръ, слуга Авакумова, 40 лѣтъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Комната съ террасой въ садъ; впереди длинная аллея. Изъ комнаты дверь въ залу. Рояль, цвѣты, птица въ клѣткѣ. Утро. Лидія за чайнымъ столомъ. Изъ залы выходитъ Василькова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Василькова и Лидія.

Лидія *(встаетъ и бѣжитъ навстрѣчу Васильковой).* Здравствуйте, бабушка. Хорошо ли спали? *(Цѣлуетъ Василькову).*

Василькова. Хорошо. А ты, внучка?.. *(Треплетъ Лидію по щекѣ, обѣ садятся).*

Лидія. Славно! Послѣ вчерашняго катанья на лодкѣ я, бабушка, такъ устала, такъ устала, что, бросившись въ постель, заснула какъ убитая. *(Подаетъ Васильковой чатку и разливаетъ чай)* Ахъ, извините, бабушка. Не сердитесь, голубчикъ! Вѣчно я или разолью что-нибудь, или уроню. Такая неумѣлая!

Василькова. Эхъ, Лида, Лида! И о чемъ, скажи мнѣ на милость, ты думаешь въ это время? Даже бабушкѣ своей аккуратно чай налить не умѣешь. *(Улыбается)* Какъ замужъ выйдешь, мужъ за это не похвалитъ.

Лидія. Ужъ такая я глупенькая, бабушка! *(Лукаво глядитъ на Василькову и смѣется)* О чемъ я думаю?.. Вамъ очень хочется знать, бабушка?.. Много о чемъ... Столько-столько иногда думаю, что и сказать трудно, о чемъ именно *(хохочетъ).* Вотъ вамъ, бабушка, чашка, глядите, какъ разъ до краешковъ налила, какъ вы любите... Ахъ, капельку пролила, бабушка! одну капельку. Не казните за нее Лиду *(смѣется).*

Василькова. Вѣтеръ у тебя въ головѣ бродитъ, Лида.

Лидія. Подлинно вѣтеръ *(встаетъ и ходитъ по комнатѣ).* Начнешь иногда думать, и думается мнѣ, что вы, бабушка, добрая, но только иногда напрасно ворчите на Лиду! *(Садится и потомъ снова вскакиваетъ).*

Василькова. Лисичка ты...

Лидія. А тамъ, бабушка, вспомню Дашу; за нее порадуешься, что она такъ счастлива. И думается, какъ на свѣтѣ весело. Посмотришь кругомъ, гуляя въ саду. Какъ-то лучше мечтается въ саду, бабушка, и какъ-то вдругъ защемитъ сердце. Отчего?.. Не знаю. И плакать хочется и такъ хорошо-хорошо! Весь міръ обняла бы... А тамъ вдругъ, бабушка, станетъ мнѣ стыдно. *(Говоритъ съ жаромъ, быстро, не останавливаясь)* Вспомню, что ничего-то я не знаю, не понимаю,

хохотушка и дурочка... какъ вы говорите... слезы подступятъ къ горлу... такъ грустно-грустно станетъ... Но погляжу вокругъ: вижу, солнце ярко свѣтитъ, улыбается, ласточки смѣются, воробьи хохочутъ, и все кругомъ радуется; отчего же и мнѣ не смѣяться? На сердцѣ легко станетъ, и хочется мнѣ перваго встрѣчнаго расцѣловать! То опять, бабушка...

Василькова. Зафантазировалась! Садись, налей-ка мнѣ, фантазерка, чаю, да смотри, опять не пролей. Ты знаешь, бабушка этого не любитъ.

Лидія *(обиженно)*. Знаю... Не пролью, бабушка...

Василькова. Вся ты въ отца... Молодость промечталъ и два имѣнія спустилъ...

Лидія. Славный папаша!

Василькова. Славный-то славный, только взбалмошный. Уѣхалъ въ Петербургъ и хоть бы слово написалъ!

Лидія. Вѣрно, папаша занятъ.

Василькова. Охъ, ужъ ты заступница! Занятъ, занятъ! Чай, въ картишки дуется...

Лидія *(горячо)*. Бабушка!

Василькова. Что бабушка да бабушка! Жду, опять напишетъ: долгъ чести, проигрался, немедленно пришлите...

Лидія. Ну что-жъ, вы и пошлите.

Василькова. Дурочка, развѣ я деньги кую, что ли?..

Лидія *(хохочетъ)*. Ха-ха! Что вы говорите, бабушка! Воображаю васъ кузнецомъ... ха-ха-ха, бабушка куетъ... золото куетъ...

Василькова. Смѣшно очень... глупенькая...

Лидія. Неправда, бабушка, вчера даже ученый Карлъ Карловичъ сказалъ, что я... *(передразнивая)* свѣжая, непосредственная натура и умная головка! *(Хохочетъ)*.

Василькова. Это онъ по добротѣ сказалъ...

Лидія. Значитъ, совралъ, скажите, совралъ, бабушка!

Василькова. Ну, что пристала? Ты лучше разскажи, о комъ ты еще думаешь?

Лидія. Опять съ облаковъ спустите... я было-начала, а вы сейчасъ: фантазерка!

Василькова *(смѣется)*. О Карлѣ Карловичѣ думаешь? Признайся, Лидочка.

Лидія *(быстро)*. Думаю. Еще бы не думать, бабушка! Думаю, что напрасно онъ воображаетъ, будто его чистенькая, розовенькая, бѣлобрысая мордочка можетъ мнѣ когда-нибудь понравиться!

Василькова. Лида, Лида! что за выраженье?..

Лидія. И какъ онъ говоритъ... нѣтъ, бабушка, вру, онъ не

говоритъ, а отчеканиваетъ. *(Передразнивая)* Наказуемость преступника опредѣляется совокупностью уликъ, обусловленныхъ... ха-ха-ха! Дальше забыла... я не ученая.

Василькова. Замолчи, Лида! Нехорошо смѣяться.

Лидія. А вы-то сами, бабушка, зачѣмъ смѣетесь? Помните, третьяго-дня надъ Ефимовымъ смѣялись за то, что онъ ни стать ни сѣсть не умѣетъ... Ну, право, бабушка, не могу удержаться, какъ только вспомню Шрека... *(хохочетъ).* И все этакъ смѣшно отчеканиваетъ. Никогда по простотѣ, отъ сердца, только и слышишь: наказуемость, прогрессъ, цивилизація... Ухъ, устала! не могу дальше...

Василькова. Лида, Лида! развѣ ты не замѣтила, отчего такъ часто къ намъ ѣздитъ Карлъ Карловичъ?

Лидія. Съ вами, бабушка, въ пикетъ играть.

Василькова. Да!.. *(Смотритъ на Лидію)* Нѣмая игра. *(Лидія заливается смѣхомъ).* Нехорошо, Лидочка... онъ можетъ подумать...

Лидія. Ничего онъ подумать не можетъ... я не разъ въ глаза ему смѣялась...

Василькова. И скверно...

Лидія. Все у васъ скверно... Надоѣла я вамъ, что ли? *(Хмурится).*

Василькова. Лида, что ты, Богъ съ тобой!

Лидія. Ну, ну, не сердитесь, голубчикъ! *(Встаетъ и горячо обнимаетъ Василькову).* Миръ, прочный миръ.

Василькова *(смѣется).* До первой стычки, Лида?..

Лидія. Постойте, бабушка! Я и забыла показаться вамъ въ обновкѣ. Утромъ привезли изъ города. Минуточку! Чай убирать! *(Кричитъ въ залъ: Ефимычъ!)* Вотъ глупая! кричу: лучше сама позову *(убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Василькова *(одна).*

Молодость! Вотъ то-то ей перецѣловать хочется, всѣхъ-то обнять. То-то и больно будетъ, если жизнь ей свои лапы покажетъ. Сгубитъ это дитя. А Шрекъ ее любитъ, крѣпко любитъ. Надо ей рѣшительно сказать: онъ сегодня отвѣта ждетъ. Надѣяться ли ему? Врядъ ли! Лидочка смѣется, глупенькая, а гдѣ смѣхъ, тамъ нѣтъ любви. А онъ бы ее уберегъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Василькова и Ефимычъ.

Ефимычъ *(кланяется).* Добраго утра, барыня. Прикажете убирать?

Василькова. Здравствуй, Ефимычъ... убирай. Что, рабочихъ панялъ?

Ефимычъ. Нѣтъ, барыня; дорого просятъ...

Василькова. Это отчего?

Ефимычъ. Да все на эту проклятую чугунку сманиваютъ. Намедни приказчикъ главный пріѣзжалъ... Четыреста душъ народа заманилъ...

Василькова. Чабановъ пріѣзжалъ?

Ефимычъ. Онъ самый. Задатки повыдалъ, книжки эти рабочія народу, а народъ глупъ...

Василькова. То-есть какъ глупъ?

Ефимычъ. Попадется... книжка-то эта книжкой, а лѣто-то онъ даромъ проработаетъ... Штрафы пойдутъ и прочее. Темнота наша...

Василькова. Ты все вздоръ говоришь... Станетъ милліонеръ Авакумовъ обманывать крестьянъ изъ-за грошей. Какъ намъ съ рабочими быть?

Ефимычъ. Изъ Веселыхъ Луговъ обѣщались придти. *(Убираетъ со стола).* Да вотъ еще хотѣлъ доложить, Елизавета Петровна, какъ прикажете насчетъ Архипа?

Василькова. Разсчитать, непремѣнно разсчитать.

Ефимычъ. Слушаю-съ. *(Снова принимается за чашки).* Но только онъ этому, Елизавета Петровна, не причиненъ...

Василькова. Кто-жъ виноватъ, что лошадей украли?..

Ефимычъ. Крѣпко спалъ, барыня... лошадей и свели...

Василькова. Съ этимъ кучеромъ всѣ лошади пропадутъ.

Ефимычъ. Какъ прикажете, барыня. Но только если въ конюшнѣ хорошій замокъ...

Василькова. Вѣчно ты мямлишь... хорошій замокъ. Сегодня же разсчитать Архипа.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и **Лидія.**

Лидія *(вбѣгаетъ въ новомъ лѣтнемъ платьѣ, въ волосахъ живыя маргаритки).* Кого разсчитать, бабушка? Что, хорошо платье?.. *(Подходитъ къ Ефимычу).* Ефимычъ, хорошо?

Василькова. Сорванецъ ты...

Ефимычъ. Принцесса вы, Лидія Александровна.

Лидія. Бабушка, а бабушка! Посмотрите сзади, а? *(Поворачивается).* Хорошо сидитъ? Отлично? Бабушка, кого разсчитать? *(Быстро поворачивается къ Ефимычу)* Ефимычъ, кого?

Ефимычъ. Архипа, кучера, барышня.

Лидія. Бабушка, что вы, онъ такой славный!..

Василькова. Все у тебя пока славные... онъ лошадей проспалъ... пару вороныхъ украли...

Лидія. Ну что же? Вы, бабушка, купите новыхъ. Правда, Ефимычъ?..

Ефимычъ. Замокъ, докладывалъ, въ конюшню...

Василькова. Что ты все съ замкомъ, старый хрычъ! И ты виноватъ, всю прислугу распустилъ... *(Ефимычъ усиленно съменитъ около чайнаго стола).*

Лидія. Полноте, бабушка. Глядите, что за день сегодня, что за роскошь, а вы сердитесь... *(Беретъ Василькову за руку и цѣлуетъ)* Ну, какъ можно сердиться, простите Архипа, бабушка!..

Василькова *(строго).* Да, Лидочка...

Лидія. И, бабушка... ну что вы притворяетесь строгой *(цѣлуетъ Василькову).*

Василькова. Полно, полно!..

Лидія. Ефимычъ! Бабушка прощаетъ Архипа. *(Слегка декламируетъ)* Такъ какъ наказуемость преступника опредѣляется совокупностью уликъ *(хохочетъ)*, а уликъ нѣтъ... правда, бабушка?

Василькова. Ну, ну, поѣхала.

Лидія *(къ Ефимычу).* И пусть Архипъ сегодня послѣ обѣда заложитъ сѣрыхъ въ фаэтонъ... Можно, бабушка?

Василькова. Это еще куда?..

Лидія. Съ вами покататься... Въ Тихій боръ... ландыши сбирать... Слышишь, Ефимычъ?

Ефимычъ. Слушаю-съ. *(Убираетъ самоваръ и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Василькова и Лидія.

Василькова. Когда ты станешь благоразумнѣй, Лида? Вѣдь тебѣ 18 лѣтъ!

Лидія *(ходитъ по комнатѣ).* Когда? *(Останавливается и задумывается)* А надо быть благоразумной? И вы, бабушка, когда были молоды... Ахъ, виновата *(подбѣгаетъ къ Васильковой).* У насъ миръ! *(Смѣется).*

Василькова. Сегодня пріѣдетъ Карлъ Карловичъ...

Лидія. И Авакумовъ обѣщалъ пріѣхать. *(Подходитъ къ клѣткѣ).* Пикъ-пикъ-пикъ!.. Замолчалъ опять... Пой же, маленькій, пой, глупый чижикъ!

Василькова. Авакумовъ? Зачѣмъ, Лида?

Лидія. Пикъ-пикъ!.. Не постъ, бабушка. *(Поворачиваясь къ Васильковой)* Какъ зачѣмъ?

Василькова. И ты думаешь, что Авакумовъ...

Лидія *(вспыхнувъ)*. Что Авакумовъ?..

Василькова. Другъ мой, Лидочка, Карлъ Карловичъ добрый и честный человѣкъ...

Лидія *(перебивая)*. Бабушка, голубчикъ, довольно!

Василькова. Развѣ ты не видишь, что Авакумовъ тебѣ не пара?

Лидія. Это еще что?.. *(Садится подлѣ Васильковой)*.

Василькова. Онъ сынъ милліонера, и если бываетъ у насъ часто, то просто отъ скуки...

Лидія *(нетерпѣливо)*. Ну что-жъ?

Василькова *(съ разстановкой)*. А то, что имъ увлекаться не слѣдуетъ...

Лидія *(краснѣетъ)*. Бабушка, бабушка!

Василькова. И съ его стороны нехорошо, дитя мое, ѣздить такъ часто. Что мы ему, петербуржцу, богачу съ нѣсколькими милліонами?

Лидія *(вставая и позируя)*. Да развѣ я, бабушка, не стою милліона? *(Смѣется)* Ну, развѣ не стою?

Василькова. Все тебѣ, Лидочка, шутки... А другимъ каково? Развѣ ты не видишь, что Карлъ Карловичъ очень тебя любитъ?..

Лидія *(съ участіемъ)*. Бѣдный! Неужто, бабушка, любитъ?.. А я, глупая, и не знала... Просто, думала, такъ, скуки ради ухаживаетъ.

Василькова. И если бы ты полюбила его...

Лидія. Бабушка, пощадите!..

Василькова. Счастье твое было бы прочно—вотъ что я скажу тебѣ, Лида. Ты знаешь, какъ я люблю тебя, и если бы ты не была такая ласковая добрушка, у которой бродитъ вѣтеръ въ головѣ, я-бъ и не совѣтовала. Но я вотъ чего боюсь, Лида: сохрани Богъ, ты полюбишь человѣка неспокойнаго, требовательнаго, который и себя и тебя, дитя мое, замучитъ. А нынче появилась эта неспокойная, требовательная молодежь. Ты легко привяжешься къ тому, кто добръ, великодушенъ и...

Лидія. И такъ же беззаботно глядитъ, какъ я, бабушка. Гдѣ-жъ тутъ опасность, бабушка?..

Василькова. Мы, Лида, шли замужъ иначе. Любили мы или не любили, мы всю жизнь жили вмѣстѣ, и хоть подчасъ тяжело было, но не разоряли семейнаго гнѣзда. А нынче, Лида, есть такіе люди, которые не особенно дорожатъ этими гнѣздами. Самъ въ пылу ошибется, увлечется и женится, а потомъ и станетъ разбирать да всякую бездѣлицу и въ себѣ и въ тебѣ замѣчать. И ему тяжело, а тебѣ-то каково? Онъ

разлюбитъ, оставитъ тебя, дитя мое, а кто вознаградитъ тебя за разбитую жизнь...

Лидія *(задумчиво)*. Съ чего вы, бабушка, такую печальную исторію разсказываете?...

Василькова. Странное время нынче, Лида. Семейное счастіе какъ-то шатко...

Лидія. Да куда вы торопитесь, бабушка... Я могу обидѣться, подумать, что вы съ рукъ меня сбыть хотите *(смѣется)*.

Василькова. Не шути, другъ мой... выслушай... Карлъ Карловичъ говорилъ мнѣ... Онъ проситъ руки твоей...

Лидія *(вскакиваетъ взволнованная)*. Ни за что, бабушка, ни за что!

Василькова. Ты подумай, Лида... Не сейчасъ же замужъ...

Лидія *(бросаясь на шею Васильковой)*. Ни... ни... никогда... ни слова... Я боюсь... Онъ запугаетъ своею аккуратностью и добродѣтелями, которыхъ у меня нѣтъ... Ахъ, нѣтъ, что вы, бабушка... не губите Лиду! И я люблю... *(шопотомъ)* Авакумова люблю, бабушка! *(Василькова цѣлуетъ Лидію, которая прячетъ лицо на колѣняхъ у Васильковой)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Ефимычъ.

Ефимычъ. Господа Авакумовъ и Чабановъ пріѣхали... прикажете принимать?

Василькова *(съ любовью глядя на Лидію, гладитъ ее по волосамъ)*. Принимать, Лида?

Лидія. Отчего-жъ?

Василькова *(Ефимычу)*. Проси.

Ефимычъ *(смотритъ на Лидію, ухмыляется и пожимаетъ плечами)*. Слушаю-съ. *(Уходитъ)*.

Лидія. Я въ садъ убѣгу, бабушка. Ни словечка, голубчикъ.

Василькова. Любитъ ли онъ тебя?

Лидія. Не знаю, бабушка! Да развѣ не все равно... Я его люблю... *(Цѣлуетъ Василькову и убѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Василькова *(одна)*.

Бѣдняжка! Лидочка!.. А я-то, старая, и не видала, какъ внучка увлеклась... что-то будетъ? Милліоны не всегда приносятъ счастіе.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Василькова, Авакумовъ-*сынъ* и Чабановъ.

Авакумовъ. Вы извините, Елизавета Петровна, что нѣсколько рано. Ѣхали по работамъ и заѣхали, кстати и дѣло есть.

Василькова. Милости просимъ. А дѣло, вѣрно, съ Потапомъ Потапычемъ?..

Чабановъ. По отчужденію земли, Елизавета Петровна, не мѣшало бы его покончить.

Василькова. Очень рада, только вы насъ, господа, не обижайте.

Чабановъ. Хе-хе-хе! Елизавета Петровна! Развѣ нынче возможно обижать... *(Смѣется и подымаетъ палецъ вверхъ).* Законъ, слава Богу!

Василькова. А вы все будете неподатливы?..

Чабановъ. Я человѣкъ подначальный... Мнѣ какъ прикажутъ... Если позволите... мы приступимъ... *(Вынимаетъ изъ кармана планъ).*

Василькова *(къ Авакумову).* Время терять Потапъ Потапычъ не любитъ.

Авакумовъ. Да, человѣкъ дѣла... *(Подходитъ къ окну).*

Чабановъ. Подъ желѣзную дорогу отходитъ вашей землицы 64 десятины... изъ которыхъ...

Авакумовъ. Виноватъ, перебью. Лидія Александровна здоровы?

Василькова. Здорова. 68 ровнешенько, Потапъ Потапычъ.

Чабановъ. Мой планъ...

Василькова. Пойдемте-ка, господа, въ кабинетъ, тамъ и мой планъ есть...

Чабановъ. Какъ вамъ будетъ угодно.

Авакумовъ. А я въ садъ пойду... можно, Елизавета Петровна?

Василькова. Отчего же нѣтъ? Ну, Потапъ Потапычъ, не сердитесь, опять торговаться буду. *(Идетъ въ комнаты).*

Чабановъ *(идя за ней).* Цѣну подходящую назначите!..

Василькова *(въ дверяхъ).* Обыкновенную въ нашихъ мѣстахъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Авакумовъ *(одинъ).*

Вѣрно, въ саду. *(Всматривается въ окно).* Такъ и есть! Ранняя птичка! Ишь мелькаетъ ея платье. Говорятъ, женитьба—шагъ важный!.. Любитъ ли только, какъ я ее люблю... *(Направляется къ двери и встрѣчается съ Лидіей).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Авакумовъ и Лидія.

Лидія *(нѣсколько оторопѣвъ)*. Здравствуйте!

Авакумовъ. Здравствуйте, Лидія Александровна, я испугалъ васъ?..

Лидія. Нѣтъ... такъ, не ожидала.

Авакумовъ. Это случается... неожиданность пугаетъ... *(Смотритъ на Лидію долго)*. Какъ вы хороши сегодня, Лидія Александровна!..

Лидія. Новое платье къ лицу... А гдѣ же бабушка?

Авакумовъ. Съ Потапомъ Потапычемъ въ кабинетѣ дѣла рѣшаютъ.

Лидія. Какія дѣла?

Авакумовъ. Скучныя, Лидія Александровна...

Лидія. Ну и Богъ съ ними... А вы откуда?..

Авакумовъ. Съ работъ... хотѣлось васъ увидать...

Лидія. Да скоро ли вы ихъ кончите... Очень хочется по желѣзной дорогѣ проѣхать! Никогда не ѣздила. Что, страшно? Да что это мы стоимъ? Сядемте! *(Садятся)*.

Авакумовъ *(разсѣянно)*. Какая вы веселая!.. Да, вы о желѣзной дорогѣ. Нѣтъ, не страшно. Есть вещи пострашнѣе.

Лидія. На шарѣ летать?..

Авакумовъ. Еще того хуже.

Лидія *(хохочетъ)*. Не понимаю!..

Авакумовъ. Вы многаго еще не понимаете!

Лидія. Опять?! Только-что бабушка говорила, что я ничего не понимаю, и вы тоже! Ну, объясните, я и пойму... Что-жъ это на свѣтѣ такое страшное? Вы, какъ бабушка, все загадками говорите... Ахъ да, забыла!.. Послушайте, Алексѣй Николаевичъ, я тоже имѣю къ вамъ дѣло.

Авакумовъ. Слушаю.

Лидія. Вы можете давать мѣста?

Авакумовъ. Возможно...

Лидія. И хорошее жалованье?

Авакумовъ. Есть люди, десятки тысячъ получаютъ.

Лидія. Такъ много? Что вы? За что?..

Авакумовъ *(смѣется)*. Какъ за что? За работу. Одни за то, что знаютъ дѣло, за которое берутся, другіе за то, что умѣютъ совѣтъ хорошій дать, третьи, чтобъ не желали еще большаго.

Лидія. Это инженеры... понимаю... Но мнѣ, Алексѣй Николаевичъ, надо мѣсто маленькое, для одного бѣднаго семинариста... его сестра просила.

Авакумовъ. Что-жъ, можно. Вы его пришлите къ намъ въ контору...

Лидія. Онъ бѣдный-бѣдный! Всѣ деньги семьѣ отдавалъ. Сестра говорила, что его выгнали за то, что правду говорить не боялся. Неужели за это выгоняютъ?

Авакумовъ *(смѣется).* Случается. Вы пришлите, мы его куда-нибудь пристроимъ...

Лидія. Благодарю васъ, добрый вы. *(Подумавъ).* А вы бы прогнали, если-бъ вамъ правду сказали?

Авакумовъ *(смѣясь).* Я? Если-бъ вы сказали?..

Лидія. Нѣтъ, не я, а кто-нибудь, ну, вашъ служащій?

Авакумовъ. Какая правда?

Лидія *(быстро).* Всякая. Ну, что же?

Авакумовъ. Вы, Лидія Александровна, пытливы и настойчивы. Есть правда, которую говорить нельзя.

Лидія. Какая же она такая? Нѣтъ, вотъ что, прогнали бы вы, если-бъ вамъ въ глаза сказали, что о васъ думаютъ?..

Авакумовъ. Вы рѣшительно хотите отвѣта? Зачѣмъ вамъ? И не все ли равно?

Лидія. Значитъ, не все равно...

Авакумовъ *(смѣется).* Не выгналъ бы.

Лидія *(весело).* Еще бы!

Авакумовъ. Чего вы такъ обрадовались? Или вы думали, что я хладнокровно не перенесу непріятныхъ истинъ? Ну, говорите еще... я все готовъ выслушать! Вы ничего не говорите, только смѣетесь! Эхъ, Лидія Александровна, хорошо вамъ живется!

Лидія. А вамъ-то чѣмъ худо? Вы—милліонеръ, бабушка говоритъ, а вѣдь это много значитъ. *(Смѣется)* Заняты важными дѣлами, строите желѣзныя дороги.

Авакумовъ. Во-первыхъ, сынъ милліонера, а во-вторыхъ, одни дѣла и дѣла—надоѣдаютъ.

Лидія. Надоѣдаютъ? А въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, скучно... Разсчеты да разсчеты... математика, которой я никогда не любила.

Авакумовъ. То-то и есть. *(Смѣется)* И математики никакой не нужно, а просто счастье да деньги.

Лидія. Чтобъ быть милліонеромъ?

Авакумовъ. И строить желѣзныя дороги.

Лидія *(хохочетъ).* Да раздавать мѣста! Смотрите, всесильный человѣкъ, не забудьте маленькихъ людей. Какое вы дадите мѣсто моему кліенту?

Авакумовъ. Ужъ это Потапъ Потапычъ придумаетъ. Вы знаете этого семинариста?

Лидія. Разъ видѣла... такой странный!

Авакумовъ. Многіе странны, и я для васъ страненъ?

Лидія. Что это вы такъ говорите? Вы — нѣтъ! Ахъ да, о чемъ это вы было-начали, Алексѣй Николаевичъ, говорить? Говорили, что страшнѣе, чѣмъ на шарѣ летать!

Авакумовъ. Вы не забыли? Если-бъ, Лидія Александровна, вы встрѣтили человѣка, который былъ бы къ вамъ очень расположенъ, даже больше...

Лидія *(вспыхнувъ)*. Ну?

Авакумовъ. Если бы для этого человѣка васъ видѣть, дѣлить съ вами счастье и горе было бы вопросомъ жгучаго свойства, если бы этотъ человѣкъ не зналъ, расположены ли вы къ нему такъ, какъ бы хотѣлось... страшно ждать отвѣта, или нѣтъ?..

Лидія *(тихо)*. Страшно!..

Авакумовъ. Человѣкъ этотъ холилъ бы, лелѣялъ бы васъ, какъ царицу... короче... неужели вы не видите?.. Я люблю васъ...

Лидія. Правда?..

Авакумовъ. Правда! Васъ удивляетъ, что это слово просто сказалось... Я давно люблю... Развѣ вы не знали?..

Лидія *(смущенно)*. Нѣтъ!..

Авакумовъ. А вы?.. Не бойтесь... Я правду выслушаю...

Лидія *(совсѣмъ растерявшись)*. Я?.. *(Чуть слышно)* Люблю...

Авакумовъ *(цѣлуетъ Лидію)*. Вотъ и я счастливъ!..

Лидія. Я... давно... васъ... полюбила...

Авакумовъ. Уйдемъ отсюда... Счастье робко... зачѣмъ его видѣть другимъ? *(Уходятъ въ садъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Василькова и Чабановъ.

Василькова. Вѣдь это невозможно, Потапъ Потапычъ. Ну, гдѣ вы видѣли такія цѣны?

Чабановъ. Многіе помѣщики дешевле брали, Елизавета Петровна, очень многіе...

Василькова. Соглашались, видно, мотыги, которымъ деньги нужны, я ни за что!..

Чабановъ. По два рублика можно накинуть...

Василькова. Потапъ Потапычъ, вы не съ барышницей торгуетесь... Я удивляюсь даже...

Чабановъ. Елизавета Петровна! Войдите въ наше положеніе, мы люди коммерческіе и не привыкли, знаете ли, чтобъ изъ-за денежнаго дѣла люди могли обижаться другъ на друга.

Дѣло простое-съ. Намъ нужна ваша земля, и мы хотимъ купить дешевле.

Василькова. Но вѣдь цѣны существуютъ...

Чабановъ. Эхъ, Елизавета Петровна. Зачѣмъ вы говорите про цѣны! Что такое цѣны? Цѣна вещь относительная... Намедни я лѣсъ купилъ очень дешево, и тому помѣщику, который мнѣ лѣсъ продалъ, цѣны мои были подходящія, такъ какъ обстоятельства его были плохи, неурожай, знаете ли, и семейныя дѣла, и онъ нуждался во всякихъ цѣнахъ. Цѣна цѣнѣ рознь, и обижаться тутъ, Елизавета Петровна, къ чему же?

Василькова. Будьте покойны, Потапъ Потапычъ, обстоятельства мои хороши, и я меньше 115 рублей за десятину не отдамъ.

Чабановъ. Придется комиссію привезти.

Василькова. Привозите...

Чабановъ. Конечно, этого бы не хотѣлось. Во-первыхъ, время, а во-вторыхъ, съ ними новые расходы. Я все думаю, Елизавета Петровна, что вы согласитесь. Земля-то вѣдь въ иныхъ мѣстахъ камень.

Василькова. Полноте... Земля черноземъ...

Чабановъ. Кстати, нѣтъ ли лишняго лѣсу?

Василькова. Есть, но вѣдь я, Потапъ Потапычъ, не тотъ помѣщикъ, у котораго былъ неурожай, и ваши цѣны, пожалуй, будутъ неподходящими.

Чабановъ *(смѣется)*. Развѣ я не сообразилъ и этого, мы и цѣну другую дадимъ... Я видѣлъ ваши двѣ рощицы... правда, лѣсъ не то... чтобъ очень...

Василькова. Сперва кончимъ одно...

Чабановъ. Мы можемъ и оба вмѣстѣ...

Василькова. Нѣтъ, я старовѣрка. Сперва одно, потомъ другое.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Шрекъ.

Шрекъ. Имѣю честь кланяться, Елизавета Петровна *(цѣлуетъ ей руку)*.

Василькова. Здравствуйте, дорогой Карлъ Карловичъ. Что вы, нездоровы?.. Блѣдный какой...

Шрекъ. Нѣтъ, ничего... Занятъ много... у насъ, вы знаете, время не гуляетъ...

Василькова. Бѣдный! И мы за дѣлами. Торгуемся. Вы незнакомы? Потапъ Потапычъ Чабановъ, довѣренный Авакумова; Карлъ Карловичъ Шрекъ, прокуроръ.

Чабановъ. Весьма пріятно.

Шрекъ. Очень радъ... А Лидія Александровна здоровы?

Василькова. Лида здорова. Она въ саду, вѣрно, съ Алексѣемъ Николаевичемъ.

Шрекъ *(говоритъ вполголоса).* Я бы хотѣлъ...

Василькова. Знаю, знаю... мой дорогой другъ... Вы за отвѣтомъ.

Шрекъ *(тихо).* И вы его скажете?..

Василькова. Что вы испугались?.. Разумѣется, скажу.

Чабановъ *(вставая).* Когда прикажете пріѣхать, Елизавета Петровна, покончить? Я могу и въ другой разъ... Еще бы пять рублей накинулъ...

Василькова. Вы все, Потапъ Потапычъ, торговаться. Ну, такъ и быть, и я сбавлю 10 рублей. Значитъ, почти сошлись. А пока извините... у меня процессъ одинъ... весьма трудный... *(Встаетъ и идетъ вмѣстѣ съ Шрекомъ).* И хуже всего бѣднымъ судьямъ! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Чабановъ *(одинъ).*

Крѣпкая женщина! аккуратная хозяйка, но только амбиція какая-то дворянская въ дѣлахъ! *(Смѣется).* Если бы въ нашемъ дѣлѣ да эту амбицію, никуда не годится! А все подалась, какъ ни крѣпка! Комиссія меньше полутораста не оцѣнила бы! *(Подходитъ къ окну).* Та-та-та, вотъ мы какъ?! Вдвоемъ ручки цѣлуемъ. Что же? пора! Легковѣренъ еще и не обтерся, а смекалка есть батькина! Батька-то изъ ничего соединяетъ рельсовыми путями губерніи... Да!.. *(Отходитъ отъ окна и приближается къ сценѣ).* Когда вы, Потапъ Потапычъ, захватите концессіи, а? Господи! Мнѣ бы хоть крохотную, ну самую плюгавенькую, ну такъ только за хвостикъ ея подержаться! Смотришь: Потапъ Потапычъ богатъ! Потапъ Потапычъ — коммерческій умъ, а не плутяга! А то собирай крошки вокругъ да около... когда соберешь? Эхъ, нѣтъ Потапу Потапычу ходу! А показалъ бы онъ постройку, ей-Богу! Была бы постройка!.. Дѣткамъ на молочишко бы осталось! *(Смѣется).*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Василькова, Шрекъ и Чабановъ.

Василькова *(тихо).* Еще не все потеряно... Надежды не теряйте, мой другъ.

Шрекъ. Не судьба, значитъ!..

Василькова. Еще можетъ быть!..

Шрекъ *(тихо)*. Не утѣшайте, Елизавета Петровна, не изъ плаксивыхъ... вынесу... *(Громко)* Я, какъ вы знаете, собирался за границу и получилъ отпускъ... На-дняхъ ѣду...

Василькова. Экій вы какой!.. И надолго?..

Шрекъ. Мѣсяца на четыре... Побываю въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Англіи...

Чабановъ. Любопытныя, должно-быть, страны-съ?

Шрекъ. Да-съ, посмотрю, какъ люди цивилизованные живутъ.

Чабановъ. Чай, какъ и мы грѣшные?

Шрекъ *(улыбаясь снисходительно)*. Не совсѣмъ такъ...

Чабановъ. Славны бубны за горами!..

Шрекъ *(внушительно)*. Не могу согласиться съ вами. Тамъ, гдѣ цивилизующее начало въѣлось, такъ сказать, въ нравы, гдѣ право понимается сознательно, и гдѣ законность...

Чабановъ *(перебивая)*. Ну, насчетъ цивилизаціи, какъ вы изволили сказать, и у насъ слава Богу! Хоть бы желѣзныя дороги! Быстрота!

Василькова. И вы въ американцы записались, Потапъ Потапычъ.

Чабановъ *(смѣется)*. Нельзя-съ не быть по нонѣшнимъ временамъ американцемъ! Спать — проспишь! Нынче всѣ 24 часа надо глядѣть въ оба. *(Смѣется)*.

Шрекъ. Вы изволили перебить меня, и я не кончилъ. Не смѣю спорить и долженъ согласиться, что въ наше время, благодаря здоровымъ реформамъ, — я разумѣю реформы крестьянскую и судебную,—законность стала пускать корни...

Чабановъ *(перебивая)*. Именно-съ. Нынче все на законномъ основаніи.

Шрекъ. Вы опять изволили перебить меня *(презрительно)* отъ непривычки вести пренія. Я имѣлъ честь вамъ докладывать, что наше отечество въ настоящее время представляетъ дѣйствительно отрадное зрѣлище и, шествуя впередъ постепенно-постепенно, разумѣется, безъ скачковъ, всегда не отвѣчающихъ цѣли, мы дойдемъ до того, что мальчикъ и тотъ будетъ проникнутъ чувствомъ долга и законности. Вы изволили упомянуть про желѣзныя дороги? Не смѣю сказать: это важное подспорье для народнаго благосостоянія; но, къ сожалѣнію, смѣю замѣтить, что въ этомъ дѣлѣ упускается изъ виду система.

Чабановъ *(полусмѣясь)*. Система хорошая-съ! быстрота!

Василькова *(смѣется)*. Быстры всѣ вы, господа, нынче стали. За вами не угоняться.

Шрекъ. Я имѣлъ въ виду, что подчасъ являются люди,

спекулирующіе на необразованность общества, какой-нибудь аферистъ въ родѣ Евреева...

Чабановъ. Умнѣйшая голова... Финансистъ!..

Шрекъ. Практическій—не могу сомнѣваться, но въ то же время и субъектъ, не проникнутый духомъ законности и осмѣлившійся посягнуть на собственность, уваженіе къ которой обязательно во всякомъ благонамѣренномъ гражданинѣ, тоже подчасъ бываетъ неглупымъ человѣкомъ.

Чабановъ. Вы все по-ученому... А я, извините, попросту. Карманный воръ, хотите вы сказать? Гдѣ же у карманника умъ? Карманника сейчасъ же цапъ-царапъ и въ чижовку!.. *(Смѣется)* Ума тутъ мало... Что вы-съ?!

Василькова. Ну, господа-спорщики, вотъ и Лида... *(Къ Шреку)* Пойдемте къ нимъ...

Шрекъ. Съ большимъ удовольствіемъ. *(Тихо Васильковой, указывая на Чабанова)* Необразованный человѣкъ... и какія манеры! Совсѣмъ дебатировать не умѣетъ!.. *(Идетъ навстрѣчу Лидіи, которая, съ Авакумовымъ подъ руку, приближается по аллеѣ).*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Чабановъ *(одинъ).*

(Смѣется) Охъ, ужъ эти законники! *(Передразнивая Шрека)* Цивилизація... система... законность... Борзой ты этакій кобель! Вѣдь думаетъ, что ошарашилъ и что весь свѣтъ привязалъ къ законности на ниточку! Мы, братъ, такую тебѣ механику подведемъ, что тебя, поджараго ферта, вмѣстѣ съ цивилизаціей и законностью въ трубу выпустимъ! Ишь чего насказалъ: карманный воръ! Кабы тебѣ дураку дать умъ Евреева, то не мололъ бы вздору. Экіе, прости Господи, дурни бываютъ изъ этихъ новыхъ судейскихъ! *(Хохочетъ).* Нашелъ передъ кѣмъ распинаться. *(Приближается къ авансценѣ).* Передъ Потапъ-Потапычемъ, который 10 лѣтъ подрядами занимается, и по соляной солилъ, и по хлѣбной сѣялъ, и по откупамъ служилъ, а теперь, какъ говорятъ газетчики, рельсовыми путями вноситъ просвѣщеніе въ нѣдра Россіи! хе-хе-хе!..

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Василькова, Лидія, Авакумовъ, Шрекъ и Ефимычъ.

Василькова. Милости прошу, господа! *(Садятся за столъ. Лидія смущена. Шрекъ разстроенъ; Василькова тоже).*

Авакумовъ. Разрѣшите, Елизавета Петровна, на радости

выпить шампанскаго. Тутъ у васъ по сосѣдству нашъ инженеръ. Позволите?..

Василькова. Отчего же?

Авакумовъ *(подходитъ къ Чабанову)*. Потапъ Потапычъ! добрѣйшій... Съѣздите къ Гаврилову, привезите шампанскаго, вспрыснуть будущее счастье... Поздравьте—женюсь...

Чабановъ. Поздравляю. *(Обнимаются)*. Давно бы такъ. Батюшка радъ будетъ такой прекрасной невѣстѣ... *(Къ Лидіи)* Имѣю честь поздравить, Лидія Александровна! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, безъ Чабанова.

Лидія *(къ Шреку)*. И скоро вы ѣдете?..

Авакумовъ. Куда это, Карлъ Карловичъ?

Шрекъ. Въ Швейцарію. Завтра, Лидія Александровна!

Авакумовъ. Надѣюсь, къ нашей свадьбѣ вернетесь? Отличная страна!.. *(Ѣстъ)*. Походилъ я тамъ по горамъ немало... *(Къ Лидіи)* Мы тоже съ вами поѣдемъ за границу?

Лидія. Поѣдемъ. *(За сценой звонъ колокольчика)*. Не папа ли?.. Вотъ была бы радость! *(Встаетъ и бѣжитъ къ окну)*.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же и Ефимычъ, потомъ Васильковъ.

Ефимычъ *(быстро входитъ)*. Баринъ изволили пріѣхать.

Васильковъ. По двадцати верстъ въ часъ скакалъ... Лида, голубчикъ, маменька! *(Цѣлуется съ дочерью и матерью)*.

Василькова. Насилу пріѣхалъ, хоть бы слово написалъ. А я тутъ дочку сосватала. Вотъ и женихъ. Алексѣй Николаевичъ Авакумовъ.

(Авакумовъ и Васильковъ цѣлуются).

Васильковъ *(отводя Лидію въ сторону)*. Любишь?

Лидія. Очень, папа...

Васильковъ. И прекрасно... А шампанскаго нѣтъ... Маменька, и не стыдно!.. А я опоздалъ... потому въ Петербургѣ дѣла... Я, милыя мои, занятъ былъ проектомъ... Проектъ... ну, да прочтете вотъ здѣсь... *(Подаетъ газету)* Осушеніе болотъ... Компанія на акціяхъ... *(Къ Авакумову)* А какія нынче, батюшка, у Егарева француженки!.. пальчики оближешь!..

Василькова. А ты все, старый шалопай, глупости говоришь?

Васильковъ. А вы все, маменька, за моей сѣдой нравственностью блюдете? *(Смѣется, къ Лидіи)* Ну, Лида! отца не кори, что не писалъ. *(Отводитъ ее въ сторону)* Ты вѣдь знаешь, что я и безъ писемъ люблю тебя. Любитъ ли онъ?..

Да?.. Будь же счастлива, дитя мое. Твой безпутный отецъ, Лида, гуляка... но онъ... *(Плачетъ и цѣлуетъ Лидію).* И если когда-нибудь, чего Боже сохрани, горе у тебя будетъ, мало ли что въ жизни случается... сегодня везетъ, а завтра проигралъ... Помни, Лида, стараго друга... *(Утираетъ глаза).* Помнишь, кажется, Тургеневъ говоритъ гдѣ-то *(декламируя)*: «И онъ любилъ своего порочнаго отца и ненавидѣлъ добродѣтельную мать»... Такъ и ты... Не забывай своего порочнаго отца!

Лидія. Добрый мой!..

Васильковъ. Что у васъ за завтракомъ, маменька? *(Идетъ къ столу).* Карлъ Карловичъ! простите!.. На радости съ вами не раскланялся... Какъ поживаете?.. Обвиняете помаленьку?..

Шрекъ. Обвиняемъ...

Васильковъ. Когда попаду къ вамъ за долги—помирвольте. *(Смѣется).*

Шрекъ *(шутливо).* Законъ прежде всего...

Васильковъ. Вы все тотъ же... Вѣчно законъ, законъ... точно и свихнуться нельзя?

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же и Чабановъ *(приноситъ шампанское).*

Чабановъ. Вотъ и шампанское!

Васильковъ. Превосходно! Какое?.. *(беретъ бутылку)* Oeil de perdrix!.. Недурно... И холодное!.. Да вы, батюшка, прекраснѣйшій человѣкъ... Позвольте познакомиться... Отецъ невѣсты и жениха!.. *(Смѣется).*

Чабановъ. Довѣренный Николая Антоновича Авакумова.

Васильковъ. Слышалъ... Правая рука строителя... Очень пріятно... Скоро ли вы соедините города? Ефимычъ! бокаловъ. *(Ефимычъ подаетъ).* Эхъ, жаль, не привезъ я вамъ, маменька, другихъ бокаловъ, кто пьетъ изъ этихъ смѣшныхъ?.. Ну, господа, за здоровье жениха и невѣсты!.. *(Къ Авакумову и Лидіи)* Будьте счастливы! Лида васъ выбрала... берите же ее... Она... Это самородное золото!.. *(Обнимаетъ Авакумова и долго цѣлуетъ Лидію).*

Василькова плачетъ. Лидія обнимаетъ Василькову. Картина. Шрекъ незамѣтно уходитъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Роскошно убранный кабинетъ Авакумова-отца. Роскошная мебель. По срединѣ большой столъ. Утро. Авакумовъ сидитъ за столомъ. Чабановъ сидитъ подлѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Авакумовъ и Чабановъ.

Авакумовъ *(читаетъ телеграмму)*. «Прошу немедленно выслать 15.000. Иначе остановятся работы. Рабочіе требуютъ разсчета». *(Передаетъ телеграмму Чабанову)*. Этакій пѣнецъ этотъ Варакинъ; всегда глупыя телеграммы шлетъ... неопытный еще инженерикъ... думаетъ испугать насъ этимъ... а? Потапъ Потапычъ? *(Смѣется)*. Надо послать.

Чабановъ. На прошлой недѣлѣ посылали.

Авакумовъ. Знаю. Послали еще 5.000. Сноровки еще у молодца нѣтъ. А впрочемъ, паренекъ дѣльный... Помѣть же 5.000.

Чабановъ. Галкинъ тоже денегъ проситъ, Николай Антонычъ.

Авакумовъ. Опять?

Чабановъ. Разсчитываетъ людей за каменныя работы.

Авакумовъ. Ну, пошли и этой бездонной бочкѣ. Его участокъ у меня вотъ гдѣ *(показываетъ на шею)*.

Чабановъ. Зато скоро строитъ... хе-хе-хе!..

Авакумовъ. И жретъ деньги неимовѣрно. Кабы не связи, давно бы турнулъ съ дороги... Никакого предѣла не понимаетъ. *(Прочитываетъ письма)*. Помѣть, Потапъ Потапычъ, князю Липецкому послать 10.000. Да съ первой почтой. Его сіятельство отощали, просятъ взаймы. *(Смѣется)*. А помнишь, Потапъ Потапычъ, какъ его сіятельство, лѣтъ десять тому назадъ, насъ съ тобою въ передней держалъ, а?

Чабановъ. Какъ не помнить, Николай Антонычъ.

Авакумовъ. И стояли вѣдь?

Чабановъ. Кабы во-время не стояли, теперь бы не сидѣли,

Авакумовъ. Это вѣрно. Теперь его сіятельство сами непрочь въ передней подождать, а? Потапычъ! *(Смѣется. Распечатываетъ и прочитываетъ письмо)*. Графиня проситъ побывать у нея, чай, опять денегъ выманивать... Знаетъ баба силу. *(Распечатываетъ другое письмо, потомъ третье)*. Господи Боже ты мой! *(Съ сердцемъ)*. Да что же это такое? Они думаютъ, что я деньги фабрикую, что ли? Что ни письмо — подай денегъ!.. Точно у меня государственный банкъ! Баронесса тоже вотъ что пишетъ... Вѣдь въ прошломъ мѣсяцѣ тысячу свезъ?..

Чабановъ. Цѣлыхъ двѣ...

Авакумовъ. Опять просить три взаймы... безъ отдачи...

Чабановъ. Знаетъ дама свою фортуну... умна!..

Авакумовъ. А вотъ возьму да не дамъ!

Чабановъ. Воля, конечно, ваша, Николай Антонычъ, а только нужно бы дать. Баронесса отказу не проститъ. Дама съ чувствомъ и карьерой. По своей красотѣ да уму неизвѣстно еще кого обворожитъ впослѣдствіи. Она что поле, посѣешь зерно, высѣешь четверикъ. *(Смѣется).*

Авакумовъ. Экая шельма. И расписываетъ-то какъ... Неоцѣненный мой и уважаемый... Нечего дѣлать, свези ей три тысячи, да на всякій случай возьми для памяти расписку...

Чабановъ. Ну, расписки-то она на память не дастъ, не таковская она, Николай Антонычъ, дама-съ! *(Смѣется).*

Авакумовъ. А вотъ еще телеграмма. Это до тебя касается... Объ Улитовѣ... Людей съ голоду моритъ, мошенничаетъ. *(Подаетъ телеграмму Чабанову).*

Чабановъ *(читаетъ телеграмму и качаетъ головой).* Странно-съ; человѣкъ, кажется, дѣльный!

Авакумовъ. Дѣльный-то дѣльный, только и мошенникъ лютый... *(Хохочетъ).* На пескѣ-то насъ, каналья, какъ обвелъ, даромъ что первый подрядъ въ жизни имѣлъ! Выдай ему, дѣлать нечего, за его башковатость въ счетъ работъ, да скажи, чтобы людей-то хоть кормилъ бы, да не шибко накидывался. Молодъ еще. А то спугну съ работъ!..

Чабановъ. Слушаю-съ, но только, Николай Антонычъ, не интриги ли тутъ-съ... Ефимова, сами знаете этого молодца?..

Авакумовъ. Этотъ молодчикъ недолго продержится. Ужъ я велѣлъ ему сказать... Прытокъ, а?

Чабановъ. Именно-съ...

Авакумовъ. У землемѣришки молоко на губахъ не обсохло, а хочетъ насъ съ тобой переучить. *(Смѣется).*

Чабановъ. Всѣ у него воруютъ... Всѣ у него, видите ли, подлецы!.. *(Смѣется).* А вѣдь съ виду самъ и плевка не стоитъ... Тихоня!..

Авакумовъ. Ишь надсмотрщикъ выискался! Коли не обойдется копекъ, разсчетъ не дологъ!.. Видывали и не такихъ, а спроваживали куда слѣдуетъ потихоньку! *(Оба смѣются).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Никаноръ.

Никаноръ. Баронесса Шперлингъ желаетъ васъ видѣть, Николай Антонычъ!..

Авакумовъ *(смѣется).* Видно, невтерпежъ... неймется... Подо-

ждать не могла дня. Ну ужъ баба! Проси, Никанорушка. Да если кто придетъ, позадержи въ гостиной, въ большой.

Никаноръ. Слушаю-съ. *(Уходитъ).*

Авакумовъ *(отсчитывая 3.000).* Нечего дѣлать, плати чужіе долги. Сѣй денежки!

Чабановъ. Безъ посѣва и урожаю не будетъ. *(Смѣется).* Это все, Николай Антонычъ, сторицей воздастся. *(Идетъ къ двери и встрѣчается съ баронессой).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Баронесса Шперлингъ и Авакумовъ.

Баронесса *(встрѣчая въ дверяхъ Чабанова).* Потапъ Потапычъ, мое почтеніе... Ишь какой!.. И не цѣлуетъ ручки у хорошенькой женщины! Николай Антонычъ! я съ жалобой на него... *(Смѣется. Авакумовъ цѣлуетъ одну руку, Чабановъ другую и уходитъ).* То-то... ну, здравствуйте, мой милый другъ... извините... помѣшала... Вѣдь вы дѣятели... все за дѣлами... Милліоны отсчитываете...

Авакумовъ. Что же, баронесса... Вотъ сюда не угодно ли... на диванчикъ... помягче...

Бар. Шперлингъ. У васъ тутъ вездѣ хорошо *(оглядывается и садится на диванъ. Авакумовъ придвигаетъ кресло)*, съ изящнымъ вкусомъ отдѣлано... у васъ тонкій вкусъ, Николай Антонычъ. Ну, какъ живете... здоровы? Что дочка?

Авакумовъ. Благодарю васъ... всѣ здоровы...

Бар. Шперлингъ. Ваша Лидія такое прелестное созданіе. Хочу звать ее завтра на пикникъ...

Авакумовъ. Не прикажете ли ее позвать?..

Бар. Шперлингъ. Что вы, Николай Антонычъ... Я сама къ ней пойду... *(Помолчавъ)* Да, пріятно сидѣть въ кабинетѣ человѣка, который ворочаетъ милліонами... какой-то трепетъ, знаете ли, особенное чувство; сколько плановъ, мыслей зародилось въ этомъ кабинетѣ... а, Николай Антонычъ?..

Авакумовъ. Помилуйте, баронесса...

Бар. Шперлингъ. Вы думаете, я льщу? Нѣтъ, мой другъ, къ чему же? Да что это вы боитесь хорошенькой женщины, что такъ далеко сѣли. Садитесь ближе, сюда, на диванъ! Не бойтесь! не укушу! *(Хохочетъ).*

Авакумовъ *(садится на диванъ. Смѣется).* А если?..

Бар. Шперлингъ *(хлопаетъ его по плечу).* Эхъ, вы, милліонеры! и не умѣете ухаживать еще, какъ слѣдуетъ! Мы, слабыя женщины, боимся васъ, а не вы насъ, правда? *(Смотритъ на Авакумова. Авакумовъ отодвигается немного).*

Бар. Шперлингъ. Что, страшно стало? *(Хохочетъ).*

Авакумовъ. Я, баронесса...

Бар. Шперлингъ. То-то! А знаете ли, что я вамъ скажу, Николай Антонычъ, отчего вы не женитесь?..

Авакумовъ. Не лѣта, баронесса...

Бар. Шперлингъ. Вотъ вздоръ! Моему мужу 70 лѣтъ, а какъ мы, слава Богу, счастливы... Да вы еще совсѣмъ не старый *(смотритъ на него. Хохочетъ и треплетъ по щекѣ).* Не лѣта! Шутникъ! Вы, вѣрно, ревнивы?..

Авакумовъ. Вы, баронесса, шутите...

Бар. Шперлингъ. Право, нѣтъ... Что-жъ не цѣлуете? Вижу, хочется поцѣловать руку... на-те... *(протягиваетъ руку).*

Авакумовъ *(цѣлуетъ долго руку. Въ сторону).* Чувствую, дорого обойдется!

Бар. Шперлингъ *(смотритъ на часы).* Однако я съ вами заболталась... какъ ни пріятно, а пора!.. Пойду Лиду вашу милую будить, поцѣлую ее и пойду... У меня сегодня визиты... Кстати, дорогой мой, вы получили мою записку?

Авакумовъ. Получилъ, баронесса... вотъ три тысячи...

Бар. Шперлингъ. Только, другъ мой, я ошиблась и по разсѣянности—всѣ мы, Евины дочери, страдаемъ этимъ грѣшкомъ—просила васъ три, тогда какъ необходимо шесть... Надѣюсь, пустякъ этотъ васъ не стѣснитъ?..

Авакумовъ. Помилуйте... нисколько *(отдаетъ еще три тысячи).*

Бар. Шперлингъ. Спасибо *(жметъ руку).* Нѣтъ, лучше русское, православное спасибо. Вотъ такъ. Вотъ такъ! *(Цѣлуетъ Авакумова троекратно въ губы).*

Авакумовъ. Я хотѣлъ просить васъ, баронесса, написать въ Петербургъ къ графу...

Бар. Шперлингъ. Для васъ, Николай Антонычъ, что угодно. Вы вѣдь знаете, какъ я уважаю васъ и все ваше семейство... О чемъ?.. *(Встаетъ).*

Авакумовъ. Видите ли, баронесса...

Бар. Шперлингъ *(перебивая).* Вотъ что, мой другъ... Вы лучше пріѣзжайте завтра вечеромъ ко мнѣ и продиктуйте мнѣ письмо, а то мы, женщины... *(лукаво)* дѣлъ не понимаемъ, забыть можемъ. *(Идетъ къ двери. Авакумовъ провожаетъ ее).* Да! забыла!.. Видите ли, какая я! Еще одна къ вамъ маленькая-маленькая просьба, объ одномъ очень хорошемъ молодомъ человѣкѣ: дайте ему, голубчикъ, какое-нибудь занятіе, у васъ вѣдь много мѣстъ, а жалованье какіе-нибудь пустяки, двѣ-три тысячи... онъ хоть и родственникъ мужу, но я по совѣсти рекомендую его вамъ. Я не сомнѣвалась, чтобы вы отказали въ этой бездѣлицѣ, да?.. Мой протеже хоть и очень

молодъ, всего 22 года, по дѣловой солидный, молодой человѣкъ нашего общества и, главное, непохожъ на нынѣшнюю, несчастную молодежь нашу, на этихъ... фи!.. нигилистовъ, проповѣдующихъ развратъ и неуваженіе къ чужой собственности!.. Такъ я надѣюсь?.. До завтра! Завтра васъ жду! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Авакумовъ *(одинъ).* Ты-то очень уважаешь чужую собственность. Вмѣсто трехъ—шесть тысячъ. И вѣдь шельма какая! Завтра къ себѣ зоветъ, о дѣлѣ и слушать не хотѣла... продиктуйте, говоритъ... Это значитъ, завтра опять, кстати, дайте тысячъ пять! Это за диктовку-то! А нельзя! Потапычъ недаромъ говоритъ (мошенникъ онъ и пройда трехпробная!), что невозможно не дать... Не дай только... такіе фокусы пойдутъ *(машетъ).* Богъ съ ними!

ЯВЛЕНІЕ V.

Авакумовъ и Чабановъ.

Чабановъ. Редакторъ статью привезъ объ открытіи участка... хорошо написалъ...

Авакумовъ. Зови добраго человѣка... А вѣдь баронессѣ-то шесть далъ, Потапычъ...

Чабановъ. Эхъ, Николай Антонычъ! она понимаетъ, чего стоитъ. Не дура. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Авакумовъ, Чабановъ и Бениславскій.

Бениславскій *(здороваясь съ Авакумовымъ).* Счелъ долгомъ, уважаемый Николай Антоновичъ, лично доставить вамъ нумерокъ, въ которомъ, насколько позволили мои слабыя силы, описалъ памятное для нашихъ мѣстъ событіе *(подаетъ газету).*

Авакумовъ. Очень благодаренъ... очень... садитесь... Владиміръ Николаевичъ, поближе... Вы намъ прочтете.

Бениславскій. Сочту за честь... но заранѣе прошу снисхожденія... если не вполнѣ достойно...

Авакумовъ. Эхъ, почтеннѣйшій Владиміръ Николаевичъ, мы не вашъ братъ, не литераторъ... *(Подаетъ газету)* Прошу...

Бениславскій *(откашливается и читаетъ).* «На-дняхъ нашъ городъ Обжигаловъ былъ свидѣтелемъ открытія обжигальско-тараканскаго участка желѣзной дороги. Толпы народа радостно привѣтствовали первый экстренный поѣздъ, при-

бывшій съ почетнѣйшими гостями въ Обжигаловъ. Отнынѣ Таракань соединена рельсовой нитью съ Обжигаловымъ, и наши пустынныя степи, гдѣ прежде рыскалъ голодный волкъ...»

Авакумовъ. И волковъ не забыли, Владиміръ Николаевичъ, я бы и ввѣкъ не придумалъ *(смѣется)*, а у васъ, у литераторовъ, все кстати...

Бениславскій. Я собственно имѣлъ въ виду-съ, такъ сказать, противопоставленіе... съ одной стороны—необъятность пространства, съ другой—задачи прогресса. *(Продолжаетъ)* «...и наши пустынныя степи, гдѣ прежде рыскалъ голодный волкъ, отнынѣ огласились свистомъ локомотива, который внесетъ въ нашъ край довольство и просвѣщеніе и явится, такъ сказать, хорошимъ помощникомъ нашей, ничего не щадящей для преуспѣянія края, администраціи... Погода, словно нарочно, въ этотъ день прояснилась: ясное, безоблачное небо, яркое солнце...»

Авакумовъ. Тутъ вы, кажется, Владиміръ Николаевичъ, ошиблись: вѣдь цѣлый день шелъ дождь...

Бениславскій. Это справедливо-съ. Но только я позволилъ себѣ это маленькое отступленіе единственно въ виду сохраненія цѣлостности описанія, съ художественной стороны, на основаніи законовъ эстетики.

Чабановъ. Это, какъ говорятъ, для колориту.

Авакумовъ. Такъ... такъ... славно написано, продолжайте.

Бениславскій. «Яркое солнце, блескъ мундировъ и толпа ликующаго народа, все это вмѣстѣ наполнило сердца присутствующихъ отраднымъ чувствомъ умиленія и благодарности. Ровно въ 4 часа въ вокзалѣ былъ блестящій обѣдъ, отличавшійся съ одной стороны изысканностью блюдъ, съ другой—совершенно семейнымъ характеромъ. Много было предложено самыхъ задушевныхъ тостовъ... Первый изъ нихъ—за виновника этого торжества, нашего просвѣщеннаго, всѣми уважаемаго строителя, Николая Антоновича Авакумова».

Авакумовъ. Благодарю васъ... много чести...

Бениславскій. Чувствую — слабо... нѣтъ большого таланта. *(Продолжаетъ)* «Когда Николай Антоновичъ всталъ, чтобъ отвѣчать на тостъ, то, глубоко тронутый, прослезился и отъ волненія не могъ начать рѣчи... Всѣ присутствующіе съ умиленіемъ взирали на маститаго старца...»

Авакумовъ *(тронутый)*. Не стою... не стою... вѣдь это на всю Россію.

Бениславскій *(съ пафосомъ)*. Именно... Пусть Россія знаетъ... Время пришло... общественнымъ дѣятелямъ должна воздаваться честь—гласно, открыто!

Чабановъ *(въ сторону)*. И хоть бы моргнулъ глазомъ. Ну-жъ и шельма!

Бениславскій *(читаетъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ)*. «На доблести гражданина, снискавшаго своимъ безкорыстнымъ характеромъ общую любовь и отъ сановниковъ и отъ простолюдина, который, благодаря щедрости и гуманности Николая Антоновича, снесетъ не одинъ лишній рубль въ свою хижину».

Авакумовъ *(прослезившись)*. Растрогали даже...

Чабановъ. За добрыя дѣла воздается, Николай Антоновичъ.

Бениславскій. «Послѣ краткой, но задушевной рѣчи строителя, покрытой общими рукоплесканіями, Николай Антоновичъ предложилъ тостъ за нашихъ честныхъ крестьянъ-рабочихъ, собравшихся изъ отдаленныхъ краевъ необъятнаго нашего отечества на постройку чугунки. Громкое «ура» рабочихъ раздалось со двора и было отвѣтомъ на такое чествованіе. Праздникъ окончился добрымъ дѣломъ. Николай Антоновичъ пожертвовалъ на открытіе классической гимназіи 15.000 рублей. Нашъ городъ долго будетъ помнить этотъ незабвенный день!» *(Складываетъ газету)*.

Авакумовъ *(растроганно)*. Вѣдь на всю Россію, Потапъ Потапычъ! И какой слогъ!.. Благодарю! *(Обнимаетъ Бениславскаго и цѣлуется съ нимъ три раза)*.

Бениславскій. Еще не все можно было написать, Николай Антоновичъ, что̀ просилось отъ души... Вы вѣдь знаете... цензура... Кромѣ этой статьи предполагается рядъ статей объ экономическомъ значеніи дороги для края...

Авакумовъ. Спасибо, дорогой мой... Какъ газета ваша идетъ... хорошо?..

Бениславскій. Не скажу, чтобъ очень... но однако-жъ...

Авакумовъ. Вотъ что̀, дорогой Владиміръ Николаевичъ, возьмите для газеты бездѣлицу *(подаетъ деньги)*, тутъ тысяча рублей.

Бениславскій. Николай Антоновичъ, что̀ вы?.. Къ чему? Я и такъ...

Авакумовъ. Такія газеты должны идти... Да!.. Правда должна свѣтъ видѣть! И кромѣ того присылайте въ мою контору 40 экземпляровъ.

Бениславскій *(крѣпко жметъ руку и беретъ деньги)*. Ваша правда! Я не щадя силъ, а вы сочувствіемъ вдохновляете, Николай Антоновичъ.

Чабановъ *(въ сторону)*. А вѣдь недавно еще 500 взялъ!

Бениславскій. Сейчасъ пойду къ его превосходительству, имъ отвезу нумерокъ.

Авакумовъ. Съ Богомъ, родной. Тепло вы пишете и съ большимъ талантомъ. Далеко вы пойдете. Еще разъ спасибо! *(Бениславскій раскланивается и уходитъ вмѣстѣ съ Чабановымъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Авакумовъ и Васильковъ.

Васильковъ *(влетаетъ въ кабинетъ и говоритъ быстро).* Ну, батюшка, Николай Антонычъ, поздравляю... Восторгъ, фуроръ общій... у графа былъ—о томъ же... И, говорятъ, задали же вы обѣдъ!

Авакумовъ. А васъ откуда Богъ принесъ?

Васильковъ. Сегодня утромъ съ первымъ поѣздомъ изъ Москвы... Дѣла были... Хотѣлъ я компанію мелководнаго пароходства устроить, но, какъ вы знаете, съ москвичами каши не сваришь. Общество собрали, выпустили акціи, меня, конечно, въ предсѣдатели правленія, дѣло на мази, какъ вдругъ кассиръ съ деньгами улизнулъ за границу. Ну, экстренное собраніе предлагаю въ виду важности дѣла, вѣдь мелководное пароходство—эра, батюшка, внести деньги и снова начать; такъ что же? Уперлись: ну, такъ мелководное пароходство и лопнуло. *(Смотритъ на часы)* А вѣдь второй часъ... Лида здорова?..

Авакумовъ. Здорова. У нея баронесса.

Васильковъ. Красавица-барыня. Пикантная! *(Смѣется. Звонитъ. Входитъ Никаноръ).* Вели, братецъ, мнѣ флакончикъ заморозить... жара страшная, да скажи повару, Никанорушка, чтобъ филе-де-бефъ облилъ соусомъ пикантъ, да трюфелей не забылъ. *(Никаноръ уходитъ).* Ужасно проголодался! *(Къ Авакумову)* А я къ вамъ, Николай Антонычъ, съ просьбою!..

Авакумовъ *(насмѣшливо).* Денегъ опять?..

Васильковъ *(слегка униженно).* Хочу съ васъ примѣръ брать, Николай Антонычъ, дѣла дѣлать.

Авакумовъ. Какимъ же дѣломъ, сударь, думаете теперь заняться?..

Васильковъ. Хочу, Николай Антонычъ, открыть заводъ зельтерской воды. Это вѣрныя деньги.

Авакумовъ *(смѣется).* То болота осушаете, то мелководное пароходство устраиваете, а теперь фабриковать зельтерскую воду хотите.

Васильковъ. А развѣ не пойдетъ?

Авакумовъ. Ничего у васъ не выйдетъ... Впрочемъ, денегъ вамъ могу дать тысячу рублей.

Васильковъ. Ну, тысячу такъ тысячу! Къ чорту заводъ!

Поѣду за границу теперь и спеціально изучу сельское хозяйство... Благодарю васъ, Николай Антонычъ! Вамъ порученіе исполнить не надо ли въ Парижѣ?..

Авакумовъ. Нѣтъ-съ никакого...

Васильковъ. А то бы могъ!.. *(Смѣется).* Не довѣряете моей мудрости? А, пожалуй, и правы... Впрочемъ, надѣюсь, сельское хозяйство покажетъ... я еще могу... А что, Николай Антонычъ, когда вы за границу? Надо и вамъ показаться, нашему знаменитому строителю... я бы къ вамъ въ чичероне... Недорого бы съ васъ взялъ, ха-ха-ха! Тысчонокъ 20 въ годъ. Зато показалъ бы вамъ заграничные Вавилоны! Все... понимаете ли, все... Въ Вѣнѣ, напримѣръ... *(Подходитъ къ Авакумову и говоритъ на ухо).* Мертваго расшевелитъ... Право!..

Авакумовъ. Намъ некогда Вавилоны чужіе смотрѣть... Дѣла...

Васильковъ. Эка, дѣла, дѣла! Тамъ и дѣло забудете! Пойду баронессу звать. *(Хохочетъ и уходитъ въ галлерею, напѣвая оффенбаховскую арію).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Авакумовъ *одинъ.*

Старая сорока!.. Мотыга! *(Распечатываетъ три письма, пробѣгаетъ ихъ и съ сердцемъ рветъ въ мелкіе кусочки).* Народецъ! каждый норовитъ въ твой карманъ съ сапогами влѣзть. *(Ходитъ по кабинету).* Своего ума нѣтъ заработать, такъ чужимъ. *(Показываетъ на кусочки письма)* Вѣдь все денегъ... Въ глаза распнуться готовы, а за глаза на ругательства падки, и особенно нынче, сволочь разная, у самихъ гроша нѣтъ, такъ и рычитъ: капиталистъ, молъ, чужой хлѣбъ заѣдаетъ! кровь сосетъ! ха-ха-ха! Ну и сосу, а вамъ и объѣдковъ не бросаю! *(Подходитъ къ рампѣ).* Ну и что же! *(Помолчавъ)* А господина Ефимова надо вонъ и поскорѣй!.. Безъ сапогъ взялъ землемѣришку, а туда же! *(Смѣется).* Гордыня! *(Хватается за сердце).* Экъ стучитъ... Доктора приказывали покой, да гдѣ его при дѣлѣ найдешь! Умру, пусть сынъ!.. У него голова есть! *(Пьетъ воду и уходитъ изъ кабинета).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Чабановъ и Улитовъ.

Улитовъ. Вопіющее притѣсненіе... ужъ я къ нему и такъ и этакъ... процентъ предлагалъ, разсвирѣпѣлъ... сѣлъ въ пикетъ, игры разносилъ, бросилъ играть! А квитанцію на песокъ не даетъ...

Чабановъ. Почему же?..

Улитовъ. Говоритъ: мошенничать не позволю. Положимъ, десятники проглядѣли, ну, сбрось скидку, ну, возьми свой процентъ, но не оскорбляй! Каково оскорбленіе-то переносить отъ какого-нибудь халдея, техника, благородному русскому дворянину. *(Ударяетъ себя въ грудь).*

Чабановъ. Можетъ, мало давали... Есть такіе, дашь сотню, рыло воротитъ и кричитъ, а далъ тысячу—о здоровьѣ спрашиваетъ.

Улитовъ *(обиженно).* За кого-жъ вы меня принимаете, Потапъ Потапычъ! Что я? малолѣтокъ, что ли? Я намекнулъ, что мы въ долѣ, и 3.000 давалъ.

Чабановъ *(растопыривъ руки).* Три?.. и не взялъ?.. Дуракъ!..

Улитовъ. Мало того, остановилъ работы. Я по безденежью не всѣмъ заплатилъ. Да на что имъ теперь деньги? Только пропьютъ, а у меня сохраннѣй будутъ, а онъ, тихоня-то, давай имъ за мой счетъ да вдвое платить, да еще говоритъ: чуть-было я ему въ рожу не далъ, да... *(помолчавъ)* рукъ марать не хотѣлъ... Вѣдь это что же? Бунтъ? коммунизмъ? грабежъ?

Чабановъ. Ефимовъ вылетаетъ въ трубу. Это вѣрно.

Улитовъ. Давно бы пора въ Сибирь такихъ мерзавцевъ!

Чабановъ. Ну, вы своего не упустите. Чай, песочку вдвое показали?

Улитовъ. Это точно... десятники проглядѣли.

Чабановъ. А вы, молодой человѣкъ, полегче, не разомъ, десятникамъ проглядывать велите осторожнѣй... Вамъ сколько лѣтъ?..

Улитовъ. Двадцать семь.

Чабановъ. А мнѣ сорокъ пятый пошелъ, такъ повѣрьте опыту... Никакъ невозможно этакъ сразу накидываться... *(Показывая рукой)* Сцапать всю вселенную... Идемъ однако въ контору... Старый, вѣрно, тамъ. Ефимова сегодня же не будетъ.

Улитовъ. Вѣрно, пронюхалъ и онъ, что плохо, говорятъ, Авакумову-сыну написалъ.

Чабановъ. Сынъ тутъ не поможетъ... Экій дуракъ! Точно ему дѣло есть, что не весь песокъ, что полотно сядетъ; тутъ быстрота нужна, чтобы дорога не лопалась, а онъ?.. Вѣдь зналъ, куда шелъ, зналъ, гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ... Ну и пойдетъ, пожалуй, куда-нибудь Богу молиться... *(Хохочетъ).* Ну, спрашивается, не болванъ ли? Кому помогъ? Что уберегъ?..

Улитовъ. Писаный болванъ!..

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Лидія, Авакумовъ-сынъ и Васильковъ.

Васильковъ. Это кто болванъ?

Чабановъ *(кланяется Авакумову и Лидіи)*. Мы тутъ про одного знакомаго говорили...

Авакумовъ-сынъ *(держитъ въ рукѣ пикьмо)*. Отецъ гдѣ?..

Чабановъ. Въ контору, должно-быть, ушли. Надо и намъ. *(Уходятъ съ Улитовымъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Авакумовъ-сынъ, Лидія, Васильковъ.

Лидія *(тихо мужу)*. Иди, Алексѣй! Сейчасъ же скажи.

Авакумовъ. Отецъ, вѣрно, скоро придетъ... Не пожаръ вѣдь?

Лидія. Человѣка выгоняютъ...

Авакумовъ *(смѣется)*. Ты всегда преувеличиваешь... котенокъ ты этакій!..

Лидія. Вѣдь у него, Леша, семейство, голубчикъ. Я видѣла его сестру, пять человѣкъ дѣтей... *(Заглядывая въ лицо мужу)* Ты похлопочешь вѣдь? Тамъ горе!..

Авакумовъ. Сказалъ разъ, Лида, вѣдь ты просишь, а тебѣ отказу нѣтъ! *(Цѣлуетъ жену)*.

Лидія. Только для меня? *(Задумывается)*.

Васильковъ. Ты, Лида, что хмуришься, а? Чижикъ ты этакій! И чего ты не чирикаешь, какъ прежде, бывало?.. Или баронесса заговорила тебя?.. Ну, что тебѣ изъ Парижа привезти?

Лидія. А ты опять ѣдешь?.. Привези мнѣ... Что бы привезти?.. Я и не знаю... самъ выдумай...

Васильковъ. Привезу тебѣ, во-первыхъ, хорошенькое платье, а во-вторыхъ...

Авакумовъ. А во-вторыхъ, Александръ Петровичъ, купите ей отъ меня что-нибудь, вотъ деньги. *(Отдаетъ пачку бумажекъ)*.

Васильковъ. Тутъ ровно три тысячи... балуете вы Лиду!

Лидія. Добрый мой! *(Цѣлуетъ мужа)*. Ты мнѣ, папа, купи серьги, знаешь какія?.. Маленькія - маленькія рубиновыя мушки съ брильянтами, и такую же рубиновую брошку, да не забудь, папа, простенькаго браслета съ именемъ Алексѣя, изъ свѣтленькихъ камешковъ... И еще... *(Вдругъ умолкаетъ и задумывается)*.

Васильковъ *(смѣется)*. И еще... мотовка... ты, кажется, весь Парижъ скупить хочешь?..

Авакумовъ. И еще... говори, что еще, Лида?

Лидія. Леша, я раздумала, мнѣ ничего не надо. Подари мнѣ эти деньги?

Авакумовъ. Зачѣмъ эти? Возьми другія...

Лидія. Нѣтъ, нѣтъ, эти...

Васильковъ. А мушки?.. А браслетъ?..

Лидія. Богъ съ ними! Папа, отдай мнѣ деньги.

Васильковъ. Возьми... *(Отдаетъ).*

Авакумовъ. Ты что-то, Лида, задумала?

Лидія *(весело).* Именно... Я отдамъ эти деньги...

Авакумовъ. Кому?

Лидія. Семейству Ефимова...

Авакумовъ. Ты хочешь бросить три тысячи?..

Лидія. Какъ бросить?.. Помочь!..

Авакумовъ. Но, Лида...

Лидія. Ты подарилъ мнѣ эти деньги?

Авакумовъ. Но не на капризъ...

Лидія. Какъ?.. Помочь—капризъ?..

Авакумовъ *(горячится).* Ты не такъ меня поняла... Помогать, отчего же?.. но только людямъ, которыхъ знаешь, которые... ну, однимъ словомъ... и не такими суммами... еще девять такихъ капризовъ, какъ этотъ, и 30.000! Этого дѣлать нельзя!..

Лидія *(смѣясь).* А на серьги можно?..

Авакумовъ. Это совсѣмъ другое дѣло! *(Горячо)* Ты сама не понимаешь, что говоришь... Къ деньгамъ, Лида, надо относиться серьезнѣе.. Онѣ нелегко достаются. Ихъ кузнецы не куютъ... Впрочемъ, дѣлай съ ними, что знаешь, онѣ твои...

Лидія. Что я знаю? Я ничего не знаю и не понимаю. *(Грустная идетъ къ отцу).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, Авакумовъ-отецъ и Чабановъ.

Авакумовъ-отецъ. Вообрази, Алексѣй... Невѣстушка, здравствуйте! *(Цѣлуетъ Лидію въ лобъ).* Землемѣришка-то что выдумалъ!..

Авакумовъ-сынъ. Слышалъ и письмо отъ него получилъ. Отставилъ Улитова отъ работъ...

Авакумовъ-отецъ. Ну, голубчикъ, не пеняй; скатертью дорога.

Авакумовъ-сынъ. У него, батюшка, семья...

Авакумовъ-отецъ. А у Улитова, сынокъ... развѣ нѣтъ семьи? *(Смѣется).*

Авакумовъ-сынъ. Ефимовъ, конечно, увлекся... но онъ ваши интересы соблюсти хотѣлъ...

Авакумовъ-отецъ. А кто его просилъ, а? Я его нанялъ, плачу, такъ служи, какъ я хочу!.. А то все у него, видишь, мошенники! Потапъ Потапычъ! Напиши телеграмму — Ефимова съ работъ долой и въ контору за разсчетомъ... *(Къ Лидіи)* А вы, невѣстушка, что сегодня пріуныли, скучно, чай, про наши дѣлишки слушать, а я вамъ игрушку припасъ... *(Вынимаетъ футляръ изъ кармана и открываетъ дорогое ожерелье).* Нравится?..

Лидія. Благодарю васъ... нравится... *(Цѣлуетъ Авакумова-отца; подходитъ къ мужу и глядитъ на него вопросительно).*

Авакумовъ-сынъ *(нерѣшительно).* Батюшка, не выгоняй Ефимова, у него...

Авакумовъ-отецъ. Алексѣй, ты самъ не знаешь, что говоришь и за кого просишь. Сорную траву изъ поля вонъ! Онъ такую намъ кашу заварилъ, что люди не работаютъ! *(Къ Чабанову)* Готова писулька?..

Чабановъ. Готова-съ... подписать... *(Подноситъ Авакумову).*

Авакумовъ-сынъ *(робко).* Батюшка...

Авакумовъ-отецъ *(гнѣвно).* Сынокъ, тутъ кто голова: я или ты? *(Подписываетъ телеграмму).*

Авакумовъ-сынъ. Я ничего... какъ вамъ будетъ угодно. *(Отходитъ).*

Лидія *(со слезами на глазахъ мужу).* И ты молчишь? *(Подходитъ съ Авакумову-отцу)* Папаша, ну для меня простите! У Ефимова пятеро дѣтей... онъ честный... онъ правъ, онъ...

Авакумовъ-отецъ. Ну, Лидушка, извините... кто правъ... кто виноватъ, про то намъ знать... вы вотъ все по простотѣ. *(Смѣется).* Лучше игрушкой займитесь! Или нехороша? Скажите, лучше купимъ!

Лидія *(вспыхнувъ).* Но вѣдь поступать такъ...

Авакумовъ-отецъ *(сильно разпьянный, обращаясь къ Чабанову, говоритъ тихо, видимо сдерживаясь).* Нынче, братецъ, дамочки лучше нашего понимаютъ дѣла... *(Злобно смѣется. Къ Лидіи)* Ну-съ такъ, поступать такъ?..

Авакумовъ-сынъ *(подбѣгаетъ къ Лидіи).* Лидія! Замолчи! Ты не знаешь отца...

Лидія *(блѣдная какъ полотно, говоритъ шопотомъ).* Поступать такъ... нечестно! *(Общее молчаніе. Васильковъ качаетъ головой. Авакумовъ-сынъ смущенъ. На лицѣ Авакумова-отца замѣтенъ сильный гнѣвъ; его подергиваетъ).*

Авакумовъ-отецъ *(говоритъ съ разстановкой).* Вы, невѣстушка, молоды, чтобы учить... Лучше учите вашего мужа!.. *(Къ сыну)* Алексѣй! Вдолби своей женѣ, что я этого не люблю!

Авакумовъ-сынъ *(съ упрекомъ)*. Лида, Лида!

Лидія. Оставьте меня! *(Заливается слезами и уходитъ. Васильковъ идетъ вслѣдъ за нею).*

Авакумовъ-отецъ. Миру не быть!.. Твоя, Алексѣй, вина... Чтобъ впередъ никогда!.. Яйца курицу не учатъ!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Галкинъ.

Галкинъ *(вбѣгаетъ встревоженный)*. Телеграммы не получали?..

Авакумовъ-отецъ. Что̀ случилось?.. Какой?..

Галкинъ. Рабочіе отказались у меня отъ работъ и еще...

Авакумовъ-отецъ. Гдѣ еще?..

Галкинъ. У другихъ... Ефимовъ прибавилъ цѣну, ну и пошла писать... вѣдь это, Николай Антонычъ, чортъ знаетъ что̀ такое!..

Авакумовъ-отецъ. И стали работы?

Галкинъ. У меня стали!.. Насилу выбрался...

Авакумовъ-отецъ *(въ сильномъ гнѣвѣ)*. Ну, другъ, не пеняй, коли я упрячу тебя туда... *(машетъ кулакомъ)* куда Макаръ телятъ не гонялъ!

Галкинъ. Именно слѣдуетъ...

Авакумовъ-отецъ. Ты, Потапычъ, меня подожди, а я сейчасъ съѣзжу къ баронессѣ... *(Къ Галкину)* А вы, пожалуйста, расплатитесь и за работы... вотъ деньги... *(Отдаетъ).* Ишь тихоня-то! поглядимъ, хорошо ли мутить?.. Поглядимъ! *(Къ сыну)* Видишь, Алексѣй, за какого мерзавца ты просилъ. *(Хватается за сердце).* Опять схватило. *(Чабановъ и сынъ подбѣгаютъ. Авакумовъ-отецъ садится. Ему подносятъ воды).* Теперь легче! Проклятые! А гдѣ тутъ покой! *(Къ сыну)* Нелегко, братъ, и богатство достается!

(Уходитъ съ Галкинымъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Чабановъ и Авакумовъ-сынъ.

(Авакумовъ ходитъ въ волненіи по комнатѣ).

Чабановъ *(улыбается)*. Удивительно... какое нынче недовольство развилось... Прежде, бывало...

Авакумовъ *(останавливаясь)*. И вовсе не платили?

Чабановъ *(смѣется)*. Случалось...

Авакумовъ. Теперь труднѣй...

Чабановъ. Это какъ понимать!.. Вѣдь, собственно говоря, всѣ эти смуты... пустое дѣло... Тутъ работникъ не при чемъ...

его успокоить можно мигомъ, покажи только рублевую бумажку!.. А дѣла эти рады Галкины устраивать! *(Смѣется).* Потому доходъ!..

Авакумовъ. Какой?..

Чабановъ. Обыкновенно какой... теперь пойдетъ прижимка подрядчикамъ отъ инженеровъ... Отчего-де людей нѣтъ?.. Подрядчики отдуются... *(Помолчавъ)* Вотъ только удивляюсь Ефимову...

Авакумовъ. Что не воръ?

Чабановъ. И это, конечно, по нынѣшнимъ временамъ удивительно... а главное... къ чему соваться? *(Смѣется).* Какая прибыль? Смѣхъ одинъ! Шелъ бы я по улицѣ и увидалъ, что въ чужомъ саду съ дерева падаютъ яблоки... Сталъ бы я отъ этого въ азартъ входить? Падай!.. Не моя яблоня! *(Хохочетъ).*

Авакумовъ *(ходитъ по комнатѣ, потомъ останавливается и глядитъ на Чабанова).* Скажите, Потапъ Потапычъ, откровенно, вы... Впрочемъ, что это я... Виноватъ, попутилъ! А жаль человѣка!.. Лида лучше насъ съ вами!.. *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Чабановъ *одинъ.*

Чабановъ *(глядитъ вслѣдъ Авакумову, качаетъ головой и наконецъ заливается неудержимымъ смѣхомъ).* И хочется, и колется, и маменька не велитъ! Теперь *(передразнивая Авакумова-сына)* у Ефимова семья, не гоните! Это женка-то навастриваетъ, а какъ зацѣпитъ батькину мошну въ полную свою власть, тогда фью!.. запоетъ пѣтушкомъ, какъ пойметъ, что деньга мужикомъ выковывается и дурью его копится!.. А теперь поди-жъ. *(Смѣется и подходитъ къ авансцену).* Вѣдь всѣмъ желательно и жену-кралю, и кушать сытненько, и цыгарку хорошенькую, и то, и се... Всѣ люди!.. ну и помалчивай-себѣ... а то нѣтъ!.. Вѣдь вотъ иной и про меня скажетъ *(передразнивая)*: Потапъ Потапычъ подлецъ! Потапъ Потапычъ скотина! А какъ самому захочется деньгой побаловаться, коли ходъ есть, да какую-нибудь систему водяную на откупъ сграбастать, или дорогу по воздусямъ или по водѣ провести, такъ, небось, скажетъ: я, молъ, отечеству слуга, систему сграбасталъ и дорогу по воздусямъ веду для полезности, а не для деньги... И морду-то вѣдь какую благородную состроитъ, и вѣдь распуститъ нюни, какъ давеча старый... Вотъ этакъ *(передразниваетъ умиленіе старика Авакумова и хохочетъ).* И самимъ смѣшно! Какъ не смѣшно? *(Ходитъ по сценѣ).* И мнѣ смѣшно, какъ брата моего ограбили! *(Хо-*

лодно) До-чиста, какъ есть, когда я еще подросткомъ былъ. Не будь на свѣтѣ щукъ, тогда, быть-можетъ, и Потапъ Потапычъ теперь... *(Машетъ рукой).* Э, да что! Еще ему вспомнится. *(Уходитъ направо).*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Авакумовъ-сынъ и Лидія.

Авакумовъ. Ты не сердишься, Лида, а Лида? *(Обнимаетъ ее).*

Лидія. Нѣтъ!..

Авакумовъ. Ты пойми, голубчикъ, вѣдь я, о, какъ я люблю тебя!

Лидія *(цѣлуетъ).* И я... только...

Авакумовъ. Зачѣмъ это только... Возьми пять, десять, двадцать тысячъ, помогай, кому знаешь, только люби, поддерживай меня. Ты, Лида, и сама не знаешь, что за золотое у тебя сердце!..

Лидія. Какъ я рада, что ты такой, Леша... А Ефимова отецъ проститъ?

Авакумовъ. Нѣтъ, Лида, онъ не проститъ...

Лидія. Отчего же? Ты самъ говоришь, что Ефимовъ правъ?..

Авакумовъ. Оттого, Лида, что отецъ иначе смотритъ на вещи, и оттого, что Ефимовъ, знаешь ли, неосторожно поступилъ. *(Ефимовъ робко и незамѣтно входитъ въ кабинетъ и останавливается).* Онъ честный человѣкъ, спору нѣтъ, но только... *(Ефимовъ слегка кашляетъ. Авакумовъ оборачивается).*

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и Ефимовъ.

Ефимовъ *(кланяется).* Здравствуйте, Алексѣй Николаевичъ!

Авакумовъ. Мое почтеніе, г. Ефимовъ!

Ефимовъ. Извините, я, быть-можетъ, помѣшалъ... *(Кланяется Лидіи).* Я уйду!..

Авакумовъ. Нѣтъ, помилуйте!

Ефимовъ. Вы получили мое письмо? Мною, кажется, недовольны?..

Авакумовъ. Не знаю... кажется... впрочемъ, отчего-жъ?

Лидія *(шопотомъ).* Отчего ты прямо не говоришь?

Ефимовъ. Я слышалъ въ конторѣ... Улитовская исторія?

Авакумовъ. Отецъ недоволенъ!..

Ефимовъ *(улыбаясь).* За то, что я его интересы соблюдалъ?

Авакумовъ. Изъ-за васъ, говорятъ, во многихъ мѣстахъ стали работы?

Ефимовъ. Это неправда-съ, я тутъ не причиненъ. Если бы

людей не обманывали... *(Робко)* Вѣдь и они люди... *(Конфузится)*.

Авакумовъ. Говорятъ, вы ихъ избаловали... Васъ, господинъ Ефимовъ, чуть не въ коммунизмѣ обвиняютъ...

Ефимовъ *(окончательно конфузясь)*. Извините, Алексѣй Николаевичъ, я учился, сами знаете, кое-какъ, такъ этого слова не знаю... Что это значитъ?..

Авакумовъ. Это теорія такая, ну... какъ вамъ объяснить?.. Ну вотъ, Парижъ сожгли коммунисты...

Ефимовъ *(пугаясь)*. Что вы, Господь съ вами!

Авакумовъ. И отецъ очень недоволенъ...

Ефимовъ. Такъ, значитъ, это правда, что мнѣ сейчасъ сказалъ Чабановъ?

Авакумовъ *(смущенно)*. Что?

Ефимовъ. Что меня велѣно разсчитать!..

Авакумовъ *(отворачивается)*. Кажется...

Лидія. Это правда!.. *(Поникаетъ головой)*.

Ефимовъ. Алексѣй Николаевичъ! вы знаете, мнѣ тяжело просить... но я... видите, прошу... у меня большая семья и теперь больны дѣти, а средства... *(улыбается и конфузится)* очень малы. Нельзя ли... *(конфузится и глядитъ на Авакумова)* не выгонять?..

Авакумовъ *(смущенно)*. Я уже просилъ за васъ...

Ефимовъ. И рѣшено?..

(Авакумовъ молчитъ).

Лидія *(быстро)*. И рѣшено...

Ефимовъ. Извините, что безпоконлъ. Значитъ, Чабановъ правъ. Пойду собираться. А вы, Алексѣй Николаевичъ, не вѣрьте, въ чемъ тамъ меня винятъ, право. Улитовъ воровалъ шибко, ну, я его и прогналъ съ работъ... *(Оживляясь)* Да какъ же... вообразите, еще что: щи давалъ людямъ такія, что бѣда, да вмѣсто денегъ отнялъ у нихъ разсчетныя книжки и прогналъ. Тѣ ко мнѣ, я къ Улитову, а онъ *(конфузясь)* взятки предлагаетъ... Просто совѣстно... *(Весело)* Ну, я за его счетъ и заплатилъ людямъ... И какъ, я вамъ скажу, работа закипѣла. Двѣ насыпи сдѣлали, и работа-то какая *(съ оживленіемъ)*: первый нумеръ!

Авакумовъ. Мнѣ, право, очень жаль!

Ефимовъ. Что вы, я и такъ вамъ благодаренъ, Алексѣй Николаевичъ, что заступились! Прощайте!..

Лидія *(быстро подходитъ къ Ефимову)*. Извините... Бога ради простите... вотъ три тысячи... возьмите вашимъ дѣтямъ... *(Конфузится и держитъ пачку въ рукѣ)*.

Ефимовъ *(теряется)*. Что вы?.. Что вы?.. *(Со слезами смотритъ на Лидію)*. Зачѣмъ вы такъ поступили?.. я не за тѣмъ пришелъ... я... я... могу еще, слава Богу, прокормить семейство. Впрочемъ, можетъ-быть... вы не хотѣли оскорбить... благодарю васъ... *(Цѣлуетъ быстро руку и уходитъ)*.

Авакумовъ *(стоитъ молча; наконецъ кричитъ вслѣдъ)*. Г. Ефимовъ! Г. Ефимовъ! *(и уходитъ за нимъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Лидія *одна.*

Не взялъ!.. А развѣ я его оскорбить хотѣла? Видитъ Богъ, нѣтъ! *(Съ грустью)* И ничего-то я сдѣлать не умѣю! Бабушка правду говорила: неумѣлая! Глупыя деньги!.. *(Кидаетъ ихъ на столъ)*. Сколько изъ-за нихъ горя! Боже мой! Боже мой!.. Отчего мнѣ подчасъ такъ тяжело... *(оглядывается)* въ этой золотой клѣткѣ?.. Лида!.. Лида... и некому тебя утѣшить!.. А можетъ-быть, такъ и должно быть... все это мнѣ кажется, и я совсѣмъ счастлива?.. *(Въ раздумьи уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Авакумовъ-отецъ и **Чабановъ.**

Авакумовъ *(держась за сердце)*. Такъ сильно хватило, Потапычъ, что, думалъ, Богу душу отдамъ! Насилу въ чувство привели. *(Садится въ кресло)*. Еще и теперь не того... Съ молодчикомъ расправа недолга... *(показываетъ рукой)* не мути!.. Только знаешь ли что, Потапъ Потапычъ? Ты скажи Улитову и всѣмъ имъ скажи, чтобъ честь знали! Нынче времена, самъ понимаешь. Судъ, братецъ, скорый, и газеты вездѣ... облаютъ, станутъ перебирать. Тьфу!.. Эна, бьетъ какъ!.. *(Хватается за бокъ)*. Да надо, Потапычъ, усилить работы. Губернатору запросъ былъ... какъ онѣ?.. Вотъ 100.000 изъ банка взялъ раздать инженерамъ! Гдѣ сынъ?

Чабановъ. Здѣсь были...

Авакумовъ *(улыбается)*. Съ женушкой помирился?

Чабановъ. Помирились... хе-хе-хе!..

Авакумовъ *(вздыхая)*. Охъ, дурно, Потапычъ, очень дурно... Надо бы доктора!..

Чабановъ *(секунду стоитъ въ раздумьи и пристально глядитъ на Авакумова; потомъ плотно запираетъ дверь на ключъ и подходитъ къ Авакумову)*.

Авакумовъ *(открываетъ глаза. Смотрятъ другъ на друга. Наконецъ Авакумовъ съ ужасомъ отшатывается)*. Потапычъ! Ты что же доктора?..

Чабановъ. Сейчасъ, Антонъ Николаевичъ! Позвольте, разстегну васъ...

Авакумовъ *(простирая руки).* Не надо... нѣтъ... Что ты... Господь съ тобою.

Чабановъ. Не бойтесь... Легче станетъ!.. *(Разстегиваетъ сюртукъ и вынимаетъ бумажникъ).*

Авакумовъ. Ты что же, злодѣй! Обокрасть хочешь благодѣтеля... *(Тянется къ колокольчику).*

Чабановъ *(беретъ колокольчикъ и, глядя на Авакумова, отсчитываетъ сто тысячъ и кладетъ бумажникъ обратно).* Теперь злодѣй!.. А помнишь, какъ ты брата передъ смертью обокралъ! Тогда твоя была линія, теперь моя... А ты думалъ...

Авакумовъ. Потапычъ! Бога ты не боишься! Что ты дѣлаешь?..

Чабановъ. Да дѣлаю то, что и ты сдѣлалъ и что всѣ милліонеры дѣлали...

Авакумовъ. Злодѣй!.. *(Кричитъ)* Люди!.. Люди!.. Охъ!.. *(Опускается безъ чувствъ).*

Чабановъ *(близко подходитъ къ Авакумову).* Околѣваетъ! Упокой, Господи, его душу! Много грѣшилъ покойникъ!.. *(Отворяетъ дверь и кричитъ)* Алексѣй Николаевичъ!.. Батюшкѣ дурно!.. Умираетъ!..

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Гостиная въ домѣ Авакумовыхъ. Три двери: прямо въ залу съ колоннами; налѣво въ будуаръ Лидіи; направо въ кабинетъ Авакумова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Авакумовъ *въ дверяхъ кабинета.*

Подождутъ! Не умрутъ съ голоду! *(Входитъ въ гостиную во фракѣ).* И вѣдь всѣ завидуютъ! Говорятъ: богачъ, красавица жена, счастливъ! А того не знаютъ, что безъ новой концессіи хоть въ петлю полѣзай!.. *(Смотритъ на часы и звонитъ. Входитъ слуга).* Десятый часъ, а въ залѣ темно?.. Огня, свѣчей! *(Слуга уходитъ, Авакумовъ приближается къ дверямъ будуара).* Лида, ты готова?

ЯВЛЕНІЕ II.

Лидія и Авакумовъ.

Лидія *(входитъ въ бальномъ платьѣ).* Готова.

Авакумовъ *(оглядывая жену).* Какая ты, Лида, красавица!..

Лидія. Да!.. Платье, кажется, хорошо сидитъ!.. Ахъ!.. вотъ и забыла Лельку поцѣловать!.. *(Уходитъ и сейчасъ же возвращается).* Спитъ, голубчикъ, сладко такъ, не шелохнется... *(Садится).* Ну, Алексѣй, объясни мнѣ теперь, зачѣмъ у насъ сегодня балъ?

Авакумовъ. Какъ зачѣмъ?.. Для тебя...

Лидія. Такъ ли?

Авакумовъ. Не вѣришь?

Лидія. Вѣрю, вѣрю... Но вѣдь помнишь, что дѣла твои плохи?

Авакумовъ. Ну, не такъ однако плохи...

Лидія. А балы денегъ стоятъ!.. *(Показывая на платье)* И эти тряпки...

Авакумовъ. Такъ что-жъ?

Лидія. Зачѣмъ ты, другъ мой, непослѣдователенъ?..

Авакумовъ *(смѣется).* Откуда ты слово это выдумала?.. Непослѣдователенъ!.. Вѣрно, Лида, изъ журналовъ вычитала?.. Ошиблась! Сегодня у насъ будетъ князъ Стадницкій.

Лидія. Что-жъ изъ этого?

Авакумовъ. Глупенькая! То, что, быть-можетъ, концессія наша!

Лидія. А дальше?..

Авакумовъ. А дальше... *(Останавливается и хохочетъ).* Какъ что дальше? Разсмѣшила даже! Ты удивительныя иногда наивности изрекаешь, Лида!.. Что дальше?.. Состояніе, которое, благодаря Чабанову, пошатнулось.... Лелька получитъ блестящее образованіе и не будетъ въ зависимости отъ случая, какъ какой-нибудь Ефимовъ, котораго отецъ выгналъ. Вотъ что дальше...

Лидія. И ты наконецъ разузналъ, гдѣ бѣднякъ Ефимовъ, что сталось съ его женой, дѣтьми?..

Авакумовъ. Узналъ какъ-то, Лида...

Лидія. И что-жъ?...

Авакумовъ. Ничего не узналъ... Вѣрно, гдѣ-нибудь на службѣ...

Лидія. Вѣрно!.. А я слышала другое!

Авакумовъ. Ну, ну... не дуйся!.. Сегодня же у Рогальскаго спрошу... Да кстати попроси сама старикашку... Только, Лидушка, какъ-нибудь безъ твоихъ naivetés...

Лидія. Успокойся... Ужъ я не та!

Авакумовъ. Опять?.. губки свои прелестныя надула?.. *(Цѣлуетъ жену).* Лида, Лида, мое сокровище...

Лидія. Полно, Алексѣй... *(Помолчавъ).* И Чабановъ противный будетъ?..

Авакумовъ. Разумѣется. Онъ вѣдь нынче, Лида, тоже кон-

цессіонеръ... О той же линіи хлопочетъ, о которой и я хлопочу. Потапъ Потанычъ, побывши около отца, сталъ богатъ и какой франтъ!.. Увидишь. *(Смѣется).*

Лидія. И ты его принимаешь?

Авакумовъ. Какая ты потѣшная, Лида!.. Если того не принимать, другого не принимать, третьяго... то кого-жъ принимать?.. И наше дѣло такое, что нельзя быть черезчуръ разборчивымъ.

Лидія. Вѣдь это скверно!..

Авакумовъ. Скверно?... *(смѣется).* Ну-ка, научи, разумница, что же дѣлать?..

Лидія. Такъ зачѣмъ же ты объ этой гадости хлопочешь?.. Къ чему?.. Алексѣй!.. Неужели безъ этой роскоши, безъ этихъ китайскихъ вазъ жить нельзя! Для меня, что ли, онѣ нужны?.. Ты думаешь, я счастлива, что ношу на себѣ на нѣсколько тысячъ брильянтовъ?.. Я у бабушки жила, ихъ не носила, въ шелкахъ не ходила, а мнѣ жилось легче! А здѣсь?.. Вѣчно у тебя какія-то дѣла, ты раздраженъ, сердишься... вѣчно слышишь, какъ ты въ кабинетѣ бранишься изъ-за денегъ... вѣчно жалобы... ропотъ о какихъ-то разсчетахъ, о томъ, что обсчитали!.. Ко мнѣ, Алексѣй, даже ходятъ! Вчера двѣ бабы приходили, разсказывали, что имъ не заплатили, въ ноги ко мнѣ бросились, плакали!.. О, Господи! Неужели возможно переносить эти сцены изо дня въ день?.. Неужели богатство стоитъ такихъ мукъ?.. *(Обнимаетъ мужа).* Алексѣй!.. пожалѣй и себя и меня... Оставь все это.

Авакумовъ *(улыбается).* То-есть что?..

Лидія *(смотритъ долго на мужа).* Тебѣ смѣшно?.. Правда, я не могу объяснить все точно... Я вашихъ дѣлъ не понимаю... *(Авакумовъ подходитъ къ дверямъ въ залу).* Ты и не слушаешь меня?..

Авакумовъ. Красавица ты моя! Слушаю и смотрю, какъ освѣщаютъ залу... Въ тебѣ юность говоритъ! «То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!» И я прежде, когда юнъ былъ, мечталъ о бѣлой арапіи, объ иной жизни...

Лидія. Значитъ, она есть?..

Авакумовъ. Въ романахъ...

Лидія. Нѣтъ... неправда!.. Можно иначе жить... Даша иначе живетъ... и счастлива!..

Авакумовъ. Ты, Лида, романовъ начиталась... *(цѣлуетъ жену).* Пройдетъ годъ-другой, и ты поймешь, что не намъ съ тобой передѣлывать жизнь... И посильнѣй люди спотыкались!.. Люди вездѣ люди! Одни, кто умнѣй и сильнѣе, наслаждаются... другіе, мечтатели и слабые, терпятъ!.. Лучше же

наслаждаться, чѣмъ терпѣть!.. *(смѣется)*. А ты хотѣла бы, чтобы платья, брильянты, кареты падали сами собой... безъ хлопотъ, которыя тебѣ такъ невыносимы?..

Лидія. Я ничего не хочу... знаю только...

Авакумовъ *(перебивая)*. Ну, а я хочу и пойду смотрѣть за наслажденіями жизни... Вѣдь ты, моя неземная царица, за домомъ не хочешь смотрѣть... Мелко очень!.. Кстати, Лида, танцуй мазурку съ княземъ Стадницкимъ...

Лидія. Зачѣмъ?..

Авакумовъ. Очень странный вопросъ!.. Ну... какъ съ почетнымъ, вліятельнымъ человѣкомъ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Лидія *(одна)*.

Лидія *(сидитъ нѣсколько времени молча, задумавшись)*. Боже, Боже! Гдѣ прежняя Лида и гдѣ прежній Алексѣй! Прежній?.. И былъ ли онъ?.. *(Вынимаетъ изъ кармана письмо и читаетъ)*. Счастливая Даша, она брильянтовъ не носитъ, а на волѣ живетъ, трудится! Только тяжело, я думаю, трудиться? Ну, что я умѣю?.. *(Задумывается)*. А развѣ не могла бы?.. Развѣ никто бы не поддержалъ меня? *(Склоняетъ голову на колѣни)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Черепнинъ и Лидія.

Черепнинъ *(останавливаясь у порога)*. Лидія Александровна!

Лидія *(всматривается и бѣжитъ къ Черепнину)*. Сергѣй Николаичъ!.. Какими судьбами?.. Откуда?.. *(Оглядываетъ Черепнина)* А вѣдь не измѣнился!.. Только зачѣмъ борода... Такимъ старикомъ!.. Ну, садитесь... Чего хотите, чаю? Говорите!..

Черепнинъ *(смѣется)*. Ничего не хочу, Лидія Александровна.

Лидія. Откуда? Куда? Давно ли?

Черепнинъ. Изъ Петербурга... сюда... недѣли двѣ...

Лидія. Двѣ недѣли—и только сегодня зашли къ старому другу, съ которымъ вмѣстѣ учились и шаливали?

Черепнинъ. Да я только на-дняхъ узналъ, что вы здѣсь...

Лидія. Глупая я... точно... вѣдь не пишутъ же въ газетахъ, что я вышла замужъ и живу здѣсь...

Черепнинъ. Сюда еще не дошелъ этотъ прогрессъ, оттого и не пишутъ, у насъ въ Питерѣ и не то пишутъ... *(смѣется)*. Спеціальныя арены для новостей и сплетенъ существуютъ... Ну, вы пополнѣли и похорошѣли.

Лидія. Да!.. только не поумнѣла!..

Черепнинъ. Скромничаете!.. Что такъ?..

Лидія. Да такъ!.. Какъ же я рада, что вижу васъ, мой старинный пріятель... вѣдь цѣлыхъ три года не видались. Завтра вамъ сына покажу... Такой онъ славный... Ну, что еще вамъ о себѣ сказать?..

Черепнинъ. Здоровы?

Лидія. Здорова...

Черепнинъ. И веселы, какъ вижу?

Лидія. И... весела!.. *(Молчаніе).* Тихій ангелъ пролетѣлъ...

Черепнинъ. Или, какъ бабушка говаривала: становой народился! Это вѣрнѣе.

Лидія. Вы все тотъ же... Шутите!.. Ну, кажется, уже говорила—я замужемъ, мужъ строитъ желѣзныя дороги.

Черепнинъ. Слышалъ...

Лидія. И живу... ну, живу... и... А вамъ какъ живется?..

Черепнинъ. Недурно...

Лидія. Что дѣлаете?..

Черепнинъ. Служу на заводѣ, подсчитываю цифры... на лѣто сюда пріѣхалъ къ одному знакомому; страны у васъ тутъ благодатныя... тепло, привольно!

Лидія. Въ деревнѣ живете?..

Черепнинъ. Въ деревнѣ, но теперь въ городѣ... Адвокатомъ поневолѣ сталъ!..

Лидія. Надо васъ послушать!.. Впрочемъ, вѣрно, скучно? Я знаю прокурора... такъ онъ все какъ-то смѣшно говоритъ... Все: прогрессъ, цивилизація... вмѣняемость и еще какія-то смѣшныя слова...

Черепнинъ *(смѣется).* Это новѣйшей выдѣлки продукты!.. Вѣрно, петербургскій?..

Лидія. Кажется... И такой длинный, худой... Точно бѣднаго не кормили...

Черепнинъ *(хохочетъ).* Поджарый, какъ хорошая левретка... Они всѣ такіе!..

Лидія. Когда же вы будете защищать?

Черепнинъ. Скоро...

Лидія. Кого же? За что?

Черепнинъ. Долго разсказывать, Лидія Александровна... Искъ подаю отъ мужиковъ...

Лидія. Вѣрно, имъ не заплатили?

Черепнинъ *(внимательно глядя на Лидію).* А вы почемъ знаете?

Лидія. Пришлось... узнала!..

Черепнинъ. Вотъ какъ!..

Лидія. Что вы такъ говорите?.. Я нынче многое узнала, Сергѣй Николаевичъ!.. Такъ у васъ процессъ... съ кѣмъ же?..

Черепнинъ. Съ Чабановымъ и съ вашимъ мужемъ, Лидія Александровна...

Лидія. И вы не хотѣли сказать?.. Вижу! Думали: что она, глупенькая, понимаетъ, кромѣ тряпокъ да баловъ?.. *(Съ укоромъ)* Всѣ вы такъ!.. Отъ васъ я этого не ожидала!..

Черепнинъ *(серьезно)*. Эхъ, Лидія Александровна... Странная вы!.. Вамъ вотъ сейчасъ стань въ третью позицію, да и давай проповѣди читать!.. Это нравится?.. Признаться, я и пріѣхалъ къ вамъ отчасти по этому дѣлу.

Лидія. Что же прямо не сказали?

Черепнинъ. Вы вотъ все прямо хотите!.. *(смѣется)*. Прямо не всегда умно выходитъ!.. Откровенно, я и теперь на вашу помощь разсчитываю, какъ человѣкъ, хватающійся за соломинку...

Лидія. Къ дѣлу!.. къ дѣлу!..—какъ говоритъ прокуроръ.

Черепнинъ. Я буду кратокъ... Вы, кажется, собираетесь на вечеръ?..

Лидія. Нѣтъ... сегодня у насъ балъ...

Черепнинъ. Тѣмъ болѣе. Дѣло такое: Чабановъ, бывшій приказчикъ вашего тестя, не заплатилъ цѣлой волости тридцать тысячъ... Мужики таскались, таскались и надумались судиться...

Лидія. И, конечно, процессъ выиграютъ... судъ справедливъ.

Черепнинъ. Разумѣется, судъ справедливъ, но, боюсь я, они процессъ проиграютъ, потому что, хотя они и правы, но юридически не правы.

Лидія. Не понимаю, Сергѣй Николаичъ... Вы точно грекъ говорите... Какъ это такъ: въ одно время правы и не правы?

Черепнинъ *(смѣется)*. Видно, вы прокурора мало знаете... онъ отлично бы это объяснилъ! Правы они потому, что дѣйствительно не получили сполна денегъ, а не правы потому, что въ разсчетныхъ книгахъ Чабановъ вывелъ штрафы... Вижу, не понимаете, Лидія Александровна?.. Положимъ, я по условію работаю по рублю въ день и выработалъ двадцать дней, то-есть 20 рублей. Но мнѣ даютъ пять и объясняютъ, что 15 рублей вычету съ меня за то, что я, Черепнинъ, недовольно хорошо работалъ...

Лидія. Какая гадость!..

Черепнинъ. Вотъ такихъ штрафовъ набралось тридцать тысячъ. Мужики вопили-вопили, таскались съ годъ по разнымъ конторамъ и надумались...

Лидія. Вѣрно, мужъ этого не зналъ... Я ему скажу...

Черепнинъ. Онъ заплатитъ?..

Лидія. Я думаю...

Черепнинъ. Доброе дѣло сдѣлаете, Лидія Александровна... Быть-можетъ, мужъ для васъ это сдѣлаетъ!..

Лидія *(вспыхнувъ)*. Онъ и такъ долженъ заплатить!..

Черепнинъ. Ну, и такъ... И процесса не надо... Вы мнѣ черкните, коли успѣхъ будетъ, вотъ по этому адресу *(подаетъ адресъ)*. А теперь, кстати, и о другомъ дѣлѣ. Былъ здѣсь нѣкій Ефимовъ...

Лидія. Знаю...

Черепнинъ. Онъ теперь въ трущобѣ... боленъ и въ нищетѣ, дѣти перемерли, а жена въ Петербургѣ шьетъ... Но иглой не нашьешь даже себѣ на шубу...

Лидія. Господи! И это все правда?..

Черепнинъ. А вы думали, газетный фельетонъ? Такъ не попросите ли мужа порадѣть за Ефимова... Бѣднягѣ-бъ мѣсто...

Лидія. Еще бы...

Черепнинъ. Ладно *(смѣется)*. Вотъ и все сказалъ, хоть и не прямо! Теперь и аудіенція кончена... Позвольте принести вамъ тысячу поклоновъ и откланяться.

Лидія. Да куда же вы!.. Послушайте... Оставайтесь!..

Черепнинъ. Еще въ свѣтѣ живете, а приглашаете на балъ джентльмена не во фракѣ... Ай-ай... Лидія Александровна...

Лидія. Все равно.

Черепнинъ. Что вы? Вотъ ужъ и гости идутъ. Какая-то красивая барыня... Прощайте, Лидія Александровна...

Лидія. До свиданія!.. *(Подходитъ къ Черепнину и пожимаетъ руку)*. Вы придете ко мнѣ и не по дѣлу?.. Да?.. Приходите!.. Я одна... одна!.. Не оставляйте прежняго товарища... доброй Лиды... Поддержите!.. *(Уходитъ въ залу навстрѣчу гостьѣ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Черепнинъ *(одинъ, глядя вслѣдъ)*.

Не умерла, но умретъ *(улыбается)*. И здѣсь знаменія времени. И легкомысленную Лидію тронуло! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Баронесса и Лидія.

Баронесса. Bonjour, Лида! *(Цѣлуются)*. Повернитесь! *(Лидія поворачивается)*. Великолѣпно! Серьги новыя! Вѣрно, мужъ подарилъ?.. *(Садится)*. Кто этотъ молодой человѣкъ, Лида? Сейчасъ ушелъ?

Лидія. Старинный мой знакомый... Вмѣстѣ учились, бывшій сосѣдъ Черепнинъ.

Баронесса. Красивое лицо. Il a l'air d'un Rinaldo! Впро-

чемъ, постойте, Лида... Я что-то о немъ слышала, онъ здѣсь недавно... пріѣхалъ изъ Петербурга.

Лидія. Недавно... изъ Петербурга...

Баронесса. Ну да... Осторожнѣй съ нимъ, Лида!.. C'est un conspirateur. У него и видъ такой... Да и старикашка нашъ Рогальскій что-то о немъ говорилъ. Его въ деревнѣ видѣли, съ мужиками тамъ за руку здоровался!.. А недуренъ. Въ лицѣ что-то таинственное... вызывающее... *(Смѣется).* Да что это мы на балу собираемся быть не въ духѣ? Или Ринальдо тоску нагналъ?..

Лидія. Нѣтъ. Ринальдо веселаго характера... Что же онъ дѣлалъ въ деревнѣ, баронесса?.. Вы не досказали...

Баронесса. Богъ его знаетъ! вѣрно, какія-нибудь прокламаціи разбрасывалъ... Впрочемъ, это до насъ вѣдь не касается. Правда? А какъ сердечко? *(Смѣется).* На мѣстѣ?..

Лидія. Вы какъ-то странно говорите сегодня, баронесса... Отчего-жъ ему быть не на мѣстѣ?

Баронесса. Не вѣрю... вашъ Лешка сталъ какой-то... Богъ его знаетъ... Привыкаютъ къ намъ эти мужчины скоро. Ихъ надо дразнить, Лида!.. вы его подразните, ma belle mignonne!.. Подразните маленькимъ романомъ съ Ринальдо. Ça donne du piquant...

Лидія. Что вы, баронесса?

Баронесса *(хохочетъ).* Дитя! И какъ говоритъ: «Что вы, что вы?..» Поживите съ мое—увидите, что совѣты даю хорошіе... А прокуроръ нашъ пересталъ вздыхать?..

Лидія. Не знаю...

Баронесса. Онъ такой смѣшной, нашъ прокуроръ!.. Вчера у меня былъ, вмѣстѣ чай пили. Надоѣлъ-было своимъ серьезнымъ видомъ, онъ такъ важно козировалъ, точно у меня судебная палата. Какъ я его выдрала за ухо да потрепала по щекѣ, такъ куда весь его prestige дѣлся... Свои воротнички смялъ... растаялъ совсѣмъ, сѣлъ за піанино и спѣлъ мнѣ изъ Belle Hélène... кувыркомъ... кувыркомъ!.. *(Хохочетъ).* C'est *(хохочетъ)* notre barreau! Представитель общественной совѣсти! И какъ мило... Право *(хохочетъ)*, avec ce chic cascade. А вотъ и madame d'Antropoff съ дочкой... Начнетъ сплетничать... Идите, Лидя, встрѣчать.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Антропова и ея дочь.

Антропова. Bonjour, chère madame Avacoumoff *(цѣлуются. Обращаясь къ дочери)* Лиза! поправь, дружокъ, платье! Вотъ такъ! *(Къ баронессѣ)* Баронесса, какъ я рада васъ видѣть;

я къ вамъ собиралась-собиралась, но гриппъ помѣшалъ... Вы, надѣюсь, здоровы?.. Вообразите, бѣдная мадамъ Чикунова... кто бы могъ ожидать... *(Тихо баронессѣ)* Ее бросилъ мужъ, вчера, не говоря ни слова, уѣхалъ и оставилъ записку, въ которой умолялъ простить и не проклинать... бѣдняжка слегла въ постель... *(Къ дочери)* Лиза! да поправь же, дружокъ мой, платье...

Лиза *(внушительно взглядывая на мать)*. Мама! я поправила!

(Въ гостиную входятъ еще дамы и дѣвицы, здороваются съ Лидіей и другими гостями и садятся).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Рогальскій, князь Стадницкій, Чабановъ, Галкинъ, Поспѣловъ и Авакумовъ.

Рогальскій *(входя въ гостиную съ княземъ)*. По моему мнѣнію, всѣ эти парижскія смуты произошли отъ невѣрія—съ одной стороны, и отъ нетвердости режима—съ другой... *(Раскланиваясь)* Лидія Александровна... баронесса... *(Гости раскланиваются другъ съ другомъ и садятся группами)*.

Князь Стадницкій *(садится около Лидіи)*. Вашъ городъ, Лидія Александровна, просто съ ума меня свелъ... Эта роскошная природа. Югъ... зелень... цвѣты... Дышится такъ отрадно, и чувствуешь, какъ въ груди звенитъ поэтическая струна...

Лидія. Еще соскучитесь, князь...

Князь Стадницкій. Во-первыхъ, некогда, во-вторыхъ... *(останавливается)*.

Лидія. Во-вторыхъ, князь?..

Князь Стадницкій. Вы называетесь на комплиментъ, Лидія Александровна. *(Смотритъ нѣжно на Лидію и продолжаетъ съ нею разговоръ)*.

Баронесса *(къ Рогальскому)*. И неудачно, а мой бѣдный другъ.

Рогальскій *(смѣется)*. Мы, старики, баронесса, народъ тихій.

Баронесса. Вы-то?.. *(смѣется)*. Хуже молодыхъ... Кстати... Ѳедоръ Алексѣичъ, а наша выставка для бѣдныхъ? Вы намъ разрѣшите?

Рогальскій. Вамъ, баронесса, я что̀ угодно разрѣшу!..

Баронесса. Льстецъ!.. *(Обращаясь къ Чабанову)* Мосье Чабановъ!

Чабановъ *(подходитъ къ баронессѣ)*. Баронесса!..

Баронесса. Вотъ мы съ Ѳедоромъ Алексѣичемъ говоримъ о нашемъ обществѣ для бѣдныхъ... надѣюсь, вы изъ нашихъ?..

Чабановъ. Разумѣется, баронесса!..

Рогальскій. Потапъ Потапычъ, баронесса, имѣетъ велико-

душное русское сердце! Онъ поможетъ бѣднымъ нашего города.

Чабановъ. Еще бы! помочь неимущимъ... *(Съ пафосомъ)* Ваше превосходительство! Да что можетъ быть отраднѣе этого чувства!

Рогальскій. Я такъ и зналъ... *(Къ баронессѣ)* Какая благородная душа. Quel noble coeur!

Баронесса. Завтра вечеромъ я васъ жду, мосьё Чабановъ...

Чабановъ. Непремѣнно, баронесса... И, если позволите, маленькую ленту... тысячъ пять.

Рогальскій. Вотъ истинно-русскій человѣкъ! Да, у русскихъ широка натура, коли помогать, такъ помогать!

Баронесса. За бѣдняковъ благодарю васъ... дорогой мой... *(Жметъ руку).*

Чабановъ *(отходитъ).* Ну же и баба, и какъ ловко подвела...

Антропова *(къ дочери тихо).* Лиза, поправь, дружокъ, платье. Что съ тобой Поспѣловъ говорилъ?

Лиза. Вообще, мама, спорили о цвѣтахъ.

Антропова. Только!.. Лиза, спусти лифъ пониже... такъ, вѣдь онъ, Лиза, инженеръ. *(Громко)* Мосьё Поспѣловъ?

Поспѣловъ *(быстро подходитъ, разговаривая съ Лизой).*

Князь Стадницкій. А воспоминанья? Вы ихъ ни во что не ставите... А намъ, старикамъ, только и остались воспоминанія.

Баронесса. У князя ихъ много?

Князь Стадницкій. У кого ихъ нѣтъ, баронесса?..

Баронесса. И вы когда-нибудь намъ ихъ разскажете?

Князь Стадницкій. Къ чему, баронесса, *(смѣется)* открывать старыя раны?

Баронесса. И вспоминать *(хохочетъ)* о раненыхъ...

Чабановъ *(Галкину).* Ишь, подъѣзжаетъ какъ! Князька деньгами не купишь, а баронессой купишь. *(Въ залѣ музыка играетъ вальсъ. Гости идутъ танцовать. Князь Стадницкій приглашаетъ Лидію и идетъ съ ней въ залу).*

Баронесса *(зоветъ Авакумова).* Алексѣй Николаевичъ! *(Авакумовъ подходитъ).* Я съ вами... да? *(Показывая на Рогальскаго)* Звала Ѳедора Алексѣевича... не хочетъ.

Рогальскій *(подымаясь).* Ah, si vieillesse pouvait!.. Вы все смѣетесь, баронесса... Хоть посмотрѣть. *(Плетется въ залу).*

Баронесса. Ну, Алексѣй Николаевичъ, пойдемте! *(Подаетъ ему пухлую руку).* Съ вами такъ хорошо прежде вальсировалось... помните, два года тому назадъ? Забылъ? *(Бьетъ Авакумова вѣеромъ по плечу).* У, гадкій! *(Проходя мимо Рогальскаго)* Вѣдь завидно, ваше превосходительство!

Рогальскій *(смѣется)*. Еще бы, баронесса.

(Всѣ уходятъ въ залу, гдѣ идутъ танцы. Въ гостиной остаются Чабановъ и Галкинъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Чабановъ и Галкинъ.

Чабановъ. Всѣхъ эта баба донимаетъ... а? Старикашка точно ужаленный! *(Смѣется)*. А какъ полагаете, почтеннѣйшій Григорій Григорьевичъ, петербургскій князекъ-то много смекаетъ?..

Галкинъ *(смѣется)*. Верхушечки... Потапъ Потапычъ!

Чабановъ. А вѣдь со стороны подумаешь, собаку съѣлъ! такъ и сыплетъ государственными соображеніями *(хохочетъ)*. И слова все какія, прахъ его побери, выпаливаетъ... И строгъ... Давеча говоритъ... ха-ха-ха... Это не такъ... мостъ... молъ... плохъ... пролеты узки, и песокъ на руку взялъ... обнюхалъ. И камень... Не конгломератъ, говоритъ... а? *(Хохочетъ)*.

Галкинъ. Не конгломератъ... ха-ха-ха... Нельзя же! Надо показать!

Чабановъ. Да кто же его глупости не видитъ... дитя и то видитъ. А новая линія рѣшена? За Авакумовымъ?

Галкинъ. Нѣтъ еще... Завтра князь ѣдетъ по работамъ, а оттуда осматривать линію... тамъ и рѣшитъ!.. Вѣдь вы, Потапъ Потапычъ, слышалъ я, соискатель?

Чабановъ. Да, линія жирненькая. *(Помолчавъ)* Вы сколько у Авакумова, Григорій Григорьевичъ, получаете?

Галкинъ. Пустяки... десять тысячъ...

Чабановъ. Только? И не срамъ Авакумову? Григорій Григорьевичъ, какъ честный человѣкъ говорю, если бы да васъ залучить ко мнѣ...

Галкинъ. Потапъ Потапычъ! благодарю за довѣріе *(крѣпко жметъ руку)*.

Чабановъ. Кому же и довѣрять?.. Точно мы съ вами у покойнаго Авакумова не работали? Господи! Да если бы мнѣ получить линію, я бы въ ноги къ вамъ, просилъ бы васъ главнымъ инженеромъ съ жалованьемъ въ 25.000.

Галкинъ. Я бы непрочь...

Чабановъ. И, кромѣ того, участокъ бы верстъ въ сто сдалъ бы вамъ хозяйственнымъ образомъ строить... хотите?

Галкинъ. Какъ не хотѣть въ рай; Потапъ Потапычъ, да грѣхи не пускаютъ!

Чабановъ *(смѣясь)*. Пустятъ!.. Авакумова дѣла плохи... Рабочіе на вашемъ участкѣ не разсчитаны?

Галкинъ. Все денегъ нѣтъ. Не разсчитаны еще, на будущей недѣлѣ обѣщалъ... Къ чему это вы спрашиваете?..

Чабановъ *(нѣсколько минутъ молчитъ, потомъ говоритъ тихо)*. А что, Григорій Григорьичъ, если бы, при осмотрѣ работъ, рабочіе этакъ цѣлою толпою, да передъ князькомъ бацъ на колѣни и завопили бы: не разсчитаны, молъ, Авакумовымъ... заступитесь!..

Галкинъ. Эка что вы придумали, Потапъ Потапычъ! *(Смѣется)*.

Чабановъ. Эффектъ, я вамъ доложу, вышелъ бы уморительный, князю бы это на руку!.. Открылъ, молъ, злоупотребленія *(смѣется)*, государственные, молъ, интересы страдаютъ. Сейчасъ въ Питеръ... Пойдетъ гвалтъ... Открылъ... раскрылъ... уничтожилъ... А мы тѣмъ временемъ статейки въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ припустимъ, да цѣну подешевле предложимъ, да баронессу усовѣстимъ, да у княжескаго секретаря зарнушекъ этакихъ бумажныхъ посѣемъ *(смѣется)*. Какъ думаете... а? Григорій Григорьичъ!

Галкинъ. Рискованно, Потапъ Потапычъ...

Чабановъ. Зачѣмъ рисковать? Мы съ вами, Григорій Григорьевичъ, какъ слѣдуетъ по формѣ условіе, а на всякій случай теперь же векселекъ, или чистоганомъ десять тысячъ, хотите?

Галкинъ *(обиженно)*. Что вы, Потапъ Потапычъ, десять тысячъ? Этакое дѣло не десятью пахнетъ!

Чабановъ *(смѣется)*. Эхъ, Григорій Григорьичъ! Вы сейчасъ торговаться. Еще дѣло не сдѣлано. И что стоитъ рабочихъ подбить... пустякъ!

Галкинъ. Меньше сорока ни Боже... ни...

Чабановъ *(горячась)*. Да вѣдь это, Григорій Григорьичъ... какъ же. Ну, сами, родной мой, посудите? Такъ-таки и хотите человѣка ограбить?..

Галкинъ. Эхъ, Потапъ Потапычъ... другъ друга-то мы знаемъ... Кто нынче грабитъ... Что вы *(смѣется)*... за грабежъ нынче на скамью подсудимыхъ...

Чабановъ. Ну, пятнадцать...

Галкинъ. Охота вамъ даромъ говорить... дадите всѣ сорокъ, Потапъ Потапычъ... Дѣло это сотнями тысячъ пахнетъ... а? Носъ-то у васъ чуткій.

Чабановъ. Ну, десятокъ сбавьте...

Галкинъ. Ни полушки, почтеннѣйшій Потапъ Потапычъ.

Чабановъ. Ну, куда ни шло, согласенъ... И то только за

вашу честность!.. Такъ по рукамъ! Завтра въ 9 часовъ ко мнѣ, мы контрактикъ, а теперь ни полслова.

Галкинъ. Не дѣти, слава Богу!.. А деньги завтра?

Чабановъ. Разумѣется!.. Эхъ, Ѳома невѣрный! Да я для васъ, Григорій Григорьичъ... Что хотите! Честность прежде всего.

Галкинъ. Именно, честность прежде всего...

Чабановъ. Пойдемте-ка поговоримъ, какъ это... *(смѣется)* князь откроетъ чудовищныя *(хохочетъ)* дѣла... Вотъ онъ, идетъ сюда и разсыпается передъ бабенкой.

ЯВЛЕНІЕ X.

Князь Стадницкій и **Лидія** *(входятъ подъ руку).*

Лидія. Я вамъ разсказала, князь, исторію бѣдняка и жду...

Князь Стадницкій. Отвѣта, Лидія Александровна?

Лидія. Да... князь... вы поможете?..

Князь Стадницкій. Объ этомъ и говорить не стоитъ, Лидія Александровна, это такой вздоръ!

Лидія. Какъ я буду благодарна вамъ, князь.

Князь Стадницкій *(смѣясь).* Чѣмъ же вы отблагодарите меня, Лидія Александровна?

Лидія. Вотъ чѣмъ *(крѣпко жметъ руку князю).* Князь! Вы честный, добрый человѣкъ!..

Князь Стадницкій *(нѣжно цѣлуя руку).* И это, конечно, очень пріятно слышать отъ хорошенькой женщины, но я думалъ...

Лидія *(перебивая).* Что?..

Князь Стадницкій. Вы, женщины, странныя созданія. Для васъ мы готовы подчасъ принести большія жертвы... а вы...

Лидія. А мы...

Князь Стадницкій. А вы?.. *(Смѣется)* Предлагаете благоразумную дружбу.

Лидія. Такъ что же больше?..

Князь Стадницкій *(нѣжно).* Немножко теплоты... участія!..

Лидія. И, князь, полноте! Вамъ, кажется, жарко, князь, не хотите ли мороженаго?

Князь Стадницкій. Вы хотите охладить пріятныя воспоминанія? Что-жъ, мнѣ остается терпѣть и ждать.

Лидія *(смѣясь).* Какъ вы смѣшно говорите! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Бениславскій *одинъ.*

Отличный матеріалъ для газеты. Полномера займетъ описаніе бала, туалеты дамъ, о петербургскомъ князѣ, о концессіи

Можно будетъ кстати похвалить Авакумова и попросить у него для газеты рубликовъ двѣсти. А то «Благонамѣренный Вѣстникъ» расходится какъ-то туго! Удивительная публика! Вѣдь этакіе невѣжды, пропить на шампанское сто рублей ни по чемъ, а поддержать отечественную прессу... Нѣтъ! И понимаютъ ли они, что такое пресса?! А Поспѣлова непремѣнно продерну, и завтра же! Думаетъ—инженеръ, получаетъ большое жалованье и носъ задираетъ. И что въ немъ Лиза Антропова видитъ... еще вчера со мной читала Пушкина, а сегодня хоть бы взглянула, и все съ Поспѣловымъ, все съ нимъ!.. Непремѣнно продерну этого фата въ фельстонѣ! Напишу разсказъ, героя котораго назову Поспѣловъ. И прозрачно, и цензура не придерется. Пусть пойметъ тогда, что такое пресса, хотя бы и провинціальная!..

ЯВЛЕНІЕ XII.

Чабановъ и Бениславскій.

Чабановъ *(входитъ)*. А вы, уважаемый Владиміръ Николаевичъ, въ уединеніи предаетесь размышленіямъ... А я васъ искалъ.

Бениславскій. Къ вашимъ услугамъ, Потапъ Потапычъ!

Чабановъ. Обращаюсь къ вашей помощи, къ помощи благодѣтельной гласности. Вѣдь это возмутительно, когда богатые люди, забывая меньшихъ братьевъ, обкрадываютъ ихъ наглымъ образомъ.

Бениславскій *(съ грустью)*. Эхъ, Потапъ Потапычъ! Вамъ тяжело, но каково мнѣ, представителю прессы?

Чабановъ. Обращаюсь къ вамъ, какъ къ благородному человѣку, что бы вы сказали, узнавъ, что богачъ не разсчиталъ своихъ рабочихъ, а?..

Бениславскій. Возмутительно! Это про кого изволите говорить?

Чабановъ *(тихо)*. Да Авакумовъ!.. Банкеты задаетъ, а людей чуть не съ голоду моритъ! Ѣдятъ!.. Господи! Просто срамъ сказать, что ѣдятъ!.. Коснитесь-ка этого вопроса, Владиміръ Николаевичъ, и пропечатайте-ка.

Бениславскій. Оно, конечно, Потапъ Потапычъ. Но, съ другой стороны, я въ такихъ отношеніяхъ съ Алексѣемъ Николаевичемъ...

Чабановъ. Статью пустите безъ подписи, да кстати намекните, что давать новую концессію такимъ людямъ опасно и... ну... Вы, какъ литераторъ, сами знаете, какъ все это тамъ описать...

Бениславскій. Оно, конечно, Потапъ Потапычъ, этотъ вопросъ весьма и весьма интересенъ, но только...

Чабановъ. За цѣной не постоимъ!..

Бениславскій. Что вы, Богъ съ вами, Потапъ Потапычъ! Я вовсе не о томъ, но знаете ли, этакое дѣло страшно, ну и слѣдуетъ обработать подходящіе матеріалы. Все это требуетъ большихъ затратъ, нравственныхъ и матеріальныхъ...

Чабановъ. Да вы прямо говорите, что будетъ стоить?..

Бениславскій. Вы, люди дѣла, сейчасъ все на цифры! *(Робко)* Пять тысячъ.

Чабановъ. Пять тысячъ? Бога вы не боитесь! *(Съ жаромъ)* Да я за двѣ тысячи такую пасквиль напечатаю въ столичной газетѣ, что небу жарко станетъ. Ишь выдумалъ, пять тысячъ?.. Пятьсотъ рубликовъ, и то по знакомству!

Бениславскій. Вотъ что, Потапъ Потапычъ! Вы, конечно, поймете, что деньги тутъ вздоръ... и въ доказательство, извольте, я готовъ, мнѣ не деньги, а интересы нашихъ бѣдняковъ дороги, черезъ два дня будетъ обязательная статья... Но только, Потапъ Потапычъ...

Чабановъ. Знаю впередъ... извольте... Тутъ сто рублей *(подаетъ деньги)*. А матеріалу я вамъ доставлю такого, что если хорошенько его поразобрать, то хоть подъ судъ упечь можно *(смѣется)*. Вамъ бы, литераторамъ, у насъ учиться... а то вотъ здѣсь есть писака, въ «Петербургскія Вѣдомости» пишетъ корреспонденціи, такъ болванъ! Предлагалъ ему хорошія деньги, обработай, молъ, проектъ, такъ рыло въ сторону,—несогласно, молъ, съ убѣжденіями...

Бениславскій. Молодъ еще, Потапъ Потапычъ.

(Въ дверяхъ залы Рогальскій кричитъ: «Господинъ Бениславскій!» Бениславскій быстро летитъ къ Рогальскому).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Чабановъ *одинъ.*

Пошла писать! Пущена въ ходъ машина!.. Завтра еще съ баронессой надо о душѣ побесѣдовать, только шельма сдеретъ же!.. Ну, зато и концессію урву!.. *(Подходитъ къ авансцены)*. Вотъ какъ получу эту самую душеньку, да сейчасъ же огорошу жертвами. На классическую гимназію тысячъ двадцать, да на эту выставку въ пользу бѣдныхъ тысячъ десять, тогда про Потапа Потапыча распишутъ *(смѣется)*. И въ петербургскихъ, и въ московскихъ, и въ заграничныхъ газетахъ, какой, молъ, дѣятель общественный, и шутъ ихъ знаетъ какой еще *(передразнивая)*, и при этомъ безкорыстіе какое, разомъ 50.000 пожертвовалъ, молъ! Ха-ха-ха... И какой же банкетище задамъ. Всѣхъ генераловъ со всей им-

періи созову. Пусть лопаютъ! Ха-ха-ха! Нынче вѣдь нельзя по-старинному: запустилъ руку куда и цапай... нѣтъ! Какъ можно, всѣ прокуроры тогда возопятъ; теперь слѣдуетъ по-образованному, не будь самодуръ, а поджимай людей по-деликатному, на законныхъ основаніяхъ... Ха-ха-ха!.. Тогда ничего!..

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Баронесса и **Авакумовъ** *(входятъ подъ руку)*.

Баронесса. Ухъ, устала. *(Къ Чабанову)* Мосье Чабановъ, чему вы тутъ смѣетесь?.. Счастливый! Кто смѣется такъ, у того сердце спокойно.

Чабановъ. Да вотъ сейчасъ съ редакторомъ говорилъ... уморительныя вещи разсказываетъ *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Баронесса и **Авакумовъ.**

Баронесса. Что это вы неласковый такой, а... Alexis... Вы мнѣ позволите васъ называть иногда этимъ именемъ? По крайней мѣрѣ, хоть это будетъ напоминать о нашихъ прежнихъ отношеніяхъ. Всѣ вы, мужчины! Гадкіе! Вотъ и Лида на васъ въ претензіи... стыдно... пожалуй, заставите ее влюбиться; а есть въ кого... у нея сегодня былъ молодой, черноволосый Ринальдо.

Авакумовъ. У Лиды?.. Кто этотъ Ринальдо?

Баронесса. Ага?.. Хочется знать?.. Черепнинъ! другъ ея дѣтства, красивый такой, длинный, темныя кудри.

Авакумовъ. Черепнинъ? Мнѣ что-то о немъ говорилъ Чабановъ, да некогда было слушать...

Баронесса. Что, приревновали!..

Авакумовъ. Нисколько, баронесса...

Баронесса. Полно... такъ ли?.. *(Помолчавъ)* А дѣла наши какъ?

Авакумовъ. Ничего...

Баронесса. Вижу, птенецъ... вы ничего не знаете... Чабановъ сильно интригуетъ... ему хочется получить концессію... ужъ онъ меня просилъ написать графу.

Авакумовъ. А вы?

Баронесса. А я? И не стыдно спрашивать? Да развѣ я измѣню старому другу?

Авакумовъ. Спасибо, баронесса...

Баронесса. Но только je suis à sec, mon ami...

Авакумовъ *(смѣясь)*. Вамъ сколько нужно, баронесса?

Баронесса. О, пустяки... тысячъ пять пока...

Авакумовъ. Завтра привезу я вамъ...

Баронесса. Когда хотите... все равно... выберите вечеръ, и мы проведемъ пріятно tête-à-tête. Ну что, забыли о Ринальдо?..

Авакумовъ. Съ вами обо всѣхъ забудешь, баронесса...

Баронесса. Не лгите!.. Вы совсѣмъ отъ рукъ отбились! *(Заглядывая въ лицо)* А если бы?..

Авакумовъ. Что?..

Баронесса. Вернулось старое время, когда мы...

Авакумовъ. Что было, то прошло... баронесса...

Баронесса *(бьетъ его вѣеромъ)*. Дерзкій!.. Такъ если не въ любви, то въ дѣлахъ мы друзья, и если концессія будетъ за вами...

Авакумовъ. Стоитъ ли говорить объ этомъ?..

Баронесса. Мы раздѣлимъ по-дружески... да?.

Авакумовъ. Разумѣется, баронесса...

Баронесса. Черезъ недѣлю я сама ѣду въ Петербургъ и думаю, что бѣдная, слабая женщина можетъ помочь *(смѣется)* сильному, мужественному мужчинѣ!.. Однако, пожалуй, мой баронъ приревнуетъ?..

Авакумовъ *(смотритъ на нее)*. Васъ ревновать?..

Баронесса *(хохочетъ)*. А что же? Смотрите! Онъ тащится сюда... видите, ищетъ меня. Идемъ утѣшать добродѣтельнаго супруга *(уходятъ)*.

(Сцена минуту пуста. Въ залѣ продолжаются танцы).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Лидія *вбѣгаетъ въ гостиную.*

И никому виду не показывай! Будь весела. Лицемѣрь... Тяжело какъ! *(Бросается на диванъ)*. Это счастіе! И всѣ они обращаются со мной такъ гадко... гадко... такъ... *(На лицѣ отвращеніе)*. И этотъ князь... Будь я нехороша собой, никто-бъ не обратилъ вниманія на бѣдную Лиду. *(Входитъ Авакумовъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Лидія и Авакумовъ.

Авакумовъ. Ты здѣсь, Лида? Устала?.. Что, весело, Лидушка? натанцовалась, мое дитя? *(Цѣлуетъ жену)*. Кстати, Лида, кто это Черепнинъ, который у тебя сегодня былъ?

Лидія. Я не успѣла тебѣ сказать, Алексѣй... Черепнинъ старинный мой знакомый...

Авакумовъ. Что же ты меня съ нимъ не познакомила? Студентъ?

Лидія. Да, недавно пріѣхалъ...

Авакумовъ. Вотъ что, мой другъ. Ты будь съ нимъ осторожнѣй... Говорятъ... онъ...

Лидія. Что онъ?..

Авакумовъ. Странный какой-то человѣкъ... баронесса говорила, а вѣдь она все знаетъ, что онъ тамъ въ деревнѣ живетъ, мужиковъ, что ли, просвѣщаетъ *(смѣется)*. Конечно, это все вздоръ... но ты какъ-нибудь не попадись...

Лидія. Да отчего попасться?.. Онъ хорошій человѣкъ!

Авакумовъ. Вѣрю, Лида, вѣрю, но ты познакомишь меня съ нимъ. Кажется, мужу можно просить объ этомъ... Онъ собирался быть у насъ?

Лидія. Собирался... и, знаешь ли, Алексѣй... вѣдь у меня онъ былъ по дѣлу... Видишь ли... *(Музыка играетъ ритурнель кадрили, вбѣгаетъ Поспѣловъ).*

Поспѣловъ *(предлагая руку).* Вы не устали, Лидія Александровна, и танцуете со мной?..

Лидія. Нѣтъ *(подаетъ руку).* Я скажу тебѣ послѣ кадрили, Алексѣй... *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Авакумовъ *(одинъ).*

Лида какая-то странная стала!.. Въ дѣла вмѣшивается, недовольна... *(смѣется)*. О какой-то бѣлой арапіи толкуетъ, точно ей не все равно, есть она или нѣтъ!.. Откуда этотъ Черепнинъ взялся? Такъ-таки безъ знакомства съ мужемъ и лѣзетъ въ домъ! Вѣрно, какой-нибудь неотесанный радикалъ и, вѣрно, прижавъ руку къ сердцу, со слезами на глазахъ, по достовѣрнымъ источникамъ описывалъ глупенькой Лидѣ бѣлую арапію *(смѣется)*. Вѣрно, пролетарій самъ... Надо узнать.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Чабановъ и Авакумовъ.

Чабановъ. Удивительное несчастіе, Алексѣй Николаевичъ, мнѣ въ карты, сейчасъ съ его превосходительствомъ игралъ.

Авакумовъ *(смѣется)*. И проиграли, конечно...

Чабановъ. Три тысячи... просто такая карта дрянная шла. А князь-то нашъ веселится, точно школьникъ. И задали же вы банкетъ, Алексѣй Николаевичъ... Хе-хе-хе...

Авакумовъ. Что вы, Потапъ Потапычъ!.. Ахъ, да! Что это вы мнѣ говорили про Черепнина... Что это за птица?

Чабановъ. Птица хищная... Петербургскій... пріѣхалъ сюда погостить, да адвокатурой пожелалъ заняться. Слышали, искъ на васъ подаетъ?

Авакумовъ. На меня?..

Чабановъ. И на меня тоже-съ!.. Рѣзвость!.. Искъ въ 30.000!..

Авакумовъ. И есть доказательства?

Чабановъ. Что вы, Алексѣй Николаевичъ... Какія могутъ быть доказательства? Развѣ я когда-нибудь обманывалъ довѣріе Николая Антоныча?—Штрафныя деньги!

Авакумовъ. Такъ много?

Чабановъ. Много? Такъ что же, Алексѣй Николаевичъ, вы возьмите да и заплатите 30.000. Дѣла-то батюшкины къ вамъ отошли!..

Авакумовъ *(смѣется)*. Да за что же платить?

(Входитъ Лидія и останавливается).

Чабановъ. Помочь меньшей братіи! *(Смѣется)*.

Авакумовъ. Оно, конечно, Потапъ Потапычъ, быть-можетъ, приказчики тамъ ваши и штрафы эти показали не совсѣмъ правильно...

Чабановъ. Кто не ошибается, Алексѣй Николаевичъ. Одинъ Богъ безъ грѣха!

Авакумовъ. Но на судѣ это дѣло...

Чабановъ. Чисто, какъ зеркальце... Все на законномъ основаніи.

Авакумовъ *(смѣется)*. Чего же хлопочетъ Черепнинъ?..

Чабановъ. Говорю-жъ... рѣзвость... Думаетъ: судъ... скандалъ.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же и Лидія.

Лидія *(подходитъ)*. Но ты не допустишь до этого?.. Ты заплатишь?..

Авакумовъ. Конечно, не заплачу, Лида!..

Лидія. Ты шутишь?..

Авакумовъ. Лидія?.. *(Смотритъ во всѣ глаза и хохочетъ)*.

Чабановъ *(смѣется)*. Лидія Александровна по добротѣ... Ха-ха-ха... Думаютъ, что деньги щепки! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Авакумовъ и Лидія.

Авакумовъ. Ну, разсмѣшила же ты, Лида! *(Подходитъ къ ней)*. И что тебѣ за охота вмѣшиваться въ эти дѣла... Вѣрно, Черепнинъ тебѣ насказалъ вздору... Иди, танцуй, милая моя... *(Хочетъ поцѣловать ее)*.

Лидія *(тихо)*. Оставь... я тебѣ не вѣрю.

Авакумовъ *(сконфуженный смотритъ на дверь)*. Лида... что ты?.. успокойся... вѣдь гости... князь идетъ.

(Музыка играетъ вальсъ, входитъ князь Стадницкій).

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же и князь.

Князь Стадницкій. Вы здѣсь... а я ищу васъ, Лидія Александровна!.. Туръ вальса!..

Лидія. Извините, князь... мнѣ нездоровится... не могу.

Авакумовъ. Устала, князь... затанцовалась... *(Уходитъ вмѣстѣ съ княземъ въ залу).*

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Лидія *(одна).*

Расхохотались!.. Обманываютъ и смѣются, а мнѣ плакать хочется!.. И гдѣ моя любовь, гдѣ?.. Кумиръ такой же, какъ и всѣ они... *(плачетъ)*. Уѣду... уѣду... куда-нибудь... А Лелька?.. И его съ собой!.. А еще надѣялась!.. Вотъ возьму эти брильянты и отдамъ Черепнину... Пусть продастъ и возвратитъ ограбленнымъ... Да развѣ это мое?.. Что я?.. это все... Такъ вотъ какъ достаются кареты, лошади, брильянты?.. И ему не жаль... никого не жаль... Уѣду я отсюда!.. Добрые люди найдутся... Помогутъ мнѣ!.. *(Облокачивается и рыдаетъ).*

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Гостиная въ домѣ Авакумовыхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Лидія *(одна).*

Лидія *(ходитъ быстро по комнатѣ)*. Что же онъ не идетъ? *(Подходитъ къ окну и всматривается)*. Нѣтъ, кажется, могъ бы поспѣшить!.. *(Подходитъ къ двери и кричитъ)* Няня!.. няня!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Лидія и Агаѳья.

Лидія. А голубое платье уложила, няня?

Агаѳья. Уложила, Лидія Александровна.

Лидія. И сѣренькое?..

Агаѳья. И сѣренькое. *(Качаетъ головой)*. О-о-охъ, задумала ты, родная моя, недоброе... И гдѣ это видано: какъ тать, отъ мужа крадешься?

Лидія. Тсс... няня... *(кидается ей на шею)* не могу я, голубушка...

Агаѳья. Побѣдная ты головушка! И что мы дѣлать будемъ въ этомъ проклятомъ Петербургѣ?.. Тамъ, говорятъ, страсти! Небось, Алексѣй Николаевичъ капиталъ тебѣ предоставитъ?

Лидія. Я отъ него ни копейки не возьму.

Агаѳья *(удивленная)*. На что же жить-то мы будемъ тамъ, Лидушка?

Лидія. Во-первыхъ, у меня есть тысяча рублей бабушкиныхъ.

Агаѳья. Много-ль этого?.. А послѣ?..

Лидія. Послѣ... *(конфузясь)* я сама работать буду...

Агаѳья. Ты?.. *(смотритъ на Лидію и смѣется)*. Вѣдь что выдумала, работать?!.. Да что ты умѣешь, золотое мое солнышко?..

Лидія. Какъ что?.. Я, няня, буду давать уроки...

Агаѳья. Да чтобы я пустила тебя, господское дитя, по чужимъ домамъ пороги обивать! Господь съ тобою, Лидушка!.. Нешто гувернантокъ я не видала?.. Хуже раба помыкаютъ ими...

Лидія. Зато, няня, на свободѣ живутъ.

Агаѳья. Что ты пустое говоришь: на свободѣ! Тоже, чай кулачонками слезы вытираютъ. И гдѣ тебѣ, бѣдненькой?.. Привыкла-ль? Видно, бабушки-то нѣтъ. Некому уму-разуму учить. Опомнись!..

Лидія. Няня... няня... Да развѣ такъ лучше жить?

Агаѳья. Чѣмъ не жить? барыней живешь, въ богатствѣ, въ холѣ... домъ—полная чаша... Ну, а побранилъ мужъ... Что-жъ? На то онъ мужъ!..

Лидія. Няня, голубушка!.. Что въ богатствѣ, когда тошно оно мнѣ? Или ты сама не видишь, какое оно это богатство... Не видишь, няня?

Агаѳья. Все вижу. Да ты никакъ умомъ тронулась, Лидушка! Впрямь дурочка! Что ты? Пылинка, сориночка!.. На тебя поглядѣть жалко станетъ... А туда же?.. Сердце-то твое доброе, да безпутное... Ишь выдумала что... Нешто въ холопки тебя воспитывали?.. Наше дѣло—одно; ваше—другое. Я родилась рабомъ, ты—господиномъ. Я тебѣ мыться подаю, не ты мнѣ. Одумайся, дитятко! Куда? Зачѣмъ? Что затѣяла? И я-то на старости одурѣла, съ тобой собираюсь. Да вѣдь я думала, что какъ слѣдуетъ, по чести. Мало ли промежъ супруговъ что бываетъ. Ну, поѣхали бы, взяли бы горничную и лакея, какъ слѣдуетъ благородному дитяти, баринъ бы капиталъ назначилъ... А то... ишь... уроки давать. Да отсохни мой языкъ и думу эту выговорить!..

Лидія. Что-жъ, няня, ты не хочешь ѣхать? Я и одна поѣду.

Агаѳья. Одна?.. Что ты? Тебя оставить? Но только, родненькая ты моя, брось эту затѣю...

Лидія. Ну, довольно... наворчалась... *(Строго)* Иди и дѣлай, что тебѣ сказано...

Агаѳья. Иду, иду, сударыня!.. *(Идетъ изъ комнаты).*

Лидія *(догоняетъ Агаѳью и цѣлуетъ ее).* Няня... няня... не сердись!.. я и сама не знаю, что говорю!..

Агаѳья. Богъ съ тобой!.. И бархатное уложить?

Лидія. Нѣтъ, няня, не надо...

Агаѳья. Жила-жила и на старости лѣтъ чудеса увидала... благородная дитя и такъ-таки безъ лакея!.. Подлинно чудеса!.. *(Уходитъ, качая головой).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Лидія *(одна).*

Няня этого не понимаетъ!.. А какъ же другіе одни живутъ, трудятся!.. Вздоръ! Есть добрые люди, поддержатъ! *(Ходитъ по комнатѣ и останавливается передъ портретомъ Авакумова).* А какъ подумаешь—жалко! Какъ я его любила!.. Зачѣмъ онъ не тотъ?.. Зачѣмъ? *(Отходитъ).* Я и теперь его люблю!.. Нѣтъ, что я!.. Какъ вспомню: обманъ, эти слезы, горе кругомъ: не люблю я его!.. *(Заглядываетъ въ окно).* Да что же это Черепнинъ не идетъ? *(Ходитъ по комнатѣ).* А страшно какъ одной... *(Прикладываетъ руку къ сердцу).* Бьется какъ бѣдное, ноетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Васильковъ и Лидія.

Васильковъ *(входитъ въ дорожномъ костюмѣ, съ сумкой черезъ плечо).* Чижикъ-то мой расходился какъ, здравствуй!

Лидія. Папаша, голубчикъ!.. *(Кидается къ нему на шею).*

Васильковъ. Изъ Лондона — прямешенько! Ты, пожалуй, думала: пропалъ твой безпутный отецъ? Годъ не писалъ. Здорова? *(Поворачиваетъ Лидію и цѣлуетъ)* Похудѣла немножко... Видно, фестивали съ мужемъ задаете... а? Кстати, Лида, дай-ка три рубля... извозчику заплатить... Я совсѣмъ... *(смѣется)* на экваторіальномъ положеніи... *(Лидія вынимаетъ и отдаетъ деньги).* Но зато вотъ здѣсь!.. *(показываетъ на сумку)* милліоны!

Лидія. Такъ много, папа?..

Васильковъ. Много!.. Тутъ не милліонъ... вру я... тутъ десятки милліоновъ, тутъ сокровища!.. Да!.. Англичане единственный народъ... Практическій! Въ Лондонѣ надоумили меня!

Одинъ мистеръ Джонсонъ, геніальная голова, продалъ мнѣ проектъ и вѣдь за безцѣнокъ почти. Тысяча рублей... Деньги до зарѣзу нужны были... Да проектъ-то какой!.. Понимаешь? Эксплоатація Ледовитаго моря. Моржи, тюлени... сельди... Флоты заведемъ цѣлые! Эхъ, ты этого не понимаешь, Лидка!.. Вотъ только надо 10.000 для начала. Гдѣ мужъ?..

Лидія. На работахъ.

Васильковъ. Такъ и быть, возьму его въ компаньоны. Не одному же все... это, Лида, будетъ такое дѣло... *(Смотритъ на Лидію)* Да что ты?.. что съ тобой, Лида? Здорова ты?

Лидія *(бросается къ отцу)*. Папа... папочка... я.

Васильковъ. Что?.. что, дитя мое? Скажи. Несчастлива? да?

Лидія. Очень...

Васильковъ. А я ничего не зналъ... Что случилось, Лида? *(Тихо)* Разлюбилъ? смѣлъ разлюбить такое золото?

Лидія. Нѣтъ.

Васильковъ. Такъ что же? Поссорились?.. Обидѣли тебя?..

Лидія. Мнѣ тяжело здѣсь...

Васильковъ. Тяжело?.. Ты, Лида, не стѣсняйся съ старымъ другомъ... *(Тихо)* Влюбилась сама? Такъ вѣдь? Угадалъ, голубушка! Что-жъ, сердце мое. Это бываетъ. И сильно полюбила? Ты молчишь? Ты прости... Вѣдь это твое дѣло... Мнѣ не надо знать... Люби кого хочешь, только будь счастлива!

Лидія. Нѣтъ, папа, нѣтъ!.. не то!..

Васильковъ. Не то!.. Что-жъ такое, Лидочка? Глупый я, допрашиваю!.. Что бы то ни было, ты несчастлива, и этого довольно!..

Лидія. Я уѣхать хочу, папа...

Васильковъ. Уѣдемъ!.. непремѣнно уѣдемъ!.. *(Останавливается и задумывается на минуту)*. Но только... видишь ли, Лида, теперь я, голубчикъ мой, вотъ весь тутъ налицо, понимаешь... Но черезъ мѣсяцъ-другой, когда проектъ мой...

Лидія. Я сегодня хочу ѣхать... Въ Петербургъ поѣду... буду жить одна... уроки давать...

Васильковъ. Лида!.. какъ же это... уроки?.. Да что ты, моя голубушка?.. Ты пропадешь въ этомъ вертепѣ... *(Испуганно)* Нѣтъ! это невозможно... уроки!.. Ты такая красавица... довѣрчива...

Лидія. Попробую.

Васильковъ. Нѣтъ, нѣтъ... ты не знаешь... Ты, Лида, чиста... а нашъ братъ, мужчины—гнусно, гнусно смотрятъ на женщину... Боже тебя сохрани!.. *(Останавливается и сквозь слезы смотритъ на Лидію)* Лида, прости... прости меня... *(Рыдаетъ и цѣлуетъ руки у дочери)*.

Лидія. Папа... что ты... что ты, голубчикъ?

Васильковъ. Прости, я виноватъ... Я старый негодяй. Все промоталъ, все прогулялъ, все, что было... и твое, и мое, и бабушкино!.. А теперь ты терпишь, бѣдняжка!.. Прости стараго мотыгу! *(Плачетъ и цѣлуетъ дочь).*

Лидія. Полно, папочка... полно, родной мой!

Васильковъ. Вотъ до чего дошелъ... своему чижику помочь не могу... Но погоди!.. Будетъ и на моей улицѣ праздникъ... Дай время... Милліоны будутъ, и всѣ твои... Все къ твоимъ ногамъ брошу... Но только теперь, Лида, останься...

Лидія. Нѣтъ, папочка, не могу я...

Васильковъ. А сына бросишь?

Лидія. Что ты?

Васильковъ. Дитя!.. Да развѣ мужъ позволитъ?..

Лидія. Я... я... Господи, что же дѣлать? *(Рыдаетъ).*

Васильковъ *(беретъ Лидію подъ руку и ведетъ въ комнату).* Успокойся, другъ мой... Мы все устроимъ... Уѣдемъ вмѣстѣ. И все... я... виноватъ! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Черепнинъ *(одинъ).*

(Быстро входитъ) Усталъ даже!.. Вѣрно, обыкновенная исторія супружескаго счастья... Эпизодъ изъ труднаго времени! *(Садится)* Однако самой героини еще нѣтъ, а я спѣшилъ и не прочелъ посланія съ должнымъ вниманіемъ. Однѣ жалкія слова лишь прочелъ... *(Вынимаетъ изъ кармана письмо и читаетъ)* «Приходите скорѣе, Сергѣй Николаевичъ, помогите старому другу и товарищу—бѣдной, несчастной Лидіи. Вчера я узнала, что мужъ обманываетъ людей...» Только вчера?.. Счастливая наивность!.. «Онъ наотрѣзъ отказался заплатить тѣ деньги, о которыхъ вы говорили, и когда я просила, умоляла—расхохотался... Я не могу оставаться здѣсь. Помогите, поддержите меня. Жду васъ. На вашу помощь одна надежда». *(Складываетъ письмо и качаетъ головой)* Воображаю гомерическій хохотъ супруга и удивленіе бѣдной Лидіи... Остается приложить руку къ сердцу и смастерить похищеніе по всѣмъ правиламъ... *(Оборачивается)* Только пока, вмѣсто героини, сюда идетъ настоящій герой нашего времени. Рыцарь безъ страха, безъ упрека и безъ сомнѣній.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Черепнинъ, Чабановъ и Никаноръ.

Чабановъ. И скоро будетъ Алексѣй Николаичъ, Никанорушка?

Никаноръ. Теперь скоро... черезъ полчаса должны бы быть...

Чабановъ. На новой линіи?

Никаноръ. Да-съ... съ княземъ уѣхали...

Чабановъ. Ну, подождемъ. *(Никаноръ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же безъ Никанора.

Чабановъ *(кланяясь).* Господинъ Черепнинъ, если не ошибаюсь?

Черепнинъ *(кланяясь).* Онъ самый, г. Чабановъ. *(Перелистываетъ книгу).*

Чабановъ *(помолчавъ).* Понравился нашъ городокъ-съ?

Черепнинъ. Недуренъ...

Чабановъ. И новую гимназію изволили видѣть?

Черепнинъ. Видѣлъ...

Чабановъ *(помолчавъ).* А искъ-таки подали на насъ?

Черепнинъ. Подалъ...

Чабановъ. Дѣлъ нынѣ много въ судѣ... Докладъ, чай, не скоро?

Черепнинъ. Поживу... Подожду...

Чабановъ. Врядъ ли процессъ выиграете. Наше дѣло чистехонько... Все на законѣ-съ...

Черепнинъ. Попробую...

Чабановъ *(долго и пристально смотритъ на Черепнина и говоритъ, понизивъ голосъ).* Г. Черепнинъ!..

Черепнинъ. Что̀ угодно?..

Чабановъ. Вы сколько получите за искъ? Вѣдь 10 процентовъ?

Черепнинъ *(улыбается).* А что̀?

Чабановъ. Такъ-съ... любопытно... *(Молчаніе).* Конечно, искъ этотъ шалость одна, а все непріятно... Главное, время.

Черепнинъ. Именно время, а вѣдь время деньги, говорятъ американцы.

Чабановъ *(смѣется).* Вѣрно-съ... я человѣкъ къ тому же смирный и судовъ не люблю...

Черепнинъ. И я не люблю ихъ... Да что̀ дѣлать!..

Чабановъ *(помолчавъ, говоритъ тихо).* Я бы тысячъ пять могъ бы вамъ предложить.

Черепнинъ. Чтобы отказаться отъ иска?

Чабановъ *(быстро).* Именно-съ... Чистоганомъ бы, ровно пять.

Черепнинъ. Мало!.. Что̀ пять тысячъ въ сравненіи съ вѣчностью!...

Чабановъ *(придвигаясь).* Можно пятьсотъ накинуть.

Черепнинъ. Все мало!..

Чабановъ *(въ сторону).* Этакій безстыжій народъ эти моло-

дые!.. Такъ-таки норовитъ тебя, какъ липку, ободрать безъ всякой совѣсти... *(Громко)* До шести нагою...

Черепнинъ. И то мало! Вѣдь дѣло-то какое, г. Чабановъ. Скандалу одного сколько. Опубликуютъ по газетамъ... Какой-нибудь репортеръ газетный физіономію вашу распишетъ, какъ и что̀... все вынюхаетъ! Молъ, денегъ не заплатилъ, не разсчелъ, и кто же? Будущій концессіонеръ, попечитель общества бѣдныхъ, покровитель школъ, жертвователь на пользу просвѣщенія... Сами посудите!..

Чабановъ. Ужъ говорите больно жалостно... Семь!..

Черепнинъ *(отрицательно качая головой)*. Что̀ семь? Дымъ кадильный!

Чабановъ *(вскакивая съ мѣста)*. Такъ какого рожна вы хотите? Вѣдь искъ всего 30.000?.. И то на слова ваши польстился...

Черепнинъ. Да всю сумму иска я хочу... всѣ 30.000!..

Чабановъ *(смотритъ въ изумленіи)*. Вы за ребенка меня принимаете?.. Вѣдь искъ этотъ такъ... рѣзвость одна... Я только по добротѣ...

Черепнинъ. Вѣрю на слово, что по добротѣ... И зато, коли заплатите, повѣсть какую о васъ здѣшній редакторъ напишетъ... И слогомъ-то какимъ, умилительнымъ. Дескать, какое благородство! Судиться не хотѣлъ, хоть и былъ правъ, а взялъ да и заплатилъ все сполна... Вѣдь эффекту-то сколько, г. Чабановъ!.. Неужели 30.000 не сто̀итъ! А вѣдь потомъ вернуть ихъ можно и даже съ дивидендомъ...

Чабановъ *(съ сердцемъ)*. Я самъ знаю, что̀ сто̀итъ и что̀ не сто̀итъ! *(Встаетъ)*. Я думалъ, вы, какъ слѣдуетъ адвокату, по чести на сдѣлку бы пошли, а вы шутить... Молоды еще, сударь... *(Уходитъ въ кабинетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Черепнинъ *одинъ.*

(Хохочетъ) И герой нашего времени обидѣлся!.. Коли на сдѣлку идетъ, значитъ, мои кліенты еще дышатъ!.. Однако что-жъ героиня-то! А вотъ и она... Бѣдняга! Наплакалась... Видно, сладко въ этомъ вертепѣ!..

ЯВЛЕНІЕ IX.

Лидія и Черепнинъ.

Лидія *(быстро подходитъ къ Черепнину)*. Наплу - то пришли!

Черепнинъ. Съ утра дома не былъ... Увидалъ записку, пришелъ!..

Лидія. Вѣрю... вѣрю... Вы всегда правду говорили... Добрый Сергѣй Николаевичъ, помогите мнѣ!..

Черепнинъ. Какъ?.. Въ чемъ?..

Лидія. Совѣтомъ, какъ въ прежніе дни... Научите хоть вы, а то руки опускаются... Я не могу жить въ этомъ домѣ, гдѣ... Ну, Богъ съ ними. Я сама хочу жить... самостоятельно жить...

Черепнинъ. То-есть какъ же это самостоятельно?

Лидія. Такъ... одна, сама по себѣ. Поѣду въ Петербургъ...

Черепнинъ. Что-жъ?.. Отчего не ѣхать? Только берите съ собой капиталовъ побольше... Ужасно нынче дорого жить въ Петербургѣ, Лидія Александровна.

Лидія. Вы меня не поняли... У меня ничего нѣтъ... Я... *(робко, говоритъ тихо)* сама буду зарабатывать свой хлѣбъ... Трудиться...

Черепнинъ. Вы?.. Трудиться?.. Чѣмъ же?

Лидія. Уроки давать...

Черепнинъ. Какіе?

Лидія. Какіе?.. Ну... я французскій языкъ знаю, музыку немного... еще... еще... Да что-жъ я еще знаю... *(Сквозь слезы)* Кажется, ничего больше.

Черепнинъ. Этого мало, Лидія Александровна, съ французскимъ языкомъ да съ музыкой вы и десяти рублей въ мѣсяцъ не выработаете. Да и достанете ли еще работу?..

Лидія. Мнѣ знакомая писала, что она переводы имѣетъ *(робко)*, и я бы могла...

Черепнинъ. Переводы!? Лидія Александровна! Вы никогда не работали, нужды не видали и не знаете, что̀ значитъ исканіе работы, безъ денегъ, безъ силы, безъ знаній... Переводы!? Я ихъ знаю... Тысячи желающихъ есть безъ васъ, и нашего брата, и женщинъ, и не такихъ, какъ вы.

Лидія. А какихъ же?

Черепнинъ. Посильнѣй васъ, и то...

Лидія. Что̀ же?

Черепнинъ. Чуть не съ голоду умираютъ, а то отъ скоротечной чахотки... Плюньте въ глаза тому, кто вамъ, именно вамъ, переводами жить предлагаетъ... Вы не изъ тѣхъ, которыя понимаютъ, что лишенія подчасъ лучше богатой жизни... Вы, Лидія Александровна, не изъ бойцовъ... Знаете ли вы жизнь въ сыромъ углу, безъ свѣта, безъ воздуха, вѣчно въ раздраженномъ состояніи, вѣчно съ одной думой достать рубль?.. Приходилось ли вамъ ходить за деньгами по грязи безъ калошъ, придти и получить вмѣсто платы какія-нибудь двусмысленныя предложенія?.. Вы ничего этого не знаете, а

я видалъ все это, знаю эту жизнь и уважаю тѣхъ сильныхъ, кто во имя добра борется... Много эта адская жизнь сломила силъ, честныхъ силъ, которыя бы, при иныхъ условіяхъ, развились полнымъ, пышнымъ цвѣтомъ.... А вы представляете все въ розовомъ свѣтѣ. И не вы одна, а, срамъ сказать, и нашъ братъ тоже! Такъ и расписываютъ, будто работа съ неба валится, и возвышенными идеями заниматься можно, и тепло и привольно... Это не сонъ, а правда: гибель, рано или поздно, слабаго въ разныхъ видахъ!

Лидія. И вы тоже... И вы не поддержите меня?..

Черепнинъ. Поддержать? Эхъ, Лидія Александровна, не вы виноваты, но вы чужіе грѣхи искупаете! Не ваша вина, что вы на готовомъ выросли, чужимъ добромъ вскормлены и чужою кровью вспоены! А вы думаете, независимость пріобрѣтается легко? Такъ-таки захотѣлъ, и она съ неба слетѣла! Такъ-таки изъ бархатнаго платья и бархатныхъ привычекъ, да за работу! Никому она легко не дается, а вамъ еще труднѣй... Она завоевывается упорнымъ трудомъ и энергіей... Что-жъ я вамъ посовѣтую?.. Что вы можете?

Лидія *(отчаянно)*. Какъ же другія?

Черепнинъ. Кто эти другія? Нѣсколько десятковъ, и обчлись... И то исключительныя, сильныя, здоровыя личности... Остальныя въ вашемъ же положеніи. Кто при отцѣ, кто при мужѣ, при братѣ... Живутъ, ноютъ и чувствуютъ, что, умри завтра отецъ, мужъ, братъ—онѣ безпомощны... И гдѣ занятія?.. Какія?.. Какъ общество-то само смотритъ? На словахъ сочувствіе, на дѣлѣ брань, клевета и того еще хуже... И чему васъ учатъ?.. Ну, вотъ вы и хотите, и рветесь...

Лидія. И какъ хочу!

Черепнинъ. Мало хотите! Да съ хотѣніемъ однимъ далеко не уѣдете. Ну и останетесь при порываніяхъ. А тамъ *(помолчавъ)* или раньше времени умрете, или... успокоитесь на томъ, на чемъ многіе успокаиваются... займетесь филантропіей и будете штопать дыры бѣдности гривенными подачками!

(Лидія молчитъ и смущена).

Черепнинъ. Вы удивляетесь? Эхъ, Лидія Александровна, даже досада беретъ, глядя, какъ вы наивно полагаете, будто нынче жареныя куропатки прямо въ ротъ падаютъ! Только ѣшь!

Лидія. Какъ же ваша мать, помните, вы говорили о ней?..

Черепнинъ. Моя мать!?. Это была святая женщина съ сильнымъ характеромъ и желѣзной волей. Вы знаете ли, что она послѣ смерти отца дѣлала?.. Бѣлье стирала по домамъ, чтобы

меня накормить... и выкормила, и въ гимназію опредѣлила, и умерла въ концѣ концовъ раньше времени, ослѣпшая, съ ревматизмомъ.

Лидія. Такъ, значитъ, Сергѣй Николаевичъ *(со страхомъ смотритъ на Черепнина)*, я должна... положеніе мое безвыходное!..

Черепнинъ. Ваше... почти-что безвыходное!..

Лидія. И остается... *(сквозь слезы)* терпѣть!..

Черепнинъ *(отворяетъ окно, — изъ окна доносится звукъ пѣсни: Охъ, дубинушка, охни!)*. Терпѣть? Много-то вы терпѣли? Подойдите... полюбуйтесь! Вотъ кто терпитъ!..

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Агаѳья.

Агаѳья. Куда шубу-то уложить?.. Сергѣй Николаичъ... Ай, выросъ-то какъ, и бородища...

Черепнинъ *(здоровается)*. Здравствуй, Агаѳья Ѳедосеевна, кажется?

Агаѳья. Такъ... Ишь, не забылъ... Память, какъ была, вострая. *(Къ Лидіи)* Лидушка, куда шубу-то уложить?

Лидія. Шубу? никуда, няня... Я не поѣду. Куда я поѣду?.. Прощайте, Сергѣй Николаевичъ... Не ожидала я отъ васъ... Богъ съ вами. *(Тихо уходитъ)*.

Агаѳья. Горемыка... горемыка, голубушка... *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Черепнинъ *одинъ.*

Не ожидала!.. Вѣдь вотъ стань я въ позицію и разскажи о пріятности переводовъ, Лидія бы и повеселѣла, а признайся въ любви, такъ романъ, какъ слѣдуетъ. А то развязка не та... По крайней мѣрѣ, пусть правду знаетъ, а спленка будетъ, или очень круто придется—и безъ совѣтовъ распорядится. Убѣжитъ изъ этого вертепа... И нищенская жизнь ей покажется тогда раемъ передъ этой жизнью. Нытье-то, нытье и провинцію заѣдаетъ... Хорошій однако признакъ!.. Дѣти, быть-можетъ, ныть-то не будутъ!.. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Авакумовъ *одинъ, входитъ справа.*

Авакумовъ *(входитъ разстроенный)*. Все пропало... все. Скандалъ... По всему городу... вездѣ. Такъ-таки я брякнули князю!.. Подлецы!.. Не могли подождать дня!.. Видно, на водку надо было... А все такъ хорошо шло... Теперь сокращай

расходы... Кредитъ подорванъ... Станутъ говорить, пересуживать... И искъ этотъ проклятый!..

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Авакумовъ и Никаноръ.

Авакумовъ. Что тебѣ?

Никаноръ. Да вотъ, хотѣлъ вамъ доложить, Алексѣй Николаичъ...

Авакумовъ. Ну, докладывай!..

Никаноръ. Оно, разумѣется... Не мое дѣло, но только...

Авакумовъ. Да что же?

Никаноръ *(тихо)*. Барыня собираются...

Авакумовъ. Куда?

Никаноръ. Уѣхать.

Авакумовъ *(блѣдный)*. Что?.. Что ты сказалъ?.. Ты ошибся... *(Беретъ за шиворотъ)* Говори же!..

Никаноръ. Я ничего... въ Петербургъ, слышалъ я, тихонько... Такъ доложить... И адвокатъ были...

Авакумовъ. Черепнинъ? Это вѣрно онъ?... Черноволосый?.. Я встрѣтилъ...

Никаноръ. Онъ.

Авакумовъ. Зачѣмъ пускалъ?.. Зачѣмъ?... Уѣхать!.. И ты не врешь?..

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Васильковъ.

Васильковъ. Тише, тише... Лида нездорова. Здравствуйте, Алексѣй Николаичъ!

Авакумовъ *(подбѣгаетъ къ Василькову)*. Это правда?

Васильковъ. Что?

Авакумовъ *(Никанору)*. Ступай!.. *(Никаноръ уходитъ)*. Лида уѣхать хочетъ?

Васильковъ. Нѣтъ... то-есть хотѣла... погорячилась.

Авакумовъ. Уѣхать?!. Куда же? Зачѣмъ?.. Одна!.. Ахъ, Лида, Лида!

Васильковъ. Вы извините меня, Алексѣй Николаичъ, но я хоть и безпутный, но все же отецъ: что у васъ вышло?

Авакумовъ. Да вчера, видите ли, пристала ко мнѣ: заплати я крестьянамъ деньги, которыхъ я и платить не долженъ... Богъ ее знаетъ, взбалмошная...

Васильковъ *(качая головой)*. Однако бѣдняжка плакала... и вещи было-уложила...

Авакумовъ. Неужели?.. О, Лида!.. Лида!.. Что хотѣла сдѣлать!.. Я безъ нея жить бы не могъ.

Васильковъ. Любите?.. Какъ не любить... вѣдь золотое сердце!

Авакумовъ *(улыбается).* Головка только все бредитъ какими-то несбыточными мечтами... И вотъ пріѣхалъ тутъ ея старый знакомый, Черепнинъ.

Васильковъ. Вы думаете... Она...

Авакумовъ. Что?

Васильковъ. Понятно, что? Можетъ увлечься...

Авакумовъ *(съ испугомъ).* Она вамъ говорила?.. Скажите: да?

Васильковъ. Эка ревнивецъ!.. Испугался!.. Да нѣтъ же... А я бы на ея мѣстѣ дразнилъ васъ... Любите больше. Вы, нынѣшніе мужья, все за дѣлами, о женщинѣ и не думаете... Кстати... а у меня проектъ какой!

Авакумовъ. Послѣ... послѣ... Пойдемте къ ней. Долго былъ Черепнинъ, адвокатъ?

Васильковъ *(смѣется).* Да нѣтъ же... Отелло этакій!..

Авакумовъ. Она у себя... нездорова... Ухъ, да... еще Чабановъ меня ждетъ *(звонитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Никаноръ.

Авакумовъ. О томъ, что слышалъ, ни пикни!

Никаноръ. Слушаю-съ!..

Авакумовъ. Да поди въ кабинетъ, скажи Чабанову, что сейчасъ... Давно ждетъ?..

Никаноръ. Съ полчаса!.. *(Идетъ въ кабинетъ, Авакумовъ и Васильковъ идутъ въ будуаръ).*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Чабановъ и Никаноръ.

Чабановъ. Никогда отъ денегъ не отказывайся. Деньги, милый человѣкъ, всегда приходятся... Съ деньгами, братецъ... Ты теперь что?

Никаноръ. Камердинеръ.

Чабановъ. А выиграй ты 200.000? Что изъ тебя выйдетъ?

Никаноръ *отъ удовольствія прыгаетъ.*

Чабановъ. И слюнки потекли?

Никаноръ. Я бы-съ... песокъ ставить, если бы счастье такое...

Чабановъ. Песокъ? *(Смѣется).* Знаешь, гдѣ раки зимуютъ, а тамъ и песку мало будетъ, захочешь земляныя, а послѣ...

Никаноръ *(оживляясь).* Канцессію какую-нибудь маленькую...

Чабановъ. Канцессію!.. *(Хохочетъ).* Прежде слово выучи:

концессія! Учи, учи, Никаноруška!.. *(Тихо)* А баринъ что? какъ, въ духѣ?..

Никаноръ. Сердиты... Скандалъ вышелъ... Кучеръ говорилъ...

Чабановъ. Скандалъ?. Что же?

Никаноръ. На работахъ рабочіе князю жаловались...

Чабановъ. Такъ-таки жаловались?.. Вѣрно?

Никаноръ. При всѣхъ, какъ есть... *(Съ презрѣніемъ)* Извѣстно, народъ—мужики! Баринъ пріѣхалъ на себя не похожъ, а тутъ и дома-то.

Чабановъ *(смѣется)*. Востра барынька?..

Никаноръ *(усмѣхаясь)*. Есть грѣхъ.

Чабановъ *(мигая глазомъ)*. Адвокатишка, видно, приглянулся... а?

Никаноръ *(усмѣхаясь)*. Наше дѣло молчокъ...

Чабановъ. Это хорошо, Никаноруška... Помалчивай *(смѣется)*. Такъ концессію бы взялъ?

Никаноръ. Взялъ бы-съ!.. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Чабановъ *одинъ.*

Каналья! и выговорить слова не умѣетъ, а понимаетъ, какое оно ласковое... *(Смѣется)*. Туда же! А что-жъ? Ну, теперь Алексѣй Николаичъ взвинченъ, какъ услѣдетъ. Теперь бей зайца въ хвостъ! бей его, каналью! *(Смѣется, садится)*. А тотъ-то давеча *(съ сердцемъ)* поддѣлъ, на смѣхъ поддѣлъ, и кого же?.. И гдѣ глаза были сразу не увидать разбойника!.. Тридцать тысячъ, говоритъ... Еще вспомнитъ дурость свою!..

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Авакумовъ и Чабановъ.

Чабановъ *(идетъ навстрѣчу Авакумову)*. Алексѣю Николаевичу!

Авакумовъ. Извините, Потапъ Потапычъ, задержалъ васъ...

Чабановъ. И.. Богъ съ вами!.. Мы люди маленькіе, подождемъ... Вотъ искъ этотъ проклятый...

Авакумовъ. А что?

Чабановъ. Все, конечно, въ порядкѣ; но знаете ли?

Авакумовъ. Онъ и у меня вотъ гдѣ...

Чабановъ. Оно бы можно... предложить рабочимъ тысячи три... деньги имъ нужны...

Авакумовъ. На водку? Что-жъ! Лучше плюнуть и развязаться...

Чабановъ. Да адвокатишка-то ихъ...

Авакумовъ. Уськаетъ?

Чабановъ. Кабы его прочь?

Авакумовъ *(быстро).* Черепнина? Отличное бы дѣло было... А то пріѣхалъ сюда ни съ того ни съ сего...

Чабановъ. И мутитъ людей.

Авакумовъ. Но только какъ же это... Это невозможно. И хоть бы скорѣй дѣло кончилось... Уѣхалъ бы...

Чабановъ. Говоритъ — ждать буду. *(Помолчавъ)* Оно бы можно...

Авакумовъ. Какъ?

Чабановъ. У васъ тутъ знакомство. Написали бы къ Рогальскому...

Авакумовъ. То-есть какъ?.. Написать... о чемъ?..

Чабановъ. Да такъ вообще *(смѣется),* чтобы, знаете ли, осчастливилъ нашъ городъ своимъ отсутствіемъ.

Авакумовъ. А предлогъ?

Чабановъ. Хе-хе-хе! Эка въ чемъ затрудняетесь *(смотритъ на Авакумова).* Напишите, что рабочихъ мутитъ... не признаётъ, молъ, собственности... хе-хе-хе!..

Авакумовъ. Что вы?.. Вѣдь это... доносъ?..

Чабановъ. Какой тамъ доносъ?.. Экія слова-то: доносъ... Своя шкура-то ближе... А то скандалъ... Вотъ возьмите перышко да и черкните...

Авакумовъ. Черкнуть?! *(Раздумывая)* Вѣдь его только попросятъ уѣхать и сейчасъ же...

Чабановъ. Сегодня же духу не будетъ, и увезутъ съ голубенькимъ солдатомъ...

Авакумовъ. Но это... Впрочемъ... *(Быстро вскакиваетъ и идетъ въ кабинетъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Чабановъ *одинъ.*

Бабникъ! Никогда онъ по батькинымъ слѣдамъ не пойдетъ... Тотъ былъ... человѣкъ былъ!..

ЯВЛЕНІЕ XX.

Авакумовъ и Чабановъ.

Авакумовъ. Ну вотъ, написалъ.

Чабановъ. И знаете ли, по-американски, не теряя времени, пошлите Никанора къ Рогальскому...

Авакумовъ. Сейчасъ же?.. *(Тихо)* Эхъ, Лида, Лида... до чего доводитъ твоя глупость!.. *(Звонитъ. Входитъ Никаноръ).*

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣ же и Никаноръ.

Авакумовъ. Отнеси сейчасъ же губернатору.

Никаноръ. Слушаю-съ! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Чабановъ и Авакумовъ.

Чабановъ. Теперь искъ этотъ кончится любовно... завтра же созову рабочихъ, подпою ихъ да покажу денежки, такъ за три тысячи *(смѣется)* они чорту душу продадутъ!.. Ну-съ, Алексѣй Николаичъ, дѣльце и сдѣлали!.. А линія какъ?.. за вами?

Авакумовъ *(качаетъ головой).* Врядъ ли... Сегодня канальи эти князю жаловались...

Чабановъ. Дѣло дрянь!

Авакумовъ. Мое дрянь... зато ваши фонды подымаются...

Чабановъ. Гдѣ намъ... Я, знаете ли, что̀ надумалъ?

Авакумовъ. Что̀?

Чабановъ. А вотъ что̀: ваше дѣло не выгорѣло и мое не выгоритъ... Что̀ если бы компанію...

Авакумовъ. Съ вами?

Чабановъ. Вмѣстѣ оно, чай, выгоритъ, а? Умъ хорошъ, а два лучше... Въ двѣ руки и хлопотать легче. Я съ своей стороны мѣры принялъ... У княжескаго секретаря заручился, ну, а баронесса на вашей сторонѣ... Смотришь, дѣльце-то и выгоритъ... Отлично бы получить эту мерзавку... концессію... и славная выйдетъ компанія — Авакумовъ и Чабановъ... а? Алексѣй Николаичъ?

Авакумовъ. А въ самомъ дѣлѣ?

Чабановъ. Такъ по рукамъ, что ли?

Авакумовъ. Я готовъ.

Чабановъ. Давно бы такъ. А то одному хотѣлось... Не жирно ли было бы, Алексѣй Николаичъ? *(Помолчавъ)* Вѣдь это я вамъ съ рабочими-то штуку смастерилъ.

Авакумовъ. Вы?

Чабановъ. Я... а вы удивляетесь?.. Развѣ Галкинъ денегъ не любитъ, что ли? Онъ эффектъ этотъ и устроилъ. А эффектъ вышелъ, а?..

Авакумовъ. И послѣ этого вы... да развѣ это честно?..

Чабановъ. Честно! *(Смѣется; не безъ презрѣнія смотритъ на Авакумова).* А честно рабочихъ обсчитывать и вмѣсто 30.000 давать три? А черноволосаго этого разбойника выпроваживать... съ голубымъ солдатикомъ... Это честно?..

Авакумовъ *закрываетъ лицо руками.*

Чабановъ *(треплетъ его по плечу).* Молоды вы, Алексѣй Николаичъ. По водѣ ходить собираетесь, а ножки замочить боитесь... Поживите съ мое, такъ узнаете.

Авакумовъ. Что?

Чабановъ. Хорошую пословицу: «на то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ!»

(Уходитъ медленно. Авакумовъ сидитъ, подпершись руками).

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Авакумовъ, Лидія и Васильковъ.

Лидія *(подходитъ къ Авакумову и склоняется на плечо).* Ты что задумался?.. Я тебя разстроила... Ты прости меня... Ты объяснилъ мнѣ... я опять... я... глупенькая, не понимаю вашихъ дѣлъ... я... *(сквозь слезы)* что я? Только любить и могу!.. Ты вѣдь заплатишь? Да?..

Васильковъ. Золото ты мое, золото...

РОДСТВЕННИКИ.

СЦЕНЫ ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ
ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Николай Васильевичъ Безпаловъ, богатый человѣкъ, 60 лѣтъ.
Ольга, пріемышъ его, 25 лѣтъ.
Анна Ѳедоровна Погонкина, двоюродная его сестра, бѣдная вдова.
Владиміръ Александровичъ Ветлужскій, племянникъ Безпалова, 27 лѣтъ.
Евгеній Ивинъ, 18 лѣтъ } воспитанники учебнаго заведенія, его пле-
Леонидъ, его братъ, 15 лѣтъ } мянники.
Гриша, 30 лѣтъ, камердинеръ Безпалова.
Лиза, горничная.

Большой кабинетъ. Мебель стариннаго фасона. По стѣнамъ картины частью религіознаго, частью эротическаго содержанія. Шкапы съ книгами. Посрединѣ большой письменный столъ, уставленный множествомъ вещицъ. Двѣ двери: одна, противъ сцены, въ залу, другая, слѣва, въ спальню. Утро. Часы бьютъ девять. Сцена нѣсколько секундъ пуста. Изъ спальни слышенъ кашель.

ЯВЛЕНІЕ I.

Безпаловъ *(одинъ)*.

Безпаловъ *(выходитъ изъ спальни въ халатѣ, заглядываетъ за дверь въ залу, притворяетъ двери и подходитъ къ столу)*. Посмотримъ, удался ли новый опытъ! *(Садится къ столу и начинаетъ считать пачки денегъ, разложенныя на столѣ)*. Посмотримъ!.. хе-хе-хе... *(Закашливается)*. Эка душитъ, проклятый!.. Сто три... сто четыре... сто пять... Эта цѣла! Вѣрно, отсюда, изъ новенькой пачки, выкралъ! *(Считаетъ другую пачку)*. Новенькія соблазнительнѣй!.. Сто восемь... сто девять... И слипаются легче... Сто пятнадцать... сто шестнадцать... И эта цѣла! Удивительно, очень удивительно! Развѣ

онъ къ старымъ чувствуетъ слабость? *(Считаетъ третью пачку).* Девяносто шесть... девяносто семь... Есть такіе люди, старыя бумажки любятъ... Сто восемь... сто девять... Всѣ сполна! Неужели Гриша опять меня провелъ, не укралъ? *(Быстро считаетъ четвертую пачку).* Такъ и есть — провелъ! Каналья! А задумано было недурно! *(Добродушно смѣется).* На обложкахъ вездѣ сто, сто, сто, а положено болѣе. Догадался! Жаль! *(Считаетъ мелочь).* Ну, мелочь Гришенька нынче трогать не станетъ... хе-хе-хе... Думаетъ: скоро умретъ старикъ... *(Вдругъ мѣняя тонъ и дѣлая набожное крестное знаменіе)* Помилуй мя, Господи!.. En gros стяну... И вѣдь какъ, чай, ждетъ моей смерти, какъ ждетъ!.. *(Въ залѣ слышны шаги. Безпаловъ поспѣшно отходитъ отъ стола и заводитъ стѣнные часы).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Безпаловъ и Гриша.

Гриша *(несетъ на подносѣ крендель).* Имѣю честь поздравить васъ, Николай Васильевичъ, со днемъ ангела и пожелать вамъ продленія жизни на многія лѣта... *(Хочетъ одной рукой поймать руку Безпалова).*

Безпаловъ. Прикладываться зачѣмъ же? Кажется, не угодникъ и не мощи! *(Закладываетъ руки назадъ).* Спасибо, Гришенька. Я и забылъ, что именинникъ, а ты вспомнилъ.

Гриша. Какъ не вспомнить, Николай Васильевичъ, этакого дня... Я... я... сами изволите знать... Отъ полноты души.

Безпаловъ. Какъ же, знаю... знаю. А стихи сочинилъ, Гриша?

Гриша. Какіе, Николай Васильевичъ, стихи-съ?

Безпаловъ. Поздравительные.

Гриша *(улыбаясь).* Если бы только обучался...

Безпаловъ. Стихосложенія не знаешь!.. Впрочемъ, не печалься, другъ. Меня, конечно, племянники порадуютъ стихосложеніемъ. Ну, Гриша, крендель уноси и возьми въ знакъ признательности пять рублей. *(Подаетъ бумажку. Григорій дѣлаетъ снова движеніе схватить руку).* Остановись! Безъ благодарностей. Сумма небольшая!.. А теперь поскорѣй чаю!

Гриша. Сію минуту-съ! *(Уходитъ).*

Безпаловъ *(одинъ).*

Безпаловъ. Отъ полноты души!.. Хе-хе-хе... И родственники всѣ сегодня покажутъ эту полноту!.. *(Смѣется).* Восемьсотъ тысячъ наслѣдства. Рыба не маленькая. *(Погонкина выглядываетъ изъ среднихъ дверей и скрывается).* На нее не грѣхъ со всѣхъ сторонъ закинуть крючки. То-то сегодня будетъ

спектакль! *(Смотрится въ зеркало)* Цвѣтъ лица плохъ... Шибко жилъ... гм... шибковато. Зато теперь живу монахомъ, слѣдовательно... Странное животное человѣкъ... труситъ смерти!.. *(Задумывается и высовываетъ языкъ)* Бѣлый!.. А вѣдь, кажется, вчера обѣдалъ скромно. Что такое я ѣлъ?.. *(Припоминаетъ)* Бульонъ, бульи, легюмы, кусочекъ куропатки, компотъ—все, кажется, очень легкое, а бѣлый!.. Мерзавцы доктора! Берутъ деньги и утѣшаютъ тебя только тѣмъ, что говорятъ: эмфизема, катарръ... *(Погонкина въ дверяхъ вполголоса испуганно: «Ахъ, братецъ!»)*. Но ты вылѣчи. Берешь деньги и вылѣчи. Вѣдь я же не жалѣю денегъ... я не дряхлый же старикъ... Я жить хочу! *(Встаетъ и ходитъ по кабинету)*. Вѣрно сердится! Вчера разсердилась... такая недотрога! Она еще лучше, когда сердится... Но я ее утѣшу сегодня. *(Подходитъ къ этажеркѣ и беретъ оттуда футляръ)*. Сережки хорошенькія... Женщины брильянты любятъ... *(Закашливается долгимъ кашлемъ)*. Проклятые!.. Даже кашля остановить не могутъ!.. *(Раздражительно кричитъ)* Гриша!.. Что же чаю, каналья!

ЯВЛЕНІЕ III.

Безпаловъ и Погонкина.

Погонкина *(вбѣгаетъ)*. Что съ вами, дорогой братецъ?

Безпаловъ *(изумляясь)*. А вы откуда это объявились, сестрица?

Погонкина *(оторопѣвъ)*. Я, братецъ, по-родственному. Съ днемъ ангела.

Безпаловъ. У дверей подглядывали?

Погонкина *(принимая слезливый тонъ)*. Братецъ!

Безпаловъ. Ну, сестрица, за платкомъ не лѣзьте. Не люблю и не повѣрю. Что же дальше-то? Чего вы влетѣли, словно сорвавшаяся съ цѣпи собака?

Погонкина. Братецъ! За ваше здоровье просвиру вынула. У Николы Морского обѣдню раннюю отстояла. Вотъ она! Вашему святому помолилась. Я вѣдь, братецъ, не то что прочіе родные, изъ корысти. Мнѣ какой интересъ? Думаю, побѣгу пораньше, пусть братецъ посердится, а все первая поздравлю. Вѣдь кровь, братецъ, что ни говорите, а сказывается.

Безпаловъ. А дальше? *(Погонкина молчитъ)*. Ну, говорите! Вѣдь вы, разъ привѣсивши языкъ, можете трезвонить безъ устали.

Погонкина. Ахъ, братецъ!

Безпаловъ. Не ахайте. Ну, побѣжали... взглянули... *(Кашляетъ)*.

Погонкина *(вскакиваетъ)*. Подушечку не подложить ли?

Безпаловъ. Не юлите, сестрица, сидите смирно. *(Звонитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Гриша.

Гриша *(изъ залы)*. Сію минуту! *(Подаетъ чай и съ изумленіемъ смотритъ на Погонкину)*. Подушку подъ ноги прикажете? *(Кладетъ подушку)*. Такъ спокойнѣе будетъ. *(Съ участіемъ смотритъ на Безпалова. Погонкина привстаетъ съ кресла и тоже выражаетъ желаніе помочь)*. Подушку за спину? Сію секунду! *(Погонкина снова вскакиваетъ, но Безпаловъ знакомъ приказываетъ ей садиться)*. Теперь вамъ будетъ хорошо. Вини изволили принимать?

Погонкина. Вы, братецъ, принимали вини?

Гриша *(зло взглядываетъ на Погонкину)*. Докторъ безпремѣнно приказывалъ передъ чаемъ.

Безпаловъ. Чаю Аннѣ Ѳедоровнѣ.

Гриша. Слушаю-съ... *(Уходитъ и говоритъ вполголоса:* «Такипроскочила!»).

Безпаловъ. Ты что это, Гриша, ворчишь?

Гриша. Я? Нѣтъ-съ... Такъ!

Безпаловъ и Погонкина.

Безпаловъ. Очень преданный человѣкъ. Какъ вы находите, сестрица?

Погонкина. Чужая душа, братецъ, потемки.

Безпаловъ. У него душа свѣтлая. Любитъ меня.

Погонкина. Настоящая любовь, братецъ, у родныхъ. Кровьто... кровь одна... вотъ гдѣ настоящая любовь.

Безпаловъ. То одна, эта другая. Онъ ходитъ за мной, преданъ мнѣ, ну и разсчитываетъ, что не забуду.

Погонкина. Онъ и самъ себя не забудетъ.

Безпаловъ. Вы думаете?.. *(Смѣется)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Гриша.

Гриша. Вотъ и вини. Извольте выкушать! *(Подаетъ Безпалову стаканъ, а потомъ почти суетъ Погонкиной чашку и отходитъ въ сторону)*.

Безпаловъ *(пьетъ)*. Вотъ и легче. Кашель не душитъ.

Погонкина *(крестится)*. Слава Богу!.. Николай угодникъ услышалъ мои молитвы, услышалъ.

Безпаловъ. А ты, Гриша, небось, не молишься за меня?

Возьми-ка стаканъ. *(Григорій бѣжитъ со всѣхъ ногъ. Безпаловъ смотритъ на него и улыбается).* Теперь отдохни, довольно наюлилъ, Гриша, и скажи, по случаю моего ангела, правду: очень обрадуешься, какъ меня свезутъ на Смоленское?

Гриша. Что вы изволите говорить, Николай Васильевичъ!

Погонкина *(отмахиваясь руками).* Братецъ! Господь съ вами!

Безпаловъ. Анны Ѳедоровны не стѣсняйся. Она тоже обрадуется.

Погонкина. Братецъ! И вамъ не грѣшно такъ думать о родной сестрѣ!

Гриша. Въ день ангела и такую мараль...

Безпаловъ. Скажи правду, Гриша, въ накладѣ не будешь. Подарокъ дамъ.

Гриша. Ахъ, Николай Васильевичъ!

Погонкина. Стóитъ давать!

Безпаловъ. А вамъ, сестрица, завидно стало?

Погонкина *(обидчиво).* Вы, братецъ, хоть меня на одну доску-то съ валетомъ не ставьте!

Безпаловъ. А вы сидите смирно. Гриша человѣкъ правдивый. Онъ по совѣсти скажетъ.

Гриша. Господи!.. Да развѣ я...

Погонкина. Скажи же, не раздражай братца.

Гриша *(Погонкиной).* Вы-то что!..

Безпаловъ. Говори же. Вѣдь правду сказать—дѣло хорошее. Если ты не меня, а деньги мои любишь, развѣ въ этомъ есть что дурное? Не правда ли, сестрица, ничего нѣтъ дурного?

Погонкина. Натурально, ничего.

Безпаловъ *(раздражительно).* Въ чемъ?..

Погонкина. Я, братецъ...

Безпаловъ. Обрадуешься?

Гриша. Обидно мнѣ...

Безпаловъ. Я тебѣ Михаила Ѳедоровича за то подарю.

Погонкина. Деньги-то какъ идутъ... Господи!

Безпаловъ. А вамъ жаль? Думаете, меньше останется! Чай, немедленно столы обнюхаешь и обчистишь, пока родственники не подоспѣютъ? Вы, Анна Ѳедоровна, смотрите, не прозѣвайте! Ты, Гриша, обчищай съ Богомъ, только имѣй въ виду, милый человѣкъ, что билеты, акціи и чековая книжка именные. Хотя племянникъ Володя и хорошій адвокатъ, но врядъ ли приметъ на себя твою защиту, такъ какъ и онъ наслѣдникъ, готовый украсть не только всѣ мои акціи, но и твои сбереженія на придачу. Кстати, долженъ онъ тебѣ?

Гриша. Должны-съ.

Безпаловъ. Успѣлъ! Сколько?

Гриша. Немного.

Безпаловъ. Однако?

Гриша. Все, что̀ скопилъ отъ вашихъ милостей. Пятьсотъ рублей.

Безпаловъ *(улыбаясь)*. Скромно же ты копишь. По скольку роста и погашенія?

Гриша. По десяти процентовъ въ мѣсяцъ росту-съ, а погашеніе, какъ заблагоразсудятъ.

Безпаловъ. Документъ?

Гриша. Документъ.

Безпаловъ. Большой ты руки, Гриша, мерзавецъ. *(Погонкина одобрительно покачиваетъ головой)*. Вы чего это, сестрица, радуетесь?

Погонкина *(принимая серьезную мину)*. Я, братецъ... Чего мнѣ радоваться!

Безпаловъ. Да, мерзавецъ. Не спорь, другъ. Нынче одни дураки не мерзавцы, а тебѣ Богъ умишко далъ, ну, значитъ, ты и мерзавецъ, но только помни: акцій не тронь.

Гриша. За что вы, Николай Васильевичъ, меня порочите, да еще при постороннихъ?

Безпаловъ. Анна Ѳедоровна скромна. Изъ избы сору не вынесетъ. *(Смѣется)*.

Гриша. Онѣ-то?

Безпаловъ. Вѣдь такъ, сестрица?

Погонкина. Мнѣ какое дѣло!

Безпаловъ. Видишь ли? Ну, хорошо: я умеръ.

Погонкина *(крестится)*. Господь съ вами, что̀ вы!

Безпаловъ. Анна Ѳедоровна, не перебивайте меня, пожалуйста. Да садитесь подальше, а то вы такъ впиваетесь въ меня глазами, точно ждете, что меня сію минуту кондрашка хватитъ.

Гриша *зажимаетъ ротъ руками, чтобы не смѣяться*.

Погонкина. Братецъ...

Безпаловъ. Тсс... тсс... Помолчите. Я умеръ. Ты, какъ слѣдуетъ, наличныя деньги выкралъ. Не забудь, Гриша, *(тихо)* въ боковомъ ящикѣ обшарить. Не бойся, Анна Ѳедоровна не слышитъ! Я туда иной разъ кладу деньги. Натурально, вещи поцѣннѣй припряталъ. Что̀ же потомъ?.. Табачную лавку или кафе-ресторанъ?.. Анна Ѳедоровна, что̀, по-вашему, лучше?

Гриша. Господи... И этакъ почти каждый день!

Погонкина. Кафе-ресторанъ, братецъ, лучше.

Безпаловъ. И я того же мнѣнія. По твоему юркому характеру я бы сперва кафе-ресторанъ, а тамъ дороги открыты.

Хочешь—любишь, хочешь—нѣтъ... Деньги у тебя будутъ... И теперь есть... знаю... Мнѣ Анна Ѳедоровна говорила...

Гриша. Мало ли что онѣ говорятъ!.. А вы, Николай Васильевичъ, меня-то пожалѣйте...

Безпаловъ. Трусъ ты, Гриша. Ты вотъ вьешься, какъ листъ, изнываешь, облизываешься—развѣ я не вижу, какъ тебя жметъ при видѣ крупной ассигнаціи,—а что бы тебѣ разомъ отдѣлаться отъ твоего благодѣтеля, а?..

Гриша *(испуганно).* Что вы говорите?

Погонкина *(вскакивая).* Братецъ... Николай Васильевичъ... голубчикъ...Какъ это такъ можно?.. Не раздирайте сердца... Кровь...

Безпаловъ *(хохочетъ).* Что вы пристали съ кровью? Ступайте-ка лучше къ Олѣ... она, вѣрно, встала, да посмѣшите ее... Кстати вотъ... я еще вчера послать хотѣлъ... *(Вынимаетъ бумажникъ и даетъ деньги).* Дрова купите...

Погонкина. Благодарю васъ, братецъ... Сиротское мое дѣло... Если-бъ не вы...

Безпаловъ. Довольно... Ступайте-ка, да смотрите, у дверей не подслушивайте... А мы интересное будемъ разсказывать...

Погонкина. Вы все шутите, братецъ... Богъ вамъ судья... я... Благодарю за подарокъ... Сами знаете, для сына... Мало ли что вытерпишь...

Безпаловъ. Въ самомъ дѣлѣ?.. *(Вдругъ мѣняя тонъ, говоритъ искренно).* Простите... простите меня... Не обижайтесь!..

Погонкина. Богъ проститъ!.. *(Уходитъ).*

Безпаловъ. Ольгѣ не говорите...

Безпаловъ и Гриша.

Безпаловъ *(нѣсколько секундъ молчитъ. Потомъ смотритъ на Гришу и машетъ пальцемъ. Гриша подходитъ).* Вѣдь это очень легко и безъ всякихъ подозрѣній... Я недавно читалъ въ газетахъ, и, признаюсь, преинтересно описанъ этотъ случай удушенія... Ты не читалъ, видно?.. Вотъ въ чемъ дѣло, Гриша... Когда я засну, ты потихоньку, не торопясь, подберись къ моей постели, разумѣется, ночью, этакъ часу во второмъ,—въ полночь нехорошо, черти по домамъ шатаются...

Гриша *вздрагиваетъ.*

Безпаловъ. Внимательно осмотрись и, не горячась, съ Богомъ наложи чуть слегка подушку, нажимай, нажимай и...

Гриша *вслушивается съ чрезвычайнымъ интересомъ. Безпаловъ подымаетъ на него глаза и, въ ужасѣ останавливается. Пауза.*

Безпаловъ *(испуганно встаетъ).* Ты что такъ на меня смотришь... а?

Гриша *(оторопѣвъ)*. Я ничего-съ...

Безпаловъ. Ты что?.. Отойди... Отойди!.. Недобрые у тебя глаза...

Гриша. Господь съ вами, Николай Васильевичъ... Что вы... *(Испуганно крестится)*. Я... Занимательно вы разсказывали...

Безпаловъ. Занимательно? Ты прости меня, Гриша, прости старика. *(Униженно)* Прости... обидѣлъ я тебя своими подозрѣніями... Я вѣдь такъ... испытать только. Ты вѣдь десять лѣтъ за мной ходишь. Я знаю: ты преданъ и за то будешь награжденъ, ей-Богу.

Гриша. Помилуйте, Николай Васильевичъ, да развѣ я не чувствую. Господи!.. Мало ли благодѣяніевъ отъ васъ я видѣлъ!

Безпаловъ. И еще будетъ, и еще. Вотъ тебѣ пока... *(Даетъ бумажку)*. Ступай, позови повара. Нѣтъ, постой. Посмотри на меня: очень я старъ?

Гриша. Помилуйте, чѣмъ же стары!

Безпаловъ. Одышка только... А съ виду?

Гриша. Съ виду вы слава Богу.

Безпаловъ. Если правду говоришь, спасибо... Да... Скажи швейцару: сегодня я дома для всѣхъ... Сегодня я именинникъ... Ступай! *(Гриша уходитъ)*.

Безпаловъ *(одинъ)*.

Безпаловъ. Струсилъ, глупо струсилъ, точно подъ подушкой револьвера нѣтъ... Скверные у него были глаза... Когда у тебя деньги и вдругъ видишь такіе глаза—непріятно какъ-то. Всѣ они до моихъ денегъ добираются... всѣ! Теперь родственники ноги готовы лизать, а прежде, когда я только-что рѣшился... Всѣ въ одинъ голосъ: подлецъ, негодяй... Отвернулись. Думали, что одна Сибирь мнѣ мѣсто... А теперь? Теперь мой чередъ... забавляюсь. Да ужъ очень они алчны. Такъ на тебя и смотрятъ, какъ бы тебя растерзать, и старый и малый, дѣти даже. Кажется, одна Ольга... *(Задумывается)*. И та, кажется... Странная дѣвушка!.. А выровнялась какъ! Взялъ въ домъ—такъ себѣ дѣвчонка, а теперь... *(Страстнымъ шопотомъ)* Такая хорошенькая... кругленькая... бѣленькая и удивительно не жадна къ деньгамъ... *(Помолчавъ)* А быть-можетъ, хитрость? Видитъ—нравится, думаетъ—больше... Да что-жъ это она не идетъ?..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Безпаловъ и Ольга.

Ольга *(входитъ въ капотѣ и подаетъ букетъ цвѣтовъ)*.

Здравствуйте, дядя. Поздравляю васъ... Какой вы сегодня молодецъ...

Безпаловъ. Что-жъ такъ поздно, Ольга? Спасибо... твой букетъ мнѣ дороже всякихъ подарковъ, а поцѣлуй твой... Ты не разсердишься, какъ вчера?.. Нѣтъ?.. Я поцѣлую въ твои губки?.. Ишь какія свѣженькія, точно ягодки! *(Хочетъ поцѣловать въ губы, но Ольга подставляетъ щеку. Безпаловъ долго цѣлуетъ. Ольга отходитъ).*

Безпаловъ. Ну, ну, не сердись... Посмотри-ка! *(Показываетъ серьги).* Что-жъ ты не радуешься? Хороши сережки? Это тебѣ!

Ольга. Благодарю васъ...

Безпаловъ. Я для тебя все готовъ, для тебя одной... Вотъ посмотри-ка! *(Подводитъ Ольгу къ этажеркѣ).* Все это твое будетъ, если захочешь!..

Ольга. Что вы, дядя... Зачѣмъ это мнѣ?..

Безпаловъ. Какъ зачѣмъ? *(Удивленно)* Вѣдь тутъ... смотри, сколько брильянтовъ. Ты развѣ безсребренница? Развѣ не любишь камешковъ? Что-жъ ты молчишь? *(Беретъ Ольгу за руку и цѣлуетъ повыше локтя).*

Ольга *(отдергивая руку).* Щекотно, дядя.

Безпаловъ. Ужъ и щекотно?.. Да что ты меня все дядей зовешь?

Ольга *(смѣясь).* Да вы сами хотѣли, чтобы я васъ такъ звала. Прежде я васъ называла папашей. Хотите, я васъ опять буду звать папашей?.. *(Отдергивая руку)* Папаша!.. щекотно же, я вамъ говорю!

Безпаловъ *(раздражительно).* Какой я тебѣ папаша! Зови меня по имени.

Ольга. Извольте.

Безпаловъ. Теперь иди-ка сюда, что я тебѣ покажу! *(Подводитъ къ столу и показываетъ завѣщаніе)* Вотъ... посли смерти тебѣ двѣсти тысячъ. Видишь, какъ я тебя люблю, а ты?

Ольга. Благодарю васъ.

Безпаловъ. Такъ холодно?.. Этакія деньги, а ты хоть бы глазомъ моргнула.

Ольга. Вы знаете, я не падка на деньги...

Безпаловъ. Такъ ли? *(Смотритъ на Ольгу подозрительно)* Ты, быть-можетъ, много-много хочешь? За двѣсти тысячъ можно и поцѣловать. *(Подходитъ къ ней и цѣлуетъ ее).* И даже еще... еще... Вѣдь я старикъ... отечески... Я бы тебя, Оля, сдѣлалъ счастливой... Я бы... Ты меня не знаешь... Если я полюблю... Вѣдь ты такая красавица...

Ольга *(кокетливо).* Будто?

Безпаловъ. Ольга! Послушай... я одинокъ... никто меня не любитъ...

Ольга. А родственники?

Безпаловъ. Родственники? *(Смѣется).* Ну, поцѣлуй меня...

Ольга. Николай Васильевичъ... За что вы обижаете сироту?

Безпаловъ. Ну вотъ! Ты всегда такъ: то горда, то обижаешься... Я тебѣ много-много дамъ денегъ... Я для тебя все сдѣлаю, будешь жить царицей... Олечка, скажи одно слово...

Ольга. Какое это?

Безпаловъ *(шепчетъ на ухо).* Никто не узнаетъ!

Ольга *(встаетъ).* Быть вашей любовницей? И вамъ не стыдно предлагать это? Вы думаете, всѣ изъ-за вашихъ денегъ готовы продать себя? Вы ошибаетесь... очень... Я васъ уважаю, я вамъ за все благодарна, но... вы оскорбили меня, и я уѣду отъ васъ. Я буду трудиться, буду въ бѣдности...

Безпаловъ *(удивленно).* Какъ? Что?

Ольга. Я оставляю вашъ домъ...

Безпаловъ *(испуганно).* Что ты сказала?.. Что? Ты отказываешься отъ хорошей жизни... ты...

Ольга. Да, отказываюсь.

Безпаловъ. Ольга... Ольга... Оля... Не оставляй... не оставляй меня... *(Обнимаетъ Ольгу).*

Ольга *(уходя).* Оставьте... Вы оскорбили сироту. Я въ васъ уважала силу, умъ... а теперь... пеняйте на себя, Николай Васильевичъ! *(Уходитъ).*

Безпаловъ *(одинъ).*

Безпаловъ. Ольга, Ольга! *(Садится и задумывается)* Отказывается! Неужели она... не любитъ денегъ? Уйдетъ? Красавица... Нѣтъ!.. Она не уйдетъ! А что если жениться? Она уважаетъ меня... Ужъ не комедія ли? Не попался ли я въ сѣтку? Она умна. Она... *(Уходитъ въ раздумьи въ спальню).* Она, пожалуй, захочетъ тогда...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ветлужскій и Гриша.

Ветлужскій *(вполголоса).* Ты говоришь: опять новое?

Гриша. Да... разсердился третьяго-дня и новое написалъ.

Ветлужскій. Это которое завѣщаніе по счету?

Гриша. Да я ужъ и счетъ потерялъ... при мнѣ тридцатое... Сколько нотаріусамъ переплачено.

Ветлужскій. Гдѣ оно у него? Какъ бы... понимаешь, Гриша?

Гриша. Понимать-то понимаю, но...

Ветлужскій. Очень ужъ любопытно.

Гриша. Шея-то у меня, Владиміръ Александровичъ, своя.

Ветлужскій. Кто говоритъ о шеѣ... Всего только ключъ... не даромъ же... *(Подходитъ къ столу).*

Гриша. Что вы? Неравно выйдетъ, Владиміръ Александровичъ!..

Ветлужскій. Будь спокоенъ, слухъ у меня хорошій, и наконецъ скачокъ назадъ... вотъ этакъ. *(Отскакиваетъ, затѣмъ подходитъ къ столу и шаритъ между бумагами).* Ключъ подобрать не трудно, Гриша... Эге... Мы ищемъ звѣря, а онъ тутъ между бумагами... Старикъ, видно, того... къ смерти приближается... разсѣяннымъ сталъ... вотъ она, духовная... *(Переворачиваетъ)* Третьяго-дня только писана... *(Пробѣгаетъ)* «Находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти...» Ну, это по боку... Суть-то, главное... Вотъ: «Любезному моему племяннику Владиміру Ветлужскому сорокъ тысячъ и библіотеку...» Сорокъ тысячъ... Ай да дядя!

Гриша. А я упомянутъ?..

Ветлужскій. «Вѣрному моему личардѣ Григорію Петрову пять тысячъ и мое носильное платье».

Гриша. Вы шутите, Владиміръ Александровичъ?..

Ветлужскій. Какія шутки!.. Прочти самъ. *(Гриша подходитъ).* Видишь?..

Гриша. Вижу...

Ветлужскій. Ивинымъ... пятьдесятъ... Аннѣ Ѳедоровнѣ десять... А Ольгѣ Николаевнѣ-то... двѣсти... Двѣсти тысячъ, Гриша... Понимаешь? Ну, довольно... *(Кладетъ завѣщаніе на мѣсто и отходитъ).* И ключа не надо... Что, Гриша, какъ дядя?.. Скоро того?.. *(Смѣется).*

Гриша. Бодрится.

Ветлужскій. А докторъ что?

Гриша. Ѣздитъ.

Ветлужскій. Знаю, что ѣздитъ, но какая у него рожа?

Гриша *(смѣется).* Веселая... По пятнадцати рублей получаетъ.

Ветлужскій. Вотъ что! Ты смотри въ оба да мнѣ не медля дай знать, чуть что, а то Ивины, да Погонкина, да Козенъ... Самъ знаешь, что въ накладѣ не будешь... Слѣди и, чуть переписывать захочетъ, дай знать, а если умирать будетъ—не зѣвай...

Гриша. Будьте покойны...

Ветлужскій. А въ какомъ сегодня расположеніи?

Гриша. Какъ водится, въ ядовитомъ.

Ветлужскій. Такъ Богъ съ нимъ... Я пройду пока къ Ольгѣ Николаевнѣ... Вотъ не ожидалъ: двѣсти тысячъ... И за что?

Такъ себѣ, съ вѣтру взята... Ужъ не замышляетъ ли старый?.. Нѣтъ, не можетъ быть... Зачѣмъ бы тогда двѣсти тысячъ?.. Смотри же, Гриша!.. Ну, иди къ нему, а то разсердится... Вѣрно, богатая наслѣдница ужъ встала... у васъ всѣ рано встаютъ. *(Григорій уходитъ въ одни двери, Ветлужскій хочетъ уходить въ другія, но въ дверяхъ сталкивается съ Ивиными).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ветлужскій и Ивины.

Ветлужскій. А... молодые Аяксы... здравствуйте... Поздравлять?

Евгеній. Да...

Леонидъ. Ты, Володя, видѣлъ новую горничную?

Ветлужскій. Ну?..

Леонидъ. Не правда ли?..

Ветлужскій. Правда... *(Смѣется)* Ахъ ты, страстный воробей... Ну, что̀ мамаша?

Леонидъ. Да то же, что̀ и папаша!

Ветлужскій. А папаша?

Леонидъ. Не даетъ денегъ... Говоритъ, что нѣтъ денегъ... И самъ ищетъ денегъ.

Ветлужскій. И ты также?.. Похвально... Нынче всѣ ищутъ денегъ...

Евгеній. Тебѣ хорошо... Ты, говорятъ, много зарабатываешь?..

Ветлужскій. Мало ли глупостей говорятъ... Много!? Трачу тоже много... Сегодня въ Буффѣ, господа?

Леонидъ. Еще бы!..

Ветлужскій. Ну, до свиданія, молодые люди.

Евгеній. Что̀, дядюшка въ духѣ?

Ветлужскій. Да я его не видалъ... Одѣвается.

Евгеній. Куда же ты?

Ветлужскій. Пройду къ Ольгѣ Николаевнѣ... Сейчасъ вернусь!

Леонидъ. И я съ тобой... Тамъ Лизу увижу.

Ветлужскій. Лучше не ходи... Старикъ разсердится.

Евгеній. Конечно, Леонидъ. Мы подождемъ. *(Значительно мигаетъ брату).*

Ветлужскій. Счастливаго вамъ успѣха... *(Уходитъ).*

Ивины, *потомъ* **Лиза.**

Леонидъ. Ты думаешь, по скольку дастъ?..

Евгеній. По десяти.

Леонидъ. Только?.. Старый чортъ! Стоитъ изъ-за десяти рублей поздравлять!

Евгеній. Тсс... Какой ты глупый мальчишка, Леонидъ: кричишь!

Леонидъ. Этакій богачъ и не можетъ роднымъ племянникамъ больше дать... Правда, что у него милліонъ?

Евгеній. Около того.

Леонидъ. И все награбилъ?..

Евгеній. Что за выраженія... Ты думаешь, умно? Совсѣмъ глупо... Какое намъ дѣло, какъ онъ нажилъ?

Леонидъ. Ты вѣчно съ нравоученіями... Думаешь, такъ онъ намъ и оставитъ что-нибудь... Если бы знать, что не достанется, я-бъ ему приподнесъ чего-нибудь такого... *(Смѣется)* Никто бы не пожалѣлъ!..

Евгеній. Полно, братъ... Дядя и безъ того скоро умретъ...

Леонидъ. Жди...

Евгеній. А не то... Объявимъ его сумасшедшимъ... Отецъ объ этомъ серьезно думаетъ.

Леонидъ. Вотъ это умно... Браво!

Евгеній. Ты разболтай только...

Леонидъ. На цѣпуру!.. *(Хохочетъ).*

Евгеній. Да не кричи... болванъ! Изъ-за тебя всѣ мы наслѣдства лишимся. Развѣ не знаешь дядю?.. Вѣдь намъ по двадцати тысячъ.

Леонидъ *(свиститъ).* Ты вѣришь завѣщанію? Послѣ того онъ ихъ, быть-можетъ, двадцать написалъ... Ахъ, ты, ходячее благоразуміе... А... вотъ она... *(Бѣжитъ къ двери).* Лиза... Лиза!.. *(Лиза останавливается).* Вы куда?

Евгеній *подходитъ къ столу, останавливается и внимательно читаетъ сбоку.*

Лиза *(въ дверяхъ).* Никуда.

Евгеній. Всего сорокъ тысячъ... Все этой дѣвчонкѣ съ улицы...

Леонидъ *(обнимаетъ).* Милая!

Евгеній *(оборачиваясь).* Леонидъ!

Лиза *(вырываясь).* Оставьте. Какъ вамъ не стыдно!

Леонидъ. А вамъ не стыдно быть хорошенькой? *(Хочетъ поцѣловать).*

Лиза *(смѣясь).* Только смѣйте!

Евгеній. Леонидъ! Брось!

Лиза. Ну?

Леонидъ. Вотъ тебѣ и ну. *(Цѣлуетъ ее).*

Лиза. А вотъ и вамъ! *(Ударяетъ его по щекѣ и быстро уходитъ. Леонидъ бросается за ней).*

Евгеній *(подбѣгая къ дверямъ).* Леонидъ, Леонидъ! Этакій болванъ... еще скандалъ затѣетъ... Убѣжали... Надо отцу сказать... Вѣдь это чортъ знаетъ что. Роднымъ сорокъ тысячъ, а ей... Прекрасная невѣста! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Безпаловъ, Гриша, *потомъ* Лиза.

Безпаловъ. Посмотримъ!.. Теперь не уѣдетъ!.. Завтракъ въ часъ, въ столовой. Чтобы все какъ слѣдуетъ, вина побольше. *(Подходитъ къ столу, смотритъ бумаги и улыбается).* Кто-нибудь былъ?

Гриша. Владиміръ Александровичъ.

Безпаловъ. Уѣхалъ?

Гриша. Они пошли къ Ольгѣ Николаевнѣ.

Безпаловъ. А! И Ивины братья тутъ, вотъ и шляпы. Вѣрно, тоже тамъ? *(Вынимаетъ изъ кармана записочку)* Вотъ передай. *(Входитъ Лиза, запыхавшись).*

Лиза *(кланяется).* Со днемъ вашего ангела, Николай Васильевичъ.

Безпаловъ. Спасибо. Вотъ тебѣ. Ты что это такая красная?

Лиза. Бѣжала поздравить васъ, торопилась.

Безпаловъ. Поспѣла!.. Вотъ снеси Ольгѣ Николаевнѣ записочку. Скажи; что ѣду въ церковь. Да отдай въ руки. Поняла?

Лиза. Какъ не понять,—поняла.

Безпаловъ. Ужъ очень ты понятная, плутовка. *(Треплетъ ее по щекѣ. Къ Гришѣ)* Карета готова?

Гриша. Готова-съ.

Безпаловъ *(на ходу).* Если кто пріѣдетъ, проси подождать. Скоро вернусь изъ церкви.

Гриша *(подавая кашне).* Вы бы кашне, Николай Васильевичъ, надѣли. Сегодня прохладно, долго ли простудиться.

Безпаловъ. Спасибо, спасибо. Видишь, какой заботливый! *(Уходитъ въ дверь).*

Гриша. Помилуйте, какъ же! Развѣ я не цѣню... *(Уходитъ за нимъ и по дорогѣ шепчетъ Лизѣ)* Подожди меня!

ЯВЛЕНІЕ X.

Лиза *одна, потомъ* **Гриша.**

Лиза *(переворачивая въ рукахъ записку).* Вѣрно, опять какой-нибудь сюрпризъ. Только барышню одну и балуетъ, на одну ее и не скупъ. Счастливица! Сирота, чуть не съ улицы взята, а поди-жъ, теперь барышня, и какая гордая!

Входитъ Гриша.

Гриша *(протягивая руку).* Давай.

Лиза. А не дамъ.

Гриша. Не до шутокъ. Давай, говорю.

Лиза. Грубишь ты, Гриша, очень ужъ со мной. Прежде женись, а потомъ и груби.

Гриша. Подожди. Жениться вѣдь недолго. Ну-ка, давай. Запечатано?

Лиза *(протягивая письмо).* А еще бы.

Гриша. Стань у двери, да смотри въ оба.

Лиза подходитъ къ двери. Гриша распечатываетъ письмо на свѣчкѣ и читаетъ. На лицѣ изумленіе.

Лиза. Интересно?

Гриша. Ну, братъ, Лиза, не ожидалъ. Поди-жъ ты! То-то сегодня утромъ...

Лиза. Да ты скажи, что?

Гриша. Послѣ. Вотъ тебѣ и исторія... Исторія... Пойдетъ теперь у насъ новая линія, совсѣмъ новая.

Лиза. Гриша, скажи, голубчикъ...

Гриша. Неси записку, да, смотри, въ руки отдай... Исторія... Теперь, значитъ, никому ни шиша. Напрасно только я съ Ветлужскимъ... *(Къ Лизѣ)* Ну, ступай же.

Лиза. Скажи, что тамъ?

Гриша. Ей-Богу, послѣ скажу. Ступай. *(Лиза уходитъ).*

Григорій *одинъ.*

Гриша. Чудеса! Тоже выдумалъ, старая язва... Эхъ, кабы... *(Машетъ рукой)* Такъ бы, кажется, и придушилъ его, если-бъ не владимірка.

Занавѣсъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Безпаловъ.
Ольга.
Александръ Андреевичъ Ивинъ.
Агриппина Васильевна, его жена.
Евгеній } дѣти ихъ.
Леонидъ }
Маргарита Васильевна Козенъ (30 лѣтъ). } родственники Безпалова.
Ветлужскій.
Погонкина.
Вася, сынъ ея.
Меркулова.
Надинъ, ея дочь.
Князь Херсонскій, старикъ 60 лѣтъ.
Гриша.

Большая, роскошно убранная гостиная въ квартирѣ Безпалова. Посреди круглый столъ съ иллюстраціями, книгами и пр. Рояль. Вазы, цвѣты. Двѣ двери. Одна, противъ сцены, открыта настежь. Другая, въ кабинетъ, закрыта.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ольга и Ветлужскій.

Ольга *(проходя въ двери)*. Все это, быть-можетъ, и очень трогательно, но...

Ветлужскій. Но?

Ольга *(смѣясь)*. Мало вѣроятно... *(Оборачиваясь)*. А куда же скрылись Аяксы?

Ветлужскій. На бильярдѣ, вѣрно, играютъ. *(Горячо)* Но что тутъ невѣроятнаго, Ольга Николаевна?

Ольга. Весь романъ съ начала до конца. Однако что-жъ мы стоимъ? *(Смѣясь)* Согласитесь, что романическія исторіи гораздо удобнѣе слушать сидя... *(Садятся около круглаго стола)*.

Ветлужскій. Что-жъ, по-вашему, мой герой не могъ полюбить... полюбить искренно, страстно, надѣясь связать свою судьбу съ судьбой дѣвушки, и... *(Взглядываетъ на Ольгу и останавливается)*.

Ольга *(едва улыбаясь, продолжаетъ въ тонъ Ветлужскаго)*. И наслаждаться счастіемъ святыхъ семейныхъ узъ... Продолжайте, продолжайте. Вы, Владиміръ Александровичъ вѣдь одинаково хорошо говорите и въ судѣ, и въ гостиной, и въ кабинетѣ у дядюшки... Продолжайте...

Ветлужскій *(вскакивая)*. Ольга Николаевна! Вѣдь это... оскорбленіе...

Ольга. Будто?.. А играть комедію любви—не оскорбленіе?.. Вы, Ветлужскій, человѣкъ не глупый, но — простите за правду — актеръ неважный... Вамъ еще надо учиться на барышняхъ, которыя и послѣ скверной декламаціи падаютъ въ обморокъ и отдаютъ руку и сердце... Я не настолько наивна...

Ветлужскій. Въ наивности васъ, кажется, трудно заподозрѣть!

Ольга. Вы ужъ и злитесь?.. Еще не успѣли остыть на губахъ слова любви, а уже злитесь! *(Смѣется)* Нѣтъ, безъ шутокъ, Ветлужскій, вашъ романъ никуда не годится. Онъ сшитъ на живую нитку.

Ветлужскій. Такъ вотъ какая вы!

Ольга. А вы думали: какая?.. Вы думали: пришли, сказали: любилъ, люблю, буду любить, и я упаду въ ваши объятья... Вы полагали осчастливить сироту, безъ роду, безъ племени... говорить ли?

Ветлужскій *(зло)*. Отчего-жъ... Продолжайте...

Ольга. Но съ надеждой наслѣдства отъ вашего дядюшки. Это банально, Ветлужскій, даже для васъ... Развѣ вы не по-

мните, три года тому назадъ?.. Вѣдь и я не забыла. Или, быть-можетъ, вы забыли, но я помню...

Ветлужскій. Что̀ это: сцена изъ «Лукреціи Борджіа»?

Ольга. Нѣтъ, изъ современныхъ нравовъ... Такъ лучше бросимъ этотъ романъ, руку и сердце... Давайте смотрѣть картинки, въ ожиданіи родственниковъ... Что̀ вы глядите такъ свирѣпо?.. Кинжалы не въ модѣ... Сорвалось! ха-ха-ха... Сорвалось!.. *(Смѣется злымъ, сухимъ смѣхомъ).* Надъ вами смѣются... И кто же? Взятая съ улицы дѣвчонка... Вы помните эти слова, когда вы, послѣ неудачной попытки свести меня въ качествѣ гувернантки и любовницы съ Ивинымъ, расточали цвѣты краснорѣчія передъ дядюшкой. Я все знала, но ничего не говорила, и если говорю, то виноваты вы: зачѣмъ стали сочинять романы, и такіе плохіе... *(Смѣется)* А вѣдь три года назадъ и этотъ романъ я бы прочла съ удовольствіемъ, но... тогда духовнаго завѣщанія вы не читали.

Ветлужскій. Вы говорите недурно...

Ольга. Могла бы распинаться за вдовъ и сиротъ?

Ветлужскій. Съ успѣхомъ. Благодарю за урокъ и... умолкаю...

Ольга. Зачѣмъ же?.. Вы неглупый человѣкъ... Начните теперь хоть о Буффѣ... Переходъ самый естественный... Впрочемъ, даже и этого не надо... *(Оборачивается)* По шуму слышно, что сюда летитъ само веселье... сама Прекрасная Елена...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Козенъ, братья Ивины.

Козенъ *(ведетъ Леонида за ухо).* Скверный мальчишка, любопытный мальчишка... *(Хохочетъ)* Такъ цѣлуетъ свою тетку,—какая я вамъ, милый родственникъ, тетушка?—такъ цѣлуетъ, что даже мнѣ стало стыдно. *(Смѣется).*

Леонидъ *(вырываясь).* Это и видно.

Козенъ *(здороваясь съ Ольгой и Ветлужскимъ).* А дядюшка?..

Ольга. Въ церкви...

Козенъ. Въ церкви?.. Это ново!.. Ну, а вы, Ольга? *(Смотритъ на нее).* Сюрпризъ?.. Позвольте... *(Нагибается и смотритъ серьги).* Это новость. Чистая вода. Васъ старикъ нашъ балуетъ. На вашемъ мѣстѣ я бы его забрала въ руки, оставила бы всѣхъ родственниковъ съ носомъ — исключая меня, разумѣется. Мнѣ за совѣтъ пятьдесятъ тысячъ. *(Смѣется).*

Ветлужскій *(ехидно).* Ученаго учить—только портить.

Ольга *(смѣясь).* Совѣтъ недуренъ, но я такъ неопытна и, главное, боюсь его... *(Указывая на Ветлужскаго)* Онъ вѣдь, знаменитый адвокатъ, заведетъ процессъ. *(Смѣется).*

Ветлужскій. Непремѣнно.

Козенъ. Не врите. Вы притворяетесь злымъ, вы... *(Подходитъ къ нему и треплетъ его волосы).* Васъ можно стричь, только надо льстить вашему самолюбію. Оно у васъ... А вы, гадкій мальчишка, что̀ тамъ брату нашептываете?.. Вѣрно, какъ слѣдуетъ порядочному юношѣ, клевещете на меня... вѣдь это такъ правдоподобно, клеветать на меня!.. *(Подходитъ къ Ивинымъ).* Вотъ берите примѣръ со старшаго брата. Онъ благоразуменъ, солиденъ, какъ папаша, и такъ почтительно цѣлуетъ ручку у своей тетушки,—и то если мамаша не узна̀етъ,—что, глядя на этого молодого человѣка, невольно хочется сказать: милый, умный молодой человѣкъ, и, если онъ не разсердится, погладить его по головкѣ. *(Снимаетъ перчатку и гладитъ рукою, залитою брильянтами, Евгенія. Евгеній цѣлуетъ украдкой руку).* Никто не видалъ?.. ха, ха, ха! Что̀ же ко мнѣ? Вѣрно, папаша съ мамашей не пускаютъ? Боятся, что такія добродѣтельныя дѣти развратятся? *(Хохочетъ).* Ветлужскій, васъ точно побили. Старикъ, вѣрно, денегъ не далъ?..

Ветлужскій. Я не просилъ.

Козенъ. Счастливецъ! Значитъ, вамъ онѣ не нужны, а мнѣ онѣ всегда нужны. *(Присаживаясь къ Ольгѣ)* Гордая, суровая Ольга, будьте моимъ адвокатомъ передъ дядей.

Ольга. А вы сами?

Козенъ. Я такъ часто прошу, а старикъ такъ скупъ.

Ветлужскій. Вы умѣете такъ просить, что самый скупой и тотъ...

Козенъ. Видите ли, Ольга, какъ онъ притворяется злымъ? Я готова была бы не только просить его, но готова расцѣловать.

Леонидъ. За каждый вашъ поцѣлуй можно... тысячу рублей.

Козенъ *(хохочетъ).* Не жалѣйте, мальчикъ, цифръ, не жалѣйте, но когда у васъ будутъ тысячи, приходите ко мнѣ. Дядя ихъ такъ дорого не цѣнитъ, мой добродѣтельный мальчикъ. Нынче обѣщаютъ эти тысячи только такіе птенцы, какъ вы, гадкій мальчишка, и то потому только, что ихъ нѣтъ. Впрочемъ, знаете ли, господа, разъ со мною былъ этотъ сюрпризъ. За одинъ мой поцѣлуй... какъ вы думаете, что̀ мнѣ дали за одинъ поцѣлуй?

Ветлужскій *(иронически).* Жизнь?

Козенъ. Глупо, Ветлужскій. На что мнѣ жизнь?.. Я не кровожадная Клеопатра, а просто веселая Маргарита.

Ольга *(смѣясь).* Руку и сердце?

Козенъ. Это, моя милая, я получила отъ мужа, какъ вы знаете, по договору; это и поцѣлуя не сто̀итъ... *(Смѣется)* Вы не угадали, и я вамъ разскажу. Былъ здѣсь одинъ важ-

ный старикашка... впрочемъ, онъ и теперь еще живъ. Я тогда была моложе, лучше, свѣжѣй; онъ увидалъ меня въ театрѣ, и, какъ онъ говоритъ, ему захотѣлось во что бы то ни стало одинъ поцѣлуй. *(Смѣется)* Его слова услышали умные люди... Меня просили, и я къ нему поѣхала. Онъ былъ такъ же любопытенъ, какъ *(указывая на Леонида)* эта цвѣтущая невинность, и добродѣтеленъ, какъ можетъ быть добродѣтеленъ семидесятилѣтній старикъ. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и нюхалъ запахъ деревяннаго масла, горѣвшаго передъ образами; онъ былъ святъ и любилъ святость... *(смѣется)* въ старухахъ. Когда я вошла, мой святоша сперва осовѣлъ, потомъ... разумѣется *(передразнивая)*, «charmante, superbe... enchanteresse... если бы вы знали... enchanté...» и такъ далѣе. Сижу и смѣюсь.—«Подойдите...» Самъ чуть не плачетъ, и встать силы нѣтъ...—«Одинъ поцѣлуй... просите, что̀ хотите!»—«Зачѣмъ?» Опять подымается.—«Я васъ поймаю!» Я смѣюсь: куда ему поймать!—«Подойдите!» Ну, я и попросила подписать одну бумагу.—«Хоть двѣ...» За одинъ поцѣлуй—на большее онъ не былъ способенъ — я сдѣлала большое дѣло и получила на свою долю пятнадцать тысячъ.

Ветлужскій. Поцѣлуй дорого обошелся акціонерамъ.

Козенъ. Это до меня не касалось... Но только теперь такіе старикашки перевелись. Поцѣлуй — поцѣлуемъ, а комиссія— комиссіей. *(Смѣется)* Такъ какъ же, Ольга, могу я на васъ разсчитывать? *(Говоритъ съ ней вполголоса).*

Леонидъ *(показывая на дверь).* Вонъ еще идутъ. Пожалуй, дядя теперь не дастъ...

Евгеній. А кто же виноватъ?.. Вольно за горничными бѣгать.

Леонидъ. Я думаю, дастъ.

Евгеній. Думай. Ты всегда о пустякахъ думаешь.

Леонидъ. Вотъ гляди... Смѣшныя какія родственницы. Это наши тетушки... ха-ха! На улицѣ встрѣтиться стыдно. Я думаю, дастъ... Вѣдь въ Буффѣ во что бы то ни стало... У этой Франсуазы такія икры... такія... Даже фатеръ восхищался. Да смотри-жъ, Евгеній, какъ онѣ передъ зеркаломъ... Ха-ха-ха!

Ветлужскій. Вы чего, Аяксы?

Леонидъ показываетъ ему пальцами и киваетъ головой на дверь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Погонкина съ сыномъ, Меркулова съ дочерью.

Погонкина *(подталкивая сына).* Иди же, не бойся, Вася... все наши родственники. Да иди же! *(Подталкиваетъ его такъ.*

что онъ пробѣжалъ нѣсколько шаговъ и останавливается). Вася!.. налѣво... шаркни ножкой... *(Беретъ его и подводитъ къ Ольгѣ Николаевнѣ).* Еще разъ здравствуйте! Это Васенька, мой сынъ. Вася, шаркни ножкой. *(Вася шаркаетъ).* Маргарита Васильевна, васъ ли я вижу? Вася, шаркни ножкой... Все такая же красавица! *(Здоровается съ Козенъ).*

Меркулова. Надинъ! Tiens toi droite. *(Обдергиваетъ сзади платье).* Не заставьте краснѣть... Ольга Николаевна, вы не знакомы?.. Надинъ—моя дочь. *(Увидавъ Козенъ, быстро отворачивается и уводитъ дочь на другой конецъ).* Удивляюсь, какъ эту женщину братецъ принимаетъ. Надинъ, не слушай... Закрой уши.

Козенъ. Ха-ха-ха! Видали, какъ меня испугались? Да и вы молодецъ еще, Анна Ѳедоровна, право!

Ветлужскій *(подходя къ Ивинымъ).* Рѣдкіе экземпляры. *(Хихикаютъ).*

Ольга *(отходитъ къ фортепіано и перебираетъ пальцами).*

Погонкина *(подходитъ къ Ивинымъ).* Вася, шаркни ножкой. Это твои двоюродные братцы. *(Ивины небрежно здороваются).* А папенька и маменька будутъ?

Евгеній. Непремѣнно.

Леонидъ *(тихо).* Экое чучело!..

Погонкина. Какъ посмотрю, какіе вы вышли прелестные молодые люди. Я васъ вотъ какими знала. Еще тогда покойникъ-мужъ живъ былъ. Вы по какой части пойдете?

Евгеній. По судебной.

Погонкина. Отлично... прекрасно. Это превосходная часть, судебная: и благородно и выгодно.

Евгеній. Не особенно. Развѣ адвокатомъ...

Погонкина. Ну да, адвокатомъ, конечно. Мой Вася тоже будетъ по судебной. Ты, Вася, по судебной?.. Что-жъ, отвѣчай!..

Вася. Адвокатомъ.

Погонкина. Видите, и онъ... любитъ судебную часть. Способный мальчикъ! *(Отходитъ въ сторону).* А ты не забылъ стишки? Не забудь, смотри.

Вася. Нѣтъ, маменька, какъ можно. *(Про себя).* «Позвольте мнѣ, невинному дитяти, поздравить васъ отъ полноты души и пожелать... *(вспоминаетъ)* и пожелать... и пожелать... и пожелать...»

Погонкина. Что ты зарядилъ: пожелать, пожелать, пожелать!

Вася. «И пожелать...» Я забылъ, маменька.

Погонкина. Что?.. Ты съ ума сошелъ! Погляди... *(Подаетъ свертокъ).*

Вася. Мнѣ только одно слово. *(Смотритъ).* «Небесной... И пожелать небесной благодати». *(Повторяетъ про себя).*

Меркулова. Это все, Надинъ, родственники... Всѣ ждутъ смерти, какъ гіены. Ни въ комъ нѣтъ чувства.

Козенъ *(проходитъ мимо съ Ивиными).* Да... шикарна. Но въ «Timbal d'argent» она лучше.

Леонидъ. Но хуже васъ, ma tante.

Меркулова. Надинъ, заткни уши. Мерзкій мальчишка... Это Ивинъ. И отецъ у него развратный. И мать, хоть и сестра, а скверная... Всѣ они...

Козенъ. Вы бы, Ольга, сыграли. *(Ольга играетъ).*

Меркулова. А это... пріемышъ... то-есть такъ говорятъ... пріемышъ, а вѣрнѣе... Гляди, Nadine, какія серьги. Это все братецъ... все братецъ... Тебѣ, родной племянницѣ, какой-нибудь билетъ восточнаго займа... и то еще за фальшивый примутъ, а ей...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Ивины.

(Ивины важно проходятъ подъ руку. Ольга полуоборачивается и продолжаетъ играть. Ветлужскій подходитъ къ Ивинымъ, здоровается и идетъ за ними. Они проходятъ и садятся впереди. Ивины-дѣти быстро отходятъ отъ Козенъ. Она подходитъ къ Ольгѣ и облокачивается на рояль).

Козенъ. Добродѣтельные мальчики испугались папаши съ мамашей... ха, ха, ха!.. *(Хохочетъ).*

Ивина *(полуоборачиваясь на смѣхъ Козенъ).* И эта здѣсь? Ее никуда не пускаютъ, такъ хоть къ брату. *(Оглядываетъ присутствующихъ).* Преинтересный звѣринецъ... родственниковъ... *(Ивину).* И сестрица здѣсь...

Меркулова *(дочери).* Видишь... видишь, Надинъ, какъ эта выдра воображаетъ... Думаетъ, что жена генерала, извѣстнаго взяточника... Кареты... валансьенъ... Твой дядя ихъ очень хорошо знаетъ. Смотри, какъ они... Точно на какихъ-то лакеевъ смотрятъ. Да чего ты вытаращила на нихъ глаза?

Ивинъ *(тихо Ветлужскому).* А Козенъ еще сохранилась...

Ветлужскій. И очень...

Ивина *(мужу).* Ты что говоришь?

Ивинъ. Гмм... Я, Agrippine, говорю...

Ивина *(перебивая).* У тебя всякая юбка—красавица.

Ивинъ. Ну ужъ и всякая... *(Ветлужскому).* Что она, такъ же весело живетъ?

Ветлужскій *(смѣется).* Чего ей...

Евгеній *(подходитъ къ матери и шепчетъ ей).*

Ивина. Не можетъ быть!.. Александръ! *(Наклоняется и говоритъ ему на ухо).*

Ивинъ. C'est trop fort. Чортъ знаетъ какая дѣвчонка... дочь, говорятъ, тамъ какого-то дворника...

Ивина. А какъ себя держитъ.

Ивинъ *(ядовито).* Egalité, fraternité, liberté...

Погонкина *(подводя сына).* Вася! шаркни ножкой... Поцѣлуй ручку! Позвольте, ваше превосходительство, представить сына.

Ивинъ *(къ женѣ).* Кто это такая?

Ивина. Родственница, Анна Ѳедоровна.

Ивинъ. Очень радъ, очень радъ, Анна Ѳедотовна.

Погонкина. Ѳедоровна... Анна Ѳедоровна... Вашей супруги, Агриппины Васильевны, двоюродная сестра. Еще, помните, въ Курскѣ у васъ бывали... Садъ такой великолѣпный, въ саду бесѣдка...

Ивинъ. Какъ же, какъ же, бесѣдка... Очень радъ, очень... Славный молодой человѣкъ.

Ивина. А я-было васъ не узнала, Анна Ѳедоровна,—богатой быть... *(Протягиваетъ руку. Погонкина лѣзетъ цѣловаться. Ивина обтираетъ губы и тихо Евгенію)* Вотъ пристала! *(Громко)* Милый мальчикъ! *(Треплетъ по щекѣ).*

Погонкина. Единственный, Агриппина Васильевна, но зато способный. Онъ тоже по судебной части думаетъ, какъ и ваши прелестные сынки... Леонидъ Александровичъ — живой вашъ портретъ, сестрица.

Козенъ *(смѣется).* Анна Ѳедоровна не утерпѣла-таки, любитъ родственную кровь.

Ольга. Да... Терпѣливая женщина... Безпаловъ надъ ней потѣшается, она все сноситъ. Средствъ нѣтъ. Вы, Маргарита Васильевна, видно, бѣдности не знавали?

Козенъ. И не желаю знать. *(Ольга перестаетъ играть и говоритъ съ Козенъ).*

Ивинъ. *(Ветлужскому, показывая на Ольгу).* Эта дѣвица выровнялась... хорошо сложена...

Ветлужскій. И, кажется, питаетъ замыслы на Николая Васильевича. По-моему, на это надо обратить вниманіе. Такая красивая и рѣшительная дѣвушка.

Ивинъ. Я уже объ этомъ подумалъ... подумалъ. Намъ надо вмѣстѣ подумать.

Ивина *(Леониду).* Видѣли дядю?

Леонидъ. Нѣтъ, мама. Онъ уѣхалъ въ церковь.

Евгеній. Одѣвался... мы въ это время у этой барышни сидѣли. Видѣли, мама, какія новыя серьги ей подарилъ дядя? *(Ивина смотритъ въ лорнетъ).*

Погонкина. А вы, сестрица, все на той же квартирѣ?

Ивина *(дѣлаетъ видъ, что не слышитъ).* Какія наглыя манеры! Чего онѣ смѣются! *(Отворачивается).*

Погонкина *(громче).* А вы, сестрица, все на той же квартирѣ?

Ивина *(не отвѣчаетъ. Тихо сыну).* C'est embêtant enfin... Двѣсти тысячъ!!.

Погонкина *(отходитъ съ сыномъ).* Горды они очень стали, Вася. Пойдемъ. Вотъ какъ мы выиграемъ съ тобой двѣсти тысячъ на дядинъ билетъ, тогда посмотримъ, каковы они будутъ. Ты тогда къ нимъ на лошади подъѣдешь... красавцемъ. Тогда увидимъ... Смотри, Вася, стишковъ не забудь.

Вася. Нѣтъ, маменька, нѣтъ. *(Повторяетъ)* «Позвольте мнѣ, невинному дитяти, поздравить васъ отъ полноты души... и пожелать...» Маменька! У меня животъ болитъ!

Погонкина. Вотъ нашелъ время! Дядя именинникъ, а у него болитъ животъ! Очень?

Вася. Очень, маменька!

Погонкина. Ахъ, ты дуракъ, дуракъ! Пойдемъ, только, смотри, стишки не забудь. Какъ дядя придетъ... *(Уходятъ и черезъ нѣсколько времени возвращаются).*

Козенъ *(громко).* Вотъ и дядя! *(Всѣ встрепенулись).* Нѣтъ никого... *(Хохочетъ).* Фальшивая тревога.

Ивина. Это чортъ знаетъ что̀ такое. Эта дама ничѣмъ не стѣсняется.

Ивинъ. Вообще вашъ братецъ отличается. Вы бы ему сказали: вѣдь я его тогда спасъ.

Ивина. Дешево спасали, а теперь сами говорите съ нимъ.

Ивинъ *(значительно).* Мы съ докторомъ поговоримъ, и наконецъ правительство не потерпитъ, чтобы права собственности... родство... *(Къ Ветлужскому)* По-моему, Безпаловъ того... *(показываетъ на голову).*

Ветлужскій. Есть грѣшокъ! Вы сегодня будете на бенефисѣ?

Ивинъ. Какъ же, какъ же... Сперва маленькое засѣданіе, а потомъ проѣду въ театръ. Жюдикъ въ этой роли должна быть очаровательна... *(Чмокаетъ губами)* Откровенный костюмъ... *(Смѣется).*

Леонидъ. Папа, и мы пойдемъ.

Ивинъ. Идите, если мать пуститъ. Это ваше дѣло. *(Ветлужскому).* Вы завтра, пожалуйста, ко мнѣ пораньше, прямо въ кабинетъ, скажите дежурному чиновнику ваше имя, чтобы не ждать, иначе придется вамъ долго дожидаться. Пріемный день, и—вы понимаете—много разнаго народа. Служба!

Евгеній *(подходитъ къ отцу)*. Папа, дядя пріѣхалъ.

Ивинъ. Ну что-жъ!? *(Оборачивается и привстаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Безпаловъ.

(При входѣ Безпалова всѣ встаютъ, исключая Ольги. Она сидитъ у рояля, полуобернувшись ко всѣмъ, и холодно смотритъ).

Безпаловъ *(входитъ съ просфорой въ рукахъ)*. А! добрые родственники! Очень радъ. *(Всѣ кланяются)*. Маргарита Васильевна! *(Цѣлуется съ ней)* Попрежнему цвѣтете?

Козенъ *(смѣется и тихо)*. И попрежнему безъ денегъ...

Безпаловъ. Вамъ и государственнаго казначейства мало.

Козенъ. Ну, съ нимъ бы я справилась. Вотъ вамъ моя работа! *(Подаетъ туфли)*.

Безпаловъ *(смѣясь)*. Отъ Дарзанса?

Козенъ. Даровому коню въ зубы не смотрятъ!

Погонкина *(со времени прихода Безпалова въ ажитаціи: то подталкиваетъ Васю, то тащитъ его за рукавъ назадъ)*. Ну, теперь иди. Не робѣй, голубчикъ! Нѣтъ... назадъ! *(Дергаетъ его назадъ)*. Этотъ степной звѣрь всего братца заслонилъ!

Безпаловъ *(къ Ивину)*. Давненько не видались! Вашему превосходительству! *(Хочетъ пройти навстрѣчу къ Ивину, но въ это время Вася, получивъ отъ Погонкиной толчокъ, стоитъ въ позѣ передъ Безпаловымъ. Погонкина нѣсколько сзади. За ней Меркулова съ дочерью)*.

Меркулова *(тихо)*. Ишь, пролѣзла-таки съ сыномъ. Сокровище! *(Хочетъ пройти впередъ, но Погонкина дѣлаетъ снова движеніе, и Меркулова остается сзади)*.

Вася *(декламируетъ)*:

Позвольте мнѣ, невинному дитяти,
Поздравить васъ отъ глубины души
И пожелать..

Погонкина *(качаетъ въ тактъ головой: Вся ея фигура изображаетъ умиленіе)*. Ну, вспомни.

Вася *(продолжаетъ)*:

И пожелать небесной благодати,
А въ сердцѣ сладостной тиши.

Леонидъ *(хихикая)*. Тиши, тиши... Ай да стихи!

Погонкина *(оборачиваясь)*. А вы и такихъ не сочините.

Вася *(продолжаетъ)*:

Не нужно мнѣ сребра и злата,
Я жажду видѣть всей душой

Счастливымъ маминаго брата,
Мой добрый дядя, дорогой!

Ветлужскій *(Ивинымъ)*. Представленье?

Вася *(продолжаетъ)*:

Не нужно камней драгопѣнныхъ...

Безпаловъ. Спасибо, спасибо, Вася. Это ты самъ?

Вася.

Мѣховъ не нужно и парчи...

Безпаловъ. Спасибо... *(Беретъ его и цѣлуетъ)*.

Погонкина. Вася, шаркни ножкой.

Безпаловъ. Вотъ тебѣ... хоть ты и не желаешь злата, а оно все пригодится... *(Даетъ полуимперіалъ)*.

Погонкина. Вася! шаркни ножкой... Поцѣлуй ручку!

Безпаловъ. Не надо, не надо. Сестрица! Пожалуйста! *(Погонкина отступаетъ, держа за руку сына, и не безъ гордости проходитъ мимо родственниковъ)*.

Меркулова *(торжественно)*. Братъ! Мы люди бѣдные... люди горя. Мы словъ говорить не умѣемъ, что на сердцѣ, то на языкѣ. *(Мелодраматически)*. Будьте счастливы, братъ! *(Цѣлуется и толкаетъ впередъ Надю)*. Сирота! Иди!

Надя *(конфузясь)*. Поздравляю васъ, дорогой дяденька... *(Безпаловъ цѣлуется и лѣзетъ въ карманъ)*.

Меркулова *(тихо)*. Avez-vous oubliez?

Надя *(конфузясь еще болѣе)*. Когда персидскаго царя Ксантиппа вопросили, что онъ для себя желаетъ... *(останавливается)*.

Ветлужскій. Древняя исторія!

Леонидъ. А изъ дѣвочки выйдетъ прокъ... Плечики какія кругленькія!..

Безпаловъ. Что же онъ пожелалъ?

Надя. То сей великій государь отвѣтствовалъ: «здоровья тѣла и здоровья души я желаю вамъ».

Безпаловъ *(улыбаясь, взглядываетъ на Меркулову)*. Благодарю... Спасибо, Надя... *(Даетъ имперіалъ)*.

Меркулова. Напрасно, братъ, вы профанируете чувство... дѣвочки... Чувство вѣчно, металлъ преходящъ.

Безпаловъ. Это Надино дѣло... Она, быть-можетъ, купитъ себѣ... новую персидскую исторію.

Меркулова *(отходя, тихо)*. Combien?..

Надя. Cinq roubles...

Меркулова. По курсу цѣлыхъ восемь выйдетъ... *(Со злобой)*. Плюшкинъ!

Безпаловъ *(здоровается съ Ивиными, съ Ветлужскимъ; всѣ его поздравляютъ)*. Вотъ здоровье только плохо... Старъ становлюсь...

Ивинъ *(смѣется)*. Что вы, Николай Васильевичъ, вы еще молодцомъ...

Ивина. Право, братъ... Ты, на мой взглядъ, лучше... Князь у тебя былъ?

Безпаловъ. Нѣтъ еще... Утѣшаете вы меня... И за то спасибо. *(Къ Ивинымъ дѣтямъ)* Вамъ, молодые люди, вотъ на театръ... Ну а ты, племянникъ, какъ поживаешь?..

Ветлужскій. Какъ всегда...

Безпаловъ. Еще не нашелъ богатой невѣсты?

Ветлужскій. Была, да сорвалась.

Безпаловъ *(подозрительно)*. Это кто же такая?..

Ветлужскій. Вдова одна... *(Смѣется)*.

Безпаловъ. Съ твоимъ умомъ какъ не найти! *(Идетъ къ Ольгѣ)*. Ты сердишься? Ты получила письмо?

Ольга. Получила...

Безпаловъ *(перебивая)*. Послѣ, послѣ поговоримъ... Что-жъ ты въ сторонѣ?.. Ну... ну, какъ знаешь!.. Я къ Ивину пойду... дѣло... *(Идетъ къ Ивинымъ. Ольга смотритъ вслѣдъ и улыбается)*.

Ольга *(Козенъ)*. Разскажите что-нибудь, Маргарита Васильевна...

Козенъ *(ласково)*. Что съ вами... точно горе?..

Ольга. У меня?.. *(Улыбается)* Какое?.. Такъ, хандра... *(Уходятъ подъ руку въ другія комнаты, Погонкина съ сыномъ тоже)*.

Безпаловъ *(подсаживаясь къ Ивину)*. А я къ вамъ, Александръ Александровичъ, собирался... съ просьбой...

Ивинъ. Вы... съ просьбой, Николай Васильевичъ?.. Это рѣдкость, и я, конечно, радъ...

Безпаловъ. Видите ли... Одинъ изъ моихъ племянниковъ— вѣдь ихъ у меня сотня наберется, если не больше—увлекся и... мать проситъ... *(Шепчетъ на ухо)*.

Ивинъ. Это дѣло серьезное... Очень даже серьезное... Я не предрѣшаю, конечно, вопроса, но не могу не констатировать факта...

Безпаловъ. Да что тутъ серьезнаго?.. Неужели всякая глупость у васъ, у административныхъ свѣтилъ, такъ серьезна...

Ивинъ. Глупость глупости рознь, милѣйшій Николай Васильевичъ... Въ этой глупости, какъ вамъ угодно называть, мы усматриваемъ подрывъ основамъ цивилизаціи... вы понимаете, собственности, семьи, религіи...

Безпаловъ *(смѣясь)*. Что касается собственности, то... всякій до нея охотникъ, и если правду говорить, и мы съ вами не прочь, а?..

Ивинъ. Мы охраняемъ ее...

Безпаловъ. Ну... ну... съ вами не сговоришь... Положимъ, что и вы ее охраняете, господа, но дѣло не въ томъ... Нельзя ли племянника спасти? У васъ тамъ связи...

Ивинъ. Это, право, трудно...

Безпаловъ. Эхъ, Александръ Александровичъ, какой вы стали охранитель... Помните, мы съ вами и трудныя дѣла дѣлали...

Ивинъ. Помню... помню... Если бы не я, вамъ бы...

Безпаловъ. То-есть, если бы не пятьдесятъ тысячъ... Но что за охота мыть старое бѣлье... Я бы съ удовольствіемъ, если за хлопоты нужно... Пройдемте въ кабинетъ, а то Меркулова насторожила уши... *(Беретъ его подъ руку и уводитъ).*

Меркулова. Пойдемъ, Надинъ... Эта выдра *(указывая на сестру)* такъ смотритъ, точно съѣсть хочетъ... Пойдемъ!.. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и князь Херсонскій.

Князь. Гдѣ же дорогой именинникъ?..

Ивина *(подбѣгаетъ).* Mon prince...

Князь. Не узнаю... извините... не узнаю... Память плоха... Заботъ столько, столько...

Ивина. Ивина...

Князь. А... Charmé! *(Въ сторону)* Ей-Богу забылъ!

Ивина. Сюда, князь... Вотъ мои дѣти... Леонидъ, бѣги къ дядѣ... Учатся... Какъ ваше здоровье, князь?

Князь. Здоровье?.. Гдѣ намъ взять здоровья... *(Къ Ветлужскому).* Молодой человѣкъ!. Гдѣ я васъ встрѣчалъ?.. Ваше лицо мнѣ что-то знакомо?..

Ветлужскій *(подходя).* Ей-Богу не припомню, князь...

Князь. Тоже память плоха...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Безпаловъ и Ивинъ.

Безпаловъ. Князь... Какъ я радъ...

Князь. Ну... со днемъ ангела... Очень доволенъ... отрадно... въ кругу родственниковъ... Вотъ и подарокъ за вашу дѣятельность. *(Подаетъ орденъ).* Очень радъ...

Безпаловъ. Князь...

Князь. Не благодарите... Мы васъ еще попросимъ... Видите ли, учреждается общество благотворительности...

Безпаловъ *(морщась).* Вы знаете, я всегда готовъ.

Князь. Знаю... знаю... Я еще вамъ долженъ...

Безпаловъ. Пустяки, князь...

Князь. Ну, некогда... До свиданія... Такъ вы пріѣдете ко мнѣ... Общество самое благотворительное... *(Безпаловъ провожаетъ и возвращается).*

Безпаловъ. Старая развалина... Онъ и такъ ужъ перебралъ у меня... *(Къ Ивину).* Значитъ, хоть вопросъ и серьезенъ, но племянника вы выручите... Не особенно трудное дѣло...

Ивинъ. Вы, Николай Васильевичъ, магъ и волшебникъ...

Безпаловъ. Ну, господа... прошу теперь закусить... Пожалуйте... Сестра... Дѣти, ступайте... *(Всѣ уходятъ)* Меня не ждите... Знаете... катарръ... *(Подходитъ къ двери и зоветъ Ольгу).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Безпаловъ и Ольга.

Безпаловъ *(притворяетъ двери).* Письмо удивило тебя?

Ольга. Нѣтъ.

Безпаловъ. Какъ нѣтъ? *(Подозрительно)* Развѣ ты этого ждала?..

Ольга. Нѣтъ, не ждала, но что-жъ тутъ удивительнаго?

Безпаловъ. Я старъ... ты молода... развѣ можно любить меня?

Ольга. Но вѣдь я васъ и не люблю...

Безпаловъ. Значитъ, ты не согласна?

Ольга. Напротивъ...

Безпаловъ. Тебя прельщаетъ состояніе?..

Ольга. Какъ васъ испортили родственники, вы даже и меня готовы подозрѣвать!.. Развѣ я не могла бы прямо сказать: не хочу? Вы, кажется, знаете, что я всегда дѣйствую прямо...

Безпаловъ. Конечно, могла бы...

Ольга. И однако я не говорю этого; напротивъ, прямо говорю: согласна... Я васъ не люблю, разсказывать о любви было бы глупо, но я помню все, что вы для меня сдѣлали... *(Съ чувствомъ)* Я уважаю въ васъ силу и не обману вашего довѣрія... Что мнѣ деньги? Вы вѣдь знаете, жадна ли я до нихъ...

Безпаловъ. Правду ты говоришь?..

Ольга *(улыбаясь).* Опять?..

Безпаловъ. Но вѣдь я раздражителенъ, капризенъ, ревнивъ...

Ольга. Я постараюсь утѣшить васъ... Я не подамъ повода ревновать. Вы знаете мою жизнь... Вы спасли меня отъ нищеты, отъ грязи, отъ перспективы замужества съ пьянымъ чиновникомъ; хоть я и молода, но я много испытала. Я не сентиментальная барышня...

Безпаловъ *(беря ее за руку)*. Ольга!.. Неужели ты правду говоришь? Повтори еще разъ!

Ольга *(улыбаясь)*. Согласна.

Безпаловъ. Вѣдь я одинокъ, совсѣмъ одинокъ, нѣтъ близкаго человѣка... Родственники? Ихъ, правда, много, но вѣдь развѣ кто-нибудь изъ нихъ привязанъ ко мнѣ... Они ждутъ смерти и наслѣдства... Иногда въ моемъ богатомъ одиночествѣ такая тоска, такая тоска... Я грѣшилъ, но неужели же грѣхи такъ тяжки, и я умру одинокимъ... съ вѣчнымъ подозрѣніемъ... Вѣдь нѣтъ?.. *(Обнимаетъ ее. Ольга вздрагиваетъ)*.

Безпаловъ *(подозрительно)*. Ты что это?.. Тебѣ... противно? Ты... меня обманываешь?

Ольга *(рѣшительно)*. Что вы?.. *(Цѣлуетъ его)*.

Безпаловъ. Спасибо тебѣ, мой ангелъ... Сегодня я получилъ самый цѣнный подарокъ... Пока никому ни слова... Мы родственникамъ устроимъ сюрпризъ... А свадьба скорѣй... скорѣй... Пойдемъ, моя красавица... пойдемъ... *(Проходитъ впередъ)*.

Ольга *(останавливаясь)*. Наконецъ-то!

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ III.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Безпаловъ.
Ольга.
Ивинъ.
Ивина.
Евгеній.
Ветлужскій.
Солопова. Ветхая старуха. Тетка **Безпалова.**
Козенъ.
Безпаловъ, Петръ Васильевичъ, братъ **Николая Васильевича.** Горькій пьяница, безъ занятій.
Погонкина.
Меркулова.
Безумовъ. Молодой человѣкъ. Художникъ.
Перцовъ. Праздношатающійся молодой человѣкъ.
Чижъ. Молодой врачъ.
Неизвѣстный родственникъ.
Гриша.

Кабинетъ Безпалова.

Между вторымъ и третьимъ дѣйствіями проходятъ двѣ недѣли.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гриша *(одинъ)*.

(Гриша зажигаетъ въ кабинетѣ лампу и свѣчи, ставитъ лѣкарство, воду и газету на маленькій столикъ, къ которому

придвигаетъ кресло. Двери въ гостиную открыты. Оттуда слышна порывистая, нервная игра, сперва минорная соната, которая вдругъ на серединѣ обрывается, затѣмъ оффенбаховскіе мотивы и снова минорные тоскливые звуки).

Гриша *(смотритъ на часы).* Седьмой часъ, а его нѣтъ! И не обѣдалъ дома... Гдѣ ему быть?.. Съ утра сегодня такой ехидный. Засмѣется, ровно змій ядовитый. Зашипѣлъ это утромъ *(передразнивая):* «Скоро смерть моя, Гриша. Чувствую, говоритъ, скоро. Ты радъ будешь?..» А самъ смѣется тихо такъ, старый дьяволъ! То-есть такъ бы и плюнулъ ему въ рожу!.. Сперва думаю: опять представленіе разыгрываетъ, но какъ закашлялся да посинѣлъ... *(Смѣется).* Пора, видно, старому чорту... На томъ свѣтѣ давно паекъ идетъ... А еще жениться выдумалъ, приданое шьютъ... Это еще мы посмотримъ... посмотримъ! *(Вынимаетъ изъ кармана письмо).* Какъ это понравится!.. *(Смѣется).* Каково на вкусъ той-то? *(Машетъ головой на дверь).* И чего она этакое все... терзательное играетъ, надоѣла даже... Ей бы теперь тра-ла-ла да тра-ла-лю... Какъ ты завтра-то заиграешь послѣ этого... *(Вертитъ письмо и кладетъ его въ карманъ).* Триста рубликовъ за него получено... *(Подходитъ къ этажеркѣ и открываетъ вещи въ футлярахъ).* Любитъ, старый чортъ, эти вещи на виду держать. Хорошій перстенекъ! *(Надѣваетъ на палецъ перстень).* Какъ разъ! Рублей, пожалуй, пятьсотъ... Спрятать развѣ? А потомъ въ гостяхъ, либо въ театрѣ на... *(вертитъ на свѣту палецъ)* съѣшь... Откудова? Изъ брильянтовой лавки куплено... *(Смѣется).* И куда онъ поѣхалъ? *(Кладетъ перстень обратно).* Собирался... охаетъ, кряхтитъ... Скверно, говоритъ, Гриша... Если бы да только скорѣй... Надоѣло въ этомъ проклятомъ домѣ: если бы не доходы, давно бы плюнулъ... Да, да! Около денегъ ходишь, деньги сбираешь! Пять тысячъ ровно съ этими тремя сотнягами за письмо... да еще, коли свадьба разстроится, Ивинъ обѣщалъ да Ветлужскій... Имъ свадьбу *(мотаетъ головой въ гостиную)* хочется разстроить. Орудуютъ... Лизѣ перепало... Она это письмецо ловко... *(Смѣется).* Бой-дѣвка!.. Скорѣй бы только ему сдохнуть, тогда... Небось, кафе-ресторана не открою... Мнѣ знакомый купецъ недавно говорилъ: теперь, говоритъ, можно очень хорошо капиталъ пристроить, если кожу или что другое для арміи... Процентъ, говоритъ, такой... такой... То-то бы!.. Сегодня Гриша, а завтра Григорій Ивановичъ... подрядчикъ, либо маркитантъ... Нынче, слава Богу, цивилизація для всѣхъ... Теперь я лакей, а черезъ мѣсяцъ... *(садится въ кресло)* господинъ Григорій Ивановичъ Петровъ... Примѣровъ немало: только бы деньги...

Съ деньгами я самъ тогда могу все себѣ предоставить... Лизу по боку... Этакъ полковницкую дочь, чтобы по-французски: бонжуръ, оревуаръ... На вечерѣ въ кадрели... *(Подъ звуки оффенбаховскаго мотива слегка канканируетъ).* Нынче для всѣхъ свободно... Сашка камердинеръ былъ, а теперь Александръ Петровичъ... ваше... *(Смѣется).* Опять жалостное!.. То-то заиграешь, какъ это письмецо... Носъ-то опустишь!.. *(Подходитъ къ этажеркѣ).* Развѣ взять? А въ случаѣ чего въ спальню сунуть, а не то, много тутъ публики бываетъ... родственниковъ... *(Беретъ футляръ).* А разсчетъ?.. Побоится... Привыкъ. И зачѣмъ онъ такія вещи на показъ кладетъ, будто нарочно людей соблазнять... дьяволъ!.. А то положить? Еще успѣю... *(Кладетъ на мѣсто).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Ольга и Гриша.

Ольга. Николай Васильевичъ не говорилъ, когда вернется?

Гриша. Нѣтъ-съ. Ничего не говорили.

Ольга. Что онъ, здоровъ былъ, какъ уѣхалъ?

Гриша. Совсѣмъ нехороши были, вовсе плохи, вотъ уже съ недѣлю... все о смерти говорятъ. Вы бы, барышня, посовѣтовали барину стараго доктора вернуть, а то новый, молодой, только знай себѣ постукиваетъ, а лѣкарства ни-ни... Старый не стукалъ, а каждый разъ лѣкарство... Богъ знаетъ, какой онъ докторъ...

Ольга. Онъ докторъ хорошій.

Гриша. Дай Богъ, дай Богъ... *(Льстиво)* Вы, Ольга Николаевна, не обезсудьте простого человѣка... простите... Лиза все спрашиваетъ: правда, говорятъ, вы замужъ выходите?..

Ольга *(строго).* Что вы вздоръ говорите, Григорій!

Гриша. Простите, барышня... Я такъ... *(Уходя)* Ишь ты!.. Еще, братъ, попадешься... Подцѣпимъ!..

Ольга *(одна).*

Ольга *(ходитъ).* Глупое состояніе какое. Совсѣмъ рѣшилась, а все-таки... Какъ вообразишь себѣ: этакій старый, гадкій, гнилой... фуй! *(Вздрагиваетъ).* Нервы... капель принять... Странно, что онъ будто избѣгаетъ меня нѣсколько дней... Подозрѣваетъ, что ли? Ну что-жъ... я на все готова. Сегодня же узнаю... *(Нѣсколько времени молчитъ).* Пять лѣтъ лицемѣрія, пять лѣтъ выдержки, и все-таки... Вѣдь только физически противно. Долго онъ не проживетъ. По словамъ стараго доктора, самое большее—годъ... Одинъ только годъ—и я буду свободна... богата... Надо успокоить его... Но гдѣ же онъ?.. чего онъ не ѣдетъ? *(Садится и задумывается).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Ольга и Безумовъ.

Безумовъ *(тихо входя)*. Ольга Николаевна!

Ольга *(вздрагивая)*. Ахъ!.. *(Вскакиваетъ)*. Зачѣмъ вы пришли?.. Что вы?..

Безумовъ. Что-жъ тутъ страннаго, что я пришелъ?.. Кажется, не первый разъ. Я пришелъ еще разъ попытаться остановить васъ.

Ольга. Напрасно... Я рѣшилась.

Безумовъ. Вѣдь вы губите себя...

Ольга. Знаю... Всѣ эти слова вы уже написали въ письмѣ, и я вамъ отвѣчала...

Безумовъ. Я не получалъ вашего письма.

Ольга. Какъ не получали? Не можетъ быть, я послала его съ вѣрнымъ человѣкомъ.

Безумовъ. Но я его не получалъ...

Ольга. Странно... очень странно... Идите скорѣй домой... узнайте, быть-можетъ, вамъ забыли отдать. Ради Бога, идите скорѣй...

Безумовъ. Какъ вы боитесь!..

Ольга. Да, боюсь. Какая-нибудь глупость разстроитъ мою свадьбу... Идите...

Безумовъ. Но, Ольга Николаевна... выслушайте...

Ольга. Я васъ выслушаю, только не здѣсь... Узнайте о письмѣ и отвѣчайте на имя Маргариты Васильевны. И больше не пишите. Я рѣшилась... Ваши пылкія слова безполезны.

Безумовъ. Вы продаете себя?..

Ольга. Продаю.

Безумовъ. Вѣдь это самоубійство. Если вамъ не жаль другихъ, то пожалѣйте себя.

Ольга. Опять?.. Значитъ, не жаль ни другихъ ни себя. Всего годъ, а тамъ... *(Встряхиваетъ головой)*. И если вы... Впрочемъ, я глупости говорю... Нѣтъ, вы, мужчины... мягки. Вамъ подлость въ женщинѣ даже нравится. Вы вернетесь и предложите богатой вдовѣ руку и сердце.

Безумовъ. Что вы говорите... Подумайте!

Ольга. Безумовъ! безъ мелодрамы... И съ какого права? Вы любите, но вѣдь я вамъ не признавалась... Идите же, идите. *(Беретъ его за руку и уходитъ вмѣстѣ съ нимъ)*. И не думайте приходить сюда, пока я не позволю!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Погонкина и Гриша.

Гриша *(останавливая Погонкину у кабинета)*. Туда никакъ нельзя-съ...

Погонкина. Это отчего?

Гриша. Оттого, что никакъ невозможно.

Погонкина. Братецъ боленъ, братцу хуже... Еще утромъ онъ жаловался и приказалъ придти. Я хочу его видѣть, быть при немъ... Кровь-то родная...

Гриша. Да барина нѣтъ...

Погонкина. Какъ нѣтъ?

Гриша. Да такъ... умерли!

Погонкина. Ахъ, ты... Развѣ такъ можно шутить! Вотъ я братцу скажу... Будь, голубчикъ, спокоенъ, скажу. *(Кричитъ въ двери)* Братецъ! Братецъ!

Гриша. Я говорю вамъ: умерли!..

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и братья Безпаловы.

Петръ Безпаловъ. Ха-ха-ха... Подлецъ Гришка блокируетъ Анну Ѳедоровну, а сестрица форсируетъ проходъ... Сестра!.. Приди въ мои объятія! Рано прилетѣла! Еще нашъ милліонеръ живъ... живъ... *(Къ Безпалову)* Давай же красненькую. Не будь жидоморомъ... Пора перестать...

Безпаловъ. Закутишь?

П. Безпаловъ. А тебѣ-то что?.. Ты не кутишь, ну, твое счастье... Вотъ милліонеръ отъ трезвой жизни и разныхъ фокусовъ... а я... нищій, но я веселъ, а ты ада боишься... Я чертей боюсь при жизни, иногда вижу ихъ въ стаканѣ, а ты боишься впереди... Ну, братъ, ничего... Я вѣдь рѣдкій гость... Давай...

Погонкина. Какъ ваше здоровье, братецъ?

П. Безпаловъ. Скоро... скоро умретъ! *(Смѣется).* Вамъ десять тысячъ по самому послѣднему завѣщанію... Только-что пятидесятое сдѣлалъ.

Безпаловъ. Что ты все врешь... Скверно, Анна Ѳедоровна... Очень скверно...

Погонкина. Что мнѣ ваши деньги! Кровь... Не нужно ли вамъ чего, братецъ?

Безпаловъ. Нѣтъ, ничего, ступайте... ступайте...

Гриша. Письмо... *(Подаетъ письмо).*

Безпаловъ *(поворачивая его).* Кто подалъ?

Гриша. Посыльный.

Безпаловъ. Хорошо... Ступай... *(Погонкина и Григорій уходятъ. Погонкина ходитъ по гостиной и время отъ времени подходитъ къ дверямъ).*

П. Безпаловъ. Ты опять эту дрянь?.. Охота докторовъ слушать. Ты послушай меня: пей водку—все пройдетъ и ме-

ланхолію какъ рукой сниметъ... Ты посмотри на себя... Какой ты ехидный... Ну, давай же, братъ...

Безпаловъ. Да на... отстань... Мнѣ не жаль... Все равно пропьешь!.. *(Подаетъ деньги).*

П. Безпаловъ. Ого-го-го!.. Пятьдесятъ... Что это за великодушіе сегодня... *(Подаетъ назадъ деньги)* Не ошибся ли?.. Ты, братъ, перемѣни. Нѣтъ?..

Безпаловъ *(читаетъ письмо).* Да нѣтъ... Какая тутъ ошибка! Я въ деньгахъ не ошибался... Это второе письмо... Первое, къ Безумову, было хорошо, а это тоже недурно... И какъ эти подлецы достаютъ письма?.. Первое—Володя мерзавецъ, а это, вѣрно, дѣло рукъ Гришиныхъ... *(Беретъ опять письмо и читаетъ)* «Какъ ни противенъ этотъ старый эгоистъ, какъ ни гадокъ онъ и нравственно и физически, но я рѣшилась... все равно, ему года не прожить...» *(Вскакиваетъ въ бѣшенствѣ и бросаетъ письмо)* А я было-повѣрилъ!.. Хотѣлось повѣрить!.. Лучше бы, если-бъ этихъ писемъ не было... По крайней мѣрѣ имѣлъ бы удовольствіе обманутымъ быть... А теперь... Такъ молода и такая...

П. Безпаловъ. Братъ, ты что это монологи говоришь? Вели подать водки...

Безпаловъ. Вели!..

П. Безпаловъ *(кричитъ).* Мерзавецъ Гришка!.. *(Гриша является).* Водку и закуску... да хорошую... Баринъ позволилъ... *(Гриша уходитъ).*

Безпаловъ *(вынимая изъ кармана пакетъ и письмо).* Ивины съ Володей сумасшедшимъ меня хотятъ сдѣлать... *(Смѣется).* Посмотримъ, кто посмѣется... Ничего этимъ мерзавцамъ... ничего... Лучше пусть пропадутъ мои деньги... Сожгу ихъ лучше!

П. Безпаловъ *(у двери).* Гришка, скорѣй!

Безпаловъ. Только и есть человѣкъ... любилъ меня, но за то и не бываетъ у меня... сынъ мой... Брошенъ былъ... Незаконный... Да развѣ этотъ Петръ, пьяница...

П. Безпаловъ. Да что ты, братъ? Въ самомъ дѣлѣ, что ли, ты тронулся... Вѣдь, знаешь, про тебя говорятъ, что ты того... Это ея превосходительство, наша сестрица, Марья Васильевна, распускаетъ... Еще говорятъ, будто ты женишься... Что же, съ Богомъ!.. *(Опять подходитъ къ двери и принимаетъ изъ рукъ Григорія подносъ).* За твое здоровье... Послушай, выпей...

Безпаловъ. Братъ, брось ты пить!

П. Безпаловъ. Поздно... Не пить мнѣ теперь невозможно... Только этимъ и поддерживаю себя... Иногда, когда запью,

бываетъ только скверно... Ужасно скверно, если-бъ ты зналъ!.. Знаешь ли, братъ, такая тоска... такая... сердце упадаетъ... все это вспомнится, какъ мы дѣтьми были, мать тамъ и все такое... жизнь молодая... И вдругъ, какъ подумаешь, до чего низко упалъ... И самому стыдно и силы нѣтъ... Въ это время просто такъ и тянетъ либо съ пятаго этажа, либо къ ножу... А тоска... И свою низость видишь, и знаешь, что все равно... Выпьешь рюмку отравы этой—опять бодрѣе станешь, но это одинъ обманъ... Черезъ полчаса опять тоска... Опять рюмку... Наконецъ дѣлается просто ужасно... Черти скачутъ... Тоска... Страхъ какой-то...

Безпаловъ. Перебирайся ко мнѣ...

П. Безпаловъ. Нѣтъ... У меня свои пріятели... Чуть запью, откуда ни возьмись, изъ разныхъ трущобъ лѣзутъ... и пьютъ вмѣстѣ... Я ихъ ругаю, они слушаютъ и поютъ пѣсни. Запой кончится—они исчезаютъ... Кто они, гдѣ они... ищи... Такіе же пропойцы...

Безпаловъ. Такъ сумасшедшимъ хотятъ объявить?

П. Безпаловъ. Хотятъ... Ха-ха-ха... Да ты въ самомъ дѣлѣ похожъ... Ишь какая у тебя рожа... злая... На кого ты это злишься? Сестрица! *(Машетъ рукой въ двери).* Хотите рюмочку? *(Погонкина скрывается).* Ахъ, охотница она подглядывать. Еще дѣвочкой любила!

Безпаловъ. Трудно это тебѣ объяснить... Такъ сумасшедшимъ?..

П. Безпаловъ. Ишь зарядилъ... Ты лучше выпей...

Безпаловъ. Увидимъ, увидимъ... Я васъ съ грязью смѣшаю... Подождите, голубчики...

П. Безпаловъ. Сыну деньги шлешь?

Безпаловъ *(мрачно).* Возвращаетъ!

П. Безпаловъ. Уходится... Жизнь сердце смягчитъ. Ну, ты и виноватъ передъ нимъ. Сына прижилъ да и бросилъ... Свинья ты, братъ... Ты меня извини, но вѣдь ты свинья...

Безпаловъ. Не ругайся...

П. Безпаловъ. Ну, не буду... Да что это съ тобой?

Безпаловъ. Скверно мнѣ...

П. Безпаловъ. А ты вотъ выпей... Сестрица! Не угодно ли? *(Погонкина опять скрывается).*

Безпаловъ. Оставь! *(Звонитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Григорій и Ольга.

Безпаловъ. Гриша, поѣзжай сейчасъ къ господину Чижу... проси пріѣхать немедленно. *(Григорій уходитъ и, оборачи-*

ваясь, внимательно глядитъ. Къ Ольгѣ) А, здравствуй, моя красавица!.. Вотъ, братъ, рекомендую: моя невѣста; она хоть и не любитъ меня, но уважаетъ. Она не похожа на другихъ... нѣтъ. Она къ деньгамъ даже отвращеніе чувствуетъ. *(Обнимаетъ ее и цѣлуетъ)* Она... Вѣдь тебѣ не противно? Не правда ли, красавица?.. Посмотри, братъ.. Такіе свѣтлые глаза...

Ольга *(ласкаясь)*. Что съ вами? Вы за докторомъ посылали. Развѣ вамъ хуже?

Безпаловъ. Нездоровится, Ольга, но это ничего, пройдетъ, и черезъ три дня мы будемъ мужъ и жена. Ты не боишься этого, нѣтъ?

П. Безпаловъ *(качая головой)*. Да онъ никакъ тронулся!..

Ольга. Чего же бояться!.. *(Про себя)* Какъ онъ странно говоритъ!..

Безпаловъ *(тихо)*. Меня!.. Развѣ не боишься?.. Ну, ну... я шучу, а ты ужъ и въ самомъ дѣлѣ испугалась!.. Ну, поцѣлуй еще... *(Ольга цѣлуетъ)*. Ты вѣдь одна около меня... честный человѣкъ... Ты обманывать не станешь... ты не похожа на другихъ!.. Вотъ Ивины съ племянникомъ... сумасшедшимъ хотятъ меня сдѣлать... *(Смѣется)*. Засадить въ желтый домъ... Они хотятъ разстроить нашу свадьбу... помѣшать нашему счастію... Но никто не помѣшаетъ?.. Никто... Не правда ли?.. Однако мнѣ что-то нездоровится... Знаешь ли что, моя милая... Обвѣнчаемся поскорѣй... Что ждать?..

Ольга. Если хотите...

Безпаловъ. Еще бы! Ты знаешь, что я хочу, а ты?

Ольга. Я?.. Если вы хотите, то и я рада... Вы знаете... Я обѣщала беречь васъ...

Безпаловъ. Такъ завтра, моя добрая... моя милая... завтра... И ужъ проговорюсь... Я тебѣ готовлю сюрпризъ: пятьдесятъ тысячъ передъ свадьбой...

Ольга. Добрый!.. Зачѣмъ это?.. *(Цѣлуетъ его)*.

Безпаловъ *(едва удерживаясь)*. Святая ты дѣвушка!..

Ольга. Какая я святая!.. Что вы... Вы слишкомъ хвалите...

Безпаловъ. Не скромничай... ты мой ангелъ-хранитель... Вотъ, братъ, наконецъ-то и я счастливъ... Однако мнѣ нездоровится что-то... Ты, Ольга, ступай... Я засну... Ступай. *(Цѣлуетъ ее)*. Похлопочи, чтобы завтра было готово...

Ольга *(про себя)*. Что это такое?.. *(Уходитъ и оборачивается)*. Неужели онъ...

Безпаловъ. Ты, братъ, сдѣлай мнѣ великое одолженіе—никого ко мнѣ не пускай... Ни души, понимаешь?

П. Безпаловъ. Готовъ... Руки — слава Богу! *(Показываетъ кулакъ).* Нездоровится?

Безпаловъ. Да, сильно неможется, пойду—усну... Слышишь, одного только доктора пусти, а то никого...

П. Безпаловъ. Будь спокоенъ и иди... Въ эту комнату только по трупу Пьера Безпалова пройдутъ... *(Безпаловъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Погонкина и П. Безпаловъ.

Погонкина *(бѣжитъ прямо къ спальнѣ).*

П. Безпаловъ *(загораживая рукой).* Атанде!..

Погонкина. Братцу худо... Мало ли что можетъ случиться! Около него никого...

П. Безпаловъ. Ахъ, Анна Ѳедоровна! Чего ты, вдова, юлишь всю свою жизнь! Видно, не пьешь. Если бы пила, бросила бы эту жадность.

Погонкина. Вы сейчасъ... жадность! А родственное чувство?

П. Безпаловъ. Чувство при васъ и останется, а ты, Анна, все-таки усмирись и сядь.

Погонкина. Это наконецъ какъ же? Бѣдный братецъ, быть-можетъ, въ настоящую минуту страдаетъ, а я тутъ!? *(Хочетъ проскользнуть въ двери).*

П. Безпаловъ. Эге! военная хитрость... Шалишь! *(Отводитъ ее).* Склонитесь, сестрица, передъ силою обстоятельствъ *(показываетъ руку)* и сядьте.

Погонкина *(отходитъ).* Безчеловѣчный вы человѣкъ!

П. Безпаловъ. Рюмочку водки, сестрица, а? Не хотите? Такъ я за ваше здоровье! *(Пьетъ)* Вонъ еще «кровь» подходитъ. Эка ихъ сколько! Какъ это они пронюхали скоро и словно воронье на падаль слетаются!.. Сестрѣ Надеждѣ мое нижайшее!..

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Меркулова, Солопова и Перцовъ.

(Вся эта сцена ведется вполголоса).

Меркулова *(бѣжитъ впередъ на цыпочкахъ).* Ну что, какъ братецъ?

П. Безпаловъ *(намѣренно тихо).* Ничего! *(Здороваются).*

Солопова *(идетъ подъ руку съ горничной).* И ты, пьяница, здѣсь? Здравствуй, здравствуй! *(Киваетъ головой).* Что-жъ къ теткѣ не подходишь?

П. Безпаловъ. Извините, тетушка, дверь стерегу.

Солопова *(сердито).* Разбойники, что ли, мы? *(Горничной)*

Сюда, сюда, Аннушка, на диванъ. *(Усаживается)* Подай коробку съ корками.

Меркулова. За докторомъ послали?

П. Безпаловъ. Послали.

Меркулова. Кто-жъ при немъ?

П. Безпаловъ. Да никого. Зачѣмъ безпокоить человѣка!

Меркулова. Бѣдный братъ! Ни въ комъ чувства, только одинъ интересъ! Пойду скажу ему: братъ, не всѣ интересанты, есть и настоящее чувство!

Погонкина. Не вы однѣ, сестрица...

Меркулова. Это позвольте мнѣ знать! *(Хочетъ идти въ кабинетъ).*

П. Безпаловъ *(загораживаетъ рукой).* Сестра! Нельзя!

Меркулова. Какъ, сестрѣ? Я взглянуть.

П. Безпаловъ. И взглянуть нельзя. Онъ спитъ.

Меркулова *(отходитъ).* Я понимаю, понимаю. Вы всѣ противъ меня... Интрига! Хотите съ братомъ поссорить, но правда восторжествуетъ... *(Садится невдалекѣ).*

Солопова. Часовой какой! И тетку не пустишь?

П. Безпаловъ. Не пущу.

Солопова. Ай да молодцы! Послали ли хоть за священникомъ?

П. Безпаловъ. Это зачѣмъ? Съ чего вы это взяли, что братъ такъ плохъ?

Перцовъ *(смѣясь).* Я всѣмъ, признаться, разсказалъ. Сперва отъ Анны Ѳедоровны слышалъ, что болѣзнь приняла опасный оборотъ. Я у нихъ утромъ кофе пилъ, два стакана со сливками, — сливки такія густыя! Анна Ѳедоровна были здѣсь и разсказали, что дяденька Николай Васильевичъ...

П. Безпаловъ. Какой онъ тебѣ дяденька? Онъ тебѣ ни дяденька ни тетенька, а если правду говорить, такъ развѣ троюродный дѣдушка.

Перцовъ. Ну все равно: дѣдушка. Анна Ѳедоровна и говоритъ, что дѣдушка плохи. Сама видѣла. Не ѣстъ, не пьетъ... Ужасно. Отъ Анны Ѳедоровны я вотъ къ бабушкѣ *(указываетъ на Солопову)* завернулъ позавтракать. Бабушка добрая, любитъ угостить... и разсказываю. А онѣ не вѣрятъ. Дали на конку: поѣзжай, говорятъ, у дворника разузнай; лакеи, говорятъ, и швейцары обманываютъ, а дворникъ за двугривенный правду скажетъ. Позавтракалъ, поѣхалъ. Къ дворнику. Далъ ему двугривенный, и онъ сказалъ, что дяденька... дѣдушка, то-есть, очень боленъ, такъ боленъ... Я къ бабушкѣ... сообщилъ, а оттуда маршъ къ Надеждѣ Васильевнѣ, — ужъ и не знаю, какъ онѣ мнѣ приходятся? — обѣдать... четвертый

часъ... Думалъ сообщить новость, но онѣ сами отъ швейцара узнали.

П. Безпаловъ. И это ты такъ каждый день по родственникамъ?

Перцовъ *(смѣется).* Кормятъ... угощаютъ... Гдѣ чай, гдѣ кофе, гдѣ завтракъ, гдѣ обѣдъ. Только врать ужъ заставляютъ очень... Непремѣнно ты имъ новость разскажи. Пойти папироску взять... у дѣдушки турецкія, хорошія... здѣсь и не достать... *(Идетъ къ столу за папироской и возвращается къ Безпалову).*

Солопова. Да когда-жъ пустятъ насъ? Что это, въ самомъ дѣлѣ, я съ Петербургской пріѣхала.

Меркулова *(тихо).* Просили пріѣзжать...

(Погонкина встаетъ и подходитъ къ этажеркѣ).

Меркулова *(слѣдитъ за ней).* Вы, Анна Ѳедоровна, отъ этажерки-то подальше. Неравно упадетъ, брата разбудите.

Погонкина. Не безпокойтесь, пожалуйста... Я, слава Богу, благородная женщина. За мной нечего наблюдать... Наблюдайте за собой.

Меркулова. Mercі... Но все-таки, Анна Ѳедоровна, этажерка такая фражильная... сохрани Богъ, упадетъ... братъ проснется, а ему нуженъ сонъ... Лучше отойдите! *(Погонкина отходитъ и садится около Солоповой).*

Перцовъ *(къ П. Безпалову).* Поѣхали! *(Смѣется)* То-есть такая умора, какъ онѣ за глаза другъ-друга костятъ! Все ты имъ разскажи каждой, сколько ложекъ, вилокъ, тарелокъ, что ѣлъ, что пилъ. Разскажешь—угощаютъ. А ужъ и костятъ же! Иной разъ жалѣешь, что Богъ дарованія не далъ... описать. Только замѣтки о происшествіяхъ и могу. Такъ замѣтками и живешь.

П. Безпаловъ. Врешь, чай?

Перцовъ *(смѣется).* Случается. Не каждый же день новость. Иной разъ и сочинишь новость. Деньги тоже нужны.

Меркулова *(взглядывая вокругъ).* Гдѣ это Гришка мерзавецъ? Надо пойти посмотрѣть. Да и та... Ольга. Того и гляди, пойдетъ теперь въ домѣ грабежъ. *(Тихо пробирается въ гостиную).*

Погонкина. Змѣя!

Солопова. Она еще дѣвочкой все шипѣла. Шипитъ, бывало... Братъ покойный сѣкъ ее, да ничего не сдѣлалъ. Она и мужа своего этимъ шипѣньемъ въ гробъ свела.

Погонкина. Ужъ такой характеръ... Вы, Матрена Васильевна, въ конкѣ?

Солопова. Что ты! Нѣтъ, не люблю я ихъ... срамъ одинъ...

Удивляюсь, какъ въ нихъ дворяне ѣздятъ. Благородную даму и вдругъ какой-нибудь кондукторишко беретъ за талію и этакъ... *(Показываетъ).* Мы съ Анпушкой на извозчикѣ... *(Подаетъ коробку).* Скушайте... корки... сама дѣлала.

Погонкина *(беретъ одну и прячетъ).* Сами?

Солопова. Да ты попробуй. Бери еще, спрячь сыну. Балуешь ты его...

(Изъ спальни слышится кашель. Погонкина привстаетъ).

Солопова. Экъ его! Скверный кашель...

Погонкина. А если бы вы знали, Матрена Васильевна, какая у братца мокрота отдѣляется! Я третьяго-дня спрятала кусочекъ... такая зеленая... и показываю доктору одному знакомому. Онъ качалъ головой... качалъ... Скверное, говоритъ, дѣло.

Солопова. Доктора эти—самые убійцы и есть... Я бы докторовъ... Свадьба, видно, разстроится?

Погонкина. Это самъ Богъ не допустилъ. Жилъ себѣ братецъ холостымъ и вдругъ на старости лѣтъ...

Солопова. И хотя бы благородная, а то... позоръ нашей фамиліи... солдатская дочь... Я думаю, она-то кулакомъ слезы утираетъ...

Погонкина. Каменная она... Богъ ей и слезъ не далъ...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Ивины, Ветлужскій и Леонидъ.

Ивинъ *(продолжая съ Ветлужскимъ разговоръ).* И что-жъ князь?

Ветлужскій. Ничего... Если, говоритъ, Сюзета обманываетъ, то я, говоритъ, возьму Жанету...

Ивинъ *(смѣется).* Успокоился?.. Князя всегда обманывали... Сегодня въ совѣтѣ у насъ интересный разсказывали анекдотъ...

(Ивины и Ветлужскій проходятъ и садятся въ сторонѣ).

Ивина *(озирая въ лорнетъ).* Уже прискакали? *(Кланяется Солоповой и Погонкиной).*

Солопова. Горда стала... еле кивнула.

Погонкина. И не говорите!.. *(Озирается съ безпокойствомъ).* Куда это Меркулиха пошла?

Солопова. Чай, нюхаетъ вездѣ...

Погонкина. Пойти посмотрѣть... *(Уходитъ).*

Ивина. Вѣрно, второе письмо подѣйствовало. Не показывается.

Ивинъ. Не при немъ ли она?.. Ты бы узнала, Agrippine!

Ивина *(подходитъ къ П. Безталову).* Братъ! Пора намъ забыть ссоры... Теперь не время намъ... *(Протягиваетъ руку).*

П. Безпаловъ. Я не ссорился... Вы не пускали меня. И то: пьяница, а у васъ комъ-иль-фо... Я не сержусь!..

Ивина. Ты Николая видѣлъ? Какъ его здоровье?..

П. Безпаловъ. Ничего... Заснулъ. Просилъ не ходить туда.

Ивина. Кто-жъ при немъ?..

П. Безпаловъ *(смѣясь).* Успокойтесь, сестрица... никого...

Ивина. Чего мнѣ безпокоиться. Кажется, я могла спросить... Не чужая...

Ивинъ. Agrippine! *(Ивина идетъ къ мужу).* Ты бы все-таки сходила къ брату...

Ветлужскій. Конечно, ma tante... сходите...

П. Безпаловъ. Нельзя, ваше превосходительство!

Ивинъ *(внушительно).* Это почему?

П. Безпаловъ. Потому...

Ивинъ. Экіе у тебя родные, Agrippine!.. Просто чортъ знаетъ какіе невѣжи!..

П. Безпаловъ *(смѣется).* Ваше превосходительство, не кричите такъ... Тише, пожалуйста... вы люди вѣжливые... брата разбудите. А онъ спитъ и, вѣрно, во снѣ видитъ, какъ его сумасшедшимъ объявляютъ... *(Смѣется).*

Ветлужскій. Это кто же?..

П. Безпаловъ. Кому-жъ, какъ не родственникамъ, милый молодой человѣкъ... Ваше здоровье, генералъ! *(Пьетъ).*

Ивинъ *(тихо).* Тутъ еще на скандалъ нарвешься... Родственники!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, докторъ Чижъ, Ольга, Козенъ, Погонкина, Меркулова, неизвѣстный родственникъ и Гриша.

(Всю эту сцену родственники ходятъ по кабинету, то садятся, то встаютъ, то осматриваютъ вещи. Говорятъ вполголоса).

Чижъ *(проходя, окруженный нѣсколькими лицами).* Безпокоиться, господа, особенно нечего... Больной хорошо сдѣлалъ, что бросилъ нѣмца-доктора и обратился къ намъ; нѣсколько дней — и, пожалуй, было бы поздно. *(Всѣ, кромѣ П. Безпалова, обступаютъ доктора. Онъ останавливается и продолжаетъ, точно читая лекцію).* Мы держимся новой школы: опытная діагноза, правильная гигіена и меньше лѣкарствъ. Я слушалъ больного сегодня утромъ и особеннаго ничего: только въ задне-правой сторонѣ и въ полости маленькій хрипъ... катарральное состояніе... Засимъ есть признаки тимпанита...

Погонкина. Ахъ, Боже мой... Тимпанитъ... Это что же?

Чижъ. Вздутіе, сударыня, вздутіе... Что же касается полости сердца...

Ивина. Докторъ! Какъ ни тяжело намъ, но вы не стѣсняйтесь, говорите прямо: что̀ съ сердцемъ бѣднаго брата?

Чижъ. Сердце, какъ вамъ, господа, извѣстно, устроено вотъ такъ *(сжимаетъ кулакъ)*, и лѣвая задняя сторона стучитъ обыкновенно: тикъ-такъ, тикъ-такъ, но сегодня утромъ я слышалъ: тукъ-тукъ, тукъ-тукъ, и при этомъ съ паузами... Пока опаснаго ничего нѣтъ, но если аорта...

Ивина. Вы не досказываете, докторъ... Я сестра, какъ мнѣ ни грустно, но...

Меркулова *(вставая)*. И я тоже... Не вы однѣ, а то всегда впередъ, точно старшая... Я постарше васъ... Что̀ же, докторъ, у бѣднаго брата?..

(Чижъ продолжаетъ).

Перцовъ *(подходитъ къ П. Безпалову)*. Аорта, право-заднее... Онъ несетъ ерунду, а онѣ... Усь, усь!

Погонкина. Не толкайтесь, сестрица... Мнѣ тоже хочется слышать...

Меркулова *(ядовито)*. Небось, ждете смерти... рады... всѣ вы рады!..

П. Безпаловъ. Я бы его въ шею... Выпей, внукъ Перцовъ... Дернемъ... Эка у тебя карманъ какъ оттопырился. *(Запускаетъ руку)* Полсотни будетъ... Дѣдушкины? *(Смѣется)* Турецкія?

Перцовъ *(конфузясь)*. Всего десятка два... Такихъ здѣсь не достать... Взялъ, чтобы не подходить къ столу каждый разъ...

П. Безпаловъ. Ничего... ничего... Папиросы хорошія... А онъ все лекцію читаетъ... На-ка! *(Наливаетъ рюмку и подаетъ)*.

Перцовъ *(выпиваетъ)*. Крѣпкая... Усь! усь! усь! *(Отходитъ)*.

Солопова. Ахъ, я не слышу, не слышу, голубчики... *(Къ Перцову)*. Валентинъ! Поди сюда. Что̀ говоритъ докторъ?

Перцовъ. Шабашъ, Матрена Васильевна. Аорта, говоритъ, лопнетъ!

Солопова. Аорта!? *(Качаетъ головой)* Ты не врешь?

Перцовъ. Мнѣ что̀ врать... Мнѣ все равно, лопнетъ она или нѣтъ... Развѣ двѣсти рублей какихъ-нибудь, да и то если дѣдушка вспомнилъ, что существуетъ Валентинъ Перцовъ.

Чижъ *(проходя чрезъ толпу въ кабинетъ)*. Конечно, опасно, если психо-патологическія вліянія... *(Уходитъ въ кабинетъ)*.

Солопова. Ничего не понимаю... Валентинъ!

Погонкина *(подходитъ къ двери)*. Я въ щелку!

П. Безпаловъ. Въ щелку можно...

Погонкина *(отходя)*. Ничего не видно...

Солопова. Анна Ѳедоровна!.. Видѣли?.. что?

Погонкина. Ничего... Бѣдный братецъ... Теперь аорта лопнетъ!

Меркулова. Удивляюсь, какъ это вы волнуетесь! Кажется, всего двоюродная.

Погонкина. Другая двоюродная чувствуетъ болѣе родной.

Ветлужскій. Mesdames!.. Теперь не время... Тише, тише... Дядя боленъ, а мы ссоримся...

Меркулова. Не вамъ бы говорить... Вы и радости скрыть не можете...

Козенъ *(Ольгѣ)*. Что это: комедія, или онъ въ самомъ дѣлѣ плохъ?

Ольга *(пожимая плечами)*. Вы слышали доктора...

Козенъ. Слышала, но поняла очень мало. Они такъ смѣшно говорятъ... Это новая манера у нихъ пошла... Сюда я попала нечаянно. Ѣхала мимо, вижу—карета Ивиныхъ, рысакъ Ветлужскаго, вездѣ свѣтъ; останавливаюсь, спрашиваю швейцара: оказывается, весь синклитъ въ сборѣ... Ну и я... Думаю, даровой спектакль... Кстати, ваша свадьба?..

Ольга. Какая?

Козенъ. Полно, полно, вѣдь я слышала и, право, рада была... Вы хорошее дѣло сдѣлаете... Молодой вдовой и съ состояніемъ... *(Смѣется)* Заняла бы у васъ денегъ... Ха-ха-ха... Посмотрите, какія у всѣхъ постныя физіономіи, точно по заказу... Вонъ Ветлужскій въ образѣ примирителя... Недурно! Миритъ родныхъ сестеръ — Ивину съ Меркуловой. Вы слышали, изъ-за чего онѣ возненавидѣли другъ друга? Смотрите... протягиваютъ руки... какъ трогательно!

Ольга. Изъ-за чего?

Козенъ. Изъ-за чайнаго сервиза! Два года тому назадъ, послѣ смерти матери остался серебряный чайный сервизъ, завѣщанія не было, на словахъ онъ былъ обѣщанъ Меркуловой, но Ивина взяла его себѣ, и послѣ того... Смотрите! Миръ не состоялся... Опять сервизъ! *(Хохочетъ)*.

Ивина. Покойная maman его мнѣ обѣщала.

Меркулова. Извините, сестра,—мнѣ!

Ивина. Всѣ знаютъ. Мужъ слышалъ, какъ maman говорила: сервизъ тебѣ!

Меркулова. Еще бы! Какъ же вашему мужу не слыхать, когда онъ у маменьки никогда не бывалъ!

Ивина. Сестра, стыдно! Изъ-за какого-нибудь сервиза!

Меркулова. Такъ возвратите его мнѣ!..

Перцовъ. Усь, усь, усь!

Солопова. Аннушка!.. пододвинь меня поближе... поближе!

Ивина. Съ какой стати! Сервизъ мой.

Меркулова. Конечно, вашъ. Захватили, такъ и вашъ...

Ивина. Послушайте!

Ивинъ. Agrippine!

Ветлужскій *(становясь между ними).* Mesdames! *(Беретъ подъ руку Ивину).*

Меркулова *(отходитъ).* И еще называется сестрой... Господи! Ты видишь!

П. Безпаловъ. Ахъ, вы, родственники, родственники! *(Плюетъ и пьетъ рюмку водки).* Собаки и тѣ лучше, а еще родныя сестры!.. А это еще кто? *(Показываетъ Перцову на неизвѣстнаго родственника, который внимательно разглядываетъ вещи въ кабинетѣ).*

Перцовъ. Вѣрно, тоже родственникъ.

П. Безпаловъ. Приведи-ка его мнѣ.

(Перцовъ идетъ къ неизвѣстному родственнику и ведетъ его къ П. Безпалову).

Ивинъ. Это чортъ знаетъ что за общество! Тамъ у дверей пьяница... А вонъ нищій какой-то. *(Ветлужскому)* Да что-жъ наконецъ! Зачѣмъ мы здѣсь сидимъ?

П. Безпаловъ *(неизвѣстному родственнику).* Вы тоже родственникъ?

Неизвѣстный. Какъ же, какъ же. Моя матушка, Агаѳья Сергѣевна, двоюродная сестра покойной маменьки Николая Васильевича... Онъ мнѣ приходится...

П. Безпаловъ. Да васъ братъ знаетъ?

Неизвѣстный. Я собственно по бѣдности... не бывалъ, но какъ же... должны знать... собственно...

П. Безпаловъ. Вижу, братъ. Ты собственно на огонь пришелъ?

Неизвѣстный. Узналъ я... Конечно, по бѣдности...

П. Безпаловъ. Понимаю. Вотъ тебѣ, родственникъ, пять рублей и ступай съ Богомъ. Водку пьешь? *(Неизвѣстный смѣется).* На рюмку, выпей! *(Подноситъ).* Теперь иди потихоньку. Внукъ Перцовъ, проводи родственника! *(Смѣется).*

Неизвѣстный. Очень обязанъ вамъ, очень! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и докторъ Чижъ.

(При появленіи доктора всѣ подбѣгаютъ къ нему. Ольга съ Козенъ сидятъ въ сторонѣ. Въ это время Меркулова ис-

замѣтно беретъ съ этажерки футляръ, суетъ его въ карманъ и подходитъ къ толпѣ. Евгеній вертится около стола и засматриваетъ въ бумаги. П. Безпаловъ пьетъ).

Чижъ. Господа, я не смѣю скрыть отъ васъ: больной очень плохъ.

Ивина. Бѣдный братъ! Что съ нимъ? Говорите!

Ветлужскій *(тихо Ивину).* Вы бы, Александръ Александровичъ, распорядились, чтобы потомъ двери закрыть. За Григоріемъ надо въ оба...

Меркулова *(порываясь).* Пустите меня къ нему, пустите!

Чижъ. Больной умоляетъ васъ объ одномъ, чтобы къ нему никто не входилъ. Онъ проситъ только брата, Петра Васильевича. *(Къ П. Безпалову).* Пойдемте!

Ивина. Есть ли надежда?

Меркулова. Пустите меня... пустите! Безчеловѣчные! *(Падаетъ на стулъ).*

Чижъ. Надѣяться всегда слѣдуетъ! *(Скрывается съ Безпаловымъ въ дверяхъ).*

(Всѣ говорятъ еще тише. Ходятъ группами. То подходятъ къ двери, то отходятъ).

Ивинъ. Я думаю, сейчасъ же за полиціей.

Ветлужскій. Непремѣнно. *(Проходитъ мимо Меркуловой).* Бѣдная сестра!

Меркулова *(вскакиваетъ).* Да...' я чувствую, а вы... ждете...

Ивинъ. Оставьте ее. Завѣщаніе, вѣрно, у него?

Ветлужскій. Сегодня новое привезъ. Мнѣ Гриша донесъ. Письмо, видно, подѣйствовало. Онъ тогда былъ сильно взволнованъ...

Ивина. Какъ тамъ ни говорите, а жаль брата. Каковъ тамъ онъ ни былъ, но теперь... *(прикладываетъ платокъ)* когда смерть у порога...

Козенъ *(хохочетъ).* Уже и платки на сцену!

Ивина. А эти обѣ? *(Показываетъ на Ольгу и Козенъ).* Парочка! Эта бѣднаго брата свела въ могилу... Онъ полюбилъ ее, а она... *(Плачетъ).*

Ивинъ. Agrippine! успокойся. Евгеній, успокой мать!

Евгеній. Мама, успокойтесь... Всѣ смертны... *(Хлопочетъ около нея).*

Ветлужскій *(Ивину).* Вы бы за столомъ посмотрѣли. Тамъ могутъ быть бумаги, деньги... Агриппина Васильевна, успокойтесь... Что дѣлать!

Солопова *(Аннушкѣ).* Аорта—и конецъ. Богу, бѣдный, не молился... Господа! Что же за священникомъ?

Ивина *(машетъ рукой)*. Тише, тише... дайте ему покой.

Меркулова *(подходитъ къ Гришѣ)*. Вы, Гриша, присматривайте... Не дай Богъ, несчастье... вещи тамъ... серебро... у братца всего много... На васъ можетъ пасть подозрѣніе.

Гриша. Не безпокойтесь, цѣло будетъ. *(Меркулова отходитъ)*. Пойти-ка, въ своемъ дѣлѣ, припрятать. *(Уходитъ, Меркулова замѣчаетъ и хочетъ идти за нимъ)*.

Погонкина *(громко)*. Сестрица, куда-жъ вы?

Ветлужскій. Господа! Я предлагаю затворить двери!

Меркулова. А серебро... Развѣ на людей можно надѣяться?

Ивина *(про себя)*. Ну и на тебя тоже!

Погонкина. Я его позову.

Меркулова. Нѣтъ, нѣтъ... я... я сестра...

Ветлужскій. Позвольте мнѣ пойти?

Меркулова. Не нужно... Онъ идетъ...

(Гриша входитъ и что-то шепчетъ Ветлужскому. Всѣ подозрительно глядятъ).

Ветлужскій. Все, господа, замкнуто.

Козенъ. Вы, Ветлужскій, предусмотрительны.

Ветлужскій. Что дѣлать, Маргарита Васильевна. Поневолѣ... *(Подходя ближе)* А вы, Ольга Николаевна, блѣдная какая... Впрочемъ, что-жъ я! Это такъ понятно. Вы такъ любили Николая Васильевича, и онъ васъ такъ любилъ.

Ольга. Тупо, Ветлужскій... Очень тупо! Исторія съ сумасшествіемъ остроумнѣе! *(Отворачивается)*.

Козенъ. Какъ это?

Ольга. Спросите у него.

Погонкина *(съ безпокойствомъ смотритъ, какъ Ивинъ усаживается у письменнаго стола)*. Ваше превосходительство! вы извините... мы всѣ... у меня сынъ... Тутъ на столѣ... Мало ли что...

Меркулова. У меня дочь... Письменный столъ... священенъ.

Ивинъ *(встаетъ, презрительно оглядывая ихъ)*. Это наконецъ изъ рукъ вонъ... Какіе люди!

Меркулова *(тихо)*. Пусти только козла въ огородъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, Петръ Безпаловъ и докторъ.

Чижъ. Господа...

Меркулова. Онъ ничего не говоритъ... Братъ! *(Рыдаетъ)*.

Чижъ. Все кончено...

(Общее изумленіе. Погонкина хочетъ идти въ спальню, но ее не пускаютъ. Ивина въ обморокъ).

Чижъ. Послѣднее желаніе Николая Васильевича, чтобы до завтра никто не ходилъ... Вотъ Петръ Васильевичъ слышалъ...

П. Безпаловъ. Да... Развѣ черезъ мой трупъ... Я... *(Смѣется).* Рыдайте... *(Шатаясь).* Кричите: ура!

Ивина. Господи!.. Онъ совсѣмъ пьянъ!..

П. Безпаловъ. Да... пьянъ... Тамъ у него... мадера!..

Чижъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ поручено передать вотъ этотъ пакетъ г. Ивину.

Ивинъ *(беретъ пакетъ и читаетъ).* «Прочесть тотчасъ послѣ смерти, въ присутствіи родственниковъ».

Чижъ. Это копія съ послѣдняго духовнаго завѣщанія.

(Всѣ подходятъ къ Ивину и толпятся около).

Ивинъ. Господа! Какъ ни тяжело въ такія минуты намъ всѣмъ, но надо исполнить волю покойнаго.

Ивинъ *(Ветлужскому).* Владиміръ Александровичъ, потрудитесь прочесть.

Ветлужскій *(беретъ завѣщаніе. Всѣ перебѣгаютъ къ нему).* Господа, не лучше ли сѣсть?.. Григорій, вы не уходите!.. Я начинаю. *(Водворяется тишина. Всѣ жадно смотрятъ на завѣщаніе. Ольга и Козенъ въ сторонѣ. П. Безпаловъ сидитъ у дверей. Докторъ Чижъ незамѣтно исчезаетъ).* Засвидѣтельствовано у нотаріуса, все по формѣ. *(Читаетъ)* «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти...» Ну, это обычныя формулы. «Имущество же мое, состоящее въ процентныхъ бумагахъ, акціяхъ и облигаціяхъ...» тутъ слѣдуетъ перечисленіе... «итого восемьсотъ тысячъ...»

Погонкина. Восемьсотъ тысячъ!..

Меркулова. Сестрица, не мѣшайте... воля брата священна!

Ветлужскій *(читаетъ).* «Любезному моему брату Петру Васильевичу пять тысячъ единовременно и пожизненно по девятисотъ рублей въ годъ».

Меркулова. Братъ, вы слышите?..

П. Безпаловъ. Что, а? Слышу... Превосходная мадера..

Ветлужскій *(махая руками).* «Любезной сестрѣ моей Надеждѣ Васильевнѣ Меркуловой пять тысячъ и десять томовъ древней исторіи. Дорогой сестрѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Погонкиной десять тысячъ...»

Погонкина. Спасибо ему, голубчику!..

Меркулова. Братъ, братъ! Ты и за гробомъ меня преслѣдуешь!.. За что?

Ветлужскій *(читаетъ).* «Любезнымъ моимъ племянникамъ...»

Ивина. А я пропущена?

Ивинъ. Вѣрно, ниже. Слушай, Agrippine!

Ветлужскій. «Николаю, Евгенію, Василію, Леониду, Петру, Діонисію, Захару и любезнымъ моимъ племянницамъ Елизаветѣ, Надеждѣ, Василисѣ, Аннѣ... по тысячѣ рублей каждому и каждой».

Евгеній *(тихо)*. Какая скотина!

Ветлужскій. «Милой моей двоюродной сестрѣ Маргаритѣ Васильевнѣ Козенъ десять тысячъ и на тридцать тысячъ ея векселей».

Козенъ *(смѣясь)*. Вотъ и есть на что ѣхать за границу. А векселя напрасно!

Ветлужскій *(читаетъ)*. «Пріемной моей дочери Ольгѣ Николаевнѣ Васильевой тридцать тысячъ».

Ивина. И то не стоитъ. Добрый братъ!

Ольга *(про себя)*. Это что же значитъ?

Ветлужскій *(вдругъ мѣняется въ лицѣ)*.

Всѣ. Читайте, читайте...

Ветлужскій. Это... что же... насмѣшка!..

Перцовъ *(подбѣгаетъ)*. Позвольте, я не нервный... *(Беретъ завѣщаніе)* «Любезному племяннику моему Владиміру Александровичу Ветлужскому пятьсотъ рублей на уплату за подкупъ Григорія...» *(Смѣется)* Сильно... очень сильно выражено! *(Читаетъ)* «Милѣйшей сестрицѣ моей Агриппинѣ Васильевнѣ Ивиной тысячу рублей на возмѣщеніе расходовъ *(смѣется)* по хлопотамъ объ объявленіи меня сумасшедшимъ...» Весьма сильно! *(Останавливается)*.

Ивина *(въ изумленіи)*. Это... это... шутка, Александръ!..

Ивинъ. Это фальшивое завѣщаніе. Не можетъ быть. Онъ сумасшедшій.

Ветлужскій. Не можетъ быть. Онъ сумасшедшій. Конечно!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Безпаловъ.

Безпаловъ *(въ дверяхъ)*. Ха-ха-ха... Фальшивое?.. Добрый вечеръ, милые родственники!.. Ха-ха-ха... Сумасшедшій!?.

(Общее изумленіе. Солопова вскрикиваетъ: «мерзавецъ!..» Погонкина крестится. Перцовъ хохочетъ. Гриша убѣгаетъ).

Безпаловъ. Фальшивое!? Ну, ваше превосходительство, когда же меня въ сумасшедшій... ха-ха-ха! Кто смѣется? Что, объявите? Сестрица, а вы что же... пришли въ себя?.. Въ защиту правъ собственности... да? Эхъ, вы, защитники собственности и охранители, всѣ вы хороши! Вы, Анна Ѳедоровна, не юлите, вамъ десять тысячъ будетъ; вы хоть па-

кости дѣласте изъ-за сына. До свиданія, милые родственники. Спокойной ночи! *(Всѣ расходятся).*

Ивинъ. Я буду жаловаться. Это... это... наконецъ...

Безпаловъ. Ха-ха-ха! Жалуйтесь. Что, племянникъ, возьмешься меня въ сумасшедшіе произвести? Старайся! Ольга, останься на два слова.

Козенъ *(подходя къ Безпалову).* Нечего сказать, хорошъ спектакль... Ай да кузенъ! До свиданія. Да, кстати, я завтра заѣду... попросить денегъ, совсѣмъ à sec. Можно?

Безпаловъ *(улыбаясь).* Васъ ничѣмъ не проймешь. Пріѣзжайте.

Козенъ. За это я васъ поцѣлую. *(Цѣлуетъ и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Безпаловъ, Петръ Безпаловъ и Ольга.

Безпаловъ. Ну, прямая, честная дѣвушка, возьмите ваши письма. *(Подаетъ ихъ)* Сорвалось! Черезъ годъ не будете богатой вдовой? Съ противнымъ эгоистомъ не раздѣлите ложа? *(Смѣется)* Вы умны, но неопытны еще. Ха-ха-ха... Лучше бы сдѣлались любовницей, а? Ну, говорите. *(Бѣшено)* Говори же!

Ольга *(холодно).* Что мнѣ говорить? Вы правы, я неопытна. Въ другой разъ, если встрѣчу такого же развратнаго стараго эгоиста, я буду осторожнѣе.

Безпаловъ. И ты еще смѣешь смѣяться?

Ольга. А вы развѣ смѣете? Вы, награбившій состояніе, вы, взявшій меня съ цѣлью сдѣлать своей любовницей? Это не удалось, такъ вы предложили руку и сердце? Но развѣ я виновата, что вы были такъ недогадливы. Вы повѣрили, что за такого гадкаго, сквернаго эгоиста можно выйти замужъ иначе, какъ не въ надеждѣ, что черезъ годъ онъ умретъ? Ха-ха-ха! Посмотрите на себя въ зеркало. Посмотрите!..

Безпаловъ *(бѣшено).* Подлая... замолчи!

Ольга. Вы жалки... вы... Быть-можетъ, самъ Богъ меня спасъ... отъ этого шага.

П. Безпаловъ. А вѣдь, если правду сказать, братъ, то во всей этой исторіи ты самая большая свинья. Ей-Богу. Я пьянъ... это вѣрно, но сердись не сердись, а ты свинья. Этакую пакость выдумать, такъ надругаться можетъ только великая свинья!.. Чего такъ смотришь!?. Чего злишься?.. Ве-ли-кая свинья!.. И я тебѣ помогалъ... Глядя на васъ, какъ тутъ не запить?.. Невозможно!

Безпаловъ *(въ бѣшенствѣ).* Вонъ... вонъ... всѣ вонъ!.. Мерзавцы! *(Падаетъ въ кресло).*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Гриша.

Гриша *(показывая на дверь).* Пожалуйте!.. *(Ольга и П. Безпаловъ уходятъ. Гриша, подбѣгая къ Безпалову)* Подушечку прикажете? Вишни изволили принимать? Я съ вами, Николай Васильевичъ!

Занавѣсъ.

Оглавленіе

XI ТОМА.

стр.

Равнодушные. Романъ 3

Разсказы.

Оба хороши 301

Мунька 313

Событіе 330

Куда уйти? 354

Пьесы.

На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ 365

Родственники. Сцены изъ современныхъ нравовъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ. 436

PG
3470
375
1906
t.11

Stanîukovich, Konstantin
Mikhaĭlovich
Polnoe sobranie sochinenii

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY